Автор «Пространства Откровения» сочетает НФ-нуар с технотриллером, рисуя будущее в самых мрачных красках.
Library Journal
аластер рейнольдс
АЛМАЗНЫЕ ПСЫ
У Рейнольдса не бывает недостатка в великих идеях.
SF Cite

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Космос Аластера Рейнольдса – «британского Хайнлайна» – не ласков к тем, кто расселился по нему за несколько столетий, преодолев земную гравитацию. Здесь бушуют «звездные войны» между непримиримыми фракциями, на которые раскололось человечество. Здесь плавящая чума – мутация наномеханизмов-вирусов – привела в полнейший упадок высокотехнологичную колонию, достигшую благодаря этим же вирусам невероятного процветания. Здесь подстерегают добычу пиратские корабли с экипажами из генетически измененных животных, а торговцы-ультранавты – люди, добровольно превратившиеся в киборгов, – охотно возьмутся добыть для богатого сноба-коллекционера живое инопланетное чудовище… Тринадцать мастерски написанных повестей и рассказов, тринадцать новых фрагментов гигантской таинственной мозаики, имя которой – «Пространство Откровения». Большинство произведений, вошедших в эту книгу, на русском языке публикуются впервые.

- Аластер Рейнольдс
  -
  - Великая Марсианская Стена[1]
  - Ледник[5]
  - Ночной монолог[6]
  - Шпион на Европе[7]
  - Погода[8]
  - Ремонтный скафандр[9]
  - Сон в растяженном времени[11]
  - Алмазные псы[13]
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
  - Бестиарий Графенвельдера[17]

- Последний экипаж «Лакримозы»[18]
- Бирюзовые дни[19]
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
- «Найтингейл»[21]
- На севере Галактики[22]
- Послесловие[23]

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24

Аластер Рейнольдс
Алмазные псы

Alastair Reynolds
GREAT WALL OF MARS
Copyright © 2000 by Alastair Reynolds
GLACIAL
Copyright © 2001 by Alastair Reynolds
NIGHT PASSAGE
Copyright © 2017 by Alastair Reynolds
A SPY IN EUROPA
Copyright © 1997 by Alastair Reynolds
WEATHER
Copyright © 2006 by Alastair Reynolds
MONKEY SUIT
Copyright © 2009 by Alastair Reynolds
DILATION SLEEP
Copyright © 1990 by Alastair Reynolds
DIAMOND DOGS
Copyright © 2001 by Alastair Reynolds
GRAFENWELDER'S BESTIARY
Copyright © 2006 by Alastair Reynolds
THE LAST LOG OF THE LACHRIMOSA
Copyright © 2016 by Alastair Reynolds
TURQUOISE DAYS
Copyright © 2002 by Alastair Reynolds
NIGHTINGALE
Copyright © 2006 by Alastair Reynolds
GALACTIC NORTH
Copyright © 1999 by Alastair Reynolds
AFTERWORD (GALACTIC NORTH)

Copyright © Alastair Reynolds, 2006
First published by Gollancz, a division of The Orion Publishing Group Ltd., London
All rights reserved

© Г. Л. Корчагин, перевод, 2021
© А. Лактионов, перевод, 2021
© О. В. Ратникова, перевод, 2021
© С. Б. Удалин, перевод, 2021
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

Великая Марсианская Стена [1]

– Ты понимаешь, что можешь там погибнуть? – спросил Уоррен.

Невил Клавэйн посмотрел в единственный глаз брата; второго Уоррен лишился в битве с сочленителями на плато Фарсида.

– Да, понимаю, – ответил он. – Но если начнется новая война, мы все можем погибнуть. Лучше я рискну сейчас, пока есть хоть какая-то надежда на мир.

Уоррен медленно, терпеливо покачал головой:

– Мы уже столько раз через это проходили. Мне кажется, от твоей попытки не будет толку. Пока они там, не может быть никакого мира. Вот чего ты не понимаешь, Невил. Единственное решение, гарантирующее прочный результат, это… – Он смолк.

– Продолжай, – подбодрил его Клавэйн. – Скажи это слово. Геноцид.

Уоррен хотел ответить, но в этот момент в конце стыковочного коридора возникли шум и оживление. Через дверь Клавэйн разглядел толпу репортеров, затем увидел, как кто-то пробирается к выходу, отделываясь от вопросов предельно краткими ответами. Это была Сандра Вой, женщина из партии демархистов, которая собиралась лететь с Клавэйном на Марс.

– Это не геноцид, – возразил Уоррен, прежде чем Вой оказалась в пределах слышимости. – Они просто клика, а не этнически обособленная раса.

– Что же это в таком случае?

– Не знаю. Предусмотрительность?

Подошла Вой. Она держалась прямо, на лице застыла маска безмолвной покорности. Ее корабль только что прибыл из Юпитерианского кольца, завершив трехнедельный полет на максимальной скорости. Все это время шансы на мирное урегулирование кризиса таяли.

– Добро пожаловать на Деймос, – сказал Уоррен.

– Военачальники, – начала она, обращаясь к обоим, – мне жаль, но положение тяжелое. Давайте сразу перейдем к делу. Уоррен, как вы думаете, скоро ли нам удастся найти решение?

– Надеюсь, скоро. Если Галиана будет придерживаться той же тактики, что и в последние полгода, то нам следует ожидать очередной попытки побега через… – Уоррен взглянул на дисплей, встроенный в браслет. – …примерно через три дня. Если она действительно попытается запустить с Марса очередной шаттл, то у нас не останется иного выбора, кроме обострения отношений.

Все понимали, что это означает военный удар по Гнезду сочленителей.

– До сих пор вы терпели ее попытки, – заметила Вой. – И каждый раз полностью уничтожали корабль и всех находящихся на нем людей. Общий риск успешного прорыва не увеличился. Так зачем же отвечать сейчас?

– Очень просто. После каждого нарушения мы посылали Галиане все более жесткие предупреждения. Последнее было окончательным.

– Если вы атакуете, то нарушите договор.

Уоррен улыбнулся, внутренне торжествуя:

– Не совсем, Сандра. Возможно, вы не полностью ознакомлены с особыми условиями договора, но мы обнаружили, что он позволяет нам напасть на Гнездо Галианы, не нарушая никаких условий. Формально это называется полицейской акцией, если мне не изменяет память.

Вой на несколько мгновений потеряла дар речи. Клавэйн не удивился. Договор между Коалицией и сочленителями, который помогали составлять нейтральные демархисты Вой, оказался самым долгоживущим документом, даром что в нем присутствовали кое-какие сумбурные, сгенерированные компьютером математические доводы. Предполагалось, что он будет недвусмысленным, хотя только машины читали его от начала до конца и только машины могли найти в нем лазейку, которой сейчас хвастался Уоррен.

– Нет… – пролепетала она. – Здесь какая-то ошибка.

– Боюсь, что он прав, – возразил Клавэйн. – Я видел краткие справки на нормальном языке – в законности полицейской акции сомневаться нельзя. Но в ней нет необходимости. Я уверен, что смогу уговорить Галиану не предпринимать новой попытки к бегству.

– А если не получится? – теперь Вой смотрела на Уоррена. – Мы с Невилом через три дня, возможно, еще будем на Марсе.

– Мой вам совет: не суйтесь туда.

Рассерженная Вой отвернулась и ушла в зеленую прохладу шаттла. На минуту Клавэйн остался наедине с братом. Уоррен прикоснулся хромированным пальцем протеза к кожаному кружку, закрывавшему его пустую глазницу, словно желая напомнить Клавэйну о том, чего ему стоила война и как мало симпатии он испытывает к врагу.

– У нас нет шансов на успех, верно? – сказал Клавэйн. – Мы летим туда только для того, чтобы ты мог сказать, что испробовал все мирные способы, прежде чем посылать войска. На самом деле ты хочешь очередной войны, будь она проклята.

– Не будь пораженцем, – возразил Уоррен, печально качая головой, как старший брат, разочарованный в неудачнике-младшем. – Тебе не к лицу.

– Пораженец здесь не я, – буркнул Клавэйн.

– Ну, разумеется. Ты просто постарайся как следует, братишка.

Уоррен протянул руку. Помедлив, Клавэйн снова заглянул в единственный глаз брата. На него смотрел инквизитор: глаз был бесцветным и холодным, как январское солнце. И в нем светилась ненависть. Уоррен презирал Клавэйна за пацифизм, за веру в то, что любой мир, даже период настороженного затишья между кризисами, всяко лучше войны. Эти разногласия уничтожили последние родственные чувства, еще теплившиеся между ними. Напоминая сейчас Клавэйну о том, что они братья, Уоррен не скрывал неприязни.

– Ты неверно судишь обо мне, – пробормотал Клавэйн и осторожно пожал Уоррену руку.

– Нет, я правильно сужу. И уверен в этом.

Клавэйн прошел через шлюз, и люк захлопнулся за ним. Вой уже пристегнулась; ее взгляд был безжизненным, словно она смотрела в бесконечность. Клавэйн предположил, что Сандра загрузила копию договора через свои имплантаты – прокручивает его перед мысленным взором, пытаясь найти лазейку; возможно, запустила глобальный поиск ссылок на полицейские акции.

Корабль узнал Клавэйна и подстроил свой интерьер под вкус пилота. Теперь зеленый цвет приобрел бирюзовый оттенок, пульт управления сконфигурировался как можно компактнее, на нем остались только самые важные опции. Несмотря на то что шаттл был самым маленьким мирным судном, на котором доводилось летать Клавэйну, он казался сущей громадиной по сравнению с десантными кораблями, применявшимися на войне, – те были такими крошечными, что облегали пилота, как средневековые доспехи.

– Не волнуйтесь насчет договора, – сказал Клавэйн. – Обещаю вам, Уоррен не получит возможности использовать свою лазейку.

Вой очнулась от транса в раздражении:

– Лучше бы вы оказались правы, Невил. Кто надеется на неудачу – я или ваш брат? – Она говорила по-французски с квебекским выговором, Клавэйну пришлось сделать усилие и переключиться, чтобы понимать ее. – Если мои люди обнаружат здесь скрытый подвох, вам придется чертовски дорого заплатить.

– У Уоррена есть куча причин ненавидеть сочленителей – битва на плато стоила ему слишком дорого, – объяснил Клавэйн. – И он тактик, а не знаток оперативного искусства.

После прекращения огня мои знания о червях стали высоко цениться, так что для меня нашлось дело. Но Уоррен не обладает гибкостью.

– И что, это дает ему право подталкивать нас к новой войне?

Вой говорила так, словно ее люди тоже участвовали в последнем столкновении. Но Клавэйн знал, что она права. Если вражда между Коалицией и сочленителями вспыхнет с новой силой, демархисты не смогут остаться в стороне, как пятнадцать лет назад. И нетрудно догадаться, на чью сторону они станут.

– Войны не будет.

– А если вы не сумеете договориться с Галианой? Или собираетесь воспользоваться личным знакомством?

– Просто я был ее пленником.

Клавэйн взялся за управление – Вой призналась, что пилотирование наводит на нее скуку, – и поднял шаттл с Деймоса. Они полетели по касательной к экваториальному кольцу, окружавшему спутник, и сразу перешли в свободное падение. Клавэйн пальцем начертил на стене прямоугольник, который тотчас превратился в иллюминатор.

На мгновение перед Клавэйном мелькнуло отражение в стекле. Он выглядел гораздо старше своего возраста, седая борода и волосы делали его похожим скорее на дряхлого старца, измученного жизнью, чем на степенного патриарха. Потушив свет в кабине, Клавэйн испытал некоторое облегчение: он увидел Деймос, уменьшавшийся с потрясающей скоростью. Темная громада дальнего из двух спутников Марса, окруженная яркой, усеянной окнами лентой подвижного кольца, щетинилась орудиями. Последние девять лет Деймос был миром Клавэйна, но сейчас этот мир, казалось, можно было обхватить большим и указательным пальцами.

– Не просто пленником, – возразила Вой. – Никто, кроме вас, не возвращался от сочленителей в здравом уме. Они даже не пытались внедрить в вас свои машины.

– Верно, не пытались. Но лишь потому, что время было на моей стороне. – Клавэйн повторял старые аргументы, стараясь убедить не только Вой, но и себя. – Я был у Галианы единственным пленником. Тогда она проигрывала войну, еще один новообращенный не изменил бы ситуацию. Условия прекращения огня были тщательно продуманы, и она знала, что может получить выгоду, отпустив меня целым и невредимым. Но было и еще кое-что. Мы считали, что сочленители не способны на такие примитивные чувства, как милосердие. Для нас они были пауками. Поступок Галианы изменил это представление. Среди высшего командования возникли разногласия. Если бы она не

отпустила меня, то по ее Гнезду вполне могли бы нанести ядерный удар.

– Значит, ничего личного?

– Да, – ответил Клавэйн. – Абсолютно ничего личного.

Вой кивнула, в остальном никак не показывая, что верит ему. В этом искусстве некоторые женщины достигают совершенства, подумал Клавэйн.

Разумеется, он очень уважал Вой. Она была в числе первых людей, которые несколько десятилетий назад проникли в океан Европы. Сейчас планировалось сооружение сказочных городов подо льдом – она возглавляла этот проект. Предполагалось, что демархистское общество не имеет структуры и иерархии, но люди, обладавшие талантами Вой, возвышались, передвигаясь по созданным ею самой инстанциям. Она содействовала мирным переговорам между сочленителями и Коалицией Клавэйна. Вот почему она летела сейчас на Марс: Галиана согласилась на визит Клавэйна только при условии, что его будет сопровождать нейтральный наблюдатель, и очевидный выбор пал на Вой.

Уважать Сандру было легко. Однако доверять ей оказалось гораздо сложнее: Клавэйну пришлось бы игнорировать тот факт, что женщина-демархист с головой, нашпигованной имплантатами, мало чем отличалась от врагов.

Спуск на Марс был трудным – они садились под прямым углом.

Один или два раза их засекли автоматические системы слежения, расположенные в сети заградительных спутников. Орудия, парившие над Гнездом, вращаясь синхронно с орбитой Марса, на несколько секунд нацелились на корабль, рейлганы приготовились к бою, но затем выяснился дипломатический статус шаттла, и ему позволили лететь дальше. Заграждение действовало весьма эффективно – иначе и быть не могло, ведь Клавэйн сконструировал его сам. За пятнадцать лет ни один корабль не смог ни войти в атмосферу Марса, ни покинуть ее, и ни одно наземное средство передвижения не выбралось из Гнезда Галианы.

– Вот она, – произнес Клавэйн, когда за горизонтом показалась Великая Марсианская Стена.

– Почему вы говорите об этом сооружении в женском роде? – удивилась Вой. – Я никогда не чувствовала потребности персонифицировать его, хотя это мое создание. А кроме того… даже если когда-то оно было живым, сейчас оно мертво.

Она была права, но на Стену по-прежнему нельзя было смотреть без благоговейного восхищения. С орбиты она

представлялась бледной окружностью на поверхности Марса диаметром две тысячи километров. Подобно коралловому атоллу, она поддерживала внутри собственные погодные условия; диск голубого воздуха, усеянный кремово-белыми облаками, резко обрывался на границе Стены.

Когда-то внутри этой ячейки в теплой, плотной, богатой кислородом атмосфере существовали тысячи поселений. Стена стала самым дерзким и зрелищным из проектов Вой. Логика была нерушима: требовался быстрый способ сделать из Марса подобие Земли, не прибегая к таким времяемким общепринятым методикам, как бомбардировка кометами или растапливание полярных шапок. Стена позволяла сконцентрировать первые усилия на относительно малом участке диаметром в тысячу километров, вместо того чтобы модифицировать сразу всю атмосферу. Здесь отсутствовали достаточно глубокие кратеры, так что Стена была полностью искусственной: огромная кольцеобразная атмосферная дамба, спроектированная таким образом, чтобы медленно расширяться, охватывая все большую область поверхности со скоростью двадцать километров в год. Стену пришлось сделать очень высокой, так как в условиях марсианской гравитации для возникновения определенного давления атмосферный столб должен быть выше, чем на Земле. У поверхности ее валы, темные, как глетчерный лед, имели сотни метров в толщину; они пускали корни глубоко в литосферу, выискивая руду, требуемую для непрерывного роста Стены. Но на высоте двухсот километров Стена представляла собой прозрачную мембрану толщиной всего несколько микрон, абсолютно невидимую, кроме тех моментов, когда редкие оптические эффекты заставляли ее сверкать на фоне звезд, словно полярное сияние. Инженеры-экологи заселили пригодное для жизни пространство внутри Стены организмами с Земли, их генетические наборы были тщательно модифицированы в орбитальных лабораториях. Флора и фауна распространялись, словно живые волны, и нетерпеливо плескались о границы Стены.

Но Стена была мертва.

Она прекратила расти во время войны, пораженная каким-то биологическим оружием, которое повредило ее репродуцирующие механизмы, и теперь даже экосистема внутри нее гибла: атмосфера охлаждалась, кислород улетучивался в космос, давление необратимо приближалось к марсианской норме – одна семитысячная земного давления.

Он подумал, каково Вой видеть все это? Может быть, она смотрит на Стену как на умершее дитя?

– Жаль, что нам пришлось убить ее, – произнес Клавэйн.

Он собрался уже добавить, что подобные действия оправдываются войной, но решил, что это прозвучало бы беспомощно, словно он защищается.

– Вам не нужно извиняться, – ответила Вой. – Это было всего лишь механическое оборудование. Честно говоря, я удивляюсь, что оно просуществовало так долго. Видимо, там еще остались какие-то механизмы ликвидации повреждений. Как вам известно, мы, демархисты, построили ее для последующих поколений.

Да, и это заботило его людей. Говорили об ограничении превосходства демархистов во внешней области Солнечной системы, предлагали даже установить господство Коалиции вокруг Юпитера.

Они скользнули по верхушке Стены и прошли сквозь исчезающие слои атмосферы внутри нее, при этом корпус шаттла принял заостренную форму. Почва выглядела иссушенной, безжизненной, повсюду виднелись разрушенные дома, проломленные купола, развороченные автомобили, сбитые шаттлы. Мелькали пятна тундровой растительности с неглубокими корнями, в основном темно-красного цвета: пушица, камнеломка, арктические маки и лишайник. Клавэйн узнавал каждое растение по четкому инфракрасному следу; теперь, когда занесенные сюда виды птиц вымерли, растения также угасали. Лед лежал огромными серебристыми пластами, лишь небольшие, оставшиеся незамерзшими участки воды подогревались скрытыми в почве термоэлементами. Повсюду целые участки покрылись почти бесплодным слоем вечной мерзлоты. Здесь мог бы цвести настоящий рай, подумал Клавэйн, если бы не война. И все же, если они допустят новую войну, уже происшедшее здесь побледнеет перед картиной опустошения, которое воцарится во всей системе, на Земле и Марсе.

– Вы уже видите Гнездо? – спросила Вой.

– Подождите секунду, – ответил Клавэйн, глядя на подвижный дисплей, который отображал вид на поселение. – Вот оно. Хороший термический след. На мили вокруг ничего нет – по крайней мере, никаких живых существ.

– Да, теперь вижу.

Гнездо сочленителей располагалось на расстоянии примерно трети диаметра от стены, недалеко от подножия горы Арсия. Лагерь имел в окружности всего километр и был окружен насыпью, с внешней стороны которой накопилась груда пыли. Пространство внутри Великой Марсианской Стены было достаточно большим, и здесь имелся свой особый климат. Она простиралась довольно далеко с севера на юг планеты, и здесь действовали заметные кориолисовы силы[2]; распространилась

достаточно далеко с запада на восток для того, чтобы в результате ежедневного нагревания и охлаждения возникали потоки воздуха.

Теперь он видел Гнездо гораздо отчетливее – из дымки выступали отдельные детали.

Внешне планировка была ему отлично знакома. С тех пор как прекратился вооруженный конфликт, команда Клавэйна изучала Гнездо с наблюдательного пункта на Деймосе. Фобос, имеющий более низкую орбиту, разумеется, еще лучше подходил для этой цели, но здесь уже ничего нельзя было поделать, и возможно, проблема Фобоса даже пригодится Клавэйну в переговорах с Галианой. Руководительница находилась где-то в Гнезде, он знал это – под одним из двадцати куполов различного размера, расположенных внутри насыпи, связанных герметичными тоннелями или сливающихся стенками, словно мыльные пузыри. Гнездо имело несколько десятков уровней, уходивших под поверхность Марса, а может быть, даже больше.

– Как думаете, сколько там внутри людей? – спросила Вой.

– Девятьсот человек или около того, – ответил Клавэйн. – Эта оценка основана на сведениях, полученных мною в плену, к тому же нам известно, что с тех пор в попытках к бегству погибли около сотни. Должен признаться, что в основном это наши предположения.

– Наши оценки совпадают. Тысяча или чуть меньше здесь, и, возможно, еще три-четыре тысячи разбросаны по системе, по меньшим Гнездам. Я знаю, ваши люди думают, что у нас есть более точные сведения, но это не так.

– Я вам верю.

Корпус шаттла изгибался вокруг них, принимая очертания, подходящие для полета на небольшой высоте. У него выросли широкие крылья, как у летучей мыши.

– Я просто надеялся, что у вас могут быть какие-то догадки насчет того, почему Галиана продолжает рисковать драгоценными жизнями в попытках к бегству.

Вой пожала плечами:

– Возможно, для нее жизни не настолько драгоценны, как вы считаете.

– Вы и в самом деле так думаете?

– Мне кажется, мы не можем постичь образ мышления общества коллективного сознания, Клавэйн. Даже с точки зрения демархистов.

Со стороны приборной панели донеслось чириканье – Галиана подавала им сигнал. Клавэйн настроился на канал, зарезервированный для дипломатических переговоров между

Коалицией и сочленителями.

– Невил Клавэйн? – услышал он.

– Да. – Он попытался говорить как можно спокойнее. – Со мной Сандра Вой. Мы готовы приземлиться, как только вы укажете нам место.

– Отлично, – произнесла Галиана. – Направьте корабль к западной части ограждения. И прошу вас, будьте осторожнее.

– Благодарю. Есть какие-то особые причины для осторожности?

– Просто поторопись, Невил.

Они сделали вираж над Гнездом, сбрасывая скорость, и теперь скользили всего в нескольких десятках метров над источенной ветрами поверхностью Марса. В цементной стене открылась широкая прямоугольная дверь, за которой виднелся отсек ангара, сияющий желтыми огнями.

– Должно быть, отсюда Галиана запускает свои шаттлы, – прошептал Клавэйн. – Мы всегда считали, что в западной части стены должен существовать широкий проход, но нам не удавалось получить хорошую картинку.

– Однако по-прежнему неясно, зачем она это делает, – заметила Вой.

Панель снова пискнула – связь была плохой, хотя они находились совсем близко.

– Нос выше, – велела Галиана. – Вы летите слишком низко и медленно. Немного поднимитесь, иначе вас засекут черви.

– Ты что, хочешь сказать, что здесь есть черви?! – воскликнул Клавэйн.

– Мне казалось, что ты эксперт по червям, Невил.

Он задрал нос, но было уже поздно. Впереди из земли с молниеносной скоростью выросло нечто: в пыли извивались кольца, в тупой бронированной голове сверкали металлические челюсти. Он сразу же определил: класс «Уроборос». Черви этого вида инфицировали сотни уголков во всей системе. Не такие высокоорганизованные, как тип, наводняющий Фобос, но все же весьма опасные.

– Вот же дерьмо! – выругалась Вой; на мгновение холодный демархистский лоск слетел с нее.

– Полностью с вами согласен, – произнес Невил.

Уроборос нырнул под шаттл, раздался леденящий кровь стук: челюсти вонзились в днище. Клавэйн почувствовал, что корабль тошнотворно накренился, это был уже не летательный аппарат, а пособие по баллистике. Прохладный, скупой бирюзовый интерьер перетек в аварийную конфигурацию, замигали сообщения об опасности, данные о статусе вооружений. Сиденья под

пассажирами надулись.

– Держитесь, – предупредил Клавэйн. – Мы идем вниз.

К Вой вернулось спокойствие.

– Думаете, нам удастся вовремя добраться до Гнезда?

– Шансов крайне мало. – Он все равно сражался с рычагами, но положение не улучшалось, земля угрожающе быстро неслась навстречу. – Жаль, что Галиана не предупредила нас чуть-чуть раньше…

– Наверное, она думала, что мы уже знаем.

Удар о землю оказался сильнее, чем ожидал Клавэйн, но шаттл не разлетелся на куски, а сиденье спасло от повреждений. Корабль занесло на несколько метров, затем он налетели на песчаный холм и застыл кверху носом. В иллюминатор Клавэйн увидел белого червя – робот полз к ним, изгибаясь членистым телом.

– Похоже, нам конец, – произнесла Вой.

– Не совсем, – возразил Клавэйн. – Вам это не понравится, но…

Умолкнув, он включил скрытые орудия шаттла. С потолка спустился прицел; глядя в него, Клавэйн поймал в перекрестье уробороса. Совсем как в старые времена…

– Чтоб вас! – буркнула Вой. – Это планировалось как мирная миссия!

– Можете подать официальную жалобу.

Корпус содрогнулся от отдачи. В боковой иллюминатор они увидели, как белый червь разлетелся на короткие сегменты. Обломки вонзились в песок.

– Хороший выстрел, – похвалила Вой нехотя. – Он обезврежен?

– На время, – ответил Клавэйн. – Сегменты соединятся в действующего червя, но на это им потребуется несколько часов.

– Отлично, – сказала Вой, выбираясь из кресла. – Только официальная жалоба будет, попомните мои слова.

– Вы предпочли бы, чтобы червь нас съел?

– Я просто ненавижу двуличие, Клавэйн.

Он снова включил рацию:

– Галиана? Мы сели. Попали в переделку, но оба целы.

– Слава богу. – Старая манера выражаться отмирала с трудом, даже у сочленителей. – Но вам нельзя там оставаться. На этой территории есть и другие черви. Как думаете, сможете добраться до Гнезда пешком?

– Всего двести метров, – сказала Вой. – Это будет нетрудно.

Да, двести метров, но двести метров по ненадежной почве, покрытой ямами, трещинами и прочими полостями, где может

скрываться дюжина червей. А потом придется карабкаться по стене, чтобы добраться до дверей ангара, находящихся на высоте десяти-пятнадцати метров над землей.

– Будем надеяться, что да, – ответил Клавэйн.

Он отстегнул ремни и, впервые встав на ноги в марсианской гравитации, почувствовал легкое головокружение. Слишком привык к гравитации кольца Деймоса, созданной для удобства земных тактиков. Подойдя к аварийному шкафчику, он нашел маску, которая удобно облегала лицо, другую дал Вой. Подсоединив баллоны с воздухом, они направились к двери шаттла. На этот раз, когда она открылась, проем оказался затянут блестящей мембраной – это была недавно запатентованная новинка демархистской технологии. Клавэйн шагнул в мембрану, и та облепила его с мокрым хлюпающим звуком. Когда он спрыгнул на землю, пленка уже затвердела вокруг его ступней и начала, оставаясь прозрачной, образовывать сочленения и складки.

Вой вышла вслед за ним, тоже в прозрачном скафандре.

Они побежали прочь от разбитого шаттла, направляясь к стене. Если поблизости есть черви, то они вмиг уловят вызываемые бегущими сотрясения почвы. Возможно, сейчас роботов больше интересует корабль, но на это нельзя рассчитывать. Клавэйн отлично разбирался в поведении червей, знал основные механизмы, которые руководили ими, но это знание не гарантировало выживание. Оно едва не подвело его на Фобосе.

Маска прилипла к лицу. Считалось, что воздухом у основания Великой Марсианской Стены можно дышать, но не имело смысла проверять это, когда дорога́ была скорость. Ноги еле отрывались от земли, и хотя он продвигался вперед, Стена никак не желала приближаться. Она была выше, чем казалось с места крушения, и находилась по крайней мере вдвое дальше.

– Еще червь, – сказала Вой.

С западной стороны из песка выпростались белые кольца. Уроборос, извиваясь, зигзагами приближался к ним с хищным спокойствием, понимая, что можно не торопиться. В тоннелях Фобоса у людей не было этого преимущества – заранее знать о приближении червя. Враги наносили удар из засады, быстрые, как питоны.

– Бежим! – скомандовал Клавэйн.

В отверстии высоко над землей показались темные фигуры. Со Стены упала веревочная лестница. Клавэйн, направляясь к основанию Стены, не старался ступать осторожнее. Он знал, что червь уже нацелился на него.

Он оглянулся.

Червь приостановился у брошенного шаттла, затем ударил головой с алмазными челюстями по корпусу, проткнув его насквозь. Робот встал на дыбы, корабль повис на нем, словно гирлянда. Затем червь встряхнулся, и шаттл разлетелся, словно истлевший скелет. Червь снова обратил внимание на Клавэйна и Вой. Подобно гремучей змее, он вытащил из песка свое тридцатиметровое тело, свернулся кольцом и покатился к ним, точно колесо.

Клавэйн добежал до лестницы.

Когда-то он мог взбираться без помощи ног, даже при одном *g*, но сейчас лестница ходила ходуном, словно живая. Вскоре Клавэйн обнаружил, что земля уходит вниз быстрее, чем он карабкается. Сочленители втаскивали его на Стену.

Оглянувшись, он увидел, что Вой споткнулась.

– Сандра! Нет!

Она попыталась встать, но было уже поздно. Когда червь обрушился на Сандру, Клавэйну оставалось лишь отвернуться и молиться, чтобы ее смерть была легкой. Если эта смерть оказалась бессмысленной, подумал он, то по крайней мере пусть она будет быстрой.

Затем Клавэйн вспомнил о себе.

– Быстрее! – крикнул он, но из-за маски вместо крика раздалось какое-то паническое мычание.

Он забыл настроить передатчик скафандра на нужную частоту.

Червь с разбегу ударился о Стену, затем поднялся на дыбы, раскрыв пасть – обрамленную алмазами дыру, похожую на бур проходческого щита. Клавэйн заметил на краю Стены несколько сочленителей: опустившись на колени, они целились вниз из ружей. Червь извивался в бешенстве. Клавэйн увидел, что по песку к нему приближаются другие черви. Должно быть, Гнездо окружали десятки чудовищ. Неудивительно, что люди Галианы почти не предпринимали попыток сбежать по земле.

Клавэйна подняли еще на десять метров, и он оказался в безопасности. На поврежденном черве, в тех местах, где его шкуру задели выстрелы, проглядывали кибернетические схемы. Разъяренный робот обрушивался на Стену, откалывая куски бетона размером с хороший валун. Когда Клавэйна тащили наверх, он чувствовал, как сотрясается Стена.

Червь снова ударил, и Стена содрогнулась еще сильнее. С ужасом Клавэйн увидел, как один из сочленителей сорвался и полетел прямо на него. Время будто замедлило ход. Клавэйн машинально прижался к Стене, вцепившись в лестницу. Внезапно

он схватил пролетавшего мимо человека за руку. Сочленитель был субтильным, но даже в марсианской гравитации рывок был таким сильным, что оба едва не отправились вниз, к уроборосу. Клавэйну казалось, что его руки вылетают из суставов, трещали хрящи, но он ухитрился удержать и сочленителя, и лестницу.

У основания Стены сочленители без труда дышали воздухом. На незнакомце был только легкий костюм, нечто вроде серой шелковой пижамы с поясом. Марсианская внешность – запавшие щеки и голый череп – придавали этому человеку сходство с мертвецом. Но он каким-то образом ухитрился не выронить оружие, которое держал в другой руке.

– Отпустите, – сказал человек.

Червь все приближался, несмотря на ущерб, причиненный ему сочленителями.

– Нет, – ответил Клавэйн сквозь зубы и искаженную мембрану на лице. – Я вас не отпущу.

– У вас нет выбора. – Голос был бесстрастен. – Нас обоих поднять не успеют.

Клавэйн вгляделся в лицо сочленителя, пытаясь определить его возраст. Тридцать, а может, и меньше – внешность сильно старит его. Клавэйн был явно раза в два старше, он прожил более богатую событиями жизнь, трижды или четырежды удачно избегал смерти.

– Это я должен умереть, а не вы.

– Нет, – возразил сочленитель. – Они найдут способ взвалить на нас вину за вашу смерть. Для них это станет поводом к войне. – Человек невозмутимо направил ружье и вышиб себе мозги.

Скорее от потрясения, чем от мысли, что незнакомца уже не спасти, Клавэйн отпустил его. Мертвец полетел вниз, в пасть червя, который только что расправился с Сандрой Вой.

Ничего не чувствуя, Клавэйн позволил вытащить себя в безопасное место.

Когда бронированная дверь ангара закрылась, сочленители обрызгали скафандр Клавэйна жидкостью, содержащей ферменты. Те за несколько секунд растворили материал, и задыхающийся Клавэйн оказался в луже слизи. Затем с помощью двоих сочленителей он нетвердо встал на ноги и через некоторое время, приложив к лицу маску, смог нормально дышать. Сквозь слезы, выступившие от напряжения, он рассмотрел, что ангар набит полусобранными кораблями – скелетами, похожими на акул, предназначенными для того, чтобы мгновенно пронзать атмосферу.

– Сандра Вой погибла, – сказал он, убрав маску.

Разумеется, сочленители отлично видели это, но ему казалось бесчеловечным не упомянуть о случившемся.

– Я знаю, – ответила Галиана. – Но по крайней мере выжил ты.

Клавэйн подумал о незнакомце, упавшем в пасть червя.

– Я сожалею о твоем… – Он смолк; несмотря на свои глубокие знания о сочленителях, он понятия не имел, как назвать этого человека.

– Пытаясь спасти его, ты подвергал свою жизнь опасности.

– Ему не нужно было умирать.

Галиана с глубокомысленным видом кивнула:

– Может, и не нужно. Но ты сильно рисковал. Ты слышал, что он сказал. Твою смерть объяснили бы нашим злым умыслом, это стало бы оправданием для превентивного удара по Гнезду. Даже демархисты обратились бы против нас, если бы решили, что мы убили дипломата.

Сделав еще один глоток воздуха из маски, Клавэйн взглянул в лицо собеседнице. Он разговаривал с Галианой по низкочастотным видеоканалам, но лишь оказавшись рядом с ней, убедился, что за пятнадцать лет эта женщина почти не изменилась. За полтора десятка лет привычное выражение лица должно было впечатать в ее кожу жесткие линии, но у сочленителей не бывает привычного выражения лица. В эти годы Галиана видела мало солнечного света, сидя здесь, в Гнезде, а в марсианской гравитации кости сохранялись гораздо лучше, чем на Деймосе. Она все еще блистала той жестокой красотой, которую он помнил со времени своего плена. Единственным свидетельством старения были серебряные нити в волосах, когда-то черных, словно вороново крыло.

– Почему ты не предупредила нас насчет червей?

– Предупредить вас? – Впервые на ее лице отразилось нечто вроде сомнения, но это продолжалось лишь миг. – Мы считали, что вы отлично знаете о заражении уроборосом. Эти черви многие годы спали – были неактивны, но они всегда присутствовали кругом. Только увидев, как неосторожно вы приближаетесь, я поняла…

– Что мы не в курсе?

Черви представляли собой оборонительное оружие – это были автономные мины-охотники. После войны во многих частях Солнечной системы остались места, занятые активными червями. Эти машины были в некотором смысле разумными. Никто никогда не признавался в применении червей, и было почти невозможно объяснить им, что война закончилась и они должны

тихо прекратить свое существование.

– После того, что произошло с тобой на Фобосе, – сказала Галиана, – я решила, что насчет червей тебя учить нечему.

Он не любил вспоминать о Фобосе – боль въелась слишком глубоко. Но если бы не полученные там увечья, его нипочем бы не отправили на Деймос поправляться, не завербовали бы в возглавляемую его братом разведку – собирать информацию о сочленителях. Тщательно изучив все, что касалось противника, Клавэйн смог стать посредником – а теперь даже дипломатом – накануне новой войны. Сейчас Фобос занимал центральное место в его мыслях, этот спутник представлялся ему выходом из тупика – возможно, последним шансом на мирный исход. Но было еще слишком рано делиться этими идеями с Галианой. Он даже не был уверен, что его миссия будет продолжена после того, что случилось.

– Я так понимаю, что сейчас мы в безопасности?

– Да, мы способны исправить ущерб, нанесенный Стене. В принципе на червей можно не обращать внимания.

– Нас должны были предупредить. Послушай, мне нужно поговорить с братом.

– С Уорреном? Конечно. Это легко устроить.

Они вышли из ангара, прочь от недостроенных кораблей. Клавэйн знал, что где-то глубоко в недрах Гнезда есть завод, изготавливающий компоненты для этих кораблей из материалов, добываемых на Марсе, или из отходов жизнедеятельности Гнезда. Сочленители ухитрялись запускать корабль примерно раз в полтора месяца, это продолжалось уже полгода. Ни одному кораблю не удалось покинуть атмосферу Марса – они были сбиты… Рано или поздно придется спросить Галиану, почему она упорствует в этом безрассудстве.

Но сейчас не время для этого – даже если поверить словам Уоррена о том, что до следующей провокации осталось всего три дня.

Воздух в Гнезде был плотнее и теплее, чем в ангаре, а это означало, что Клавэйн мог обойтись без маски. Галиана провела его по короткому коридору с серыми металлическими стенами в круглую комнату с пультом. Он узнал эту комнату – отсюда Галиана говорила с ним, когда он был на Деймосе. Она показала, как пользоваться системой, и, пока он устанавливал связь с Деймосом, оставила его одного.

Вскоре на экране возникло лицо Уоррена, составленное из крупных точек, словно портрет в стиле импрессионизма. Сочленителям разрешали отправлять в другие части системы не более нескольких килобайт в секунду. Большая часть частот

охватывалась этим единственным видеоканалом.

– Думаю, ты уже слышал, – сказал Клавэйн.

Уоррен кивнул, его лицо было пепельно-серым:

– Разумеется, мы же получаем хорошую картинку с орбиты. Достаточно хорошую, чтобы увидеть, что стало с Вой. Бедная женщина. Мы были уверены, что ты спасся, но я рад получить подтверждение.

– Хочешь, чтобы я прервал миссию?

Уоррен ответил после паузы:

– Нет… Я думал об этом, разумеется, и высшее командование согласно со мной. Смерть Вой – трагедия, от этого никуда не денешься. Но она летела вместе с тобой лишь в качестве нейтрального наблюдателя. Если Галиана позволит тебе остаться, предлагаю так и сделать.

– Но ты по-прежнему считаешь, что у меня только три дня?

– Это зависит от Галианы, верно? Ты что-нибудь узнал?

– Издеваешься? Я видел только шаттлы, готовые к полету, больше ничего. И я не начинал разговора о Фобосе. Время сейчас не совсем подходящее, после того, что случилось с Вой.

– Да. Если бы только мы знали об этих уроборосах…

Клавэйн склонился ближе к экрану:

– Вот именно. Почему, черт побери, мы не знали? Галиана считала, что мы знаем, и я ее за это не виню. Мы вели постоянное наблюдение за Гнездом в течение пятнадцати лет. Разумеется, за это время мы должны были заметить червей.

– Тебе нравится так думать?

– Что ты хочешь сказать?

– Я хочу сказать, что черви, возможно, не всегда были там.

Понимая, что разговор не может быть конфиденциальным, но не желая уходить от этой темы, Клавэйн переспросил:

– Считаешь, сочленители устроили нам засаду?

– Я считаю, что нельзя пренебрегать ни одной версией, какой бы неприятной она ни была.

– Галиана не способна на такое.

– Верно, не способна. – Она только что вернулась в комнату. – И я разочарована тем, что вы вообще стали обсуждать такую возможность.

Клавэйн прервал связь с Деймосом:

– Знаете, подслушивание – не очень красивая привычка.

– А чего ты ждал от меня?

– Неужели ты мне совсем не доверяешь? Или это требует слишком больших усилий?

– Когда ты был моим пленником, мне не нужно было доверять тебе, – ответила Галиана. – Это сильно упрощало наши

взаимоотношения. Наши роли были определены.

– А сейчас? Если ты мне настолько не доверяешь, зачем согласилась принять? Вместо меня могло бы отправиться множество других специалистов. Ты вообще имела возможность отказаться от переговоров.

– Люди Вой давили на нас, чтобы мы согласились на ваш визит, – пояснила Галиана. – Так же как давили на вас, чтобы вы еще на некоторое время воздержались от насилия.

– И это все?

На сей раз она слегка помедлила:

– Я… знаю тебя.

– Знаешь меня? Ты так называешь год тюремного заключения? А как насчет тысяч разговоров между нами – когда мы забывали наши разногласия, чтобы потолковать о чем-то еще, кроме проклятой войны? Я ушел от тебя в здравом уме, Галиана. Я никогда не забывал об этом. Вот почему я рискую жизнью, чтобы попасть сюда и отговорить тебя от новой провокации.

– Теперь дело обстоит совершенно по-другому.

– Ну конечно! – Он едва сдерживался, чтобы не закричать. – Конечно, по-другому. Но главное не изменилось. Мы все еще можем восстановить это доверие и найти выход из кризиса.

– А разве твои сторонники действительно хотят найти выход?

Клавэйн ответил не сразу – он понимал, что в чем-то Галиана права.

– Я не уверен. Но я не уверен также, что ты этого хочешь, иначе бы перестала испытывать судьбу. – В нем словно что-то щелкнуло, и он задал вопрос, который намеревался озвучить гораздо более дипломатично. – Почему ты продолжаешь это делать, Галиана? Почему запускаешь корабли, зная, что их собьют, как только они покинут Гнездо?

Она твердо взглянула ему прямо в глаза:

– Потому что могу себе это позволить. Потому что рано или поздно один из них уйдет невредимым.

Клавэйн кивнул. Он боялся, что она ответит именно так.

Галиана вела его по другим серым коридорам – они спустились на несколько уровней. Свет лился из полос, которые тянулись по стенам, извиваясь, словно артерии. Возможно, дизайн был декоративным, но Клавэйн подумал, что полосы просто выросли такими, подчиняясь биологическим алгоритмам. Хотя не было сведений о том, что сочленители пытались оживить окружающие их вещи и сделать их в каком-то смысле подобными людям.

– Вы подвергаетесь ужасной опасности, – заметил Клавэйн.

– Но теперешнее положение невыносимо. Я всей душой хочу избежать новой войны, но если до нее дойдет, у нас, по крайней мере, есть возможность сбросить эти оковы.

– Если вас сначала не уничтожат.

– Мы сможем этого избежать. В любом случае страх не влияет на наш образ мыслей. Ты видел человека, который смирился с судьбой, когда понял, что твоя смерть повредит нам больше, чем его гибель. Он изменил свое состояние духа, пришел к полному всеприятию.

– Прекрасно. Тогда все становится на свои места.

Они стояли одни в коридоре, освещенном змееподобными лампами, – с тех пор как покинули ангар, Клавэйн не видел никого из жителей.

– Мы не считаем жизнь отдельного человека ничего не стоящей. Смерть – это жертва для нас, как если бы ты отдал часть тела. Но сейчас, став частью единого целого…

– Ты имеешь в виду Транспросвещение?

Этим термином сочленители определяли состояние единства нервной системы, в котором пребывали. Оно осуществлялось посредством механизмов, встроенных в мозг каждого из них. Если демархисты пользовались имплантатами, чтобы осуществлять демократию в режиме реального времени, то сочленители с помощью машин делали общедоступными чувственную информацию, воспоминания и даже сознательные мысли. Именно это приблизило начало войны. Тогда, в 2190 году, половина человечества пользовалась сетями, позволяющими обмениваться информацией с помощью нервных имплантатов. А затем эксперименты сочленителей перешли некую черту, и в сеть был запущен трансформирующий вирус. Имплантаты начали видоизменяться, инфицируя разум миллионов людей установочными шаблонами сочленителей. Инфицированные немедленно перешли в разряд врагов. Земля и другие внутренние планеты всегда были более консервативны и предпочитали получать доступ к сетям традиционными способами.

После того как поселения на Марсе и поясе астероидов пали жертвой сочленительского феномена, власти Коалиции поспешно собрали силы, чтобы предотвратить распространение эпидемии в своих владениях. Демархисты, обитавшие на спутниках газовых гигантов, успели вовремя установить средства сетевой защиты, и пострадало лишь незначительное количество их поселений. Они предпочли нейтралитет, а Коалиция попыталась сдержать распространение влияния сочленителей – некоторые употребляли слово «стерилизация». Через три года, после одной из самых кровопролитных битв за всю историю человечества, сочленители

были оттеснены в разбросанные по всей системе убежища. И все это время они выражали ироничное недоумение по поводу того, что другие сопротивляются их экспансии. Ведь как ни крути, ни один из принятых в их среду не пожалел об этом. Скорее, наоборот. Немногочисленные пленные, которых сочленители неохотно вернули в прежнее состояние, всячески стремились снова соединиться с их сообществом. Некоторые даже предпочитали смерть жизни вне Транспросвещения. Подобно послушникам, удостоившимся видений рая, они посвящали всю свою сознательную жизнь поискам нового шанса.

– Транспросвещение притупляет в нас сознание индивидуальности, – объяснила Галиана. – Когда этот человек выбрал смерть, жертва не была для него в полном смысле слова жертвой. Он знал, что большая часть его сознания останется жить среди нас.

– Но это лишь один пример. А как насчет сотни жизней, которые ты погубила в попытках бежать? Мы знаем – мы считали тела.

– Недостающих солдат всегда можно клонировать.

Клавэйн надеялся, что ему удалось скрыть отвращение. В его окружении даже упоминание о клонировании считалось непростительным промахом, вызывающим в памяти всякие ужасы. Для Галианы клонирование стало бы лишь еще одной технологией, дополняющей ее арсенал.

– Но вы ведь не занимаетесь клонированием, верно? И теряете людей. Мы считали, что в этом Гнезде вас должно быть девятьсот человек, но мы сильно переоценивали вашу численность, так?

– Пока что ты видел немного, – сказала Галиана.

– Да, но здесь пахнет запустением. Ты не сможешь скрыть отсутствие людей, Галиана. Бьюсь об заклад, в Гнезде осталось не более сотни жителей.

– Ошибаешься, – возразила Галиана. – Мы владеем технологией клонирования, но пользовались ею совсем мало. Какой смысл? Мы не стремимся к генетическому единству, что бы там ни думали ваши пропагандисты. Поиски оптимума ведут лишь к локальному минимуму. Мы дорожим своими ошибками. Наша цель – устойчивое неравновесие.

– Ну хорошо. – Сейчас он меньше всего нуждался в образчике красноречия сочленителей. – Так где, черт побери, все?

Через несколько минут он получил если не полный, то частичный ответ. Добравшись до конца лабиринта коридоров, на значительной глубине под поверхностью Марса, Клавэйн и Галиана оказались в детской.

Детская потрясла Клавэйна тем, что совершенно не соответствовала его представлениям. Она не только была совершенно иной, чем думали там, на Деймосе, – она противоречила всем его догадкам, основанным на знании жизни Гнезда. Находясь на Деймосе, он предполагал, что в детской сочленителей действует лишь угрюмая медицинская целесообразность: сверкающие аппараты с младенцами, подключенными к некоему центральному устройству, словно чудовищно продуктивная кукольная фабрика. Оказавшись в Гнезде, он пересмотрел свое мнение, исходя из сократившегося числа сочленителей. Если здесь и имеется детская, то явно не слишком продуктивная. Меньше детей, однако все та же картина: огромные серые машины, купающиеся в свете змееподобных ламп.

Но детская оказалась совсем иной.

Просторная комната, куда привела его Галиана, была почти болезненно яркой и веселой – детская фантазия, воплощенная в приятных формах и примитивных цветах. Стены и потолок представляли собой голографическое изображение неба: бесконечный голубой простор и груды снежно-белых облаков. Пол имел вид волнистого ковра синтетической травы с холмами и лугами. Здесь были и цветочные клумбы, и леса карликовых деревьев. Были и животные-роботы: сказочные птицы и кролики, чуть излишне антропоморфные, чтобы обмануть Клавэйна. Они походили на зверей из детских книжек – большеглазые и счастливые. В траве валялись игрушки.

Здесь были дети. Примерно тридцать-сорок, в возрасте от нескольких месяцев до шести-семи стандартных лет. Некоторые копошились среди кроликов, другие, постарше, собирались около древесных пней, верхушки которых мигали быстро сменявшимися картинками, освещая лица зрителей. Малыши разговаривали, смеялись или пели. Среди детей ползали на коленях взрослые сочленители, Клавэйн насчитал их полдюжины. При взгляде на одежду детей, сделанную из кричащих тканей с переплетающимися узорами, болели глаза. Взрослые двигались среди них словно вороны. Но дети, казалось, чувствовали себя беззаботно в их обществе.

– Не похоже на то, что ты ожидал?

– Да… совсем не похоже. – Лгать ей не было смысла. – Мы считали, что вы выращиваете детей в упрощенной версии механической мастерской, в которой вы обитаете.

– В самом начале дело обстояло более или менее так. – Тон Галианы едва заметно изменился. – Знаешь, почему шимпанзе не обладают разумом, в отличие от людей?

Клавэйн моргнул, не сразу уловив, к чему она ведет.

– Понятия не имею. Может, у них мозг меньше?

– Да, но мозг дельфина больше человеческого, а дельфины едва ли смышленее собак.

Галиана остановилась у ближайшего свободного пня. Клавэйн не заметил, чтобы она что-то сделала, но на срезе пня возникло изображение мозга млекопитающего, и Галиана принялась водить по нему пальцем, указывая на нужные участки.

– Важен не столько общий объем мозга, сколько процесс его развития. Разница в массе мозга новорожденного шимпанзе и взрослой особи составляет лишь около двадцати процентов. К тому времени, как шимпанзе появляется на свет и начинает получать информацию из внешнего мира, его мозг практически теряет пластичность. Точно так же дельфины рождаются с почти полным набором моделей взрослого поведения. Человеческий мозг, напротив, продолжает расти в течение всех лет обучения. Мы обратили эти сведения себе на пользу. Если для формирования интеллекта так важны данные, полученные до рождения, мы предположили, что нам удастся повысить его уровень путем вмешательства на ранних стадиях развития мозга.

– В утробе матери?

– Да.

Теперь на пне появилось изображение человеческого эмбриона – от начала цикла деления клеток до формирования едва заметных складок рудиментарного спинного нерва и утолщения на нем – крошечного мозга. В мозгу кишели мириады внутриклеточных машин, заполняя зарождающуюся нервную систему. Затем развитие эмбриона резко рвануло вперед, и вот уже Клавэйн смотрит на нерожденное человеческое дитя.

– Что произошло?

– Мы совершили ужасную ошибку, – ответила Галиана. – Вместо того чтобы ускорить нормальное развитие нервной системы, мы причинили ему сильный ущерб. Все кончилось тем, что дети выросли умственно отсталыми, но обладали некими сверхъестественными способностями.

Клавэйн огляделся:

– И тогда вы позволили остальным детям развиваться нормально?

– Более или менее. Разумеется, у нас нет семей, но опять же существует множество человеческих обществ и обществ приматов, в которых коллектив играет большую роль в развитии ребенка, чем семья. Пока мы не обнаружили никаких патологий.

Клавэйн наблюдал, как одного из старших детей уводят из комнаты-лужайки через дверь в небе. Ребенок остановился,

упираясь, хотя взрослый мягко увлекал его за собой. Ребенок на миг оглянулся, затем последовал за спутником.

– Куда идет этот малыш?

– На следующую стадию развития.

Клавэйн подумал, позволят ли ему увидеть, как ребенок переходит на новую ступень. Вряд ли, решил он, если не существует программы ускоренного обучения максимального количества детей.

Пока он раздумывал об этом, Галиана провела его в другую часть детской. Хотя эта комната была меньше по размеру и с убранством построже, все же здесь было больше красок, чем в любом другом месте Гнезда, где он побывал до зеленой комнаты. Стены украшены тесно переплетающимися мозаичными орнаментами, среди них кишат движущиеся изображения и быстро мелькающий текст. Клавэйн заметил стадо зебр, скачущих через ядро нейтронной звезды. В другом месте осьминог выпускал струю чернил в лицо какому-то диктатору двадцатого века. Экраны росли из пола, словно японские бумажные ширмы, и были переполнены информацией. Дети одиннадцати-двенадцати лет небольшими группами сидели у экранов на мягких черных сиденьях в виде поганок и что-то обсуждали. Вокруг были разбросаны музыкальные инструменты – голографические клавесины, воздушные гитары. Некоторые дети с серыми повязками на глазах тыкали пальцами в какие-то абстрактные структуры, исследуя глубины математического пространства, населенные драконами. Клавэйн увидел, чем они манипулируют на плоских экранах, и у него сжалось сердце.

– Машины еще не внутри их мозга, но скоро проникнут туда. Когда это произойдет?

– Скоро, очень скоро.

– Ты спешишь, верно? Пытаешься сделать сочленителями как можно больше детей. Что у тебя на уме?

– Кое-что… произошло, вот и все. Ты прибыл или вовремя, или очень некстати, это зависит от вашей точки зрения.

И прежде чем он успел спросить, что это значит, Галиана добавила:

– Клавэйн, я хочу, чтобы ты кое с кем познакомился.

– С кем?

– Этот человек очень дорог нам.

Она провела его через ряд дверей, защищенных от детей, и наконец они оказались в маленькой круглой комнате. Стены были серыми, с прожилками; комната выглядела спокойной по сравнению с тем, что ему довелось увидеть только что. В центре комнаты на полу, скрестив ноги, сидел ребенок. Клавэйн оценил

возраст девочки в десять стандартных лет, может быть, чуть больше. Но она словно не заметила появления Клавэйна – взрослый человек, даже нормальный ребенок проявил бы какую-то реакцию. Она просто продолжала делать то, то делала, когда они вошли, словно их и не было вовсе. Чем она занималась – было неясно. Она медленно, сосредоточенно двигала руками перед собой, как будто играла на голографическом клавесине или вела призрачный кукольный спектакль. Время от времени девочка поворачивалась в другую сторону и продолжала выполнять те же движения.

– Ее зовут Фелка, – сказала Галиана.

– Здравствуй, Фелка… – Он подождал, но ответа не было. – Вижу, с ней что-то не в порядке.

– Это одна из тех умственно неполноценных детей. Фелка развивалась с машинами в голове. Как раз после ее рождения мы поняли свою ошибку.

Что-то во внешности Фелки встревожило Клавэйна. Возможно, то, что она продолжала свое занятие, которому, видимо, придавала величайшее значение, но которое явно не имело никакого смысла для разумного человека.

– Кажется, она нас не замечает.

– Она сильно отличается от всех нас, – пояснила Галиана. – Ее не интересуют другие человеческие существа. У нее агнозия на ли́ца – не может отличить одного человека от другого. Мы все кажемся ей одинаковыми. Вы можете представить себе нечто более странное?

Он попытался, но безуспешно. Жизнь, с точки зрения Фелки, была, наверное, каким-то кошмаром – ее окружали одинаковые клоны, чью внутреннюю жизнь она не могла постичь. Неудивительно, что она так увлеклась своей игрой.

– А почему эта девочка так важна для вас? – спросил Клавэйн, не слишком желая получить ответ.

– Она спасает нас от гибели.

Разумеется, он спросил Галиану, что она имеет в виду. Но в ответ услышал лишь, что он еще не готов понять ответ.

– А что именно требуется от меня для того, чтобы понять?

– Простая процедура.

О да, это-то он понял сразу. Нужно всего лишь согласиться на установку нескольких имплантатов в определенные части мозга и тогда он постигнет истину. Вежливо, изо всех сил стараясь скрыть неприязнь, Клавэйн отказался. К счастью, Галиана не настаивала, так как наступило время встречи, которую ему обещали и ради которой он прибыл на Марс.

Он наблюдал, как группа обитателей Гнезда цепочкой входит в конференц-зал. Галиана была их лидером постольку, поскольку она основала здесь лабораторию, в которой начался эксперимент, и ей оказывали уважение как старшей. Она также явно лучше всех подходила, чтобы представлять их интересы. Все эти люди имели специальные знания, которые нельзя было с легкостью распространить на всех членов сообщества сочленителей; это сильно отличалось от компании похожих друг на друга клонов с коллективным разумом, которая фигурировала в пропаганде Коалиции. Если Гнездо в чем-то и походило на колонию муравьев, то это была колония, в которой каждый муравей играл особую роль, предназначенную только ему. Конечно, отдельному человеку нельзя было неограниченно вверять умение, важное для Гнезда, – это была бы опасная крайность, – но тем не менее отдельные личности не полностью сливались с коллективным сознанием.

Должно быть, конференц-зал был построен в те дни, когда Гнездо было исследовательской станцией, или даже раньше, в начале двадцать второго века, когда здесь располагалось нечто вроде базы горняков. Он был слишком велик для этой непреклонной горстки сочленителей, которые собрались вокруг главного стола. На экранах вокруг стола мелькали тактические данные о наращивании ударных сил вокруг зоны строгого режима на Марсе, возможные места высадки и маршруты движения наземных войск.

– Невил Клавэйн, – представила гостя Галиана, когда все заняли свои места. – Мне жаль, что с нами нет Сандры Вой. Мы все скорбим о ней. Но, возможно, после этого ужасного несчастья мы сможем найти общий язык. Невил, прежде чем прилететь сюда, ты сообщил нам, что у вас имеется проект мирного разрешения кризиса.

– Действительно, хотелось бы его услышать, – отчетливо пробормотал один из присутствующих.

У Клавэйна пересохло в глотке. С точки зрения дипломатии он очутился среди зыбучих песков.

– Мое предложение касается Фобоса…

– Продолжай.

– Я получил там ранения, – сказал он. – Очень серьезные. Наша попытка очистить его от червей провалилась, и я потерял нескольких друзей. Поэтому у меня имеется личный счет к червям. Но я принял бы любую помощь, чтобы справиться с ними.

Прежде чем ответить, Галиана быстро оглядела соратников:

– Ты предлагаешь совместную операцию?

– Это может сработать.

– Да… – Похоже, на мгновение Галиана растерялась. – Думаю, что это может быть выходом из тупика. Мы тоже потерпели неудачу в борьбе с червями, а заграждение помешало нам попытаться еще раз. – И снова она впала в задумчивость. – Но кто получит реальную выгоду от очистки Фобоса? Мы по-прежнему будем заперты здесь.

Клавэйн наклонился вперед:

– Я думаю, что именно совместные боевые действия могут привести к ослаблению заградительных мер. Но для меня это не главное. Подумайте об угрозе со стороны червей.

– Угрозе?

Клавэйн кивнул:

– Возможно, вы этого не заметили. – Он снова наклонился, положил локти на стол. – Мы озабочены присутствием на Фобосе червей. Они начали изменять орбиту спутника. В настоящее время сдвиг едва заметен, но он достаточно велик, чтобы понять: это не случайность.

Галиана на миг отвела глаза, словно взвешивая за и против, затем произнесла:

– Нам это известно, но мы считали, что вы не можете этого знать.

Благодарность? Он полагал, что деятельность червей не ускользнет от внимания Галианы.

– Мы наблюдали странное поведение и в других колониях червей по всей системе – вещи, которые выглядят как проявления рассудка, но ничего целенаправленного. Должно быть, у этой партии имеется какая-то подпрограмма, о существовании которой мы не догадывались. У вас есть предположения насчет того, что они затевают?

И снова последовало короткое молчание, словно она обсуждала с соратниками правильный ответ. Затем Галиана кивнула в сторону мужчины, сидящего напротив нее. Клавэйн подумал, что жест предназначался исключительно для удобства гостя. У мужчины были волнистые черные волосы, гладкое безмятежное лицо, как и у Галианы, симметричными чертами он походил на нее.

– Это Ремонтуар, – сказала Галиана. – Наш специалист по ситуации на Фобосе.

Ремонтуар вежливо кивнул:

– На ваш вопрос могу ответить, что у нас в настоящее время нет четкой версии. Но мы знаем одно: они увеличивают апоцентр орбиты спутника.

Клавэйн знал, что апоцентром называется марсианский эквивалент апогея для объекта, вращающегося вокруг Земли, –

наиболее удаленная точка эллиптической орбиты. Ремонтуар продолжал неестественно спокойным голосом, словно отец, читающий книгу ребенку.

– На самом деле нормальная орбита Фобоса находится внутри предела Роша[3] для гравитационно связанного спутника. Фобос порождает на Марсе приливные силы[4], но из-за трения эти приливы немного отстают от Фобоса. Поэтому Фобос медленно приближается к Марсу по спирали со скоростью примерно два метра в сто лет. Через несколько десятков миллионов лет то, что останется от спутника, врежется в Марс.

– И вы думаете, что черви увеличивают радиус орбиты, чтобы избежать катастрофы, грозящей им в таком отдаленном будущем?

– Не знаю, – ответил Ремонтуар. – Я допускаю, что изменения орбиты могут также происходить в результате какой-то менее значительной активности червей.

– Согласен, – сказал Клавэйн. – Но опасность остается. Если черви способны увеличить радиус орбиты спутника – даже непреднамеренно, – то можно предположить, что они способны также уменьшить его перицентр. Они могут сбросить Фобос на ваше Гнездо. Неужели это не пугает вас настолько, чтобы рассмотреть возможность союза с Коалицией?

Галиана уперлась в лоб кончиками пальцев – у людей этот жест служил признаком сосредоточенного размышления, и даже пребывание в среде сочленителей не смогло уничтожить его. Клавэйн почти чувствовал, как в комнате образуется паутина мыслей, призрачные нити узнавания, протянувшиеся между всеми сочленителями, сидевшими за столом, и куда-то прочь, к другим жителям Гнезда.

– Команда победителей, вот в чем ваша мысль?

– Это наверняка лучше, чем война, – заметил Клавэйн. – Вы согласны?

Галиана, похоже, была готова, но вдруг на ее лице отразилось беспокойство. Клавэйн увидел, как всех остальных практически мгновенно захлестнула волна тревоги. Что-то подсказало ему, что волнение никак не связано с его предложением.

Половина дисплеев, расположенных вокруг стола, автоматически переключилась на другой канал. Лицо, на которое смотрел Клавэйн, сильно походило на его собственное, если не считать того, что у человека на экране не хватало одного глаза. Это был его брат. Изображение Уоррена перекрывали официальные эмблемы Коалиции и дюжины межпланетных информационных картелей. Он выступал с речью.

– …Выразить мое потрясение, – произнес Уоррен. – Или, если на то пошло, мой гнев. Они убили не просто исключительно

ценного сотрудника и опытного члена моей команды – они убили моего брата.

Клавэйн ощутил смертельный холод.

– Что это?

– Прямой эфир с Деймоса, – выдохнула Галиана. – Передается по всем сетям, даже в поселения за пределами Плутона.

– Их действия – пример гнусного предательства, – продолжал Уоррен. – Это не что иное, как намеренное хладнокровное убийство мирных представителей.

Лицо Уоррена сменил видеоклип. Видимо, изображение было получено с Деймоса или одного из заградительных спутников. Был виден шаттл Клавэйна, валяющийся в пыли неподалеку от Стены. Клавэйн смотрел, как уроборос крушит шаттл, затем изображение укрупнилось и стали видны он сам и Вой, спасающиеся бегством к Гнезду. Вот уроборос напал на Вой. Но на этот раз веревочной лестницы для Клавэйна не было. Вместо этого он увидел, как со Стены к нему несутся смертоносные лучи, сбивают его с ног. Получив ужасные раны, он попытался встать, прополз несколько дюймов к своим мучителям, но червь догнал его.

Он смотрел, как его едят.

На экране снова возник Уоррен:

– Черви вокруг Гнезда – это ловушка сочленителей. Смерть моего брата была запланирована за несколько дней, а может, за несколько недель до его прибытия. – Холодное лицо излучало воинственность. – На подобные действия мы можем ответить только одним, и сочленители отлично понимают это. Уже несколько месяцев они провоцируют нас на силовые меры. – Он помолчал, затем кивнул невидимым зрителям. – Что же, теперь они получат то, чего добивались. Наш ответный удар уже начался.

– О боже, нет! – застонал Клавэйн, но подтверждение услышанного уже поступило: на всех экранах вокруг стола виден был флот Коалиции, несущийся к Марсу.

– Думаю, это война, – заключила Галиана.

Сочленители бросились на крышу Гнезда, чтобы занять оборонительные позиции вокруг куполов и на краю Стены. Большая часть их была вооружена такими же ружьями, как и те, которыми они защищались от уроборосов. Несколько человек устанавливали автоматические пушки на треногах. Двое тащили на позицию огромные оборонительные орудия. По большей части это были излишки военной промышленности. Пятнадцать лет назад, чтобы избежать уничтожения, сочленители использовали

оружие ужасной разрушительной силы, но пушки, пригодные для сражения между кораблями, были слишком мощными в ближнем бою. Теперь применялось менее разрушительное оружием, пригодное для примитивного сражения, и Клавэйн знал, что против атаки, подготовленной Уорреном, арсенал сочленителей беспомощен. Они могут некоторое время сдерживать натиск, но не более того.

Галиана дала Клавэйну новую дыхательную маску, заставила его надеть легкий камуфляжный бронированный скафандр и насильно вручила небольшое ружье. Держать эту штуку было непривычно, он не думал, что снова придется взять в руки оружие. Единственным оправданием для него было то, что он собирался воспользоваться оружием против солдат своего брата – против своих людей.

Способен ли он на такое?

Было очевидно, что Уоррен предал его. Он наверняка знал о червях, окружающих Гнездо. Выходит, способен не только на презрение, но и на предательское убийство. Впервые Клавэйн почувствовал ненависть к Уоррену. Он, должно быть, надеялся, что черви полностью уничтожат шаттл и заодно прикончат Клавэйна и Вой. И наверное, ему больно было видеть, как Клавэйн взобрался на Стену… и еще больнее слышать, как он рассказывает о трагедии. Но в основном план Уоррена не пострадал. Дипломатический канал между Гнездом и Деймосом был секретным, даже демархисты не могли бы сразу получить к нему доступ. Так что о вызове Клавэйна с Марса можно было просто забыть; изображение, полученное со спутника-шпиона, подкорректировали, и создалось впечатление, что Клавэйн не добрался до Стены… что его погубили сочленители. Демархисты со временем обязательно обнаружат обман, но гораздо раньше они будут вовлечены в войну, если план Уоррена сработает. А это, понимал Клавэйн, все, что требуется Уоррену.

Братья, размышлял Клавэйн. Во многом такие разные. Когда-то оба участвовали в войне, но Клавэйн, словно ветреный возлюбленный, устал от ее лавров. Его даже не так серьезно ранили, как Уоррена… Возможно, дело также и в этом. Уоррену нужна новая война, чтобы отомстить за то, что у него отняли.

Клавэйн одновременно презирал и жалел его.

Он поискал предохранитель. Рассмотрев винтовку внимательнее, понял, что она не так уж сильно отличается от тех, которыми он пользовался на войне. Цифры на дисплее показывали, что батарея заряжена полностью.

Он посмотрел на небо.

Атакующие корабли вошли в атмосферу Марса над Стеной

под прямым углом, пятьсот шаровых молний, визжа, неслись к Гнезду. При вхождении в атмосферу на большинстве кораблей сгорело несколько дюймов удаляемой брони; несколько кораблей, летевших слишком быстро, сгорело. Клавэйн прекрасно знал, что происходит, – он годами изучал возможные сценарии атаки, в память ему неизгладимо врезались цифры потерь.

Оборонительные орудия уже вступили в бой. Они засекали плазменные шлейфы в небе, вращались, выискивая жаркие искорки перед этими шлейфами, рассчитывали траекторию преломления лазерного луча и выплевывали в небо смерть. Невезучие корабли превращались в белые ослепительные вспышки и рассыпались миллионами гаснущих искр. Десяток, еще десяток… Прежде чем орудия потеряли возможность ловить цели, они сбили около пятидесяти кораблей. Это было слишком мало. Клавэйн помнил, что по плану из этой волны после вхождения в атмосферу должны уцелеть по меньшей мере четыреста кораблей.

Что бы ни предпринимала Галиана, теперь это не имело значения.

Его снова поразил этот парадокс. Галиана способна на те же соображения, что и Уоррен. Она должна была с самого начала понимать, что ее провокации приведут к штурму, которого ей нипочем не отразить.

К штурму, который закончится уничтожением Гнезда.

Уцелевшие корабли теперь выравнивали строй, закладывали длинные и низкие виражи, неслись к Гнезду со всех сторон. Солдаты у них на борту подвергались тяжелым перегрузкам, но они были к этому готовы: в их сердечно-сосудистую систему были встроены имплантаты единственного разрешенного Коалицией типа.

Первые корабли приблизились на сверхзвуковой скорости, описывая дуги. Повсюду черви пытались схватить их в воздухе, но роботы были слишком медлительными, чтобы поймать десантный корабль. Люди Галианы, заняв позиции у пушек, изо всех сил старались отогнать врага. Клавэйн сжимал ружье, но пока не стрелял. Лучше поберечь заряд до того момента, когда появится верная цель.

Первые корабли наверху сделали поворот на сто восемьдесят градусов, направив нос в самоубийственном броске прямо на Гнездо. Затем они раскрылись, из них посыпались пилоты в пухлых скафандрах. Непосредственно перед падением вокруг пилота возникал черный баллон, поглощающий удар, – как будто ягоды черники катились по Гнезду. Но баллоны сдулись так же быстро, как и надулись, и вот уже пилоты стоят на земле. У

каждого пилота – теперь они превратились в солдат – имелась подробнейшая компьютерная карта Гнезда, позиции врага изображались в реальном времени по данным со спутников.

Клавэйн спрятался за купол, прежде чем ближайший солдат взял его на прицел. Начался ближний огневой бой. Пришлось оставить это людям Галианы – те сражались, как дьяволы. И они были организованы не хуже нападающих. Но их оружие и облачение просто не годилось для этой схватки. Камуфляж был эффективен против единичного врага или массы врагов, движущихся в одном направлении. А сейчас, когда Клавэйна окружали солдаты Коалиции, скафандр буквально обезумел, пытаясь принять сразу несколько расцветок, словно хамелеон в зеркальном лабиринте.

Небо приобрело диковинный темно-пурпурный цвет. Над Гнездом распространялся фиолетовый туман. Галиана применила какой-то тип химической дымовой завесы, непроницаемый для инфракрасных и видимых лучей, решил Клавэйн. Вещество скроет Гнездо от спутников-шпионов, а еще оно, должно быть, прилипает только к вражескому камуфляжу. Этого Уоррен не предвидел. Галиана получила небольшое преимущество.

Из тумана выступил солдат, направив жуткое темное дуло на Клавэйна. Камуфляжный скафандр был покрыт круглыми ярко-лиловыми пятнами, мешавшими маскировке. Человек выстрелил, но заряд пропал зря – Клавэйна спас скафандр. Клавэйн ответил тем же, и его соотечественник упал. Он подумал: «Фактически то, что я сейчас делаю, – не предательство. Пока еще нет. Пока что это всего лишь самозащита».

Подстреленный им человек еще не умер. Клавэйн пробрался сквозь пурпурную завесу и опустился на колени рядом с солдатом. Он старался не смотреть на рану.

– Ты меня слышишь?

Раненый не ответил, но Клавэйн вроде бы увидел движение губ за визором. Это был совсем еще ребенок – едва ли он помнил последнюю войну.

– Ты должен узнать кое-что, – продолжал Клавэйн. – Тебе известно, кто я? – Он подумал, можно ли узнать его в дыхательной маске. А потом решил бросить затею. Можно заявить, что он Невил Клавэйн, но чего он этим добьется? Через несколько минут, если не секунд, солдат умрет. Никакой пользы не будет, если он узнает, что в бой его повели обманом и он пожертвовал жизнью ради неправого дела. Во вселенной и так слишком много жестокости.

Клавэйн направился к центру Гнезда, чтобы еще кого-нибудь убить, прежде чем превосходящие числом враги прикончат его

самого.

Но этого не случилось.

– Тебе всегда везло, – произнесла Галиана, склонившись над ним.

Они снова находились под землей – глубоко в недрах Гнезда. Судя по обстановке, это был медицинский отсек. Клавэйн лежал на кровати полностью одетый, не хватало только камуфляжного скафандра. Комната с серыми стенами имела форму чайника и была опоясана круглым балконом.

– Что произошло?

– Тебя ранили в голову, но ты будешь жить.

Он попытался сформулировать нужный вопрос:

– А как штурм?

– Мы отразили три атаки. Разумеется, понесли тяжелые потери.

На балконе стояло три десятка серых коек, немного углубленных в ниши, набитые серым же медицинским оборудованием. Все они были заняты. Столько сочленителей вместе Клавэйн еще ни разу не видел. Некоторые, похоже, были на пороге смерти.

Клавэйн ощупал голову. На спутанных волосах засохла кровь, тело несколько онемело, но могло быть гораздо хуже. Он чувствовал себя нормально – ни провалов в памяти, ни афазии. Когда попытался встать, тело послушалось, лишь слегка закружилась голова.

– Уоррен не остановится на этом, Галиана.

– Я знаю. – Она помолчала. – Будут новые атаки.

Подойдя к перилам, ограждавшим балкон, Клавэйн взглянул вниз. Он ожидал увидеть какие-нибудь загадочные лечебные устройства, но в центре комнаты зияла пустая яма с гладкими серыми стенами. Он содрогнулся. Воздух здесь был холоднее, чем в других виденных им частях Гнезда; стоял резкий медицинский запах, напомнивший ему о госпитале для выздоравливающих на Деймосе. Но еще сильнее Клавэйн задрожал, когда увидел, что некоторые из раненых – из мертвых – были едва старше детей, которых он посетил несколько часов назад. Возможно, здесь и те ребята, мобилизованные прямо из детской, вооруженные боевыми навыками через свои новые имплантаты.

– Что ты собираешься предпринять? Знаешь же, что тебе не победить. Уоррен в этих атаках потерял ничтожную часть своих сил. А здесь все выглядит так, словно погибла половина Гнезда.

– Дело обстоит намного хуже, – сказала Галиана.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты еще не совсем готов. Но я смогу показать тебе через минуту.

Он почувствовал, что леденеет.

– Что значит не совсем готов?

Галиана взглянула ему в глаза:

– Ты получил серьезное ранение в голову, Клавэйн. Сама рана была невелика, но внутреннее кровотечение… Если бы мы не вмешались, ты бы погиб. – Прежде чем он успел задать неизбежный вопрос, она ответила сама: – Мы сделали тебе небольшую инъекцию наномедов в мозг. Они легко устранили повреждения. Но мы предусмотрительно позволили им расти.

– Вы поместили мне в мозг репликаторы?

– Не стоит так пугаться. Они уже растут – распространяются и устанавливают взаимодействие с вашими существующими нервными схемами. Но они составляют лишь ничтожную часть глиальной массы, несколько кубических миллиметров во всем мозгу.

Он подумал: а вдруг это блеф:

– Я ничего не чувствую.

– И не должен – почувствуешь примерно через минуту. – Она указала на пустую яму в центре комнаты.

– Там ничего нет.

Но не успел Клавэйн произнести эти слова, как понял, что ошибся. В яме что-то было. Моргнув, он отвел взгляд, но, снова посмотрев в яму, увидел: сначала призрачный, молочно-белый предмет с каждой секундой становился ярче, принимал четкие очертания. Это была трехмерная структура, сложная, как клубок белковой молекулы. Паутина из петель и ответвлений, из узлов и тоннелей в призрачном обрамлении красной коренной породы.

Внезапно он понял, что перед ним: карта Гнезда в недрах Марса. Как и подозревала Коалиция, база была расширена, она стала гораздо просторнее и ушла глубже в землю, но также и распространилась вширь больше, чем можно было себе представить. Клавэйн попытался запечатлеть в памяти хотя бы часть увиденного – рефлекс собирания информации оказался сильнее сознательной мысли, что он никогда уже не увидит Деймос.

– Наномеды в мозгу установили связь с вашей зрительной корой, – объяснила Галиана. – Это первый шаг на пути к Транспросвещению. Теперь ты можешь видеть сгенерированные машинами образы, раскодируемые полями, через которые мы движемся, – по крайней мере, большинство этих образов.

– Скажи, что ты не планировала это, Галиана. Скажи, что не намеревалась при первой возможности запихнуть мне в голову

машины.

– Нет, я не собиралась этого делать. Но я не могла позволить твоим фобиям помешать мне спасти тебе жизнь.

Изображение усложнялось. В тоннелях появились светящиеся точки, некоторые медленно двигались по лабиринту.

– Что это?

– Ты видишь местонахождение сочленителей, – ответила Галиана. – Что, нас тут не так много, как тебе представлялось?

Клавэйн насчитал во всем комплексе на более семидесяти огоньков. Он поискал скопление, соответствующее комнате, в которой находился сам. Вот она: двадцать ярких точек, среди них одна потусклее. Это он, разумеется. На верхнем этаже Гнезда горстка людей – либо при штурме обрушилась половина тоннелей, либо Галиана сама приказала завалить их.

– А где все остальные? Где дети?

– Большинство погибли. – Она помолчала. – Ты был прав, Клавэйн, полагая, что мы торопились приобщить их к Транспросвещению.

– Зачем?

– Это единственный выход отсюда.

Изображение снова изменилось. Теперь все огоньки были связаны между собой мерцающей нитью. Структура сети постоянно перестраивалась, как в калейдоскопе. Время от времени – это происходило слишком быстро, чтобы Клавэйн мог быть уверен, – возникало нечто вроде симметричного геометрического узора, затем узор растворялся в мерцающем хаосе непоседливой структуры. Он присмотрелся к узелку, обозначавшему Галиану, и понял: даже разговаривая с ним, она поддерживала связь с остальными жителями Гнезда.

Затем в центре изображения появилось нечто очень яркое, похожее на крошечную звезду, и по сравнению с ней мерцающая сетка сделалась бледной, почти невидимой.

– Сетка стала всеобщей, – пояснила Галиана. – Яркий свет символизирует ее единство, единство в Транспросвещении. Смотри.

Яркий огонек – самое прекрасное и манящее, что доводилось когда-либо видеть Клавэйну, – выпустил луч в направлении одинокого огонька, который изображал самого Клавэйна. Луч пробивался сквозь матрицу, приближаясь с каждой секундой.

– Новые структуры в твоем мозгу почти закончили развиваться, – объяснила Галиана. – Когда луч прикоснется к тебе, ты вступишь в частичную интеграцию со всеми нами. Приготовься, Невил.

В ее словах не было необходимости. Свет подбирался все

ближе и ближе к его огоньку, и Клавэйн стиснул перила взмокшими ладонями.

– Я должен возненавидеть тебя за это, – сказал Клавэйн.

– Почему же еще не возненавидел? Ненависть – всегда самый легкий путь.

– Потому что…

Потому что теперь это не имело значения. Его прежняя жизнь осталась позади. Он протянул руки к Галиане – нужно было за что-то ухватиться, защититься от надвигающегося удара. Галиана сжала его руку, и мгновение спустя он познал Транспросвещение. Ощущение было потрясающим: не болезненным, не страшным, но абсолютно новым. Он буквально начал думать иначе, чем думал несколько микросекунд назад.

Потом, когда Клавэйн пытался мысленно описать происшедшее, он понял, что слова не годятся для этого. И неудивительно: в процессе эволюции язык приспособился передавать многие понятия, но не такие, как переход от индивидуальности к сети, состоящей из множества личностей. Но если он не мог передать суть происшедшего, то по крайней мере мог изобразить его метафорически. Он будто стоял на берегу океана, и гигантская волна накрыла его. Какое-то время Клавэйн пытался добраться до поверхности, пытался не наглотаться воды. Но поверхности не было. Океан, объявший его, простирался бесконечно во всех направлениях. Клавэйну оставалось лишь подчиниться. Но шли минуты, и это пугающее, незнакомое превращалось в нечто приемлемое, начинало даже казаться, что оно успокаивает. Уже тогда он понял, что это лишь тень тех ощущений, которые переживает Галиана в каждое мгновение своей жизни.

– Все в порядке, – сказала Галиана. – Пока достаточно.

Волна Транспросвещения отступила, как тускнеющий образ божества. У Клавэйна остались лишь чувственные ощущения, больше не было прямой связи с остальными. Его сознание сокрушительно быстро вернулось к нормальному состоянию.

– Ты в порядке, Невил?

– Да… – У него пересохло в горле. – Думаю, что да.

– Оглянись.

Он огляделся по сторонам.

Комната совершенно изменилась. Изменились и все присутствующие.

Преодолевая головокружение, Клавэйн вышел на свет. Стены, прежде серые, были испещрены манящими узорами; словно мрачная чаща внезапно превратилась в заколдованный лес из сказки. В воздухе, подобно вуалям, висели данные: рисунки,

диаграммы, цифры толпились вокруг коек раненых, таяли в пространстве, словно хрупкие фантастические неоновые скульптуры. Когда он двинулся навстречу рисункам, те, словно в насмешку, разбежались от него, как косяки сверкающих рыб. Иногда казалось, что они поют, иногда нос его щекотали полузнакомые запахи.

– Теперь ты можешь воспринимать эти вещи, – заметила Галиана. – Но они скажут тебе мало. Для этого нужно или несколько лет учиться, или встроить в мозг более мощные машины, которые создают когнитивные уровни. Мы читаем все это почти подсознательно.

Сейчас Галиана была одета иначе. Клавэйн по-прежнему смутно видел очертания ее серого комбинезона, но вокруг него появились подвижные завитки света – они разворачивались в цепочки символов булевой алгебры. В ее волосах, словно ангелы, плясали рисунки. Едва заметная паутина мыслей связывала ее с другими сочленителями.

Галиана сияла нечеловеческой красотой.

– Ты сказала, что дело обстоит намного хуже, – произнес Клавэйн. – А сейчас готова показать мне?

Галиана снова отвела его к Фелке. Они миновали детские комнаты, единственными обитателями которых теперь были механические зверушки. Фелка свою детскую не покидала.

В прошлый раз Клавэйн был потрясен при виде этой девочки, но назвать причину потрясения он бы не смог. Было что-то такое в целеустремленности, проявлявшейся в ее действиях, в нечеловеческой сосредоточенности, словно судьба вселенной зависела от исхода ее игры. Со времени его посещения ни Фелка, ни комната не изменились. Обстановка была такой же строгой, даже угнетающей. Казалось, что Клавэйн и Галиана покинули ее лишь мгновение назад, словно начало войны и нападение на Гнездо – битва, в которой лишь наступила передышка, – были видениями из чужого кошмарного сна; ничто не могло отвлечь Фелку от ее занятия.

И это занятие повергло Клавэйна в благоговейный ужас.

Раньше он видел, как она делает странные пассы. Теперь имплантаты в его голове позволили понять, какую цель она преследует. Вокруг Фелки, окружая ее, словно защитный вал, высилась призрачная копия Великой Марсианской Стены.

Она что-то делала со Стеной.

Клавэйн понял, что это не точное изображение. Стена Фелки выглядела гораздо выше, чем настоящая. А ее поверхность не была невидимой мембраной, как у настоящей стены, но походила

на травленое стекло. На этой поверхности были вытравлены филигранные линии и узлы, становившиеся все меньше и меньше, наконец они превращались в смутные очертания. Стена колебалась и меняла цвет, и теперь Клавэйн видел, что Фелка реагировала на эти изменения с пугающей быстротой. Казалось, цветовые переливы предупреждали о какой-то опасности, угрожавшей части Стены, и, прикасаясь к ним, действуя при помощи своего тактильного кода, Фелка могла изменять узоры, блокируя и нейтрализуя опасность, прежде чем та успевала распространиться.

– Я не понимаю, – произнес Клавэйн. – Думал, что мы разрушили Стену, полностью уничтожили ее системы.

– Нет, – возразила Галиана. – Вы лишь нанесли ей некоторый ущерб. Остановили ее рост, лишили возможности корректно ликвидировать повреждения… Но на самом деле вы не убили ее.

Клавэйн понял, что Сандра Вой догадывалась об этом. Она удивлялась, как Стена могла просуществовать так долго.

Галиана рассказала ему все остальное – как им удалось пятнадцать лет назад установить связь Гнезда со Стеной при помощи оптических кабелей, проложенных глубоко под занятой червями зоной.

– Мы приостановили разрушение Стены при помощи программ, выполняемых примитивными машинами, – говорила она. – Но когда родилась Фелка, мы обнаружили, что она может выполнять эту работу не хуже компьютеров, в каком-то смысле даже эффективнее. Казалось, ей даже лучше от этого становилось. Словно в Стене она нашла… – Галиана помолчала несколько мгновений. – Я хотела сказать – нашла друга.

– И почему же не сказала?

– Потому что Стена – всего лишь машина. А это значит, что, если Фелка имеет с ней что-то общее… кто же тогда она сама?

– Одинокий ребенок, вот кто. – Клавэйн наблюдал за манипуляциями девочки. – Кажется, она двигается быстрее, чем раньше. Это возможно?

– Я же сказала тебе: ситуация ухудшилась. Фелке приходится работать напряженнее, чтобы удержать Стену от разрушения.

– Должно быть, Уоррен задел Стену, – предположил Клавэйн. – Возможность ее разрушения всегда фигурировала в наших планах новой войны как случайное обстоятельство. Но я не думал, что это произойдет так скоро. – Он снова посмотрел на Фелку. Ему показалось или она в самом деле ускорила движения с того момента, как взрослые вошли в комнату? – Как думаешь, долго еще она выдержит?

– Не слишком, – ответила Галиана. – Откровенно говоря, я

думаю, что она уже потерпела поражение.

Это была правда. Взглянув пристальнее на призрачную Стену, Клавэйн заметил, что ее верхний край уже не является математически строгим кольцом; там образовались десятки крошечных дыр с зазубренными краями, которые все расширялись. Фелка уделяла все больше внимания этим отверстиям, она приказывала структуре стены подводить энергию и строительные материалы к этим критическим точкам. Когда Клавэйн представлял себе, какими процессами управляет на расстоянии Фелка, ему становилось страшно. Внутри Стены располагалась лимфатическая система, на периферии к ней присоединялись подводящие шланги диаметром от нескольких метров до долей миллиметра; жестами девочка устанавливала связь между поврежденными участками и фабриками, расположенными в толще Стены, которые производили требуемый тип роботов. Галиана сказала, что Фелка более десяти лет удерживала Стену от распада, но большую часть этого времени ее противниками были лишь естественный процесс ветшания и случайные повреждения. Теперь, когда Стену снова атаковали, положение изменилось. В этой игре у нее не было шансов.

Движения Фелки ускорялись, теряли плавность. Лицо оставалось бесстрастным, но по движениям глаз, все быстрее рыскавшим от одной точки к другой, можно было уловить первые признаки паники. И неудивительно: самые глубокие трещины уже прогрызли четверть пути до основания Стены, и они были слишком широки, чтобы их можно было заполнить. Стена распадалась по этим трещинам, через них наружу уносились кубические километры атмосферы. Сначала потеря давления должна казаться неизмеримо малой, потому что у верхнего края Стены цилиндр воздуха лишь чуть плотнее марсианской атмосферы. Но это лишь сначала…

– Нужно уйти вглубь, – сказал Клавэйн. – Когда Стена рухнет, нам нипочем не выжить, если останемся у поверхности. Возникнет самое мощное торнадо в истории.

– А что предпримет твой брат? Сбросит на нас ядерную бомбу?

– Нет, вряд ли. Уоррен хочет завладеть всеми технологиями, которые ты скрываешь. Он дождется, когда стихнет пылевая буря, и нападет на Гнездо с армией в сотню раз большей, чем вы видели до сих пор. Ты не сможешь сопротивляться, Галиана. Если повезет, ты попадешь в плен.

– Пленных не будет, – твердо сказала Галиана.

– Собираетесь погибнуть в бою?

– Нет. И массовое самоубийство также не входит в наши планы. В этом нет необходимости. К тому времени, когда твой брат доберется сюда, в Гнезде никого не останется.

Клавэйн вспомнил о червях, окружавших их; о том, как малы шансы оказаться в безопасности, если придется идти мимо роботов.

– Секретные тоннели под зоной червей? Надеюсь, ты говоришь серьезно.

– Серьезно, как никогда, – ответила Галиана. – Да, существует секретный тоннель. Оставшиеся дети уже прошли по нему. Но он расположен не под зоной червей.

– Где же тогда?

– Немного дальше отсюда.

Когда они снова проходили через медицинский центр, там было пусто, лишь несколько роботов с лебедиными шеями терпеливо дожидались новых пострадавших. Клавэйн и Галиана оставили Фелку чинить Стену; ее руки мелькали с безумной быстротой, она пыталась отдалить крах. Клавэйн уговаривал ее идти с ними, но Галиана сказала, что он напрасно тратит время: девочка скорее умрет, чем расстанется со Стеной.

– Ты не понимаешь, – объяснила Галиана. – Ты наделяешь ее человеческими качествами. Поддержание существования Стены – единственное занятие в ее жизни, это для нее важнее любви, боли, смерти – всего, что я или ты считаем человечным.

– А что случится с ней, если Стена рухнет?

– Ее жизнь закончится.

Он оставил девочку неохотно, сгорая от стыда. С точки зрения логики это был лучший выход: без помощи Фелки Стена рухнула бы гораздо быстрее и они наверняка погибли бы вместе с безумной девочкой. Насколько глубоко им нужно спрятаться, чтобы не засосало в воронку? Останется ли невредимой хотя бы часть Гнезда?

Коридоры, по которым они спускались, были такими же серыми и холодными, как прежде. В стенах не было энтоптических генераторов, на которые реагировали имплантаты в голове Клавэйна, и даже светлая аура Галианы исчезла. Они встретили лишь нескольких сочленителей, и те, похоже, двигались в том же направлении – вниз, к основанию Гнезда. Эта территория была незнакома Клавэйну.

Куда же ведет его Галиана?

– Если у тебя с самого начала имелся выход, почему ты сразу не отправила туда детей?

– Я же сказала, что мы не могли так быстро приобщить их

к Транспросвещению. Чем младше дети, тем сложнее с этим, – объяснила Галиана. – Но теперь…

– Ждать больше нельзя, верно?

Наконец они оказались в комнате с таким же эхом, как и в ангаре наверху. Здесь было темно, за исключением нескольких светлых островков, но в тени Клавэйн различил поврежденное землеройное оборудование, погрузочные поддоны, краны и деактивированных роботов. Пахло озоном. Здесь продолжалась какая-то деятельность.

– Это завод, на котором строятся корабли? – спросил Клавэйн.

– Да, мы делаем здесь кое-какие части, – подтвердила Галиана. – Но это было побочное производство.

– А основное?

– Основное – это тоннель, разумеется. – Галиана включила свет.

В дальнем конце помещения, куда они направлялись, находилось несколько цилиндрических предметов с заостренными концами, напоминавших гигантские артиллерийские снаряды. Они стояли на рельсах, друг за другом. Рядом с верхушкой первого «снаряда» в стене виднелось темное отверстие. Клавэйн хотел было что-то спросить, как вдруг раздалось громкое гудение и первый «снаряд» исчез в дыре. Остальные – их осталось три – медленно подъехали к дыре и остановились. Сочленители ждали своей очереди, чтобы забраться внутрь.

Он вспомнил слова Галианы о том, что в Гнезде никого не останется.

– Что здесь происходит?

– Это путь из Гнезда, – объяснила Галиана. – И с Марса, хотя, думаю, ты уже сам кое о чем догадался.

– С Марса не сбежать, – возразил Клавэйн. – Заграждение работает надежно. Разве ты не убедилась в этом после гибели своих кораблей?

– Корабли были отвлекающим приемом, – сказала Галиана. – Мы хотели внушить вам, что по-прежнему пытаемся улететь, а на самом деле наш путь уже действовал.

– Дорого же вам обошелся этот отвлекающий прием.

– Не так уж дорого. Я солгала тебе, сказав, что мы не проводили клонирования. Мы занимались этим, но лишь для того, чтобы создавать тела без мозга. Еще до старта корабли были полны трупов.

В первый раз с той минуты, как Клавэйн покинул Деймос, он улыбнулся – ему показался забавным столь явный перекос в

мышлении Галианы.

– Разумеется, была еще одна цель, – добавила она. – Эти корабли провоцировали вас на прямую атаку Гнезда.

– Значит, все было задумано заранее?

– Да. Нам требовалось привлечь ваше внимание, чтобы вы сосредоточили вооруженные силы на низкой орбите, поблизости от Гнезда. Разумеется, мы надеялись, что нападение начнется позже… но мы не знали о заговоре Уоррена.

– Значит, вы что-то замышляли.

– Вот именно. – Следующий «снаряд» нырнул в дыру, на впускных рельсах потрескивал озон. Теперь «снарядов» осталось только два. – Мы можем поговорить позже. Времени мало. – Она создала в его визуальном поле изображение Стены, наполовину испещренной гигантскими трещинами. – Она рушится.

– А Фелка?

– Все еще пытается спасти ее.

Он взглянул на сочленителей, которые забирались в первый «снаряд», и попытался угадать, куда они полетят. Может, это какое-нибудь знакомое ему убежище, а может, край столь же запредельный для его понимания, как и загробный мир? Найдутся ли у него силы выяснить? Возможно. В конце концов, ему нечего терять, он наверняка не вернется домой. Но если он последует в изгнание за Галианой, то всегда будет мучиться от мысли, что бросил Фелку.

Ответ, когда он пришел, оказался прост.

– Я возвращаюсь за ней. Если ты не можешь меня ждать, не жди. Но не пытайся остановить.

Галиана медленно покачала головой:

– Даже если ты ее спасешь, она не поблагодарит.

– Может быть, позже, – ответил он.

Было такое чувство, будто он возвращается в горящий дом. Если вспомнить, что говорила Галиана о Фелке – что, строго выражаясь, девочка мало чем отличается от автомата, – его поступок не имеет смысла, это просто самоубийство. Но если он ее бросит, то сам перестанет быть человеком. Он совершенно неверно понял слова Галианы о том, что девочка дорога сочленителям. Решил, что они привязаны к ней… а Галиана имела в виду, что этот ребенок обеспечивает их существование. Теперь, когда Гнездо покинуто, в ней больше не нуждаются. Неужели Галиана сама стала холодна, как машина, или она всего лишь до крайности реалистична?

После одного-двух ошибочных поворотов он нашел детскую и комнату Фелки. Его имплантаты снова создавали в воздухе

призрачные картины. Теперь огромные расщелины в Стене достигали поверхности Марса. От Стены откалывались куски размером с айсберг, они лежали на марсианской пыли, словно гигантские осколки стекла.

Это была не просто очередная трудная фаза игры. На сей раз Фелка была не в силах победить, и было видно, что она все понимает. Девочка по-прежнему неистово размахивала руками, но лицо покраснело, его исказила гримаса обиды, гнева и страха.

Казалось, она впервые заметила чужое присутствие.

Что-то проникло сквозь ее скорлупу, решил Клавэйн. Впервые за многие годы произошло событие, с которым она не смогла справиться; событие, угрожающее разрушить аккуратную геометрическую вселенную, созданную ею для себя. Может быть, она и не отличала его лицо от лиц остальных людей, окружавших ее, но она наверняка поняла что-то… поняла, что мир взрослых гораздо больше ее мира и что только оттуда может прийти спасение.

А затем она сделала вещь, которая потрясла Клавэйна до глубины души. Она взглянула ему прямо в глаза и протянула руку.

Но он ничем не мог ей помочь.

Потом – ему показалось, что прошли часы, хотя на самом деле миновало минут двадцать-тридцать, – Клавэйн обнаружил, что снова может нормально дышать. Они покинули Марс – Галиана, Фелка и он, летя в последнем «снаряде».

И они были еще живы.

Вакуумный тоннель, по которому двигался «снаряд», представлял собой неглубокую дугу, пробуренную в толще Марса и соединившую две точки его поверхности. Тоннель выходил наружу на расстоянии двух тысяч километров от Гнезда, далеко за пределами Стены, где атмосфера была такой же разреженной, как и на всей планете. Для сочленителей пробурить тоннель было не слишком трудной задачей. Подобный коридор невозможно было бы создать на планете, поверхность которой образована тектоническими плитами, но под литосферой Марса находился неподвижный пласт коры. Им не пришлось даже беспокоиться об отходах. С помощью каких-то фокусов с пьезоэлектричеством извлеченный грунт сжимали, сплавляли и использовали для укрепления стен тоннеля, и эти стены выдерживали чудовищное давление. «Снаряд» непрерывно ускорялся, и ускорение составляло три единицы за шесть секунд.

Сиденья наклонились назад и обхватили пассажиров, к ногам было приложено давление, чтобы поддерживать кровоток к мозгу.

И все же было тяжело думать, не то что двигаться. Но Клавэйн знал, что самым первым космоплавателям в их вылазках за пределы Земли приходилось выдерживать и не такие перегрузки. И он испытал подобные мучения на войне при запусках боевых ракет.

Двигаясь со скоростью десять километров в секунду, они достигли поверхности и вылетели через замаскированный люк. На миг в них вцепилась атмосфера… но почти сразу же Клавэйн почувствовал замедление: разгон закончен. И действительно, поверхность Марса быстро удалялась.

Через тридцать секунд они очутились в космосе.

– Сенсорная сеть Заграждения не может засечь нас, – сказала Галиана. – Вы расположили лучшие спутники-шпионы прямо над Гнездом. Тут, Клавэйн, вы дали маху – не зря мы старались привлечь ваше внимание, выпуская корабли. Сейчас мы далеко за пределами чувствительности ваших сенсоров.

Клавэйн кивнул:

– Но когда удалимся от поверхности, нам все равно несдобровать. Мы будем выглядеть просто как корабль, пытающийся уйти в дальний космос. Может, сеть обнаружит нас не сразу, но в конце концов это все же случится.

– Это случилось бы, – возразила Галиана, – если бы мы действительно направлялись в дальний космос.

Рядом с ним пошевелилась Фелка. Она впала в нечто вроде кататонии. Разлука со Стеной подорвала самые основы ее существования, теперь она летела в бездну бессмыслицы. Возможно, подумал Клавэйн, она будет падать туда вечно. Если так, то он лишь отдалил ее гибель. Неужели все так плохо? Может, он зря тешит себя надеждой, что когда-нибудь роботам Галианы удастся исправить вред, который им подобные нанесли десятью годами ранее? Конечно же, они могут попытаться.

Это зависит от того, куда направляется корабль. Сначала Клавэйн решил, что цель – одно из Гнезд сочленителей в Солнечной системе, хотя не похоже, что пассажиры доживут до конца путешествия. При скорости десять километров в секунду это может занять вечность…

– Куда ты нас везешь? – спросил он.

Галиана мысленно отдала некую команду, и корпус «снаряда», казалось, стал прозрачным.

– Туда, – указала она.

Далеко впереди возникло какое-то пятно. Галиана увеличила изображение, и объект стал виден лучше.

Темный, бесформенный. Похож на Деймос, только без укреплений.

– Фобос, – произнес пораженный Клавэйн. – Мы летим на Фобос.

– Да, – ответила Галиана.

– Но как же черви…

– Червей больше нет. – Она говорила с тем же терпением учителя, с каким Ремонтуар не так давно разговаривал с Клавэйном на ту же тему. – Ваши попытки изгнать червей потерпели неудачу. Вы сочли, что и наша последующая попытка также провалилась… Но мы лишь хотели заставить вас думать так.

На мгновение он лишился дара речи.

– Так все это время на Фобосе были твои люди?

– Да, с момента прекращения огня. И они не теряли времени.

Фобос изменился. Было снято несколько верхних слоев, и открылось блестящее устройство, спрятанное в его центре, готовое к полету. Клавэйн в жизни не видел ничего подобного, но назначение этой вещи было очевидно. Ничего похожего не было создано за всю историю человечества.

Перед ним был звездолет.

– Скоро отправимся, – сообщила Галиана. – Разумеется, нас попытаются остановить. Но сейчас их силы сосредоточены у поверхности, так что не выйдет. Мы оставляем Фобос и Марс и посылаем сообщения другим Гнездам. Если они смогут вырваться и добраться до нас, мы заберем и их. Мы улетаем из этой системы.

– Куда вы направляетесь?

– Ты хотел сказать, куда мы направляемся? Ведь ты летишь с нами. – Она сделала паузу. – Есть несколько подходящих систем. Наш выбор зависит от траектории кораблей Коалиции, которые отправятся в погоню.

– А как насчет демархистов?

– Им нас не остановить. – Это было сказано с абсолютной уверенностью.

Что означает эта уверенность? Демархисты знают о корабле? Возможно. Давно ходят слухи о том, что демархисты и сочленители ближе, чем хотят казаться.

– А изменения орбиты, вызванные червями?

– Это побочный результат нашей работы, – сказала Галиана. – Ничего не могли с этим поделать. Каждый раз, посылая баллон к Фобосу, мы сталкивали его на новую орбиту. Даже после того как мы отправили тысячу баллонов, эффект был мизерным: скорость Фобоса изменилась меньше чем на одну десятую миллиметра в секунду. Но скрыть это было невозможно. – Она посмотрела на Клавэйна с некоторой озабоченностью. – Прибудем через три с

лишним минуты. Ты хочешь жить?

– Что?

– Подумай вот о чем. Длина трубы на Марсе – две тысячи километров, и это позволило нам разгоняться в течение шести минут. Поэтому ускорение там не превысило трех *g*. Но на Фобосе для такой трубы просто нет места. Мы будем тормозить гораздо резче.

У Клавэйна волосы на затылке встали дыбом.

– Насколько быстро?

– Полное торможение за одну пятую секунды. – Галиана дала ему время осмыслить услышанное. – Пятикратная перегрузка.

– Мне этого не выдержать.

– Да, сам бы не выдержал. Но у тебя в голове имплантаты. Они еще успеют построить в мозгу структурирующую сетку. Я заполню кабину пеной. Мы все умрем, но ничего непоправимого не произойдет – на Фобосе все исправят.

– Это не просто структурирующая сетка, да? Я стану похожим на тебя, исчезнут все различия.

– Да, ты станешь сочленителем. – Галиана едва заметно улыбнулась. – Процедура обратима. Просто никто еще не захотел вернуться назад.

– И ты еще говоришь, что все это не было задумано?!

– Это не так, но я и не жду, что ты мне поверишь. Хотя… Не знаю, имеет ли это значение… Ты хороший человек, Клавэйн. Ты можешь принести пользу Транспросвещению. Возможно, подсознательно я… то есть мы…

– Ты всегда надеялась, что дело этим кончится?

Галиана улыбнулась.

Клавэйн посмотрел на Фобос. Даже без увеличения тот стал явно больше. Очень скоро они прилетят. Хотелось бы поразмыслить об этом подольше, но время было не на его стороне. Клавэйн взглянул на Фелку и подумал: кому из них это путешествие кажется более странным? Фелке с ее поиском смысла жизни без ее возлюбленной Стены или его путешествие в Транспросвещение? Так получилось, что ни то ни другое не будут легкими. Но вместе, возможно, они найдут способы помочь друг другу. Сейчас ему оставалось надеяться только на это.

Клавэйн согласно кивнул, готовый к тому, что рой машин опутает его мозг.

Он был готов дезертировать.

Ледник [5]

Невил Клавэйн осторожно выбирал дорогу в ледяном крошеве. Белое поле простиралось во все стороны, изрезанное трещинами с глянцевыми отвесными стенами. Самые крупные разломы были нанесены на карту еще до посадки, однако он по-прежнему опасался сюрпризов, и каждый раз, когда нога с треском проваливалась сквозь наст, у него перехватывало дыхание. Он прекрасно сознавал, как опасно отклоняться от красной полосы, проведенной его имплантатами поверх ледяной равнины.

Стоило только напомнить себе, что произошло с Мартином Сеттерхольмом.

Его тело нашли месяц назад, вскоре после прибытия на планету. Это случилось неподалеку от базы американо, в считаных шагах от высоких куполов огромного заброшенного комплекса и ледяных пещер. Друзья Клавэйна отыскали десятки мертвецов на самой базе, и большинство из них удалось без труда опознать по списку участников экспедиции. Но Клавэйна беспокоили разломы – не найдутся ли и другие покойники в окружающих базу ледяных полях? Он обследовал лабиринты базы, пока не обнаружил незапертый шлюз, и хотя снегопады давным-давно уничтожили все следы, не приходилось сомневаться, в какую сторону мог направиться отсюда путник.

Задолго до того, как база скрылась за горизонтом, Клавэйн набрел на глубокую расщелину. И на ее дне – едва различимый, даже если свеситься через край, – широко раскинув руки, лежал человек. Клавэйн вернулся за остальными и привел их к расщелине, захватив лебедку, которая опустила его на тридцать-сорок метров в глубину величественного храма из пятнистого рельефного льда. Вскоре он увидел и тело в атмосферном скафандре старой конструкции. Ноги мертвеца жутко изогнуло, словно это были необычно сочлененные конечности существа иной расы. Клавэйн сразу понял, что это мужчина, поскольку шлем при падении сорвался с соединительного кольца и отлетел на несколько метров. Хорошо сохранившееся лицо наполовину утонуло в ледяной подушке.

На Диадеме никто не умирает мгновенно. Здешним воздухом можно дышать, хотя и недолго, так что у мужчины явно было время, чтобы осознать свое незавидное положение. Даже с помутившимся сознанием он должен был понимать, что скоро умрет.

Клавэйн подобрал шлем и прочитал вслух именную табличку

на гребне: «Мартин Сеттерхольм».

Он сожалел о случившемся, но невольно почувствовал некоторое удовлетворение от того, что может отчитаться о еще одном найденном. Сеттерхольм числился среди пропавших без вести, и теперь, пусть даже и пролежав здесь без малого сто лет, будет наконец погребен подобающим образом.

Клавэйн едва не пропустил еще кое-что. Сеттерхольму хватило времени процарапать на льду сообщение. Скрытые на самом дне ледника отметины были все еще различимы. Клавэйну показалось, что это три буквы: «И», «В» и «Г».

ИВГ.

Это ничего не говорило Клавэйну, и даже глубокий поиск в коллективной памяти сочленителей выдал лишь горстку худо-бедно подходящих кандидатов. Наименее нелепым из них выглядел «искусственно возбужденный гаметогенез», но даже это никак не могло быть связано с Сеттерхольмом. С другой стороны, судя по архивам базы, он был биологом. Что, если сообщение открывает леденящую душу правду о том, чем занималась колония на Диадеме: биологическими экспериментами, вышедшими из-под контроля самым ужасающим образом? Может быть, что-то связанное с червями?

Однако со временем точные детали смерти Сеттерхольма начали ускользать из сознания, потрясенного огромным количеством погибших. Так или иначе, это был вовсе не уникальный случай, а лишь еще один пример того, как умерло большинство из них: не насильственная смерть и не самоубийство, а результат собственной беспечности, безрассудства и элементарной глупости. Они забыли или просто перестали выполнять основные правила безопасности, – например не заходить в зону трещин без необходимого снаряжения. Оборудование использовалось безграмотно, медикаменты применялись как попало. Иногда растяпы никого не утаскивали с собой в могилу, но нередко жертв было больше. И все это произошло очень быстро.

Галиана говорила о своего рода психозе, другие сочленители рассуждали об интегральном невральном состоянии генофонда всей колонии, долгое время никак себя не проявлявшем, пока его не активировал внешний сигнал.

Не отвергая версии своих друзей, Клавэйн не мог отделаться от мыслей о червях. В конце концов, они были повсюду, и американо несомненно интересовались ими, в особенности Сеттерхольм. Прижавшись визором ко льду, Клавэйн и сам заметил, что черви добрались даже до тех глубин, где нашел свою смерть этот человек. Их тонкие ходы пронизывали вертикальные

ледяные стены, словно рукава речной дельты, с темными узлами размножения в тех местах, где пересекались самые крупные тоннели. Крохотные черные черви наводнили ледник, и это лишь одна колония из миллионов, разбросанных по всей замерзшей части Диадемы. Биомасса червей в одной колонии должна составлять по меньшей мере десятки тонн. Может быть, исследуя этих тварей, американо выпустили на свободу нечто такое, что разрушило их разум и превратило их в нетвердо стоящих на ногах идиотов?

Он ощутил безмолвное присутствие Галианы в дальнем уголке своего разума – там, где еще минуту назад ее не было.

– Мы готовы отправиться дальше, Невил, – сказала она.

– Ты уже закончила с развалинами?

– Они не представляют большого интереса. Всего лишь склады с оборудованием. К северу есть еще какие-то заброшенные постройки. Нам необходимо их осмотреть, и лучше бы добраться туда до наступления темноты.

– Но я отлучился всего на полчаса…

– На два часа, Невил.

Клавэйн недоверчиво посмотрел на наручный дисплей, и оказалось, что Галиана права: он действительно провел в одиночестве на леднике все это время. Вдали от остальных оно всегда протекало незаметно, как сон утомленного человека. Пожалуй, это точная аналогия: во сне мозг млекопитающего отдыхает от обработки поступающей извне информации, пропуская полученный за день опыт через фильтр долговременной памяти, накапливая полезные воспоминания и отбрасывая то, что нет нужды сохранять. И мозг Клавэйна – которому до сих пор необходим был обычный сон – в такие моменты одиночества отдыхал от интенсивного невронального общения с другими сочленителями. Он буквально ощущал, как его нейроны сообща облегченно вздыхали, когда от них требовалось обрабатывать мысли только одного разума.

Но два часа – это крайне мало.

– Я сейчас, – сказал Клавэйн. – Только возьму образцы червей и вернусь.

– Ты уже набрал сотни этих тварей, Невил, и все они одинаковые. Различия если и есть, то ничтожные.

– Знаю. Но никому ведь не станет хуже, если позволить старому чудаку тешиться своими фантазиями?

Словно подтверждая эти слова, Клавэйн опустился на колени и зачерпнул поверхностный лед в контейнер для образцов. Похожие на пиявок черви так изрешетили все вокруг, что он наверняка захватил несколько особей, хотя убедиться в этом мог

только по возвращении в лабораторию шаттла. Если повезет, в контейнер может попасть даже узел размножения с несколькими десятками червей, занятых сложной и продолжительной оргией, включающей спаривание и поедание себе подобных. Потом он проведет такое же комплексное исследование, какое проделывал со всеми остальными образцами, пытаясь выяснить, почему американо потратили столько сил на их изучение. И несомненно, получит точно такие же результаты, что и прежде. Черви никогда не менялись: никаких поразительных мутаций в каждом сотом или тысячном образце, никаких ошеломляющих биохимических фокусов с их организмами. Они выделяли несколько простейших ферментов, поедали пыльцу и закованные в лед водоросли, ползали по трещинам и, встречая других червей, неосознанно подчинялись законам жизни, смерти и размножения.

Вот и все, чем они занимались.

Другими словами, Галиана права: черви просто превратились для него в удобный предлог побыть вдали от остальных сочленителей.

В начале экспедиции, месяц назад, ему было куда проще оправдывать эти вылазки. Даже некоторые из истинных сочленителей испытывали примитивное человеческое стремление уединиться среди километров причудливо окрашенного, изящно расколотого на кусочки, свободного от мыслей льда. После оставленной позади раздираемой войной Солнечной системы приятно было очутиться в первозданной тишине и покое.

Диадема была планетой земного типа в системе звезды Росс 248. Здесь имелись океаны и полярные шапки, тектонические плиты и признаки довольно развитой многоклеточной жизни. Растения уже оккупировали почву, а за ними двинулись и некоторые животные – аналоги членистоногих, моллюсков и червей. Даже самые крупные из обитавших на суше все еще оставались мелкими по земным стандартам, а у водных до сих пор не сформировался внутренний скелет. Ничто пока не свидетельствовало о зачатках разума, но это было не такое уж и сильное разочарование. Целой человеческой жизни не хватило бы на то, чтобы изучить фантастический диапазон жизненных форм, метаболизма и стратегий выживания, стихийно развившихся на Диадеме.

Однако еще до того, как Галиана послала туда первый исследовательский шаттл, открылась ошеломляющая правда.

Кто-то побывал на Диадеме раньше.

Ошибки быть не могло: радары отметили металлические отблески на поверхности планеты. Тщательный осмотр с орбиты показал, что эти заброшенные постройки и оборудование явно

земного происхождения.

– Это невозможно, – заявил Клавэйн. – Мы должны быть первыми. Мы не можем не быть первыми. Никто еще не построил корабля, равного «Сандре Вой», способного улететь так далеко.

– Возможно, где-то здесь кроется ошибочное предположение, – ответила Галиана. – Тебе так не кажется?

Клавэйну оставалось лишь смиренно кивнуть.

И вот теперь – позже, чем он обещал, – Клавэйн вернулся к поджидавшему его шаттлу. Безопасная красная дорожка вывела его прямо к трапу под брюхом корабля. Он поднялся, миновал прозрачную мембрану, перекрывающую входной люк, и скафандр почти полностью соскользнул с него при соприкосновении с ней. К тому времени, когда Клавэйн оказался внутри, на нем не было ничего, кроме легкой дыхательной маски и устройства связи. Он мог бы даже обнаженным прожить какое-то время снаружи – в атмосфере Диадемы хватало кислорода, чтобы поддерживать человеческую жизнь, – но Галиана стремилась не допустить любого смешивания микроорганизмов.

Он вернул оборудование в свой шкафчик, поставил контейнер с червями на стеллаж холодильной камеры, оделся в тонкие, как бумага, брюки и тунику, а затем направился в кормовой отсек.

Галиана и Фелка сидели лицом друг к дружке в строго обставленной каюте с голыми стенами. Обе смотрели в пустое пространство, не встречаясь взглядами. Они напоминали повздоривших между собой мать и дочь, чей разговор зашел в тупик. Клавэйн знал, в чем тут дело.

Он отдал хорошо отрепетированную мысленную команду, открывшую его разум для общения с остальными. Это было похоже на крошечную брешь в плотине – он никогда не успевал как следует подготовиться к хлынувшему на него потоку информации. Каюта изменилась: стены истекали яркими красками, сплетающимися в замысловатые узоры, которые пронизывали теперь все помещение. Галиану и Фелку, мгновением раньше неброско одетых, окутала вуаль света, делая их невероятно, сверхчеловечески прекрасными. Клавэйн улавливал их мысли так, словно подслушивал оживленный разговор за дверью. Большая часть этих мыслей не была выражена словами. Галиана и Фелка увлеченно играли в абстрактную логическую игру. Между ними в воздухе парила световая решетка, напоминающая безумно сложную схему трубопроводов нефтеперегонного завода. Она постоянно перестраивалась, цветные потоки переливались туда и обратно вслед за изменениями геометрии. Примерно половина труб была зеленой,

другая половина – сиреневой, а затем первых вдруг стало значительно больше, чем вторых.

Фелка засмеялась, она выигрывала.

Галиана сдалась и откинулась на спинку кресла с утомленным вздохом, но и с улыбкой.

– Прошу извинить, я отвлек тебя своим появлением, – сказал Клавэйн.

– Нет, ты лишь ускорил неизбежное. Боюсь, что Фелка всегда будет меня обыгрывать.

Девочка снова улыбнулась, по-прежнему не говоря ни слова, хотя Клавэйн и ощущал ее торжество; резкая эмоция на мгновение затмила собой все остальное, даже усталое смирение Галианы.

Фелка была результатом неудачного эксперимента сочленителей по воздействию на внутриутробное развитие мозга, ребенком, обладающим скорее машинным, нежели человеческим, мышлением. Когда Клавэйн впервые встретился с ней в Гнезде Галианы на Марсе, девочка была полностью сосредоточена на труднопостижимой бесконечной игре – управляла хрупкими процессами самовосстановления терраформирующей системы, известной как Великая Марсианская Стена, за которой и скрывалось Гнездо. Люди ее не интересовали, она даже не различала их лица. Однако перед самой эвакуацией Гнезда Клавэйн спас ее, рискуя собственной жизнью, хотя Галиана и уверяла его, что милосердней будет позволить девочке умереть. Привыкая к жизни в сообществе Галианы, Клавэйн поставил перед собой цель помочь Фелке развить скрытую в ней человечность. Постепенно она начала проявлять признаки узнавания, вероятно ощущая некое родство между ними – двумя чужаками, неуверенно бредущими по дороге к загадочному новому свету.

Галиана поднялась с кресла, окутанная пеленой света.

– Так и так пора было заканчивать игру. У нас много работы. – Она посмотрела на девочку, все еще разглядывавшую световую решетку. – Извини, Фелка. Может быть, потом еще поиграем.

– Как у нее дела? – спросил Клавэйн.

– Она смеется, Невил. Это ведь прогресс, правильно?

– Я бы сказал, все зависит от того, из-за чего она смеется.

– Она обыграла меня. И ей это кажется забавным. Я бы сказала, что это чисто человеческая реакция. Ты так не считаешь?

– Мне бы доставило больше удовольствия, если бы она узнавала мое лицо, а не запах или звук шагов.

– Ты единственный среди нас, кто носит бороду, Невил.

Чтобы заметить это, не требуется напряженной работы мозга.

Входя в кабину шаттла, Клавэйн демонстративно почесал подбородок. Ему нравилась его борода, пусть даже подстриженная чуть ли не до величины седой щетины, чтобы без всякого труда надевать и снимать дыхательную маску. Это была связь с прошлым, такая же, как его воспоминания или как морщины, которые Галиана умышленно сохранила, когда модифицировала его тело.

– Конечно же, ты права. Просто иногда приходится напоминать себе, как далеко мы ушли вперед.

Галиана улыбнулась – у нее получалось все лучше, хотя в улыбке по-прежнему чувствовалась какая-то натянутость, – и заправила за уши пряди черных с проседью волос.

– Я говорю себе то же самое, когда думаю о тебе, Невил.

– Мм… Но все же я прошел немалый путь, правда?

– Да, но это вовсе не означает, что путь впереди не окажется значительно длинней. Я могла бы вложить эту мысль тебе в голову за микросекунду, если бы получила твое разрешение… но ты по-прежнему настаиваешь, чтобы мы общались, производя горловой шум, словно обезьяны.

– Что ж, это полезное упражнение для тебя, – сказал Клавэйн, надеясь, что не выдал своего раздражения.

Они заняли соседние кресла, приборные дисплеи плавно перешли в режим взлета. Имплантаты давали Клавэйну возможность управлять кораблем, не прикасаясь к приборам, но он, как старый солдат, предпочитал ручное управление. Поэтому имплантатам пришлось создать воображаемый джойстик с кнопками и рычажками, и когда Клавэйн вытянул руку, чтобы сжать его, то ощутил под пальцами что-то твердое. Он вздрогнул при мысли о том, как тонко было изменено его восприятие реального мира, чтобы поддерживать эту иллюзию, но через несколько минут уже обо всем позабыл, поглощенный радостью полета.

Он поднял шаттл в воздух, а затем перевел на горизонтальный курс к пятой за этот день группе построек. Внизу скользили километры льда, лишь изредка прерываемого выступающими хребтами и участками сухой, усеянной валунами земли.

– Говоришь, всего несколько домишек?

Галиана кивнула:

– Пустая трата времени, но мы обязаны все проверить.

– Удалось приблизиться к пониманию, что у них произошло?

– Они погибли практически в одночасье. В основном в результате несчастных случаев, вызванных нарушением

нормального мышления, хотя двое-трое могли умереть и потому, что оказались более восприимчивы к токсину, чем остальные.

Клавэйн улыбнулся одержанной маленькой победе.

– Значит, теперь ты рассматриваешь вариант отравления, а не психоза?

– Отравление трудней объяснить, Невил.

– Может быть, дело в червях Мартина Сеттерхольма?

– Маловероятно. Конечно, меры биологической безопасности у экспедиции были не так хороши, как у нас, но все же вполне достаточны. Мы исследовали этих червей и выяснили, что они не несут в себе ничего существенно вредного. Но даже если бы там был нейротоксин, как бы он мог подействовать на всех так быстро? Допустим, лаборанты что-то подцепили, но тогда они должны были слечь первыми и насторожить остальных, однако ничего похожего не произошло.

Она помолчала и добавила, предупреждая его новый вопрос:

– Нет, я не думаю, что случившееся с ними непременно должно нас беспокоить, хотя это и не значит, что я полностью исключаю такую вероятность. Но даже самые старые наши технологии на столетие опережают лучшее из того, что они имели, и к тому же мы всегда можем отступить на «Сандру Вой», если наткнемся на что-то такое, с чем наномеды в наших головах не смогут справиться.

Клавэйн старался лишний раз не вспоминать о роях субклеточных машин, наполнивших – и отчасти вытеснивших – его мозг, но иногда это было неизбежно. Он все еще болезненно реагировал на эту идею, хотя уже мягче, чем прежде. Однако сейчас он воспринимал их скорее как союзников, такую же неотъемлемую часть организма, как иммунная система. Галиана права: они воспрепятствуют любым попыткам вмешательства в то, что можно считать нормальной работой его мозга.

– И все же, – сказал он, не желая отказываться от своей излюбленной версии, – ты должна признать: американо, и особенно Сеттерхольм, заинтересовались этими червями. Чрезмерно заинтересовались, если уж на то пошло.

– Кто бы говорил.

– О, у меня интерес сугубо следственный. И я невольно сопоставляю одно с другим. Они интересовались червями. И они сошли с ума.

Конечно же, это была слишком упрощенная схема. Очевидно, черви привлекли внимание лишь небольшой части американо – тех, кто занимался ксенобиологией. Судя по собранным сочленителями сведениям, инициатором этих исследований был Сеттерхольм – тот человек, чей труп Клавэйн обнаружил на дне

расщелины. Сеттерхольм отправлялся в далекие путешествия по снежным пустыням Диадемы, взяв себе в помощь горстку единомышленников. Он находил червей, объединенных в огромные колонии, на десятках ледниковый полей. Остальные члены экспедиции по большей части не ограничивали его активность, даже притом что им приходилось напрягать все силы в ежедневной борьбе за выживание в чужом, враждебном мире.

Положение усложнилось задолго до того, как все они умерли. Самовоспроизводящиеся роботы, которых они привезли с собой, вышли из строя много лет назад, обрекая тем самым хрупкие системы жизнеобеспечения на медленную смерть: каждая новая неисправность устранялась с большим напряжением сил, чем предыдущая. На Диадеме становилось все холодней – планета сползала в затяжной ледниковый период. К несчастью для американо, они прибыли на планету в момент наступления многовековой зимы. «С тех пор холод только усилился, – подумал Клавэйн. – Полярные шапки тянутся навстречу друг другу, словно влюбленные после долгой разлуки».

– Что бы это ни было, оно произошло очень быстро, – задумчиво проговорил Клавэйн. – Они уже покинули большую часть отдаленных баз, снова сгрудившись в главном поселении. К тому времени им уже едва хватало запчастей и технических знаний, чтобы обслуживать единственную термоядерную установку.

– Которая тоже отказала.

– Да, но это не имело большого значения. Установка не могла работать сама по себе, ее постоянно требовалось ремонтировать. Со временем люди, обладающие необходимыми техническими навыками, подверглись воздействию… неизвестно чего, а потом реактор заглох и они умерли от холода. Но проблемы начались задолго до остановки реактора.

Очевидно, Галиана собиралась что-то возразить. Клавэйн мог заранее определить, когда она заговорит: как будто выброс ее мыслей попадал в его сознание еще до того, как она успевала выразить это словами.

– Да? – произнес он, когда молчание начало затягиваться.

– Я просто вот о чем подумала, – ответила она. – Реактор этого типа… Он ведь не требует редких изотопов, верно? Дейтерия там или трития.

– Нет, только старый добрый водород. Все необходимое можно получить из морской воды.

– Или изо льда, – добавила Галиана.

Они вышли к следующей точке посадки. «Как поганки», – подумал Клавэйн. Полдюжины черных металлических башен,

увенчанных куполами жилых модулей и связанных между собой паутиной надземных герметичных переходов. Купола тридцати-сорока метров в поперечнике возвышались над землей на сотню с лишним метров, украшенные узкими окнами, датчиками и антеннами связи. Напоминающий язык выступ самого высокого из них, судя по всему, служил посадочной площадкой. И действительно, подлетев ближе, Клавэйн разглядел, что там уже стоит корабль – один из тех летательных аппаратов с затупленной кромкой крыла, которые американо использовали для передвижения по планете. Он был припудрен ледяной крошкой, но, вероятно, все еще мог стартовать без долгих уговоров.

Клавэйн с миллиметровой точностью посадил шаттл, полозья остановились на самом краю площадки. Очевидно, она предназначалась только для одного корабля.

– Невил… мне это как-то не нравится, – произнесла Галиана.

Он почувствовал напряжение, но не смог определить, было ли оно его собственным или просочилось в голову из мыслей Галианы.

– Что именно тебе не нравится?

– Этого корабля не должно здесь быть, – объяснила она.

– Почему не должно?

Она тихим голосом напомнила ему, что эвакуация удаленных поселений проводилась в относительном порядке по сравнению с разразившимся позже кризисом.

– Эту базу должны были закрыть и законсервировать вместе со всеми остальными.

– Значит, кто-то остался здесь, – предположил Клавэйн.

Галиана кивнула:

– Или вернулся.

Клавэйн ощутил присутствие третьего, оттенок мыслей просочился в его мозг. В кабину вошла Фелка. Он сразу уловил ее настороженность.

– Ты тоже чувствуешь, – озадаченно произнес он, глядя в лицо ужасно искалеченной девочки. – Чувствуешь наше беспокойство. И это не нравится тебе еще больше, чем нам.

Галиана взяла девочку за руку:

– Все в порядке, Фелка.

Должно быть, она говорила вслух исключительно ради Клавэйна. Галиана могла и не открывая рта вложить в голову Фелки успокаивающие мысли, стараясь унять тревогу минимальным невральным воздействием. Клавэйну пришла на ум аналогия с опытным мастером икебаны, достигающим гармонии легким перемещением одного цветка.

– Все будет хорошо, – сказал Клавэйн. – Здесь нет ничего

опасного для нас.

Глаза Галианы на мгновение затуманились, когда она связалась с остальными сочленителями на Диадеме и вне ее. Большинство из них до сих пор оставались на борту «Сандры Вой», следя за происходящим с орбиты. Галиана рассказала им о найденном корабле и сообщила, что собирается вместе с Клавэйном проникнуть в здание.

Клавэйн заметил, как Фелка обхватила пальцами запястье Галианы.

– Она тоже хочет пойти, – сказала Галиана.

– Здесь она будет в большей безопасности.

– Она не хочет оставаться одна.

– Мне казалось, – возразил Клавэйн, – что сочленители, то есть мы, никогда не бывают по-настоящему одни, Галиана.

– Внутри здания может оказаться нечто такое, что помешает связи. Будет лучше, если она физически останется рядом с нами.

– Это единственная причина?

На мгновение он ощутил укол ее гнева, обдавшего разум, словно брызги морской воды.

– Нет. Конечно же нет. Она все еще человек, Невил, что бы мы ни сделали с ее разумом. Мы не можем перечеркнуть миллионы лет эволюции. Может быть, она и не видит необходимости в том, чтобы распознавать лица, но чувствует необходимость дружеской поддержки.

Клавэйн поднял руки:

– Никогда не сомневался в этом.

– Тогда зачем же ты споришь?

Клавэйн улыбнулся. Он много раз вел такие разговоры со многими женщинами. На некоторых из них был женат. И снова испытывал странное удовлетворение от этого теперь – за бесчисленные световые годы от дома, пребывая в новом теле, с напичканным машинами мозгом, споря с основательницей того, что должно казаться пугающим и ненавистным коллективным разумом улья. В эпицентре нагромождения странных событий такая перепалка была по-своему приятна.

– Я просто не хочу, чтобы ей причинили вред.

– Ах, вот как? А я хочу?

– Ладно, забудь, – сказал он, скрипнув зубами. – Давай просто войдем туда и поскорее выйдем, хорошо?

База, как и все другие сооружения американо, была построена для будущих поколений. Но не людьми, а тучей усердных самовоспроизводящихся роботов. Вот как американо добрались до Диадемы: их доставили сюда в виде замороженных оплодотворенных клеток в бронированных, защищенных от

радиации утробах роботов фон Неймана. Корабли стартовали одновременно к нескольким звездным системам за сотню лет до того, как «Сандра Вой» оставила Марс. После прибытия на Диадему роботы приступили к размножению, копируя себя с использованием местного сырья. Когда их число достигло заданного порога, они перенаправили силы на строительство баз: удобного жилья для человеческих детей, которых позже вырастили в собственном чреве.

– Входная дверь исправна, – сообщила Галиана, когда они, пригнувшись навстречу ветру, подошли к гладкой черной стене купола. – И в ее цепях сохранилась остаточная энергия.

Этот фокус всегда немного нервировал Клавэйна. Сочленители, подобно акулам, были чувствительны к внешним электрическим полям. Галиана зрительно воспринимала электрическую схему дверей как лабиринт призрачных неоновых линий. Она потянулась пальцами к замку.

– Получаю доступ к дверному механизму. Вхожу в контакт.

Клавэйн заметил, как покрылось морщинами под маской лицо Галианы. Так случалось лишь тогда, когда ей приходилось напряженно думать. С вытянутой вперед рукой она походила на чародейку, пытающую сотворить особенно сложное заклинание.

– Мм… – протянула она. – Старые добрые программные протоколы. Ничего сложного.

– Осторожней, – сказал Клавэйн. – Я бы не удивился, если бы здесь установили какую-нибудь ловушку.

– Никакой ловушки тут нет, – ответила она. – Зато есть… да… вербальный код. Ну что ж, была не была. – И она добавила громче, чтобы ее голос достиг двери даже сквозь завывания ветра: – Сезам, откройся.

Сигнальные огни сменили красный цвет на зеленый, дверь тяжело заскользила в сторону, соскребая налет инея, и за ней открылся тускло освещенный внутренний зал. Должно быть, база могла десятилетиями работать на тонкой струйке аварийной энергии.

Галиана переступила порог, а Клавэйн и Фелка замешкались. Она обернулась и с насмешкой позвала:

– Ну же! Вы идете или нет, трусишки?

Клавэйн взял протянутую Фелкой руку, и они вдвоем – старый солдат и девочка, едва улавливающая разницу между лицами, – сделали несколько робких шагов.

– То, что ты нам сейчас показала, – вся эта история с твоей рукой и паролем… – Клавэйн на мгновение умолк. – Это ведь была шутка, правда?

Галиана посмотрела на него с непроницаемым выражением

лица:

– С чего ты взял? Каждому известно, что сочленители не обладают даже отдаленным подобием чувства юмора.

Клавэйн кивнул с серьезным видом:

– Я так и подумал, просто хотел убедиться.

Внутри не чувствовалось ни малейшего сквозняка, но все равно было слишком холодно, чтобы снять скафандры, даже если не опасаться заражения. Они прошли по извилистым коридорам, темным или омытым слабым горохово-зеленым светом. По пути то и дело попадались открытые двери в помещения, наполненные оборудованием, но ни одно из них не было похоже на лабораторию или жилую комнату. Затем они спустились по лестницам и очутились в герметичном переходе между «поганками». Клавэйн уже видел базы американо, похожие на эту; они строились так, чтобы могли функционировать, даже постепенно погружаясь в лед.

Мостик привел туда, где, очевидно, располагался главный жилой сектор. Здесь уже были и комнаты отдыха, и спальни, и лаборатории, и кухни – этого хватило бы на команду в пятьдесят-шестьдесят человек. Однако нигде не было трупов, и не возникало впечатления, будто американо покидали свое жилье в спешке. Оборудование аккуратно сложено, на столах не осталось недоеденной пищи. Все вокруг покрывал иней, но это была просто вода, которая выкристаллизовалась из воздуха по мере остывания базы.

– Они рассчитывали вернуться, – сказала Галиана.

Клавэйн кивнул:

– Эти люди даже представить не могли, что их ждет.

Они двинулись дальше, прошли еще по одному мостику и оказались в «поганке», почти целиком предназначенной для биологических лабораторий. Галиане вновь пришлось продемонстрировать ментальный фокус, чтобы провести спутников внутрь; машины в ее голове опять уговорили глупые машины, встроенные в дверной замок. Лаборатории с низкими потолками были омыты зеленым светом, но Галиана отыскала стенную панель, с помощью которой усилила освещение и даже пробудила к жизни ряд приборов, замигавших сигналами готовности.

Клавэйн огляделся и опознал центрифуги, генные секвенаторы, газовые хроматографы и сканирующие тоннельные микроскопы. Предназначение еще дюжины сверкающих аппаратов ускользнуло от его понимания. Выдвижные ящики стенного шкафа были заполнены сотнями чашек Петри, пробирок и предметных стекол. Клавэйн пробежался взглядом по образцам,

прочитал крохотные этикетки. Там были бактерии и одноклеточные культуры с непроизносимыми кодовыми названиями, большая часть из которых имела маркировку с координатами по карте Диадемы и датой отбора. Но в некоторых ящиках хранились контрольные образцы с латинскими названиями, должно быть доставленные с Земли. Роботы вполне могли привезти с собой крохотные родительские организмы, из которых вырастили или клонировали более крупные образцы. Вероятно, американо экспериментировали с устойчивостью земных организмов с расчетом на будущее терраформирование Диадемы.

Клавэйн бесшумно задвинул ящик и подошел к столу с бóльшими по размеру пробирками. Взял с подставки одну и поднес к свету, чтобы разглядеть ее туманное содержимое. Это был образец с червями, неотличимый от тех, какие он сам брал на леднике несколькими часами раньше. Вероятно, узел размножения, найденный в точке пересечения двух тоннелей. Одни черви в этом клубке обмениваются генами, другие сражаются между собой, третьих переварят взрослые особи или только что родившийся молодняк; все происходит по строгим законам вида и пола. Узел казался мертвым, но когда имеешь дело с червями, это не имеет значения. Они обладают фантастически медленным метаболизмом, и каждая особь способна прожить тысячи лет. Им требуются месяцы, чтобы просто проползти вдоль большой трещины во льду, не говоря уже о том, чтобы перебраться из одного узла в другой.

Однако на самом деле эти черви не были такими уж чуждыми. Их земной аналог, избегающих солнца ледяных червей, обнаружили в конце девятнадцатого века в леднике Маласпины на Аляске. Они немного меньше, чем их собратья с Диадемы, но тоже питаются скудной добычей, что дрейфует по леднику или вмерзла в него много лет назад. Как и у червей с Диадемы, у них есть одна отличительная анатомическая особенность – пóра в головном конце, чуть выше рта. У земных червей эта пóра выполняет единственную функцию: выделяет едкую жидкость, растапливающую лед и помогающую прокладывать путь; если перед ними нет тоннеля – отличный способ спрятаться, пока солнце не иссушило их. У червей с Диадемы был такой же орган, но, согласно записям Сеттерхольма, он получил и другое предназначение: оставлять химически насыщенный «ароматический след», помогающий другим особям ориентироваться в системе тоннелей. Химический состав этого следа оказался невероятно сложным, и каждый червь способен выделять не только свой индивидуальный знак, но и широкий

спектр запахов. Вполне вероятно, что в некоторые из запахов вкладываются более сложные схемы сообщения: не просто «следуй за мной», а «следуй за мной, если ты самка», – у червей Диадемы есть по крайней мере три пола, – или, предположим, «начался сезон размножения». Существовало и много других возможных вариантов, которые Сеттерхольм, похоже, пытался расшифровать и систематизировать, прежде чем его жизнь оборвалась.

Все это было интересно… до определенной степени. Но даже если черви подчинялись сложному набору правил, в зависимости от уловленных «ароматических следов» или других внешних стимулов, их поведение все равно оставалось строго механистичным.

– Невил, подойди.

Это был голос Галианы, но такой интонации Клавэйн от нее еще не слышал. И потому бегом бросился в дальний конец лаборатории, где его дожидались Галиана и Фелка.

Они стояли перед стеллажом с несколькими рядами выдвижных ящиков, занимавшим всю стену. На каждом ящике была закреплена маленькая панель контроля состояния, но только один из них, расположенный на уровне груди, проявлял какую-то активность. Клавэйн оглянулся на дверь, через которую они вошли, но ее закрывало от взгляда оборудование. Они не смогли бы рассмотреть этот ящик, даже если бы он был освещен до того, как Галиана зажгла свет.

– Он мог работать все это время, – сказал Клавэйн.

– Я знаю, – согласилась Галиана.

Она с пугающей ловкостью застучала по клавишам управления. Для Галианы машины были все равно что музыкальные инструменты для юного дарования. Она могла взять наугад любую из них и обращаться с ней как со старой знакомой.

Ряды контрольных огней изменили порядок, а затем, выходя из многолетней неподвижности, где-то за металлическим корпусом ящика с внезапностью взрыва защелкали реле и сервомоторы.

– Отойдите подальше, – велела Галиана.

Слой инея разлетелся на миллиард сахарных песчинок. Ящик начал выдвигаться с неторопливостью, достаточной для того, чтобы сообразить, что находится внутри. Фелка сжала руку Клавэйна, и он заметил, как пальцы ее другой руки обхватили запястье Галианы. В первый раз за все это время он задумался о том, насколько удачной была идея взять девочку с собой.

Ящик был длиной два метра и в половину этого размера высотой и шириной. Вероятно, он предназначался для хранения

образцов животных, отловленных в океанах Диадемы, но мог также использоваться и как поднос морга. То, что внутри ящика покойник, не вызывало никаких сомнений, но на трупе не было ни малейших повреждений. Его поза – на спине, со сложенными на животе руками – и безмятежное выражение голубовато-серого лица с закрытыми глазами наводили Клавэйна на мысль о почившем в бозе святом. Борода была аккуратно заострена, а длинные волосы застыли единой твердой массой. На нем было несколько слоев термобелья.

Клавэйн нагнулся и прочитал бейдж с именем на груди мужчины:

– Эндрю Иверсон. Тебе это что-нибудь говорит?

Галиана связалась с другими сочленителями, и те мгновенно отыскали имя в базах данных.

– Да. Один из пропавших. Похоже, он был климатологом и вдобавок интересовался техникой терраформирования.

Клавэйн удовлетворенно кивнул:

– Неудивительно, учитывая все те микроорганизмы, которые я здесь видел. А теперь вопрос на триллион долларов: как, по-твоему, он сюда попал?

– Думаю, он просто забрался внутрь.

Галиана кивнула на то, что почти целиком спряталось под плечом мужчины, так что Клавэйн этого поначалу не заметил. Он просунул руку в щель и провел пальцами по затвердевшей ткани на одежде Иверсона. Через прорезь в рукаве уходил в предплечье катетер. Черная трубка тянулась назад и исчезала в гнезде, встроенном в стену.

– Ты хочешь сказать, что он покончил с собой? – спросил Клавэйн.

– Должно быть, ввел себе что-то, от чего сердце остановилось. Затем, вероятно, выпустил кровь и заменил ее глицерином или чем-то похожим, чтобы предотвратить образование ледяных кристаллов в клетках. Для этого потребовалась бы кое-какая автоматика, но я уверена, что здесь можно было найти все необходимое.

Клавэйн припомнил все то, что знал о методе крионического погружения, который использовали около ста лет назад. Он и сейчас оставлял желать лучшего, а тогда технология и вовсе недалеко продвинулась вперед от мумифицирования.

– Когда Иверсон вставлял себе катетер, у него не могло быть уверенности в том, что мы его обнаружим, – заметил Клавэйн.

– Но это все равно предпочтительней самоубийства.

– Да, но… такая мысль не могла не промелькнуть у него в голове. Понимать, что должен сначала убить себя, чтобы

получить шанс воскреснуть… и надеяться, что кто-нибудь случайно наткнется на Диадему.

– Однажды тебе пришлось сделать еще более трудный выбор.

– Да, но тогда я, по крайней мере, не был один.

«Тело Иверсона на удивление хорошо сохранилось, – подумал Клавэйн. – Кожный покров на вид почти не поврежден, хотя и имеет мертвый гранитный оттенок. Лицевые кости не потрескались под воздействием падения температуры. Бактериальные процессы замерли. В целом все могло быть гораздо хуже».

– Его нельзя оставлять так, как есть, – сказала Галиана, задвигая ящик обратно в стеллаж.

– Думаю, его это сейчас не слишком беспокоит, – ответил Клавэйн.

– Нет, ты не понял. Его нельзя нагревать – даже до окружающей температуры. Иначе мы не сможем пробудить его.

На то, чтобы привести Иверсона в сознание, потребовалось пять дней.

Принять решение было не так уж и легко – оно стало результатом бурного обсуждения всеми сочленителями, в котором по мере сил участвовал и Клавэйн. В конце концов все согласились, что Иверсона, возможно, удастся оживить с помощью современных методов, практикуемых сочленителями. Проведенное прямо на месте сканирование мозга выявило сохранившиеся синапсические связи, которые можно активировать при помощи машин. Однако, поскольку причина безумия, погубившего коллег Иверсона, еще не была определена – и все данные указывали на неких возбудителей инфекции, – он должен был оставаться на поверхности планеты, возвращенный к жизни в той же среде, где и умер.

Тем не менее Иверсона перевезли на шаттле через полмира обратно на главную базу. Клавэйн отправился в путь вместе с его телом, удивляясь самой мысли о том, что этот твердый кусок льда с человеческими очертаниями, зараженный, по общему мнению, какой-то инфекцией, скоро станет человеком, способным дышать и мыслить, наделенным памятью и ощущениями. Его изумляло, как могло случиться, чтобы бездействующие органы сохранились спустя столько десятилетий. Еще более поразительным было то, что введенные в организм крошечные машины сочленителей могли заново сшить поврежденные клетки и подтолкнуть их обратно к жизни. И что из этого инертного переплетения замерзших мозговых тканей, пока представляющего собой всего лишь физически единый объект и похожего на

изъеденный непогодой обломок скалы, может возникнуть нечто столь гибкое и подвижное, как сознание.

Однако сочленители отнеслись к этой перспективе с полным равнодушием, воспринимая Иверсона точно так же, как опытные реставраторы смотрели бы на поврежденную картину одного из старых мастеров. Да, впереди ожидают трудности, работа требует большого мастерства, но ничего такого, из-за чего можно потерять сон.

«К тому же, – напомнил себе Клавэйн, – все они и так не испытывают потребности во сне».

Пока остальные работали над тем, чтобы вернуть Иверсона к жизни, Клавэйн бродил по задворкам базы, пытаясь получить более полное представление о ее последних днях. Заболевание, ослабляющее рассудок, было, вероятно, особенно пугающим еще и потому, что поражало даже тех, кто мог бы создать какое-нибудь средство против него. Возможно, в прежние времена, когда база находилась под патронажем машин фон Неймана, можно было бы чего-то добиться… но ближе к концу это напоминало попытку решить особенно сложную алгебраическую задачу, напиваясь по ходу дела все больше и больше, утрачивая сначала остроту концентрации, потом способность вообще сосредоточиваться на проблеме и наконец просто забывая, что в ней было такого важного. Лаборатории в главном комплексе имели заброшенный вид, эксперименты остались незавершенными, наскоро написанные на стенах заметки становились все менее связными и разборчивыми.

На нижних уровнях – в транспортных отсеках и складских помещениях – все выглядело так, будто ничего страшного не произошло. Оборудование было по-прежнему тщательно сложено, наземные транспортные средства аккуратно припаркованы, и при вновь включенных обслуживающих системах все вокруг заливал яркий свет, а температура воздуха не требовала дополнительной одежды. Эти прогулки носили еще и целебный эффект: коммуникационные поля сочленителей сюда не проникали, и разум Клавэйна снова оказался в милосердном одиночестве, освобожденный от непрерывного шума голосов. Однако, несмотря на это, его все еще искушало желание провести хоть какое-то время за пределами базы.

С такими мыслями на уме Клавэйн отыскал шлюз, должно быть, пристроенный в последний период истории базы, поскольку он не был нанесен на чертежи. Этот шлюз не перегораживала мембрана и, пройдя через него, Клавэйн сразу после закрытия двери оказался бы на открытом воздухе, не защищенный ничем, кроме той одежды, которую носил сейчас. Он хотел было

вернуться на базу и найти мембранный скафандр, но нужное настроение – желание выйти наружу – за это время могло и пропасть.

Клавэйн заметил шкафчик, внутри которого, к полному его восторгу, находилась вешалка со скафандрами старого образца, наподобие того, что был на Сеттерхольме. Они выглядели словно с иголочки, металлический сплав шейных колец сверкал как новенький. Над каждым скафандром висел луковицеобразный шлем. Клавэйн примерял все подряд, прежде чем выбрал подходящий по размеру. Потом долго возился с замками и уплотнениями, соединяющими части скафандра. Но даже когда он решил, что надел скафандр как положено, шлюз определил, что одна перчатка застегнута неправильно, и отказывался пропускать Клавэйна, пока тот не повторил процедуру и не устранил ошибку.

Но потом Клавэйн все же оказался снаружи, и это было прекрасно.

Он обошел корпус вокруг, определил, где находится, и зашагал по ледяному полю, не выпуская базу из виду и следя за подачей воздуха. Небо Диадемы над его головой казалось темно-синей глазурью, а лед – белый по существу, – словно содержал миллиард оттенков бледно-бирюзового, бледно-аквамаринового и даже бледно-розового. Клавэйн мысленно представлял у себя под ногами сеть прорытых червями тоннелей, уходящую вниз на сотни метров; представлял червей, ползущих по этим ходам, выделяя ароматический след или отзываясь на него. Сами черви с биологической точки зрения были устроены просто, почти пугающе просто, но сеть от этого не становилась менее масштабной и запутанной. И вряд ли имело значение, что черви мучительно медленно передвигались по ней взад-вперед на протяжении всей своей жизни. В конце концов, они жили дольше, чем в состоянии вообразить человек. Они видели, как люди появились и исчезли в мгновение ока.

Так он и дошел до расщелины, в которой был обнаружен Сеттерхольм. Труп, конечно же, давно убрали, но то ощущение глубоко впечаталось в сознание Клавэйна. Оказалось не так уж трудно мысленно вернуться к моменту, когда он, стоя над обрывом, заметил краешек руки. Тогда Клавэйн говорил себе, что бывают и худшие места для гибели, чем это – в окружении красоты, совершенно девственной, не затронутой человеческим влиянием. Теперь же, чем больше он думал об этом, чем больше прокручивал в голове картину смерти Сеттерхольма, тем крепче задумывался: а возможно ли худшее место? Несомненно, Диадема прекрасна, но при этом поразительно мертва, поразительно чужда

жизни. Сеттерхольм не мог не чувствовать, что слабеет и скоро сделается таким же неподвижным, как ледяные чертоги, что станут его гробницей.

Клавэйн размышлял об этом еще какое-то время, наслаждаясь тишиной, одиночеством и странной неуклюжестью скафандра. Он восстанавливал в памяти обстоятельства, при которых нашел Сеттерхольма, и его не отпускала мысль о том, что в них было что-то не совсем правильное, какая-то деталь, которая не казалась подозрительной в тот момент, а теперь беспокоила его.

Это был шлем Сеттерхольма.

Клавэйн вспомнил, что шлем лежал чуть в стороне от трупа, как будто отлетел при падении. Но теперь, после того как Клавэйн сам прикрепил точно такой же шлем к своему скафандру, в это верилось уже трудней. Замки были очень прочными, и он сомневался, чтобы механизм мог сломаться от падения в расщелину. Клавэйн рассмотрел вариант, при котором Сеттерхольм надевал скафандр в спешке, но даже это сейчас казалось маловероятным. Шлюз без труда обнаружил, что у Клавэйна плохо закреплена перчатка, так что он – или любой другой шлюз – наверняка не выпустил бы Сеттерхольма, если бы тот неправильно надел шлем.

Клавэйн задумался над тем, не умер ли Сеттерхольм как-то иначе, чем представлялось до сих пор.

Он долго размышлял, пытаясь справиться с этой задачей, а затем медленно покачал головой. Слишком много вариантов пришлось бы рассмотреть. Может быть, Сеттерхольм покинул базу в поврежденном скафандре, а потом, испуганный и растерянный, долго возился с креплением, постепенно расходуя кислород, и наконец свалился в расщелину. Или, возможно, шлюз оказался не настолько надежным, как предполагалось, и спешивший выйти наружу Сеттерхольм мог отключить систему безопасности.

Нет, человек умер, и нет никакой нужды предполагать, что это был не несчастный случай, а нечто иное. Клавэйн развернулся и направился обратно к базе.

– Он очнулся, – сообщила Галиана примерно через сутки после того, как последняя волна машин влилась в мозг Иверсона. – Думаю, будет лучше, если ты, Невил, первым поговоришь с ним. Не возражаешь? Лучше, чем кто-нибудь из нас. – Она осеклась. – Я хотела сказать, чем те из нас, кто уже давно стал сочленителем.

Клавэйн пожал плечами:

– С другой стороны, симпатичное личико ему было бы

приятней увидеть, чем лицо старого пня. Но я понял твою мысль. Туда безопасно входить?

– Абсолютно. Если бы Иверсон носил в себе какую-то инфекцию, машины обязательно дали бы знать.

– Надеюсь, что ты права.

– Посмотри в глаза фактам. Он действовал разумно до самого конца. Сделал все возможное, чтобы у нас был шанс оживить его. Это не самоубийство, а холодный расчет, попытка найти выход из положения.

– Холодный расчет, – словно эхо, повторил Клавэйн. – Да, пожалуй, так оно и есть. Холодный.

Галиана молча указала на дверь в комнату Иверсона.

Но едва Клавэйн переступил порог, его поразила внезапная мысль. Он снова увидел тело Сеттерхольма на дне расщелины и пальцы, указывающие на буквы: «ИВГ».

«Искусственно возбужденный гаметогенез».

А если предположить, что Сеттерхольм пытался написать «ИВЕРСОН», но умер, не закончив слово? Если Сеттерхольма убили – столкнули в пропасть, – то, возможно, он пытался сообщить имя убийцы. Клавэйн представил, как бедняга страдал от боли в переломанных ногах, ясно понимая, что ему суждено погибнуть в холоде и одиночестве, и заставляя себя писать…

Но зачем климатологу понадобилось убивать Сеттерхольма? Увлечение червями было труднообъяснимым, но совершенно безвредным. Собранные Клавэйном сведения характеризовали Сеттерхольма как убежденного отшельника, из тех людей, кто может вызывать у коллег жалость или равнодушие, но никак не ненависть. К тому же все и так умирали – на этом фоне убийство выглядело нелепым.

Может быть, Клавэйн просто придает слишком много значения этим черточкам, нацарапанным на льду умирающим человеком?

Выбросив подозрения из головы, до поры до времени, Клавэйн зашел в комнату Иверсона. Она была обустроена в спартанском, но умиротворяющем стиле, с маленьким голографическим окном на одной из белых стен. Об этом позаботился сам Клавэйн. Если бы он доверил это дело сочленителям, заполнившим главную базу американо своими герметичными помещениями, комната Иверсона была бы похожа на мрачный серый куб. Для сочленителей большее и не нужно – они передвигались в слоях информационного поля, окутывавших реальность подобно кокону. Но хотя голова Иверсона была теперь напичкана их машинами, те лишь поддерживали нормальный ход его мыслей, усиливая слабые синапсические сигналы и

компенсируя плохую устойчивость нейромедиаторов.

Поэтому Клавэйн настоял на том, чтобы несколько оживить комнату; простыни и подушка Иверсона были такими же белыми, как и стены, так что его голова плыла в море белизны. Иверсону постригли волосы, но Клавэйн позаботился о том, чтобы бороду лишь подровняли.

– Эндрю? – сказал Клавэйн. – Мне передали, что вы очнулись. Меня зовут Невил. Как вы себя чувствуете?

Прежде чем ответить, Иверсон облизал губы:

– Думаю, лучше, чем можно было ожидать.

– Ух! – просиял Клавэйн, чувствуя, что с его плеч свалилась огромная тяжесть. – Значит, у вас сохранились какие-нибудь воспоминания о том, что с вами произошло?

– Я ведь умер, да? Накачал себя до отказа антифризом и понадеялся на удачу. Все получилось или мне просто снится какой-то хитровыделанный сон, пока мой мозг окончательно не умрет?

– Чертовски удачно получилось. Это был очень хитровыделанный трюк, но… – Клавэйн замолчал, усомнившись в том, что правильно использует речевые обороты Иверсона столетней давности. – Вы пошли на немалый риск, но вам будет приятно услышать, что все получилось.

Иверсон вытащил руку из-под простыни и поднес к глазам, изучая рисунок вен на тыльной стороне кисти.

– Это ведь то же самое тело, в котором я отключился? Вы не засунули меня в нутро какого-нибудь робота, не клонировали, не подсоединили отделенный мозг к генератору виртуальной реальности?

– Ничего похожего. Просто прочистили поврежденные клетки, кое-где кое-что исправили и… мм… подтолкнули вас обратно к миру живых.

Иверсон кивнул, но Клавэйн мог бы поклясться, что так до конца и не убедил его. Что и не удивительно, ведь Клавэйн немного солгал.

– И долго я пробыл в отключке?

– Около ста лет, Эндрю. Наша экспедиция прилетела на космическом корабле с вашей родины.

Иверсон опять кивнул с таким видом, словно это была малозначащая деталь.

– Значит, мы сейчас на корабле?

– Нет… Мы все еще на планете. Корабль остался на орбите.

– А что с остальными?

Не было смысла подслащивать пилюлю.

– Мертвы. Насколько мы смогли выяснить. Но вы должны

были знать, что так и случится.

– Да, но я не был уверен до самого конца.

– Так что же все-таки произошло? Как вы избежали заражения, или что это было на самом деле?

– Чистое везение.

Иверсон попросил пить, и Клавэйн принес ему стакан воды, а кресло тем временем само пододвинулось к кровати.

– Я что-то не заметил особых признаков везения, – сказал Клавэйн.

– Нет, это было ужасно. Просто я оказался счастливчиком, вот и все. Я не знаю, много ли вам известно. Под конец нам пришлось эвакуировать отдаленные базы, когда мы уже не могли поддерживать работу реакторов, кроме главного. – Иверсон сделал глоток из стакана. – Если бы у нас остались те машины, что присматривали за нами…

Клавэйн наклонился к кровати:

– Да, этого мы, вообще-то, не поняли. Машины фон Неймана были сконструированы так, что могли сами себя ремонтировать. Как же они сломались?

Иверсон поднял на него глаза:

– Никак. То есть они не сломались.

– Нет? Что же тогда произошло?

– Мы сами их разрушили. Как бунтующие подростки сбрасывают родительскую опеку. Нам надоело, что машины нянчатся с нами. Оглядываясь назад, должен признать, что это была не лучшая идея.

– И машины не сопротивлялись?

– Думаю, разработчикам даже в голову не приходило, что машины могут быть уничтожены теми самыми дети, о которых они столь нежно заботились.

«Итак, что бы здесь на самом деле ни случилось, – подумал Клавэйн, – что бы еще я об этом ни узнал, уже ясно одно: американо отчасти сами виноваты в своих бедах».

Он по-прежнему испытывал к ним симпатию, но теперь она стала холодней и к ней примешивалось что-то близкое к отвращению. Интересно, возникло бы это разочарование так же просто, если бы в его голове не было машин Галианы? Понадобится совсем небольшой шаг, чтобы перенести это чувство с товарищей Иверсона на все человечество…

«И тогда я пойму, что достиг истинного Транспросвещения».

Клавэйн отмахнулся от своих мрачных размышлений. Вовсе не Транспросвещение вызывало у него такие чувства, а застарелый, глубокий цинизм.

– Ну хорошо, не стоит зацикливаться на том, что было

сделано много лет назад. Но как вам удалось выжить?

– Уже после эвакуации мы сообразили, что оставили здесь кое-какие запчасти для последнего реактора. Я взял один из самолетов и вернулся. Приземлился как раз в тот момент, когда приближался штормовой фронт, который продержал меня на земле больше двух суток. Именно тогда и пришла болезнь. Она развивалась очень быстро, и я знаю о ней только то, что удалось выяснить в переговорах с главной базой.

– Расскажите, что вы выяснили.

– Не так уж и много, – ответил Иверсон. – Похоже, это случилось быстро, и в первую очередь была поражена центральная нервная система. Те, кто не умер сразу, вскоре погибли в результате несчастных случаев.

– Мы это заметили. В конце концов умер тот, кто отвечал за правильную работу реактора. Но ведь реактор не взорвался?

– Нет, просто выбросил куда больше нейтронов, чем обычно, больше, чем могла выдержать защита. А затем он перешел в режим аварийного отключения. Некоторые люди погибли от излучения, но большинство умерли от наступившего потом холода.

– Мм… За исключением вас.

Иверсон кивнул:

– Если бы я не улетел за запчастями, то стал бы одним из них. Разумеется, я не мог вернуться. Даже если бы мне удалось снова запустить реактор, оставались еще проблемы с заражением. – Он сделал глубокий вдох, словно копил силы, прежде чем вспомнить случившееся с ним. – Итак, я взвесил все варианты и решил, что мой единственный шанс – умереть, заморозить себя. Никто не мог прийти мне на помощь с Земли, даже если бы мне удалось остаться в живых. Во всяком случае, в ближайшие десятилетия. Поэтому я рискнул.

– И риск оправдался.

– Я же говорил, что я счастливчик. – Иверсон снова отпил из стакана. – Приятель, это вкусней всего, что мне случалось пить в жизни. Что, кстати, тут намешано?

– Только вода. Ледниковая вода. Очищенная, само собой.

Иверсон медленно кивнул и поставил стакан рядом с кроватью.

– Больше не хотите пить?

– Нет, спасибо. Прекрасно утоляет жажду.

Клавэйн поднялся:

– Вот и хорошо. Отдохните немного, Эндрю. Если вам что-нибудь понадобится – что будет в наших силах, – только позовите.

– Непременно так и сделаю.

Клавэйн улыбнулся и направился к двери, отметив явное облегчение Иверсона от того, что допрос закончился.

Но Иверсон не сказал ничего компрометирующего, напомнил себе Клавэйн. И его реакция полностью соответствует той слабости и растерянности, какую любой человек чувствовал бы после столь долгого сна – или смерти, в зависимости от того, как определить период, который он провел в заморозке. Было бы несправедливо считать, что Иверсон как-то связан с гибелью Сеттерхольма, только из-за нескольких трудноразличимых бороздок, процарапанных во льду, при малой вероятности того, что Сеттерхольм действительно был убит.

И все же Клавэйн остановился, перед тем как выйти.

– И еще один вопрос, Эндрю… Просто меня кое-что беспокоит, и я подумал, не сможете ли вы помочь.

– Продолжайте.

– Вам что-нибудь говорят инициалы ИВГ?

Иверсон задумался на мгновение, а потом покачал головой:

– Простите, Невил. Ваша задачка мне не по зубам.

– Ну что ж, это был выстрел наудачу, – сказал Клавэйн.

К утру Иверсон настолько окреп, что отправился на прогулку. Он пожелал осмотреть всю базу, а не только ту ее часть, что занимали сочленители. Ему хотелось своими глазами увидеть повреждения, о которых он только слышал, и прочитать список погибших, старательно составленный Клавэйном и его друзьями. Клавэйн не спускал с него глаз, прекрасно понимая, к какой душевной травме способен привести подобный опыт. Иверсон отлично справлялся, но это могла быть только видимость. Машины Галианы были способны многое рассказать о том, как функционирует мозг Иверсона, однако даже им не хватало степени разрешения, чтобы отобразить его эмоциональное состояние.

Между тем Клавэйн старался ничего не говорить Иверсону о сочленителях. Он не хотел шокировать Иверсона в такой щекотливый момент, не хотел разрушать иллюзии американо, считавшего, что его спасла группа «обычных» людей. Однако все оказалось проще, чем ожидал Клавэйн, поскольку Иверсон на удивление мало интересовался той частью истории, которую он пропустил. Клавэйн даже рассказал ему, что «Сандра Вой» – это, по существу, корабль беженцев, спасающихся от последствий войны между разными группировками человечества в Солнечной системе. Но Иверсон лишь кивнул, не пытаясь вытянуть из Клавэйна подробности этой войны. Пару раз Клавэйн нечаянно

упомянул о Транспросвещении – достигнутом сочленителями состоянии общего сознания, но Иверсон проявил такое же полное отсутствие любопытства. Он даже ни разу не спросил, как выглядит корабль. Клавэйн ожидал совсем другого.

Впрочем, были и положительные результаты.

Иверсон, как выяснилось, пришел в восторг от Фелки, а она, в свою очередь, была обрадована его появлению. Возможно, этому не стоило удивляться: Галиана и все остальные помогали Фелке вырастить новые нервные цепи, необходимые для нормального взаимодействия с другими людьми; добавлялись новые слои взамен прежних, не работавших должным образом… Но за все это время она не встретила ни одного человека, которого бы не видела прежде. И вот появился Иверсон: не только новый голос, но и новый запах, новое лицо, новая манера поведения – поток впечатлений для ее изголодавшихся мыслительных алгоритмов. Клавэйн видел, как оживлялась Фелка, когда к ней входил Иверсон, как с явным удовольствием переключала на него все внимание. И сам Иверсон, казалось, с огромной охотой играл с ней в игры, утомлявшие остальных, участвовал в своего рода умственных соревнованиях, которые так обожала Фелка. Клавэйн видел, как оба они погружаются в сосредоточенные размышления, как Иверсон корчит притворно огорченные или – в тех редких случаях, когда ему удавалось выиграть, – преувеличенно торжествующие гримасы. Фелка отвечала тем же, и ее лицо становилось более живым, более человеческим, чем представлялось возможным Клавэйну. В присутствии Иверсона она говорила больше, чем обычно, грамматически более правильными фразами, чем те разрозненные обрывки речи, которые научился распознавать Клавэйн. Это было похоже на то, как внезапно раскрывается трудный, вечно отстающий ученик рядом с опытным учителем. Клавэйн припомнил, как спас Фелку на Марсе и как тяжело было представить, что она вырастет в кого-то, похожего на нормального взрослого человека, настолько же чуткого к чужим ощущениям, как и к своим. Теперь он почти поверил в это… Но пройденной половиной пути она была обязана скорее Иверсону, чем ему самому.

Позже, когда и Иверсон устал он бесконечных просьб поиграть, Клавэйн тихо сказал ему, отведя в сторонку:

– Вы с ней подружились, да?

Иверсон пожал плечами, словно это не имело для него большого значения:

– Да, она мне нравится. Мы оба любим одни и те же игры. Если это кому-то мешает…

Должно быть, он почувствовал раздражение Клавэйна.

– Нет, никому не мешает. – Клавэйн положил руку ему на плечо. – Хотя это не просто игра, и вы должны признать…

– Это очень увлекательный случай, Невил.

– А я и не спорю. Мы высоко ее ценим. – Он поморщился от мысли, как похожи его слова на одно из привычных равнодушных утверждений Галианы. – Но я несколько озадачен. Вы вернулись к жизни после продолжавшегося сто лет сна. Мы прилетели сюда на корабле, который люди вашей эпохи не сочли бы возможным даже в отдаленном будущем. За последнюю сотню лет мы пережили огромные социальные и технологические перемены. Кое-что важное о себе я вам еще не рассказал. А кое-что важное о вас я даже не могу вам рассказать.

Иверсон опять пожал плечами и посмотрел вдаль мимо Клавэйна. Должно быть, его взгляд скользил через километры льда к белому горизонту Диадемы, не находя, за что бы зацепиться.

– Я просто воспринимаю ситуацию шаг за шагом, вот и все. Признаться, меня не очень интересуют технические новшества. Уверен, ваш корабль в самом деле прекрасен, но… Это всего лишь прикладная физика. Всего лишь изобретение. Возможно, в основе вашей двигательной установки лежат какие-то новые принципы, но если так, это просто усовершенствованный вариант чего-то уже слишком сложного, чтобы с него начинать. Вы преодолели световой барьер, да? – Он тщательно изучал выражение лица Клавэйна. – Нет, не думаю. Может быть, вы…

– Так что же именно вас интересует?

Казалось, Иверсон засомневался, стоит ли отвечать, но когда заговорил, у Клавэйна не возникло сомнений в том, что он говорит правду. В его голосе неожиданно появился миссионерский пыл.

– Процесс возникновения. В особенности возникновения сложных, почти непредсказуемых сочетаний в системе, управляемой несколькими простыми законами. Сознание – лучший тому пример. На самом деле человеческий разум – это всего лишь сеть особым образом соединенных нейронов. Законы, управляющие деятельностью каждой из этих клеток в отдельности, не так уж трудно уяснить: каскад хорошо изученных электрохимических и ферментативных процессов. Весь фокус в схеме соединения. Она определенно не закодирована в ДНК, разве что в самой грубой форме. Иначе зачем младенцу развивать нейронные связи, которые распадаются еще до рождения? Это было бы настоящее расточительство – имея превосходный план мыслящего мозга, вы озаботились бы только созданием необходимых связей. Нет, самоорганизация разума происходит в

процессе развития, именно поэтому ему требуется намного больше нейронов, чем то количество, которое он потом объединит в действующие сети. Ему нужно сырье, с помощью которого он будет искать дорогу к действующему сознанию. Связи возникают сами собой, а потом те из них, которые не используются или недостаточно эффективны, отбрасываются. – Иверсон на мгновение замолчал. – Но у нас нет глубоко понимания того, каким образом эта самоорганизация происходит на самом деле. Как вы думаете, Невил, сколько нейронов требуется для контроля управления первым сегментом брюха омара? Попробуйте угадать с точностью до сотни.

Клавэйн пожал плечами:

– Не знаю. Пятьсот? Тысяча?

– Нет, шесть. Не шестьсот, а просто шесть. Шесть дурацких нейронов! Проще быть не может. Но понадобились десятилетия, чтобы понять, как они взаимодействуют, не говоря уже о том, как развивалась эта нейронная сеть. И этими вопросами дело не ограничивается. Нельзя рассчитывать на понимание того, как десять миллиардов нейронов собираются в единое целое, если не понимаешь, как действует это единое целое. О да, у нас есть определенные успехи – мы можем точно сказать, какие спинномозговые нейроны возбуждаются, чтобы поплыла минога, и как эта схема возбуждения отражается на движении мышц, но мы по-прежнему далеки от понимания того, как возникает в развивающемся человеческом разуме такое трудноопределимое понятие, как «я». Ну хорошо, по крайней мере, были далеки к тому моменту, когда я умер. Возможно, вы собираетесь рассказать, какого ошеломительного прогресса достигло человечество за последнее столетие, но что-то мне говорит, что со всеми вашими социальными потрясениями вам было не до этого.

Клавэйн порывался вступить в спор, поскольку его задел тон Иверсона, но он подавил раздражение, введя себя в спокойно-благожелательное состояние.

– Вероятно, вы правы. Мы продвинулись в другом направлении – в усилении разума как такового. Но если бы мы действительно понимали, как развивается мозг, все не закончилось бы такой неудачей, как Фелка.

– Э-э… Я бы не назвал ее неудачей, Невил.

– Я не это имел в виду.

Теперь настала очередь Иверсона положить руку на плечо Клавэйна:

– Конечно, не это. Но теперь вы должны понимать, почему я считаю Фелку таким увлекательным случаем. Ее мозг поврежден – вы сами так сказали, и не стоит вдаваться в детали. Но,

несмотря на эти повреждения, несмотря на обширные провалы в ее сознании, она начинает самостоятельно собирать мыслительные алгоритмы высокого уровня, которые мы принимаем как данность. Как будто эти связи всегда пребывали там в скрытом виде и только сейчас стали проявляться. Разве это не увлекательно? Разве это не достойно изучения?

Клавэйн мягко убрал руку Иверсона со своего плеча:

– Думаю, да. Однако я надеялся, что здесь есть и нечто большее, чем просто изучение.

– Прошу прощения, если обидел вас. Я неудачно выбрал выражение. Разумеется, мне она небезразлична.

Клавэйну вдруг стало неловко, словно он неверно истолковал мотивы глубоко порядочного человека.

– Понимаю. Послушайте, забудьте мои слова.

– Да, конечно. М-м-м… А ничего, если я снова загляну к ней?

Клавэйн кивнул:

– Уверен, что она скучает, когда вас нет рядом.

Следующие несколько дней Клавэйн предоставлял им возможность играть вдвоем, лишь изредка подслушивая, чтобы узнать, как идут дела. Иверсон попросил разрешения показать Фелке другие части базы, и, посомневавшись немного, Клавэйн и Галиана одобрили эту идею. Долгие часы парочку нигде не было видно. Когда Клавэйн наконец отыскал их, Иверсон показывал девочке причудливые модели молекул в одной из заброшенных лабораторий. Они явно понравились Фелке – огромные, сложные голографические переплетения молекулярных и химических связей, плывущие в воздухе, подобно китайским драконам. Надев неудобные перчатки и громоздкие очки, они получили возможность управлять этими мегамолекулами, складывать их в конфигурации с минимальной энергией, предугадать которые с помощью грубых вычислений было затруднительно. Они размахивали руками, заставляя драконов корчиться и извиваться.

Клавэйн все ждал неизбежного момента, когда Фелке это надоест и она потребует более интересных развлечений. Но так и не дождался. Когда Фелка вернулась к себе, ее лицо сияло от восхищения, словно она пережила важный духовный опыт. Иверсон показал ей нечто такое, чего ее разум не сумел сразу осознать, задачу настолько большую и сложную, что ее невозможно было одолеть вспышкой интуитивного озарения.

Увидев это, Клавэйн снова почувствовал вину за сказанные Иверсону слова и понял, что не совсем освободился от подозрений по поводу оставленного Сеттерхольмом на льду сообщения. Ведь, если оставить в стороне загадку шлема, не было

никаких причин считать Иверсона убийцей, кроме этих еле заметных значков. Клавэйн заглянул в личное дело Иверсона, составленное до его заморозки, и репутация у этого парня оказалась безупречной. Он был опытным специалистом, надежным членом экспедиции, заслужившим любовь и доверие товарищей. Правда, записи были отрывочны и хранились в цифровом формате, а значит, их могли подделать в любом объеме. С другой стороны, почти то же говорил голосовой журнал экспедиции, а также написанные от руки дневники кое-кого из погибших. Иверсон снова и снова упоминался в них как человек, пользующийся уважением товарищей, и уж точно не тот, кто способен на убийство. Значит, следует сбросить эти значки со счетов и относиться к Иверсону исходя из презумпции невиновности.

Клавэйн рассказал о своих опасениях Галиане, но она привела в ответ те же разумные возражения, которые он сам уже выдвигал.

– Проблема в том, – отметила она, – что человек, которого ты нашел на дне расщелины, мог быть не в своем уме и даже видеть галлюцинации. Сообщение, которое он оставил, – если это действительно было сообщение, а не случайный набор линий, процарапанных в предсмертных конвульсиях, – могло означать что угодно.

– Но мы не знаем наверняка, что Сеттерхольм был не в своем уме, – возразил Клавэйн.

– Разве нет? Тогда почему он не проверил, правильно ли надет шлем? А шлем не был застегнут, иначе не откатился бы в сторону при ударе о дно расщелины.

– Да, – кивнул Клавэйн, – но я совершенно уверен, что Сеттерхольм не смог бы покинуть базу, если бы шлем не был застегнут.

– В таком случае он мог расстегнуть шлем потом.

– Но у него не было причин так поступать, разве что…

Галиана улыбнулась тонкими губами:

– Разве что он был не в своем уме. Мы вернулись в исходную точку, Невил.

– Нет, – сказал он, осознав, что почти разглядел очертания чего-то близкого к истине, если не самой истины. – Есть еще одна возможность, о которой я раньше не думал.

Галиана прищурилась с редким для нее хмурым выражением лица:

– Какая?

– Снять с него шлем мог кто-то другой.

Они спустились в недра базы. В мертвой зоне отсеков с оборудованием Галиане сразу же сделалось не по себе. Она не привыкла обходиться без связи с коллегами. Скрытые в окружающем пространстве системы обычно улавливали нейронные сигналы каждого отдельного человека, усиливали их и передавали остальным. Но здесь таких систем не было. Клавэйн различал мысли Галианы, но они были очень слабыми, как голос, приглушенный ревом прибоя.

– Надеюсь, оно того стоит, – сказала Галиана.

– Я хочу показать тебе шлюз, – ответил Клавэйн. – Уверен, что Сеттерхольм вышел через него и с правильно закрепленным шлемом.

– Ты все еще думаешь, что его убили?

– Я думаю, что мы не можем сбросить со счетов даже малую вероятность этого и должны быть очень осторожны.

– Но зачем кому-то понадобилось убивать человека, который интересуется только безобидными ледяными червями?

– Мне тоже не дает покоя этот вопрос.

– И?

– Кажется, я нашел ответ. Во всяком случае, наполовину. Что, если его интерес к червям вызвал конфликт с остальными? Я подумал о реакторе.

Галиана кивнула:

– Они должны были собирать для него лед.

– А Сеттерхольм воспринимал это как разрушение благоприятной для червей экологии. Возможно, он превратился в помеху для остальных, и кто-то решил ее устранить.

– Довольно радикальный способ решить проблему.

Клавэйн шагнул в дверь транспортного отсека:

– Знаю. Я же сказал, что нашел только половину ответа, а не весь.

Не успев договорить, он понял, что случилось что-то неладное. Отсек выглядел не так, как в прошлый раз, когда он заходил сюда в поисках подсказки. Клавэйн тотчас упустил ход собственных мыслей и сосредоточился на настоящем.

В помещении было намного холодней, чем он ожидал. И освещение стало ярче. Полоса голубого дневного света растекалась по полу от огромной открытой двери на выездной трап. Клавэйн смотрел на нее в немом недоумении, надеясь, что у него просто возникли временные проблемы со зрением. Но рядом была Галиана, и она тоже видела это.

– Кто-то уехал с базы, – сказала она.

Клавэйн разглядел на снегу оставленный вездеходом след, уходящий к горизонту. На мгновение они с Галианой застыли в

бездействии наверху трапа. Мозг Клавэйна разрывался от подозрений. Ему с самого начала не понравилось, что Иверсон таскает Фелку за собой по всей базе, но кто мог подумать, что он заманит ее в мертвую зону? Иверсон мог знать достаточно разных трюков, чтобы открыть наружный люк, завести вездеход и уехать с базы так, чтобы сочленители ничего не заметили.

– Послушай, Невил, – сказала Галиана, – вовсе не обязательно, что он желает Фелке зла. Может быть, просто хочет что-то ей показать.

Клавэйн обернулся к Галиане:

– У нас нет времени на подготовку транспорта. Помнишь твой коронный номер – разговор с дверью? Сможешь проделать его еще раз?

– Это ни к чему. Дверь уже открыта.

Клавэйн кивнул на один из вездеходов, возвышавшихся над ними:

– Я имел в виду другую дверь.

Галиана была разочарована: ей понадобилось три минуты, чтобы уговорить машину стартовать, а не десяток-другой секунд, как сама уверяла. Ей грозит серьезная опасность потерять навык в таких делах, призналась она Клавэйну. А он лишь поблагодарил бога за то, что у вездехода не было механических повреждений, которые не смогло бы исправить никакое невральное вмешательство.

– Есть еще одна причина, заставляющая меня думать, что это просто невинная прогулка, – сказала Галиана. – Если бы Иверсон в самом деле хотел похитить Фелку, ему не пришлось бы прилагать дополнительные усилия, чтобы остановить погоню. Стоило ему закрыть дверь, и мы могли бы вообще не заметить его исчезновения.

– Ты когда-нибудь слышала о реверсивной психологии? – спросил Клавэйн.

– Я все еще не вижу в Иверсоне убийцу, Невил.

Галиана заметила выражение его лица. Ее собственное оставалось спокойным, несмотря на то что управление вездеходом требовало больших усилий. Ее руки были сложены на коленях. Сейчас она не чувствовала себя такой одинокой, после того как установила контакт с остальными сочленителями через систему связи вездехода.

– Вот разве что Сеттерхольм, – предположила она. – Одержимый отшельник и так далее. Жаль, что он мертв.

– Да, – неуверенно ответил Клавэйн.

Плоский герметичный корпус вездехода был подвешен между шестью нелепыми на вид колесами с пневматическими шинами.

Галиана резко спустилась по трапу и повела машину через ледник, благополучно преодолевая юзом неглубокие трещины. Это могло показаться безрассудством, но пока Галиана и Клавэйн двигались точно по следу Иверсона, им не грозили смертельно опасные препятствия.

– Вы разобрались с источником болезни? – спросил Клавэйн.

– Пока никакого прорыва…

– Тогда у меня есть предположение. Ты можешь тщательно просмотреть мои зрительные воспоминания? – На самом деле спрашивать об этом было не обязательно. – Когда ты обнаружила тело Иверсона, я осматривал лабораторные образцы. Там было много привезенных с Земли микроорганизмов. Может, какой-нибудь из них и виноват во всем?

– Будет лучше, если ты вспомнишь еще раз.

Клавэйн так и сделал: представил, как осматривает чашки Петри, пробирки и предметные стекла, сосредоточившись на тех образцах, что прибыли с Земли, а не были собраны на планете. Их названия виделись ему нечетко, но машины, которыми Галиана засеяла его мозг, уже обнаружили их в кратковременной эйдетической памяти и восстановили с точностью, недоступной для мозга самого Клавэйна.

– Теперь проверь, мог ли какой-либо из них это сделать.

– Земные микроорганизмы? – удивленно повторила Галиана. – Хорошо, может, там что-то и было, но я не понимаю, как они выбрались за пределы лаборатории, если только кто-нибудь не помог им специально.

– Думаю, именно так все и произошло.

– Диверсия?

– Да.

– Что ж, рано или поздно мы это выясним. Я уже передала информацию остальным. Они сообщат, если найдут кандидата. Но я по-прежнему не понимаю, зачем кому-то понадобилось заражать всю базу, даже если такое возможно. Уничтожить машины фон Неймана – это одно дело, а массовое самоубийство – совсем другое.

– Не думаю, что это было массовое самоубийство. Скорее уж массовое убийство.

– И Иверсон – твой главный подозреваемый?

– Он ведь единственный, кто остался в живых, правильно? И Сеттерхольм перед смертью нацарапал на льду сообщение. Должно быть, хотел предупредить о нем.

Но, даже произнося это, Клавэйн сознавал, что есть и второй вариант, на котором он никак не мог полностью сосредоточиться.

Галиана резко свернула, чтобы миновать особенно глубокую

пропасть, скрытую в прожилках ярко-бирюзового цвета.

– Осталась еще небольшая проблема: отсутствие мотивов.

Клавэйн всматривался в даль, гадая, не была ли сверкающая впереди точка обманом зрения.

– Я работаю над этим, – сказал он.

Галиана остановилась рядом с другим вездеходом, у самого края впадины. Склоны были не настолько крутыми, чтобы назвать ее расщелиной, хотя глубина составляла тридцать-сорок метров. Из кабины трудно было разглядеть занесенное синеватым снегом дно, однако Клавэйн различил спускающиеся к нему следы. На поверхности их замело бы в считаные часы, так что отпечатки были свежими. Клавэйн отметил, что следы оставлены двумя разными людьми: один ступал тяжело и уверенно, другой шел легко, но с опаской.

Галиана и Клавэйн убедились, что на борту вездехода есть два скафандра, еще до того, как отправились в путь. А теперь не без труда влезли в них, долго провозившись с защелками.

– Если я прав, то эти предосторожности на самом деле не нужны, – сказал Клавэйн. – Во всяком случае, не нужны для того, чтобы избежать заражения. Но лучше перестраховаться.

Галиана надела шлем и провернула его на четверть оборота, чтобы сработал замок.

– Самое время. Они кое-что откопали в твоих воспоминаниях, Невил. Есть такое семейство одноклеточных организмов под названием динофлагелляты, и представители одного вида были в той лаборатории, где мы нашли Иверсона. Так называемые pfiesteria piscicida. Засадные хищники, в обычном состоянии поражающие рыб.

– Они могли вызвать безумие?

– По крайней мере, это самые вероятные претенденты. Они также любят ткани млекопитающих. Попадая в нервную систему человека, вызывают потерю памяти, ориентации в пространстве и множество других физических эффектов. Их можно было запустить в систему вентиляции базы, распылив в виде токсичного аэрозоля. Думаю, кто-то имеющий доступ к лабораторному оборудованию мог превратить их из просто неприятных в смертельно опасные.

– Мы должны были обнаружить их, Галиана. Разве мы не проверяли воздуховоды?

– Да, проверяли, но не искали земные организмы. Фактически не обращали на них внимания, фильтруя только основные биохимические элементы местного происхождения. Мы не думали тогда ни о каком преступлении.

– Непростительная глупость, – заметил Клавэйн.

Он выбрался наружу, уже сожалея о том, что покидал базу в такой спешке и теперь вынужден действовать в скафандре старой конструкции, не имея никаких средств обороны. В поисках оружия, дающего хотя бы моральную поддержку, он осмотрел уложенное на крыше вездехода оборудование и нашел ледоруб. Не бог весть что, но Клавэйн сразу почувствовал себя уверенней.

– Он тебе не понадобится, – сказала Галиана.

– А если Иверсон будет вести себя агрессивно?

– Все равно не понадобится.

Клавэйн все равно прихватил ледоруб с собой, – в конце концов, здесь он уместен, – и они направились к тому месту, где ледяной покров загибался, уходя вглубь впадины. Клавэйн внимательно изучил расположенную на запястье матричную клавиатуру управления скафандром с загадочными, вышедшими из употребления значками. Нажал наугад и с удовлетворением почувствовал, как выступившие из подошвы шипы вцепились в лед.

– Иверсон! – крикнул он. – Фелка!

Но прошедший сквозь шлем крик был слаб, и непрерывно хлещущий ветер уносил его прочь от впадины. Ничего не оставалось, как начать трудный спуск в синеющую глубину. Клавэйн шел первым, сердце колотилось в груди, старый скафандр сделался неудобным и ужасно тяжелым. Раз-другой Клавэйн чуть не потерял равновесие, и пот заливал ему глаза, когда он наконец достиг дна впадины и остановился, чтобы отдышаться.

Он огляделся. Отпечатки ног уходили горизонтально на десять-пятнадцать метров вперед, петляя между хрупкими, похожими на занавески пластами матового льда. Клавэйн с холодной отстраненностью подумал, что это место обладает каким-то зловещим очарованием, – он легко мог представить, как воздух, пролетая сквозь ледяные завесы, создает причудливую музыку, но необходимость найти Фелку подавляла эти фантазии. Он сосредоточил внимание на низком иссиня-черном отверстии тоннеля во льду, в котором исчезали человеческие следы.

– Если этот негодяй затащил ее туда…

Клавэйн крепче сжал ледоруб, включил фонарь на шлеме и шагнул в тоннель. Галиана шла следом. Идти было нелегко, тоннель изгибался, поднимался и опускался на многие десятки метров, и Клавэйн никак не мог решить, имел ли он естественное происхождение – может быть, проплавленный теплой водой подледниковой реки, – или его прорыли вручную много лет назад. Стены были покрыты ходами, разбегающимися во все стороны, словно многократно увеличенный рисунок сетчатки

человеческого глаза. То тут, то там Клавэйн различал темные пятна движущихся червей, хотя прекрасно знал, что нужно не одну секунду неотрывно смотреть на них, чтобы заметить какое-то движение. Он тяжело дышал – ходить, согнувшись в три погибели, становилось все болезненней, и тут вдруг тоннель резко расширился. Клавэйн оказался в куда более обширном пространстве.

Они все еще находились под землей, хотя лед над головой светился голубым от проникающего сквозь него дневного света. Ледяная оболочка толщиной не больше двух метров нависала куполом над десятками кубических метров пустоты. Почти отвесные стены из тонкого льда, изрезанные причудливыми узорами, высились над плоским полом, который был покрыт спутанными человеческими следами.

– О, вы решили составить нам компанию, – произнес Иверсон, стоявший возле одной из стен.

У Клавэйна гора упала с плеч, когда он увидел Фелку рядом с каким-то прибором, чье назначение было ему неизвестно. Судя по виду, с Фелкой ничего страшного не произошло. Девочка повернулась к Клавэйну, и ему из-за странной игры света и тени на закрытом шлемом лице показалось, что она старше, чем на самом деле.

– Привет, Невил, – услышал он голос Фелки и двинулся к ней по льду, опасаясь, что вся эта красота обрушится на них в любую минуту.

– Зачем вы привезли ее сюда, Иверсон?

– Хотел кое-что показать. Такое, что обязательно ей понравится, даже больше, чем другие вещи. – Он обернулся к стоявшей рядом фигурке. – Правда ведь, Фелка?

– Да.

– И тебе нравится?

Ответ был очевиден, но он напоминал нормальную человеческую речь гораздо больше, чем все, что Клавэйну приходилось слышать от Фелки.

– Да, мне нравится.

Галиана шагнула вперед и протянула девочке руку.

– Фелка, я рада, что тебе здесь нравится. Я тоже в восторге. Но нам пора возвращаться.

Клавэйн ожидал возражений, какого-то противостояния, но, к его великому облегчению, Фелка как ни в чем не бывало подошла к Галиане.

– Я отведу ее в вездеход, – сказала Галиана. – Хочу убедиться, что у нее нет никаких трудностей с дыханием в этом старом скафандре.

Незамысловатая хитрость, но и этого было достаточно.

Потом Галиана заговорила с Клавэйном – очень коротко, почти бессвязно, но она вложила свои мысли прямо ему в голову.

И он понял, что должен сделать.

Как только они с Иверсоном остались одни, Клавэйн сказал:

– Это вы убили его.

– Сеттерхольма?

– Нет, вы не могли убить Сеттерхольма, потому что вы и есть Сеттерхольм.

Клавэйн поднял голову, и луч фонаря на его шлеме двигался вверх по нитевидному узору, пока тот не сделался совсем зыбким, с неразличимыми деталями, расплывшись в дымку под самым сводом. Так люди обычно любуются потрясающими фресками.

– Невил, сделайте одолжение, проверьте ваш скафандр. Похоже, вам не хватает кислорода.

– С моим скафандром все в порядке. – Клавэйн улыбнулся, восхищаясь тонкой иронией происходящего. – В сущности, именно скафандр и дал мне первую подсказку. Когда вы столкнули Иверсона в расщелину, его шлем отлетел в сторону. Такого не могло случиться, если только он с самого начала не был неправильно закреплен… А этого не могло случиться, если только кто-то не снял шлем уже после того, как вы оба покинули базу.

Сеттерхольм – а Клавэйн не сомневался, что этот человек и есть Сеттерхольм, – лишь саркастически фыркнул в ответ.

– Не ручаюсь за точность, – продолжал Клавэйн, – но вот как мне все это представляется. Вы решили поменяться местами с Иверсоном, потому что у Иверсона не было очевидного мотива для убийства остальных, а у Сеттерхольма определенно был.

– Полагаю, у вас нет предположений о том, каким мог быть этот мотив?

– Дайте время, и я соображу. Но сначала разберемся с одним отдельно взятым убийством. Подделать электронные записи не составляет большого труда. Вы могли даже заменить изображения Иверсона и его медицинские данные на свои собственные, но это только половина дела. Вам нужно было переодеть Иверсона в вашу одежду и ваш скафандр, чтобы мы решили, что найденное в расщелине тело – это ваш труп, Сеттерхольм. Я точно не знаю, как вы это проделали.

– Тогда, может быть…

Однако Клавэйн еще не закончил:

– Но предполагаю, что вы заразили его той же дрянью, которую распылили на главной базе, – pfiesteria, правильно? – а потом вышли вместе с ним наружу. Набросились, опрокинули на

лед, стащили с него скафандр и переодели в свой. Вероятно, к тому времени он уже был без сознания. Но тут он начал приходить в себя, или же вы запаниковали по какой-то другой причине. Вы надели ему на голову шлем и столкнули в расщелину. Может, если бы все ограничилось слетевшим шлемом, я бы не зациклился на этом происшествии. Но он не умер сразу и успел процарапать на льду сообщение. Я думал, что он хотел назвать имя убийцы, но оказалось наоборот. Он пытался сказать, кто такой он сам. Не Сеттерхольм, а Иверсон.

– Чудесная гипотеза.

Сеттерхольм взглянул на дисплей в задней части стоявшего рядом с ним прибора. Установленный на треноге, тот напоминал огромный бинокль, направленный под небольшим углом к одной из стен пещеры.

– Иногда гипотеза – это все, что нужно. Кстати, недурная у вас игрушка. Что-то вроде георадара, да?

Сеттерхольм отмахнулся от вопроса:

– Если я – это он, то зачем мне это понадобилось? Просто потому, что я интересовался ледяными червями?

– Это совсем просто, – ответил Клавэйн, надеясь, что в голосе не прозвучит неуверенность. – Остальные не считали червей настолько важными. Только вы видели их такими, какими они были.

Он тщательно подыскивал слова, скрывая свое незнание истинных мотивов Сеттерхольма и пытаясь сыграть на его тщеславии.

– Было бы очень мудро с моей стороны.

– О да, нисколько не сомневаюсь. И вас, должно быть, приводило в отчаяние то, что вы это видите, а остальные нет. Конечно же, вы решили защитить червей, когда поняли, что им грозит опасность.

– Мне очень жаль, Невил, но вам придется подумать еще раз, и усердней, чем прежде. – Сеттерхольм замолчал и похлопал по матово-серебряному корпусу прибора, очевидно, не в силах притворяться, будто не знает, что это такое. – Да, это радар. Он позволяет исследовать внутренние слои на глубине десятков метров с разрешением около сантиметра.

– Что было бы вам весьма полезно, если бы вы изучали червей.

Сеттерхольм пожал плечами:

– Думаю, да. Климатолог, изучающий движение ледников, тоже мог бы добыть с его помощью много полезной информации.

Клавэйн подошел поближе к Сеттерхольму и радару. Теперь ему лучше было видно изображение на дисплее: медленно

вращающийся клубок линий, преимущественно зеленых, с более плотными вкраплениями в центре, обозначенными красным цветом.

– Например, Иверсон? Тот, кого вы убили?

– Говорю же вам, что я и есть Иверсон.

Клавэйн снова двинулся к Сеттерхольму, сжимая ледоруб обеими руками, но когда оставалось всего два-три метра, свернул в сторону и подошел к стене. Сеттерхольм вздрогнул, однако не было похоже, чтобы он беспокоился из-за того, что Клавэйн собирается на него напасть.

– Честно говоря, – сказал Клавэйн, поднимая ледоруб, – я не вполне понимаю, что такого особенного в этих червях.

– Что вы задумали?

– А вот что!

Клавэйн со всей силы ударил ледорубом по стене. Этого хватило: слой льда откололся и, словно миниатюрная лавина, с шумом соскользнул вниз, разбившись под его ногами. Каждый из осколков размером с кулак был усеян прожилками червоточин.

– Прекратите! – потребовал Сеттерхольм.

– С чего бы? Какое вам дело, если вы не интересуетесь червями?

Клавэйн ударил снова, обрушив еще один кусок.

– Вы… – Сеттерхольм осекся. – Вы можете по неосторожности свалить все это на наши головы.

Клавэйн снова занес ледоруб, охнув от напряжения. На этот раз он вложил в замах весь свой вес, всю свою ярость, и от стены отлетел обломок размером с его грудную клетку.

– Я готов рискнуть, – заявил Клавэйн.

– Нет! Вы должны прекратить!

– Почему? Это же просто лед.

– Нет!

Сеттерхольм бросился на него и сбил с ног. Ледоруб вырвался из рук Клавэйна. Сеттерхольм навалился ему на грудь, прижал свой визор к его визору, так что каждая капля пота на лбу американо засверкала, словно маленький драгоценный камень.

– Сказано же, прекратите!

Клавэйну трудно было говорить с такой тяжестью на груди, но он сумел выдавить:

– Может, хватит уже ломать комедию, выдавая себя за Иверсона?

– Я запрещаю вам трогать лед!

– Мне… И всем остальным тоже, да? Но он им был так нужен…

Теперь в голосе Сеттерхольма прозвучало унылое смирение:

– Для реактора, вы хотите сказать?

– Да, для термоядерной установки. – Клавэйн взял паузу, чтобы насладиться небольшой победой, и добавил: – На самом деле это Галиана уловила связь, а не я. То есть это она вспомнила, что для реактора использовали лед. А потом всех эвакуировали с дальних станций и собрали на главной, и это означало, что нагрузка на реактор возросла. А это означало, что требовалось все больше льда, которого в окрестностях не хватало.

– Но нельзя же было позволить им уничтожать лед! После того, что я обнаружил.

Клавэйн кивнул, отметив, что обратное превращение Иверсона в Сеттерхольма завершено.

– Нельзя. Этот лед очень ценен, правильно? Бесконечно ценнее, чем кто-либо из них мог представить. Без этого льда погибнут черви…

– Значит, вы тоже ничего не поняли?

Клавэйн проглотил слюну.

– Думаю, я понимаю больше, чем другие. Вы решили, что черви…

– Да не в этих дурацких червях дело!

Сеттерхольм включил громкую связь – сам Клавэйн еще не отыскал в своем скафандре эту клавишу, – и голос загремел в огромной пещере, угрожая запустить цепную реакцию создания мелких трещин, которая обрушит всю ледяную толщу. Однако через мгновение вернулась тишина, нарушаемая только хриплым дыханием Клавэйна, и ничего страшного не произошло.

– Дело не в червях?

– Да, – уже спокойней ответил Сеттерхольм, словно самое главное было сказано. – Не совсем в них. Они важны, но только как элемент нижнего уровня в гораздо более сложной системе, понимаете?

Клавэйн не стал кривить душой:

– Я никогда по-настоящему не понимал, чем эти черви вас так привлекали. Мне они кажутся довольно примитивными.

Сеттерхольм сдвинулся, перестав давить своим весом на Клавэйна, и поднялся на ноги.

– Они такие и есть. Даже ребенок сможет разобраться в биологии ледяного червя за один день. По крайней мере, Фелка смогла. О, она просто удивительная, Невил! – Сеттерхольм сверкнул зубами в улыбке, от которой по спине Клавэйна пробежал холодок. – Эта девочка способна понимать такое… Нет, она вовсе не неудача. Думаю, она чудо, которое мы вряд ли можем до конца осознать.

– В отличие от червей.

– Да, они похожи на заводные игрушки, запрограммированные на выполнение горстки простых правил. – Сеттерхольм наклонился и поднял ледоруб. – Всегда одинаково реагируют на одинаковые внешние раздражители. И раздражители, на которые они реагируют, тоже крайне примитивны: несколько уровней температуры, несколько биохимических сигналов, получаемых из самого льда. Но интеграционные возможности…

Клавэйн с усилием сел.

– Опять это слово!

– Это сеть, Невил. Система ходов, которые черви прорыли во льду, понимаете? Вот где настоящая сложность! Вот что меня больше всего интересовало! Конечно, мне понадобились годы, чтобы понять, что это такое…

– И что же это?

– Саморазвивающаяся сеть. Способная приспосабливаться и обучаться.

– Это просто беспорядочные ходы, прорытые во льду, Сеттерхольм.

– Нет, бесконечно больше. – Ученый запрокинул голову, насколько позволяло устройство скафандра, и сказал, наслаждаясь величественной красотой пещеры: – У любой нейронной сети есть два основных элемента: соединения и узлы. Они необходимы, но их одних недостаточно. Соединения должны иметь способность ранжировать, изменять силу сигнала в зависимости от полезности. А узлы должны иметь способность обрабатывать поступающие сигналы определенным образом, как логический вентиль. – Сеттерхольм обвел рукой пещеру. – Это мало отличается от соединений и узлов, принцип точно такой же. Перемещаясь по ходам, черви оставляют выделения, которые определяют, как будут использовать эти ходы другие особи, какой из маршрутов они должны выбрать. Есть много определяющих факторов: пол червей, сезон и другие, которыми я просто не хочу забивать вам голову. Но суть проста. То, как эти выделения влияют на поведение червей, подразумевает, что структура сети управляется тонкими интеграционными принципами. Узлы размножения выполняют функции логических вентилей: обрабатывают входные сигналы в соответствии с полом червей, их родом и иерархией в нем. Это грубый и медлительный биологический процесс, но в конечном итоге колония работает как нейронная сеть. Это программа, которую приводят в действие сами черви, пусть даже они не осознают, что являются частью единого целого.

Клавэйн впитывал все это, тщательно обдумывая пришедший

ему в голову вопрос:

– А как она изменяется?

– Медленно, – ответил Сеттерхольм. – Иногда отдельными ходами перестают пользоваться из-за выделений, запрещающих эту дорогу другим червям. Постепенно ледник затягивает их. Одновременно появляются другие трещины – раздробление самого ледника накладывает на сеть отпечаток непрерывного хаоса или же черви прорывают новые ходы. Когда вы наблюдаете это медленное движение в наших временных рамках, то вам кажется, что вообще ничего не происходит. Но представьте все это в ускоренном виде, Невил. Представьте, что мы можем увидеть, как изменилась сеть за последние сто лет или за тысячу… Представьте, что мы сможем обнаружить. Постоянно развивающееся полотно связей, подвижное, вечно меняющееся. Ну как, это вам ничего не напоминает?

Клавэйн выбрал ответ, который должен был понравиться Сеттерхольму:

– Полагаю, разум. Новорожденный, еще только начинающий формировать нейронные связи.

– Да. И вы, несомненно, хотели бы отметить, что эта сеть изолирована и не способна реагировать на сигналы извне. Но мы не можем этого знать наверняка. Ее год подобен одному нашему удару сердца, Невил! То, что нам представляется геологически медленными процессами, – раздробление ледника, столкновение двух ледников, – эти события могут быть такими же действенными, как прикосновения и звуки для слепого ребенка.

Он замолчал и оглянулся на экран радара.

– Вот что я хотел выяснить. Сто лет назад у меня была возможность изучать сеть несколько десятилетий подряд, и я обнаружил поразительные вещи. Колония двигалась, постоянно изменяя свои очертания, когда сам ледник смещался или разламывался. Но как бы радикально ни менялась его периферия, как бы широко ни развивалось полотно, глубинные структуры внутри сети всегда сохраняются.

Сеттерхольм провел пальцем по скоплению красных точек в сердцевине зеленого лабиринта.

– На языке топологии сети эта система ходов скорее безмасштабная, чем экспоненциальная. Таков отличительный признак сетей с высоким уровнем организации и несколькими специализированными центрами обработки – хабами, если угодно. Вот один из них. Я уверен, что его назначение – увести сеть от расширяющейся трещины в леднике. Понадобится больше ста лет, чтобы в этом убедиться, хотя все мои наблюдения подтверждают первоначальную идею. Я также составил карту

других образований в других колониях. Они могут быть огромными, на несколько кубических километров льда. Но они упорно продолжают развиваться. Понимаете, что это означает? Сеть начала развивать особые области деятельности, начала обрабатывать информацию. Начала подбираться к стадии разума.

Клавэйн еще раз огляделся, пытаясь взглянуть на пещеру в том новом свете, что явил ему Сеттерхольм. «Попробуй воспринимать червей не как самостоятельные организмы, – говорил он себе, – а как электрические сигналы. Блуждающие по синаптическим путям нейронной сети, созданной из твердого льда…»

Он вздрогнул. И это была единственная адекватная реакция.

– Даже если эта сеть обрабатывает информацию… нет никаких оснований предполагать, что она когда-нибудь станет разумной.

– А почему бы и нет, Невил? В чем принципиальное различие между познанием вселенной с помощью электрических сигналов, передающихся по нервным тканям, и с помощью узора трещин, проходящих через глыбу льда?

– Думаю, в этом есть определенный смысл.

– Я должен был их спасти, Невил. Не только червей, но и саму сеть, частью которой они были. Не могли же мы пройти этот долгий путь только для того, чтобы стереть в пыль первое мыслящее существо, встреченное нами во вселенной, просто потому, что оно не укладывается в наши уютные предрассудки о том, каким должен быть иной разум?

– Но спасение червей означало убийство остальных.

– Думаете, я этого не понимал? Не мучился из-за того, что должен был сделать? Я человек, а не чудовище, Невил. Я прекрасно понимал, что делаю, и прекрасно понимаю, кем должен казаться тому, кто придет сюда следом.

– И все-таки вы это сделали.

– Поставьте себя на мое место. Как бы поступили вы?

Клавэйн открыл было рот, рассчитывая, что подходящий ответ сам с легкостью придет в голову. Но прошло несколько секунд, а ответ так и не появился. Клавэйн задумался над вопросом Сеттерхольма. Прежде он довольствовался спокойным, бесспорным убеждением, что не поступил бы так, как этот человек. Но мог ли он быть в этом уверен? В конце концов, Сеттерхольм искренне полагал, что эта сеть образует разумную, мыслящую сущность. Это знание должно было вызвать у него ощущение божественной избранности, права совершать любые действия ради сохранения невероятно редкого явления, которое он открыл. И в конечном счете он был прав.

– Вы не ответили.

– Потому что мне кажется, Сеттерхольм, что этот вопрос требует чего-то большего, чем поспешный ответ. Мне хочется думать, что я не стал бы так делать, но смогу ли я когда-нибудь до конца в это поверить?

Клавэйн поднялся, проверил свой скафандр и с удовлетворением убедился, что тот не пострадал в драке.

– Вы никогда этого не узнаете.

– Не узнаю. И не очень хочу. Но я точно знаю одно: я слышал вашу речь, слышал пламя в ваших словах. Вы верите в вашу сеть, но все же не смогли сделать так, чтобы остальные поверили. Сомневаюсь, что сам бы сумел достичь большего и что нашел бы лучший способ сберечь то, что вы открыли.

– Значит, вы убили бы всех точно так же, как я?

Осознание этого тяжелым грузом легло на душу Клавэйна. Было бы куда легче чувствовать, что он не способен на такое. Но Клавэйн был солдатом. Он убил больше людей, чем сам мог припомнить, пусть даже с тех пор прошло много лет. Это намного легче делать, когда у тебя есть убедительная причина.

А у Сеттерхольма такая причина определенно была.

– Возможно, – сказал Клавэйн. – Возможно, и так, да.

Он услышал вздох Сеттерхольма.

– Я очень рад. На мгновение мне показалось…

– Что вам показалось?

– Когда вы появились с ледорубом в руках, я решил, что вы намерены убить меня. – Сеттерхольм держал ледоруб точно так же, как до этого держал Клавэйн. – Но вы бы этого не сделали, да? Не спорю, то, что я совершил, крайне прискорбно, но я должен был так поступить.

– Я вас понимаю.

– Но что со мной теперь будет? Можно, я останусь с вами, а?

– Боюсь, мы не задержимся на Диадеме. И не думаю, что вы захотели бы отправиться с нами, если бы узнали, кто мы такие на самом деле.

– Не бросайте меня! Я не могу снова остаться здесь один!

– Почему бы и нет? У вас есть ваши черви. И вы всегда можете опять убить себя и посмотреть, кто появится на этот раз. – Клавэйн повернулся к выходу из пещеры.

– Нет, не уходите!

– Я оставлю наверху вездеход. Возможно, там найдутся кое-какие припасы. Только не появляйтесь больше возле базы. Там вам не будут рады.

– Но я же погибну здесь, – сказал Сеттерхольм.

– Привыкайте к этой мысли.

Он услышал, как Сеттерхольм зашаркал по льду, а затем побежал. Клавэйн спокойно обернулся и ничуть не удивился, когда увидел перед собой ученого, замахнувшегося ледорубом.

Клавэйн со вздохом мысленно потянулся к сети машин, все еще дрейфующих в мозгу Сеттерхольма, и приказал им подвергнуть своего носителя молниеносной безболезненной казни путем разрушения нейронов. Час назад он не смог бы проделать такой трюк, но только что Галиана переслала инструкцию в его сознание, и дело оказалось плевым. На мгновение он ощутил, каково это – быть богом.

Сеттерхольм выронил ледоруб, споткнулся и упал прямо на одно из лезвий. Оно проткнуло визор, но к тому моменту ученый и так уже был мертв.

– Мои слова были правдой, – сказал Клавэйн. – Я и в самом деле мог убить их. Не хотелось бы так думать, но не стану и утверждать, что это не мое. Нет, я не виню вас нисколько.

Носком сапога он принялся сбивать лед со стены над трупом. Было бы слишком хлопотно забирать Сеттерхольма отсюда, а скрытые внутри машины стерилизуют тело и не позволят ни одной клетке загрязнить собой ледник. И, как сказал самому себе Клавэйн считаные дни назад, бывают и худшие места для смерти. Или, по крайне мере, худшие места для оставленных умирать.

Когда над Сеттерхольмом вырос сугроб посреди пещеры, Клавэйн обратился к мертвецу в последний раз:

– Но ничего не поправишь, я остался убийцей. – Он ударил ногой в стену, и еще один пласт льда осыпался на труп. – И кто-то должен был заплатить за это.

Ночной монолог [6]

Если вы и в самом деле родились на Фанде, то должны знать бытующую в нашем мире старую пословицу: «Позор – это маска, которая становится лицом».

Это означает, что, если вы долго носите маску, она прирастает к коже и становится неотделимой от вас, в каком-то смысле даже удобной.

Хотите знать, чем я занималась до вашего звонка? Стояла у окна и наблюдала, как Город Бездны погружается в сумерки. На фоне силуэтов далеких домов смутно проступало мое отражение – лицо, высеченное из жестоких световых бликов и безжалостно втягивающих свет теней. Когда-то давно отец поднял меня к ночному небу над заливом Бернхейма и стал показывать системы, планеты и малые колонии, связанные между собой космическими кораблями, и заявил, что я очень красивая девочка и что в темных озерах моих глаз отражаются миллионы звезд. А я ответила, что мне все это безразлично и я хочу стать капитаном космического корабля.

Он рассмеялся и крепче прижал меня к себе. Не знаю, поверил отец или нет, но, думаю, он испугался, решив, что я могла сказать это совершенно искренне.

А теперь появляетесь вы.

Вы узнаете меня, чего не смог бы сделать он, но узнаете только потому, что видели меня взрослой. Мы с вами ни разу не разговаривали, и наша единственная встреча ограничилась простой улыбкой, простым дружелюбным взглядом в тот момент, когда я приглашала пассажиров на мой корабль, все девятнадцать тысяч, что текли непрерывным потоком через посадочный люк… Или двадцать тысяч, если считать сочленителей.

Как бы я ни старалась, не могу вспомнить тогдашний ваш облик.

Но вы утверждаете, что были среди них, и я согласна уделить вам время. Вы утверждаете, что были среди тех немногих тысяч, кто пробудился от сна на корабле, и, возможно – мне ведь не свериться со списком пассажиров «Равноденствия», – среди еще меньшего числа людей, кто не получил необратимых повреждений из-за того, что наш рейс затянулся. Но вы утверждаете, что это все равно было тяжело. Когда вас возвратили из криосна, вы едва осознавали себя как личность, не говоря уже о сохранности воспоминаний.

Как так вышло, что со мной все хорошо, а с другими нет?

Отчасти мне повезло. Но когда было решено, что я должна выжить, на корабле приняли все меры, чтобы уберечь меня от побочных эффектов долгого сна. Сервиторы не раз вмешивались, чтобы исправить неполадки и увеличить мои шансы. Не раз меня частично оживляли, чтобы отдать в распоряжение хирургического автомата, который устранял начинающееся обморожение. Сама я ничего не помню, но, очевидно, он с задачей справился. Такую заботу нельзя было распространить на всех пассажиров. Остальным приходилось полагаться лишь на удачу, и не единожды.

Подойдите на минуту к окну. Это мое любимое время суток. Теперь мой дом здесь, в Городе Бездны. Я никогда больше не увижу Фанд, и мне редко доводится покидать свое жилище. Но Йеллоустон – не такое уж плохое место, если привыкнуть к ядовитому небу и беззвездным ночам.

Видите, как загораются огни? Миллион окон, миллион других жизней. Огни горят большую часть суток, и они по-прежнему напоминают мне искры на фоне завесы, вспыхивающие одна за другой. Помню, как я стояла там с Магадиз и доктором Грелле, наконец сообразив, что же они мне показывали… и что это означало. Прекрасные крохотные синапсические вспышки, словно мысли, искрящиеся в галактической тьме разума.

Но вы же ничего этого не видели.

Давайте я расскажу вам, как все началось. Вы еще услышите другие мнения, другие версии, но вот так все происходило для меня.

Когда это случилось, мне не нужно было объяснять, что что-то пошло не так. Я еще только открыла глаза, ощупью отыскивая путь к сознанию, а все признаки больших неприятностей уже были тут как тут. Красные стены, красный свет, слабо пульсирующий сигнал тревоги и воздух, слишком холодный для ощущения комфорта. «Равноденствие» должен был прогреться до прибытия на Йеллоустон, чтобы мы могли запустить алгоритм массового пробуждения. Такой холод был возможен лишь в одном случае: если бы меня вывели из криосна, когда корабль летел на полной скорости.

– Раума, – прозвучал чей-то голос. – Капитан Бернсдоттир. Вы меня понимаете?

Это мой первый помощник склонился над приоткрытой криокапсулой. Его лицо расплывалось перед моими глазами – бледное широкое пятно.

– Струма… – Язык и губы отказывались подчиняться, во рту пересохло. – Что случилось? Где мы сейчас?

– На полпути, и дела у нас неважные.

– Начинай с самого плохого.

– Мы остановились. Двигатели повреждены, управление потеряно. Дрейфуем со скоростью несколько километров в секунду по местной системе координат.

– Нет, – категоричным тоном, словно объясняя ребенку, проговорила я. – Это невозможно. Корабли просто так не останавливаются.

Струма наклонился и помог мне выбраться из капсулы. При каждом движении кости и мышцы посылали новую вспышку боли в мозг. Пробуждение от криосна никогда не бывает приятным, но быстрое пробуждение сопровождается целым списком проблем.

– Возможно, если это преднамеренное действие. Это диверсия, капитан.

– Что?

– Пауки… сочленители, – поправил он себя, – проснулись в середине рейса, выбрались из своего отсека и захватили управление кораблем. Они развернули нас кругом и сбросили скорость настолько, что теперь мы едва ползем.

Он помог мне добраться до кресла и стола, а потом протянул чашку студенистой розоватой каши, предназначенной для восстановления метаболического баланса.

– Как… – У меня было слишком много вопросов, и они мешали друг другу вырваться из головы, но бравый капитан сразу перескочил к главному, а потом уже вернулся к мелочам. – Состояние корабля. Докладывай.

– Аварийное. Нет контроля ни над маршевыми, ни над маневровыми двигателями. Связь потеряна.

Он проглотил слюну так, словно собирался сказать что-то еще.

Я зачерпнула ложкой отвратительно пахнущую розовую массу.

– Скажи мне, что мы можем исправить повреждения и лететь дальше.

– Все это можно починить… со временем. Мы сейчас разрабатываем график ремонта.

– Мы?

– Шесть старших офицеров, включая меня. Корабль разбудил нас первыми. Это обычная практика: будить капитана только в экстренной ситуации. Еще шестерых пассажиров разморозили согласно все той же аварийной инструкции.

Лицо Струмы перестало расплываться перед моими глазами. Первый помощник побывал со мной уже в двух рейсах, но все еще казался мне слишком молодым и нетерпеливым. Резкие

мальчишеские черты лица, открытая улыбка, круто изогнутые брови, короткие темные волосы, аккуратно причесанные даже в кризисной ситуации.

– А что… – Я нахмурилась, пытаясь отогнать неприятные новости, которые он успел мне сообщить. – Что с этими сочленителями? Раз ты говоришь со мной, значит их попытка не удалась.

– Да, не удалась. Они хорошо изучили корабль, но не знали всех тонкостей системы безопасности. Мы проснулись вовремя и не позволили им захватить корабль, а потом изолировали их. – У него заиграли желваки. – Но схватка получилась жестокой. Они брали быстротой и хитростью, а еще, разумеется, численным перевесом сто к одному. Но у нас было оружие, и к тому же большая часть охранных систем оказалась настолько примитивной, что оставалась на нашей стороне.

– Где они сейчас?

– Оставшиеся в живых задержаны. Еще примерно восемьсот человек по-прежнему заморожены. В группе захвата было около двухсот – точных цифр у нас нет. Но мы их изрядно проредили. По моим прикидкам, человек шестьдесят еще тепленькие, но мы заперли их прочными переборками и электростатическими щитами.

– А почему же тогда корабль так растерзан?

– Это от отчаяния. Они были готовы сражаться насмерть. Вот тогда и были причинены основные повреждения. Обычные меры не могли сдержать мятежников. И нам пришлось применить тяжелые эксимерные лазеры, которые пробили дыру в корпусе и изувечили все, что оказалось на их пути, включая двигатели и системы навигации.

– У нас были эксимеры?

– Согласно инструкции, капитан. Просто раньше они нам не требовались.

– Не могу поверить. Сто лет мирного сотрудничества. Успешная совместная работа, взаимовыгодный обмен научными и техническими сведениями. Почему же пауки отказались от всего этого? И именно на моем корабле?

– Я покажу вам почему, – пообещал Струма.

Поддерживая мое неустойчивое тело, он подвел меня к обзорному иллюминатору и открыл противорадиационные заслонки. Затем выключил аварийные красные огни, чтобы моим глазам проще было приспособиться к виду снаружи.

Я посмотрела на звезды. Они медленно проплывали слева направо, но не потому, что весь корабль двигался, а потому, что на нем теперь работала центробежная гравитация и наша часть

«Равноденствия» вращалась. Звезды были разбросаны по скоплениям и созвездиям, некоторые изменились почти до неузнаваемости, а другие – более далекие – не слишком отличались от тех, что я помнила с детства.

– Это просто звезды, – сказала я, ничуть не удивленная. – Не понимаю…

– Подождите.

И тут я увидела черную стену. Она имела четкие границы, за которыми не было вообще никаких звезд. Чем дальше мы поворачивались, тем больше черноты появлялось в поле зрения. Отсутствовали не только близкие звезды. Весь Млечный Путь – скрученный хребет, состоящий из десятков миллионов звезд, отделенных от нас тысячами световых лет, – изгибался дугой через обычную часть неба, а затем внезапно обрывался, как будто я смотрела на линию горизонта над черным бессолнечным морем.

На какое-то время я просто уставилась в темноту, не в состоянии осознать, что я вижу. Меня готовили к разным непредвиденным обстоятельствам – почти ко всему, что могло случиться в межзвездном перелете. Но только не к этому.

Половина неба исчезла.

– Что за чертовщина?

Струма долго смотрел на меня, не прерывая молчания, а потом буркнул:

– Хороший вопрос.

Вас не было среди тех шести представителей пассажиров. Иначе вышло бы слишком ловко, слишком неправдоподобно, учитывая обстоятельства. И я бы вспомнила ваше лицо, как только вы вошли в дверь.

Я встретилась с ними в одной из кают массовой реабилитации. Она походила на такие же каюты для экипажа, только была намного больше и богаче обставлена. В конце нашего перелета пассажиры должны были оттаивать здесь группами по несколько сотен, готовясь к высадке в новой звездной системе, в самом начале нового этапа своей жизни.

Все шестеро прошли через тот же процесс привыкания, который я сама пережила несколькими часами раньше. Дискомфорт, растерянность и изрядная доля негодования из-за того, что рейс прошел не так гладко, как обещали рекламные проспекты.

– Вот что нам известно, – начала я, обращаясь к этим шестерым, собравшимся вокруг шестиугольного стола с восстановительными блюдами и напитками, – через некоторое время после нашего отлета с Фанда сочленители попытались

захватить корабль. Насколько нам удалось выяснить, сто или двести из них вышли из криосна, захватили систему управления двигателем и остановили корабль. Мы сейчас находимся вблизи объекта или феномена неизвестного происхождения. Это черная сфера размером приблизительно со звезду, и мы всего в пятидесяти тысячах километров от ее поверхности.

Я предупреждающе подняла руку, не дав посыпаться закономерным вопросам:

– Нет, это не черная дыра. Черная дыра такого размера обладала бы массой целой галактики, и мы никак не могли проглядеть нечто подобное в непосредственной близости от нас. Кроме того, она нас не притягивает. Просто находится рядом, не оказывая никакого гравитационного воздействия, которое могли бы зафиксировать наши приборы. Мы также отметили, что звезды возле самого ее края не подвержены ни аберрации, ни красному смещению… Что?

Один из пассажиров тоже поднял руку. Этот жест был таким мирным, таким вежливым, что остановил меня на полуслове.

– Это ведь не могло быть случайностью, правильно?

– Могу я узнать ваше имя, сэр?

Он был низкорослым, почти лысым, с высоким голосом и проницательным, цепким взглядом.

– Грелле. Доктор Грелле. Я врач.

– Какая удача, – сказала я. – Возможно, кончится тем, что нам понадобится помощь врача.

– Удача здесь ни при чем, капитан Бернсдоттир. Инструкция требует, чтобы в группе экстренного пробуждения обязательно находился медик.

Я не сомневалась, что он прав, но это был второстепенный пункт инструкции, так что мою забывчивость вполне можно извинить.

– И все же я буду рада вашей помощи, если у нас возникнут трудности.

Он посмотрел на меня, и я вдруг почувствовала нечто раздражающее в его мягких, сдержанных манерах.

– Нас ожидают трудности?

– В зависимости от того, как пойдут дела. Возвращаясь к вашему первому вопросу, должна сказать: мне кажется маловероятным, что сочленители случайно наткнулись на этот объект, или артефакт, или как еще удобней его называть. Они должны были сначала узнать его местонахождение, а уже затем составить план захвата корабля.

– С какой целью? – спросил доктор Грелле.

Я рассудила, что правда – лучшая политика.

– Не знаю. Думаю, что-то вроде сбора информации. Возможно, попытка одностороннего первого контакта, вопреки условиям Европейского соглашения. Впрочем, каким бы ни был их план, он провалился. Но за это пришлось дорого заплатить. Корабль поврежден. Ремонтные системы «Равноденствия» исправят все неполадки, но нам потребуется время.

– Значит, мы просто подождем – заговорила другая пассажирка. – Это ведь все, что мы должны сделать, да? А потом мы продолжим рейс.

– Есть одна сложность, – ответила я, оглядывая всех по очереди. – Нас сносит к объекту. В обычном состоянии никаких проблем не возникло бы – мы бы просто включили маршевые двигатели или воспользовались маневровыми. Но сейчас мы не можем ими управлять. И не сможем, пока не выполним большую часть запланированного ремонта.

– Сколько это займет? – спросил доктор Грелле.

– Чтобы запустить главные двигатели? Мои старшие офицеры говорят, что не меньше месяца. Но даже если мы сэкономим неделю, это нас не спасет. При нынешней скорости дрейфа мы достигнем поверхности объекта через двенадцать дней.

Наступившая тишина повторяла мое собственное молчание, когда Струма сообщил мне о нашем незавидном положении.

– И что произойдет? – задал вопрос еще один пассажир.

– Мы этого не знаем. Не знаем даже, из чего состоит этот объект. Может быть, это сплошная стена, или какой-то экран, или разрыв реальности. Нам известно только, что он блокирует все волны с невероятной эффективностью и его температура точно такая же, как у реликтового излучения. Если это сфера Дайсона… или что-то похожее, мы могли бы уловить ее излучение в инфракрасном диапазоне. Но ничего подобного. Объект почти невидим. Если вам нужно что-то спрятать или самому скрыться в межзвездном пространстве, чтобы вас было невообразимо трудно найти, не подойдя совсем близко, тогда это самый подходящий вариант. Как камуфляж, как накидка, как…

– Завеса, – подсказал доктор Грелле.

– Кто-то может забавляться, придумывая для него название, – продолжила я. – Нас же интересует, как он будет реагировать. Я распорядилась запустить небольшой измерительный зонд прямо в объект. Ничего похожего на научную аппаратуру – у нас на борту такого нет. Просто запасной скафандр с несколькими датчиками. Но это поможет нам представить, чего ожидать от объекта.

– Когда ваш зонд вернется?

– Без малого через двадцать шесть часов.

– Вы должны были сначала посоветоваться с группой

экстренного пробуждения, капитан, – сказал доктор Грелле.

– Почему?

– Вы запустили ракету в объект неизвестного происхождения. Вы знаете, что это ракета, и мы тоже знаем. А объект?

– Нам неизвестно, есть ли у него разум, – ответила я.

– Пока неизвестно, – поправил меня доктор Грелле.

Следующие шесть часов мы со Струмой потратили на осмотр корабля. Излазили корпус вдоль и попрек, изнутри и снаружи, чтобы выявить все повреждения и убедиться в том, что нас не ждут новые сюрпризы. Внутри было еще терпимо. Но находясь снаружи, в смотровой капсуле, я все время чувствовала за спиной эту черную стену.

– Ты уверен, что не было никакого другого способа остановить пауков, кроме как продырявить корабль?

– У вас большой опыт подавления мятежей сочленителей, капитан?

– Не особенно.

– Я изучал тактику, которую они применяли на Марсе, в начале прошлого века. Они безжалостны, безразличны к смерти и не склонны к капитуляции.

– Марс – это древняя история, Струма.

– Но уроки из нее все-таки можно вынести. Сочленителей нельзя считать разумным противником, готовым вести переговоры. Они больше напоминают нервно-паралитический газ, норовящий добраться до тебя любым способом. Нам необходимо было загнать их в ту часть корабля, которую мы могли бы запечатать, а после, если потребуется, снова открыть. Нам удалось решить задачу, но с большим ущербом для корабля. – Он смотрел на меня с суровой стоической решимостью из другой смотровой капсулы, скользившей параллельно моей. – У нас не было выбора. Мне совсем не нравилось то, что мы делали, но при этом я прекрасно понимал, что корабль способен отремонтировать себя.

– Получилось лучше некуда.

Я кивнула на черную поверхность. При нашей нынешней скорости она приближалась с каждой минутой на три километра.

– Что, по-вашему, я должен был сделать? – спросил Струма. – Позволить им захватить корабль и перерезать всех остальных?

– Ты не можешь знать их намерений.

– Могу, – возразил Струма. – Потому что Магадиз сама мне сказала.

Я дала ему время насладиться победой, а затем спросила:

– Кто такая Магадиз?

– Пленная. Я бы не назвал ее лидером, у сочленителей нет лидеров как таковых. Но есть руководящее звено – лица, которым доверяют работу с информацией высокого уровня и принятие решений. Она как раз из таких.

– И ты даже не заикнулся о ней до сих пор?

– Вы спрашивали о главном, капитан. Я рассказал о главном. К тому же Магадиз крепко досталось в схватке. С тех пор она то приходила в сознание, то снова его теряла и не всегда была в ясном уме. Как заложник она большой ценности не имеет, поэтому не вполне ясно, что теперь с ней делать. Возможно, стоит прикончить прямо сейчас.

– Я хочу взглянуть на нее.

– Так и думал, что вы захотите, – сказал Струма.

Наши капсулы направились к открытому проему стыковочного отсека.

К тому времени, когда я добралась до Магадиз, та уже была в сознании и вменяема. Струма и другие офицеры заперли ее в дальнем конце корабля, отдельно от других пленных, а затем соорудили импровизированную клетку из электростатических щитов вокруг каюты, чтобы не допустить нейронного контакта Магадиз с остальными сочленителями.

Не желая рисковать, ее привязали к койке, закрепив зажимами грудь, талию, запястья, лодыжки и шею. И все же мне стало неуютно от такого близкого соседства с ней. Раньше я не испытывала недоверия к сочленителям, но слова Струмы о Марсе высвободили хранившийся в моей голове огромный запас слухов и воспоминаний. С сочленителями обходились дурно, но и они не упускали случая отплатить тем же. Они были людьми, но на самой грани этого понятия. У них была человеческая физиология, усиленная до высокой приспособляемости к неблагоприятным условиям. И человеческий мозг с внедренной в него усовершенствованной нейронной сетью, далеко превосходившей все, чем обладали демархисты. Их сознания были взаимно переплетены, а чувство индивидуальности расплывалось за прозрачными границами черепов и тел.

Именно поэтому Магадиз была бесполезна как заложник. Начнем с того, что она лишь частично присутствовала здесь, и этими частями – телом и содержащимся в нем небольшим фрагментом разума – можно было пожертвовать. Другая же часть Магадиз все еще оставалась с сочленителями.

Я подошла к ней. Она была худая, вся из острых углов. Руки, насколько я могла разглядеть под зажимами, напоминали сложенные клинки, готовые в любой момент раскрыться и

нанести удар. На почти безволосой голове ясно проступал черепной гребень. Лицо Магадиз покрывали синяки и порезы, один глаз так ужасно заплыл, что трудно было понять, выбит он или все еще остается на месте.

Но другой глаз уставился на меня.

– Капитан.

Она выговорила это слово очень старательно, но я заметила, что губы были в крови, во рту не хватало нескольких зубов, а язык чудовищно распух.

– Магадиз, тебя ведь так зовут? Мои офицеры утверждают, что вы, сочленители, пытались захватить корабль. Это правда?

Мой вопрос, похоже, в равной степени рассмешил и разочаровал ее.

– К чему об этом спрашивать?

– Я хотела бы понять, что произошло, до того как мы все умрем.

Один из офицеров за моей спиной держал в руках эксимерную винтовку, целясь в голову Магадиз.

– Мы не верили, что вы сумеете должным образом исследовать артефакт, – ответила она.

– Значит, вы уже знали о нем?

Она чопорно кивнула, несмотря на зажим, удерживающий шею.

– Разумеется. Но только в общих чертах. Объект сопоставимого со звездой размера, очевидно, искусственного происхождения, очевидно, созданный не человеком. Он нас крайне заинтересовал. Но действующее соглашение ограничивало наши возможности по сбору информации на устраивающих нас условиях.

– Вы сказали «действующее соглашение»! Больше ста лет мирного сотрудничества. Зачем вы поставили его под угрозу?

– Дело в том, что появление этого объекта все меняет.

– Но вы даже не знаете, что это такое!

– Мы передали всю собранную информацию нашим Материнским Гнездам. Там проанализируют то, что мы нашли, как только сигнал дойдет до них. Но не стоит обманывать себя, капитан. Это не наша технология – налицо физические принципы, выходящие далеко за пределы наших даже чисто теоретических горизонтов. Та часть человечества, которая сумеет воспользоваться хотя бы частью этого нового знания, оставит всех прочих в пыли истории. Союз с демархистами сослужил нам хорошую службу, пока был выгоден для нас. Но всему приходит конец.

– Вы рискуете развязать войну ради стратегического

преимущества?

Она озадаченно прищурила здоровый глаз:

– А какое еще бывает преимущество?

– Я могла бы… Я должна была бы убить вас немедленно, Магадиз. Как и всех остальных сочленителей. Вы натворили достаточно, чтобы дать мне такое право.

Она подняла голову:

– Ну так убейте.

– Нет, не убью, пока от вас есть польза. Через пять с половиной суток мы столкнемся с объектом. Если хотите пощады, подумайте о том, как этого столкновения избежать.

– Я уже обдумала наше положение, – сказала Магадиз. – Для надежды нет никаких оснований, капитан. Можете меня казнить, но приберегите один патрон для себя. Возможно, потом вы оцените мой совет.

Остаток этого первого дня мы потратили на подтверждение того, что уже и так знали. Наш корабль был изуродован и обречен беспомощно дрейфовать в сторону объекта.

Пассажирские корабли, предназначенные для рейсов между обжитыми, цивилизованными звездными системами, не имели ни шаттлов, ни больших катеров для полетов в открытом космосе. Ни спасательных шлюпок, ни буксиров – ничего такого, что могло бы столкнуть нас на другой курс или повернуть наш дрейф вспять. Даже содержимого грузовых трюмов не хватило бы для такого маневра. Я это точно знаю, потому что внимательно просмотрела таможенную декларацию в поисках какого-то волшебного решения нашей проблемы: контейнера с ракетными двигателями или чего-нибудь еще в том же роде.

Корабль массой в миллион тонн, даже при скорости пятьдесят метров в секунду, обладает слишком большой инерцией. Нужно что-то посерьезнее, чем запасной примагничивающийся двигатель или реактивный ранец, чтобы изменить нашу судьбу.

Хотя вопрос о том, какой будет наша судьба, разумеется, оставался пока открытым.

Вскоре нам предстояло это узнать.

За час до того, как скафандру предстояло достичь поверхности объекта, я собрала на мостике Струму и других офицеров, а также доктора Грелле и представителей пассажиров. Наш импровизированный зонд продолжал передавать информацию на всем протяжении суточного полета. За этот срок не было замечено значительного изменения параметров или хотя

бы намека на реакцию объекта.

Он оставался черным, холодным и совершенно беззвездным. Даже находясь всего в десяти тысячах километров от него, скафандр не обнаружил никаких следов радиации, кроме слабого микроволнового шума. Он непрерывно посылал импульсы к поверхности, но не регистрировал ни отраженного, ни рассеянного сигнала. Гравитационное поле оставалось таким же спокойным, как и в остальном межзвездном пространстве. Объект должен был из чего-то состоять, но даже если его распределенная масса равнялась массе луны, не говоря уже о планете или звезде, скафандр уловил бы перепад.

Следовательно, объект не был физической поверхностью. Это энергетический барьер или разрыв реальности? Но даже энергетическое поле должно было заметно изменить траекторию скафандра.

Значит, что-то другое. Что-то, как намекала Магадиз, лежащее целиком за гранью нашей физики. Искусно сооруженный излом или трещина в пространстве-времени. Возможно, бессмысленно даже пытаться построить концептуальный мост между тем, что знаем мы, и тем, что представляет собой объект. По крайней мере, бессмысленно для обычного человека. Но я подумала о том, что сможет из этого извлечь сеть тесно связанных друг с другом близких к гениальности умов. Сочленители уже разработали вооружение и двигательные установки, выходящие за пределы возможностей нашей техники, даже если они и подпитывали нас время от времени подсказками и озарениями из своей «вспомогательной физики», словно заверяя союзников в том, что опережают их всего лишь на шаг-другой.

Скафандр находился в восьми тысячах километров от поверхности объекта, когда его показания стали странными. Сначала это были мелочи, которые можно было, почти не кривя душой, списать на неисправность сенсоров. Но странностей становилось все больше и больше, и от них уже нельзя было отмахнуться, поскольку крайне маловероятно, чтобы все эти поломки могли случиться одновременно.

Я с пересохшим от волнения ртом уставилась на цифры и графики.

– Что это? – спросила Чахари, одна из пассажирок.

– Нам необходимо подробней изучить эти данные… – начал Струма, но я перебила его:

– Нет. Достаточно и того, что они нам уже сказали. Индикаторы ускорения на скафандре пошли вразнос. Как будто их тянут и толкают в сотни разных направлений. Как кусок пластилина в ладонях… И с каждой минутой становится все

хуже…

Я говорила с грубой прямотой, ведь не было никакого смысла подслащивать пилюлю для пассажиров. Их пробудили, чтобы они принимали решения вместе с нами, и уже по одной этой причине им необходимо понимать весь ужас нашего положения.

Насколько мы могли судить, скафандр все еще передавал информацию, когда достиг отметки в семь тысяч километров от поверхности объекта. Впрочем, после этого он продержался считаные минуты. Нагрузки росли и росли, пока целые блоки датчиков не начали выходить из строя. Вскоре скафандр сообщил о серьезных повреждениях оболочки, его рукава и брючины разрывались и сминались со все возрастающими силами. Он закувыркался, посылая нам лишь отрывочные импульсы с кодированными данными.

Пока совсем не пропал.

Я взяла небольшую паузу, чтобы успокоиться, а потом заговорила:

– Даже когда скафандр еще посылал сигналы, на него действовали силы, намного превосходящие предел прочности корабля. Мы развалимся вскоре после прохождения отметки семь тысяч километров… а неприятности начнутся намного раньше. – Я проглотила комок в горле. – Мы знаем, что это не черная дыра, но возле поверхности объекта с пространством-временем происходит что-то очень странное. И если мы подойдем слишком близко к ней, нас разорвет на части, совсем как этот скафандр.

И тут нас накрыло. Корабль застонал, и на меня навалилась выворачивающая наизнанку тяжесть. Зазвучал сигнал тревоги, заполыхали аварийные красные лампы.

Это было все равно как если бы мы плыли по спокойному морю и вдруг над нами прокатился огромный вал, а следом за ним пробежали постепенно слабеющие волны.

Но вскоре потрясение прошло, чем бы оно на самом деле ни было.

Первым пришел в себя доктор Грелле.

– Мы все еще не знаем, обладает ли этот объект разумом, – произнес он пронзительным голосом, который я уже успела возненавидеть. – Но, думаю, в одном теперь можно не сомневаться, капитан Бернсдоттир.

– В чем же это? – спросила я.

– В том, что вы нашли способ рассердить его.

Струма принес хорошие новости как раз в тот момент, когда я особенно нуждалась в них.

– Это крайнее средство, – начал извиняться он еще до того,

как перешел к делу, – но, учитывая текущее положение вещей…

– Рассказывай.

Он показал мне блок-схему многочисленных ремонтных операций – сложный, запутанный график, напоминающий осьминога, а затем карту с нашим положением относительно сферы.

– Вот наша позиция – тридцать пять тысяч километров от поверхности.

– Возможно, поверхность сейчас для нас не самая серьезная проблема, – предположила я.

– Допустим, у нас осталось всего двадцать пять тысяч километров до того, как начнутся трудности, – чуть меньше шести дней. Но этого может хватить. Я просмотрел первоочередные задачи в расписании ремонта и думаю, что удастся сжать сроки их выполнения.

Я заставила себя не вцепиться сразу в призрачную надежду.

– Ты сможешь?

– Как я уже сказал, это крайнее средство, но…

– Избавь меня от оговорок, Струма! Просто объясни, что мы должны или не должны делать.

– Как правило, ремонт главных двигателей важней всего остального. И в этом есть смысл. Если что-то случается с маршевыми двигателями, когда летишь на околосветовой скорости и пытаешься ее сбросить, то при цейтноте… В общем, нужно в первую очередь чинить двигатель, если только не рассчитываешь промахнуться мимо нужной системы на несколько световых лет или даже больше. – Он сделал многозначительную паузу. – Но у нас другая ситуация. Нам нужно восстановить контроль над вспомогательными двигателями, чтобы изменить направление дрейфа. Потом понадобится целый год или даже десять лет, чтобы достичь релятивистских скоростей, но мы, по крайней мере, останемся в живых. И сможем переждать в криосне.

– Допустим, – согласилась я.

– Если изменить основной график и пренебречь ремонтом главных двигателей, а также всего остального, без чего мы сможем прожить ближайшие шесть дней, то моделирование говорит, что у нас есть шанс восстановить вспомогательные двигатели раньше, чем мы достигнем отметки десять тысяч километров. Мы нейтрализуем дрейф и направим его в другую сторону, чтобы избежать встречи с этим чудовищем. А потом уже будем беспокоиться о возвращении домой. И если даже не получится снова завести главные двигатели, мы сможем в конце концов запросить помощь и дождаться ее здесь.

– Нам обязаны будут ответить, – сказала я.

– Конечно.

– И ты уже… внес эти изменения в график?

Он горячо закивал:

– Да. Учитывая то, как мало времени у нас в запасе, я посчитал, что лучше не медлить.

– Ты все правильно сделал, Струма. И подарил нам шанс. Мы обратимся к представителям пассажиров. Может быть, они простят меня за тот случай со скафандром.

– Вы не могли предугадать, капитан. Но это как соломинка для утопающего… шанс, не более того. График ремонта – это только оценка, но не твердая гарантия.

– Знаю. – Я похлопала его по плечу. – Воспользуемся тем, что у нас есть.

Я отправилась повидаться с Магадиз, решив пока утаить от нее новости, что принес Струма. Сочленительницу по-прежнему содержали под вооруженной охраной в электростатической клетке, пристегнутой к креслу. Я села напротив нее.

– Мы скоро умрем, – начала я.

– Это не новость, – ответила Магадиз.

– Я хотела сказать, что мы умрем не так, как ожидали. Не просто столкнемся с объектом и прекратим существовать настолько быстро, что даже не почувствуем боли. От этого варианта я тоже не в восторге, но предпочла бы его другому.

– Какому?

– Медленной и мучительной смерти. Я запустила к объекту исследовательский зонд – скафандр, набитый датчиками.

– Это было разумное решение?

– Может быть, и нет. Но он открыл нам, чего следует ожидать. Пространство-время рядом с этой сферой… Оно свернуто, расколото, не знаю, как еще сказать. Перестроено. И способно реагировать. Ему не понравился мой скафандр. Оно разорвало его, как тряпичную куклу. То же самое произойдет с кораблем и со всеми, кто находится внутри. Только мы сделаны не из металла, а из кожи и костей. Для нас все будет куда медленней и неприятней, потому что скафандр летел на гораздо большей скорости, когда соприкоснулся с измененным пространством-временем. Мы приблизимся не спеша, и боль будет расти с каждым часом.

– Я могу научить вас кое-каким способам управления болью, – сказала Магадиз. – Возможно, вы найдете их полезными.

Я хлестнула сочленительницу по лицу, на и без того распухшей губе выступила кровь.

– Вы были подготовлены к встрече с объектом. Вы знали о его

существовании. Из этого следует, что у вас была какая-то стратегия, какой-то план.

– Был. Пока вы его не расстроили.

Она криво усмехнулась, недобро сверкнув здоровым глазом. Я хотела ударить еще раз, но какая-то холоднокровная часть моей души остановила занесенную руку. Я сознавала всю бесполезность воздействия болью на сочленителей. Или надежды на то, что угроза боли, даже растянувшейся на много часов, может изменить намерения Магадиз.

– Дайте мне какую-нибудь подсказку. Вы умны, пусть даже и разъединены с остальными. Вы пытались захватить корабль. Ваши люди изобрели и изготовили многие его важные системы. Вы способны придумать что-то такое, что может увеличить наши шансы.

– Мы собрали информацию, – ответила она. – Все остальное уже не имеет значения. Я готова умереть. Как это произойдет, меня не интересует.

Я кивнула, давая ей понять, что рассчитывала услышать что-то в этом духе. Но у меня было что еще ей сказать.

– Это вы поставили нас в такое положение, Магадиз, вы и ваши люди. Может быть, остальные смотрят на все так же, как вы, и готовы принять смерть. Как по-вашему, они не передумают, если я начну убивать их прямо сейчас?

Я ждала ответа, но Магадиз только смотрела на меня, и выражение ее лица ничуть не изменилось.

Кто-то окликнул меня по имени и званию. Я обернулась и увидела Струму по ту сторону электростатической клетки.

– Я здесь еще не закончила.

– Прежде чем выйти из строя, скафандр уловил отраженный сигнал. Мы только сейчас выделили его из того шума, что посылал нам зонд в последние мгновения.

– Отраженный от чего? – спросила я.

Струма вздохнул и уже начал отвечать, но, взглянув на Магадиз, передумал.

Это был другой корабль. Очертаниями похожий на наш – конический корпус с острым и тупым концами, два вынесенных двигателя в самой широкой части, – только меньше размером, изящней, темней. Мы заметили, что корабль значительно поврежден, но мне подумалось, что он еще может нам пригодиться.

Корабль дрейфовал в восьми тысячах километров от поверхности объекта. Не вращался по орбите, поскольку никакая сила не удерживала его на циклической траектории, а просто

остановился, словно попал в штиль.

Дожидаясь, пока соберутся остальные, мы со Струмой обменялись мнениями.

– Типичная для сочленителей схема размещения двигателей, – сказал он, обводя пальцем какие-то смутно различимые усовершенствования. – Значит, это они изготовили корабль и послали сюда, никого не уведомив, грубо нарушив Европейское соглашение. И это не случайность, что мы его обнаружили. Объект сопоставим по размерам со звездой, отсюда мы можем сканировать лишь малую его часть. Если только все пространство вокруг не усеяно другими аварийными кораблями, нас, должно быть, умышленно подвели к нему.

– Теперь понятно, как они узнали об объекте, – задумчиво проговорила я. – От прошлой экспедиции. Очевидно, она потерпела неудачу, но экипаж должен был сообщить какую-то информацию одному из своих Гнезд – достаточно, чтобы вызвать желание взглянуть на находку поближе. Подозреваю, что наши сочленители собирались подлететь к кораблю, чтобы забрать выживших или дополнительные сведения, оставшиеся на борту. – Мои пальцы напряглись, невольно сжимаясь в кулаки. – Я должна расспросить Магадиз.

– На вашем месте я бы не тратил времени. Она не желает говорить нам ничего полезного.

– Только потому, что примирилась со смертью. Я не сказала ей о том, что мы изменили график ремонта.

– Это все еще наша главная надежда на спасение.

– Возможно. Но было бы упущением с моей стороны не изучить и другие возможности, просто на случай, если график ремонта не поможет. Этот корабль – слишком ценный приз, и я не могу оставить его без внимания. Очевидно, это исследовательское судно. В отличие от нашего, на нем могут быть шаттлы или что-нибудь еще, что послужит для нас тягачом. Мы даже можем использовать сам корабль, чтобы подтолкнуть «Равноденствие».

Струма почесал подбородок:

– Прекрасно в теории, но он сейчас гораздо ближе к объекту, чем та точка, в которой забарахлил скафандр. И даже если мы сочтем разумным отправиться туда, у нас все равно нет шаттла для такого перелета.

– Это вовсе не разумно, – согласилась я. – Даже безумно. Но у нас есть смотровые капсулы, и одна из них должна долететь до цели. Я готова рискнуть, Струма. Это лучше, чем сидеть здесь и думать, как бы еще помучить Магадиз, только для того, чтобы отвлечься от мыслей о еще большей боли, которая ждет всех нас.

Он поразмыслил над моими словами и мрачно, почтительно

кивнул.

– Учитывая обстоятельства, думаю, вы правы. Но я не пущу вас туда одну.

– У капитана есть право… – начала я.

– …принять помощь от своего первого помощника, – закончил он.

Хоть я и твердо настроилась на свой план, мне все-таки нужно было поделиться с другими офицерами и представителями пассажиров. Я рассказывала им, как мы обнаружили другое судно и теперь хотим найти ему применение, а они сидели и слушали, не задавая вопросов.

– Вы уже знаете, что у нас есть надежда изменить направление дрейфа корабля. Мы смотрим на ситуацию с оптимизмом, но при этом меня учили всегда иметь запасной план. Даже если на борту другого корабля не окажется нужного оборудования, там могут храниться важные данные, которые принесут нам пользу.

Доктор Грелле выдавил сухой безнадежный смешок:

– Что бы это ни было, оно определенно принесло много пользы своему экипажу.

– Даже слабая надежда лучше, чем вообще никакой, – ответила я, сдерживая раздражение. – Да и хуже нам от этого никак не станет. Если мы со Струмой не вернемся с корабля сочленителей, остальные офицеры справятся с управлением «Равноденствием», когда будет восстановлен контроль над вспомогательными двигателями.

– Скафандр вызвал ответную реакцию объекта, – напомнил Грелле. – Откуда вам знать, что произойдет, если вы приблизитесь к нему в смотровой капсуле?

– Я не могу этого знать, – сказала я. – Но мы остановимся не на той дистанции, на которую подошел скафандр, а раньше. Это лучшее, что мы можем сделать, доктор. – Я повернулась к остальным, надеясь на их молчаливую поддержку. – Ничто не обходится без риска. Вы шли на риск, когда доверяли свою жизнь криокапсулам. Сейчас у нас есть некоторые шансы починить корабль, прежде чем он окажется слишком близко от поверхности объекта. Но мне этого недостаточно. Я дала клятву, когда получила эту должность. Вы все мне очень дороги, но я должна думать о еще двадцати тысячах пассажиров.

– Вы хотите сказать девятнадцати, – вежливо поправила меня Чахари. – Сочленителей можно больше не считать – ни спящих, ни бодрствующих.

– И все же они остаются моими пассажирами, – ответила я.

Ни один план не оказывается на деле таким же простым, как выглядит в момент озарения. Смотровым капсулам хватало топлива на расчетную дальность полета к неуправляемому кораблю, но в обычном режиме это путешествие заняло бы слишком много времени. Если на аварийном судне сочленителей найдется что-нибудь полезное, я должна успеть все это осмотреть, привести в порядок, а потом использовать. Кроме того, мне не хотелось, чтобы возвращение зависело от гипотетического шаттла или буксира. Значит, нужно оставить запас топлива в капсуле на обратный путь к «Равноденствию». Если уж моему кораблю суждено пойти ко дну, мне следует находиться на его борту в тот момент, когда это произойдет.

Выход был найден, но вряд ли его можно назвать приятным.

Вдоль всего корпуса «Равноденствия» шла электромагнитная пусковая шахта для грузов, которые требовалось перебросить с одного корабля на другой. В последнее время мы редко ею пользовались, потому что летали с малой загрузкой, и я почти забыла о ее существовании. К счастью, смотровые капсулы были невелики и легко помещались в шахте. Выброшенные из корабля электромагнитными силами, они могли быстрей долететь до места и сэкономить топливо на обратный путь.

Но было и два минуса. Во-первых, требовалось больше времени на подготовку капсул к длительной работе. А во-вторых, пуск подразумевал чудовищное ускорение. Что хорошо для грузового контейнера, то не очень подходит для людей. В конце концов мы пришли к рискованному компромиссу: ускорение в пятьдесят *g*, действующее в течение четырех секунд, даст нам на выходе двести метров в секунду. Крайне незначительная скорость, но это максимум, который мы сможем выдержать, с учетом того, что нужно будет сделать что-то полезное в пункте назначения. Фазу пуска и большую часть дальнейшего полета нам предстоит провести без сознания, что сохранит ресурсы и избавит нас от связанных с перегрузкой неудобств.

«Равноденствие» медленно развернули и нацелили, словно пушку, на аварийный корабль сочленителей. Не имея возможности использовать мощность двигателей, мы обошлись гироскопами и регулируемым сбросом давления. Одно это заняло целые сутки. К счастью, не нужно было нацеливаться с идеальной точностью, мелкие ошибки мы могли скорректировать уже в полете.

С момента моего воскрешения прошло шесть дней, расстояние до поверхности объекта сократилось вдвое. Еще трое суток потребуется, чтобы добраться до корабля сочленителей, и к

этому моменту у нас останется меньше трех дней на то, чтобы как-то применить найденные там средства. Теперь уже даже не каждые сутки, а каждый час приближал нас к критической точке.

Перед отлетом я решила повидаться с Магадиз.

– Я рассказала вам о моих планах на случай, если вы можете сообщить нам что-нибудь полезное. Мы обнаружили ваш корабль, который вы, очевидно, так стремились отыскать. Вы постоянно что-то замышляли у нас за спиной, несмотря на все свои заверения. Надеюсь, вы получили два-три секрета от этого объекта, потому что вам теперь понадобится любая помощь, какую вы только сможете найти.

– Война всегда была лишь вопросом времени, капитан Бернсдоттир.

– Думаете, сможете победить?

– Думаю, мы добьемся своего. Но конечный результат меня не волнует.

– Это ваш последний шанс что-то изменить. Я взяла бы вас с собой, если бы твердо знала, что могу вам доверять, что вы не обратите системы корабля против меня просто ради мести. Но если у вас есть что сказать, чтобы увеличить наши шансы…

– Да, – ответила она, дав мне искру надежды, и тут же погасила ее. – У меня есть что сказать. Убейте себя прямо сейчас, пока есть возможность сделать это безболезненно. Вы еще будете благодарны мне за этот совет.

Я вышла из клетки и обнаружила, что доктор Грелле с выражением застарелого недовольства на лице, сложив руки на груди, наблюдал за нашей короткой беседой с безопасного расстояния.

– Я так понимаю, разговор не дал результата?

– Вы ожидали чего-то большего?

– Я не претендую на роль морального компаса корабля, капитан Бернсдоттир. Если считаете, что избиение пленников послужит нашим целям, это ваше дело.

– Я не избивала ее. Эти синяки и кровоподтеки уже были на ней, когда она попала сюда.

Он внимательно посмотрел на меня:

– Значит, вы ее и пальцем не тронули, ни разу?

Я уже собиралась опровергнуть обвинение, но одумалась, не успев запятнать свою честь откровенной ложью. Вместо ответа я заглянула ему в глаза, требуя скорее понимания, чем прощения.

– Это был хорошо подготовленный кровавый мятеж, доктор. Они пытались всех нас убить. И преуспели бы в этом, если бы я и мои офицеры не приняли крайних мер.

– Ну, раз так, хорошо, что у вас при себе оказались

инструменты, необходимые для подавления мятежа.

– Я вас не понимаю.

Он кивнул на офицера, все еще державшего Магадиз под прицелом эксимерной винтовки. Это тяжелое двуручное оружие больше подходило для поля боя, чем для поддержания порядка на корабле.

– Я не ахти какой знаток истории, капитан. Но нашел время, чтобы изучить в общих чертах случившееся на Марсе. Невил Клавэйн, Сандра Вой, Галиана, Великая Марсианская Стена и орбитальная блокада первого Гнезда…

– Это имеет какое-то отношение к делу, доктор Грелле? – резко спросила я.

– Да как вам сказать? Насколько я помню из уроков истории, Коалиция за невральную чистоту столкнулась с большими трудностями, когда пыталась захватить в плен кого-то из сочленителей. Они способны почти любое оружие обратить против его владельца. Удержать их в живых так долго, чтобы успеть провести допрос – еще сложнее. Они легко могут покончить с собой. И одну вещь вы просто обязаны усвоить крепко-накрепко: никогда не направляйте на пленного сочленителя высокотехнологичное оружие.

Второй раз за девять дней я выныривала в грубо смятое сознание сквозь толщу сумбура и неприятных ощущений. На этот раз не из криосна и не из менее глубокой формы усыпления. Я сидела в одиночестве, втиснутая в противоперегрузочное кресло, перекрещенные ремни безопасности давили на грудь. Я шевельнула онемевшей рукой и расстегнула пряжку. Воздушная подушка под спиной осела. Теперь я находилась в невесомости, но по-прежнему не могла двигаться. Смотровая капсула с трудом вмещала человека в скафандре.

Однако я была жива, а это уже кое-что. Значит, мой организм выдержал старт с «Равноденствия». Хронометр сообщил, что я проспала шестьдесят шесть часов, а радар ближнего диапазона, к моему большому облегчению, показал, что капсула Струмы летит рядом с моей. Капсулы запускались поочередно. Но сейчас самое время собраться вместе, не слишком активно расходуя запасы топлива.

– Струма? – сказала я в микрофон.

– Я здесь, капитан. Как вы себя чувствуете?

– Думаю, примерно так же паршиво, как ты. Но главное, что мы целы, и я готова выслушать любую хорошую новость, какая только найдется. Я реалистка, Струма, и немногого ожидаю от этой затеи. Но не могла же я просто сидеть сложа руки и

надеяться на лучшее.

– Я понимал, что это опасно, – ответил он. – И я согласен с вами, мы должны были рискнуть.

Наши капсулы поддерживали связь с «Равноденствием». Там были рады услышать нас. Несколько минут мы переговаривалась, заверяя, что с нами все в порядке и капсулы нацелены строго на корабль сочленителей. Он был невероятно темным, великолепно приспособленным для маскировки, но все равно не имел ни малейшего шанса остаться невидимым на фоне абсолютной черноты объекта.

Я едва решилась спросить, как продвигается ремонт. Однако новости оказались обнадеживающими. План Струмы перенаправить ресурсы сработал как нельзя лучше, и все показатели говорили о том, что в ближайшие тринадцать часов мы восстановим частичное управление кораблем. Все висело на волоске: «Равноденствию» оставалось лишь три дня полета до поверхности объекта и только один день до той дистанции, где показания скафандра начали отклоняться от нормальных характеристик пространства-времени. Но мы сделали все, что могли, и получили слабую надежду вместо прежней обреченности.

Мы со Струмой еще раз проверили все системы наших капсул, а затем начали тратить топливо на торможение перед встречей с кораблем. К тому времени мы уже могли видеть друг друга, разделенные двумя-тремя километрами, но легко различимые на фоне звезд за счет выбрасываемой вперед струи плазмы.

Мы прошли отметку в десять тысяч километров без всяких происшествий. Я чувствовала себя разбитой и вялой, у меня пересохло во рту, но этого и следовало ожидать после запуска с таким ускорением и принудительного сна. В остальном все было в порядке, если не считать вполне объяснимых дурных предчувствий, которые любой испытывал бы на моем месте. Все приборы капсулы работали исправно, показания датчиков и индикаторов оставались вполне разумными.

В девяти тысячах километров я почувствовала изменения.

Началось с мелочей. Мне пришлось щуриться, чтобы разглядеть данные на дисплее, словно я смотрела на него под водой. В первый момент я приписала это усталости. Затем связь с «Равноденствием» сделалась неустойчивой, то и дело пропадая и прерываясь помехами.

– Струма, ты понял, что это значит? – спросила я.

Его ответ прозвучал так, словно он находился еще дальше от меня, чем корабль. Но я по-прежнему видела его капсулу,

сверкающую слева по борту.

– То, что действовало на скафандр, сейчас начнется и с нами.

– Объект не изменился в размерах.

– Нет, но то, что он творил с окружающим пространством, теперь вышло на новый уровень.

В его словах не было упрека, но я уловила скрытую связь. Скафандр вызвал определенную реакцию, ту волну, что прошла через «Равноденствие». Возможно, это означает постоянные изменения условий вблизи поверхности объекта, подобно тому, как крепость усиливает свою защиту после первого нападения.

– Мы не отступим, Струма. Мы знали, что будет жарко… просто это случилось чуть раньше, чем ожидалось.

– Согласен.

Его голос еле пробился ко мне, словно растянутый доплеровским эффектом.

По крайней мере, капсулами еще можно было управлять. Мы прошли отметку восемь с половиной тысяч, все так же сбрасывая скорость, все так же нацеленные на корабль сочленителей. Пусть и уступая вчетверо по размерам «Равноденствию», он оставался единственным физическим телом между нами и поверхностью объекта, мерцающим на границе видимости в зареве наших выхлопных струй. Мелкая крупинка над океаном черноты.

«Когда весть о предательстве дойдет до нашего правительства, – размышляла я, – начнется война».

Мир с сочленителями всегда оставался напряженным, но любые нарушения, случавшиеся прежде, по сравнению с этим были не более чем мелкими дипломатическими эксцессами. Сочленители не только подготовили и провели секретную экспедицию, грубо поправ условия взаимовыгодного сотрудничества, но и попытались захватить корабль, проявив холодное безразличие к судьбам остальных девятнадцати тысяч пассажиров. Сочленители всегда считали, что они лучше других, и в определенном смысле, возможно, были правы. Они умней, быстрей и уж точно беспощадней нас. Мы многое приобрели от партнерства с ними, и, возможно, они тоже получили какие-то ограниченные преимущества. Но теперь я понимала, что это была лишь видимость, циничный прагматизм. За нашей спиной они строили планы, надеясь извлечь выгоду из первого контакта с этим проявлением чужого разума.

Однако первая война едва не поставила их на грань вымирания. И за минувшее столетие они поделились с нами многими своими технологиями, позволив нам опасно приблизиться к их собственным возможностям. Учитывая то, как долго продолжалось сотрудничество, зачем было рисковать всем

при таких сомнительных ставках?

Я мысленно перенеслась к напутственным словам доктора Грелле о нашей пленнице. Мои познания в истории не были так обширны, но я не видела причин сомневаться в его воспоминаниях. То, что он говорил о пленных сочленителях, наверняка правда. Почему же тогда Магадиз терпит нацеленное на нее оружие, если может добраться до его управления и сделать так, чтобы ей снесло голову?

Разве что она все-таки не хочет умереть.

– Струма… – начала было я.

Но слова, которые я собиралась сказать, остались непроизнесенными. Со мной творилось что-то странное. Мне приходилось испытывать и невесомость, и повышенную гравитацию, но это было нечто совершенно новое. Невидимые когти пронзили кожу и принялись раздирать меня изнутри во всех направлениях сразу.

– Началось, – сказала я, снова застегивая ремни безопасности, как бы ни были они сейчас бесполезны.

Капсула тоже ощутила изменения. Приборы говорили о нагрузках, выходящих за рамки ее крайне ограниченного понимания нормальных условий. Я все еще видела корабль сочленителей, а звезды за черным горизонтом поверхности объекта оставались на своих местах. Струйные двигатели начали захлебываться, и это только ухудшало положение.

– Переходите на ручное управление. – Голос Струмы, мгновение назад искаженный и невнятный, теперь четко прозвучал в моей голове: – Мы уже совсем близко.

Двести километров до корабля, затем сто пятьдесят, затем сто. Скорость замедлилась уже до сотни-другой метров в секунду. Капсула все еще функционировала, все еще поддерживала жизнедеятельность, но мне пришлось отключить все сложные навигационные и рулевые системы, рассчитывая теперь только на свои грубые инстинкты. Канал связи с «Равноденствием» окончательно пропал, а когда я оглянулась назад, на купол неба, звезды как будто плыли за толстым мутным стеклом. Мои внутренности скрутило в узел, кости болели так, словно раскололись миллионами тончайших трещин. Внутреннее глазное давление медленно росло. Только понимание того, что «Равноденствию» придется еще хуже, если мы не изменим направление дрейфа, помогало мне продолжать полет.

Наконец корабль сочленителей словно выплыл из какой-то искажающей среды, его очертания стали более четкими. Пятьдесят километров, затем десять. Наши капсулы приблизились к нему почти ползком.

И тут мы увидели то, чего не замечали прежде.

Большое расстояние, измененное пространство и ограниченные возможности наших датчиков и глаз сыграли с нами ужасно злую шутку. Корабль был разрушен в куда большей степени, чем мы могли судить по результатам дальнего сканирования. Он оказался жалкой развалиной, сохранившей лишь внешние контуры. Корпус, двигатели и лонжероны остались на месте, но превратились в нечто волокнистое, выпотрошенное, разодранное на части в одних местах и истончившееся до невесомого кружева в других. Корабль готов был распасться на части, рассыпаться в пыль, словно хрупкое ископаемое, извлеченное из предохраняющего раствора.

Долгие минуты мы со Струмой просто смотрели на него, наши капсулы висели в нескольких сотнях метров от корпуса. Все неприятные ощущения, включая тошноту, никуда не исчезли. Мысли сделались вязкими, словно застывающая смола. Но пока я смотрела на останки корабля сочленителей, все остальное не имело значения.

– Он находится здесь очень долго, – сказала я.

– Мы точно этого не знаем.

– Десятки лет… даже больше. Приглядись к нему, Струма. Это старый-престарый корабль. Возможно, старше Европейского соглашения.

– Что вы хотите этим сказать, капитан?

– Если его послали сюда до момента заключения соглашения, то никакого нарушения сделки не было.

– Но ведь Магадиз…

– Мы не знаем, какие приказы выполняет Магадиз. Если они у нее вообще есть. – Я с трудом проглотила комок и заставила себя сказать суровую и очевидную правду: – В любом случае корабль для нас бесполезен. Слишком много лет прошло, и на нем не сохранилось ничего полезного для нас. Даже если я рискну забраться внутрь, это ничего не даст. Мы напрасно проделали весь этот путь.

– Там могли сохраниться технические данные. Показания приборов, характеристики объекта. Мы должны хотя бы посмотреть.

– Нет, – сказала я. – Ничего не могло уцелеть. Ты ведь сам понимаешь, правда? Это просто пустая оболочка. Даже Магадиз не смогла бы из нее ничего извлечь.

Мое сердце отчаянно забилось. Помимо неудобства и тошноты, я ощущала теперь безмолвный, все нарастающий ужас. И понимала, что здесь не место для таких простых мыслящих существ, как я.

– Ничего у нас не вышло, Струма. Мы правильно сделали, что попытались, но нет смысла себя обманывать. Остается только молиться, чтобы наш корабль остановил дрейф без посторонней помощи.

– Нельзя сдаваться, не взглянув поближе, капитан. Вы сами сказали, что мы уже зашли слишком далеко.

И, не дожидаясь разрешения, Струма двинул свою капсулу к останкам корабля сочленителей.

Он был намного меньше, чем «Равноденствие», но все же капсула рядом с ним казалась крохотной светящейся точкой. Я мысленно выругалась, прекрасно понимая, что Струма прав, и на ручном управлении полетела следом. Он направился к широкой пробоине в борту корабля, с загнутыми и расходящимися во все стороны, словно лепестки цветка, кусками оболочки. Притормозил коротким импульсом, а затем заплыл внутрь.

Я в последний раз попыталась восстановить связь с «Равноденствием» и поспешила за Струмой.

«Может быть, он прав, – подумала я, отчаянно стараясь выдавить страх из сердца. – Там могло что-то остаться, каким бы маловероятным это ни казалось. Шаттл, защищенный от сильных повреждений. Запасной двигатель с чудом уцелевшим интерфейсом управления».

Однако, едва оказавшись внутри, я поняла всю тщетность наших надежд. Разрушения здесь были такими же страшными, как и снаружи, если не страшней. Корабль прогнил насквозь и удерживался от распада только тончайшими остатками соединительной ткани. Включив бортовые огни капсулы на полную мощь, я плыла сквозь темный зачарованный лес изогнутых балок, изорванных в клочья палуб и переборок, разбитых и покореженных механизмов.

Я успела примириться с абсолютной бесполезностью нашей экспедиции, как осознала кое-что еще: капсулы Струмы нигде видать. Он плыл в нескольких сотнях метров впереди меня, и если не саму капсулу, то хотя бы отражение ее бортовых огней и выхлопной струи я должна была замечать.

Но когда я погасила свои огни и выключила двигатель, вокруг была полная темнота.

– Струма, – позвала я, – ответь, пожалуйста. Я тебя потеряла.

Тишина.

– Струма? Это Раума. Где ты? Посигналь дальним светом или двигателем, если слышишь.

Тишина и темнота.

Я остановила капсулу. Вероятно, я уже преодолела половину пути по внутренностям корабля сочленителей, и этого было

достаточно. Развернувшись, я попыталась найти логическое объяснение молчанию Струмы. Должно быть, он пролетел всю внутреннюю полость насквозь и выбрался с другой стороны, а твердые останки корабля блокируют наши переговоры.

Двигатель дал короткий импульс, и я направилась туда, откуда пришла. Искореженные конструкции отражали туманный свет. Впереди показался постепенно разбухающий клочок звездного неба в форме цветка. Не дом, не убежище, но все же что-то, к чему можно стремиться, что-то лучшее, чем внутреннее пространство разрушенного корабля.

Я увидела капсулу Струмы за мгновение до того, как она врезалась в меня. Должно быть, он включил двигатель ровно настолько, чтобы выскочить из укрытия. Когда он протаранил мою капсулу, скорость сближения была не больше пяти-шести метров в секунду, но и этого хватило, чтобы у меня вышибло дыхание, а моя капсула завертелась кувырком. Я судорожно хватала ртом воздух, борясь с нарастающей тяжестью в голове и пытаясь сохранить хоть какую-то ясность мыслей. От удара зазвенел аварийный сигнал. Капсула была довольно крепкой и пережила запуск с огромным ускорением, но она не предназначалась для того, чтобы выдержать умышленное столкновение.

Я ткнула пальцем в панель управления и высвободилась из обломков. Капсула Струмы уже возвращалась, освещаемая стробоскопическими вспышками двигателя. Каждая вспышка выхватывала ее из темноты, как будто замершую в свободном пространстве, но при следующей вспышке она оказывалась заметно ближе.

Я задумалась, имеет ли смысл заговорить со Струмой и попытаться его образумить.

– Не делай этого, Струма. Чего бы ты ни добивался…

И тут меня охватило глубокое, спокойное понимание. Это был почти подарок судьбы – вдруг увидеть все так четко и ясно.

– Это была инсценировка. Попытка захвата судна. Магадиз… и все остальные… они не собирались нарушать соглашение, правильно?

В его ответе мне почудилось желание что-то объяснить, как-то оправдаться:

– Нам нужны были эти сведения, Раума. Нужны больше, чем эти сочленители, и уж точно больше, чем мир с ними.

Наши капсулы зазвенели от удара друг о друга. У нас не было никакого оружия, кроме массы и скорости, и никакой защиты, кроме брони и стекла.

– Кому это «нам», Струма? О ком ты говоришь?

– Тем, кто заботится о наших интересах, Раума. Это все, что вам нужно знать. Все, что вы узнаете, проще говоря. Мне очень жаль, что вам придется умереть. И всех остальных тоже жаль. Мы не думали, что все так обернется.

– Правительство ни за что не одобрит это, Струма. Тебя обманули. Солгали тебе.

Он снова налетел на меня, сильней, чем в прошлый раз, не выключая двигатель до самого момента столкновения. На секунду, а может и на десять, я потеряла сознание, а когда пришла в себя, моя капсула уже остановилась в дебрях корабельных переборок. Хрупкие, как стекло, они раскалывались на мелкие осколки, которые разлетались кувырком и с мелодичным звоном бились о корпус моей капсулы.

По переднему куполу во все стороны побежали мелкие трещинки.

– Рано или поздно сочленители узнали бы об этом корабле, Раума, так же, как узнали мы. И нашли бы способ добраться сюда, не постояв за ценой.

– Нет, – ответила я. – Они не стали бы этого делать. Возможно, когда-то сочленители и были безжалостными, так же как мы. Но мы научились сотрудничать, научились строить лучший мир.

– Чтобы утешить вас, я обещаю, что в своем рапорте всю заслугу этого открытия припишу вам. Оно получит ваше имя. Объект Бернсдоттир или Завеса Бернсдоттир – как вам больше нравится?

– Мне больше понравится, если я останусь в живых, – сказала я громче, чтобы перекричать сигнал тревоги. – Между прочим, как ты собираешься подать рапорт, если мы не вернемся домой?

– Об этом уже позаботились, – сказал Струма. – Когда я возвращусь на «Равноденствие», все примут мою версию событий. Я скажу, что вы попали в ловушку, а я не смог спасти вас. Постараюсь, чтобы ваша смерть выглядела героической.

– Не стоит так беспокоиться из-за меня.

– А я и не собираюсь. Просто чем больше внимания уделят вам, тем меньше будут думать обо мне.

Он врезался в меня еще раз. Я пыталась поднырнуть под него, но мои пальцы соскользнули с пульта управления двигателем. Капсула накренилась и уплыла в сгущающиеся дебри разрушенного корабля. Я ударилась обо что-то твердое и отлетела вниз.

– Теперь тебе осталось надеяться только на то, что удастся остановить дрейф.

– Может быть, удастся, а может, и нет. Но мне не нужен

корабль. У меня есть запасной план на случай, если по-другому не получится. Я покину корабль. Катапультируюсь в криокапсуле, введу в нее обратный маршрут. Капсула без труда сохранит меня в открытом космосе, и в конце концов за мной пришлют другой корабль.

Снова замигали вспышки двигателя, но не моего. Резкие изломанные очертания на миг застыли. Кажется, я заметила в этом хаосе, порожденном нашим грубым вторжением, чье-то тело – кувыркающееся, словно кукла, безволосое, с четко выраженными черепными швами и безжизненным взглядом обращенных ко мне глаз.

– Рада, что ты так доверяешь своим хозяевам.

– О да, доверяю.

– Кто они, Струма? Какая-то фракция демархистов? Или нейтральная сила?

– Просто люди, Раума. Хорошие люди с далеко идущими планами.

Капсула Струмы снова пошла на таран, чтобы теперь уже покончить со мной.

«Может, услышал сигнал тревоги и мое беспомощное падение, вот и решил, что я больше не могу управлять двигателем», – подумала я.

Я подпустила его ближе. Он набрал скорость, и его лицо словно распухло, заполнив собой весь купол. Во взгляде застыла решимость, в которой было больше сожаления, чем ярости. Должно быть, наши глаза встретились в последние залитые стробоскопическим светом мгновения и он что-то прочел на моем лице, что-то выдавшее мое намерение.

Но к тому моменту было уже слишком поздно.

Я вцепилась в пульт управления и бросила капсулу в сторону, не оставив ему времени, чтобы изменить курс. Его капсула скользнула в то место, где секундой раньше находилась моя, и понеслась дальше, прямо на выступающий острый край сломанного лонжерона. Он пробил броню и вошел в грудь Струмы, и во вспышке моего двигателя я увидела, как его тело содрогнулось в жестокой судороге, когда воздух вместе с жизнью вылетал из легких.

В других обстоятельствах я бы нашла способ доставить труп на «Равноденствие». Что бы ни совершил Струма, как бы ни нагрешил, он не заслуживал, чтобы его бросили в таком месте.

Но обстоятельства были такими, какими они были, и я улетела одна.

О дальнейшем мне не так много нужно вам рассказать. Мало

что в жизни бывает только черным или только белым, так же вышло и с ремонтом. Он закончился вовремя, и «Равноденствие» снова стало управляемым. Я уже возвращалась, расходуя последнее топливо, когда на корабле началась проверка вспомогательных двигателей. Поскольку реактивные струи вытекали в мою сторону, я без особого труда различала яркую звезду – мой корабль. «Многого и не требуется, – говорила я себе. – Теперь мы наверняка сможем прекратить дрейф или даже развернуться в другую сторону, и «Равноденствие» будет отходить все дальше от поверхности объекта».

Как только моя капсула освободилась от его воздействия, я восстановила устойчивую связь с кораблем и определила расстояние до него. Затаив дыхание, я наблюдала, как скорость дрейфа уменьшилась в пять раз. Десять метров в секунду – даже человек мог бы обогнать сейчас корабль. Почти то, что и требовалось, – заманчиво близко к нулю.

А затем что-то пошло не так. Двигатели замерцали и погасли. Я ждала, когда они снова заработают, но этот момент так и не наступил. Я связалась с кораблем и узнала, что одна из уязвимых энергетических линий не выдержала перегрузки. Как и все остальное, ее можно было починить, но для этого требовалось время, которого у нас не было. Дрейф «Равноденствия» замедлился, но не прекратился совсем. Датчики наших капсул засекли изменения на расстоянии девяти тысяч километров от поверхности объекта. При нынешней скорости корабль пройдет эту точку за четыре дня.

У нас не было времени.

На обратном пути я сожгла почти все топливо, оставив лишь небольшой запас для сближения с кораблем. К несчастью, этого запаса оказалось недостаточно. Когда я подкорректировала отклонение от нужного курса, у меня уже не оставалось топлива, чтобы выполнить сближение. Капсулу проносило мимо него в межзвездное пространство. Ее ресурсов хватило бы, чтобы поддерживать мою жизнь еще несколько дней, но не настолько долго, чтобы кто-то успел прийти на помощь. И в конце концов я бы умерла от холода или удушья, в зависимости от того, что возьмется за меня раньше. Ни тот ни другой вариант мне совершенно не нравился. Но по крайней мере я избежала бы гибели от разрывающих сил у поверхности объекта.

Разумеется, ничего такого со мной не случилось. Моя команда и представители пассажиров решили вернуть меня на корабль. Курс «Равноденствия» очень аккуратно подправили с помощью отремонтированных рулевых двигателей, и я проскользнула прямо в пасть грузовой шахты. Это был крайне

болезненный процесс, обратный тому, который недавно выбросил меня из корабля. Я получила сильную контузию, когда капсула попала в захват пусковых направляющих и мучительно резко остановилась.

И все же я осталась жива.

Доктор Грелле был первым, чье лицо я увидела, когда пришла в себя, лежа на реанимационной койке, с болью в висках, но и с полным осознанием случившегося.

Первый мой вопрос был вполне естественным:

– Где мы сейчас?

– В двух днях дрейфа от того места, где ваши капсулы начали фиксировать изменения пространства-времени, – сказал он с мягкостью лучшей в мире сиделки. – Приборы пока не показывают ничего странного, но я уверен, что все изменится, когда мы приблизимся к границе.

Я впитывала новости со странным чувством обиды на то, что мне не дали умереть. Но усилием воли взяла себя в руки, как и подобает капитану.

– Долго меня откачивали?

– Возникли осложнения. Надо было восстановить кровообращение мозга, и мы поместили вас в хирургический автомат. Было непросто добиться, чтобы он заработал должным образом. Некоторые операции пришлось выполнять вручную.

Больше никого в каюте не было. Я задумалась, куда делись мои старшие офицеры. Может, они занимаются подготовкой корабля к его последним дням, заполняют журналы, посылают сообщения и прощальные письма в пустоту космоса, надеясь, что кто-нибудь получит их?

– Это будет ужасно, доктор Грелле. Мы со Струмой испытали все на себе, хотя и находились далеко от поверхности. Если ничего нельзя сделать, никто не должен оставаться в сознании.

– Никто и не будет, – ответил доктор Грелле. – Кроме тех нескольких, кто сейчас бодрствует. Остальные вернулись в криосон. Они понимают, что это смертный приговор, но по крайней мере не ощутят боли, а успокоительные средства облегчат переход.

– Вы должны последовать их примеру.

– Я так и сделаю. Но сначала расскажу о Магадиз. Думаю, вам будет интересно.

Как только я оказалась готова, мы с доктором Грелле отправились в каюту для допросов. Магадиз сидела в кресле, по-прежнему удерживаемая зажимами. Она повернула голову, когда я входила в электростатическую клетку. С момента нашей

последней встречи опухоль вокруг поврежденного глаза уменьшилась, и теперь сочленительница могла смотреть на меня обоими глазами.

– Я отослал охранника, – сказал доктор Грелле. – Он все равно ничего не добился.

– Вы рассказывали мне о пленниках на Марсе.

Он скупо улыбнулся:

– Рад, что теперь есть ясность. А тогда не знал, что и подумать. Почему Магадиз не повернула оружие против себя или просто не залезла к себе в голову, чтобы самоумертвиться? Это было ей вполне по силам.

– Почему вы этого не сделали? – спросила я у Магадиз.

Та перевела взгляд на доктора Грелле. Хотя она оставалась моей пленницей, но держалась с невозмутимым спокойствием и чувством собственного превосходства.

– Расскажите ей, что вы обнаружили, доктор.

– Это все хирургический автомат, – сказал Грелле. – Я уже говорил, что возникли проблемы с его работой. Думаю, никто не ожидал, что он снова понадобится, и не удосужился очистить оперативную память от подробностей предыдущего рабочего цикла.

– Не понимаю, – произнесла я.

– Хирургический автомат был запрограммирован на выполнение необычной задачи, далеко выходящей за привычный диапазон действий. Магадиз возвратили из криосна, но оставили в бессознательном состоянии. Потом поместили в хирургический автомат и установили ей принуждающее устройство.

– Это военная разработка, – объяснила Магадиз с такой отстраненностью, как будто припомнила нечто случившееся с кем-то другим, очень давно и очень далеко отсюда. – Запрещенное законом наследие первой войны. Его называли фарсидским бичом. Предназначалось оно для того, чтобы подавить нашу индивидуальную волю, дать возможность выдержать допросы и служить рупором контрпропаганды. Когда мне внедрили устройство, у меня не осталось личных желаний. Я могла делать и говорить только то, что от меня требовали.

– Что требовал Струма, – высказала я единственное разумное предположение.

– Ему пришлось действовать в одиночку, – все с тем же ледяным спокойствием продолжала Магадиз. – Он представил все как попытку захватить ваш корабль, хотя на самом деле никто даже не пытался. Но мы должны были умереть, все мы. Он не мог допустить, чтобы известие об обнаружении объекта достигло наших Материнских Гнезд.

– Я удалил это принуждающее устройство, – сказал доктор Грелле. – Разумеется, ваши офицеры были против. Но мне удалось объяснить им, что произошло. Должно быть, Струма очнулся первым, затем он проделал все необходимое с Магадиз. Он подготовил доказательства попытки захвата корабля: пробуждал от криосна других сочленителей и либо убивал на месте, либо внедрял им более грубые версии принуждающих устройств, чтобы они убедительно изображали боевые действия. Остальные офицеры пришли в сознание и увидели, что кораблю грозит опасность. В той горячке у них не было причин усомниться в словах Струмы.

– У меня тоже, – прошептала я.

– Сочленителей необходимо было уничтожить. Они помогали поддерживать существование корабля и правильную работу его систем, но нельзя было допустить их участие в исследовании объекта.

– А как насчет нас, остальных? Мы тоже в этом участвовали и могли все рассказать по возвращении домой.

– Вы бы приняли версию Струмы о захвате корабля, как на самом деле едва не случилось. И я бы принял. Но он совершил ошибку, приставив к Магадиз вооруженную охрану. А потом еще одну ошибку – когда дал мне возможность осмотреть хирургический автомат. Думаю, не стоит винить Струму за эти мелкие промахи. У него было много забот.

– Вы беспокоились, как бы не началась война, – ровным голосом произнесла Магадиз. – Теперь она все-таки может начаться. Но развяжут ее другим способом. Эту провокацию организовала какая-то фракция внутри вашего планетарного правительства. – Она замолчала на несколько мгновений. – Но я не хочу этой войны. Вы верите в прощение, Раума Бернсдоттир?

– Надеюсь, что да.

– Хорошо.

Магадиз поднялась с кресла, и зажимы упали с нее, поскольку, вероятно, и не были закреплены. Она шагнула ко мне и стремительным, как удар бича, движением поднесла руку к моему лицу, обхватила мою челюсть и сжала так крепко, что у меня едва не захрустели кости.

– Я тоже верю в прощение. Но для него нужны двое. А вы ударили меня, когда считали своей пленницей.

Я попятилась и уперлась спиной в решетку бесполезной теперь электростатической клетки.

– Мне очень жаль.

– Правда, капитан?

От боли мне трудно было говорить, трудно даже думать.

– Да, жаль. Я не должна была так поступать.

– Вас оправдывает лишь то, что вы сделали это только один раз, – сказала Магадиз. – И хотя я оставалась под контролем устройства, но все же заметила что-то в ваших глазах. Сомнение. Стыд.

Она убрала руку. Я часто задышала, понимая, что она все еще может убить меня.

– Я склоняюсь к тому, что вы пожалели о своем порыве.

– Так и было.

– Хорошо. Потому что кто-то должен остаться в живых, и, возможно, это будете вы.

Я провела рукой по челюсти:

– Нет. С нами все кончено, со всеми нами. Остается только криосон. Мы умрем, но по крайней мере будем без сознания, когда это случится.

– Корабль можно спасти, – возразила Магадиз. – И небольшое количество пассажиров тоже. Так и будет. Теперь, когда сведения об объекте уже собраны, нужно передать их человечеству. Вы станете носителем этого знания.

– Корабль нельзя спасти. У нас просто не хватит времени.

Магадиз обернулась к доктору Грелле:

– Наверное, мы должны показать ей, доктор. Тогда она поймет.

Они подвели меня к одному из передних иллюминаторов. Наш корабль все еще был нацелен на объект, и я увидела только стену тьмы, что простиралась во все стороны, до самых границ зрительного восприятия. Уставившись в пустоту, я подумала, смогу ли различить останки корабля сочленителей теперь, когда мы подошли намного ближе. Меня почти не спрашивали о случившемся со Струмой, как будто мое благополучное возвращение было исчерпывающим ответом.

Затем что-то сверкнуло. Короткая яркая вспышка, угасшая едва ли не раньше, чем ее успела зафиксировать моя сетчатка. Я стояла у иллюминатора, гадая о том, не была ли это просто игра воображения, пока не увидела другую вспышку. Чуть погодя подоспела и третья. Они возникали в разных точках, но настолько близко одна к другой, что это не могло быть случайностью.

– Вы спасли нас, – произнес доктор Грелле очень тихо, словно боясь прервать какое-то священное заклинание. – Или, по крайней мере, указали путь к спасению. Когда грузовая пусковая шахта выбрасывала ваши со Струмой капсулы, это оказало воздействие на весь корабль. Совсем небольшая, но ощутимая отдача, которая уменьшила нашу скорость.

– Это нам не поможет, – ответила я не без мрачного удовлетворения от того, что нашла ошибку в его рассуждениях. – Если бы мы летели с полной загрузкой, в десятки тысяч тонн, тогда, возможно, смогли бы выпустить вперед количество груза, достаточное чтобы изменить направление дрейфа. Но у нас ее нет. Мы летим практически порожняком.

На поверхности объекта сверкнула еще одна вспышка.

– Это не груз, – сказала Магадиз.

Думаю, я все поняла уже тогда. По крайней мере, кто-то во мне понял. Но не тот, кто был готов посмотреть правде в глаза.

– А что же тогда?

– Капсулы, – объяснил доктор Грелле. – Капсулы для криосна. Каждая из них по размеру и массе сравнима с вашей смотровой капсулой. В каждой находится спящий пассажир.

– Нет!..

Я наотрез отказывалась в это поверить, хоть и понимала, что у них нет никаких причин лгать мне.

– Здесь есть элемент неопределенности, – сказала Магадиз. – Пусковая шахта работает с большой нагрузкой, и ее эффективность может со временем снизиться. Однако вполне вероятно, что корабль удастся спасти, потеряв лишь половину пассажиров. – Какое-то слабое, отчужденное сочувствие промелькнуло в ее глазах. – Я понимаю, как сложно вам это принять, Раума. Но другого способа спасти корабль нет. Кто-то должен умереть, кто-то – остаться в живых. И вы должны быть одной из выживших.

Вспышки продолжались. Теперь, подстроившись под их ритм, я уже могла различать слабейшие сотрясения корабля, происходившие с той же частотой, что и удары о поверхность объекта. С каждым толчком, выбрасывающим еще одну капсулу, движение корабля замедлялось на ничтожную величину. Но несколько тысяч в сумме могли дать нужный результат.

– Я запрещаю! – воскликнула я. – Не позволю даже ради спасения корабля! Ни убийства, ни самоубийства, ни самопожертвования. Ничто на свете этого не стоит!

– Это стоит всего на свете, – возразила Магадиз. – Во-первых, известие об артефакте – об этом объекте – необходимо доставить в цивилизованный мир и предать широчайшей огласке. Это не должно остаться тайным знанием одной фракции правительства. Возможно, существуют и другие подобные объекты, которые тоже нужно нанести на карты и подвергнуть изучению. Во-вторых, вы должны высказаться в пользу мира. Если корабль не вернется, если исчезнет без следа, сразу возникнут всякие измышления. Вы должны уберечь нас от этого.

– Но ведь вы…

– Вашему свидетельству поверят быстрей, чем моему, – продолжала она. – И не думайте, что это будет наше общее самоубийство. Все решалось коллективно, с кворумом, как у обычных пассажиров, так и у сочленителей. Большинство спящих привели в относительное сознание, так что они смогли проголосовать, а мы учли их мнение. Не скажу, что решение было единогласным… но оно принято, причем подавляющим большинством. Мы все рискуем в равной степени. Автоматика будет выбрасывать капсулы до тех пор, пока корабль не ляжет на обратный курс, с допустимой погрешностью. Возможно, для этого потребуется десять тысяч капсул или даже пятнадцать. Пока мы не достигнем результата, выбор будет совершенно случайным. Мы вернемся в криосон, точно зная лишь то, что наши шансы выжить не нулевые.

– И этого достаточно, – добавил доктор Грелле. – Как сказала Магадиз, пусть лучше выживет один из нас, чем ни одного.

– Струма остался бы доволен, если бы вы расправились со всеми нами, – снова заговорила Магадиз. – Но вы этого не сделали. И даже когда появилась надежда, что мы успеем закончить ремонт, вы с риском для жизни отправились исследовать останки чужого корабля. Экипаж и пассажиры оценили ваш поступок и сочли его достойным уважения.

– Струма просто искал удобный случай убить меня.

– Решение принимали вы, а не Струма. И мы тоже приняли окончательное решение. – За непреклонностью Магадиз угадывалась все же малая толика сострадания. – Мы с доктором Грелле возвращаемся в криосон. Наше пробуждение было временной мерой, и теперь мы должны подчиниться своей судьбе.

– Нет! – повторила я. – Останьтесь со мной. Вы же сами говорили, что не все должны умереть.

– Мы смирились со своей участью, – сказал доктор Грелле. – А теперь, капитан Бернсдоттир, вам нужно смириться со своей.

И я смирилась.

Я верила, что у нас есть нечто большее, чем просто шанс. Я думала, если спасется хоть один из нас, тысячи других тоже удастся вернуть к жизни. И как только они проснутся, среди них найдутся свидетели, которые подтвердят мою версию событий.

Но я ошибалась.

Корабль отремонтировал себя, и я прилетела на Йеллоустон. Как я уже сказала, были приняты все меры, чтобы уберечь меня от последствий долгого криосна. Когда меня оживили, осложнения оказались минимальными. Я помнила почти все, с самого первого

дня.

Но остальным – тем нескольким тысячам, которые уцелели, – повезло меньше. Одного за другим их выводили из криосна и у одного за другим обнаруживали различные нарушения памяти и утрату личности. Те из них, кто сохранил самое ясное сознание, пройдя через все испытания с наименьшим ущербом, не могли подтвердить мой рапорт с той точностью, какую требовало общественное мнение. Кое-кто вспомнил, что его привели в минимальное сознание и убедили поддержать решение пожертвовать частью пассажиров (большей частью, как потом оказалось), но эти воспоминания были смутными, а порой даже противоречивыми. В других обстоятельствах все можно было бы списать на постреанимационную амнезию, не запятнав мою репутацию. Но в этом случае все вышло иначе. Как мне удалось сохранить полное сознание, единственной из всех?

Думаете, я не пыталась оправдаться? Пыталась. Много раз за эти годы подробно рассказывала о случившемся, не утаивая ничего. Я обратилась к корабельным записям, отстаивая их достоверность. Это было нелегко, потому что на Фанде осталась семья Струмы. Со временем вести дошли и до нее. У меня наворачивались на глаза слезы при мысли о том, что этим людям пришлось вынести из-за его предательства. По иронии судьбы они ни разу не усомнились в моем рассказе, хоть он и обжигал их сердца.

Но вспомните фандскую пословицу, которую я привела в самом начале: «Позор – это маска, которая становится лицом». Я также говорила и о последствиях: о том, что к этой маске можно привыкнуть настолько, что уже не осознаешь ее чужеродности, не испытываешь болезненных ощущений. Фактически она становится чем-то таким, за чем можно спрятаться, – щитом и утешением.

В конце концов мне стало очень комфортно жить с позором.

Правда, первое время эта маска меня раздражала. Я противилась тому новому, чуждому, что она внесла в мою жизнь. Но со временем убедилась, что смогу это вынести. Все слабее и слабее ощущала ее присутствие и однажды совсем перестала замечать. Может быть, изменилась она, а может, я. Или мы обе приспособились друг к другу.

Как бы то ни было, снять маску для меня теперь все равно что живьем содрать с себя кожу.

Я понимаю, вас удивляет, даже шокирует то, что, несмотря на ясность вашего сознания, на отчетливые воспоминания о том, как спрашивали ваше согласие, несмотря на то, что вы полностью подтверждаете мои слова, я все же не ухватилась за этот шанс

получить прощение. Но вы недооценивали меня, если думали иначе.

Посмотрите на этот город.

Башня за башней, словно пыльные столбы в области звездообразования, опускающиеся в ночной туман, мерцающие миллиардами огней, миллиардами замешанных в этом деле жизней.

Суть в том, что они этого не заслуживают. Они взвалили все на меня. Тогда, много лет назад, я сказала чистую правду и мои слова отодвинули нас от грани, за которой началась бы вторая война с сочленителями. Те немногие, от кого что-то зависело, те, кто принимал решения, поверили мне сразу и полностью. Но многие другие не поверили. И вот скажите: разве обязана я снять камень с их души, добившись своего оправдания?

Пусть они засыпают с сознанием своей вины, пока я не умру.

Я слышу ваше недоверие. И даже понимаю его. Вы взяли на себя труд прийти ко мне с благородными, бескорыстными намерениями, в надежде облегчить мои последние годы и изменить общественное мнение обо мне. Это добрый поступок, и я вам благодарна.

Однако у нас на Фанде бытовала и другая пословица. Думаю, вам она хорошо известна.

Запоздавший подарок хуже, чем совсем никакого.

А теперь не могли бы вы оставить меня одну?

Шпион на Европе [7]

Совсем недолго Мариус Варгович, агент фракции «Гильгамеш – Исида», наслаждался свободным падением, а затем включились двигатели и отбросили флиттер от «Девкалиона». Пилот направил его к видневшемуся внизу спутнику Юпитера, обгоняя малоразмерные суда, которые марсианский лайнер изверг из своей утробы. Европа заметно увеличилась в размере – сплющенный серп цвета пропитанных никотином обоев.

– Скукота, правда?

Варгович лениво повернулся в кресле:

– А ты бы хотел, чтобы нас обстреляли?

– Я бы хотел, чтобы хоть что-то происходило.

– Значит, ты дурак, – заключил Варгович, сложив пальцы домиком. – Под этим льдом хватит оружия, чтобы подарить Юпитеру второе красное пятно. Страшно даже подумать, что сделали бы с нами.

– Я просто решил поболтать с тобой, приятель.

– Не стоило беспокоиться. Это развлечение переоценивали даже в лучшие времена.

– Ну, хорошо, Мариус. Я принял сообщение, то есть перехватил его, отфильтровал, расшифровал с помощью подходящего одноразового блокнота и написал отчет по нему на двести с хреном страниц. Теперь ты доволен?

– Я никогда не бываю доволен, Мишенька. Это не в моих привычках.

Но в чем-то Мишенька был прав: Европа казалась зашифрованным документом, чья сложность скрыта под поверхностью потрескавшегося и снова схватившегося льда. Борозды на ней напоминали капилляры остекленевшего глазного яблока, нечеткие, как грубая запись видеонаблюдения. Но как только флиттер вошел в воздушное пространство Демархии, диспетчер сразу же включил его в общий транспортный поток и направил в посадочный коридор. Через три дня Мишенька вернется, но с отключенной электроникой, так что не пройдет и десяти минут, как он поцелуется со льдом.

– Еще не поздно все отменить, – сказал Мишенька спустя долгое время.

– У тебя совсем мозгов не осталось?

Младший напарник изобразил ледяную усмешку секретного агента.

– Всем известно, как Демархия поступает со шпионами, Мариус.

– Это личная обида или ты просто псих?

– Звание психа оставь себе, Мариус. Тебе оно больше подходит.

Варгович кивнул. Это были первые разумные слова Мишеньки за весь день.

Они приземлились часом позже. Варгович настроил голографическую прошивку своего марсианского делового костюма на проецирование красной песчаной бури, поднял воротник по последнему писку марсианской моды, подмеченному у других пассажиров лайнера. Затем взял сумку – ничего запрещенного, ни гаджетов, ни оружия, – и вышел через шлюз флиттер. Скользящая дорожка понесла его вперед, массируя подошвы туфель. Это была цельная лента, искусственно выращенная из кожи осьминога, пульсирующая под периодическим воздействием вживленных в нее аксонов.

Чтобы попасть на Европу, нужно быть либо до противного богатым, либо так же до противного бедным. Варгович работал под первым из двух возможных прикрытий: эта ложь объясняла, почему он пользуется одноместным флиттером. Скользящая дорожка бежала все дальше, и к нему присоединялись другие прилетевшие, такие же бизнесмены и просто богатые бездельники. Большинство обходилось без голографии, проецируя энтоптику за пределы личного пространства. Имплантаты, обхватывающие зрительные нервы Варговича, декодировали эту машинно-сгенерированную иллюзию. Образы колибри и серафимов пользовались особенно болезненной популярностью. Некоторых пассажиров сопровождали автономные ароматы, тонко меняющие настроение окружающих. Кучка шумных туристов, рогатых ублюдков из Юпитерианского кольца, находилась чуть ниже по социальной шкале. Дальше следовал резкий скачок – к убогим на вид беглецам от Маундера, вероятно подписавшим контракт с Демархией. Их быстро отделили от более зажиточных эмигрантов, которые оказались внутри огромного геодезического купола, покоящегося на вмороженных в лед сваях. Вдоль стен купола сверкали огнями магазины дьюти-фри, бутики и бары. Пол имел форму чаши, скользящие дорожки и спиральные лестницы поднимались к расположенным в шахматном порядке цилиндрам из рифленого мрамора. Варгович заметил, как вновь прибывшие выстраиваются в очереди к лифтам, расположенным внутри цилиндров, и встал в одну из них.

– Первый раз в Кадм-Астерии? – спросил стоявший впереди него бородатый мужчина в сливовом пиджаке, на поверхность которого иридофоры проецировали высказывания

математической логики из «Машинной этики Транспросвещения» Сирикита.

– Первый раз на Европе на самом-то деле. И первый раз в Юпитерианском кольце, если хотите знать всю правду.

– С внутренних миров?

– С Марса.

Мужчина мрачно кивнул:

– Слышал, там сейчас несладко.

– И не говорите!

И это была правда. С тех пор как Солнце потускнело – второй минимум Маундера, повторяющий состояние Солнца в семнадцатом веке, – в Первой Системе полностью изменилось равновесие сил. Экономике внутренних миров трудно было приспособиться, сельское хозяйство и энергетика пришли в упадок, вызвавший социальные потрясения. А внешние планеты с самого начала не могли пользоваться такой роскошью, как солнечная энергия. Теперь Юпитерианское кольцо стало эталоном экономической мощи Первой Системы, а Сатурнианское кольцо пыталось от него не отстать. За господствующее положение в Юпитерианском кольце боролись две главные суперсилы – Демархия, владеющая Ио и Европой, и Гильгамеш – Исида, контролирующая Ганимед и часть Каллисто.

Мужчина с заинтересованным видом улыбнулся:

– Вы прилетели по какому-то важному делу?

– На лечение, – ответил Варгович, надеясь как можно скорей прекратить этот разговор. – Очень длительное хирургическое лечение.

Ему самому объяснили не так уж много в пещерах Ганимеда, где располагался отдел тайных операций службы безопасности Гильгамеш – Исиды.

– Ее зовут Чолок, – сказал инструктор после того, как Варгович просмотрел досье. – Мы завербовали ее десять лет назад, когда она жила на Фобосе.

– А теперь она в Демархии?

Инструктор кивнул:

– Случилась утечка мозгов, когда Маундер снова показал зубы. Самые умные сбежали сразу, как только смогли. Демархия – как и мы, разумеется, – отхватила себе лучших из них.

– А также одного из наших спящих агентов.

Варгович взглянул на портрет женщины, перечеркнутый помехами. Она невзрачной мышкой смотрела на него с экрана, с неизменным выражением глубочайшей серьезности на лице.

– Выше голову, – сказал инструктор. – Я прошу просто

установить контакт, а не спать с ней.

– Да-да. Только расскажите, чем она занимается.

– Биотехнологии. – Инструктор качнул головой в сторону досье. – На Фобосе она возглавляла одну из групп, работавших над акватрансформацией – приспособлением человеческого организма к выполнению подводных операций.

Варгович сосредоточенно кивнул:

– Продолжайте.

– Фобос хотел продать ее ноу-хау марсианам еще до того, как их океаны замерзли. Разумеется, Демархия тоже высоко оценила ее таланты. Чолок перетащила всю свою команду в Кадм-Астерий, один из здешних висячих городов.

– Мм… – Варгович наконец-то уловил суть. – К тому времени мы ее уже завербовали.

– Правильно, – подтвердил инструктор. – Только не нашли для нее четкого применения.

– Тогда к чему весь этот разговор?

Инструктор улыбнулся. Он всегда улыбался, когда Варгович выходил из образа почтительного подчиненного.

– К тому, что спящий агент не желает залечь на дно.

Инструктор прикоснулся рукой к изображению Чолок и заставил ее заговорить. Это было перехваченное Гильгамешем видео, искромсанное монтажными склейками и резкими скачками кадра.

Казалось, будто Чолок передавала устное сообщение старому другу из Исиды. Она что-то быстро говорила, сидя в белом кабинете с неподвижными медицинскими сервиторами за спиной. На полках стояли колбы с препаратами, помеченные разноцветными кодами. Крестообразная кушетка с керамическими дренажными каналами напоминала стол для вскрытия.

– Чолок связалась с нами месяц назад, – сказал инструктор. – Это кабинет в ее клинике.

– Она пользуется третьим кодом фразового внедрения, – заметил Варгович, прислушиваясь к ее речевым оборотам и вылавливая смысл из обычного во всем остальном каназианского языка.

– Это последний код, которому мы ее обучили.

– Хорошо. И чего она добивается?

Инструктор тщательно подбирал слова, скользя взглядом по выжимкам из сообщения Чолок.

– Хочет нам что-то передать. Что-то очень ценное. Нужен толковый человек, чтобы тайно вывезти это.

– Лестью можно добиться чего угодно, инструктор.

Мелодия поднялась до точно выверенного крещендо в тот момент, когда лифт прошел через последний слой льда. Вид вокруг и снизу был буквально головокружительным, и Варгович изобразил на лице именно такое восхищение, какое соответствовало его марсианской легенде. Разумеется, он знал историю Демархии. Знал, что висячие города поначалу служили точками входа в океан – наполненные воздухом наблюдательные купола, соединенные с поверхностью узкими шахтами, которые погружались в километровую толщу ледяной коры. Когда ученые обследовали необычно гладкую кору, они заметили, что характер трещин на ней сходен с трещинами земного ледяного шельфа, а это подразумевает наличие водного океана. Европа находится дальше от Солнца, чем Земля, но жидкостную форму океана обеспечивает не солнечная энергия, а нечто иное. Вращение вокруг Юпитера создает перегрузки, изгибающие силикатное ядро спутника, и тектоническое тепло проникает в океан через гидротермальные жерла.

Спуск в город немного напоминал вхождение в амфитеатр, разве что без сцены, а скорее с бесчисленными рядами круто обрывающихся балконов. Они тянулись в заполненную светом бесконечность, а в семи или восьми километрах ниже конические очертания города сходились в одну точку. До противоположной стороны, уровни которой поднимались один над другим, подобно геологическим пластам, было не меньше полукилометра. Весь атриум от подножия до вершины пронизывала широкая прозрачная башня, сияющая дымчато-зеленым океаном и массой похожих на водоросли растений, которую выращивали пловцы-жабраки. Лампы искусственного солнечного света горели среди водорослей, словно рождественские гирлянды. Наверху башня разветвлялась, и ее пульсирующие трубы уходили в океан. Офисы, магазины, рестораны и жилые помещения громоздились друг на друга или нависали над прорвой изящных балконов, вьющихся по глянцевитым стенам из объемного полимерного хитина, основного строительного материала в Демархии. Тонкие, как паутина, мостики арками выгибались над атриумом между рекламными панно, выступами и огромными прозрачными статуями, отлитыми из более мягкой разновидности того же самого хитинового полимера. Каждая свободная поверхность была покрыта неоновыми, голографическими или энтоптическими изображениями. Повсюду толпились люди, и у всех Варгович отмечал чуть рассеянное выражение лица, словно их мысли не были полностью сосредоточены на происходящем здесь и сейчас. Ничего удивительного: каждому гражданину

внедрялся имплантат, постоянно выспрашивающий его мнение по тому или иному аспекту жизни Демархии. Говорят, что назойливое присутствие имплантата со временем начинает ускользать от сознания, так что участие в демократических процессах становилось почти автоматическим.

Это вызывало у Варговича не меньше отвращения, чем интереса.

– Очевидно, то, что хочет нам передать Чолок, – это не какая-нибудь песчинка, – с рассудительным спокойствием проговорил инструктор. – Иначе она все передала бы на ФВ-3.

Варгович подался вперед:

– Так она не сказала, что это такое?

– Сказала только, что это может поставить под угрозу висячие города.

– Вы ей доверяете?

Варгович почувствовал приближение одного из редких мгновений неосторожной откровенности инструктора.

– Может, она и спящий агент, но не совершенно бесполезный. Она помогала нам, когда провалился… Помнишь дело Манципла?

– Если это вы называете успехом, то, похоже, на сей раз провалюсь я.

– Фактически это информация Чолок убедила нас в том, что вытаскивать Манципла нужно через океан, а не через переднюю дверь. Если бы служба безопасности Демархии взяла Манципла живым, она узнала бы, чем мы там занимались последние десять лет.

– А вместо этого Манципл получил гарпун в спину.

– Да, операция прошла не без сбоев, – пожал плечами инструктор. – Но не стоит думать, что Чолок этим разоблачила себя… Естественно, такие мысли приходили нам на ум. Но если бы Манципл действовал иначе, было бы еще хуже. – Инструктор сложил руки на груди. – Конечно же, он мог бы на это пойти, но в таком случае ты первый должен признать, что Чолок не грозит опасность.

– Пока не доказано обратное.

– Так ты это сделаешь? – просиял инструктор.

– Как будто у меня есть выбор.

– Выбор всегда есть, Варгович.

«Да, – подумал Варгович, – выбор есть всегда: или ты делаешь все, о чем бы ни попросил Гильгамеш, или тебя депрограммируют, киборгизируют и отправят добывать серу на склонах патеры Ра. Не самый лучший вариант».

– И еще одно…

– Да?

– Когда я заберу то, что есть у Чолок…

Чуть улыбнувшись, инструктор ответил шуткой, знакомой только узкому кругу и не требующей объяснений:

– Уверен, что достаточно будет обычных процедур.

Лифт затормозил у паспортного контроля.

Охранники-демархисты стояли с оружием наперевес, но не проявили к Варговичу никакого интереса. Историю о том, что он прилетел с Марса, проглотили не поморщившись и подвергли его только обычному набору процедур: просканировали нейронные и генетические образцы на наличие патологий и омыли тело в восьми видах диковинных излучений. Последняя формальность заключалась в том, чтобы выпить глоток шоколада. Напиток содержал миллиарды микроскопических медицинских машин, которые проникли в его внутренности, разыскивая спрятанные наркотики, оружие и запрещенные биомодификации. Варгович знал, что ничего незаконного у него не найдут, но все-таки вздохнул с облегчением, когда машины достигли его мочевого пузыря и запросились обратно в Демархию.

Весь осмотр не занял и шести минут. Пройдя его, Варгович отправился по движущейся дорожке к зоопарку, а там долго пробивался сквозь толпы школьников к аквариуму, возле которого должен был встретиться с Чолок. Экспозиция посвящалась животному и растительному миру Европы, большая часть которого зависела от экологической ниши, образовавшейся близ гидротермальных жерл и старательно здесь воспроизведенной. Смотреть было почти не на что, поскольку в массе своей европейские хищники выглядели столь же свирепо, как, например, вешалка для шляп или абажур. Самые распространенные среди них, так называемые жерловики, были крупными существами с примитивным строением, чей метаболизм основывался на симбиозе. Эти мягкие воронкообразные мешки передвигались на трех оранжевых ходулях с такой медлительностью, что Варгович едва не начал клевать носом к тому моменту, когда появилась Чолок.

Она была в оливково-зеленом жакете и узких изумрудных брюках, энтоптически проецирующих изображения медицинской тематики. Крепко сжатые губы подчеркивали строгость, которую Варгович отметил еще по перехваченному сообщению.

Они расцеловались.

– Рада видеть тебя, Мариус. Прошло… сколько?

– Примерно девять лет.

– И как там Фобос?

Он растянул губы в улыбке:

– По-прежнему обращается вокруг Марса. Все тот же гадюшник.

– А ты совсем не изменился.

– Ты тоже.

Не зная, что еще сказать, Варгович вдруг понял, что снова смотрит на информационное табло экспозиции жерловиков. Почти машинально он прочитал, что подвижные в молодом возрасте жерловики со временем переходят к сидячему образу жизни, их ходули затвердевают из-за отложений серы и укореняются в грунт. Когда они умирают, их мягкие тела растворяются в океане и только треножники остаются торчать жуткими скоплениями оранжевых колючек вокруг активных гидротермальных источников.

– Волнуешься, Мариус?

– В твоих руках? Это вряд ли.

– Вот и молодец!

Они купили себе по чашке мокко у ближайшего сервитора, затем вернулись к экспозиции жерловиков, изображая непринужденную беседу. В ходе подготовки Чолок обучили третьему коду фразового внедрения. Он позволял вставлять дополнительную информацию в разговор с помощью тщательно продуманного порядка слов, пауз и грамматических конструкций.

– Что у вас есть? – спросил Варгович.

– Образец, – ответила Чолок одной из простых, заранее заготовленных фраз, не требующих тщательно разработанной передачи. Но следующая реплика заняла почти пять минут, отягощенных сумбурными воспоминаниями о проведенных на Фобосе годах: – Маленький осколок гипералмаза.

Варгович кивнул. Он знал, что такое гипералмаз: трубчатый фуллерен сложной геометрической формы, по своей структуре похожий на целлюлозу или объемный хитин, но в тысячи раз крепче. Его прочность обеспечивал какой-то пьезоэлектрический фокус, которым Гильгамеш не владел.

– Интересно, – сказал Варгович. – Но, к сожалению, недостаточно интересно.

Она заказала еще чашку мокко, осушила ее залпом и продолжила:

– Включите воображение. Только Демархия знает, как его синтезировать.

– К тому же его нельзя применить как оружие.

– Это зависит от обстоятельств. Есть применение, о котором вы обязаны знать.

– Какое?

– Он удерживает этот город на плаву – и я говорю не об экономическом благосостоянии. Вы слышали о Бакминстере Фуллере? Он жил приблизительно четыреста лет назад и верил, что полную демократию можно установить технологическим путем.

– Глупец.

– Может быть. Но, кроме того, Фуллер изобрел геодезическую сферу, определяющую структуру бакибола – замкнутого аллотропа трубчатого фуллерена. Город в двойном долгу перед ним.

– Давайте обойдемся без лекций. Так при чем здесь гипералмаз?

– Плавучие пузыри, – объяснила она, – вокруг всего города. Диаметром в сто метров каждый, с вакуумом внутри. Одна молекула стометрового диаметра, поскольку каждая такая сфера состоит из одной бесконечной нити трубчатого фуллерена. Вдумайтесь, Мариус: молекула, способная вместить целый корабль.

Пока Варгович переваривал информацию, часть его сознания продолжала читать описание жерловиков. По своей биохимии они похожи на рифтий – лишенных кишечника червей, обитающих вблизи земных гидротермальных источников. Жерловики впитывали сероводород через свои воронки и с помощью модифицированной формы гемоглобина пропускали его сквозь насыщенный бактериями орган в нижней части мешка. Бактерии расщепляли и окисляли сероводород, образуя молекулы, сходные с глюкозой. Этот аналог глюкозы служил пищей жерловикам, поддерживая их жизнь и позволяя медленно перемещаться к другому краю жерла или даже переплывать к соседнему, пока взрослая особь окончательно не укоренится в грунт. Варгович прочитал все это, потом кое-что вспомнил и перечитал снова. Он вспомнил загадочное сообщение, перехваченное несколькими месяцами раньше и переданное ему после дешифровки, – что-то о планах Демархии приспособить биохимию жерловиков для более крупных животных. Какое-то мгновение он боролся с искушением спросить Чолок об этом напрямик, но решил придержать вопрос до подходящего времени.

– Хотите поделиться со мной еще какой-нибудь пропагандой?

– Вокруг города двести таких сфер. Они раздуваются и сдуваются, словно воздушные пузыри, поддерживая равновесие. Я не знаю точно, как там все происходит, кроме того, что это как-то связано с изменением пьезоэлектрических потоков в трубках.

– Я все еще не понимаю, как это может пригодиться Гильгамешу.

– Подумайте хорошенько. Если вы доставите этот образец на Ганимед, там найдут способ его разрушения. Нужен только молекулярный реагент, способный расширить промежутки между фуллереновыми нитями, чтобы молекулы воды проникли внутрь, или что-нибудь еще, способное задержать пьезоэлектрический импульс.

Варгович рассеянно наблюдал, как напоминающий кальмара хищник отхватил у жерловика часть мешка. Кровь кальмаров была насыщена двумя формами гемоглобина: одна содержала кислород, а другая была приспособлена под сероводород. Кальмары поддерживали кровообращение с помощью гликопротеинов и меняли метаболизм, переходя из богатой кислородом воды в богатую сероводородом.

Варгович переключил внимание на Чолок:

– Не могу поверить, что проделал весь этот путь ради… чего? Кусочка углерода? – Он покачал головой, возвращаясь к главной теме разговора. – Как вы это раздобыли?

– Несчастный случай с одним из жабраков.

– Продолжайте.

– Рядом с пузырем произошел взрыв. Мне поручили оперировать этого жабрака. Пришлось удалить множество осколков, так что не составило особого труда сохранить два-три для себя.

– Предусмотрительно с вашей стороны.

– Куда трудней было убедить Гильгамеш прислать вас сюда. Особенно после Манципла…

– Он не стоил того, чтобы терять из-за него сон, – сказал Варгович. – Просто жирный болван, не умевший быстро плавать.

Операция состоялась на следующий день. Варгович очнулся с такой сухостью во рту, словно там вовсю жарила печка.

Он чувствовал себя… странно. Его предупреждали об этом. Он даже опрашивал тех, кого подвергали подобной процедуре в экспериментальных лабораториях Гильгамеша. Они рассказали про это ощущение хрупкости, как будто твоя голова плохо прикреплена к туловищу. Периодические приливы холода к области шеи только усиливали эффект.

– Вам можно говорить, – сказала Чолок, склонившись над ним в белой хирургической одежде. – Но из-за модификаций в сердечно-сосудистой системе и большого количества доработок в области гортани голос будет звучать немного непривычно. Некоторые жабраки чувствуют себя уверенно только в разговоре с себе подобными.

Варгович поднес к глазам руку, чтобы рассмотреть

прозрачные перепонки между пальцами. На бледной коже ладони виднелось темное пятно: Чолок внедрила туда образец. В другой руке был спрятан такой же.

– Все получилось, да? – Голос его звучал пискляво. – Теперь я могу дышать водой?

– И воздухом тоже, – прибавила Чолок. – Хотя то, что покажется вам сейчас тяжелыми упражнениями, в воде будет выглядеть совершенно естественно.

– Я могу двигаться?

– Да, конечно. Попробуйте встать. Вы крепче, чем вам кажется.

Он последовал совету, воспользовавшись моментом, чтобы осмотреть обстановку. Его макушку сжимал нейронный монитор. Варгович стоял голый в ярко освещенном реанимационном кабинете, стеклянная стена открывала вид на океан снаружи. Именно отсюда Чолок в первый раз связывалась с Гильгамешем.

– Здесь безопасно?

– Безопасно? – переспросила она, словно это слово было непристойным. – Да, наверное.

– Тогда расскажите об адаптах.

– О ком?

– Это кодовое название, которым пользуется Демархия. Недавно криптоаналитики перехватили сообщение – что-то насчет экспериментов по радикальной трансформации. Я вспомнил о нем там, возле аквариума. – Варгович коснулся пальцами жабр на шее. – Что-то, позволяющее сделать такую операцию похожей на обычную косметическую. Мы слышали, Демархия приспособила основанный на сере метаболизм жерловиков для нужд человека.

Чолок присвистнула:

– Вот это был бы хитрый фокус!

– Но не бесполезный… особенно если нужна рабочая сила, способная переносить бескислородную среду в районе гидротермальных источников, где у Демархии есть определенные минералогические интересы.

– Может быть. – Чолок помолчала немного. – Необходимые для этого изменения выходят за пределы хирургии. Это лучше описывать на уровне личностного развития. Но даже тогда… Возможно, тому, кто получится в итоге, не обязательно будет оставаться человеком. – Она как будто вздрогнула, хотя холодно было скорее Варговичу, все еще стоявшему голым возле реанимационного стола. – Если что-то и происходило, – закончила Чолок, – то я об этом не слышала. Больше мне нечего сказать.

– Я просто решил, что должен спросить.

– Хорошо. – Она взмахнула белым сканером. – Могу я теперь провести еще несколько тестов? Нам нужно продолжать процедуры.

Чолок была права. Варговичу сделали настоящую операцию, а это всегда чревато осложнениями, которые необходимо вовремя выявлять и отслеживать, и поэтому любые отклонения от обычного восстановительного процесса были нежелательны.

Приблизительно час спустя Варгович наконец-то осознал всю странность своей трансформации. До этого он относился к происходящему с беспечным равнодушием, и только увидев себя в большом ростовом зеркале в углу кабинета, осознал, что пути назад нет.

И даже если он есть, то легким не будет. Врачи Гильгамеша обещали ему, что справятся с работой, но он не очень-то верил. Демархия опережала Ганимед в развитии биологии, и тем не менее сама Чолок назвала обратный процесс хитрым фокусом. Но как бы там ни было, он добровольно пошел на эту миссию – оплата выглядела весьма заманчивой, а перспектива попасть на серные разработки привлекала намного меньше.

Большую часть дня Чолок провела с Варговичем, отвлекаясь лишь на переговоры с другими пациентами или совещания со своей командой. В основном они занимались дыхательными упражнениями: длительное пребывание под водой гасило реакцию мозга на утопление. Это было неприятно, но в ходе обучения Варговичу приходилось делать и кое-что похуже. Теперь его учили плавать с полным погружением, используя легкие для регулирования плавучести и сохраняя открытыми те органы, которые Чолок называла жаберными крышками. Так он обеспечивал здоровое развитие колонии комменсальных бактерий, оседавших в щелях и пробиравшихся сквозь тонкие вторичные клапаны его жаберных складок. Из брошюры Варгович уяснил, что Чолок хирургически преобразовала его анатомию, объединив биохимические процессы баррамунды и клариевого сома, то есть сделав его чем-то промежуточным между человеком и воздуходышащей рыбой. Рыба вдыхает воду ртом и возвращает в море через жабры; новый орган на шее Варговича выполнял функцию рыбьего рта. Серповидные прорези настоящих жабр располагались в грудной полости под ребрами.

– При ваших габаритах, – объяснила Чолок, – эти жабры никогда не дадут вам такого эффективного дыхания, какое могло бы быть, если бы вы отважились на более радикальные изменения.

– Как у адаптов?

– Я же сказала, что ничего об этом не знаю.

– Не беда.

Он поработал жаберными клапанами, с легким отвращением наблюдая за тем, как они сжимаются при вздохе.

– Мы закончили?

– Остался последний анализ крови, чтобы убедиться, что все работает как нужно. А потом вы можете поплавать вместе с рыбами.

Когда Чолок наклонилась над одним из своих приборов, окруженным неестественно ярким энтоптическим изображением его глотки, Варгович спросил:

– У вас найдется оружие?

Рассеянно кивнув, Чолок выдвинула ящик стола и достала ручной медицинский лазер.

– Не бог весть что. Я повредила ограничитель мощности, но если прицелиться в глаз, то можно нанести значительный ущерб.

Варгович взвесил лазер в руке, изучил кнопки управления на фигурной рукоятке. Затем схватил Чолок за шею, развернул к себе, осветив ее лицо фиолетово-синим лучом. Раздались два хлопка, и ее глазные яблоки превратились в пар.

– Ну как, понравилось?

Остальное доделали обычные скальпели.

Он смыл с себя кровь, оделся, вышел из медицинского центра и добрался до того места, где Кадм-Астерий сужался в одну точку. Хотя жабраки свободно бродили по городу – многие из них были добровольцами и пользовались всеми правами гражданина Демархии, – Варгович не хотел долго маячить на виду. Через несколько минут он оказался в безопасном лабиринте служебных коллагеновых тоннелей, посещаемых только техниками, сервиторами и жабраками. Покойная Чолок была права: дышать стало сложней, воздух казался слишком разреженным.

– Предупреждение службы безопасности Демархии, – донесся из-за стены монотонный машинный голос. – В медицинском центре произошло убийство. Подозреваемый в убийстве рабочий-жабрак может быть вооружен. Будьте осторожны, не подходите близко.

Чолок уже нашли. Рискованно было убивать ее. Но Гильгамеш предпочитал сжигать мосты, чтобы исключить предательство со стороны спящих агентов, переставших быть полезными. «В будущем лучше использовать яд, – подумал Варгович, – а не убивать грубо». И сделал мысленную пометку, чтобы упомянуть об этом в отчете.

Он вошел в последний тоннель перед воздушным шлюзом,

который и был его целью. В дальнем конце перед смотровым люком сидел на ящике с инструментами техник и прислушивался через стетоскоп к происходящему за стеной. На мгновение Варгович задумался, но решил пройти мимо, надеясь на то, что техник целиком поглощен работой. Босые перепончатые ноги шумели куда меньше, чем ботинки, которые Варгович только что снял.

Вдруг техник кивнул своим мыслям, отложил стетоскоп и захлопнул люк. Потом поднял ящик и встретился взглядом с Варговичем.

– Тебе нельзя здесь находиться, – сказал он и продолжил сочувственно: – Может, тебе нужна помощь? Ты ведь недавно перенес операцию? Я всегда узнаю новеньких по небольшому покраснению вокруг жабр.

Варгович натянул воротник повыше, но тут же пожалел об этом. Дышать стало трудней.

– Стой, где стоишь. Опусти ящик и замри.

– Боже, ты тот самый, о ком предупреждали?!

Варгович поднял лазер. Ослепленный техник уткнулся в стену и с жалобным стоном выронил ящик. Варгович приблизился и всадил в техника скальпель. Не самая чистая работа, но это уже вряд ли имеет значение.

Варгович не сомневался, что Демархия скоро перекроет выход в океан – уж точно поспешит, когда станет известно о втором убийстве. Но пока что можно попасть в шлюз беспрепятственно. Он вошел в заполненную воздухом камеру; легкие горели, требуя воды. Она хлынула в помещение под высоким давлением, и Варгович быстро переключился на водное дыхание, чувствуя, как проясняются мысли. Вторая дверь с лязгом открылась в океан. Варгович находился в нескольких километрах ниже слоя льда. Вода была ледяной, а давление сокрушающим, но он чувствовал себя прекрасно, воспринимая и то и другое лишь как абстрактные характеристики окружающей среды. Кровь насытилась гликопротеином, чьи молекулы опускали ее точку замерзания ниже температуры образования льда.

Покойная Чолок хорошо выполнила свою работу.

Варгович уже собирался покинуть город, когда в дверь вплыла еще одна жабрачка, возвращавшаяся со смены. Он убил ее с профессиональной точностью и получил в наследство гидрокостюм с термопрошивкой для работы в самой холодной части океана. Изготовлен костюм был из кожи осьминога. Облачившись в него, Варгович обнаружил в ткани отверстия для жабр. Жертва носила очки, которые работали в инфракрасном диапазоне и одновременно служили гидролокатором. Кроме того,

при ней был портативный гидробуксировщик. Он напоминал еще бьющееся сердце какого-нибудь препарированного животного, сквозь прозрачные ткани просвечивали темные вены и нервные узлы. Однако пользоваться им оказалось проще простого. Варгович установил насос на максимальную мощность, включил и двинулся прочь от нижнего уровня Кадм-Астерия. Даже в сравнительно чистой воде Европейского океана видимость была очень слабой, и он не различал бы вообще ничего, если бы все уровни города не освещались с такой щедростью. Но и при всем при том Варгович видел не дальше чем на полкилометра вверх: выше сооружения Кадм-Астерия скрывалась в золотистом тумане, а дальше сгущалась темнота. Симметрию города нарушали всевозможные выступы и пристройки, но все же его коническая форма четко просматривалась, а в самом узком месте располагался воздухозаборник, уходивший в океан. Конус окружала дымка плавучих пузырей, черных, как икра. Если Чолок была права, коллеги Варговича найдут способ сделать их водопроницаемыми. Когда в переплетении нитей фуллерена появятся щели, этого будет достаточно, чтобы нарушить плавучесть сфер. Необходимый реагент можно доставить в океан ракетами, которые пробьют ледяную кору. Спустя какое-то время – точные цифры Варговича мало интересовали – города Демархии начнут стонать под собственной тяжестью. Если оружие подействует быстро, демархистам может просто не хватить времени на контрмеры. Города будут все больше удаляться ото льда, опускаясь в многокилометровую толщу океана.

Варгович продолжал плыть.

Рядом с Кадм-Астерием ему навстречу поднимались скалистые внутренности Европы. Он проплыл еще три-четыре километра к северу, сравнивая ландшафт, который освещали установленные демархистскими рабочими служебные фонари, с картой в своей голове. В конце концов отыскал место, где на поверхность выходила силикатная скала. Под нависающей вершиной располагалась узкая полка, на которой лежало с дюжину небольших валунов. Один из них был красней прочих. Варгович причалил к полке и поднял красный камень. Тепло его пальцев привело в действие скрытую внутри биосхему. Появившийся на камне экран заполнило лицо Мишеньки.

– Я прибыл вовремя. – Искаженный водной средой голос Варговича казался еще менее узнаваемым. – Надеюсь, ты тоже готов?

– Хрен там, – ответил Мишенька. – У нас проблемы. Большие проблемы.

– Что такое?

– Место эвакуации ненадежно, – объяснил Мишенька или, скорее, его имитация на камне и тут же предвосхитил следующий вопрос Варговича: – Несколько часов назад Демархия послала на лед бригаду поверхностного контроля. Якобы для ремонта ретранслятора. Но они вышли именно в тот район, где мы собирались тебя вытащить. – Он помолчал немного. – Ты ведь… э-э… убил Чолок, да? В смысле, не просто тяжело ее ранил?

– Ты говоришь с профессионалом.

Скала с достойной похвалы точностью передала обиженное выражение лица Мишеньки.

– Значит, Демархия добралась до нее.

Варгович помахал рукой перед экраном:

– Я принес то, за чем ходил, разве нет?

– Ты просто что-то принес.

– Если там не то, о чем говорила Чолок, то она не добилась ничего, кроме собственной смерти.

– Даже если так… – Мишенька повертел в уме какую-то мысль, а потом отбросил ее. – Послушай, Варгович, у нас есть резервная точка эвакуации. Тащи свою задницу туда. – Он усмехнулся и добавил: – Надеюсь, ты плаваешь лучше, чем Манципл.

Резервная точка находилась в тридцати километрах к югу.

По пути Варгович повстречал несколько рабочих-жабраков, но они не обратили на него внимания, а с того момента, как он оказался в пяти километрах от Кадм-Астерия, следов пребывания человека попадалось все меньше и меньше. Очки были снабжены дисплеем, и Варгович, приноровившись к управлению, вызвал карту окружающей местности. Дисплей показал точку, в которой находился Варгович, а также три огонька, двигавшихся в его сторону от Кадм-Астерия.

Служба безопасности Демархии села ему на хвост.

Между ними оставалось еще не меньше трех километров, но эта дистанция ощутимо сокращалась. У Варговича скрутило холодом живот, когда он осознал, что никак не успеет добраться до точки эвакуации.

Но тут он заметил впереди тепловое пятно: горячая вода пузырилась в относительно неглубокой впадине у основания скалы. Вероятно, оперативники Демархии следили за ним через отобранное у жабрака снаряжение. Но Варгович сможет избавиться от него, как только окажется неподалеку от жерла – там вода теплей и скафандр станет не нужен. А жара, свет и бурление собьют с толку любую следящую систему. Он сможет укрыться за подходящей скалой, а потом подкрасться к

преследователям, когда они уткнутся в свои приборы наведения.

Варгович решил, что это хороший план. Он быстро преодолел расстояние до источника, чувствуя, как вода теплеет и меняет вкус, становясь солоноватой. Из жерла яростно бил красный фонтан, его окружали камни, покрытые коркой бактерий, и бесцветные европейские аналоги кораллов. Жерловики были повсюду, их мягкие сумки колыхались в потоках воды. Те, что помоложе, семенили на ходулях, словно ожившие волынки, огибая строенные культяпки своих мертвых сородичей.

Варгович устроился в пещере у ближнего края жерла, а снаряжение жабрака сложил возле другой пещеры, на противоположной стороне, рассчитывая, что оперативники первым делом заглянут туда. И тогда Варгович сможет убить по крайней мере одного, а может, и двух. Как только он завладеет их оружием, разобраться с третьим будет проще простого.

И тут он получил толчок сзади.

То, что увидел Варгович, обернувшись, было слишком отвратительно даже для кошмара. Настолько ненормально, что какое-то зыбкое мгновение он вообще не осознавал, на что смотрит, как будто это был тест на трехмерное восприятие и очертания никак не хотели укладываться у него в голове. Мозг отказывался поверить, что это существо имеет хоть какую-то общность с человеком, притом что остаточные следы человеческого происхождения даже слишком бросались в глаза.

Вопреки всем обоснованным сомнениям, Варгович прекрасно понимал, что видит перед собой адапта. Другие адапты – еще пятеро, все похожие друг на друга, – столпились в глубине пещеры. Их кожа переливалась слабым биолюминесцентным светом, темные разумные глаза внимательно разглядывали его.

В детстве Варгович видел в книгах изображения русалок, а теперь столкнулся с чудовищным извращением тех невинных картин. Эти существа тоже были сплавом человека и рыбы, хотя каждая деталь в них искажена до уродства. Но истинный ужас заключался в том, что слияние было полным: не просто привитый к человеческому телу рыбий хвост, а очевидное сращивание на генетическом уровне, так что все гротескные черты говорили одновременно о принадлежности к рыбам. Страшней всего выглядели лица, разделенные пополам безгубой щелью рта, чуть ли не акульей пасти. У них не было ни носа, ни даже ноздрей, только плоский участок блеклой рыбьей плоти. Глаза выступали вперед, но все эмоции тонули в их темной глубине.

Первое существо коснулось Варговича рукой, которая заканчивалась до неприличия человеческой кистью. А затем – словно для того, чтобы еще усилить ужас, – зазвучала совершенно

чистая и плавная даже в воде речь:

– Мы ждали тебя, Варгович.

Позади, вторя ему, забормотали остальные.

– О чем вы?

– Какая радость, что ты выполнил свою миссию…

Уняв наконец дрожь в руках, Варгович сбросил с плеча ладонь адапта.

– Я оказался здесь не ради вас, – сказал он, придавая голосу властность и выжимая из себя до последней капли все полученные в Гильгамеше навыки контроля над нервной системой. – Я только хотел разузнать о вас…

– Нет, – ответил вожак адаптов, обнажив ряд пугающе больших зубов. – Ты все неправильно понял. Твоя задача заключалась в том, чтобы попасть к нам. Ты принес то, что нам очень нужно. Так и было задумано.

У Варговича голова пошла кругом.

– Я вам что-то принес?

– То, что скрыто у тебя внутри, – кивнул адапт, и этот человеческий жест лишь усилил внушаемый тварью ужас. – То, что поможет нам сокрушить Демархию и завладеть океаном.

Варгович вспомнил об осколках, спрятанных в его ладонях.

– Кажется, я понимаю, – медленно проговорил он. – Это с самого начала предназначалось вам, да?

– Да.

Значит, начальство обмануло его… или, по крайней мере, значительно упростило суть задания. Он сам заполнил все пробелы в информации, совершая один прорыв за другим: очевидно, Гильгамеш уже установил контакт с адаптами, как бы невероятно это ни звучало, и осколки гипералмаза предназначались им, а не коллегам Варговича. Очевидно – хотя он не мог представить, как это может быть, – у адаптов есть необходимое оборудование, чтобы исследовать обломки и создать реагент, который ослабит сплетение гипералмазных нитей. Они проделают это от имени Гильгамеша, избавив союзников от необходимости марать руки нападением на Демархию. Варгович понимал, чем этот план привлек инструктора.

Но даже если так… Зачем Гильгамешу понадобилось притворяться, будто ему ничего не известно об адаптах? Никакого смысла в этом не усматривалось, но лучшего объяснения Варгович придумать не сумел.

– У меня есть то, что вам нужно, – сказал он после долгого размышления. – Чолок утверждала, что это нетрудно извлечь.

– На слова Чолок можно положиться, – ответил адапт.

– Так вы знаете… знали ее?

– Она сделала нас такими, какие мы есть.

– Значит, вы ее ненавидите?

– Нет, мы ее любим.

Адапт снова сверкнул акульей улыбкой, и Варговичу показалось, что по мере того, как улучшалось настроение собеседника, биолюминесценция на его теле тоже меняла цвет. Теперь он был алым, а не голубовато-зеленым, как при своем появлении.

– Она убрала наше уродство и сделала нас лучше. Мы страдали, постоянно страдали. Но Чолок избавила нас от страдания и сделала сильней. За это ее наказали, а потом и нас тоже.

– Но если вы ненавидите Демархию, почему до сих пор не напали на нее? – спросил Варгович.

– Потому что мы не можем отсюда уйти, – вступил в разговор другой голос, судя по тембру – женский. – Демархия была недовольна тем, что сделала с нами Чолок. Тем, что она выставила нашу человечность на передний план и с нами уже нельзя было обращаться как с животными. Мы думали, что нас скорее убьют, чем допустят, чтобы о нашем существовании узнало все Юпитерианское кольцо. Но вместо этого нас загнали сюда.

– Они решили, что мы будем им полезны, – добавил кто-то из скрывавшихся в темноте адаптов.

Как раз в этот момент в пещеру вплыл со стороны океана еще один их сородич с кроваво-алым, с примесью оранжевого, яростно пульсирующим окрасом.

– Агенты Демархии выследили его! – сообщил он. – Они будут здесь через минуту.

– Вы должны защитить меня, – сказал Варгович.

– Разумеется, – согласился вожак адаптов. – Ты же наш спаситель.

Варгович оживленно закивал, уже не уверенный в том, что сможет в одиночку справиться с тремя оперативниками.

Едва оказавшись в пещере, он заметил, что энергия в нем поиссякла, словно его отравили ядом замедленного действия. Какая-то мысль шевельнулась на задворках сознания, и на мгновение он чуть было не сосредоточился на ней, чуть было не решился всерьез рассмотреть вероятность того, что его действительно могли отравить. Однако то, что происходило за пределами пещеры, слишком отвлекало от раздумий. Он следил за приближением агентов Демархии, державших перед собой гидробуксировщики. Каждый имел при себе тонкое гарпунное ружье со зловещим шипом на конце.

У них не было ни единого шанса.

Адапты атаковали из темноты, рассекая воду. Эти существа двигались быстрей демархистов, хотя помогали им только собственные мышцы и особенности анатомии. Однако и этого хватило с лихвой. Не было у них и оружия, даже гарпунов, но острые обломки скалы оказались весьма эффективны… так же как и зубы.

Зубы особенно впечатлили Варговича.

Затем адапты вернулись в пещеру, к своим собратьям. Теперь они двигались вяло, словно яростная битва совсем истощила их. Какое-то время они молчали, а биолюминесценция странным образом потускнела.

Однако Варгович заметил, что она медленно восстанавливалась.

– Хорошо, что они не убили тебя, – сказал вожак.

– Чертовски верно, – согласился Варгович. – Видите ли, они не могли просто убить меня. – Он разжал кулаки и растопырил пальцы. – Они должны были сначала убедиться, что вы не получили это.

На мгновение адапты, все как один, уставились на его раскрытые ладони, словно рассчитывали там что-то увидеть.

– Сомневаюсь, что ты правильно понял, – сказал наконец вожак.

– Что понял?

– Суть своей миссии.

Борясь с усталостью, черным пятном окутавшей сознание, Варгович проговорил:

– Я прекрасно все понял. У меня в ладонях образцы гипералмаза…

– Нам нужно не это.

Варговичу его слова совсем не понравились. Как и то, что адапты медленно приближались к нему, обходя с боков, чтобы перекрыть выход из пещеры.

– Что же тогда?

– Ты спрашивал, почему не напали раньше, – сказал вожак с пугающей улыбкой. – Ответ прост: мы не можем отойти от жерла.

– Не можете?

Еще одна ужасная акулья улыбка, и теперь Варгович уже знал, на что способны эти зубы в определенных обстоятельствах.

– Наш гемоглобин отличается от твоего. Его специально создали, чтобы мы могли работать здесь.

– Скопировали с жерловиков?

– Да, адаптировали. А потом он превратился в средство, позволяющее запереть нас здесь, как в тюрьме. Нам изменили ДНК костного мозга, чтобы ограничить выработку обычного

гемоглобина. Простое подавление нескольких генов бетаглобина при сохранении тех, что предназначены для гемоглобина жерловиков. Для тебя, Варгович, сероводород – это яд. Должно быть, ты уже чувствуешь слабость. Но мы не можем без него жить. Кислород убивает нас.

– И если вы отойдете от жерла…

– То умрем через несколько часов. Но это еще не все. Вода здесь такая теплая, что мы можем обойтись без гликопротеинов. В нас заложена генетическая программа их синтеза, но ее тоже отключили. А без них мы не можем выплыть в холодную воду. Наша кровь замерзнет.

Они уже окружили Варговича: грозные водяные дьяволы, полыхающие алым цветом. И подходили все ближе.

– И как я могу вам помочь?

– Тебе не нужно ничего делать, Варгович.

Вожак широко открывал рот, словно пробуя на вкус воду. Чудо, что такой орган вообще способен говорить.

– Не нужно?

– Нет.

И в этот момент вожак схватил Варговича за руку, а другие существа сжали его сзади.

– Все уже сделала Чолок, – продолжал вожак. – Это ее прощальный подарок нам. Первой попыткой передать его был Манципл… но он не сумел.

– Манципл был слишком жирным.

– Ни один из перебежчиков не справился – у них не хватило выносливости, чтобы отплыть так далеко от города. Поэтому Чолок завербовала тебя – чужака.

– Чолок завербовала меня?

– Она знала, что ты ее убьешь, и ты, конечно, убил. Но Чолок это не остановило. Ее жизнь была не так важна, как то, что она хотела передать нам. Это Чолок выдала Демархии точку твоей эвакуации, вынудив тебя прийти к нам.

Он сопротивлялся, но это было бесполезно. Ему удалось лишь выдавить из себя:

– Я не понимаю.

– Не понимаешь, – ответил вожак. – Вряд ли мы от тебя этого ожидали. Если бы ты понял, то, возможно, не захотел бы действовать по плану Чолок.

– Значит, Чолок не работала на нас?

– Может быть, и работала когда-то. Но последними ее клиентами были мы.

– И что теперь?

– Мы заберем твою кровь, Варгович.

Их хватка стала крепче. Напрягая остатки сил, он попытался вырваться, но безуспешно.

– Мою кровь?

– Чолок кое-что туда ввела. Ретровирус, очень сильный, способный выжить в твоем организме. Он активирует подавленные Демархией гены. В один миг мы вернем себе способность вырабатывать гемоглобин, переносящий кислород. Наша кровь наполнится гликопротеинами. Не такой уж и хитрый фокус: все клеточные механизмы для выработки этих молекул в нас уже есть, их нужно только освободить.

– Так вам требуется… что? Образец моей крови?

– Нет, – ответил адапт с искренним сожалением. – Боюсь, что больше чем образец. Намного больше.

Потом существо с властной неторопливостью укусило Варговича за руку, и когда из раны хлынула кровь, стало пить ее. Какое-то время другие адапты ждали своей очереди, а потом тоже приняли участие в безумном пиршестве.

И вода вокруг Варговича окрасилась алым.

Погода [8]

Мы шли из Шива-Парвати на четверти световой скорости, с заполненным беженцами трюмом, когда нас догнал «Василиск». Он начал атаку с дистанции в одну световую секунду, рассчитывая ослабить нас дальнобойным оружием, а потом уже взять на абордаж. Капитан Ван Несс сделал все, что мог, пытаясь защитить «Петриналь», но наш корабль был оснащен слишком легкой броней, и Ван Несс не хотел подвергать опасности пассажиров, провоцируя пиратов на сокрушительный ответный удар. Каким бы холодным расчетом это ни казалось со стороны, Ван Несс понимал, что для спящих будет лучше, если чужой корабль заберет их к себе, а не бросит в межзвездном пространстве, обрекая на бессмысленную смерть.

Как корабельный мастер, я обязан был предоставить капитану Ван Нессу предельно широкий выбор вариантов. Когда стало ясно, что «Василиск» преследует нас от самой Шивы-Парвати, я предложил сбросить пятьдесят тысяч тонн менее важного корпусного материала, чтобы увеличить максимальное ускорение, доступное нашим двигателям конструкции сочленителей. А когда «Василиск» форсировал свои двигатели, чтобы уравнять скорость, я отобрал еще двадцать тысяч тонн, которые можно сбросить до следующего захода на орбиту, пусть даже ослабление брони немного увеличит дозу радиации, полученной нами за время полета. Мы добились небольшого преимущества, но и у пиратов еще оставались резервы мощности, к тому же они не были отягощены таким количеством спящих. Поскольку мы не могли еще сильней облегчить корпус, я посоветовал Ван Нессу отстрелить два из трех наших тяжелых шаттлов, каждый массой в шесть тысяч тонн при полной заправке. Так мы выиграли еще немного времени, но, к моему разочарованию, пираты тоже нашли способ выжать больше из своих двигателей.

Их корабельный мастер, кем бы он ни был, хорошо знал свою работу.

Вот я и направился к двигателям, чтобы посмотреть, можно ли переиграть моего таинственного противника. Прополз по герметичному технологическому тоннелю, проложенному в лонжероне правого борта, до места стыковки двигателя сочленителей с корпусом «Петринали». Открыл люк доступа к панели управления: шесть регуляторов из голубоватого металла, расположенных шестиугольником, каждый отвечает за определенную характеристику работы двигателя. Регуляторы,

утопленные в ниши, имеющие форму сектора, сияли спокойными сине-зелеными огнями.

Я отметил текущее положение, затем повернул три из шести регуляторов на почти микроскопическую величину, следя за тем, чтобы в самый важный момент не дрогнула рука. Уже после первого поворота почувствовал ответ двигателя – вибрацию какого-то глубинного процесса, сопровождаемую изменением моего веса, когда тяга увеличилась на пять-шесть процентов. К сине-зеленому свечению добавился оранжевый оттенок.

«Петриналь» помчался быстрей, выдерживая прежний курс. Регулировать можно было только правый двигатель, а левый не имел внешнего контроля. Но это не играло никакой роли, поскольку сочленители спроектировали двигатели так, что они работали абсолютно синхронно, даже при том, что располагались в километре друг от друга. Никому еще не удалось зафиксировать сигналы, которыми обменивались бы два С-двигателя, не говоря уже о том, чтобы понять их содержание. Зато все прекрасно знали, что будет, если случайно или по злому умыслу двигатели разойдутся на расстояние больше тысячи шестисот метров.

Я сделал все, что мог, не рискуя вывести двигатель из строя, и остался доволен результатом. Три из шести регуляторов горели теперь оранжевым светом, показывающим, что характеристики вышли за границы рекомендованного самими сочленителями безопасного режима работы. Если хоть один из регуляторов загорится красным или оранжевых огней станет больше трех, это будет означать, что возникла реальная опасность погубить «Петриналь».

Когда ультра встречаются по-дружески, чтобы обменяться информацией и товарами, корабельные мастера часто делятся историями о регулировке двигателей. На оживленных торговых маршрутах даже небольшое увеличение коэффициента полезного действия дает значительное преимущество перед конкурентами. Иногда рассказывают о кораблях, ходивших с тремя или даже четырьмя оранжевыми сигналами не один десяток лет. В то же время порой можно услышать и о корабле, превратившемся в новую звезду, после того как всего лишь два регулятора вышли за пределы безопасного режима. Но с одним все корабельные мастера соглашаются без споров: субсветовик не протянет с красным огнем регулятора даже недели по корабельному времени. Можно, конечно, рискнуть, чтобы уйти от погони, но даже в этом случае кое-кто заявит, что опасность была слишком велика, а тем, кто продержался в таком режиме хотя бы два-три дня, просто невероятно повезло.

Я вернулся из двигателя правого борта на «Петриналь». Ван

Несс ждал меня. Судя по выражению лица – насколько я мог его прочитать, – новости были не очень хорошие.

– Иниго, славный малыш, – сказал капитан, положив мне на плечо руку в тяжелой перчатке. – Ты дал нам еще полдня, и я благодарен тебе, не сомневайся. Но это мало что изменит. Ты уверен, что не выгадаешь еще немного?

– Мы могли бы рискнуть и два-три часа идти на двух *g*. Но все равно не окажемся вне досягаемости «Василиска».

– А сверх того?

Я показал мой эксплуатационный журнал с подробными записями всех режимов работы двигателя за двадцать лет корабельного времени. Мои собственные наблюдения, сделанные черными чернилами, с резко поменявшимся почерком, после того как я потерял руку и медленно учился пользоваться новой, красные примечания тем же почерком и ноу-хау, полученные от других корабельных мастеров, с именами и датами.

– Исходя из всего этого, у нас уже есть пятнадцатипроцентная вероятность потерять корабль в ближайшие сто дней. Я был бы куда счастливей, если бы мы сбросили ход.

– Ты считаешь, что мы не можем скинуть еще немного массы?

– Мы и так ободраны до костей. Возможно, я найду еще две-три тысячи тонн, но это только отсрочит неизбежное.

– Мы можем использовать оружие ближнего боя, – обреченно произнес Ван Несс. – Возможно, оно что-то изменит. Во всяком случае, у нас есть в запасе полдня, чтобы подготовить и испытать его.

– Будем надеяться, – согласился я, хотя прекрасно понимал, что дело безнадежно.

Оружие было устаревшим и маломощным, еще годным на то, чтобы отпугнуть орбитальных мятежников, но практически бесполезным против другого корабля, в особенности построенного для пиратства. «Петриналь» не стрелял на поражение больше пятидесяти лет. Когда у Ван Несса была возможность модернизировать оружие, он предпочел потратить деньги на новые криокапсулы для пассажирского трюма.

У людей сложился ряд ошибочных представлений об ультра. Одно из самых распространенных заблуждений заключается в том, что все мы обязаны быть разбойниками, что любой наш корабль до отказа напичкан оружием и что мы с нетерпением ждем, когда какой-нибудь транспорт окажется в зоне досягаемости.

Это неправда. На каждый подобный корабль приходится тысяча таких, как «Петриналь», просто пытающихся вести честную торговлю, со скромной, трудолюбивой командой под

управлением такого достойного человека, как Ван Несс. По меркам планетарной цивилизации кое-кто из нас может показаться уродливым. Но ведь мы проводим всю свою жизнь на борту корабля, прыгая от одной звезды к другой на субсветовой скорости, напитываясь диковинными излучениями двигателей и самого космоса, и вряд ли такая среда благоприятна для человека. Я потерял руку из-за несчастного случая, а многое из того, что пережил Ван Несс, в равной мере объясняется временем и невезением.

Он был одним из лучших капитанов, каких я только знал, а возможно, и самым лучшим. Я до смерти перепугался при первой встрече с ним, когда он искал нового корабельного мастера на «карусели» Парник. Однако Ван Несс хорошо обходился со своей командой, всегда держал слово и постоянно напоминал нам, что пассажиры «Петринали» – не просто замороженный груз, а люди, доверившиеся нашей заботе.

– Если нас догонят, мы позволим забрать пассажиров, – сказал Ван Несс. – По крайней мере, некоторые из них выживут, хотя и не обязательно окажутся там, куда направлялись. Вздумай мы драться даже после того, как нас возьмут на абордаж, команда «Василиска» спалит здесь все, включая и спящих.

– Знаю, – ответил я, хотя слушать капитана было неприятно.

– И вот тебе мой совет, малыш. – Пальцы Ван Несса еще крепче сжали мое плечо. – Отходи к шлюзу при первой же возможности. Лучше выброситься в открытый космос, чем попасть в лапы к этим мерзавцам. Возможно, они на время забудут о собственной жестокости, но им точно не нужна новая команда.

Я поморщился, не желая ждать, когда капитан сломает мне ключицу. Он хотел только добра, но не осознавал своей силы.

– Особенно корабельный мастер, если судить по тому, как идут дела.

– Да уж. Кто бы это ни был, он хорош. Но не так хорош, как ты. Тебе нужно было разогнать корабль с полным грузом, а у них только ободранный скелет.

Он хотел подбодрить меня, но я понимал, что не стоит недооценивать противника.

– Спасибо, капитан.

– Пора будить наши пушки, малыш. Если ты закончил с двигателями, начальник артиллерийской части будет рад лишним рукам.

Следующий день я провел, почти не смыкая глаз. Привести оружие в боевую готовность – нелегкая работа, и требовалось сделать все так, чтобы «Василиск» не заподозрил, что у нас есть чем защититься в последнюю минуту. Необходимо было разогреть

магнитные катушки индуктивных орудий до боевой напряженности поля, а затем испытать на снарядах из переработанного корпусного материала. Одна из катушек треснула при разогреве, выведя из строя всю турель и ранив человека из бригады Вепс. Еще нужно было выверить и отградуировать лазерную оптику, а потом испытать на скоплениях межзвездной пыли, надеясь, что на «Василиске» не заметят крохотные всплески гамма-излучения, когда лазер найдет цель.

Тем временем противник стрелял по нам с дальней дистанции. «Василиск» пустил в ход весь свой арсенал, от снарядов и ракет до лучевого оружия. «Петриналь» выполнял программу уклонения, пытаясь воспользоваться до обидного узким временным лагом, но программа была старой, а двигатели работали почти на предельной мощности, так что запаса энергии у нас было крайне мало. Сам по себе ни один удар не имел разрушительной силы, но обстрел не прекращался, и кумулятивный эффект постепенно сказывался. Защита корпуса не выдерживала, и уже поступило предупреждение, что лонжерон левого борта потерял прочность. Если так будет продолжаться, в скором времени придется заглушить двигатели, чтобы корабль на разорвало на части собственной тягой. Именно этого и добивался «Василиск». Как только мы превратимся в хромую утку, пираты смогут провести жесткую стыковку и захватить нас.

Когда они сократили дистанцию до восьмидесяти тысяч километров, наши дела стали совсем плохи. Должно быть, даже команда «Василиска» забеспокоилась, что произойдет, если треснет левый лонжерон – огонь сконцентрировался на центральной части корабля. Без особой охоты я снова прополз по правому лонжерону к пульту управления двигателем. У меня были две одинаково пугающие возможности. Я мог подкрутить регуляторы дальше в оранжевую зону, чтобы наши двигатели работали еще интенсивней. Даже если они выдержат нагрузку, то корабль – нет. Но по крайней мере наша смерть будет мгновенной, как вспышка, когда лонжерон треснет и двигатели разлетятся в стороны. Еще можно вернуть регуляторы в голубовато-зеленую зону, и тогда «Василиск» захватит нас, ничем больше не рискуя. Второй вариант даст шанс спасти пассажиров. Но команду не обрадует ни тот ни другой.

Ван Несс тоже понимал это. Он обошел всю команду, все две дюжины, и приказал тем, кто не был активно вовлечен в события, выбрать пустую капсулу в пассажирском трюме, лечь в нее и попытаться выдать себя за груз. Но Ван Несс был мудрым человеком и не стал давить на нас, когда никто не принял его

предложения.

С расстояния в пятьдесят тысяч километров мы уже могли достать «Василиска» своим оружием. Подпустили еще ближе, а потом развернули корабль под сорок пять градусов и дали дружный бортовой залп всеми одиннадцатью действующими пушками, сопровождаемыми импульсами лазеров. Отдачи хватило, чтобы на нас посыпались сигналы о разрушениях в десятке критических точек. Каким-то образом мы выдержали, а тридцать процентов наших снарядов угодили точно в «Василиск». Не подвели и лазеры, испарив в белой вспышке тысячи тонн абляционного льда с его носа. Когда пар остался за кормой все еще набирающего ускорение корабля, мы смогли полюбоваться нанесенными повреждениями.

«Василиску» досталось, но не сказать что очень крепко, и я понимал, что мы можем дать не больше трех залпов, прежде чем вражеские орудия откроют ответный огонь. На самом деле нам удалось пальнуть только дважды, а потом у пушек сбился прицел. Лазеры продолжали бить еще минуту-другую, но после того как выжгли весь лед «Василиска» (запасы которого пираты с легкостью пополнят, когда захватят наш корабль), не смогли больше нанести никаких повреждений.

На дистанции двадцать тысяч километров все наше оружие вышло из строя. Опасаясь взрыва, я сбросил тягу до нуля, оставил работать только внутрисистемные термоядерные приводы. С десяти тысяч километров «Василиск» выпустил рой пиратов, каждый из которых помимо ранцевых двигателей и брони нес снаряжение для пробития корпуса и абордажное оружие. Вероятно, они уже не сомневались, что нам больше нечего в них запустить.

Мы поняли, что все кончено.

Так оно и оказалось, но не для нас, а для «Василиска». Все случилось слишком быстро для человеческого глаза. Только потом, когда появилась возможность просмотреть записи с бортовых камер, мы смогли составить общую картину произошедшего.

Вот «Василиск» подкрадывается к нам, приглушив двигатели до слабого ветерка, чтобы сравняться с нашим ничтожным ускорением. В следующее мгновение он все еще на месте, но все в нем переменилось. Двигатели заглохли полностью, а корпус начал разваливаться, от него отслоилась продольная полоса – длиннющая, все четыре километра от носа до кормы. «Василиск» завилял из стороны в сторону, потеряв осевую устойчивость. Из десятка пробоин по всей длине корабля струей бил пар. Там, где от корпуса откалывались куски, было видно медно-оранжевое

зарево адского пламени. Один лонжерон заметно согнулся.

В тот момент мы еще не знали – и не узнали до тех пор, пока сами не поднялись на борт, – что «Василиск» пал жертвой старейшей опасности: столкновения с мусором. Мусора в космосе мало, но когда он все же попадается на пути… На четверти световой скорости нужно не так уж и много, чтобы причинить сокрушительные повреждения. Осколок мог быть размером с кулак или даже с большой палец, но он протаранил корабль, словно бронебойная пуля, а передача импульса едва не сорвала двигатели.

«Василиску» просто не повезло. А для нас это была самая потрясающая удача, какую только можно себе представить. Хотя на самом деле удача здесь ни при чем. Любой корабль то и дело сталкивается с чем-то похожим. Радар дальнего обнаружения находит приближающийся осколок и отдает двигателям команду аварийного отклонения. Или направляет сигнал лазеру системы предотвращения столкновений, и тот испаряет опасный объект еще до контакта. Но даже если удар произойдет, большую часть кинетической энергии поглотит абляционный лед. Ни один корабль не стал бы просто так носить на себе этот мертвый груз.

Но «Василиск» потерял лед под огнем наших лазеров. И обязательно вернул бы рано или поздно, но, оставшись на время без него, сделался ужасно уязвим. А система предотвращения столкновений была слишком занята защитой от нашего оружия ближнего боя. Одного маленького кусочка хватило, чтобы вывести из строя целый корабль.

Это придало нам сил для продолжения борьбы. Теперь, когда «Василиск» больше не гнался и не стрелял, наша команда могла выйти из корабля, не опасаясь быть сожженной или размолотой в пыль. Ван Несс первым добрался до шлюза, а я отстал от него лишь ненамного. Через пять минут мы, все двадцать три человека, в обвешанных устаревшим оружием и броней скафандрах, уже были снаружи. «Василиск» послал к нам по меньшей мере тридцать пиратов, и снаряжение у них было лучше нашего. Но они лишились поддержки своего корабля, и всем им наверняка уже было понятно, что ситуация коренным образом изменилась. Может быть, из-за этого они сражались еще яростней, учитывая то, что наш корабль был поврежден только наполовину. Раньше они собирались просто забрать наш груз и снять с «Петринали» все, что может пригодиться. Теперь же корабль был им нужен, чтобы жить на его борту. Но судя по тому, как протекала схватка, их положение осложнялось не только отсутствием огневого прикрытия. Они сражались изо всех сил, с ужасающей решимостью, но без всякой координации. Позже мы

пришли к выводу, что их связь между скафандрами и даже системы пространственной ориентации, скорее всего, зависели от сигналов с корабля. А без этого они ослепли и оглохли.

И все же мы лишились доброй половины команды. Понадобилось шесть часов, чтобы одолеть последних пиратов, и к этому моменту мы потеряли одиннадцать человек убитыми, а еще трое были серьезно ранены. Но и пираты погибли все до одного. Мы не хотели брать пленных.

Зато намеревались взять с «Василиска» все, что нам нужно.

Если мы и ожидали встретить там серьезное сопротивление, то ошиблись. Пугающий масштаб повреждений стал ясен только тогда, когда Ван Несс вел нашу абордажную команду по беспомощно дрейфующему кораблю. Его словно выпотрошили, и внутри не уцелело ни одной несущей конструкции. Для оставшихся на борту быстрая смерть была милосердием. Большинство из тех немногих, кто пережил первый удар, должно быть, вскоре погибло, пока израненный корабль истекал кровью. Мы не обнаружили никаких признаков того, что «Василиск» перевозил замороженных пассажиров, хотя трудно утверждать это с полной уверенностью, поскольку целые отсеки корабля уничтожило взрывом, на их месте осталась лишь цепочка обугленных пещер. Никто из горстки выживших не попытался сдаться или вступить в переговоры. Это облегчило нашу работу. Тех, кто оставался на месте, мы застрелили. Тех, кто убегал, догнали и тоже прикончили.

За единственным исключением.

Едва увидев эту девушку, мы почувствовали в ней что-то особенное. Она не была похожа на ультра и двигалась по-другому. В том, как она ускользнула от света наших фонарей, было нечто кошачье или змеиное, нечто плавное и дикое, нечто изящное и отточенное, не подходящее для пиратского корабля. Мы прекратили огонь, увидев блеск ее глаз и сразу догадавшись, что она не может быть одной из них. Большие глаза с белой каемкой на решительном девичьем лице выражали суровый самоконтроль и непринужденное превосходство. На голове у нее почти не было волос, лоб поднимался к костному гребню с мерцающей разными цветами мягкой тканью по бокам.

Девушка была из сочленителей.

Прошло целых трое суток, прежде чем мы снова ее обнаружили. Ее знание корабля граничило с животной хитростью, словно весь этот изломанный почерневший лабиринт был ее логовом, словно она сама его для себя создала. Но ее возможности с каждым часом уменьшались, по мере того как из поврежденного корабля вытекал воздух. Даже сочленителям

нужно дышать, и это значило, что на корабле оставалось все меньше мест, где она могла спрятаться.

Ван Нессу не терпелось отправиться в путь. Он был хорошим человеком, но не отличался богатым воображением и потому не задумывался о том, что может сделать для нас отбившаяся от стаи сочленительница. Я предупредил его, что состояние двигателей «Василиска» нестабильное и что мы не успеем отойти на безопасное расстояние, если погнутый лонжерон не выдержит. Теперь, когда мы забрали с пиратского корабля все, что могло пригодиться для ремонта, Ван Несс не видел смысла оставаться здесь. Однако я уговорил его подождать, пока мы не выследим девушку.

– Это сочленительница, капитан. По своей воле она не оказалась бы на таком корабле. Значит, была пленницей, а мы можем спасти ее и вернуть к своим. Они будут нам благодарны, захотят как-то нас вознаградить.

Ван Несс снисходительно улыбнулся:

– Ты когда-нибудь сталкивался с пауками, малыш?

Он все еще называл меня малышом, хотя я состоял в его команде уже двадцать лет по корабельному времени, а родился еще за двадцать лет до этого.

– Нет, – признался я, – но пауки… сочленители – не такие чудовища, как некоторые стараются их выставить.

– А вот я сталкивался, – сказал Ван Несс. – Я намного старше тебя, малыш. Помню те времена, когда пауки не ладили с остальным человечеством, времена, когда моя жена еще была жива.

Рейфу Ван Нессу нелегко было ворошить прошлое. За все годы, что я его знал, он считаные разы упоминал о своей жене. Она была ботаником, работала по программе терраформирования Марса. Я знаю только то, что ее унесло внезапным паводком в большом кратере, где она тестировала оборудование для демархистов, и сразу после ее гибели Ван Несс покинул Солнечную систему на одном из ранних межзвездных пассажирских кораблей. Это был его первый шаг на долгом пути превращения в ультра.

– Они изменились с тех давних времен, – ответил я. – Мы ведь доверяем им – настолько, что пользуемся их двигателями, правильно?

– Мы доверяем их двигателям, а это совсем не одно и то же. И не будь у них монополии на производство таких вещей, мы бы, возможно, вообще не стали с ними связываться. И потом, кто эта девушка? Что она делала на борту «Василиска»? С чего ты взял, что она не помогала экипажу?

– Сочленители не одобряют пиратства. И если мы хотим получить ответ, у нас есть только одна возможность – поймать девушку и послушать, что она скажет.

В голосе Ван Несса внезапно появился интерес.

– То есть допросить ее?

– Я этого не говорил, капитан. Но мы можем задать ей пару-тройку вопросов.

– Мы играем с огнем. Ты же знаешь, сочленителю достаточно просто о чем-то подумать, чтобы это случилось.

– У нее нет причин вредить нам. Забирая ее с «Василиска», мы просто спасаем ей жизнь.

– А может, она не хочет, чтобы ее спасали? Об этом ты подумал?

– Давайте поделим шкуру медведя, когда его поймаем, капитан.

Он недовольно поморщился той частью лица, которая еще способна была выражать эмоции.

– Даю тебе двенадцать часов, малыш. Это крайний срок. А потом мы сбежим от этих обломков так далеко, как только позволят Бог и законы физики.

Я кивнул, понимая, что большего от Ван Несса ждать бесполезно. Он уже проявил великое терпение, позволив нам так долго откладывать отлет. Учитывая его отношение к сочленителям, я решил не настаивать.

Мы поймали девушку через одиннадцать часов. Пришлось гоняться за ней повсюду, куда она только могла добраться, но мы блокировали пути к отступлению и взрывали немногие отсеки корабля, еще сохранившие герметичность. Я был первым, кто заговорил с ней, когда мы наконец загнали ее в угол.

Я поднял визор шлема, вдыхая спертый воздух, чтобы мы могли нормально разговаривать. Она съежилась в углу, словно зверь, готовый наброситься на тебя или умчаться прочь.

– Перестань бегать от нас, – сказал я, когда она зажмурилась от моего яркого фонаря. – Тебе некуда деться, а если бы и было куда, то мы не хотим тебе зла. Что бы эти люди с тобой ни делали, что бы ни заставляли делать, мы не такие, как они.

– Вы ультра, – прошипела она в ответ. – И это все, что мне нужно знать.

– Да, мы ультра, но мы просто хотим тебе помочь. А наш капитан хочет как можно быстрей уйти от этой мины замедленного действия. Я уговорил его подождать несколько часов, пока мы не найдем тебя. Ты можешь полететь с нами, если пожелаешь. Но если предпочитаешь остаться на этом корабле…

Она обожгла меня взглядом, но ничего не сказала. У нее было

девичье лицо, но стальная решимость в оливково-зеленых глазах подсказывала мне, что она старше, чем выглядит.

– Я Иниго, корабельный мастер «Петринали».

Я улыбнулся, надеясь, что моя улыбка выглядит скорее успокаивающей, чем устрашающей. И протянул руку, правую, но девушка шарахнулась от нее. Даже скафандр, даже перчатка не могли скрыть тот факт, что она механическая.

– Прошу тебя, – продолжил я, – пойдем с нами. Мы будем хорошо с тобой обращаться и доставим к твоим соплеменникам.

– Зачем? – прорычала она. – Зачем вам это нужно?

– Мы не все одинаковы, – ответил я. – И лучше бы тебе поверить в это, иначе ты умрешь здесь, когда мы уйдем. Капитан хочет дать полную тягу не поздней чем через час. Так что решайся.

– Что случилось? – спросила она, оглядывая поврежденный отсек, в который мы ее загнали. – Я знаю, что «Василиск» атаковал другое судно… Как вы это сделали?

– Это не мы. Нам просто очень-очень повезло. А теперь повезло тебе.

– Мне нельзя уйти отсюда. Я должна остаться на этом корабле.

– Этот корабль взорвется, стоит кому-то из нас громко чихнуть. Ты действительно хочешь быть здесь, когда это произойдет?

– Я все равно не могу уйти. Оставьте меня, я выживу. Сочленители отыщут меня.

Я покачал головой:

– Ничего не выйдет. Даже если корабль не взорвется, ты все равно будешь дрейфовать со скоростью в двадцать пять процентов от световой. Слишком быстро, чтобы смогла вернуться к Шиве-Парвати, даже если на корабле найдется шаттл. Слишком быстро, чтобы кто-нибудь с Шивы-Парвати появился здесь и спас тебя.

– Я знаю.

– Тогда ты должна знать и то, что этой скорости не хватит, чтобы долететь куда-то, прежде чем кончатся ресурсы. Если только ты не надеешься протянуть пятьдесят лет на этом корабле, пока он не развернется под действием гравитации ближайшей обитаемой системы. Но ему все равно никак не сбросить скорость.

– Я рискну.

У меня в наушниках загудел голос Ван Несса. Он требовал, чтобы мы вернулись на «Петриналь» как можно скорей.

– Прости, – сказал я девушке, поднимая пистолет, – но если не хочешь пойти по доброй воле, я утащу тебя в бессознательном состоянии.

– Если у тебя там дротик с транквилизатором, то на меня не подействует. Наша нервная система отличается от вашей. Я засну только тогда, когда сама захочу.

– Я так и думал. Поэтому увеличил дозу в пять раз против обычной. Не знаю, хватит ли, но собираюсь посмотреть, что получится.

По ее лицу пробежала паника.

– Дайте мне скафандр, – сказала она. – Дайте скафандр и оставьте меня здесь, если вы действительно хотите помочь.

– Как тебя зовут?

– У нас нет имен, Иниго. По крайней мере, таких, чтобы вы могли их произнести, не сломав язык.

– Я попытаюсь.

– Дайте скафандр. И оставьте меня.

В наушниках снова закричал Ван Несс, и я решил, что с меня хватит. Нацелил тупое дуло пистолета в бедро поджатой ноги девушки и нажал на спуск.

– Ты что, не понял, идиот? Тебя просили оставить меня здесь, с этим…

Это все, что она успела сказать. Отключилась намного быстрей, чем я ожидал, словно у нее и так уже заканчивались силы. Оставалось только надеяться, что доза не слишком велика. Ее хватило бы, чтобы убить обычного человека.

Ван Несс не зря беспокоился из-за соседства с «Василиском». Не успели мы удвоить расстояние между кораблями, как его поврежденный лонжерон окончательно треснул и левый двигатель начал отдаляться от своего правого собрата. Спустя несколько изматывающих минут расстояние превысило тысячу шестьсот метров и двигатели разлетелись в синхронном взрыве, испытавшем на прочность нашу защиту. Должно быть, вспышку видели даже на Шиве-Парвати.

Все это время девушка лежала без сознания на отведенной ей койке, но когда рванули двигатели, она заметалась, как будто ей снился красочный, но тревожный сон. Волнистая ткань по обеим сторонам ее гребня запульсировала яркими цветами, сменяющими друг друга. Затем она снова надолго успокоилась и буйство красок утихло.

Я наблюдал за тем, как она спала. Никогда прежде мне не приходилось близко подходить к сочленителю. Когда мы гонялись за ней по кораблю, она казалась сильной и опасной. Теперь же напоминала животное, доведенное до безумия голодом или чем-то не в пример ужасней. Жуткие синяки по всему телу, причем некоторые свежее прочих. Тонкие шрамы на черепе. У одного резца откололся кончик.

Ван Несс все еще сомневался, разумно ли мы поступили, взяв девушку на борт, но даже его неприязнь к сочленителям не заходила так далеко, чтобы выбросить ее в вакуум. Все же он настоял на том, чтобы поместить ее в бронированной каюте, под охраной сервиторов, пристегнуть к койке крепкими ремнями и держать там как минимум до того момента, когда мы узнаем, кто она и как попала на пиратский корабль. Он велел, чтобы ребята с серьезными модификациями не подходили к ней, – похоже, не сомневался, что она способна управлять любыми машинами, находящимися поблизости, и может запросто одолеть или даже подчинить себе человека с набитой имплантатами головой. Я пытался убедить его, что это не так. Да, сочленители способны разговаривать с машинами, но не со всякими, и вера в то, что они могут заколдовать скрытые в тебе электрические цепи, – не более чем иррациональное предубеждение.

Ван Несс лишь отмахнулся от моих обоснованных возражений. Но я рад, что так вышло. Если бы он ко мне прислушался, то поручил бы кому-то другому допросить девушку и тогда бы я не узнал ее столь хорошо. Но поскольку лишь рука у меня была металлическая, а все прочее – плоть и кровь, он рассудил, что я не поддамся влиянию.

Я был рядом, когда девушка проснулась.

Она забилась в путах, внезапно осознав, что угодила в плен, и я положил левую руку ей на плечо.

– Все в порядке, – мягко сказал я. – Тебе больше ничего не угрожает. Капитан приказал пока держать тебя связанной, но мы постараемся снять ремни как можно скорее. Кстати, я Иниго, корабельный мастер. Мы уже встречались, но не уверен, что ты запомнила.

– Запомнила, – ответила она угрюмым и недоверчивым тоном. – Во всех подробностях.

– Может, ты не знаешь, где оказалась? На борту «Петринали». «Василиск» взорвался вместе со всеми, кто там был. Что бы ни случилось с тобой на том корабле, теперь с этим покончено.

– Вы не послушались меня.

– Если бы мы послушались, – терпеливо объяснил я, – ты бы погибла.

– Нет, не погибла бы.

Я готов был поверить девушке на слово, но запасы моего сочувствия уже начали иссякать.

– Знаешь, тебе не стало бы хуже, если бы ты выразила хоть какую-то признательность. Мы, между прочим, рисковали собой ради твоего спасения. Все, что нам было нужно на пиратском корабле, мы уже забрали, и вернулись только для того, чтобы

помочь тебе.

– Мне не нужна была ваша помощь. Я бы выжила.

– Нет, если только не считаешь, что могла бы удержать лонжерон одним лишь мысленным усилием.

– Я сочленительница, – прошипела она в ответ. – А это подразумевает совершенно другие правила. Я могла бы все изменить, могла бы сохранить корабль.

– Чтобы показать свою крутизну?

– Нет, не для этого, – ответила она с ядовитой медлительностью. Как будто только в таком темпе я мог угнаться за ее мыслью. – Мы никогда не показываем свою крутизну.

– Корабль взорвался, – сказал я. – Его больше нет, и с этим нужно смириться. Теперь ты с нами. И нет, ты не пленница. Мы сделаем все, о чем я говорил: позаботимся о тебе и доставим в безопасное место, к твоим сочленителям.

– Ты и вправду думаешь, что все так просто?

– Не знаю. Может, ты мне объяснишь? Я не понимаю, в чем твои проблемы.

– Хотя бы в том, что я не могу вернуться. Это не слишком сложно для твоего ума?

– Почему? – спросил я. – Сочленители прогнали тебя? Или что-то еще в этом роде?

Она покачала увенчанной гребнем головой, как будто в жизни не слышала более наивного вопроса:

– Никто никого не прогонял.

– Тогда расскажи, что с тобой, черт побери, произошло!

– Меня похитили, ясно тебе? – взорвалась она. – Похитили и разлучили с моим народом. Капитан Вулидж схватил меня у Йеллоустона, когда «Василиск» пристыковался рядом с нашим кораблем. Я была в составе небольшой дипломатической миссии, прилетевшей на «карусель» Новая Венеция. Люди Вулиджа подстерегли нас, разделили, а потом увезли меня так далеко от других сочленителей, что я выпала из зоны действия нейронной связи. Ты хоть представляешь, что это значит для таких, как я?

Я покачал головой, но не потому, что не понял, о чем она говорит, а потому, что не мог в полной мере осознать ту эмоциональную боль, которую должно было ей причинить такое разделение. Сомневаюсь даже, что слово «боль» способно передать психическое потрясение, связанное с насильственным отрывом от сородичей. Никакие переживания обычного человека не сравнятся с такой душевной травмой – не в большей степени, чем лягушка способна почувствовать разлуку с любимым. Сочленители всю жизнь проводят в состоянии общего сознания, обмениваясь мыслями и переживаниями через созданную

имплантатами сеть нейронных связей. Они сохраняют индивидуальность, но та больше напоминает размытую индивидуальность атомов в прочной кристаллической решетке. Над собственным «я» находится высшая ментальная общность, носящая название Транспросвещение, подобное беспокойному морю разделенных электронов в той же металлической решетке. А девушку вырвали из всего этого и заставили смириться с существованием изолированного разума – одинокого острова, опять же посреди моря.

– Я представляю, как плохо тебе было, – сказал я. – Но теперь ты можешь вернуться. Разве не мечтаешь об этом?

– Тебе только кажется, что понимаешь. Для сочленителя ничто на свете не может быть хуже того, что случилось со мной. Я не смогу вернуться ни сейчас, ни когда-нибудь потом. Я испорчена, сломана, бесполезна. Мой разум навсегда изуродован. Ему нельзя возвращаться в Транспросвещение.

– Почему нельзя? Неужели твоему возвращению не обрадуются?

Она долго обдумывала ответ. Я молча изучал ее лицо, выискивая хоть что-нибудь, подтверждающее слова Ван Несса о том, что она представляет опасность. Теперь его страхи казались мне необоснованными. Она выглядела меньше ростом и тоньше в кости, чем при первой встрече на «Василиске». Ее непривычный вид, странная форма безволосого черепа с гребнем – все это должно было производить отталкивающее впечатление. На самом деле я решил, что она очаровательна. Но мое внимание привлекал не ее чуждый облик, а вполне человеческие черты: маленький острый подбородок, бледные веснушки под глазами, рот, не закрывающийся полностью, даже когда она молчала. Оливково-зеленые глаза имели такой темный оттенок, что под определенным углом зрения казались блестяще-черными, как антрацит.

– Нет, – ответила она наконец. – Ничего не выйдет. Я оскверню чистоту остальных, нарушу гармонию нейронных связей, как разладившийся инструмент в оркестре. Из-за меня все зазвучат фальшиво.

– По-моему, ты смотришь на все слишком пессимистично. Разве мы не можем хотя бы обратиться к кому-нибудь из сочленителей и послушать, что он скажет?

– Так нельзя, – возразила она. – Да, сочленителям придется снова принять меня, если я появлюсь перед ними. Они сделают это по доброте души, из сострадания. Но кончится тем, что я причиню им вред. Мой долг – не допустить этого.

– Так ты хочешь сказать, что проведешь всю оставшуюся

жизнь вдали от сочленителей, странствуя по Вселенной, словно какой-нибудь жалкий отверженный пилигрим?

– Нас таких больше, чем ты считаешь.

– Значит, вы здорово умеете прятаться в тени. Большинство людей видели сочленителей только в составе группы, одетых во все черное, похожих на стаю ворон.

– Должно быть, вы просто смотрите не туда, куда надо.

Я вздохнул, прекрасно понимая, что никакие мои слова не убедят девушку в том, что ей лучше вернуться к ее народу.

– Это твоя жизнь, твоя судьба. Во всяком случае, ты жива. Наше обещание в силе: мы высадим тебя на ближайшей безопасной планете. Если тебе там не понравится, можешь оставаться на корабле, пока мы не прилетим куда-нибудь еще.

– Твой капитан пойдет на это? Мне показалось, он хотел как можно скорее удалиться от обломков, когда вы нашли меня.

– С капитаном я улажу. Он не очень-то любит сочленителей, но признáет свою неправоту, как только поймет, что ты не чудовище.

– У него есть причины не любить таких, как я?

– Он старый человек, – просто ответил я.

– Раздираемый предрассудками – ты это хотел сказать?

– В каком-то смысле, – пожал я плечами. – Но не стоит его винить за это. Он жил в те нелегкие времена, когда ваш народ только заявил о себе. Думаю, он на собственной шкуре испытал все тогдашние неприятности.

– Коли так, я завидую его личному опыту. Среди нас осталось немного таких, кто застал те времена. Прожить столько лет, дышать одним воздухом с Ремонтуаром и другими… – Она печально отвела взгляд. – Ремонтуара больше нет с нами. А также Галианы и Невила. Мы не знаем, что случилось с ними.

Я понимал, что она говорила о ключевых фигурах ранней истории сочленителей, но для меня эти имена ничего не значили. А для нее, унесенной потоком времени так далеко от давних марсианских событий, имена Галианы и Клавэйна должны были звучать как имена святых или апостолов. Мне доводилось слышать кое-что о сочленителях, но долгая и запутанная история этого сообщества, конечно же, была для меня темным лесом.

– Жаль, что все так случилось, – сказал я. – Но что было, то прошло. У нас нет к тебе ни страха, ни ненависти. Иначе мы бы не рисковали своей жизнью, чтобы вытащить тебя с «Василиска».

– Нет ни страха, ни ненависти, – повторила она. – Но вы все-таки думаете о том, что я могла бы вам пригодиться, так ведь?

– Только если ты сама захочешь помочь.

– Капитан Вулидж решил, что у меня достаточно знаний,

чтобы повысить мощность его корабля.

– И ты это сделала? – невинным тоном спросил я.

– Да, в конце концов сделала. Он показал мне двигатели и… убедил кое-что изменить в них. Ты назвался корабельным мастером, так что наверняка знаком с принципами их работы.

Я припомнил, как настраивал работу двигателей, когда у нас еще была надежда убежать от пиратов. Воспоминания о том, как дрожала моя рука, поворачивая регуляторы, словно всплыли из глубокой древности, хотя с того момента прошло лишь несколько дней.

– Когда ты сказала «убедил»… – начал я.

– Он нашел способ заставить меня. Это правда, что сочленители способны контролировать болевые ощущения с помощью нейронной блокады. Но только до определенной степени и только в том случае, когда боль имеет физическое происхождение. Если же она возникает в самой голове, в результате реверсивного траления, тогда наша защита бесполезна. – Неожиданно ее взгляд посуровел, словно она призывала меня вообразить хотя бы десятую часть того, что перенесла сама. – Это все равно что запереть входную дверь, когда волк уже пробрался в дом.

– Мне очень жаль. Должно быть, ты прошла через ад.

– Просто довелось испытать боль, – ответила она. – Я не из тех, кого все обязаны жалеть.

Это замечание меня озадачило, но я решил не выяснять.

– Мне пора возвращаться к двигателям, но я зайду позже. А тебе нужно отдохнуть. – Я сдернул с запястья запасной браслет-коммуникатор и положил рядом с ней, так, чтобы могла дотянуться. – Если понадоблюсь, просто позвони. Может, и не сразу, но я приду.

Она подняла руку, насколько позволил ремень:

– А это?

– Я скажу Ван Нессу. Ты пришла в сознание, можешь разговаривать с нами, так что я не вижу в них больше нужды.

– Спасибо, – сказала она. – Иниго – это полное имя? Больше похоже на сокращенное, даже по меркам недоразвитых.

– Иниго Стэндиш, корабельный мастер. А ты так и не ответила, как тебе зовут.

– Я же говорила: мое имя тебе не выговорить. У нас теперь особые имена, основанные на обращениях, которые можно передать только в Транспросвещении. Мое имя – это поток эмпирических символов, цепочка внешних чувственных явлений, выражение особого динамического состояния, которое встречается только в атмосфере определенного вида газовых

планет-гигантов. Я сама его выбрала. Мне оно представляется очень красивым и немного печальным, как хайку в пяти измерениях.

– В атмосфере газовых гигантов?

Она настороженно посмотрела на меня:

– Да.

– Замечательно. Тогда я буду называть тебя Погода. Если только не предложишь что-нибудь получше.

Она не предложила, хотя мне и показалось однажды, что до этого едва не дошло. Понравилось ей или нет, для меня она стала Погодой. Вскоре ее так величала уже вся команда, а она сначала с большой неохотой, а потом со смирением снизошла до того, чтобы откликаться.

Я отправился к капитану Ван Нессу и изо всех сил постарался убедить его, что Погода не доставит нам неприятностей.

– И что ты предлагаешь? Разрешить ей свободный проход по всему кораблю?

– Нет, только выпустить ее из клетки.

– Она идет на поправку.

– Но она связана. И вы приставили к ее двери вооруженного сервитора на случай, если она освободится от ремней.

– Это просто дань здравому смыслу.

– Думаю, теперь мы можем ей доверять, капитан. – Я помедлил, с особой тщательностью подбирая слова. – Понимаю, что у вас есть весомые причины для неприязни к таким, как она, но с тех пор сочленители стали другими.

– Разумеется, ей бы очень хотелось, чтобы ты так думал.

– Я поговорил с ней, выслушал ее историю. Она изгой для своего народа и не может вернуться из-за того, что с ней произошло.

– Вот именно, – кивнул Ван Несс с таким видом, будто это доказывало его правоту. – Изгои способны делать странные вещи. Никакая осторожность не будет излишней, когда имеешь дело с изгоями.

– Погода не такая.

– Погода? – повторил с сухим неодобрением. – Стало быть, теперь у нее есть имя?

– Я чувствую, что так будет лучше. Это было мое предложение, а не ее.

– Только не начинай их очеловечивать. Люди всегда совершают эту ошибку. Не успеешь оглянуться, как сочленитель запустит когти тебе в голову.

Я прикрыл глаза, стараясь сохранить самообладание, но разговор определенно сбился с верного курса. С Ван Нессом у

меня всегда были прекрасные отношения, граничащие с настоящей дружбой. Но в тот момент, когда он услышал имя Погоды, я понял, что она встанет между нами.

– Я не предлагаю, чтобы мы позволили ей здесь буйствовать, – сказал я. – Даже если снимем ремни, даже если уберем сервитора, все равно можно не подпускать ее к тем частям корабля, где она нам без надобности. Однако я считаю, что Погода способна принести немало пользы. Она рассказала, что капитан Вулидж заставил ее усовершенствовать двигательную систему «Василиска». Не вижу причин, почему бы ей не проделать то же самое для нас, если вежливо попросим.

– Зачем ему было заставлять ее, если ты так уверен, что она охотно сделает это сейчас?

– Я не уверен. Но не понимаю, какой ей резон отказывать нам в помощи, если мы будем относиться к ней по-человечески.

– Как же ты заблуждаешься, – вздохнул Ван Несс. – Она никогда не была человеком. Она была пауком с самого момента создания и такой же сойдет в могилу.

– Значит, вы об этом даже думать не хотите?

– Я согласился взять ее на корабль – одно это уже идет против всех данных богом инстинктов, – проворчал Ван Несс и добавил громче: – И я буду тебе благодарен, Иниго, если ты больше при мне ни разу не упомянешь о пауках. Разрешаю навещать ее, если посчитаешь нужным, но чтобы она и шагу не сделала из той каюты, пока мы не встанем на орбиту.

– Хорошо, – произнес я с краткостью, какая мне прежде не требовалась в разговоре с Ван Нессом.

– Ты по-прежнему отличный корабельный мастер, малыш, – сказал капитан, когда я уже выходил из его каюты. – В этом никаких сомнений. Только не дай этой твари затуманить твой разум. Мне совсем не нравится идея искать по всему космосу человека с такими же способностями, как у тебя.

Я обернулся и, хотя все подсказывало, что лучше бы придержать язык, все-таки выпалил:

– Я ошибался в вас, капитан. Мне казалось, вы никогда не допустите, чтобы вами управляла иррациональная ненависть, как другими ультра. Я считал, что вы выше этого.

– А я с радостью объяснил бы тебе, что у меня не меньше предрассудков, чем у кого угодно. Именно поэтому я и протянул так долго.

– Уверен, что капитан Вулидж считал точно так же.

Это были злые и несправедливые слова – Ван Несс не имел ничего общего с таким чудовищем, как Вулидж, – но я уже не мог остановиться. И едва произнес это, как осознал, что перешел

мост, по которому нельзя вернуться обратно, и в этом было больше моей вины, чем Ван Несса.

– Кажется, тебе есть чем заняться, – едва слышно проговорил Ван Несс. – И пока двигатели снова не дадут полную тягу, лучше не попадайся мне на глаза.

Часов через восемь или девять ко мне заглянула Вепс. Увидев ее лицо, я сразу понял, что она принесла дурные новости.

– У нас неприятности, Иниго. Капитан решил, что ты должен это знать.

– А сам он не мог мне сказать?

Вепс расчистила участок стены и вывела на дисплей зеленую пространственную сетку.

– Вот это мы, – ткнула она пальцем в красную точку в самом центре. Потом провела длинным черным ногтем черту до половины расстояния от края. – А здесь есть еще что-то. Оно занырнуло в невидимость по самые гланды, но я все равно засекла его. И что бы это ни было, оно медленно, бесшумно приближается.

Мои мысли тут же переключились на Погоду:

– Это не могут быть сочленители?

– О них я подумала в первую очередь. Но если бы это были сочленители, думаю, я бы их вообще не заметила.

– Тогда с чем же мы столкнулись?

Она постучала ногтем по синему значку, изображавшему новый корабль:

– Еще один рейдер. Может, союзники Вулиджа – а мы знаем, что у него были друзья, – или посторонние, надеявшиеся подобрать наш скелет, после того как Вулидж разделается с нами, а то и стащить у него из-под носа.

– Гиены космоса?

– Не они первые.

– Расстояние?

– Меньше двух световых часов. Даже если они не увеличат скорость сближения, то догонят нас через восемь дней.

– Если только мы не дадим полный ход.

Вепс глубокомысленно кивнула:

– Это может нас спасти. По графику ты должен закончить ремонт через шесть дней, правильно?

– По графику – да, но это не значит, что его можно ускорить. Если чинить на скорую руку, то корабль сломается, как прутик, стоит лишь нагрузить его по-настоящему.

– Но мы так не поступим.

– Да, не поступим.

– Иниго, капитан просто решил, что ты должен знать ситуацию. Но он не собирается на тебя давить или что-то в этом роде.

– Само собой.

– Только вот… мы и в самом деле не хотим задерживаться здесь хоть на секунду дольше, чем необходимо.

Я снял с Погоды ремни и показал, как получить еду и питье из находившегося в каюте раздатчика. Она потягивалась и урчала от удовольствия, сводя и разводя руки и ноги, словно танцовщица, репетирующая сложную программу в крайне замедленном темпе. Когда я вошел, Погода «читала», и выглядело это специфически: лицо неподвижное, только глаза с сумасшедшей скоростью бегают взад-вперед, словно следя за полетом невидимой осы.

– Я пока не могу выпустить тебя из каюты, – сказал я, устраиваясь на откидном табурете возле кровати, на которой сидела, скрестив ноги, Погода. – Но надеюсь, что теперь тебе будет хоть немного терпимей.

– Значит, твой капитан наконец-то понял, что я не собираюсь высасывать его мозги?

– Еще не совсем. Он бы все-таки предпочел, чтобы тебя не было на борту.

– Тогда получается, что ты пошел против его воли.

– Думаю, так и есть.

– Подозреваю, у тебя будут неприятности.

– Он не узнает. – Я вспомнил о неизвестном корабле, подкрадывающемся к нам. – У капитана сейчас голова занята другими вещами. Вряд ли он зайдет к тебе с визитом вежливости просто для того, чтобы приятно провести время.

– Но если все-таки узнает… – Она вскинула подбородок и внимательно посмотрела на меня. – Ты не боишься, что он может с тобой сделать?

– Наверное, должен бояться. Но не выбросит же он меня в открытый космос. Во всяком случае, пока мы не полетим с полной тягой.

– А потом?

– Он сердится. Но, думаю, не убьет меня. На самом деле он неплохой человек.

– Мне послышалось или ты сказал, что его зовут Ван Несс?

– Да, капитан Рейф Ван Несс. – Вид у меня наверняка был удивленный. – Только не говори, что это имя для тебя что-то значит.

– Я слышала его от Вулиджа, только и всего.

– И что о нем говорил Вулидж?

– Ничего хорошего. Но я сомневаюсь, что вашего капитана это расстроит. Должно быть, он здравомыслящий человек. По крайней мере, разрешил взять меня на корабль, хотя и не пригласил пообедать вместе с ним в его каюте.

– Обедать с Ван Нессом – не самое приятное занятие, – ухмыльнулся я. – Лучше насыщаться в одиночестве.

– Он тебе нравится, Иниго?

– У него есть недостатки, но в сравнении с такими негодяями, как Вулидж, он покажется ангелом.

– Но сочленителей он не любит.

– Большинство ультра оставили бы тебя дрейфовать в космосе.

– Возможно. Но я все-таки не могу понять. Если ваш капитан такой же, как большинство ультра, в нем должно быть не меньше машин, чем во мне. По всей вероятности, даже больше.

– Важнее то, как ты используешь машины, – ответил я. – Ультра стараются не увечить свой мозг. Даже если и ставят себе имплантаты, то лишь для возмещения функций, утраченных из-за повреждений или старости. На самом деле их не интересуют никакие улучшения, если ты понимаешь, к чему я клоню. Может быть, именно поэтому их так раздражают сочленители.

Погода сбросила босые ноги с кровати. Ступни у нее были непривычно вытянуты. Она носила тот же обтягивающий костюм с глубоким прямоугольным вырезом на груди, в котором мы видели ее, когда высадились на пиратский корабль. Грудь у нее была маленькая. Девушка казалась костлявой, без единого лишнего грамма мышечной массы, но при этом шириной плеч походила на пловчиху. Хотя сама Погода получила достаточно синяков и шрамов, на ее костюме не было никаких повреждений. Видимо, он был самочинящийся или даже самочистящийся.

– Ты говоришь об ультра так, будто сам не ультра, – сказала она.

– Просто старая привычка вылезла наружу. Хотя иногда мне кажется, что я не одной породы с Ван Нессом.

– Должно быть, твои имплантаты хорошо защищены. Я их совсем не чувствую.

– Это потому, что у меня их нет.

– Брезгуешь? Или просто слишком молод и удачлив, чтобы нуждаться в них?

– Брезгливость тут ни при чем. И я не настолько молод, как тебе кажется. К тому же не могу назвать себя слишком удачливым.

Я поднял механическую руку.

Погода с придирчивым прищуром посмотрела на нее. Я вспомнил, как девушка отшатнулась от меня на «Василиске», и подумал о том, сколько жестокости пришлось ей вынести от железных рук ее прежних хозяев.

– Она тебе не нравится? – спросила Погода.

– Мне больше нравилась старая.

Погода бережно взяла мою руку в свои, казавшиеся такими маленькими, кукольными, когда они поглаживали и ощупывали механический протез.

– И это единственная неорганика в тебе?

– Насколько я знаю, да.

– Но разве это не ограничивает твои возможности? Разве ты не чувствуешь, что остальные члены команды имеют перед тобой преимущество?

– Иногда чувствую. Но не постоянно. Моя работа требует, чтобы я мог забраться туда, куда таким людям, как Ван Несс, нипочем не пролезть. А еще я должен выдерживать такие мощные магнитные поля, которые других разнесли бы в клочья, если только сначала не сварили бы заживо. – Я сжал и разжал металлический кулак. – Бывает, приходится ее отвинчивать. У меня есть пластиковая замена, для тех случаев, когда нужно просто ухватиться за что-то.

– Все-таки она тебе не очень нравится.

– Она делает то, что от нее требуется.

Погода отпустила мою руку, но ее пальцы задержались на металле на мгновение дольше, чем следовало бы.

– Жаль, что она тебе не нравится.

– Я мог бы восстановить руку в какой-нибудь орбитальной клинике, – сказал я. – Но всегда находится что-то еще, что нужно починить в первую очередь. К тому же, если бы не эта рука, многие бы вообще не поверили, что я ультра.

– И ты хочешь остаться ультра насовсем?

– Не знаю. Не сказал бы, что с детства мечтал стать корабельным мастером. Просто так уж вышло, что я здесь.

– А я когда-то мечтала об одном деле, – призналась Погода. – И даже думала, что это в моих силах. Но потом мечта стала недостижимой.

Она взглянула на меня и вдруг сделала нечто неожиданное и чудесное – улыбнулась. Это была не самая непринужденная улыбка из всех, что мне приходилось видеть, но я ощутил ее искренность. И внезапно осознал, что рядом со мной в каюте находится человеческое существо, пусть даже ущербное и опасное.

– И теперь я тоже здесь. Не совсем то, чего я ожидала… Но

спасибо тебе, ведь ты меня спас.

– Я уже начал сомневаться, не ошиблись ли мы. Ты ведь, кажется, отказывалась уходить с корабля.

– Отказывалась, – отстраненно сказала она. – Но это уже в прошлом. Ты сделал то, что считал правильным.

– А это было правильным?

– Для меня – да. А для корабля… возможно, и нет.

Она замолчала и нахмурилась, склонив голову набок. В ее глазах сверкнули оливковые огни.

– Куда ты смотришь, Иниго?

– Никуда, – ответил я, резко отводя взгляд.

Держаться подальше от Ван Несса, как он сам советовал, оказалось в последующие дни не самым трудным делом. «Петриналь» был большим кораблем, и пока мы исполняли будничные обязанности, наши с капитаном дороги пересекались редко. Куда сложнее бывало выкроить время, чтобы навестить Погоду, – во всяком случае, столько времени, сколько хотелось бы. График ремонта с самого начала был напряженным, но из-за неизвестного корабля его снова пришлось ускорить, что бы там я ни говорил Вепс. Тяжелая работа начала сказываться, я капля за каплей терял концентрацию. Но все еще верил, что дело будет сделано и мы сможем продолжить полет, как будто с нами ничего не случилось, если не считать гибели в стычке с пиратами членов экипажа и появления одной пассажирки. И как только наберем крейсерский ход, другой корабль, вероятно, отстанет от нас и отправится на поиски более легкой добычи. Был бы он таким же быстрым, как «Василиск», не прятался бы в тени, предоставляя конкурентам взять первый приз.

Однако мой оптимизм оказался неоправданным. Закончив ремонт, я снова прополз по технологическому тоннелю к двигателю правого борта и снова оказался перед шестиугольником с регуляторами мощности. Как и ожидалось, все они горели темно-синим, и это означало, что двигатель работает в безопасном режиме. Я сверился со своим журналом и решил кое-что подрегулировать по мелочи. Все регуляторы должны были сменить цвет на голубовато-зеленый – по-прежнему в пределах безопасного режима, но меня ожидал неприятный сюрприз. Не успел я сдвинуть два из них на долю миллиметра, как они засияли ярко-оранжевым.

Что-то пошло не так.

Конечно же, я перепроверил настройки и убедился, что другие регуляторы остались в прежнем положении. Никакой ошибки не было. Я все быстрей и быстрей перелистывал страницы

эксплуатационного журнала в поисках похожих случаев, которые могли бы подсказать, в чем моя ошибка. Но ни одна из прежних чрезвычайных ситуаций ничуть мне не помогла. Я ничего не перепутал при настройке, поэтому оставалось лишь одно объяснение: что-то случилось с самим двигателем. Он работает неправильно.

«Этого не может быть, – убеждал я себя. – Двигатели не могут забарахлить, не могут сломаться. Ничего похожего».

Но что я знал о них? Весь мой опыт работы с С-двигателями ограничивался стандартными операциями в обычных условиях. Но мы ведь побывали в бою с другим кораблем, получили серьезные конструктивные повреждения. Как корабельный мастер, я тщательно следил за состоянием корпуса и лонжеронов, но мне и в голову не приходило, что неисправным может оказаться сам двигатель.

А почему, спрашивается?

Этому есть разумное объяснение. Ведь даже если что-нибудь произойдет, я ничего не смогу сделать. Беспокоиться из-за поломки двигателя сочленителей – все равно что волноваться из-за метеорита, от которого ты все равно не успеешь увернуться, не успеешь сбить его в полете. А значит, лучше не вспоминать о нем, пока не доведется встретиться. Ни один корабельный мастер не лишится сна из-за отказа С-двигателя.

Но мне, похоже, предстояло потерять не только сон.

Даже если бы мы не тревожились из-за неизвестного корабля, у нас все равно хватало неприятностей. Мы были уже слишком далеко от Шивы-Парвати, так что не могли вернуться назад, и все еще летели слишком медленно, чтобы добраться до другой системы. При такой работе двигателей, как сейчас, нам бы потребовался слишком долгий срок, чтобы достичь релятивистской скорости, при которой замедление времени было бы приемлемым. При двадцати пяти процентах от световой нам вместо прыжка продолжительностью в двадцать лет придется ползти все восемьдесят… И для нас на корабле пройдут почти те же самые восемьдесят тоскливых лет. На таком продолжительном отрезке времени криосон превращается в лотерею. Наши капсулы рассчитаны на то, что человек пролежит в заморозке от пяти до десяти лет, а не четыре пятых века.

Мне стало страшно. За какие-то пять минут я прошел путь от спокойствия и самоконтроля до полного отчаяния.

Я не хотел, чтобы вся команда узнала о грозящей нам катастрофе, по крайней мере, до моего разговора с Погодой. Я уже скрестил шпаги с Ван Нессом, но он оставался моим капитаном, и я решил уберечь его от хлопот с перепуганной

командой, хотя бы до тех пор, пока не выясню все до конца.

Когда я вошел, Погода не спала. За все это время я ни разу не застал ее спящей. В обычных условиях сочленители вообще не нуждаются в сне, в самом худшем случае они могут на несколько часов отключить определенные функции мозга.

Она читала меня, словно открытую книгу.

– Что-то случилось, да?

И не говорите мне после этого, что сочленители не способны понимать выражение лица. То, что им такое умение не очень-то и нужно, еще не означает, что они забыли, как это делается.

– Я пытался вернуть двигатели на обычную крейсерскую тягу, – сказал я, присев на складной стул. – Но не успел дойти до двух десятых *g*, как увидел красные огни.

Погода задумалась всего на несколько мгновений, но для нее это, должно быть, равнялось многочасовому размышлению.

– Не похоже, чтобы ты увел двигатели в опасную зону во время погони.

– Так и есть. Прежде все было в порядке. Думаю, один из двигателей получил какое-то повреждение, когда Вулидж нас обстреливал. Внешних подтверждений я не видел, но…

– И не обязательно видеть. Внутреннее строение наших двигателей куда сложней и тоньше, чем обычно думают. Ударная волна могла повредить один из двигателей, особенно если соединительный узел – амортизирующее устройство – до этого успел потерять надежность.

– Такое могло произойти, – согласился я. – Лонжерон уже был перенапряжен.

– Вот тебе и объяснение. Внутри двигателя что-то сломалось или оказалось в опасной близости к поломке по оценке самого двигателя. Так или иначе, было бы самоубийством наращивать тягу выше нынешнего уровня.

– Погода, нам нужны оба двигателя, причем работающие на обычной мощности.

– Я догадалась.

– Ты можешь нам чем-нибудь помочь?

– Думаю, очень немногим.

– Но ты должна разбираться в двигателях, иначе не пригодилась бы Вулиджу.

– У Вулиджа двигатели не были повреждены, – терпеливо объяснила она.

– Понимаю. Но ты все же заставила его двигатели работать лучше. Неужели ничего не сможешь сделать для нас?

– Прямо отсюда – вообще ничего.

– Ну а если тебе разрешат подойти поближе к двигателям…

это что-нибудь изменит?

– Трудно сказать, пока я нахожусь здесь. К тому же твой капитан ни за что не выпустит меня из этой каюты.

– А если выпустит?

– Я бы сделала это для себя.

– И это все, что ты можешь предложить?

– Ну, хорошо, может быть, я сделала бы это для тебя. – Она явно почувствовала себя неловко после таких слов, как будто нарушила какой-то глубоко личный код, до того момента остававшийся нетронутым. – Ты добр ко мне. Я знаю, Ван Несс зол на тебя из-за того, что ты пытался облегчить мне жизнь в этой клетке. Но тебе необходимо понять кое-что очень важное. Ты можешь заботиться обо мне, можешь даже думать, что я тебе нравлюсь. Но я не могу ответить тебе тем же. – Погода помолчала в нерешительности, слегка приоткрыв рот. – Ты ведь знаешь, что мы считаем вас примитивными. И не без причины. Те эмоции, которые я испытываю… то, что происходит в моей голове… это просто несопоставимо с тем, что ты мог бы назвать любовью, привязанностью или даже дружбой. Свести все к этим понятиям – все равно что…

Она запнулась и не смогла договорить.

– Все равно что принести жертву?

– Ты хорошо ко мне относился. Но я действительно чем-то похожа на погоду. Ты можешь восхищаться мной, даже по-своему любить, но я не в состоянии отплатить тебе любовью. Ты для меня как фотография. Я вижу тебя насквозь, рассматриваю под разными углами. Ты забавляешь меня. Но в тебе нет той глубины, что могла бы меня очаровать.

– Любовь – это больше, чем просто очарование. И ты сама сказала, что находишься на полпути к тому, чтобы снова стать человеком.

– Я сказала, что не могу больше быть сочленительницей. Но это еще не значит, что я когда-нибудь стану такой, как ты.

– А ты попытайся.

– Ты не понимаешь нас.

– Но хочу понять!

Погода плотно закрыла глаза:

– Давай не будем… забегать вперед, хорошо? Я только хотела оградить тебя от необязательной боли. Но если мы не заставим корабль лететь, как нам нужно, об этом ты будешь беспокоиться в последнюю очередь.

– Я знаю.

– Тогда, может быть, нам стоит вернуться к разговору о двигателях? Повторяю, все это ничего не будет значить, если Ван

Несс не захочет мне доверять.

Мою щеку засаднило, как от сильной пощечины. С одной стороны, я понимал, что Погода желает мне только добра, пусть даже в самой резкой форме, и я отчасти готов был принять ее отказ. С другой стороны, теперь меня тянуло к ней еще больше, словно ее прямота только обострила мою страсть. Возможно, она была права, возможно, я сошел с ума, решив, что сочленительница способна на ответное чувство. Однако я помнил, как нежно она гладила мои пальцы, и хотел ее еще сильней.

– Я поговорю с Ван Нессом. Кажется, есть одна мелочь, которая убедит его рискнуть. А ты пока подумай, чем сможешь помочь нам.

– Это что, приказ, Иниго?

– Нет, – ответил я. – Никто тобой командовать не будет. Я дал тебе слово и не собираюсь его нарушать. И после того, что ты сказала, ничего не изменилось.

Она сидела, сжав губы, и рассматривала меня, словно я был запутанной логической головоломкой, которую необходимо разгадать. Я почти ощущал, как яростно работает ее мозг, – такое чувство, словно стоишь рядом с гудящей турбиной. Затем Погода чуть приподняла острый подбородок, так ничего и не сказав, но дав мне понять: если смогу убедить Ван Несса, она сделает все от нее зависящее, пусть даже это ничего нам не даст.

Капитан оказался более крепким орешком, чем мне представлялось. Я ожидал, что он сдастся, когда узнает о нашем непростом положении – что мы топчемся на месте и только Погода может все исправить. Но Ван Несс лишь разочарованно прищурился:

– До тебя так и не дошло? Это же ее хитрый трюк. Наши двигатели были в полном порядке, пока мы не взяли ее на корабль. И тут вдруг пошли вразнос, и оказывается, что только она способна помочь.

– Остается еще корабль, о котором говорила Вепс.

– Никакого корабля может и не быть на самом деле. Что, если это просто сбой сенсоров, галлюцинация, которую «Петриналь» видит по воле Погоды?

– Капитан…

– Это тоже сыграет ей на руку, неужели не понимаешь? Тот самый предлог, который заставит нас поступить, как ей надо.

Мы сидели в каюте капитана, за запертой дверью – я предупредил его, что нам нужно обсудить очень серьезный вопрос.

– Не думаю, что это ее рук дело, – спокойно сказал я, дав себе

клятву лучше сдерживать норов, чем в прошлый раз. – Она слишком далеко от двигателей или сенсоров, чтобы психически воздействовать на них. Да к тому же мы ее держим в каюте, которая с самого начала была, по сути, клеткой Фарадея. Она считает, что один из двигателей был поврежден в перестрелке с «Василиском», и у меня нет причин ей не верить. Думаю, вы ошибаетесь насчет нее.

– Она вертит нами, как хочет, малыш. Сначала сделала что-то с нашими двигателями дистанционно, а теперь – если ты настоишь на своем – придется подпустить ее прямо к ним.

– И что она сделает?

– Все, что ей взбредет в голову. Например, взорвет нас. Об этом ты подумал?

– Но тогда она и сама взорвется вместе с нами.

– Ну а если именно это ей и нужно? Может, она выбрала смерть, коль скоро ей так тяжело жить в отрыве от остальных пауков, как ты утверждаешь. Я что-то не заметил, чтобы она уж очень сильно желала, чтобы ее спасли с поврежденного корабля. Возможно, она предпочла бы умереть прямо там.

– Мне показалась, что она хотела остаться в живых, капитан. У нее была сотня возможностей покончить с собой еще на «Василиске», прежде чем мы добрались до нее. Но она этого не сделала. Думаю, просто боялась, что мы окажемся такими же, как другие ультра. Вот почему она убегала от нас.

– Отличная версия, малыш. Жаль только, что в ней слишком многое висит на соплях, а то бы я мог хоть на секунду в нее поверить.

– У нас нет другого выбора, кроме как довериться ей. Иначе большинство из нас не увидят другую звездную систему.

– Легко тебе говорить, сынок.

– Меня это тоже касается. Я потеряю не меньше, чем все остальные.

Казалось, Ван Несс изучал меня целую вечность. До сих пор он не сомневался в моем профессионализме, но появление Погоды все изменило.

– Моя жена не погибла в аварии при терраформировании, – медленно проговорил он, отведя взгляд. – Я солгал тебе, возможно, потому, что сам хотел поверить в эту ложь. Но теперь пора тебе услышать правду. Ее забрали пауки. Она была инженером, специалистом по марсианскому ландшафту, работала над планом ирригации в Скиапарелли и после наступления на Терра Сабея оказалась в тылу у пауков. Сочленители захватили ее и превратили в одну из них. Отправили в вербовочный анатомический театр, вскрыли ей голову и напичкали своими

машинами. Перепрошили ей мозги, чтобы думала и чувствовала так же, как пауки.

– Мне очень жаль, – начал было я. – Должно быть, это так тяжело…

– Это было не самое тяжелое. Мне сказали, что ее казнили, но через три года я увиделся с ней. Она попала в плен к Коалиции за невральную чистоту, и ее попытались снова превратить в самостоятельного человека. Никто раньше этого не делал, и моя жена стала подопытной. Меня пригласили в лагерь Тихоплекс на Луне, рассчитывая, что я смогу вернуть ее назад. Я не хотел этого делать, знал, что ничего не выйдет, и мне легче было бы думать, будто она уже умерла.

– И что было дальше?

– Она вспомнила меня, как только увидела. И даже назвала по имени, словно мы расстались на какие-то минуты. Но в ее глазах было равнодушие. На самом деле еще хуже, потому что равнодушие означало бы, что она все еще испытывает какие-то узнаваемые человеческие эмоции, пусть даже это были бы неприязнь или презрение. Но ничего похожего. Она смотрела на меня, как на сломанную мебель, протекающий кран или пятно плесени на стене. Как будто ее смутно беспокоило то ли мое состояние, то ли сам факт моего существования, но более сильных эмоций она не испытывала.

– Это уже была не ваша жена, – сказал я. – Ваша жена умерла в тот момент, когда ее забрали пауки.

– Хорошо было бы в это поверить, правда? Беда в том, что я так и не смог. Не сомневайся, малыш, у меня было вдоволь времени, чтобы подумать об этом. Я знаю, в ней осталось что-то от моей жены, даже после всего, что с ней сделали в анатомическом театре, только этому чему-то я больше на хрен не нужен.

– Мне очень жаль, – повторил я, чувствуя себя так, будто корабль бросил меня дрейфовать в космосе, а сам улетел прочь.

– Я просто хочу, чтобы ты понял: у меня к паукам не иррациональное предубеждение. С моей колокольни оно выглядит дьявольски рациональным. – Он сделал невероятно глубокий вздох, словно хотел собраться с силами перед тем, что должно было случиться. – Если ты считаешь, что это единственная возможность выбраться из передряги, отведи девчонку к двигателю. Но не выпускай ее из вида ни на секунду. И когда возникнет хотя бы малейшее подозрение, что она собирается что-то выкинуть, – запомни: хотя бы малейшее, – убей ее на месте.

Я застегнул ошейник на шее Погоды. Это было тяжелое кольцо из шероховатого черного металла.

– Извини, – сказал я ей, – но Ван Несс согласился выпустить тебя из каюты только при этом условии. Если будет больно, скажи мне, и я постараюсь что-нибудь сделать.

– Ничего не нужно, – ответила она.

Ошейник был грубый и старый, он валялся без дела на «Петринали» со времени предпоследней ожесточенной стычки с пиратами. Его переделали из соединительного кольца для шлема космического скафандра – той системы, что отсекал или замораживал голову, если устанавливал, что тело под ней получило тяжелые повреждения. В ошейник была вмонтирована петля из моноволокна, готовая сжаться до диаметра человеческого волоса меньше чем за секунду. В нем хватало подвижных деталей, но не было ничего такого, на что могли бы воздействовать сочленители. Кабель толщиной с большой палец тянулся от задней части ошейника к пульту, висевшему у меня на поясе. Стоит мне хлопнуть ладонью по кнопке, и Погода останется без головы. Это не обязательно означает, что она немедленно умрет – с таким количеством машин в голове еще пробудет какое-то время в сознании, – но наверняка это ограничит ее возможности причинить нам вред.

– Уверен, мне не придется этим воспользоваться, – сказал я, когда мы направились к соединительному лонжерону, – но хочу, чтобы ты четко понимала: если что, у меня рука не дрогнет.

Она шла чуть впереди, кабель свободно висел между нами.

– Ты стал другим после разговора с капитаном, Иниго. Что произошло между вами?

Я решил, что правда никогда не повредит.

– Ван Несс рассказал кое-что, о чем я не знал. Это расставило все по местам. Я понял, почему он не может по-доброму относиться к сочленителям.

– И от этого изменились твои мысли обо мне?

Несколько секунд я шел молча.

– Не знаю, Погода. До этого момента я не задумывался об ужасах, что рассказывают про пауков. Считал, что слухи сильно преувеличены – на войне часто так бывает.

– А теперь тебя просветили. Ты понял, что на самом деле мы чудовища.

– Этого я не говорил. Просто я никогда не верил, что сочленители берут людей в плен и превращают в других сочленителей, а теперь оказалось, что это действительно происходило.

– С Ван Нессом?

Не стоило раскрывать ей все до конца.

– Нет, с близким ему человеком. А хуже всего то, что они потом встретились, уже после трансформации.

Немного помолчав, Погода сказала:

– Это были ошибки. Очень-очень дурные ошибки.

– Пленнику набивают голову машинами сочленителей, и ты называешь это ошибкой? Вы не могли не понимать, ради чего это делаете и что происходит с пленными.

– Да, мы понимали, – ответила она, – но считали это добрым делом. Вот в чем ошибка. Но это было и добрым делом: никто из тех, кто изведал Транспросвещение, не захотел вернуться к обыденности недоразвитого сознания. Плохо, что мы не предвидели, насколько болезненно это окажется для тех, кто знал кандидатов раньше.

– Он почувствовал, что она его разлюбила.

– Нет, не разлюбила. Просто все остальное в мире стало для нее настолько обостренным, настолько насыщенным, что любовь к одному человеку уже не могла полностью удерживать ее внимание. Он сделался для нее всего лишь одним элементом в огромной мозаике.

– И ты не считаешь, что это было жестоко?

– Я же сказала, что это была ошибка. Но если бы Ван Несс последовал за этой женщиной… если бы он стал сочленителем, сам изведал Транспросвещение… они бы соединились на новом уровне близости.

Я удивился ее уверенности.

– Теперь это Ван Нессу уже не поможет.

– Мы больше не допустим такого. Если когда-нибудь снова возникнут… затруднения, мы не будем брать кандидатов без разбора.

– Но все равно кого-то возьмете.

– И все равно будем считать это добрым делом.

Больше мы почти ничего не сказали друг другу, пока пробирались по соединительному лонжерону к правому двигателю. Я настороженно наблюдал за Погодой, зачарованный игрой красок на ее охлаждающем гребне. Наконец она обернулась и сказала:

– Перестань нервничать, Иниго, я ничего плохого не замышляю. Этот ошейник и так не слишком приятен, а тут еще ты следишь за каждым моим движением.

– Наверное, ошейник нас не спасет, – ответил я. – Ван Несс подозревает, что ты хочешь взорвать корабль. Думаю, если ты нашла способ это сделать, мы ничего не заметим до самого конца.

– Да, вы бы не заметили. Но я не взорву корабль. Это не в

моих силах, если только ты не позволишь мне повернуть все регуляторы в красную зону. Даже Вулидж был не настолько глуп.

Я вытер вспотевшую ладонь о штанину.

– Мы мало знаем о том, как работают эти двигатели. Ты уже что-то чувствуешь?

– Совсем чуть-чуть, – сказала она. – Идет взаимный обмен сигналами, но у меня нет имплантатов, позволяющих понимать их смысл. Сочленителям не требуются эти специальные устройства, если только они не работают в обучающих яслях для двигателей.

– Двигатели нужно обучать?

Не ответив прямо на мой вопрос, она сообщила:

– Вот теперь я чувствую их. Рабочая дальность моих имплантатов в таких условиях – несколько десятков метров. Должно быть, мы уже близко.

– Да, близко, – подтвердил я как раз в тот момент, когда мы повернули за угол и вышли к шестиугольнику с регуляторами.

Все они горели сейчас голубовато-зеленым, но лишь потому, что я снова снизил тягу двигателя до минимума.

– Мне нужно подойти ближе, чтобы принести вам хоть какую-то пользу, – заявила Погода.

– Встань возле приборов, только ничего не трогай без моего разрешения.

Я понимал, что она не сможет причинить большого вреда, даже если начнет крутить регуляторы. Нужно двинуть не меньше двух, чтобы положение стало опасным, но я успею прикончить Погоду еще до того, как у нее появится такая возможность. И все же я нервничал, когда она стояла возле шестиугольника, склонив голову набок.

Я задумался о том, что находится по ту сторону стены. Пробравшись по лонжерону, мы оказались внутри двигателя, примерно в середине его грубого цилиндрического корпуса. Двигатель простирался на сто десять метров вперед и приблизительно на двести пятьдесят влево и вправо от меня. Покрытый несколькими слоями стандартного корпусного материала, опутанный сетью сенсоров и систем управления, он соединялся с «Петриналью» при помощи амортизирующей подвески. Как и любой корабельный мастер, я так изучил все эти тонкости, что даже не считал их профессиональными знаниями. Они стали частью моей личности.

Но я ничего не знал о самом двигателе. Глядя на мой толстый эксплуатационный журнал со всеми заметками и примечаниями, можно было предположить, что за этим стоит глубокое научное понимание основных принципов работы

двигателей. Ничего более далекого от истины и представить невозможно. Двигатель сочленителей оставался для нас истинным чудом, которое нам преподнесли на тарелочке, словно свернувшегося клубком дракончика. Вместе с ним мы получили инструкции, как управлять его пламенем, но нам было строго-настрого запрещено изучать его тайны. Важнейшее правило обращения с двигателем сочленителей было очень простым: ничто внутри его не нуждается в нашем обслуживании. Стоит залезть внутрь, например с целью разобрать и воспроизвести его, и он самоуничтожится, вспыхнув крохотной новой звездой, энергии которой достаточно, чтобы расколоть небольшую луну. В заселенном космосе найдется немало огарков с умеренной остаточной радиацией, свидетельствующих о неудачных попытках нарушить этот запрет.

Как правило, ультра это не заботило. Их корабли по определению имели двигатели сочленителей. Это только правительства и планетарные богатеи продолжали учиться на своем горьком опыте. Доводы сочленителей были просты до жестокости: заложенные в их двигатели принципы недоразвитое человечество еще не готово постичь. Предполагалось, что мы должны радоваться уже тому, что заполучили эти диковины, а не тыкать своими толстыми обезьяньими пальцами в их внутренности.

И пока они работали, мало у кого из нас возникало желание разобраться с их «анатомией».

Погода отступила на шаг.

– Боюсь, у меня плохие новости. Я надеялась, что регуляторы ошибаются, видя неисправность там, где ее нет… Но это не тот случай.

– Ты чувствуешь, что двигатель на самом деле поврежден?

– Да, – ответила она. – И именно этот, правый.

– Что с ним не так? Мы можем исправить?

– Один вопрос за один раз, Иниго, – снисходительно улыбнулась Погода и продолжила: – Жизненно важные элементы двигателя получили серьезные повреждения, настолько серьезные, что система авторемонта не может сними справиться. Двигатель не окончательно вышел из строя, но некоторые маршруты реакций теперь невозможно просчитать, и поэтому мы наблюдаем такое резкое падение мощности. Двигатель вынужден использовать другие маршруты – те, которыми еще может управлять при имеющихся ресурсах. Но они не дают на выходе нужной энергии.

Она объяснила мне все и в то же время ничего.

– Честно говоря, я мало что понял, – признался я. – Хочешь сказать, что его нельзя починить?

– Можно, но не здесь. Только на специализированном заводе у сочленителей. А мы лишь сделаем еще хуже.

– Но мы не сможем лететь на одном левом двигателе без переделки всего корабля. Если бы рядом находился какой-нибудь спутник или астероид, это был бы выход, но мы слишком далеко от них.

– Извини, что не могу сообщить ничего лучшего. Вам нужно просто смириться с тем, что полет продлится дольше, чем вы ожидали.

– Все еще хуже. К нам подкрадывается другой корабль, вероятно еще один рейдер вроде Вулиджа. Он уже близко. Если мы не сумеем убежать, он вскоре нападет на нас.

– Вот интересно, почему ты не сообщил мне все это чуть раньше?

– И что бы от этого изменилось?

– Возможно, доверие между нами.

– Извини, Погода. Я не хотел тебя отвлекать. Решил, что все и так очень плохо.

– А еще ты решил, что если меня не отвлекать, я сотворю чудо?

Я безнадежно кивнул. Как бы наивно это ни выглядело, я действительно надеялся, что стоит Погоде взмахнуть рукой над поврежденным двигателем – и тот мгновенно восстановит желанную полную тягу. Но знать принципы работы двигателя – это одно, а чинить его – совсем другое.

– У нас в самом деле нет выхода? – спросил я.

– Двигатель уже делает все необходимое, чтобы обеспечить максимально возможную при таких повреждениях тягу. Не вижу никакого способа что-то улучшить.

Отчаявшись найти какой-либо источник оптимизма, я вернулся мыслями к тому, что Погода сказала несколькими минутами раньше.

– Когда ты говорила о маршрутах реакций, это, видимо, означало, что двигателю нужно что-то рассчитать, чтобы он заработал как следует?

Погода смутилась:

– Я и так сказала слишком много, Иниго.

– Но если мы все скоро погибнем, какая разница, что ты мне расскажешь? А если нет, то я клянусь, что буду молчать. Как ты на это смотришь?

– Никто даже близко не подошел к пониманию того, как работают наши двигатели, – начала Погода. – Разумеется, мы

тоже приложили к этому руку, не поскупившись на ложную информацию. И это приносит результаты. Мы внимательно следим за коллективными попытками разгадать наши секреты. У нас есть средства помешать любым исследованиям, которые могут пойти в правильном направлении. Но пока еще ни разу не было повода воспользоваться даже самым простым из них. Если я раскрою тебе ключевую информацию, у меня будет больше причин беспокоиться из-за этого, чем из-за моего положения изгоя. Мои соплеменники придут за мной. Они выследят меня, а потом и тебя. Сочленители признают допустимым любой необходимый шаг, вплоть до ограниченного геноцида, для защиты секретов С-двигателя.

Погода замолчала, и я уже подумал, что больше ничего не услышу, но потом продолжила тем же мрачным тоном:

– Однако следует признать, что существуют разные уровни секретности. Я не могу раскрыть тебе во всех подробностях физические принципы, на которых зиждется работа двигателя. Скажу только, что внутренние процессы в нем, когда он исправно функционирует, чрезвычайно сложны и хаотичны. Ваш корабль может спокойно лететь на постоянной тяге, но реакции в двигателе далеки от нормы. В каждом двигателе таится ад: там все бурлит под воздействием чудовищных и непредсказуемых изменений состояния.

– Которые двигатель должен держать под контролем.

– Да, и для этого ему необходимо решать чрезвычайно сложные вычислительные задачи. Когда все в порядке, когда двигатель исправен и работает в нормальном режиме, он с этой нагрузкой справляется, но если потребовать от него слишком многого или каким-то образом повредить, нагрузка резко возрастет. В конце концов она превысит возможности двигателя, и реакции станут неконтролируемыми.

– Как взрыв новой звезды.

Погода удостоила мои слова едва заметным кивком:

– Почти.

– Можно я уточню? – спросил я. – Значит, наш двигатель поврежден, но он мог бы еще работать, если бы вычисления не были такими сложными, правильно?

– Да, – сдержанно ответила Погода. – Но не стоит недооценивать то, насколько усложнились теперь эти вычисления. Я чувствую, какое напряжение испытывает двигатель даже сию секунду, когда просто сохраняет статус-кво.

– Я не собираюсь ничего недооценивать. Просто думаю, нельзя ли все как-нибудь упростить. Может быть, загрузить новую программу или помочь двигателю, подключив к компьютерам

«Петринали»?

– Если бы все было так просто.

– Извини. Мне самому мои вопросы кажутся глупыми. Но я только хочу убедиться, что мы не упустили ничего очевидного.

– Не упустили, – подтвердила она. – Поверь мне на слово.

Я проводил Погоду в ее каюту и снял ошейник. На коже осталась розовая полоса размазанной крови. Я зашвырнул ненавистную железку в угол и сходил за аптечкой.

– Сказала бы хоть что-нибудь, – приговаривал я, промокая ссадины тампоном с антисептиком. – Мне и в голову не приходило, что все это время он натирал тебе шею. Ты казалась такой спокойной, сосредоточенной. А ведь тебе, наверное, было очень больно.

– Я уже говорила, что умею отключать боль.

– И сейчас отключила?

– А в чем дело?

– В том, что ты то и дело морщишься.

Погода схватила меня за запястье так неожиданно, что я едва не выронил тампон. Ее движение было стремительным, как бросок змеи, но я не почувствовал никакой агрессии, хотя держала она крепко.

– Теперь я не понимаю, – сказала она. – Ты надеялся, что я могу вам чем-нибудь помочь. Я не смогла. Это значит, что все ваши неприятности никуда не делись. Стало даже хуже, потому что теперь ты услышал это от меня. Но ты все равно относишься ко мне по-доброму.

– А ты бы предпочла, чтобы было по-другому?

– Я думала, как только перестану быть для вас полезной…

– Ты неправильно думала. Наша команда не такая.

– А капитан?

– Он сдержит слово. Убийство не в привычках Ван Несса. – Я закончил обрабатывать ссадины и теперь рылся в аптечке в поисках бинта. – Мы все должны стараться изо всех сил, в том числе и ты. Ван Несс считает, что нужно отправить сигнал бедствия и ждать, когда нас спасут. Поначалу я не был в восторге от этой идеи, но теперь допускаю, что это не самое плохое решение.

Она промолчала. Интересно, пришли ли ей в голову те же возражения, что я озвучил Ван Нессу, когда он впервые высказал эту мысль?

– У нас есть корабль, и это главное. Пусть мы летим не так быстро, как хотелось бы…

– Устрой мне встречу с Ван Нессом, – потребовала Погода.

– Не уверен, что он согласится.

– Скажи, что разговор пойдет о его жене. Скажи, что он может мне доверять, хоть с этим дурацким ошейником, хоть без.

Я отправился за капитаном. Он согласился взглянуть на Погоду только после долгих уговоров, но все равно не подошел к ней ближе чем на двадцать метров. Я велел ей ждать в каюте, возле двери, открывающейся в длинный служебный коридор.

– Капитан, я вас не трону, – прокричала она, и ее голос эхом отскочил от рифленых металлических стен. – Можете подойти ближе. С такого расстояния я едва улавливаю ваш запах, не говоря уже о нейронном излучении.

– Мне и здесь неплохо, – ответил Ван Несс. – Иниго сказал, ты хочешь мне что-то сообщить. Это правда? Или просто уловка, чтобы влезть в мою голову и заставить меня думать и чувствовать то, что тебе самой захочется?

Она будто не услышала его слова.

– Я так понимаю, Иниго рассказал вам о двигателе.

– Рассказал, что ты его осмотрела и решила, что ничего не сможешь с ним сделать. Может, результат был бы другой, не надень мы на тебя ошейник?

– Вы намекаете, что я могла уничтожить двигатель и весь корабль? Нет, не думаю, что я бы так поступила. Если бы я захотела покончить с собой, то без труда сделала бы это с помощью ошейника. – Она оглянулась на меня. – Я могу дотянуться до Иниго и нажать кнопку раньше, чем нервный импульс дойдет от его мозга до руки. И он ничего не заметит, кроме серого пятна, после чего хлынет поток артериальной крови.

Я вспомнил, с какой быстротой Погода схватила меня за руку, и понял, что она не лжет.

– И почему же ты этого не сделала? – спросил Ван Несс.

– Потому что решила вам помочь, если это в моих силах. Пока не увидела двигатель… пока не подошла так близко, что почувствовала его излучение, я надеялась, что проблема пустяковая.

– Только это оказался не пустяк. Иниго сказал, что починить двигатель невозможно.

– Иниго правильно сказал. Неисправность можно устранить только с помощью технологий сочленителей. Но потом у меня было достаточно времени, чтобы все обдумать, и я решила: пожалуй, я все-таки могу кое-что для вас сделать.

Я удивленно посмотрел на нее:

– Правда?

– Дай договорить, Иниго, – одернула она меня. – А потом мы вернемся к двигателю и я все объясню. Речь пойдет о вашей жене,

капитан Ван Несс.

– Что ты можешь знать о моей жене? – гневно спросил Ван Несс.

– Больше, чем вы думаете. Потому что я тоже… была… сочленительницей.

– Как будто я этого не знаю.

– Мы появились на Марсе, капитан Ван Несс, и поначалу нас была лишь горстка. Я тогда еще не родилась, но с того момента, когда Галиана вывела нас в новое состояние сознания, нить воспоминаний не обрывалась. Теперь у нашего великого дерева много ветвей, во многих системах… Но мы несем в себе воспоминания о тех из нас, кто жил до того времени, когда семья раскололась на части. Я говорю не о том, что мы просто помним их имена, внешность и поступки. Нет, мы несем с собой в будущее их живые впечатления.

Погода проглотила что-то, застрявшее у нее в горле.

– Иногда мы почти ничего из этого не осознаем. Как будто огромное море общих переживаний плещется у берега сознания, но время от времени оно накатывает на нас, омывая печалью и радостью. Печалью – ибо это воспоминания умерших, все, что от них осталось. И радостью – ибо что-то все-таки сохранилось, и пока это происходит, они не могут быть мертвы окончательно, так ведь? Бывает, я ощущаю Ремонтуара, как он вдумчиво смотрит на что-то. Появляется дежавю, однако я понимаю, что не сама пережила это когда-то раньше. Воспоминания первых сочленителей мы все чувствуем особенно сильно.

– А моя жена? – спросил Ван Несс таким тоном, словно боялся услышать ответ.

– Ваша жена была лишь одной из многих кандидатов, вступивших в Транспросвещение в те трудные времена. Вы потеряли ее, а потом встретили еще раз, когда Коалиция захватила пленников. Вас огорчило, что она не ответила вам на человеческом уровне.

– Потому что вы у нее вырезали все человеческое, – сказал Ван Несс.

Погода спокойно покачала головой, не желая поддаваться раздражению:

– Нет, мы почти ничего не забрали. Проблема заключалась в том, что мы добавили слишком много и слишком быстро. Вот почему все вышло столь тяжело для нее и столь огорчительно для вас. Но так не должно было случиться. Меньше всего мы хотели испугать будущих кандидатов. Было бы намного лучше, если бы она проявила любовь и привязанность к вам, а потом позвала за собой в прекрасный новый мир, который перед ней открылся.

Казалось, что-то в ответе Погоды пригасило гнев Ван Несса.

– Это не сильно помогло мне и совсем не помогло моей жене.

– Я еще не закончила. В последний раз вы видели жену в лагере Коалиции. Вы посчитали – и считаете до сих пор, – что там она и окончила свои дни. Лишенное эмоций зомби, поселившееся в теле женщины, которую вы когда-то знали. Но все было иначе. Понимаете, она вернулась к нам.

– Я думал, что сочленители не возвращаются к своим, – вставил я.

– Тогда ситуация была другая. Шла война, и мы были рады каждому кандидату, даже тем, кто перенес разрушительную изоляцию от Транспросвещения. И жена Ван Несса была не такой, как я. Она не родилась сочленительницей. Глубина ее погружения в Транспросвещение не могла не остаться меньшей, чем у нас, купавшихся в информации с той поры, когда были еще эмбрионами.

– Ты лжешь, – сказал Ван Несс. – Моя жена умерла в плену у Коалиции, спустя три года после нашей встречи.

– Нет, – терпеливо объяснила Погода. – Она не умерла. Сочленители заняли Тихоплекс и возвратили всех пленных в Транспросвещение. Коалиции тогда сильно досталось, и она не могла допустить, чтобы пропаганда разнесла весть о потере такого важного подразделения. Поэтому они пошли на ложь и не сообщили о захвате Тихоплекса. Но на самом деле ваша жена была жива и здорова. – Погода невозмутимо смотрела на Ван Несса. – Теперь ее уже нет в живых, капитан. Хотелось бы сказать другое, но я надеюсь, что это не будет для вас потрясением, учитывая то, во что вы всегда верили.

– Когда она умерла?

– Спустя тридцать один год, в другой системе, при аварии одного из наших первых двигателей. Это случилось очень быстро и совершенно безболезненно.

– Зачем ты все это мне говоришь? Что это изменит для меня здесь и сейчас? Она все равно умерла. Она все равно стала одной из вас.

– Я рассказала, потому что ее воспоминания живут во мне, – ответила Погода. – Не буду утверждать, что они так же сильны, как воспоминания Ремонтуара, потому что к тому времени, когда мы приняли вашу жену, больше пяти тысяч кандидатов уже пополнили наши ряды. Ее голос был всего лишь одним из множества новых голосов. Но все они никогда не умолкали: время от времени они долетают до нас сквозь годы и мы слышим их.

– Еще раз спрашиваю: зачем ты мне это говоришь?

– У меня есть для вас сообщение от вашей жены. Она

поместила его в коллективную память задолго до своей смерти, понимая, что оно навсегда останется частичкой общего знания сочленителей, даже если наше число возрастет и мы начнем разделяться. Она знала, что в будущем каждый сочленитель понесет в себе ее сообщение, даже изгой вроде меня. Оно может раствориться, но никогда не исчезнет полностью. И она верила, что вы все еще живы и что однажды на вашем пути может оказаться кто-нибудь из сочленителей.

После долгого молчания, Ван Несс спросил:

– Что это за сообщение?

– Ваша жена хотела, чтобы вы услышали вот это. – Тембр голоса Погоды едва заметно изменился. – Мне очень жаль, что все так получилось, Рейф, жаль даже больше, чем ты можешь представить. Когда меня взяли в плен и отвезли в Тихоплекс, я была не такой, как сейчас. Это были мои первые дни среди сочленителей и, что, возможно, не менее важно, первые дни самих сочленителей. Нам еще очень многому предстояло научиться. Мы были амбициозны, неудержимо амбициозны, но вместе с тем самонадеянно не замечали собственных ошибок и недостатков. Потом все изменилось, когда я уже вернулась к своим. Галиана поработала с каждым из нас, восстановив высокий уровень индивидуальности. Думаю, она переняла что-то из мудрости Невила Клавэйна. После этого я снова стала смотреть на вещи правильно. Я думала о тебе, и боль из-за того, что я наделала, острым камнем подступала к горлу. Каждое мгновение моей жизни, каждый мой вздох ты был рядом со мной. Но мы уже не могли ничего исправить. Я пыталась связаться с тобой, но безуспешно. Я даже не знала, остался ли ты в Солнечной системе. К тому времени даже демархисты начали строить собственные корабли по нашей технологии. Ты мог быть где угодно. – Голос Погоды стал тверже, в нем появился пафос. – Но я знала, что ты стойкий человек, Рейф. И не сомневалась, что ты все еще где-то живешь. Возможно, мы когда-нибудь встретимся снова – в жизни случаются и более странные вещи. Если так и будет, я надеюсь, что смогу выразить все те добрые чувства, которые ты заслуживаешь и которых ты никогда не жалел для меня. Если же этому не суждено сбыться, мне остается верить хотя бы в то, что ты услышишь мои слова. Сочленители бывают повсюду, и ничто из того, что внесено в коллективную память, никогда не исчезнет. Не важно, сколько пройдет времени, ведь те из нас, кто странствует между мирами, понесут с собой это сообщение и будут знать твое имя. Если я могу сделать что-то еще, то обязательно сделаю. Однако, вопреки убеждению многих, сочленители не способны творить чудеса. Будь это так, я бы

просто хлопнула в ладоши, вызвала тебя к себе и провела бы остаток жизни, доказывая, как много ты для меня значишь по-прежнему. Я люблю тебя, Рейф Ван Несс. Всегда любила и всегда буду любить.

Погода замолчала с глубоким почтением на лице. Не было необходимости добавлять, что сообщение закончено.

– Откуда мне знать, что это правда? – тихо спросил Ван Несс.

– Никаких гарантий я дать не могу, – сказала Погода. – Но есть еще два слова, которые я должна вам передать. Ваша жена была уверена, что они имеют для вас какое-то особое значение, что-то такое, чего никто другой не может знать.

– И что это за слова?

– «Волчье лыко». Думаю, это название растения. Оно что-то вам говорит?

Я посмотрел на Ван Несса. Он словно застыл, не находя сил ответить. Взгляд смягчился, глаза заблестели. Наконец капитан кивнул и выдавил:

– Да, говорит.

– Вот и хорошо, – сказала Погода. – Я рада, что сняла бремя, которое все эти годы тяготило каждого из нас. А теперь я помогу вам долететь до цели.

Я так и не спросил у Ван Несса, что означают для него слова «волчье лыко» и каким образом они убедили его, что Погода сказала правду.

И сам Ван Несс никогда не заговаривал об этом.

Погода снова стояла перед шестиугольником с регуляторами, как прежде тысячу раз доводилось стоять мне.

– Ты должен разрешить мне то, что я собираюсь сделать.

У меня пересохло во рту.

– Делай что хочешь. Я буду внимательно следить за тобой.

Кажется, Погоду это развеселило.

– Все еще боишься, что я всех нас убью?

– Я не могу забыть о моем долге перед кораблем.

– Тогда тебе придется нелегко. Я должна повернуть регуляторы в такое положение, которое покажется тебе крайне опасным, даже смертельно опасным. Ты должен довериться мне.

Я оглянулся на Ван Несса.

– Доверься, – одними губами прошептал он.

– Давай, – сказал я Погоде. – Делай все, что нужно…

– Наблюдая за моей работой, вы лучше поймете наши двигатели. Кое-что внутри покажется вам неприятным. Это не самый большой секрет, но все-таки секрет, и скоро вы его узнаете. Никому не рассказывайте потом, когда мы долетим до места

назначения. Если проговоритесь, служба безопасности сочленителей обнаружит утечку информации и среагирует мгновенно. Последствия будут ужасны и для вас, и для тех, кто вас слушал.

– Может, не стоит тогда показывать нам то, что вы стремитесь сохранить в тайне?

– Я должна кое-что сделать. И если хотите понять мои действия, вам нужно все увидеть своими глазами.

Погода положила ладони на два регулятора и повернула их с такой неожиданной силой, что оба сектора загорелись рубиново-красным. Потом сдвинула другую пару до предупреждающе-янтарного света. Один из оставшихся регуляторов она установила на низкий уровень. А затем вернулась к первым двум и быстро перевела их в зеленую зону. В какой-то момент я почувствовал, что палуба сильней давит на мои подошвы. Но импульс быстро прекратился. После того как Погода произвела последнюю настройку, двигатель сбросил мощность еще ниже прежней. Я решил, что теперь наше ускорение не превышает одной десятой *g*.

– Что ты сделала? – спросил я.

– Вот что, – ответила она.

И проворно отступила назад. В то же мгновение часть обшивки, толщиной не уступающей двери банковского сейфа, выдвинулась вместе с шестиугольным пультом из металлически-голубой стены, с которой, казалось, была неразрывно связана. Я с удивлением наблюдал, как она бесшумно отползает в сторону, открывая отверстие в стенке двигателя, размером с переходной люк.

Нас омыло мягким красным светом. Мы смотрели прямо в тайное сердце двигателя сочленителей.

– Иди за мной, – сказала Погода.

– Шутишь?

– Ты хочешь вернуться назад или нет? Хочешь сбежать от рейдера? Только так этого можно добиться.

Тут она снова посмотрела на Ван Несса.

– При всем уважении, капитан… вам я бы не советовала. Вы не можете никак повредить двигателю, зато он может повредить вам.

– Мне и здесь хорошо, – ответил Ван Несс.

Я вошел вслед за Погодой внутрь двигателя. Поначалу трудно было разглядеть, что меня окружает. Красный свет, казалось, исходил от каждой поверхности, а не от какого-нибудь одного источника. Я был вынужден идти с вытянутыми вперед руками и часто прикасаться к предметам, чтобы установить их форму и размеры. Погода настороженно наблюдала за мной, но не

проронила ни слова.

Она повела меня по извилистой узкой тропинке, зажатой между огромными механизмами и похожей на русло невидимой подземной реки. Механизмы низко гудели, и прикасаясь к ним, я чувствовал мощную хаотичную вибрацию. Я не мог ничего разглядеть уже в считаных метрах от себя, но по тому, как продвигалась вперед Погода, сложилось впечатление, будто механизмы расступаются перед ней, а потом снова смыкаются у нас за спиной. Она увлекала меня за собой по крутым пандусам, помогала перебираться через почти непреодолимые преграды и карабкаться по вертикальным шахтам, опасным даже при одной десятой *g*. Я безнадежно потерял чувство направления и мог лишь гадать, углубились ли мы на сотни метров в сердце двигателя или ползаем туда-сюда по сравнительно небольшому участку неподалеку от входа.

– Хорошо, что ты знаешь дорогу, – с наигранной веселостью сказал я. – Одному мне отсюда нипочем бы не выбраться.

– Выберешься, – ответила Погода, оглянувшись через плечо. – Двигатель сам выведет тебя, не беспокойся.

– Но ты, конечно, вернешься вместе со мной.

– Нет, Иниго, я останусь здесь. Это единственный способ сделать так, чтобы мы все добрались до цели.

– Не понимаю. Когда ты починишь двигатель…

– Все не так, как ты думаешь. Двигатель нельзя починить. Я могу только помочь ему, снять с него часть вычислительной нагрузки. Но для этого я должна быть рядом с ним. Внутри его.

За разговором мы вышли на открытое пространство, самое большое из встретившихся нам по пути. В этой похожей на коробку комнате или камере не было никаких механизмов, лишь одна штуковина поднималась от пола до высоты моего пояса. У нее была плоская вершина и расширенное основание, придававшее ей сходство с пнем. Она светилась тем же цветом артериальной крови, что и все вокруг.

– Мы пробрались в самое сердце узла управления двигателем, – сказала Погода, опускаясь на колени возле «пня». – Ядро реакции находится где-то в другом месте – мы не смогли бы выжить рядом с ним, – но здесь рассчитываются реакции как для правого, так и для левого двигателей. А теперь хочу кое-что показать. Думаю, так тебе проще будет представить, что меня ждет. Надеюсь, ты к этому готов.

– Как всегда.

Погода коснулась «пня» с двух сторон и на мгновение закрыла глаза. Послышался щелчок и жужжание скрытого механизма. Верхняя часть «пня» раскрылась по широкой дуге,

изнутри ударил ярко-голубой свет. Откуда-то из глубины поднялся жуткий холод, протянувший ледяные пальцы к моему горлу.

Что-то вылезло изнутри «пня», словно поднявшись на пьедестал. Это был стеклянный контейнер, пронизанный множеством серебристых кабелей, каждый из которых утопал в морщинистой коре непомерно раздутого мозга. Мозг раскрылся, как лопнувший при выпечке пирог, и я понял, что это из разломов сочился голубой свет. Я заглянул в один из них, пытаясь рассмотреть геологические пласты мозговой ткани, но тотчас зажмурился от ослепительного сияния. На дне трещины в мерцающем дневном свете бурлила масса крошечных ярких предметов.

– Это компьютер, который производит вычисления, – объяснила Погода.

– Он выглядит совсем как человеческий. Пожалуйста, скажи мне, что это не так.

– Он человеческий. По крайней мере, был таким поначалу, до того, как заполнившие его машины преобразовали внутреннюю структуру. В моей голове, – Погода прикоснулась пальцем к виску, – всего лишь двести граммов искусственных материалов, но даже при этом мне необходим гребень, чтобы справляться с тепловой нагрузкой. А общая масса различного оборудования в этом мозге – около килограмма. Его нужно постоянно охлаждать, как турбонасос. Вот почему он раскрыт – так тепло рассеивается быстрее.

– Это чудовищно.

– Только не для нас, – резко возразила она. – Мы считаем его удивительным и прекрасным.

– Нет, – твердо заявил я. – Дай я тебе объясню. Ты показала мне живой человеческий мозг, превращенный в раба.

– Ни о каком рабстве и речи быть не может, – ответила Погода. – Этот мозг сам выбрал свое предназначение.

– Он выбрал вот это?

– Это считается большой честью. Даже в обществе сочленителей, накопившем огромный опыт увеличения умственных ресурсов, нечасто рождаются те, кто способен управлять реакциями в сердце С-двигателя. Ни одна машина не справится с этой задачей лучше, чем живой разум. Конечно, мы могли бы создать машинный разум, который действительно был бы механическим рабом, но тем самым нарушили бы один из самых строгих наших запретов. Машина не может думать, если только она не делает это по своей собственной воле. Поэтому мы оставляем нашим добровольцам органический мозг, пусть даже

ему и потребуется помощь килограмма лишенных сознания обрабатывающих устройств. А почему лишь немногие из нас обладают подобным талантом… Это для нас великая загадка. Когда Галиана искала пути совершенствования человеческого разума, она предполагала, что мозг станет полностью познаваемым. Это одна из редких ее ошибок. Как среди недоразвитых иногда появляются гении, так же что-то похожее случается и у нас. В детстве мы все проходим тестирование на этот дар, но мало кто демонстрирует даже слабые способности. И единицы из тех, у кого способности все-таки проявляются, достигают той степени зрелости и надежности, которая делает их подходящими кандидатами на внедрение в двигатель. – Погода доверительно взглянула на меня. – Их действительно высоко ценят, настолько высоко, что многие, не имеющие этого дара, завидуют им.

– Но даже если они достаточно одарены… никто не пойдет на такое добровольно.

– Ты не понимаешь нас, Иниго. Мы создания разума. Этот мозг не считает себя заточённым здесь. Он находит окружающую обстановку восхитительной и удобной, как оправа драгоценного камня.

– Легко тебе говорить за других.

– Но я сама была близка к этому. Очень близка, Иниго. Я прошла все предварительные тесты. Меня сочли исключительно одаренной по меркам моей группы. Я знаю, каково быть особенной даже среди гениев. Но потом оказалось, что я все-таки не настолько особенная, и меня вывели из программы.

Я посмотрел на распухший, потрескавшийся мозг. Его жесткое голубое свечение навело меня на мысль об излучении Черенкова, бурлящем в ядерном сердечнике.

– И ты жалеешь об этом?

– Я стала старше, – ответила Погода. – И поняла, что быть уникальным… вызывать восхищение… это не самое главное в жизни. С одной стороны, я по-прежнему восхищаюсь этим мозгом, по-прежнему высоко ценю его редкую и хрупкую красоту. Но с другой стороны… не чувствую зависти.

– Ты слишком долго прожила среди людей, Погода. Ты понимаешь, как прекрасно ходить и дышать.

– Может быть, – с сомнением в голосе ответила она.

– Этот мозг…

– Это мужчина, – сказала Погода. – Я не могу передать тебе его имя лучше, чем назвала свое. Но я легко читаю его воспоминания. Когда его поместили сюда, ему исполнилось всего пятнадцать. Совсем еще мальчик. И он провел в этом двигателе

двадцать два года по корабельному времени, а по общемировому – шестьдесят восемь лет.

– Он так и останется здесь до конца жизни?

– Если ему самому не надоест или с кораблем не случится авария. Время от времени, как сейчас, сочленители могут вступать в контакт с внедренным мозгом. Если они узнают, что он хочет уйти на покой, то могут заменить его или вывести из эксплуатации весь двигатель.

– А что будет потом?

– Дальше решает он сам. Может вернуться к телесной форме, но это будет означать потерю сотен грамм оборудования нейронной поддержки. Некоторые готовы к такому изменению, но согласны на него далеко не все. Другая возможность – вернуться в одно из наших Гнезд, оставаясь почти в том же виде, только без необходимости управлять двигателем. И таких случаев немало.

Я с запозданием понял, к чему все идет.

– Ты сказала, что он сейчас нагружен до предела.

– Да. Степень его концентрации очень высока. Вряд ли он может выделить какие-то ресурсы на то, что мы обычно называем мышлением. Он находится в непрерывном потоке бессознательного, как человек, увлеченный чрезвычайно сложной игрой. И теперь игра начала побеждать его. В этом уже нет ничего увлекательного. И он осознает цену ошибки.

– Но ты можешь ему помочь.

– Не буду отрицать, что мои способности – только тень того, что может он. Но все же я прошла часть пути. Мне не удастся снять с него все напряжение, но я предоставлю ему свободный доступ к моему мозгу. Дополнительные обрабатывающие ресурсы, вместе с моими ограниченными способностями, могут значительно изменить ситуацию.

– Как изменить?

– Чтобы вы добрались до цели. Я убеждена, что, объединив наши сознания для решения одной задачи, мы сможем вывести двигатель на близкий к его стандартной мощности режим. Но не хочу ничего обещать. Чтобы узнать вкус пудинга…

Я посмотрел на похожую на пудинг массу нейронной ткани и задал вопрос, которого сам страшился:

– А что будет с тобой, когда это произойдет? Если он почти без сознания…

– Боюсь, что и со мной случится то же самое. Для внешнего мира я окажусь в состоянии комы. Если я собираюсь что-то изменить, мне понадобятся все доступные нейронные ресурсы.

– Но ты же будешь совершенно беспомощна. Как долго ты выдержишь в коме?

– Это небольшая проблема. Я уже отослала команду двигателю, чтобы он подготовил оборудование, необходимое для поддержки жизненных функций. – Погода взглянула на пол между нами. – На твоем месте я бы отошла подальше, Иниго.

Я так и сделал. Плоский красный пол вздулся, образовав что-то вроде ложа. Без долгих церемоний Погода взобралась на него и легла, словно собиралась уснуть.

– Не стоит медлить с этим, – заявила она. – Мой мозг уже подготовлен, и чем быстрее мы начнем, тем лучше. Никто не гарантирует, что пиратский корабль еще не подошел на дистанцию атаки.

– Подожди, – сказал я. – Все случилось так быстро. Я думал, мы пришли сюда, чтобы изучить ситуацию, обсудить возможности.

– Мы уже обсудили, Иниго. Они сводятся вот к чему: или я помогу этому мальчику, или мы будем беспомощно дрейфовать в космосе.

– Но нельзя же так просто… сделать это.

Как только я договорил, ложе обхватило Погоду. Красный материал обтекал ее тело, постепенно застывая и образуя полупрозрачную оболочку. Остались видны только голова и кисти рук, окруженные толстыми красными обручами, грозившими сжаться в любой момент.

– Все не так уж и плохо, – сказала она. – Я ведь уже говорила, что у меня в мозгу не останется места для бодрствующего сознания. На самом деле мне не будет скучно. Это больше похоже на очень долгий сон. Чей-то чужой сон, конечно, но не сомневаюсь, что он окажется восхитительным. Я помню, как здорово было, когда я находила изящное решение, хотя начальные параметры выглядели бесперспективными. Словно ты создаешь невообразимо прекрасную музыку. Не думаю, что кто-нибудь способен понять такие ощущения, если только сам не держал в голове частичку этого огня. Это наслаждение, Иниго, когда все идет правильно.

– А если что-то пойдет неправильно?

– Если что-то пойдет неправильно, у тебя уже не хватит времени понять, что ты чувствуешь. – Погода снова закрыла глаза, как человек, провалившийся в забытье. – Я снимаю блокаду, чтобы мальчик мог использовать мои ресурсы. Он обеспокоен. Не потому, что не доверяет мне, просто боится, что не справится с задачами обработки, если не позаимствует на время мои возможности. Передача будет нелегкой… Ох, она уже началась. Он использует мои ресурсы, Иниго. Принимает мою помощь.

Тело Погоды, полностью окруженное оболочкой из красного вещества, болезненно вздрогнуло. А когда она заговорила снова, голос звучал напряженно:

– Это сложно. Намного сложней, чем я представляла. Этот несчастный мозг… Ему так много пришлось сделать в одиночку. Менее сильный духом на его месте давно бы сломался. Он проявил героическую самоотверженность… Мне бы хотелось, чтобы Гнездо узнало о том, что он совершил.

Она стиснула зубы и снова вздрогнула, на этот раз сильней.

– Он забирает у меня все больше. Теперь уже с радостью. Понимает, что я пришла помочь. Чувство облегчения… Напряжение спало… Не могу понять, как он выдержал до сих пор. Мне очень жаль, Иниго, но скоро у меня не останется сил говорить с тобой.

– Получилось?

– Да, думаю, получилось. Возможно, между ним и мной… – Она сомкнула челюсти и прикусила язык. – Будет непросто, но… Я теряю все больше. Слова уходят. Они уже не нужны.

– Нет, Погода, останься!

– Я не могу остаться. Должна уйти. Другого пути нет. Пообещай мне, Иниго. Скорее пообещай!

– Говори. Что бы ты ни попросила.

– Когда мы… Когда…

Ее лицо исказилось от напряжения, пока она пыталась выразить свою мысль.

– Когда мы прилетим, – подсказал я.

Погода кивнула так резко, что я испугался, как бы она не сломала себе шею.

– Да, прилетим. Вы получите помощь. Найди других.

– Других сочленителей?

– Да. Приведи их. Приведи на корабль. Расскажи им, пусть они помогут.

– Приведу. Клянусь тебе.

– Сейчас я уйду, Иниго. И еще одно.

– Да. Все, что захочешь.

– Протяни руку.

Я взял ее руку в свою, здоровую.

– Нет, другую, – сказала Погода. – Другую руку.

Я взял ее кисть металлической рукой и сжал так крепко, как только посмел, не рискуя сломать ей пальцы. Потом наклонился к ее лицу:

– Кажется, я люблю тебя, Погода. И найду этих сочленителей. Обещаю.

– Любишь паука? – спросила она.

– Да, если по-другому никак.

– Глупый… человеческий… мальчик.

Она потянула мою руку с большей силой, чем я от нее ожидал. И тянула до тех пор, пока ее ложе, теплое, как кровь, не коснулось моего запястья. С моей рукой что-то произошло, я почувствовал зуд, похожий на булавочные уколы. А потом поцеловал Погоду. Ее губы были горячими, как в лихорадке. Она кивнула и отпустила мою руку.

– А теперь уходи, – сказала она.

Красное вещество накрыло лицо и ладони, полностью поглотило ее, остались лишь размытые, как у мумии, очертания.

Только тогда я понял, что не увижу ее очень долго. На мгновение застыл, словно парализованный случившимся. Но все равно почувствовал, как мой вес увеличился. Что бы ни делали сейчас Погода и мальчик, это сказалось на тяге двигателя. Мой вес продолжал плавно повышаться, и я наконец убедился, что мы достигли половины *g* и продолжаем ускоряться.

Возможно, мы все-таки доберемся домой.

Некоторые из нас.

Я отвернулся от саркофага Погоды и побрел в поисках выхода. Моя ладонь, крепко прижатая к груди, чтобы унять зуд, скрылась под перчаткой мерцающей машинерии. Интересно, какой подарок я получу, когда перчатка закончит свою работу?

Ремонтный скафандр [9]

Мой корабль – субсветовой транспорт четырехкилометровой длины, с корпусом из многослойной брони. Поверх корпуса – замысловатый лабиринт из погнутых ферм и полузаброшенных механизмов. Чертовски неудобное место для поисков пропавшего члена экипажа. Тут и армию легко потерять, не то что одного ремонтника-корпусника.

Из всех скафандров для наружных работ на «Форментера леди»[10] мой – второй по возможностям, и то мне потребовалось три дня, чтобы найти Бранко. Мы были в одном годе от Йеллоустона, разогнавшись почти до световой, – корабль летел в вихрях космического излучения и релятивистской пыли. Я сделал три вылазки, возвращаясь внутрь, только когда эти вихри грозили поджарить либо скафандр, либо меня. Одинокая и опасная работа. Пообщаться с командой удавалось редко, так что компанию мне составляли лишь звезды да помехи. Всякий раз, ползком добравшись до шлюза, я был вынужден выбрасывать кучу пришедшего в негодность оборудования, а медицина в моем теле работала сверхурочно, справляясь с кумулятивным воздействием радиации. И все же я снова влезал в залитый по́том скафандр и выходил наружу.

Наконец примерно в сотне метров над лонжероном правого двигателя я обнаружил Бранко.

Он был мертв. Хватило единственного взгляда, чтобы это понять. При тяге в одно *g*, которую развивали С-двигатели, наш корабль превратился в иглу, стремительно пронзающую космос. Бранко, должно быть, начал долгое путешествие к люку, когда от корпуса отлетел кусок металла. Всего лишь крошечный осколок, но он устремился вдоль корпуса с такой скоростью, что продырявил Бранко. Вероятность того, что нечто подобное может случиться с кораблем, – один к миллиону, и еще один к миллиону – что ремонтника в этот момент угораздит очутиться где не надо.

Бранко находился перед выступающей частью корпуса, и обломок пришпилил его к этому выступу, как булавка – редкого блестящего жука. Пробил скафандр на груди, аккурат под соединительным кольцом шлема, вышел через поясницу и воткнулся в обшивку, накрепко зафиксировав тело. Должно быть, когда это случилось, Бранко смотрел вверх, отклонившись назад, чтобы лучше видеть. Может, он почувствовал, как отломился кусок, треск наверняка передался через броню корабля и подошвы скафандра. Бранко всегда очень тонко ощущал состояние

корабля, слышал, как громыхает и бормочет корпус при изменении нагрузки. Вполне возможно, что ремонтник отреагировал на неясный сигнал опасности, который пришел к нему в обход сознания.

Я несколько долгих минут оцепенело смотрел на эту картину, и страх во мне смешивался с изумлением. Есть мириады способов расстаться с жизнью в космосе, но вряд ли Бранко представлял себе именно такой исход. Сорваться с корпуса, попасть под выхлоп двигателя… получить по голове куском космического мусора… Но не так же! Чтобы тебя проткнул насквозь корабль, который ты изучил как свои пять пальцев, который ты холил и лелеял с первого дня службы. Это не просто неправильно. Это подло и жестоко, словно машина веками вынашивала гнусный план.

Конечно, оставить там Бранко я не мог. Обозначив местоположение тела, я вернулся внутрь. Подремонтировал собственный скафандр, потом, прихватив инструменты, снова вышел наружу. Тросами зафиксировал тело и лазером перерезал обломок в том месте, где он воткнулся в выступ. Потом отбуксировал Бранко вместе с засевшим в его теле обломком к люку.

«Форментера леди» лишилась хорошего члена экипажа, служившего ей верой и правдой. Я потерял человека, который стал мне другом и помог вжиться в корабельный порядок. Но при всем трагизме ситуации я никак не мог отделаться от мысли, что его смерть позволила мне продвинуться на ступеньку вверх по служебной лестнице.

Бранко был главным ремонтником. Теперь главным стану я.

– Почини скафандр, – приказала капитан Луарка.

– Починить? – опешил я.

– Рауль, ты меня услышал. Бранко не доделал дело. Ты ведь знаешь, чем он там занимался? Проверял состояние крепежных конструкций двигателя. Я по-прежнему хочу быть уверена, что двигатель не улетит к чертям, когда мы его нагрузим.

Мы знали, что Бранко успел добраться до лонжеронов. Ремонтник вышел с полным комплектом датчиков, а когда его затащили внутрь, при нем не оказалось ни одного. Получается, что он просверлил отверстия и установил датчики до того, как пуститься в обратный путь, но у нас не было уверенности в этом, поскольку записывающие устройства на его скафандре сожгла радиация.

– Я могу слегка модифицировать мой скафандр, – сказал я. – Добавить слой защиты, усилить сервоприводы, увеличить время

работы. Все равно мы собирались это сделать.

Луарка посмотрела на меня настолько скептически, насколько позволяла пластиковая маска ее лица. Она была одной из самых навороченных ультра на корабле, но я уже наловчился читать ее мимику.

– Это долго?

– Несколько недель. Может быть, месяц.

После гибели Бранко прошло уже пять дней. Мы тогда сразу вскрыли скафандр и вытащили все, что осталось. Ультранавты прощупали красное месиво в поисках всего механического, пригодного к дальнейшему использованию. Потом положили останки в ящик и сбросили в космос. Гроб с телом Бранко сейчас летит параллельно курсу корабля, а через пятьдесят тысяч лет он станет одним из немногих человеческих артефактов, достигших межгалактического пространства.

– Дело не может ждать! У нас нет ни месяцев, ни недель! – отрезала Луарка. – Зато у нас есть другой скафандр, почти пригодный для эксплуатации. Обломок ведь не слишком сильно его изувечил?

– Надо залатать две крупные дыры. Пробито несколько слоев брони и изоляции. Еще повреждены десятки контуров, неисправна система подачи воздуха и система охлаждения. Бранко десятилетиями подгонял под себя скафандр. Там черт ногу сломит.

– Спорим, чтобы разобраться с этим скафандром, тебе потребуется куда меньше времени, чем на то, чтобы довести до ума второй.

– Да я хотел разобрать поврежденный, перенастроить некоторые узлы, удалить кое-что лишнее, а потом собрать…

– Чтобы мог сказать себе, что это другой скафандр, а не тот, в котором погиб Бранко?

Она умела читать мысли по лицу не хуже, чем я.

– Да, пожалуй, что-то в этом духе.

– У ультра хватает суеверий, – сказала Луарка, – но использование скафандра погибшего члена экипажа в их число не входит. У нас даже есть поговорка: скафандр – это просто второй корабль. Ты же не откажешься лететь в шаттле только потому, что им разок воспользовался Бранко?

– Это не одно и то же.

– Вопрос размеров, только и всего. Ты постепенно привыкнешь к нашим обычаям, если знаешь, чего на самом деле хочешь. – Взгляд ее глаз, похожих на драгоценные камни, резко сфокусировался. – А ведь ты знаешь, да?

– Надеюсь.

Она положила мне на плечо одну из своих искусственных клешней. Прикосновение было мягким, ободряющим, но я помнил, что в этих суставчатых пальцах из металлического сплава такая сила, что может раздробить кость.

– Тебе повезло, что ты покинул Йеллоустон. Куда больше повезло, чем миллионам, которые остались там бороться с плавящей чумой. Последние сообщения, которые мы получали, пока еще позволял временной лаг, оптимизма не вызывают. Даже нас, привыкших держаться в стороне от планетарных дел, жуть берет. Впрочем, мы ведь все-таки люди, разве нет?

Вопрос был риторическим, и я понимал, что отвечать на него впрямую не следует.

– Я благодарен за это судьбе. Я и вам благодарен за то, что приняли меня в команду «Форментеры леди». И я не хочу вас подвести.

– Вот хорошо, потому что нам необходим полный отчет о состоянии корабля. – Она убрала с моего плеча холодные металлические пальцы. – Но ждать несколько месяцев я не намерена.

Скафандр Бранко был летописью его жизни. Каждое существенное происшествие фиксировалось в виде крошечной миниатюры, которую он тщательно, во всех подробностях вырисовывал на металлическом панцире в долгие часы между вахтами. До того момента, когда поврежденный скафандр оказался полностью разложен передо мной, у меня не было возможности как следует изучить эти картинки и задуматься, о чем они повествуют. Вот боевая сцена – громоздкие фигуры в скафандрах на поверхности астероида сражаются с какими-то другими громоздкими фигурами в скафандрах на фоне ярко-красного неба. Вот вспыхнувший изнутри корабль, окруженный дымкой звезд – голубых супергигантов. Вот два жутковатых киборга в баре какого-то космопорта, увлеченных армрестлингом, и толпящиеся вокруг зеваки. В одном из участников схватки я узнал очень молодого Бранко, каким он был, пока время и космос не превратили его в зрелого мужчину – в того Бранко, каким его запомнил я. Что здесь правда, а что преувеличение – я не мог судить, да и выяснять не хотелось. Я любил Бранко, а он был со мной добр, и мне казалось, что ко всем этим ярким картинам правильнее относиться как к истине.

Но скафандр был поврежден, и обычный ремонт привел бы к уничтожению многих изображений. Некоторые пластины следовало заменить, другие заварить. Я думал о том, сколько времени Бранко потратил на миниатюры, и чувствовал, что

совершаю акт вандализма по отношению к его памяти. Но сам бы он поступил точно так же, внушал я себе. Бранко наверняка хотел бы, чтобы я постарался толково использовать скафандр.

Наиболее простым оказался механический ремонт. Заделав отверстия, я смог восстановить герметичность и снова запустить систему жизнеобеспечения. Без особых трудов удалось реанимировать регулятор подачи воздуха и тепловой контроль. На систему переработки отходов потребовалось не намного больше сил. Когда я поверил, что скафандр сможет поддерживать мою жизнь практически бесконечно, я переключился на двигательные подсистемы: убедился, что сервомоторы исправны и получают энергию. Одно за другим протестировал сочленения, проверил, может ли скафандр двигаться как прежде. Я понимал, что это крайне важно – громоздкая бронированная конструкция слишком неповоротлива, чтобы управлять ею одной только мышечной силой. Для тех работ, которыми часто занимался Бранко, требовалась дополнительная мощность.

Но что-то все же было не в порядке. Когда я наконец забрался в скафандр, убеждая себя, что он вовсе не пахнет Бранко, что это лишь шалит мое воображение, мне не удалось заставить механизм двигаться.

Не совсем так, конечно. Скафандр шевелился, но лениво. Я менял положение руки или ноги, и только потом он следовал моему приказанию. Припоминая, как живо и проворно, почти с балетной грацией шнырял по корпусу корабля Бранко, я понимал, что мне недостает не просто опыта взаимодействия с этим конкретным скафандром. Сервомоторы работали прекрасно, распределение мощности и управляющие схемы функционировали.

А значит, дело было в модуле воли.

Большинство скафандров до определенной степени способны читать мысли того, кто их носит, предугадывать движения раньше, чем нервные сигналы успеют добежать до мышц. Но модуль воли идет дальше. Он выявляет потенциал готовности, нарастание электрического напряжения, которое происходит в мозгу за несколько десятых долей секунды до того, как мы осознаём, что собираемся совершить действие. В том и состояла ценность скафандра, что ему не нужно было ждать, пока Бранко осмыслит свое решение двигаться. Механизм подключался к подсознанию, полностью обходя сознательную область. В критические моменты десятые доли секунды решают твою судьбу.

Не всем ультра нравится модуль воли. Они предпочитают иллюзию свободы выбора, веру в то, что всем управляет их сознание. Бранко либо не обращал на таких сослуживцев

внимания, либо его больше заботило, чтобы работа была сделана. Как раз модуль воли и помогал ремонтнику гарцевать по обшивке судна так, словно он родился с этим умением. Но сейчас блок сбоил.

Удивляться тут, пожалуй, нечему. Модуль воли должен обучиться точному считыванию сигналов-предвестников, постепенно адаптироваться к человеку, находящемуся внутри скафандра. Для настройки он монтирует прогностическую модель, которую мы там, на Йеллоустоне, называли симуляцией бета-уровня. Из грубо настроенной железяки скафандр превращался в опытного танцовщика, тонко чувствующего своего партнера.

И вот теперь я захотел сделать так, чтобы скафандр, который годами – да нет, десятилетиями – настраивался на Бранко, вдруг изменил своему хозяину и переключился на меня. Я понимал, что это будет нелегко. Не потому, что модуль воли станет мне сопротивляться, – просто пройдет много времени, прежде чем он внесет необходимые поправки.

В моем скафандре модуль воли вообще отсутствовал, но даже если бы он там был, его перемещение не спасло бы ситуацию. При том, как Бранко отладил свой скафандр, поменять один модуль на другой было бы не проще, чем пересадить голову. Имея в своем распоряжении месяцы, я бы выявил все зависимости, но такого срока мне не дали. Не мог я и просто исключить модуль из управляющего контура и смириться с тем, что движения скафандра будут слегка отставать от моих намерений. Переделки Бранко оказались настолько запутанными, что выключение модуля привело бы к полному обездвиживанию скафандра. Волей-неволей я призадумался, не специально ли Бранко сделал так, чтобы другим после него было затруднительно пользоваться его скафандром.

А потом мне пришло в голову еще кое-что: может, часть Бранко по-прежнему находится внутри модуля воли? Последняя часть, продолжающая цепляться за жизнь? Тогда, заставив блок перестроиться на меня, я совершу своего рода убийство.

Я словно воочию увидел Бранко – как он смеется надо мной и над тем, что я всего лишь задумался о чем-то подобном. Наверное, глупо, что у меня вообще зародилась эта мысль. Скафандр – инструмент с отпечатками чужих пальцев, не более того. Стереть их и продолжать работу. Все, что осталось от Бранко, – мертвое тело в контейнере, мчащемся в сторону Андромеды.

Но как бы я себя ни убеждал, не получалось не думать о модуле как о священном вместилище, хранящем в себе крохотную

искорку, которую я цинично и беспардонно собираюсь задуть.

Впрочем, работа есть работа.

Чтобы пробраться от ближайшего шлюза до той точки, где выступал над корпусом правый лонжерон, требовалось одолеть полтора километра щекочущего нервы спуска. Я видел, как Бранко покрывал такое расстояния за полчаса, перемещаясь по-паучьи без всякого напряжения, словно не подозревая о бесконечном падении, что последует за малейшей ошибкой. Он знал корпус корабля досконально – каждый выступ, щель и зазубрину, а его скафандр так же превосходно знал хозяина. Вместе они составляли некое магическое целое. Бранко редко обременял себя неудобными страховочными фалами и креплениями, предпочитая доверяться чувству равновесия и мускулатуре скафандра. Мой же спуск оказался намного более затянутым и гораздо менее изящным. Скафандр подчинялся командам, но любое движение совершал с изматывающим запаздыванием, словно туповатый слуга, которому сперва надо хорошенько обмозговать каждое полученное распоряжение. Я везде, где это было возможно, пользовался страховкой и, поскольку еще не выяснил, какие выступы и поручни надежны, а какие нет, почти не полагался на материал корпуса. Памятуя о том, что беднягу Бранко не уберег даже его огромный опыт.

Наконец часа через четыре мучительного перемещения я добрался до лонжерона. Радость от завершения пути сдерживало ощущение, что скафандр все меньше и меньше желал подстраиваться под мои движения. Я прогнал тест сервомоторов – все по-прежнему работали в пределах нормы. Значит, дело было не в них. Нейросистема тоже вроде оказалась в порядке, так что оставался только модуль воли.

Что с этим делать – я не знал. Еще в начале пути понимал, что модуль плохо подогнан под меня, но никаких очевидных причин дальнейшего ухудшения не видел. Если на то пошло, скафандр уже должен был маленько приспособиться к привычкам нового хозяина.

Ну да ладно. Займусь этим, когда окажусь внутри. Пока же, по моим прикидкам, скорость снижения реакции не настолько велика, чтобы помешать мне закончить осмотр и вернуться.

Впрочем, времени оставалось немного, и следовало поторапливаться.

Одно теперь я знал точно: если Бранко тогда добрался до этой части корабля, он не счел необходимым сверлить отверстия. Когда-то здесь находились стационарные сенсоры, но со временем они вышли из строя, и образовалось одно из

нескольких огромных слепых пятен в системе самоконтроля корабля. Я не видел, чтобы Бранко установил новые сенсоры, с которыми он шел сюда.

Но если он вернулся без них, где же они?

Я проверил надежность страховки и, преодолевая упорное сопротивление скафандра, просверлил отверстия в корпусе, после чего установил принесенные сенсоры. Они не только измеряли целостность корпуса в том месте, где находились, но и взаимодействовали между собой, позволяя выявлять незаметно распространяющиеся повреждения во внутреннем слое обшивки. Сенсоры один за другим настраивались и отправляли данные на дисплей моего шлема. Первые несколько показаний были обнадеживающими, но я не стал делать поспешных выводов. Если поблизости имеется слабое место, я скоро об этом узнаю.

Пот резал глаза, так как для любого простейшего движения требовалось прикладывать немалые усилия. Пожалуй, я был слишком самоуверен, возомнив, что смогу без проблем вернуться к шлюзовой камере. Если застряну тут, меня сумеют спасти – мое местонахождение известно. Правда, для этого кому-то придется топать сюда. Капитан Луарка вряд ли будет довольна.

Последний сенсор отчитался. Практически все показатели светились зеленым, только один намекал на ослабление корпуса. Впрочем, во вполне допустимых пределах. Что бы ни случилось с «Форментерой леди» по пути до пункта назначения, этот двигатель точно не отвалится.

Я сделал то, для чего пришел. Можно было докладывать.

– Целостность в норме, капитан.

– Ты уверен?

Как всегда, сигнал был так слаб, что казалось, будто капитан Луарка находится в нескольких световых годах от меня. Ее голос то и дело тонул в вое помех.

– До Тифона все точно продержится, да и еще несколько рейсов переживет. Можно усыплять экипаж, медлить незачем.

– Это решать мне, – сказала капитан, давая понять, что мне не по чину такие советы. Однако она сразу смягчилась и добавила: – Ты хорошо поработал, Рауль. Бранко был бы удовлетворен.

Удовлетворен. Не доволен, не горд. Всего лишь удовлетворен. Но она сказала правду.

– Возвращайся. Чем быстрее все улягутся спать, тем мне будет спокойнее.

– Уже иду, – сказал я, стараясь не думать о предстоящей непростой задачке.

Оглядев плоды своего труда в последний раз, я вновь

проверил показания сенсоров и сошел с выступа, на котором стоял.

Скажем так, попытался сойти. Я оставался на месте, хотя фал уже должен был наматываться, помогая мне в подъеме. Дело было не в фале, взбираться не давал скафандр. Каждый раз, когда я пытался начать движение, казалось, будто я ерзаю внутри монолитной стальной гробницы.

Это было плохо. Хуже, чем плохо. Полный паралич наступил быстрее, чем я рассчитывал. Скафандр словно ждал, когда я закончу проверку сенсоров, чтобы преподнести сюрприз.

– Капитан Луарка, – сказал я. – У нас проблема. Похоже, скафандр…

Какое-то чутье подсказало, что я роняю слова в равнодушную пустоту. Я замолчал и стал ждать ответа. Его не было. Луарка меня не слышала.

Скафандр не просто застыл на мне. Он сделался немым или глухонемым, обрубив связь с экипажем. Я запаниковал. Не так ли было и с Бранко? Мне-то казалось, что он спокойно работал и поднял глаза лишь за секунду до того, как с неба, синего от смещения спектра галактик, слетел тот осколок. А что, если я ошибался? Что, если Бранко застыл в этой позе на несколько часов, когда скафандр отказался двигаться? Не мог же человек знать, что отломается кусок металла? Ведь не мог же?

Я заставил себя успокоиться. Все произошло не так. Этот скафандр принадлежал Бранко почти весь срок своей службы, до самого конца. Бранко с любовью разрисовал его. Модуль воли портит жизнь мне, но только потому, что он так тонко, так виртуозно настроен на предыдущего хозяина.

Скафандр не виноват, сказал я себе. Он не убивал Бранко и не пытается убить тебя.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я попробовал двигаться не вверх, а в сторону. Вдруг оказалось, что так легче. Не то чтобы скафандр неожиданно решил прекратить борьбу со мной – он все еще запаздывал с реакцией и был неповоротлив, – но как минимум я обнаружил путь наименьшего сопротивления. Возможно, адаптивный процесс наконец запустился.

Но, даже пройдя несколько десятков шагов, я по-прежнему не смог подняться выше. Скафандр не возражал, когда я перемещался в одном направлении, но не давал двигаться в другом.

Наверное, именно тогда у меня забрезжило понимание.

Если сопротивляться скафандру, пытаясь двигаться к шлюзу, я ничего не добьюсь. А значит, остаются два варианта: ждать на месте, когда меня спасут, или идти, куда позволяет скафандр.

По сути, идти туда, куда он меня ведет.

Так я и сделал. Оказалось, что спускаться еще легче, чем перемещаться вбок, и что есть некий наиболее легкий путь. По нему-то я и направился, все еще с большой осторожностью, и ушел довольно далеко от двигателя. Но скафандр хотел, чтобы я шел дальше, даже когда я добрался до места, где корпус достигал своей наибольшей ширины и снова начинал сужаться и откуда до закругленного хвоста оставалось всего лишь несколько сот метров.

Одно дело – спускаться по очень крутой стене, и совсем другое – по стене, которая отклоняется от вертикали в противоположном направлении. Достаточно один раз поскользнуться, неверно рассчитать движение – и эта стена пролетит перед моими глазами, медленно уйдет назад. И корабль окажется далеко.

«А может, только этого ему от меня и надо, – подумал я о скафандре. – Хочет привести на самый край и заставить шагнуть в пустоту. Способен ли скафандр на такую привязанность, чтобы смерть владельца вызвала у него помешательство?»

Однако он не сошел с ума. И я понял это, когда увидел, как корпус довольно неожиданно начал загибаться внутрь, образуя круглый кратер. Наверное, в нас что-то попало. Воронка была метров десять в диаметре – в масштабах корабля крохотная вмятинка. В глубину даже меньше, чем в ширину.

Оказавшись у края ямы, я заглянул в нее, не имея ни малейшего представления, что там можно обнаружить. Зачем скафандр привел меня сюда? Это наименее уязвимая часть корабля, единственная область, где повреждение не вызвало бы серьезных последствий. Здесь расположены нежилые уровни, так что даже при разгерметизации никто из экипажа не пострадал бы.

Затем мой взгляд добрался до середины кратера, и я все понял.

Там что-то поблескивало. Маленькая штуковина, поблескивающая серебром, совершенно невинная на вид. Но из своей сердцевины она уже пустила тонкие серебристые усики, которые ощупывали корабельный корпус, прежде чем погрузиться в него.

Мне не надо было объяснять, что это такое. Своими глазами мне не доводилось наблюдать подобное, но я видел уйму передач с Йеллоустона.

Плавящая чума. Какая-то крохотная крупица попала на поверхность корабля, прочно обосновалась и начала расти. Такое могло случиться только в момент нашего отправления из колонии, сразу после вспышки болезни в царившем тогда

светопреставлении. Корабли сталкивались, спешно покидая переполненную стоянку; поселения на орбите Йеллоустона, теряя контроль, таранили друг друга. Нам казалось, что мы выбрались чистыми, но в какой-то момент прежде чем двигатели развили достаточную скорость, чтобы оторваться от планеты, один кусочек добрался до «Форментеры леди».

Если его оставить в покое, он превратит всю массу корабля в нечто неописуемое. Мы это знали, поскольку уже приняли сообщения о том, что произошло с другим субсветовым транспортом. И пострадал бы не только корабль. Чума не делает различий между машинами и людьми, она ко всему относится с безупречной непредвзятостью – любое зерно годится для жерновов ее мельницы. Уязвимы мы все – от меня с моей насыщенной наномедами кровью и до капитана Луарки с ее пластмассовой маской и металлическими пальцами.

К счастью для нас, Бранко успел найти пораженное место. Я понял это с первого взгляда. Бранко просверлил отверстия и установил датчики по периметру воронки. Справиться с чумой сразу не удалось бы. Видимо, он собирался обозначить периметр, измерить скорость, с которой болезнь разъедала корабль, а потом вернуться за высокоэнергетическим оружием и нужными инструментами.

На обратном пути его нашел осколок.

«Форментера леди», конечно, уцелела. Как только скафандр показал мне угрозу, он прекратил борьбу. Я возобновил подъем и был уже на полпути к шлюзу, когда восстановилась связь. Докладывая о находке капитану, я очень осторожно подбирал слова.

Позже, когда инфекцию ликвидировали и убедились, что на корме нет других мест заражения спорами, капитан отвела меня в сторону.

– Рауль, ты сказал «мы».

– Да?

– Когда вызвал корабль. Ты сказал: «Мы что-то обнаружили». Словно вас там было двое.

– К зараженному месту меня привел Бранко, – ответил я.

Я ждал, что она переспросит, потребует объяснить, но вместо этого пластиковая маска понимающе кивнула, словно я сказал достаточно.

– Модуль воли, – только и произнесла Луарка.

Тогда я ее не понял и не понимаю сейчас. Блок должен был хранить в себе модель поведения Бранко, ее прогностическую симуляцию, способную предсказать любое следующее движение.

Что-то вроде бета-уровня, но в самом грубом приближении. Модуль не мог самостоятельно воссоздать личность Бранко с такой степенью детализации, чтобы узнать, что у того осталось недоделанное дело, задача, от которой зависит жизнь корабля.

Или мог?

– Он сопротивлялся мне, – сказал я, перебирая в памяти случившееся, – а теперь не сопротивляется. Я еще раз побывал снаружи и почувствовал, что скафандром пользоваться все легче. Ждать осталось недолго. Он быстро учится.

Не было нужды добавлять, что сам факт использования мною скафандра стирает все следы Бранко, если они остались в модуле воли.

– Он хорошо нам служил, – сказала капитан Луарка. – До самого конца. Мы не забудем его.

– А как же скафандр?

– Скафандр – это корабль, – тихо ответила она, словно разговаривая сама с собой. – Только и всего.

Наверное, она была права. Но позже, когда я стал увереннее держать кисточку, я нарисовал миниатюру – последнее доброе дело, сделанное Бранко для «Форментеры леди»: он стоит на корпусе корабля, глядя в воронку, где обосновалась спора. Картинка не дотягивает до уровня рисунков Бранко, но хочется думать, что он бы меня простил.

Сон в растяженном времени [11]

Космовики утверждают, что самое худшее в межзвездном полете – оживление. Думаю, это правда. Пока машины согревают твое тело и выявляют клеточные повреждения, тебе даруют сны. Ты плаваешь в искусственно генерированных фантазиях, не испытывая ни страха, ни тревоги из-за отрыва от физической оболочки.

Во сне меня сопровождало имаго – кибернетический образ Кати, моей жены. Мы находились в сконструированном компьютером сознании. Я был насекомым, и шесть моих ног доставили меня в обширную, наполненную деловой суетой камеру. Прямо передо мной четыре рабочих муравья застыли в напряженных механических позах. Изучая фасеточными глазами новых сотоварищей, я заметил, как ближайший откладывает из своего брюшка перламутровые яйца. Незнакомое прежде ощущение подсказало, что сам я тоже наполнен уже созревшими яйцами.

– Мы все равно что боги среди них, – сказал я имаго моей жены.

– Мы myrmecia gulosa, – прозвучал у меня в голове ее шепот. – Муравьи-бульдоги. Видишь королеву и ее крылатых самцов?

– Да.

– А похожие на червяков существа в углу – это королевские личинки. Рабочий муравей собирается их кормить.

– Чем кормить?

– Яйцами, мой дорогой.

Я завертел глянцевой головой с огромными мандибулами:

– И я тоже должен?

– А как же! Долг рабочего муравья прислуживать королеве. Разумеется… ты можешь покинуть эту среду, если пожелаешь. Но тебе еще три часа оставаться в криосне.

– Три часа… все равно что три столетия, – сказал я. – Раз так, давай сменим это на что-нибудь не настолько чуждое.

Имаго моей жены рассеяло этот сценарий – целую Вселенную. Я плавал в белом небытии, ожидая свежих чувственных раздражителей. Вскоре осознал, что мои восемь рук, усеянных присосками, оглаживают сверкающий пунцовый коралл. Осьминог.

Кате нравилось меня разыгрывать.

Сновидения постепенно угасли, и я внезапно ощутил собственное тело, холодное и оцепеневшее, но определенно

связанное с моим сознанием.

Я не сдержал долгий примитивный вопль, а затем открыл глаза. Это были глаза Юрия Андрея Сагдева, некогда работавшего инженером главного мозга в Институте Силвеста, но внезапно оказавшегося в странной роли корабельного эвристического ресурса, члена экипажа.

При других обстоятельствах я не выбрал бы для себя эту роль. Я оказался один, в кромешной тишине. Пять моих товарищей по-прежнему спали холодным сном в соседних капсулах, оживили только меня одного. Должно быть, что-то пошло не так. Но я не стал расспрашивать Катю, решив оставаться в неведении, пока она сама не объяснит мне ситуацию.

Я выбрался из открытой капсулы и нетвердой походкой побрел к выходу из зала.

Прошло несколько минут, прежде чем я отважился на нечто более дерзкое. Доковылял до ближайшего медицинского отсека и занялся упражнениями на гальваническом активаторе, давая мускулам нагрузки за пределами мнимого истощения. Затем принял душ и натянул комбинезон, посчитав за лучшее надеть под него термозащиту. Позавтракал жареной ветчиной, ломтиками сыра эдам и чесночными круассанами, запивая их охлажденным соком маракуйи и чаем с лимоном.

Почему я не взял на себя труд выяснить, в чем наши сложности? Уже сам факт моего оживления говорил о том, что это не может быть чем-то безотлагательно срочным. Какая бы неприятная ситуация ни возникла на корабле при почти световой скорости, если она не уничтожила его мгновенно – вероятнее всего, во вспышке редких бозонов, – то сохранится на столь длительный промежуток времени, что у сверхразума команды и главного мозга будут в запасе дни или даже недели, чтобы выработать решение.

Я понимал, что мы еще не прилетели, а следовательно, есть какая-то проблема. Но было так хорошо просто сидеть на кухне, слушать обволакивающую сознание музыку Ределиуса и упиваться состоянием, которое называют жизнью. Просто впускать воздух в легкие.

Я слишком долго был мертв или близок к смерти.

– Хочешь еще, Юрий? – спросило имаго моей жены.

Я был один, если не считать сервитора – дрона гантелеобразной формы, бесшумно парящего над металлическим полом в энергетическом левитационном поле. Выдвинув манипулятор из матово-золотистой поверхности верхнего сфероида, он протянул мне кружку со светлым соком.

Хорошо отработанной невербальной командой я активировал

свою энтоптическую систему. Имплантат обеспечил все необходимые импульсы для формирования имаго, имитации Кати, извлеченной из главного мозга корабля. Яркие квадраты и круги ворвались в зрительное поле, а затем смешались и уплотнились в форму моей жены, застывшую и безжизненную, но явно вещественную. Знаки копирайта компании-разработчика имплантатов вспыхнули на мгновение и тотчас погасли. Я наложил энтоптический призрак поверх скучной формы сервитора, чьи компактные размеры легко помещались внутри пространства, занимаемого женским телом. Серебристые волосы свободно ниспадали, обрисовывая ее узкое бледное лицо, черные кукольные губы были поджаты, а глаза смотрели куда-то сквозь меня. Сцепленные пальцы рук проявились из длинного алого платья с капюшоном, украшенного на плечах эмблемой миксмастеров: две руки, играющие в «кошкину колыбель» с нитью ДНК. Моя жена всегда оставалась генетиком до мозга костей. На Йеллоустоне, где символом веры была кибернетика, это превратило ее фактически в изгоя.

Когда сгенерированная главным мозгом программа стабилизировалась, моя жена ожила, заулыбалась. Теперь кружку с соком держала в руках она.

– Мне было скучно в архиве, дорогой.

– Я чувствую себя неловко, – признался я. – Кате, настоящей Кате, сама эта идея насчет тебя была противна. Иллюзия особенно ее угнетала.

– Меня она не угнетает, – сказала Катя.

– А должна бы, – ответил я. – Разве ты не та же самая личность?

Она улыбнулась так, словно это риторический вопрос. Той же приводящей в бешенство улыбкой, что и у оригинала.

– Понятно, – неуверенно проговорил я.

Имаго было создано против воли моей настоящей жены. Когда нас поразила плавящая чума, у меня появился шанс сбежать на этом корабле. Катя не могла стать членом экипажа, поэтому я тайно оцифровал ее личность. Всю сложную работу проделал имплантат. Сотрудники Института составили карту поведения Кати, изучая ее через мои каналы ощущений все то время, что мы проводили вместе. Моделирование продвигалось медленно, ограниченное объемом памяти имплантата. Но я каждый день закачивал новые данные в главный мозг Института, занимаясь этими операциями недели напролет. Несомненно, Катя начала что-то подозревать, но она ни разу не заговорила об этом.

Выполнив свою подпольную работу, я загрузил копию личности жены в мозг корабля. Разумеется, там недоставало ее

воспоминаний, но я пошел на риск и большие затраты, заменив их собственными, полученными путем траления памяти и преобразованными с помощью программы гендерной инверсии. Личность Кати бывала доминирующей лишь тогда, когда я устанавливал контакт с кораблем. Но в глубине души я не сомневался, что другие члены экипажа тоже подготовили себе фиктивных спутников. Обращаясь к кораблю, они разговаривали со своими возлюбленными или с какой-нибудь идеализированной фантазией.

Однако я старался не задумываться об этом.

Да, это обман. Но вся моя жизнь – обман, а имаго Кати – всего лишь самый последний ее аспект. И все же почему же она разбудила меня? Вернее, почему корабль решил разбудить именно меня, а не кого-то другого? Янош, Кай, Хильда, Юл и Карлос по-прежнему лежат в криосне, и незаметно, чтобы они собирались оттаивать.

Я решительно встал из-за стола:

– Спасибо, Катя. Пойду прогуляюсь, полюбуюсь видами.

– Мне нужно кое-что с тобой обсудить, – сказала Катя. – Но, думаю, это может немного подождать.

– Ах вот как, – усмехнулся я. – Решила держать меня в напряжении.

– Ничего похожего, мой дорогой. Тебе нравится музыка?

– Она чудесная, – ответил я и вышел из кухни.

Я оказался в шестиугольном коридоре, залитом тусклым охряным светом. Ределиус преследовал меня и здесь, журча из пьезоэлектрических стенных панелей. Гравитация, прижимавшая меня к полу, была вызвана тягой в одно *g*, а не центробежным ускорением системы жизнеобеспечения, иначе вертикальная и горизонтальная оси поменялись бы местами. Этот факт подтверждал, что мы еще не прилетели, не приблизились к скоплению «каруселей» и астероидов в догоняющей троянской точке Юпитера, именуемому Корабельной Гаванью. Мы по-прежнему шли на межзвездном двигателе, подбирались к субсветовому замедлению скорости или, наоборот, выскальзывали из него.

Корабль должен был находиться где-то между Эпсилоном Эридана и Солнечной системой.

Прогулка увела меня от ядра корабля к его оболочке, где мимо нас проносился горячий нейтронный дождь. Отсеки, по которым я проходил, становились темней и холодней, казались все менее знакомыми и все более механизированными. У меня появилось иррациональное ощущение, будто кто-то крадется за мной следом.

Мне никогда не нравились одиночество и темнота. Значит, я просто свалял дурака, приписывая это ощущение страху обернуться. И все же волосы на затылке встали дыбом, а на лбу выступил холодный пот.

Большая часть гексагонального коридора оставалась в тени, за исключением ничтожного пятнышка света, сопровождавшего меня, словно гало. Тем не менее я все-таки различил что-то темное, видневшееся далеко впереди, там, где сходились стены коридора.

Я был не один.

Какая-то темная фигура, чей-то силуэт наблюдал за мной. И это, конечно же, было не имаго Кати.

Вмиг меня охватил ужас.

– Катя, – прохрипел я. – Пожалуйста, полное освещение.

Ярко вспыхнул актинический свет, и я зажмурился. Красные фантомы на сетчатке постепенно угасли, и через секунду-другую я открыл глаза. Наблюдатель исчез.

Я медленно выпустил воздух из легких. Было бы благоразумно не строить поспешных выводов. Вовсе не обязательно думать, что мне не померещилось. В конце концов, я только что вышел из криосна, проведя несколько лет в замороженном состоянии. Я и должен быть немного нервным, открытым для подсознательного внушения.

Конечно же, кроме меня, здесь никого нет. Дрожащим голосом я пообещал себе немедленно выбросить из головы случившееся.

Десять минут спустя я добрался до внешнего корпуса и оказался в открытом космосе, точнее говоря, увидел его глазами дрона, закрепленного на паучьих лапах снаружи. Головка камеры уставилась на меня через иллюминатор. Выглядел я бледным и напряженным, но в помещении не было никого, кто мог бы составить мне компанию.

Я отвернулся от иллюминатора к носу корабля. «Неистовая Паллада» была субсветовым таранным лайнером, предназначенным для пассажирских перевозок. Поэтому большую часть того, что я видел, составляла очень мощная нейтронная защита. Для бозонного двигателя необходимы были фотоны. Гамма-лазер прочесывал пространство впереди и разделял ядра дейтерия на протоны и нейтроны. Наш гауссов ковш отсеивал протоны и собирал их в сердце корабля. Смертоносный дождь нейтральных барионов перенаправлялся в обход корпуса, минуя системы жизнеобеспечения и ее хрупкого груза – спящих в криосне. Дрон фиксировал этот поток и передавал мне в образе вихрящейся розовой ауры, словно мы погружались в глотку самой

Вселенной.

Сзади все затмевала выхлопная струя. Гамма-щиты горели синим огнем излучения Черенкова. Урожай протонов внутри корабля задерживался лишь на чрезвычайно короткое время. Магнитные поля собирали их в луч, проходивший через клубящееся облако тяжелых монополей. Релятивистские протоны замедлялись и направлялись в магнитные узлы. Каждый монополь имел оболочку из бозонов, которая провоцировала распад протонов. Таков был источник энергии корабля таранного типа.

Я изучил всю техническую документацию, прежде чем подписать соглашение о партнерстве в сверхразуме – человеко-кибернетическом управляющем органе корабля. «Изучил» в данном случае означает, что в меня эйдетически загрузили документы, подготовленные «Макро» – владельцем корабля. Они вошли в мою память на почти интуитивном уровне, но, разумеется, были запрограммированы так, чтобы подробности забылись, как только срок действия контракта истечет. Мне сообщили все, что необходимо знать, и даже сверх того. Мы везли девятьсот замороженных пассажиров, а команда состояла из шести человек, каждый из которых был экспертом в одной или нескольких областях теории межзвездного полета. Я специализировался на подсистемах ковша – гауссовом коллиматоре и абляционном щите, а также на корабельной медицинской аппаратуре. Компьютер, носивший маску Кати, тоже обладал знаниями во всех этих областях, но ему не хватало, как объяснили кибернетики, присущего человеку эвристического типа мышления. Поэтому члены экипажа исполняли роль эвристического ресурса – периферийных устройств, окружающих жесткое ядро машинного сознания.

Таким образом, члены экипажа пребывали на более низком уровне криосна: чуть теплей, чуть ближе к той лавине клеточной смерти, которая и есть жизнь. Компьютер мог опросить нас и без лишних хлопот с полным оживлением. В результате наши сны захлестнуло бы технологическое цунами фактов и цифр.

Я изменил телеметрию дрона так, чтобы нейтронный ветер стал незримым. Глядя сквозь него, я совершенно не видел звезд. Эйнштейновское искажение размазывало их, скрывая за расширяющимися носом и кормой корабля. Мы все еще ускорялись, приближаясь к скорости света.

– Итак? – спросил я, спустя немалое время.

– Как тебе должно быть известно, мы еще не достигли срединной точки полета. Фактически мы прилетим на место не раньше чем через три года по корабельному времени.

– Это техническая проблема?

– Не совсем. Боюсь, что скорее медицинская, поэтому мне и пришлось пробудить тебя от криосна между системами. Тебе понравились виды, мой дорогой?

– Смеешься? Ни единой звезды в целой Вселенной! Самое мрачное зрелище из всех, что я могу припомнить.

Я вернулся в отсек, где находились криокапсулы для шести членов экипажа. Кибернетический призрак Кати стоял рядом со мной, и Моцарт согревал наши души. В радостных аккордах Моцарта тонули все слабые отдаленные звуки работающего корабля, но очевидная необходимость этого глушения чрезвычайно раздражала меня. Обычно я не был склонен к нервозности.

– Янош болен, – объявила Катя. – Должно быть, заразился плавящей чумой еще на Йеллоустоне. Если сейчас же не примем меры, он не доживет до конца полета. Ему нужна операция.

Я пожал плечами:

– Болен? Это очень плохо. Но УПД[12] в подобных случаях предельно ясен. Заморозить его еще сильней и держать в состоянии стазиса.

Я склонился над гладким боком капсулы, изучая биомедицинский дисплей под краем крышки. Капсула напоминала гигантскую хромированную куколку или серебристую рыбку, от головы которой отходила свернувшаяся кольцами пуповина. Внутри шестиугольного рифленого короба лежал Янош. Его неподвижный силуэт был едва различим под заиндевевшей крышкой.

– В обычных условиях это было бы самое разумное решение, – сказала Катя. – Возможности земной медицины определенно превосходят наши. Но в данном случае мы должны пренебречь правилами. Янош не выживет даже на экстренном уровне криосна. Ты знаешь, что такое плавящая чума.

Еще бы мне не знать. Нам всем она была слишком хорошо известна, потому что именно она парализовала Йеллоустон. Плавящая чума представляла собой биокибернетический вирус, с которым никому прежде не приходилось сталкиваться. Она раскрошила высокоразвитое кибернетическое общество Йеллоустона в порошок на наномолекулярном уровне, на уровне компьютеров и имплантатов. Из-за плавящей чумы наши наномеды стали враждебны нам.

Пока Катя объясняла, я быстрым шагом прошел по темным коридорам на кухню и приготовил себе роллы из салями.

Все члены экипажа имели такие имплантаты. Через эти информационные окна мы были связаны с механизмами капсул и

главным мозгом корабля все то время, пока наш таранный лайнер летел от звезды к звезде. Вирус поразил внутреннюю структуру имплантата Яноша, разорвал ее на части и преобразовал по своему подобию. От одного имплантатного узла паутина расползлась по его мозгу, явно стараясь связать воедино все пораженные участки.

– Эксперты на Йеллоустоне уже выяснили, что холод не может в должной мере сдержать распространение вируса – во всяком случае, такой холод, после которого человека можно оживить. Поэтому мы должны начать операцию как можно скорее, пока вирус не успел закрепиться. Боюсь, что наши обычные медицинские программы не справятся с работой. Мы не можем использовать против вируса наномеды, он просто обратит на свою сторону все, что мы бросим против него.

Я жадно проглотил рулет и смахнул крошки с заросшего щетиной подбородка.

– Я не специалист по нейрохирургии. Эти навыки не передаются эйдетически. Но если жизнь Яноша под угрозой…

– Мы обязаны что-то сделать. Как ты себя чувствуешь?

– Немного напряжен, но ничего серьезного. – Я выдавил из себя крайне напряженную улыбку. – Должен признать, что поначалу я слегка перенервничал. От этих муравьев меня до сих пор передергивает.

Катя ненадолго замолчала.

– Это нормально, – сказала она наконец. – Тебе нужно хорошенько отдохнуть. А потом мы осмотрим хирургические инструменты.

Я отправился на пробежку, следуя по запутанному, извилистому маршруту через систему жизнеобеспечения и ощущая на себе мегатонную массу колеса нашего корабля. Я не стал жалеть себя – сознательно выбирал самые темные и мрачные места, какие только смог вспомнить. Отказался от Моцарта и от компании Кати, отключив генератор имаго.

Мои мысли вернулись к привидевшейся фигуре. Какое объяснение промелькнуло в уме за те несколько секунд, когда я допустил, что эта фигура существует вне моего воображения? Возможно, один из спящих случайно разморозился и растерянно бродил по кораблю. Тогда этот предполагаемый бродяга был не меньше меня удивлен нашей встрече. Следовательно, он должен теперь где-то прятаться.

Разумеется, на самом деле фигура была просто галлюцинацией. Вовсе не обязательно пускать слюни изо рта, чтобы увидеть галлюцинацию, даже сохранив в значительной мере умственные способности, можно с легкостью признать

пережитый опыт абсолютно реальным. Прошло уже несколько часов без каких-либо новых происшествий, и я всей душой стремился забыть о случившемся.

Я продолжал бег, шлепая подошвами по палубе. Приближалась нижняя точка моего маршрута – в той части корабля, которую я прежде старательно обходил. Круглые, как тележное колесо, люки шлюза ощутили мое приближение и раскрылись асинхронно, почувствовав приближение шагов, и я с пыхтением проскочил через тамбур в огромное помещение, где спали девятьсот пассажиров.

Оно имело тороидальную форму токомака. Девятьсот капсул глубокой заморозки выстроились вдоль наружной и внутренней стен, разделенные лестницами и мостиками. Я решил обежать зал по кругу, чтобы очистить наконец свои мысли от бродячих призраков. Разве не так я всегда поступал в детстве – поворачивался лицом к собственным страхам? Подозреваю, что мальчишка во мне был весьма озадачен моим решением. Тем не менее я заставил себя сделать этот нелепый круг, убежденный в том, что только так смогу успокоиться.

Большая часть спящих останется на борту, когда мы прилетим в Солнечную систему. Все они беженцы от плавящей чумы, ищущие спасения в будущем. При субсветовой скорости, которую корабль развивал в межзвездном пространстве, растяжение времени достигает весьма значительной величины. Шестеренки наших корабельных часов будут крутиться со скоростью ползущей улитки. За тридцать-сорок лет по корабельному времени и шесть-семь прыжков между звездными системами на Йеллоустоне пройдет никак не меньше века – вполне достаточно, чтобы экоинженеры изгнали плавящую чуму из биосферы. Спящие, которых мы перевозим, не рискнули провести все это время в планетарном сообществе криогробниц – сон в растяженном времени продлился значительно меньше, и поэтому их шансы на благополучное оживление несоизмеримо возросли.

Бежал я довольно медленно и без труда различал имена на светящихся табличках. Мужчины, женщины, дети… Богачи моего мира, способные заплатить непомерную цену за путешествие в светлое будущее. Я подумал о бедняках, которые не могли позволить себе даже место в криокапсуле. Подумал о людях, ожидавших в длинных очередях приема хирурга, о таких людях, как Катя, стремившаяся избавиться от имплантатов, прежде чем болезнь доберется до нее. Они готовы были заплатить чем угодно: органами, протезами, памятью. А если не желали платить, то у них был шанс попасть в экипаж корабля. Мои соотечественники

были вполне подходящим материалом для этого. Чтобы согласиться на прямое соединение с главным мозгом, требовалась немалая доля отчаянного безумства. Цена такой сделки была очень высока хотя бы потому, что в состоянии неглубокого криосна человек продолжал стареть.

Это была не та сделка, на которую могла пойти Катя. А я понимал, что не переживу потерю моих имплантатов. Вот как затронула нас плавящая чума.

Я почувствовал душевную горечь, и она была желанна. Меня радовало, что привычное беспокойство отравило мои мысли. Я бросил презрительный взгляд через плечо на изогнутые ряды криокапсул, мимо которых уже пробежал.

За мной кто-то следовал.

Тень двигалась по дорожке в четверти внешней окружности зала от меня. Я не мог разглядеть ее – просто черное пятно вдалеке, напоминающее человеческую фигуру.

Я увеличил скорость. Только мои шаги глухо отдавались в тишине. Однако преследователь тоже побежал быстрей. От страха мне стало дурно. Я вызвал Катю и сообщил о происходящем, но не уловил ни ответной фразы, ни команды – вообще ничего. Безликий силуэт, похоже, сокращал дистанцию.

«Безликий» – это самое точное слово. У него не было определенных черт, никаких особенностей.

Наконец я добрался до выхода. Цепочка шлюзов отсекла меня от зала. Я не сбавил темпа даже после того, как понял, что двери за моей спиной не открываются вновь. Человек-тень остался со спящими.

Однако я увидел достаточно. Это был не человек. Просто пустота в форме человека, призрак.

Я выбрал кратчайшую дорогу на командную палубу «Неистовой Паллады». И немедленно велел Кате начать тщательный поиск постороннего, хотя, конечно же, знал, что ни один чужак не мог ускользнуть от ее внимания. Моя Катя была всеведущей. Она бы в точности определила местонахождение каждой крысы, каждой мухи на нашем корабле, если бы только крысы и мухи здесь водились.

Я знал, что человек-тень не может быть спящим, которого каким-то образом оживили. Ни одна капсула не пустовала, ни одна крышка не была откинута. Вариант с безбилетным пассажиром даже не рассматривался – чем бы он мог питаться, если не припасами, которые распределял компьютер?

Мои мысли обратились к нелогичным объяснениям. Не может ли быть так, что кто-то пробрался на корабль во время полета, замаскированный, как хамелеон? Этот предполагаемый чужак

каким-то образом должен оставаться невидимым для Кати. Совершенно невозможно, даже если не учитывать крайне малую вероятность незаметного сближения с нами в космосе.

Я закусил губу, прекрасно понимая, что каждое мгновение моей нерешительности работает против Яноша. Ради моей безопасности Катя предоставит мне доступ к оружию, если существование чужака будет доказано. С другой стороны, лучший способ устранить проблему – это самому устраниться от нее. Я мог бы прооперировать Яноша, не забредая в те части корабля, которые чужак, очевидно, считает своими владениями. Через день-другой это испытание закончится, и я смогу вернуться в криосон. Самыми безликими нечеловеческими существами, с какими мне придется столкнуться после следующего оживления, будут таможенники Солнечной Оси. Пусть они и беспокоятся из-за невидимого лишнего пассажира. Разве тень мешала мне спать до сих пор?

Я коротко рассмеялся, хотя прозвучало это скорее как предсмертный хрип. Испуг не прошел, но по крайней мере мои пальцы перестали исполнять арпеджио на невидимом пианино.

Я углубился в техническую эйдетику, описывающую в общих чертах медицинские приборы, которые нам с Катей предстояло использовать. Эти сверкающие полуавтоматы были высшим достижением йеллоустонской хирургии. И все же по земным меркам они, несомненно, были примитивными. Эта двойственность терзала меня. Пусть даже Яношу неизбежно станет хуже к моменту нашего прибытия, можем ли мы быть уверены, что сами не уменьшаем его шансы устаревшим медицинским вмешательством? В Солнечной системе наука могла умчаться так далеко за пределы наших возможностей, что равновесие сместилось бы совсем не в нашу пользу.

Но ведь Катя тщательно все взвесила, прежде чем выбрать целесообразное решение. Пожалуй, лучше заглушить все сомнения и просто исполнить то, что от меня требуется.

Дроны помогли мне перенести медицинское оборудование в отсек с капсулами, где пятеро моих коллег лежали в криосне. Я надел маску и комбинезон с перчатками, прошитый обогревающей сеткой. Катя должна была сначала понизить температуру в отсеке, а потом чуть разморозить Яноша.

– Ты готов, Юрий? – спросила она. – Тогда приступаем.

Мы начали операцию, но мои глаза то и дело перескакивали на открытую капсулу, куда мне предстояло вскоре вернуться. В отсеке быстро холодало, на потолке ледяным голубым огнем горели лампы.

Капсула щелкнула и открылась, обдав меня морозным

воздухом. Я посмотрел на Яноша, неподвижного, белого, какого-то отчужденного. «Пусть эта отчужденность сохранится и дальше! – взмолился я. – Все-таки мы собираемся вскрыть ему череп».

Точнее говоря, Катя уже проделала ряд подготовительных процедур. Оголила череп, оттянула назад кожу, теперь словно обрамляющую белый пестик цветка с мясистыми лепестками. Ввела в просверленные отверстия тонкие зонды, за которыми к матрице входных точек на куполе капсулы тянулись сияющие разноцветные провода. Она работала с безупречной, до доли ангстрема, точностью автомата. Я понимал предназначение этих проводов: они подменяли кибернетические имплантаты мозга Яноша, павшие жертвой плавящей чумы.

– Когда расчистишь верхнюю часть черепа, нужно будет подсоединить провода, – сказала Катя. – Крайне важно не потерять киберсвязь с Яношем.

Я подготовил к работе механическую пилу по кости.

– Зачем? Какая от него может быть помощь?

– Есть серьезные причины. Если тебе все еще будет интересно, мы обсудим это после операции.

Пила зажужжала, вращающийся наконечник злобно сверкнул. Направленное вниз лезвие плавно вгрызалось в бледную кость. Крови вытекло немного, но сам звук болезненно отозвался во мне. Катя искусно прорезала три круговые канавки и отвела пилу назад. Я глубоко вдохнул и опустил пальцы в перчатках на затылок Яноша. Кожа свободно повисла, как половинка шоколадного яйца. С влажным чавканьем отделился участок черепа, обнажив розоватую массу. Отделяя его, я особенно заботился о том, чтобы не нарушить целостность соединений. На какой-то миг я застыл в благоговейном изумлении перед фантастически сложным органом, несомненно самым непостижимым из всего, что мне приходилось видеть. И при этом умудрявшимся выглядеть таким обескураживающе невзрачным.

– Супруг мой, мы должны двигаться дальше, – предупредила Катя. – Я разогрела тело Яноша до опасно высокой температуры, хотя скорость метаболизма пока существенно не увеличилась. Нам нельзя терять ни минуты.

Я кивнул, чувствуя, как лоб покрывается каплями пота. Глубже, глубже. Катя заменила лезвие и включила микролазеры.

Мы оперировали под музыку Сибелиуса.

Это была увлекательная и тошнотворная работа.

Мне удалось в какой-то степени абстрагироваться, и теперь я воспринимал разделенную мозговую ткань как мертвую, но в каком-то смысле священную плоть. Микроимлантаты извлекались

один за другим – слишком маленькие, чтобы различить их детали невооруженным взглядом, колючие кусочки металла. Заметная только под микроскопом коррозия была главным наружным свидетельством кибервируса. Я рассматривал их с отстраненной брезгливостью. Вирус вел себя точно так же, как его биологическая тезка: вцеплялся в оболочку наномеда и посылал разрушительные команды в репродуктивное ядро.

Три часа спустя мою спину обожгло болью. Я отодвинулся от капсулы и провел рукавом по холодному лбу. Перед глазами все плыло, отсек полнился сгустками влажной темноты. На мгновение я потерял ориентацию, перепутав лево и право. Головокружение нахлынуло внезапной волной, и я прислонился к стенке капсулы.

– Осталось немного, – сказала Катя. – Как себя чувствуешь?

– В полном порядке. А ты?

– Я… тоже в порядке. Операция проходит успешно. – Катя умолкла, а затем ее голос зазвучал снова, с железной решимостью и деловитой отстраненностью: – Следующий имплантат самый глубокий. Он между затылочной долей и мозжечком. Нужно действовать очень осторожно, чтобы не повредить зрительный центр. Это основной узел передачи энтоптики.

– Тогда идем глубже.

Механизмы послушно проскользнули в нужную точку. Усыпанный ресничками датчиков зонд проходил через ткань, как шланг кондитерского шприца сквозь желе. Несмотря на холод, моя шея горела – ледяной пот щипал кожу. Прошел еще час, но время больше не имело особого значения.

И вдруг я замер, почуяв, что в отсеке есть кто-то еще.

Я невольно обернулся. Наблюдатель стоял за моей спиной.

Мне сразу стало понятно, что это не человек. Но все же у него был человеческий вид, мое телосложение и моя осанка.

Словно некий скульптор отобрал десять тысяч кубиков цвета воронова крыла, таких черных, что видны были лишь их очертания, и сконструировал из них статую. По сути, наблюдатель и был всего лишь массой черных кубиков.

Когда я обернулся, он качнулся в мою сторону. Ни один из составлявших его кубиков на самом деле не сдвинулся с места, они просто исчезли и тут же появились вновь управляемой волной, слой за слоем формируясь в разреженном воздухе. Они выпрыгивали из реальности и снова возникали в новом положении. Мне показалось, что в этом движении была некая притягательная оцифрованная красота. Оно напоминало мозаичные узоры, что проносятся по стадиону, заполненному школьниками, которые держат в руках цветные картонки,

составляя из них какой-нибудь огромный лозунг или эмблему.

Я поднял левую руку и увидел, как тень подняла свою. Мы не были отражениями друг друга. Мы оба были призраками.

Мой ужас достиг предела и испарился. Я осознал, что наблюдатель абсолютно лишен личных целей, что его просто неудержимо притягивает ко мне, как сжимающуюся полуденную тень.

– Продолжай операцию, – настаивала Катя.

Я отметил неуверенность в ее голосе, полностью соответствующую истинной личности моей жены. Она любила разыгрывать меня, моя Катя, но не умела убедительно лгать.

– Не повредить зрительный центр, говоришь?

– Да, мы должны избежать этого.

Я поморщился. Но мне необходимо было убедиться.

Я подцепил один из отсоединенных нанозондов. В реальности дроны повторили мои действия, подняв двойник нанозонда… А затем я с безрассудной лихостью воткнул его в голову Яноша, в затылочную долю мозга.

Эта реальность расплылась и разлетелась на куски, словно упавший в воду камень привел в беспорядок отражение на кристальной глади озера.

Теперь я все понял.

Мое зрение медленно очищалось, полосами возвращаясь к нормальному. Катя пыталась исправить повреждения в моем зрительном центре, посылая искаженные сигналы через оптические устройства ввода. Я понял, что больше не управляю хирургическими инструментами.

– Это я пациент, а не Янош, – сказал я. – Хирург, которому самому необходима операция. Какая ирония!

– Лучше бы ты этого не знал, – сказала Катя и вдруг тоже замерцала, черты ее исказились, а голос на мгновение стал глухим и невнятным: – Скоро я выйду из строя… времени осталось совсем мало.

– А наблюдатель?

– Симптом, – печально ответила она. – Симптом моей болезни. Ложное отображение твоего тела в симуляции.

– Ты сама симуляция! – взревел я. – Я понимаю, что твой образ поврежден… Но ты сама по себе не существуешь в моей голове. Ты программа, управляемая главным мозгом.

– Да, мой дорогой. Но плавящая чума добралась и до главного мозга. – Она умолкла на мгновение, а затем ее голос, без всякого предупреждения, стал механически-безжизненным и безразличным. – Большая часть компьютера заражена вирусом. Чтобы сохранить эту симуляцию, пришлось

пожертвовать функциями третьего уровня важности. В любом случае главная цель заключается в том, чтобы не дать тебе умереть. Операция должна быть завершена. Чтобы сохранить целостность симуляции, сопровождающий элемент под кодовым именем КАТЯ необходимо удалить из главной памяти. Теперь это действие выполнено.

Она застыла, и ее последнее мгновение запечатлелось в моем имплантате, засело в моих глазах, как пятно на сетчатке после ослепления солнцем. А потом остались только я и компьютер, не считая постоянного присутствия наблюдателя.

Что мне оставалось, кроме как продолжить операцию? Теперь у меня были причины сделать это. Мне хотелось выбросить из головы застывший призрак Кати. Она и была самым главным повреждением.

В итоге я выжил.

Для нас прошло много лет. Плавящая чума так повредила наш компьютер, что мы не сумели замедлить ход, когда добрались до Солнечной системы. И решили направиться к 61 Лебедя А, на орбите которой находилась наша колония Окраина Неба. Поэтому наши спящие в растяженном времени оказались дальше от дома, чем они ожидали, как во времени, так и в пространстве. В глубине души мы посчитали это справедливым – мы, пожертвовавшие частью собственной жизни, чтобы обеспечить их путешествие во сне. Но все же они потеряли не так уж много, и думаю, я бы сам не отказался стать одним из них, если бы обладал их возможностями. Что же касается Кати…

Симуляцию не удалось восстановить в полной мере.

Память корабля, в которой она находилась, пала жертвой плавящей чумы, и большая часть данных была непоправимо испорчена. Когда я попытался восстановить ее, то получил лишь грубую карикатуру, напрочь лишенную прежней непосредственности, такую же безжизненную и беспощадно предсказуемую, как машина Бэббиджа. В порыве угрызений совести я уничтожил имаго. И это даже к лучшему, что я не мог теперь ее видеть, потому что даже эта внешняя оболочка была запрограммирована так, что могла выказывать страх, и она умоляла меня о пощаде, когда догадалась о моих намерениях.

Это случилось много лет назад. Я пытаюсь убедить себя, что она не была живой. По крайней мере, кибертехники хотят, чтобы мы в это верили.

Последний информационный импульс с Йеллоустона сообщил, что подлинная Катя до сих пор жива, хотя теперь она, конечно же, намного старше той, которую я знал. Она вышла замуж второй раз. Должно быть, времена нашей совместной

жизни кажутся ей чем-то древним и хрупким, как семейная реликвия. Но она еще не знает, что я тоже выжил. Я отослал ей сообщение, но сигнал дойдет до Эпсилона Эридана через десять лет. А потом я буду еще дольше ждать ее ответа.

Возможно, она захочет ответить при личной встрече. И для нас это будет единственная возможность увидеться, потому что я…

Я ни за что больше не полечу. Ни за что не соглашусь спать десятилетиями.

Алмазные псы [13]

Глава 1

Я встретил Чайлда у Монумента Восьмидесяти.

Это был один из тех дней, когда я в полном одиночестве мог бродить от прохода к проходу, не сталкиваясь с другими посетителями; только мои шаги нарушали погребальную тишину и спокойствие.

Меня привело туда желание навестить родителей. Их надгробие выглядело скромно: гладкая обсидиановая плита в форме конуса-метронома без всяких украшений, кроме двух овальных портретов – слева и справа. Единственной подвижной частью была черная стрелка, прикрепленная к основанию конуса и ходившая туда-сюда с величавой неспешностью. Механизм, спрятанный внутри метронома, обеспечивал непрерывное движение, отсчет дней, перетекавших в годы. Рано или поздно ход стрелки станет уже невозможно отследить невооруженным глазом.

Я следил взглядом за стрелкой, и тут раздался голос:

– Снова пришел к мертвецам, Ричард?

– Кто здесь? – Я резко обернулся. Голос казался смутно знакомым, но сразу его опознать я не сумел.

– Очередной призрак.

Этот уверенный, искушающий мужской голос мгновенно заставил заподозрить неладное – похищение, попытка убийства, тысяча возможностей. Впрочем, я быстро спохватился: к чему льстить себе? кому я нужен?

Из-за надгробий в двух рядах от метронома появилась человеческая фигура.

– Господи, – произнес я.

– Что, узнал?

Он улыбнулся, подходя ближе, такой же высокий и внушительный, каким я его помнил. С нашей последней встречи он избавился от бесовских рожек – подумаешь, биоинженерная финтифлюшка, – однако в его облике все еще ощущалось нечто сатанинское, быть может благодаря короткой, чуть заостренной книзу козлиной бородке, которую он успел отрастить.

Под его ногами клубилась пыль, и стало ясно, что он не симулякр и пришел вживую.

– Думал, ты мертв, Роланд.

– Ничего подобного, Ричард. – Он подступил вплотную, и мы обменялись рукопожатием. – Но было крайне важно, чтобы все поверили в мою смерть.

– Почему? – спросил я.

– Длинная история.

– Тогда начни с самого начала. Как-то не в твоем стиле, по-моему.

Роланд Чайлд положил ладонь на верхнюю грань надгробия моих родителей.

– Это лучшее, что я мог сделать. Другие варианты были еще помпезнее и гнуснее.

– Не меняй тему, Роланд. Что с тобой стряслось?

Он убрал ладонь, на камне остался влажный отпечаток.

– Я разыграл собственную смерть. Монумент Восьмидесяти – отличная маскировка. А с учетом того, сколь невообразимыми оказались последствия, и подавно. Сам я не смог бы все так ловко обстряпать, сколько бы ни пыжился.

Точнее не скажешь, подумалось мне. Последствия и вправду вышли невообразимыми.

Более полутора столетий назад компания исследователей во главе с Кэлвином Силвестом возродила из небытия старую идею насчет копирования сути живого человека в симулякра – компьютерную имитацию человека. Эта процедура, которую только предстояло досконально разработать, подразумевала, увы, гибель носителя сознания. Но все равно нашлись добровольцы, и мои родители одними из первых вписались в проект Кэлвина. Они предложили ученым политическое покровительство, когда могущественное лобби миксмастеров выступило против проекта, и едва ли не первыми согласились на сканирование.

Менее четырнадцати месяцев спустя их симулякры разрушились – тоже среди первых.

Воссоздание не представлялось возможным. Эта участь постигла большинство из Восьмидесяти, сегодня оставалась в живых лишь горстка первопроходцев.

– Ты наверняка ненавидишь Кэлвина, – сказал Чайлд, и в его голос вновь проскользнула искушающая нотка.

– Ты удивишься, если я скажу, что нет?

– Тогда почему ты так яростно набросился на его семью после трагедии?

– Ну, справедливое воздаяние никто не отменял. – Я отвернулся и пошел прочь от надгробия, гадая, последует ли Чайлд за мной.

– Честно, – признал он. – Но тебе самому нехило прилетело, верно?

Я стиснул зубы, замер у надгробия, походившего на чрезвычайно реалистичную скульптуру; кажется, это был забальзамированный труп.

– Что ты имеешь в виду?

– Разумеется, экспедицию на Ресургем, которую, как выяснилось, финансировал Дом Силвестов. У тебя были все основания в ней участвовать. В конце концов, ты же Ричард Свифт! Ты посвятил жизнь изучению мышления инопланетян. На борту всяко должно было найтись место для тебя, ты и сам это прекрасно знаешь.

– Все не так просто. – Я двинулся дальше. – Свободных мест было мало, экспедиция нуждалась в практиках – биологах, геологах и прочих специалистах. Когда список участников был составлен, стало понятно, что теоретиков-фантазеров вроде меня туда не втиснуть.

– То есть то обстоятельство, что ты взбесил Дом Силвестов, никак не сказалось на выборе? Да брось, Ричард.

Мы спустились по лестнице на нижний уровень памятника. Здесь потолок представлял собой причудливое зрелище – над головой клубились тучей, как бы прорастая одна в другую, уродливые металлические птицы. Вот и другие посетители идут стайкой в сопровождении служителей и целого роя миниатюрных летающих камер. Чайлд легко просочился сквозь группу; его провожали недовольными взглядами, но узнать никто не узнал, хотя пара человек в группе лично мне была знакома.

– Что тебе от меня нужно? – спросил я, когда мы вышли наружу.

– Скажем так, я забочусь о старом друге. Я за тобой приглядывал, и дураку было понятно, что непопадание в экспедицию стало для тебя страшным разочарованием. Повторюсь, ты ведь жизнь положил на изучение инопланетян. Даже брак спустил в унитаз, поглощенный работой. Как, кстати, звали твою жену?

Воспоминания о своем браке я похоронил настолько глубоко, что понадобилось изрядно напрячься, чтобы хоть что-то вспомнить.

– По-моему, Селестина.

– Потом у тебя было несколько интрижек, но все не дольше десятилетия. А десятилетия в этом городе, Ричард, пролетают незаметно.

– Не лезь в мою личную жизнь, – угрюмо проворчал я. – Эй, а где мой волантор? Я же припарковался вот тут!

– Я его отослал. Поедем на моем.

На месте моего волантора стоял другой аппарат – крупнее, кроваво-красного оттенка, изысканно отделанный под погребальный катафалк. Чайлд махнул рукой, и дверцы открылись, обнажив интерьер из золотистого плюша и четыре сиденья. Одно из сидений занимала темная кособокая фигура.

– Что происходит, Роланд?

– Я кое-что нашел. Кое-что удивительное, и тебе точно надо это узнать. Это вызов, по сравнению с которым все наши с тобой игры в молодости – сущий пустяк.

– Вызов?

– Я бы сказал, вопрос жизни и смерти.

Ему удалось разжечь мое любопытство, но я надеялся, что сумел этого не показать.

– Город следит. Будет зафиксировано, что я приходил к Монументу, а нас с тобой давно засекли здешние летающие камеры.

– Вот именно. – Чайлд дернул подбородком. – Значит, ты ничем не рискуешь, садясь в мой волантор.

– А если мне надоест твоя компания?

– Я не стану тебя удерживать, даю слово.

Ладно, почему бы не подыграть… Мы с Чайлдом заняли передние сиденья. Расположившись поудобнее, я повернулся к незнакомцу, сидевшему сзади, и вздрогнул от неожиданности, рассмотрев его получше.

Он был в кожаной куртке с высоким воротом, закрывавшим нижнюю часть лица, а верхняя пряталась в тени широких полей шляпы-хомбурга, надвинутой почти на глаза. Но и того, что я сумел различить, было достаточно, чтобы содрогнуться. Моему взору предстала красивая серебряная маска, выражавшая полнейшую безмятежность. Пустые глазницы отливали серебряным блеском, а тонкие губы, насколько я мог разглядеть, кривились в усмешке.

– Доктор Тринтиньян! – воскликнул я.

Он протянул руку в перчатке, как бы предлагая аккуратно ее пожать, показал тонкую, похожую на женскую ладонь. Под мягким бархатом перчатки я ощутил твердые металлические сочленения. Этот металл способен крушить алмазы.

– Очень рад нашей встрече, – сообщил он.

Когда волантор взмыл в воздух, его барочный облик преобразился, сменился зеркальной гладкостью обводов. Чайлд двинул вперед рычажки с рукоятями слоновой кости, направляя машину вверх и наращивая скорость. Кажется, мы летели быстрее, чем допускалось городскими правилами, и избегали обычных транспортных коридоров. Я невольно задумался: он шел по моим пятам, изучал мое прошлое, лишил меня собственного волантора… А еще ему наверняка пришлось изрядно попотеть, чтобы отыскать отшельника Тринтиньяна и убедить его выбраться к людям.

По всей видимости, Чайлд обладал немалым – уж всяко больше моего – влиянием в городе, пускай и пропадал где-то столько лет.

– А тут мало что изменилось, – заметил он, проводя аппарат сквозь плотную группу раззолоченных зданий, украшенных снаружи крайне экстравагантно, будто это были какие-нибудь пагоды из болезненных грез терзаемого лихорадкой восточного императора.

– Хочешь сказать, ты и вправду куда-то уезжал? Когда я услышал, что ты сымитировал свою смерть, то подумал, что ты попросту спрятался от всех.

Он помолчал, прежде чем ответить:

– Да, уезжал, но не так далеко, как ты мог подумать. Нарисовалось одно семейное дельце, с которым стоило разобраться конфиденциально. Вдобавок не хотелось втолковывать всем и каждому, что мне нужно побыть в одиночестве и отдохнуть.

– Лучше, чем умереть, ты ничего не придумал?

– Я же сказал, выпала отличная возможность, на которую я никак не рассчитывал. Конечно, пришлось подкупить целую кучу мелких чинов. Пожалуй, избавлю тебя от подробностей насчет того, где взяли подходящий труп. Главное, что у меня получилось, верно?

– Ну, я был уверен, что ты погиб заодно с остальными.

– Поверь, мне неприятно обманывать друзей. Но рисковать было нельзя, откровенность грозила выйти боком.

– Выходит, вы друзья? – уточнил Тринтиньян.

– Правильно, доктор, – ответил Чайлд, бросив взгляд через плечо. – Мы были друзьями. Нам с Ричардом повезло расти в достатке – относительном, разумеется, достатке, – а развлечений не хватало. Нас не интересовали ни акции, ни светская суета. Зато мы оба увлекались играми.

– Очаровательно. Какими именно играми, позвольте спросить?

– Мы строили симуляции, проверяя друг друга на прочность. Создавали чрезвычайно сложные миры, изобилующие тайнами, опасностями и соблазнами. Лабиринты, извилистые коридоры, тайные проходы, ловушки, темницы, драконы… Торчали в играх месяцы напролет, все вокруг с ума сходили. А мы не успокаивались и разрабатывали новые, сложнее прежнего.

– Но со временем вы расстались, – утвердительно произнес доктор. Его синтезированный голос отдавал забавным эхо, как в трубе.

– Ага, – согласился Чайлд. – Но друзьями быть не перестали.

Просто Ричард тратил столько сил на сценарии контакта с инопланетянами, что постепенно ушел в прикладную психологию. А меня интересовали сами игры, точнее, процесс игры, а не разработка. К несчастью, Ричарда уже не было рядом, и некому оказалось со мной соперничать.

– Ты играл заведомо лучше моего, – сказал я. – Там, где приходилось трудно тебе, мне вообще нечего было ловить. И ты слишком хорошо знал, как я думаю.

– Он считает себя неудачником, – пояснил Чайлд с улыбкой, оборачиваясь к доктору.

– Как и все мы, – отозвался Тринтиньян. – Надо признать, у каждого найдется повод так полагать. Лично мне никогда не разрешали развивать мои якобы противоречивые наклонности в полной мере. Вас, мистер Свифт, остерегаются те, кому, по-вашему, следовало бы справедливо оценить ваш вклад в прикладную ксенопсихологию. А вы, мистер Чайлд, при всем желании не сумели найти вызов, достойный ваших несомненных талантов.

– Удивлен, доктор. Никак не предполагал, что вы обо мне слышали.

– Я и не слышал. Это выводы, сделанные мною после нашего знакомства.

Волантор опустился ниже уровня земли, нырнул в ярко освещенное коммерческое пространство, где повсюду сверкали вывески магазинов и бутиков. С поразительной уверенностью Чайлд провел машину между воздушными коридорами и направил в темный боковой тоннель. Скорость возросла, в темноте лишь мелькали красные лампы на стенах тоннеля. То и дело мимо проносились другие аппараты, но когда тоннель раздвоился с полдюжины раз, мы остались в полном одиночестве. Даже тоннельные огни куда-то подевались, фары волантора вырывали из мрака трещины в стенах, начисто лишенных облицовки, этакие шрамы на грубой поверхности. Эти старые тоннели прокладывали в незапамятные времена, на заре города, еще до того, как кратер накрыли куполами.

Быть может, я смог бы сказать, в каком конкретно городском районе мы проникли в тоннель, но дальше чувство направления пасовало.

– Доктор, как думаете, Чайлд нас познакомил, чтобы ему было кого дразнить неудачниками? – спросил я.

Мне стало слегка неуютно, хотя рассудок твердил, что похищать меня совершенно бессмысленно.

– На мой взгляд, это вполне возможно. Вот только сам мистер Чайлд отмечен той же несмываемой печатью.

– Значит, есть другая причина?

– Есть, и я ее раскрою в нужное время, – ответил Чайлд. – Потерпите, прошу вас. Вы не единственные, кого я намерен привлечь.

Наконец мы куда-то прибыли.

Пещера – почти идеальное полушарие, сводчатый потолок маячит в добрых трехстах футах от пола. Похоже, мы глубоко под поверхностью Йеллоустона. Не исключено, что выбрались за пределы кратера, а над нами, над поверхностью, только отравленные небеса…

Как ни удивительно, пещера оказалась обитаемой.

Потолок обильно усеивали лампы и прожекторы, заливавшие пещеру искусственным дневным светом. Посреди пещеры возвышался остров, окруженный со всех сторон водой, которая ничуть не манила поплавать. С берега к острову тянулся мост, изображавший громадного, красиво изогнувшего спину лемура. Над островом доминировала купа стройных тополей, чьи стволы и кроны частично загораживали какое-то светлое строение.

Чайлд посадил волантор у кромки воды и жестом велел нам выходить.

– Где мы? – справился я, ощутив под ногами твердь.

– Обратитесь к городу и определите сами, – посоветовал Тринтиньян.

Результат запроса не оправдал моих ожиданий. На мгновение мое сознание словно опустело. Малоприятное ощущение, своего рода ментальный аналог внезапной ампутации.

Смешок доктора прозвучал арпеджио, сыгранным на механическом органе.

– Нас отрезало от городских служб, когда мы очутились в подземных владениях нашего уважаемого спутника.

– Не волнуйтесь понапрасну – откликнулся Чайлд. – Да, городские службы сюда не дотягиваются, но тем и ценно это укрытие. Знай я, что вы начнете беспокоиться, предупредил бы заранее.

– По правде сказать, Роланд, я бы не отказался.

– А это заставило бы тебя передумать?

– Кто знает?

Его смех раскатился по пещере – явно особенность местной акустики.

– Тогда почему злишься, что я тебе не рассказал?

Я повернулся к Тринтиньяну:

– А вы что скажете, доктор?

– Я, как и вы, стараюсь пореже использовать городские

службы, но, полагаю, по иным причинам.

– Нашему доброму доктору приходится скрываться, – объяснил Чайлд. – Следовательно, он не может активно участвовать в городских делах. Разве что решит окончательно свести счеты с жизнью.

Я переступил с ноги на ногу и поежился:

– Ладно, что дальше?

– Дальше короткая поездка до дома. – Чайлд показал на остров.

Послышался шум, который неуклонно приближался. Воспринимался он как гул старинного механизма и сопровождался каким-то странным, ритмичным рокотом; машин, издающих подобные звуки, мне прежде не встречалось. Я бросил взгляд на мост, подозревая, к слову сказать, что он представляет собой ровно то, чем кажется – гигантскую биоинженерную конструкцию-кость, поверх которой положен дорожный настил. По мосту что-то двигалось: темный аппарат непривычных очертаний, смахивавший издалека на металлического тарантула.

По спине побежали мурашки.

Аппарат пересек мост и свернул в нашу сторону. Тягловую силу обеспечивала пара черных механических лошадей – изнуренного вида роботов-коняг с тонкими поршневыми конечностями, испускавших пар и громко фыркавших на «вдохах». На нас злобно уставились алые глаза-лазеры. Эти кони были впряжены в четырехколесный экипаж чуть больше волантора, а на передок экипажа взгромоздился безголовый человекоподобный робот. Его костистые ручищи стискивали железные вожжи, тянувшиеся к шеям стальных коней.

– Хотел произвести впечатление? – не удержался я.

– Семейное добро, – отозвался Чайлд, распахивая черную дверцу экипажа. – Мой дядюшка Джайлс конструировал автоматы. Увы, человек он был дрянной, но об этом позже. Ну, забирайтесь.

Он помог нам разместиться, затем влез сам, закрыл дверцу и постучал по крыше. Я услышал фырканье механических лошадей, нетерпеливый стук копыт по земле. Экипаж пришел в движение, развернулся и начал плавный подъем по арке костяного моста.

– Вы провели здесь весь период своего отсутствия, мистер Чайлд? – поинтересовался Тринтиньян.

Роланд кивнул:

– Когда нарисовалось то семейное дельце, я прибыл сюда. Изредка выбирался в город, как сегодня, но старался сводить визиты к минимуму.

– Разве при последней нашей встрече ты был без рогов? – спросил я.

Он погладил кожу в том месте, где раньше торчали рожки:

– Пришлось удалить, иначе было бы трудно замаскироваться.

Мы спустились с моста и покатили по дорожке среди тополей, заслонявших от постороннего взгляда здание в центре острова. Потом экипаж остановился у входа, и мне наконец-то удалось как следует разглядеть это здание. Восторгаться, скажу прямо, было особо нечем: об архитектурных изысках речи не шло, любая базовая симметрия, которая, может, и присутствовала изначально, не просматривалась за нагромождением пристроек и следов ремонта. Крыша вздыбливалась скоплением углов и шпилей, башенок и открытых люков. Что касается пристроек, далеко не все они возводились под прямым углом к соседним помещениям – различия в стилях и возрасте разнообразных сооружений, составлявших дом, буквально лезли в глаза. Прожекторы на потолке пещеры успели немного потускнеть, видимо имитируя наступление сумерек, но в доме светилось всего несколько окон, в левом крыле, а остальная часть, погруженная в полумрак, внушала тревогу: белесый камень, причудливая конструкция и множество темных окон почему-то наводили на мысль о груде черепов.

Не успели мы высадиться из экипажа, как из дома нам навстречу высыпали встречающие. Это были сервиторы, человекоподобные домашние роботы вроде тех, с которыми каждый день сталкиваешься на городских улицах, но переделанные так, чтобы напоминать внешним видом скелетообразных гулей и безголовых призрачных рыцарей. Их механика явно нуждалась в уходе – роботы нещадно скрипели, приволакивали ноги, а звуковые устройства у всех были принудительно отключены.

– Твой дядя, гляжу, времени даром не терял, – заметил я.

– Вы с дядюшкой Джайлсом нашли бы общий язык, Ричард. Забавный был тип.

– Поверю тебе на слово.

Сервиторы проводили нас в центральную часть дома, а оттуда повели куда-то дальше лабиринтом темных и холодных коридоров.

В итоге мы очутились в просторной комнате, обитой красным бархатом. В одном углу обнаружился голографический клавир с раскрытым на проекции клавиатуры сборником музыкальных произведений. Прочую обстановку составляли малахитовый секретер, несколько битком набитых книгами полок, одинокий канделябр, три подсвечника поменьше и два камина или очага

совершенно готического толка; в одном жарко полыхало настоящее пламя. Главным же предметом мебели был стол красного дерева, за которым уже сидели трое гостей.

– Простите за долгое ожидание, – извинился Чайлд, пододвигая нам пару крепких деревянных стульев. – Так, давайте знакомиться.

Люди за столом смотрели на нас со слабым намеком на интерес.

Единственный среди них мужчина был облачен в изобильно украшенный, прямо-таки барочный экзоскелет – скопище патрубков, шарниров, кабелей и сервомеханизмов. Его череп плотно обтягивала бледная, как у мертвеца, кожа, под выпиравшими скулами залегли черные тени. Глаза прятались за очками, волосы торчали в разные стороны черными дредами.

Периодически он прикладывался к стеклянной трубке, что соединялась с миниатюрным булькающим аппаратом на столе.

– Позвольте представить вам капитана Форкерея, – начал Чайлд. – Капитан, это Ричард Свифт и… гм… доктор Тринтиньян.

– Рад познакомиться, – сказал я, протягивая над столом руку Форкерею.

Рукопожатие капитана вызывало омерзение, будто трогаешь склизкую кожу осьминога.

– Капитан принадлежит к ультра. Он водит субсветовик «Аполлион», сейчас корабль находится на орбите над Йеллоустоном, – добавил Чайлд.

Тринтиньян приближаться не стал.

– Опасаетесь, доктор? – спросил Форкерей.

Голос у него оказался одновременно густой и хриплый – словно прозвонил треснувший колокол.

– Нет, просто проявляю разумную осмотрительность. Всем известно, что у меня хватает врагов среди ультра.

Тринтиньян снял шляпу и провел ладонью по макушке, как бы приглаживая отсутствующие волосы. Его серебряная маска несла изображения волн, и он выглядел лишенным парика древним щеголем, которого окунули в ртуть.

– Да, ваши враги повсюду, – изрек Форкерей между двумя булькающими затяжками. – Но лично я не испытываю к вам ненависти за ваши преступления и могу гарантировать, что моя команда встретит вас радушно.

– Большое спасибо. – Тринтиньян пожал руку капитану, соприкоснувшись пальцами ровно настолько, чтобы соблюсти приличия. – Но почему меня должно интересовать отношение вашей команды?

– Не берите в голову, – вмешалась в разговор одна из двух

женщин за столом. – Кто-нибудь объяснит мне, кто этот тип и почему все его ненавидят?

– Позвольте представить Хирц, – проговорил Чайлд, указав на эту женщину. Невысокого роста, она, пожалуй, сошла бы за ребенка, но все портило лицо – лицо взрослой женщины. Скромный черный комбинезон плотно облегал тело и подчеркивал миниатюрность ее сложения. – Она… э-э… Ну, пусть будет наемница.

– Я предпочитаю считать себя экспертом по поиску информации. Мой главный навык – проникновение в высшие корпоративные эшелоны Блистающего Пояса, в том числе физический шпионаж. В основном я занимаюсь тем, что принято называть хакерством. Не стану скрывать, я чертовски хороша в своем деле. – Хирц прервалась, чтобы глотнуть вина. – Этого хватит. Кто вон тот серебряноголовый тип и что имел в виду Форкерей, когда говорил о преступлениях?

– Хотите сказать, вам и вправду неизвестна репутация Тринтиньяна?

– Слушай, парень, я вырвалась сюда в промежутке между заданиями. Мне некогда вызнавать всю ту ерунду, что происходит в Городе Бездны. Выкладывай.

Я пожал плечами и, искоса поглядывая на доктора, рассказал Хирц то, что сам знал о Тринтиньяне. Коротко описал, как он начинал – кибернетиком-экспериментатором, как слава неустрашимого новатора постепенно привлекла к нему внимание Кэлвина Силвеста.

Кэлвин включил Тринтиньяна в свою исследовательскую группу, но сотрудничество не сложилось. Стремление Тринтиньяна найти предельную степень взаимопроникновения живой и машинной плоти переросло в одержимость, некоторые поговаривали об извращенной страсти, о перверсии. После скандала, вызванного опытами над погруженными в бессознательное состояние объектами, Тринтиньяну пришлось уйти и продолжать работу в одиночестве – его методы оказались экстремальными даже для Силвеста.

В общем, Тринтиньян рухнул из эмпиреев на грешную землю и продолжал свои издевательские эксперименты с единственным подопытным, который был ему доступен.

Экспериментировал над собой.

– Итак, – встряла в беседу последняя гостья, – посмотрим, кто у нас имеется. Одержимый извращенец-кибернетик со склонностью к рискованным модификациям организма. Специалист по проникновениям, привыкший вторгаться в хорошо защищенные и опасные среды. Владелец звездолета с командой

на борту.

Она повернулась к Чайлду, а я, пользуясь моментом, залюбовался ее красивым, смутно знакомым профилем. Длинные волосы отливали чернотой межзвездного пространства, их удерживала надо лбом большая яркая заколка, мерцавшая созвездиями драгоценных камней. Кто она такая? Я был уверен, что мы встречались раньше, однажды или дважды. Возможно, проходили мимо друг друга в Монументе Восьмидесяти, навещая мертвецов.

– А также Чайлд, – продолжала женщина. – Человек, прежде известный любовью к сложным комбинациям, но давно признанный мертвым. – Ее пронзительный взор устремился на меня. – И ты.

– Думаю, мы знакомы… – Ее имя вертелось у меня на кончике языка.

– Конечно знакомы. – В ее взгляде внезапно проскользнуло презрение. – Я Селестина. Мы с тобой, вообще-то, были женаты.

Все это время Чайлд знал, что она будет на встрече!

– Не против, если я спрошу, что все это значит? – Я приложил все усилия к тому, чтобы мой голос звучал ровно и рассудительно, чтобы никто не догадался, как сильно мне хочется закатить полноценный скандал в приличном обществе.

Селестина отдернула ладонь сразу после рукопожатия.

– Меня пригласил Роланд. Как и тебя, Ричард. Он все отпускал намеки на какую-то загадочную находку.

– Но ты же…

– Твоя бывшая жена? – Она кивнула. – Как много ты помнишь, Ричард? До меня доносились всякие диковинные слухи. Вроде того, что ты стер меня из своей долговременной памяти.

– Не стер, а переместил подальше. Есть же разница.

Она понимающе кивнула:

– Я так и подумала.

Я оглядел прочих гостей – все они пялились на нас. Даже Форкерей отставил трубку, удерживая ее в дюйме от рта. Все ждали от меня каких-то слов.

– Зачем конкретно ты здесь, Селестина?

– Ты ничего не помнишь?

– Что я должен помнить?

– Чем я занималась, Ричард, когда мы были женаты.

– Если честно, то не помню.

Чайлд прокашлялся.

– Ричард, твоя жена увлекалась инопланетянами не меньше твоего. Она входит в число ведущих городских специалистов по

жонглерам образами, хотя чрезмерная скромность мешает ей в этом признаться. – Он помолчал, явно дожидаясь разрешения Селестины продолжить. – Она побывала у них еще до вашей встречи, потратила несколько лет своей жизни на изучение ситуации на Морской Пене. Ты же плавала с жонглерами, Селестина, так?

– Раз или два.

– И позволила им изменить твое сознание, превратить нейронные цепочки мозга в нечто чужеродное, пусть и временно.

– Ничего особенного, – сказала она.

– Ну да, если это случилось с кем-то вроде тебя. Но для человека наподобие Ричарда – для того, кто привык собирать все крупицы знаний об инопланетянах, – это никак не рядовое событие. – Чайлд повернулся ко мне. – Верно?

– Не буду скрывать, я старался добиться контакта с жонглерами. – Не было смысла отрицать очевидное. – Но выяснилось, что это попросту невозможно. Моя семья не располагала нужными ресурсами, чтобы отправить меня в миры жонглеров, а организации, обычно финансирующие такие поездки, – тот же Дом Силвестов, например, – от нас отвернулись.

– Короче, Селестине чертовски повезло, верно?

– Думаю, с этим любой согласится, – ответил я. – Строить теории по поводу инопланетного мышления – одно, а впитывать его, быть им поглощенным, познать изнутри, как познает любовник… – Я оборвал себя. – Погодите-ка. Селестина, разве ты не должна быть на Ресургеме? Экспедиция вряд ли успела бы вернуться так быстро.

Она окинула меня взглядом с головы до ног, ни дать ни взять хищник, прежде чем проронить:

– Я никуда не улетала.

Чайлд перегнулся через стол и наполнил мой бокал.

– Ее отвергли в последнюю минуту, Ричард. У Силвеста зуб на всех, кто посещал миры жонглеров. Он вдруг вообразил, что все эти люди эмоционально нестабильны, что им нельзя доверять.

Я вопросительно посмотрел на Селестину:

– Значит, все это время?..

– Я была тут, в Городе Бездны. Не строй из себя обиженного, Ричард. Еще до того, как я узнала, что мне отказали, ты решил вычеркнуть меня из своего прошлого. Для нас обоих так было лучше.

– Но обман…

Чайлд положил руку мне на плечо, успокаивая:

– Никакого обмана. Она всего-навсего не стала возобновлять контакт. Никакой лжи, никто никому не врал, не на что

обижаться.

Я смерил его сердитым взглядом:

– Тогда зачем она здесь, черт подери?

– Мне нужен человек с такими навыками, какими жонглеры оделили Селестину.

– А конкретнее?

– В частности, с блестящими вычислительными способностями.

– Зачем тебе понадобились такие способности?

Чайлд повернулся к капитану и сделал знак оторваться от булькающего аппарата.

– Сейчас все расскажу.

Аппарат убрали. В столе скрывалась древняя голопроекционная система. Чайлд раздал всем оптические приборы, напоминавшие старинные лорнеты, и, подобно близоруким опереточным злодеям, мы стали рассматривать призраков, что возникали над полированной столешницей.

Звезды, бесконечное множество звезд, ослепительно-белых и кроваво-красных, раскинувшиеся многоцветными кружевами на глубокой синеве космоса.

Чайлд пустился объяснять:

– Добрых два с половиной столетия назад мой дядюшка Джайлс, чьи довольно-таки уродливые творения вы уже видели сегодня, принял спонтанное решение. Он записался в Программу с большой буквы, как принято выражаться в нашем семействе, причем на условиях строжайшей секретности.

Эта Программа, пояснил Чайлд, была попыткой тайного исследования дальнего космоса.

Джайлс приступил к работе, финансируя деятельность напрямую из семейных средств. Он вел дела столь умело, что очевидное для всех благосостояние Дома Чайлд ничуть не страдало, даже когда Программа вошла в свою самую дорогостоящую фазу. Лишь немногие избранные представители династии Чайлдов знали о самом существовании Программы, а с течением лет их число неумолимо сокращалось.

Основную статью расходов составляли выплаты ультра, которые успели проявить себя могущественной фракцией.

Они построили по настоянию дядюшки Джайлса автоматизированные космические зонды и запустили их к заранее выбранным целям. Ультра могли доставить зонды в любую систему, до которой добирались их субсветовики, но приходилось таиться, дабы известия о какой-либо ценной находке оставались исключительно достоянием семьи. Поэтому аппараты отправились в космос самостоятельно, летели на скоростях в

малую долю скорости света, а цели, к которым они направлялись, все были плохо исследованными системами на краю освоенного человечеством пространства.

Замедлялись зонды при посредстве солнечных парусов, автоматика выбирала наиболее предпочтительные для изучения миры и выводила аппараты на их орбиты.

На поверхность отправляли роботов, рассчитанных на выживание в любых условиях в течение длительного срока.

Чайлд повел рукой над столешницей. От одного из красных шариков на картинке – полагаю, это была звезда Йеллоустона, – потянулись световые линии. Они соединили между собой соседние звезды, образовав в итоге этакий трехмерный алый одуванчик площадью в десятки световых лет.

– Наверное, эти машины считались высокоразумными, – сказала Селестина. – В особенности по меркам того времени, когда их запускали.

Чайлд утвердительно кивнул:

– Разумеется. Умные бестии, ловкие, крепкие, неуловимые. Как еще можно было добиться от них надежной работы вне человеческого контроля?

– Смею предположить, они что-то обнаружили? – вставил я.

– Верно. – Чайлд на секунду помрачнел, словно фокусник, тщательно проработанную последовательность действий которого разрушил чрезмерно догадливый зритель. – Но не сразу. Джайлс и не ждал, что открытие свалится ему в руки немедленно, ведь на полет к ближайшим системам должны были уйти десятилетия, да и о коммуникационном лаге забывать не стоило. В общем, дядюшка приготовился ждать сорок-пятьдесят лет в самом лучшем случае. – Чайлд прервался, чтобы отпить вина. – Оценка оказалась слишком оптимистичной. Минуло пятьдесят лет, шестьдесят, но ни один аппарат так и не связался с Йеллоустоном – не при жизни дядюшки. Вообще-то зонды находили кое-что любопытное, но, как правило, в тех местах, куда уже успели заглянуть исследователи-люди. Короче, годы шли, внятных сообщений от зондов не поступало, а дядюшка злился и страдал.

– Бедняга, – проговорила Селестина.

– Так он и умер, уязвленный до глубины души, уверенный, что мироздание сыграло с ним дурную шутку космических масштабов. При надлежащем уходе он прожил бы, думаю, еще лет пятьдесят-шестьдесят, но явно решил, что это будет пустая трата времени.

– Ты притворился мертвым полтора столетия назад, – сказал я. – Поправь, если ошибаюсь, но ты что-то говорил о семейных делах.

Чайлд кивнул.

– Именно тогда дядюшка поведал мне о Программе. Я ничего не знал, до меня не доходили не то что слухи – даже намеки на слухи. Вся семья ничего не знала. Вдобавок проект уже почти не требовал финансирования, так что семейные средства оставались в целости, а мелкие расходы не привлекали наше внимание…

– Что было дальше?

– Я поклялся не повторять ошибок Джайлса. Твердо решил, что просплю до поступления докладов от зондов и засну снова, если станет ясно, что зонды подняли ложную тревогу.

– Проспишь? – переспросил я.

Он прищелкнул пальцами, и внезапно одна из стен сдвинулась в сторону, открыв стерильное, заполненное аппаратурой помещение.

Я внимательно все разглядел.

В помещении находилась криогенная капсула той разновидности, какую Форкерей и ему подобные используют на своих кораблях, а вокруг сверкала и блестела металлом разнообразная вспомогательная машинерия. При помощи такой капсулы можно продлить обычный срок человеческой жизни (около четырехсот лет) на многие столетия. Впрочем, имелись и риски – за все, как известно, нужно платить.

– Я провел полтора века внутри этого агрегата, – сказал Чайлд. – Просыпался раз в пятнадцать-двадцать лет, когда поступал доклад от очередного зонда. Мерзкое ощущение, кстати. Чувствуешь себя стеклянным, кажется, что любое движение, любой вдох раздробит тебя на миллион осколков. Потом ощущение исчезало, благополучно забывалось, но в следующий раз все начиналось заново. – Он нарочито поежился. – По правде говоря, иногда мне чудилось, что с каждым разом ощущения становятся все острее.

– Полагаю, ваше оборудование требует настройки, – заметил Форкерей.

По-моему, его спокойствие было показным. Ультра частенько заплетали волосы в тугие косички, обозначая количество своих вылазок в межзвездное пространство – вылазок, в ходе которых им удалось справиться со всем многообразием неприятностей, подстерегавших корабли в космосе. А также эти косички символизировали те путешествия, когда по возвращении пилотов воскрешали из мертвых.

Короче, они мучились ничуть не меньше Чайлда, только не желали публично это признавать.

– Как долго ты бодрствовал? – спросил я.

– Обычно не дольше тринадцати часов. Этого хватало, чтобы

понять, представляет сообщение зонда интерес или нет. Пару часов я тратил на знакомство с новостями, чтобы отслеживать происходящее во Вселенной. Но не больше, иначе желание снова влиться в городскую жизнь могло сделаться непреодолимым. Эта комната с капсулой начинала восприниматься как тюремная камера.

– Почему? – удивился я. – Ведь субъективное время наверняка летело очень быстро.

– Ричард, по твоему вопросу понятно, что сам ты никогда не прибегал к анабиозу. В заморозке ничего не осознаешь, но вот переход к бодрствованию и обратное засыпание растягиваются до вечности и полны диковинных снов.

– Насколько могу судить, ты считал, что ожидание стоит мук?

Чайлд вновь кивнул:

– Я не исключал такой возможности. В последний раз я пробудился полгода назад и с тех пор больше не подходил к капсуле. Эти шесть месяцев я собирал ресурсы и людей, необходимых для крайне необычной экспедиции.

Проекция над столешницей изменилась, изображение одной из звезд существенно укрупнилось.

– Не стану вас утомлять перечислением цифр из звездного каталога. Скажу лишь, что об этой системе никто из присутствующих – быть может, кроме Форкерея – никогда не слышал. Там не создавали человеческих колоний, никакой пилотируемый звездолет не пролетал ближе трех световых лет от нее. До недавних пор.

Изображение опять увеличилось с головокружительной быстротой.

Над столешницей повисла картинка планеты – размером с человеческий череп.

Различные оттенки серого чередовались с бурыми полосами, тут и там виднелись кратеры – следы столкновений с астероидами – и ущелья, возникшие после долгих тысячелетий выветривания. Можно было предположить наличие разреженной атмосферы: планету окружала тонкая синеватая дымка, а на полюсах торчали снежные шапки, но в целом зрелище было скорее отталкивающим. Обитаемой планета не выглядела.

– Веселенькое местечко, правда? – усмехнулся Чайлд. – Я назвал ее Голгофой.

– Чудное название. – Селестина хмыкнула.

– Как вы догадались, условия там не то чтобы привлекательные. – Чайлд вновь увеличил картинку, чтобы мы могли хорошенько рассмотреть безжизненную поверхность. – Прямо сказать, никакие. По размерам Голгофа сравнима с

Йеллоустоном и получает приблизительно столько же света от своей звезды. Лун у нее нет. Сила тяжести у поверхности близка к одному *g*, так что разница почти незаметна. Атмосфера разреженная, содержит углекислый газ, признаков жизни не обнаружено. Радиация сильная, но это, кажется, единственное неудобство, и с ним достаточно просто справиться. Тектонически планета мертва, а астероиды не падали на нее вот уже несколько миллионов лет.

– Скукота, – протянула Хирц.

– Соглашусь, но дело не в этом. Видите ли, на Голгофе кое-что есть.

– А конкретнее можно? – спросила Селестина.

– Пожалуйста.

Из-за горизонта появилось нечто.

Высокое, темное, подробностей не разобрать. С первого взгляда показалось, это что-то вроде соборного шпиля, проступающего в утреннем тумане. Нечто приближалось и росло, приобретало очертания: узкая опора упирается в лампообразное навершие, а то восходит конусом к игольному острию…

Было невозможно определить, сколь велико это нечто и из чего оно сделано, однако не возникало сомнения в том, что это искусственное сооружение, ничуть не похожее на природное образование, будь оно биологическое или геологическое. На Гранд-Титоне бесчисленные одноклеточные объединяются, формируя «живые» башни – главные естественные достопримечательности этого мира. Башни достигают изрядной высоты и часто принимают причудливую форму, но любому ясно, что они – плод инстинктивных биологических процессов, а не сознательных усилий. Здесь же, на Голгофе, царила симметрия, не характерная для биологии, а вдобавок сооружение высилось в гордом одиночестве. Будь оно живым, на поверхности наверняка нашлись бы и другие подобные колоссы наряду с признаками соответствующей экологической среды.

А если предположить, что это горная порода, результат миллионов лет геологической эволюции, все равно на планете должно найтись что-то похожее.

Нет, эту штуку воздвигли преднамеренно.

– Здание? – осведомился я у Чайлда.

– Да. Или машина. Отсюда не угадаешь. – Он усмехнулся. – Я окрестил ее Кровавым Шпилем. Выглядит не очень-то страшно, верно? Пока не присмотришься.

Камера облетела Шпиль – или что это было на самом деле, – показывая, каков он с разных сторон. Приближение позволило заметить, что его поверхность не гладкая, что она изобилует

узорами и прочими сложными геометрическими формами, а по соседству змеятся и ветвятся какие-то трубы, словно вены под кожей. Признаться, эта картинка заставила меня засомневаться: может, перед нами все-таки некое существо биологического происхождения?

Вблизи сооружение смотрелось как гротескное сращение животного и машины, смахивало на воплощенную фантазию впавшего в старческое слабоумие дядюшки Чайлда.

– Какая высота? – спросил я.

– Двести пятьдесят метров, – ответил Чайлд.

Внезапно мне бросились в глаза какие-то блестки на поверхности планеты – будто сооружение сбрасывало металлические чешуйки.

– А это что? – спросил я, тыча пальцем.

– Давай покажу. – Чайлд в который уже раз увеличил изображение, и блестки приобрели четкие очертания.

Это были люди.

Точнее, останки тех, кто когда-то были людьми. Сколько именно тел – не установить, но все изуродованы в той или иной степени: раздавленные, расплющенные, искалеченные. В паре мест я различил ошметки скафандров. Отрубленные конечности валялись тут же, нередко в десятках метров от хозяйского тела.

Поневоле создавалось впечатление, что с этими людьми расправились в приступе гнева.

– Кто они? – спросил Форкерей.

– Команда корабля, который залетел в систему для ремонта щита, – ответил Чайлд. – Капитана звали Аргайл. Они натолкнулись на Шпиль и принялись за исследования, предположив, что внутри может скрываться какая-то передовая инопланетная технология.

– И что случилось?

– Они проникали внутрь малыми группами, даже поодиночке. Там им пришлось выдержать ряд испытаний, и каждое последующее было труднее предыдущего. Если они совершали ошибку, Шпиль их наказывал. Поначалу наказания были щадящими, но постепенно становились все суровее. Очевидно, им не хватило ума признать свое поражение.

Я подался вперед:

– Откуда ты все это знаешь?

– Аргайл выжил. Нет, он тоже умер, но прожил достаточно долго для того, чтобы мой зонд сумел его разговорить. Аппарат прилетел на Голгофу раньше, засек прибытие корабля Аргайла, тайно наблюдал, как команда пытается изучать Шпиль. Видел, как Аргайл выполз наружу, как раз перед тем как из Шпиля

выкинуло последнего члена экипажа.

– Не уверен, что готов положиться на доклад машины или на слова умирающего человека, – бросил я.

– А кто просит полагаться? – возразил Чайлд. – Доверяй только собственным глазам. Видишь вон те следы в пыли? Все они ведут внутрь, а поблизости от тел следов почти нет.

– И что? – не понял я.

– Да то, что команда пробиралась внутрь, как и рассказывал Аргайл. Также обрати внимание на расположение тел. Они лежат на разном удалении от Шпиля. То есть их сбрасывали с разной высоты, кому-то повезло, скажем так, забраться выше, чем остальным. И это тоже подтверждает рассказ Аргайла.

Мне стало понятно, куда он клонит, и я вдруг ощутил тяжкую поступь неизбежного.

– Хочешь, чтобы мы отправились туда и разузнали то, что они хотели изучить? Так?

Чайлд улыбнулся:

– А ты неплохо меня знаешь, Ричард.

– Я тоже так думал. Но ты, верно, спятил, если собираешься лететь к этой штуке.

– Спятил? Может быть. А может, мне просто любопытно. Ну-ка, ответь, дружок. – Он помолчал, наклонился через стол, подлил мне вина, не сводя с меня пристального взгляда. – Ты сам что выбираешь?

– Ничего, – отрезал я.

Но Чайлд умел убеждать. Месяц спустя я заснул на борту звездолета Форкерея.

Глава 2

Мы вышли на орбиту Голгофы.

Пробудившись от криосна, команда направилась в кают-компанию завтракать, воспользовавшись внутренними скоростными лифтами.

Собрались все, даже Тринтиньян с Форкереем. Последний опять присосался к хитроумному агрегату из колб, реторт и спиральных трубок, как недавно на Йеллоустоне. Тринтиньян в криосон не ложился, но выглядел ничуть не хуже, чем раньше. У него, по словам Чайлда, имелись какие-то специфические требования к подключению оборудования, если коротко – стандартные капсулы ему не годились.

– Ну, как делишки? – поинтересовался Чайлд, дружески обнимая меня за плечи.

– Паскудно… как я и ожидал по твоим рассказам. – Я отвечал с запинкой, требовалась целая вечность, чтобы слова сформировались в том уголке мозга, который управляет языком. – Голова до сих пор кружится.

– Ладно, это мы быстро поправим. Тринтиньян может синтезировать состав для восстановления нервных функций. Я прав, доктор?

Ко мне обернулась прекрасная в своей неподвижности серебряная маска.

– Меня нисколько не затруднит, мой дорогой друг…

– Спасибо. – Я постарался распрямиться. В голове забродили смутные воспоминания о дерзких кибернетических опытах, которые, собственно, и обеспечили Тринтиньяну дурную славу. От мысли, что он запустит в меня свои крохотные гнусные машинки, по спине поползли мурашки. – Пожалуй, пока обойдусь. Надеюсь, не обидитесь?

– Ничуть, уверяю вас. – Тринтиньян указал на пустовавший стул. – Присаживайтесь, присоединяйтесь к нашей беседе. Что довольно любопытно, мы обсуждаем сновидения, посещавшие каждого из нас по дороге сюда.

– Сновидения? – переспросил я. – А я-то решил, что они только меня донимали. Так я не одинок?

– Нет, не одинок, – откликнулась Хирц. – Я во сне очутилась на луне. По-моему, на той, что у Земли. Все пыталась влезть в это треклятое инопланетное здание, а долбаная штука не переставала меня убивать. Я возрождалась и лезла внутрь, снова и снова.

– Мне снилось то же самое, – удивленно проговорил я. – А еще снилось, будто я попал внутрь чего-то вроде… – я прервался,

подыскивая нужные слова, – вроде подземной гробницы. Помню, меня гонял по коридору громадный каменный шар, так и норовил раздавить.

Хирц кивнула:

– Сон со шляпой, верно?

– Точно, он самый! – Я ухмыльнулся, оскалив зубы. – Я потерял мою шляпу, и почему-то было крайне важно ее спасти!

Селестина покосилась на меня со странным выражением лица – чем-то средним между холодным безразличием и откровенной враждебностью.

– Мне тоже снился такой сон.

– И мне. – Хирц громко фыркнула. – Но я решила, что пропади она пропадом, эта шляпа. Уж простите, но с теми деньгами, которые нам платит Чайлд, купить новую – все равно что раз плюнуть.

Повисла пауза. Одна лишь Хирц, похоже, ничуть не стеснялась обсуждать щедрую плату, обещанную каждому из нас Чайлдом за участие в экспедиции. Даже авансы внушали уважение, а по возвращении на Йеллоустон нам причиталось в девять раз больше, причем с учетом инфляции за тот период, который займет путешествие (по прикидкам Чайлда, от шестидесяти до восьмидесяти лет).

Щедро, что уж там говорить.

Но, думаю, Чайлд догадывался, что некоторые из нас примкнули бы к нему и без этого чрезвычайно приятного бонуса.

Молчание нарушила Селестина.

– А кубы вам тоже снились? – спросила она у Хирц.

– Чтоб мне, да! – воскликнула специалист по проникновениям, словно вдруг вспомнив. – Кубы! Ты их помнишь, Ричард?

– Помню, – подтвердил я и содрогнулся от воспоминания. В компании других людей я блуждал по кубическим комнатам, многие из которых изобиловали смертельными сюрпризами. – Вообще-то, одна ловушка прикончила меня. Нарезала на дольки, если нужны подробности.

– Ну да, я бы предпочла умереть как-то иначе.

Чайлд прокашлялся.

– Полагаю, я должен извиниться за сны. Это наведенные нарративы, которыми я пичкал ваши сознания при засыпании и при пробуждении. Доктор Тринтиньян ускользнул от меня, ха-ха.

– Нарративы? – переспросил я.

– Я собрал их из разных источников, счел, что они способны подготовить нас к тому, что ожидает впереди.

– В смысле – научить умирать пожутче? – уточнила Хирц.

– Нет, показать, что проблемы поддаются решению. – Чайлд разнес кружки с иссиня-черным кофе, как если бы нам предстояла не смертельно опасная вылазка, а всего-навсего туристическая прогулка средней сложности. – Разумеется, содержание ваших снов ни в коей мере не отражает истинную картину внутри Шпиля… Но разве вам не кажется, что эти сны помогли?

Я прислушался к своим ощущениям:

– Честно говоря, нет.

Тринадцать часов спустя мы совершили посадку и принялись изучать скафандры, выданные нам Форкереем.

Каждый армированный скафандр был напичкан всевозможными техническими устройствами, имел источник питания и обладал псевдоинтеллектом, достаточным, чтобы обвести вокруг пальца ораву кибернетиков. Он облегал тело, формируя бесшовную белую поверхность, из-за чего человек словно превращался в этакую фигурку, вырезанную из мыла. Более того, скафандр быстро подстраивался под походку, направлял и предвосхищал твои движения, как опытный партнер в танце.

Форкерей сообщил, что эти скафандры в состоянии поддерживать жизнь носителя практически бесконечно, что они перерабатывают отходы жизнедеятельности в едва ли не идеальном замкнутом цикле и даже могут погрузить носителя в криосон, если возникнет такая необходимость. Они умели летать и защищали носителя от всех известных внешних угроз, от вакуума до чудовищного давления на океанском дне.

– Что насчет оружия? – спросила Селестина, когда все усвоили, как подчинять себе эти устройства.

– Оружия? – недоуменно повторил Форкерей.

– Я слышала об этих скафандрах, капитан. Они располагают огневой мощью, которой хватит, чтобы испепелить небольшую гору.

Чайлд поспешил вмешаться:

– Боюсь, никакого оружия не предусмотрено. Я попросил Форкерея извлечь из скафандров все лишнее. И резаки тоже, кстати. Кроме того, хочу предупредить, что не стоит рассчитывать на усилители мышц, как в обычных скафандрах. Физическая сила принудительно ограничена.

– Не уверена, что поняла правильно. Вы сознательно лишаете нас многих возможностей?

– Вовсе нет. Я лишь пытаюсь соответствовать правилам, которые устанавливает Шпиль. Оружие он внутрь не пропускает, сами убедитесь, как и любые предметы, способные нанести ему

урон, скажем плазменные резаки. Словно унюхивает их и действует соответственно. Очень умная штука.

Я пристально посмотрел на него:

– Это догадки или?..

– Какие там догадки! Аргайл успел многое разузнать. Думаю, нам нет смысла повторять ошибки его команды.

– Все равно не понимаю, – сказала Селестина, когда мы выбрались из шаттла и встали рядом, точно группа мыльных статуэток. – С какой стати нам соглашаться на условия этой штуковины? На корабле Форкерея должны быть орудия, способные бить с орбиты. Ими мы бы запросто вскрыли Шпиль.

– Верно, – согласился Чайлд, – и заодно уничтожили бы то, ради чего прилетели в такую даль.

– Я не предлагала стереть Шпиль с поверхности Голгофы. Имелось в виду рассечение с хирургической точностью.

– Ничего не выйдет, Селестина. Шпиль – живое существо. Или машина с интеллектом, намного опережающим все, с чем мы до сих пор сталкивались. Он не потерпит агрессии применительно к себе. Аргайл в этом удостоверился.

И потом, если допустить, что Шпиль уязвим для орбитального залпа – а мы не знаем, так ли это, – удар с орбиты уничтожит все внутри. То есть экспедиция окажется напрасной.

– Но идти туда без оружия…

– Кто сказал, что мы будем безоружными? – Чайлд постучал себя по визору шлема. – У нас есть наши мозги. Вот почему я собрал именно такую компанию. Зайди речь о грубой силе, мне не пришлось бы обшаривать весь Йеллоустон в поисках столь могучих мозгов, как ваши.

Тут подала голос Хирц – ее можно было узнать по менее объемному, чем другие, скафандру:

– Ты бы лучше болтал поменьше.

– Форкерей, мы на связи, – произнес Чайлд. – Почти добрались. Спустите нас в пределах двух километров от основания Шпиля. Остальной путь преодолеем пешком.

Капитан подчинился и повел караван скафандров вниз. С начала перемещения по планете он управлял всеми скафандрами, но теперь каждый обрел свободу и мог передвигаться самостоятельно.

Сквозь многочисленные армированные и прочие слои скафандра я ощущал грубую поверхность планеты под подошвами башмаков. Вскинул облепленную перчаткой руку и поймал легкий бриз, пронзавший тонкую атмосферу Голгофы. Тактильные ощущения транслировались безошибочно, и попытку

шагнуть вперед скафандр подхватил столь уверенно, что ни на миг не возникло ощущения чужой помощи. Видимость была отличная – скафандр проецировал изображение извне на тыльную сторону визора, не вынуждая раздраженно щуриться.

Полоса в верхней части экрана отображала картинку на все триста шестьдесят градусов, и я мог увеличить любой ее фрагмент, почти не задумываясь над тем, как это сделать. Различные датчики и шкалы – сонар, радар, температура, гравиметрия – выводились для отображения с той же легкостью. Глядя вниз, я мог попросить скафандр вырезать меня из картинки, и получалось, что я как бы смотрю на ландшафт вокруг бестелесно. По дороге к Шпилю скафандр помечал подсветкой различные объекты; неоновые кружева вспыхивали то возле причудливого нагромождения камней, то над затейливыми изгибами местности. После нескольких минут пути эта игра света меня утомила, и я отрегулировал чувствительность скафандра до уровня, который сам посчитал приемлемым, чтобы он не проявлял чрезмерной бдительности, но и в спячку не впадал.

Наш отряд возглавляли теперь двое – к Форкерею присоединился Чайлд. Их было трудно различить, но мой скафандр частично стер «мыльные» коконы вокруг тел, и потому казалось, что эти двое шагают по чужой планете без всякой защиты, не считая призрачной второй кожи. Оборачиваясь ко мне, они, естественно, наблюдали ту же оптическую иллюзию.

Тринтиньян вышагивал чуть позади, перемещаясь с той автоматоподобной одеревенелостью, к которой я постепенно начинал привыкать.

За ним шла Селестина, а я следовал за нею по пятам.

Замыкала группу Хирц, маленькая, смертоносная и – как я усвоил, познакомившись с ней поближе, – ничуть не похожая на тех немногих детей, которые встречались мне ранее.

А впереди, вырастая все выше, воздвигалась та штука, которую мы прилетели покорять.

Конечно, она была видна задолго до того, как мы выступили в путь. В конце концов, эта дура в четверть километра высотой! Но, мне кажется, мы все постарались отрешиться, вычеркнуть ее из восприятия до тех пор, пока не приблизимся. Лишь теперь, когда наши ментальные щиты опустились, мы позволили себе принять во внимание факт существования гигантской конструкции.

Огромная, безмолвная, она заслоняла собой небо.

Во многом она соответствовала тем картинкам, которые нам показывал Чайлд, разве что выглядела куда более массивной, если угодно – более весомой и реальной. До ее основания

оставалось метров двести, но средняя часть, то самое лампообразное навершие, уже как будто нависало над нами, грозя вот-вот обрушиться и раздавить в лепешку. Это впечатление усугублялось редкими высотными облаками, что пролетали над конструкцией, гонимые реактивными воздушными потоками Голгофы. Вообще конструкция выглядела так, словно готова обвалиться. Стоило мне осмыслить, сколь она велика – сколь древнее это сооружение и сколь оно опасно для мелочи вроде нас, – сама мысль о том, чтобы проникнуть внутрь и подняться наверх, стала подозрительно смахивать на безумную фантазию.

Но голос рассудка вовремя напомнил, что именно такого эффекта, скорее всего, добивались неведомые создатели Шпиля.

Поэтому следующий шаг к основанию сооружения дался чуточку легче.

– Что ж, – проговорила Селестина, – мы, похоже, отыскали Аргайла.

Чайлд кивнул:

– Ага. То, что осталось от бедняги. К тому времени мы успели найти несколько конечностей, но его тело можно было признать относительно целым. Внутри Шпиля он лишился ноги и все-таки смог выбраться наружу прежде, чем его умертвили удушье и потеря крови. Вон там, умирая, он делился знаниями с зондом Чайлда, который наконец-то соизволил появиться из укрытия.

Быть может, на грани смерти несчастному капитану привиделся благой стальной ангел.

Сохранился он не очень хорошо. На Голгофе не было ни бактерий, ни относительно жаркого климата, зато налетали яростные песчаные бури, а потому слой песка то покрывал тело в скафандре, то отползал, унося с собой элементы снаряжения. Если коротко, то скафандр Аргайла частично исчез, а в визоре шлема зияла трещина, обнажавшая череп. Кое-где к костяку еще цеплялись клочья высушенной ветром кожи, но лица по ним было не восстановить.

Чайлд с Форкереем покосились на труп и прошли мимо, а Тринтиньян опустился на колени и тщательно осмотрел тело. Рядом парила камера-дрон, принадлежавшая ультра. Она снимала происходящее под разными углами, выдвигая многочисленные объективы.

– Что бы ни отняло его ногу, это было сделано чисто, – изрек доктор, аккуратно отодвигая ошметки скафандра и обнажая культю. – Видите? Кость и мышцы разрезаны в одной и той же плоскости. Ни дать ни взять геометрический срез платонова тела[14]. Я бы сказал, что был задействован лазер, но не

наблюдаю никаких признаков прижигания. На мой взгляд, такой чистый срез дает еще водяная струя под высоким давлением или необыкновенно острое лезвие.

– Все это замечательно, док. – Хирц присела рядом с Тринтиньяном. – Спорим, больно было до охренения?

– Не обязательно. Степень боли во многом зависит от способа, которым разъединяются нервные окончания. В данном случае, мне кажется, шок не был основной причиной смерти. – Доктор Тринтиньян провел пальцами по красной полоске ткани чуть выше культи. – А кровотечение, судя по всему, оказалось не таким сильным, как следовало ожидать без прижигания раны. Вероятно, это жгут, извлеченный из аптечки скафандра. В той же аптечке наверняка нашлось и обезболивающее.

– Ну, лекарства его не спасли, – заметил Чайлд.

– Очевидно, – согласился Тринтиньян и выпрямился. (Почему-то его движение заставило меня вспомнить ленту эскалатора). – Но мы должны заключить, что его состояние, с учетом полученных увечий, было поразительно стабильным.

Если смотреть по вертикали, Кровавый Шпиль толщиной был всего в несколько десятков метров, причем прямо под лампообразным навершием заметно сужался. Правда, нижняя его часть была значительно шире, как у шахматных фигур, и образовывала могучее основание. Диаметр этого цоколя, если можно его так назвать, составлял не меньше полусотни метров – пятую часть высоты сооружения. Издалека казалось, что Шпиль прочно опирается на основание, ведь массивный обелиск по всем законам физики требовал надежного «якоря» на земле.

На самом деле все обстояло иначе.

Основание Шпиля вовсе не касалось поверхности Голгофы, парило над ней, и расстояние между ним и землей достигало пяти или шести метров. Все выглядело так, будто кто-то возвел сооружение на подпорках, потом выбил эти подпорки, и оно осталось стоять, вопреки ожиданиям и страхам.

Мы уверенно подошли к границе тени и остановились: никто не рвался стать первым человеком, ступившим под этакую махину.

– Форкерей? – позвал Чайлд.

– Слушаю.

– Запускайте дрон, пусть проверит.

Камера залетела под основание Шпиля и начала двигаться кругами, неспешно увеличивая кривизну спирали. То и дело в основание вонзались лазерные лучики, пару раз сама камера ударялась о неведомый материал и отскакивала. Форкерей

бесстрастно следил за потоком данных, поступавших на его скафандр.

– Ну? – не вытерпела Селестина. – Какого дьявола эта хрень не падает?

Форкерей осторожно шагнул под основание.

– Никаких полей, ни тебе даже мельчайшего возмущения магнитосферы Голгофы. И локальный гравитационный вектор практически не меняется. Прежде чем мы ударимся в бесплодные домыслы, замечу, что скрытых опор тоже нет.

Селестина помолчала, а затем произнесла:

– Хорошо, давайте предположим, что Шпиль невесом. Здесь есть воздух, не то чтобы много, конечно, однако почему не допустить, что Шпиль преимущественно полый? А значит, он вполне может летать, как воздушный шар.

– Не пойдет. – Форкерей разжал пальцы перчатки и поймал дрон, прилетевший к нему, точно тренированная пустельга. – Над нами явно цельная структура. Не могу определить массу, но сооружение блокирует космические излучения, и наши методы сканирования, по-видимому, бесполезны.

– Форкерей прав, – подал голос Чайлд. – Но я понимаю ваше нежелание соглашаться с ним, Селестина. В текущей ситуации отрицание вполне логично.

– Отрицание?

– Вы не хотите мириться с откровенной чужеродностью этого сооружения. Увы, вам придется уступить, как уступил я сам.

– Вот почувствую, что готова, тогда и смирюсь. – Селестина шагнула вперед и присоединилась к Форкерею под основанием Шпиля.

Посмотрела вверх, огляделась по сторонам… Она походила не столько на человека, рассматривающего картину, сколько на мышь, угодившую под тапок.

Я точно знал, о чем она думает.

За четыре столетия путешествий по дальнему космосу людям попадались разве что намеки на существование чужого разума. Мы давно подозревали, что космос не пустует, что где-то кто-то в нем есть. Но с ходом времени эти подозрения утрачивали свою первоначальную остроту: планета за планетой открывали нам разве что мимолетные проблески глубокой древности, когда существовали некие славные культуры, ныне обратившиеся в прах и пепел. Жонглеры образами, безусловно, были порождениями разума, но никто не доказал, что сами они разумны. К тому же, перемещаясь в далеком прошлом от звезды к звезде, сегодня они не располагали никакими технологиями, доступными для нашего понимания. Таинственные затворники были немногим лучше: их

разумы прятались в раковинах-коконах преобразованного пространства-времени.

Люди никогда не видели их вживую, а о природе и намерениях этой культуры оставалось лишь догадываться, терзаясь объяснимыми опасениями.

Кровавый же Шпиль отличался от всего, виденного ранее.

Несмотря на свою чужеродность, несмотря на то, что он будто посмеивался над нашими нелепыми рассуждениями о том, как надлежит вести себя материи и гравитации, это явно было нечто искусственного происхождения. Кроме того, прибавил я мысленно, если он ухитрился провисеть над поверхностью Голгофы до наших дней, крайне маловероятно, что прямо сейчас он вдруг решит свалиться нам на головы.

Я переступил незримую границу, и остальные последовали моему примеру.

– Поневоле задумаешься, что за существа его построили, – сказал я. – Может, у нас с ними похожие надежды и страхи. А может, они настолько далеки от нас, что мы восприняли бы их как богов.

– Да мне плевать на строителей, – откликнулась Хирц. – Я просто хочу узнать, как пробраться внутрь этой хреновины. Чайлд, подкинешь идейку?

– Способ существует, – проронил Чайлд.

Следом за ним мы собрались тесным боязливым кружком под основанием, приблизительно посредине его. Отсюда стало видно, что прямо над нами располагается пятно – круг полнейшей тьмы на сером сумраке основания Шпиля.

– Туда? – неверяще произнесла Хирц.

– Да, это единственный вход, – ответил Чайлд. – И единственный способ выбраться наружу живыми.

– Скажи, Роланд, – вмешался я, – как конкретно проникли в Шпиль Аргайл и его команда?

– Наверное, притащили какой-то помост. Или лесенку.

Я огляделся по сторонам.

– Если меня не подводит зрение, вокруг ничего такого не видно.

– Нам все равно не нужна лесенка, с нашими-то скафандрами. Форкерей?

Ультранавт кивнул и подкинул вверх камеру-дрон.

Та подлетела к черному пятну и исчезла внутри. Несколько секунд ничего не происходило, лишь посверкивал изнутри пятна алый огонек. Затем камера вынырнула обратно и скользнула в ладонь Форкерея.

– Наверху есть помещение, – сообщил капитан. – Пол ровный,

двадцать метров в поперечнике, расстояние до потолка позволяет выпрямиться во весь рост. Видно что-то вроде двери или люка, ведущего вглубь Шпиля. Люк закрыт.

– Значит, опасность нам пока не грозит? – спросил я.

– Опасно тут все, – сообщил Чайлд. – Но Аргайл утверждал, что в первом зале чисто. Придется поверить ему на слово.

– Там хватит места для нас всех?

– Запросто, – подтвердил Форкерей.

Почему-то я ждал какой-то церемонии, какого-то ритуала, даже таинства для посвященных, хотя бы зловещих заклинаний, но мы лишь взмыли к основанию Шпиля и юркнули в пятно, словно поставили дружно ноги на давно знакомый горный склон, нисколько не смущенные угрозами и ловушками, несомненно поджидавшими впереди.

Помещение в точности соответствовало описанию Форкерея.

Было темно, но камера-дрон давала слабую подсветку, а датчикам наших скафандров темнота не была помехой: они быстро сосканировали помещение и вывели картинку на визоры шлемов.

Пол казался металлическим, тут и там в нем зияли щербины, а закругленные грани отверстия – того самого черного пятна, если смотреть снаружи, – выглядели потертыми от времени.

Я наклонился. На ощупь сплав под ногами воспринимался одновременно твердым и податливым – словно был готов просесть, если на него как следует надавить. По визору бежали строчки отчета, сообщавшие, что температура пола всего на сто пятнадцать градусов выше абсолютного нуля. Хемосенсор перчатки отрапортовал, что пол состоит преимущественно из железа с вкраплениями углерода, причем последний присутствует в аллотропных модификациях[15], неизвестных прибору. Еще имелись признаки практически всех прочих изотопов периодической таблицы, но, как ни странно, отсутствовало серебро. Впрочем, это были, так сказать, сугубо теоретические выводы – когда хемосенсор попытался «отщипнуть» микроскопический фрагмент пола для более подробного анализа, результатом стала череда панических сообщений об ошибке, после чего датчик вырубился.

Я попробовал узнать состояние собственного скафандра.

Хемосенсор не реагировал.

– Починить, – приказал я скафандру и дал разрешение использовать для ремонта необходимые ресурсы.

– Что-то не так, Ричард? – поинтересовался Чайлд.

– Скафандр повредил. Мелочь, но отвлекает. Похоже, Шпилю не понравилась моя попытка взять образец.

– Эх, моя вина. Надо было предостеречь вас заранее. У команды Аргайла возникли те же проблемы. Ни соскобов взять, ни кусочка ни вырезать. Считай это первым предупреждением.

– Очень любезно с его стороны, – проворчал я.

– Ты уж поосторожнее там, ладно? – Чайлд на общем канале распорядился отключить хемосенсоры: мол, включите, когда я разрешу. Хирц пробурчала ругательство, но остальные беспрекословно подчинились.

Между тем я продолжал обозревать помещение и радовался тому обстоятельству, что попытка познакомиться со Шпилем поближе не вызвала более резкой реакции. Стены, по-видимому, были из того же хитрого сплава, что и пол. Какие-либо элементы обстановки отсутствовали, зато в метре от пола виднелась та самая дверь, о которой упоминал Форкерей. К ней вели три широкие ступени.

В ширину дверь была около метра, а в высоту примерно вдвое больше.

– Эй, погодите-ка! – окликнула нас Хирц.

Она стояла на коленях и прижимала ладонь к полу.

– Может, не стоит? – сказал я. – Меня уже наказали за то же самое…

– Я отключила ту хемохрень, не переживай.

– Тогда в чем дело?

– Да ты сам проверь. Хватит вопросами сыпать.

Мы медленно опустились на колени и прикоснулись к полу. При прошлом прикосновении он ощущался холодным и мертвым, как пол подземной гробницы, но теперь все вдруг переменилось: пол мелко вибрировал, как будто где-то поблизости сходил с ума мощный мотор или крутилась обезумевшая турбина, норовя вырваться из удерживающих ее креплений. Вибрация то усиливалась, то ослабевала, а приблизительно раз в тридцать секунд достигала этакого крещендо, как если бы кто-то медленно делал крайне затяжной вдох.

– Оно живое, – проговорила Хирц.

– Пару минут назад все было иначе.

– Ну да. – Хирц повернулась в мою сторону. – Только теперь эта хрень проснулась. Она знает, что мы внутри.

Глава 3

Я подошел к двери и пригляделся.

Ее размеры казались вполне обычными, и это успокаивало, надо было лишь немного пригнуться, переступая порог. Правда, пока дверь была закрыта и пряталась за тонким металлическим листом, который, наверное, отодвинется, когда мы сообразим, как это сделать. Подсказки, вероятно, следовало искать на дверных косяках, усеянных слабо различимыми геометрическими метками.

Почему-то я заметил их не сразу.

Метки присутствовали на вертикальных опорах и на перекладине вверху. Если смотреть снизу вверх слева, все начиналось с точки, слишком жирной, чтобы счесть ее случайно оставленным пятном; далее по порядку располагались равнобедренный треугольник с плоской вершиной, пятиугольник и семиугольник. Справа обнаружились три других многоугольника – с одиннадцатью, тринадцатью и двадцатью сторонами соответственно.

– Ну? – спросила Хирц у меня из-за плеча. – Светлые мысли будут?

– Простые числа, – сказал я. – Это, по крайней мере, самое легкое объяснение. Смотри, слева у нас получается четыре простых числа, если считать по вершинам, – единица, тройка, пятерка и семерка.

– А что справа?

Вместо меня ответил Чайлд:

– Одиннадцатигранная фигура – следующая в этой последовательности. Тринадцать – это слишком много для простого числа, а двадцать – вовсе не простое число.

– Выходит, если выберем одиннадцать, то сорвем куш? – Хирц протянула руку, явно собираясь нажать на нижнюю фигуру справа; с ее ростом она могла это сделать, не поднимаясь по ступенькам. – Надеюсь, другие испытания будут такими же элемен…

– Стой, торопыга! – Чайлд перехватил ее пальцы. – Давайте не будем спешить. Не нужно ничего трогать, пока все не согласятся. Договорились?

Хирц отдернула руку:

– Как скажешь.

Понадобилось всего несколько минут, чтобы остальные пришли к тому же выводу: одиннадцатигранная фигура выглядит наиболее предпочтительно. Селестина колебалась дольше других,

долго изучала правую стойку, но в конце концов неуверенно кивнула.

– Я проявляю осторожность, не более того, – объяснила она. – Нельзя действовать наобум или по наитию. А вдруг здешние хозяева читали справа налево? Тогда правая сторона начинает последовательность, а левая ее завершает. А может, они мыслили диагонально или как-то еще?

Чайлд кивнул:

– Согласен, очевидный выбор вполне может оказаться неправильным. Совсем не исключено, что последовательность тут иная, для нас невообразимая, не укладывающаяся в нашу логику. Вот почему, кстати, я пригласил Селестину. Если кто и сумеет распознать все эти тонкости, то только она.

Селестина повернулась к нему:

– Прошу вас, Чайлд, не надо безоглядно верить в способности, которыми меня наделили жонглеры.

– Я и не верю, но порой обстоятельства вынуждают. – Он покосился на специалиста по проникновениям: Хирц по-прежнему пялилась на символы. – Что ж, твой ход.

Хирц прикоснулась к дверному косяку, полностью накрыла одиннадцатигранную фигуру ладонью.

После короткой, но отягощенной страхами паузы раздался щелчок, а пол внезапно завибрировал сильнее прежнего. Дверь медленно, величаво откатилась, открыв доступ в следующее темное помещение.

Мы переглянулись, исподтишка присматриваясь друг к другу.

Никаких изменений. Никто из нас не пострадал внезапно и жестоко.

– Форкерей, давай, – произнес Чайлд.

Ультранавт знал, что тот имеет ввиду. Он швырнул в дверной проем камеру-дрон и подождал несколько секунд, пока она снова не оказалась в его руках.

– Тоже металл, помещение немного меньше, пол вровень с дверью, значит мы поднимемся где-то на метр. В дальнем конце дверь, также с символами на косяках. В остальном пусто, сплошной голый металл.

– А что насчет обратной стороны первой двери? – спросил Чайлд. – Там что-нибудь изображено?

– Дрон ничего не видит.

– Ладно, побуду подопытной свинкой. Я пойду первым, а вы наблюдайте. Думаю, если даже дверь закроется, я сумею снова ее открыть. Аргайл говорил, что Шпиль не мешает тем, кто хочет уйти, при условии что они не попытались сначала пройти дальше.

– Сам вызвался, – буркнула Хирц. – Валяй, мы тут поторчим.

Если дверь закроется, ждем минуту, потом пробуем открыть с нашей стороны.

Чайлд взошел по ступенькам, переступил порог. Помедлил, оглядываясь, обернулся к нам, взирая сверху вниз.

Дверь не шелохнулась.

– Видимо, она так и останется открытой. Кто со мной?

– Подожди, – остановил его я. – Пока мы все туда не забрались, давай разберемся со следующей загадкой. Зачем лезть в ловушку всей толпой? Вдруг мы не сумеем разгадать новые символы?

Чайлд пересек помещение и стал перед дальней стеной.

– Дельная мысль. Форкерей, транслируйте остальным картинку с моего визора.

– Готово.

Теперь мы видели то, что видел Чайлд, а его взгляд блуждал по дверным косякам. Новые значки тоже выстраивались в некую последовательность, но вот их очертания выглядели непривычно. Слева от двери были изображены по вертикали четыре загадочные фигуры. Каждая состояла из четырех прямоугольников различного размера, состыкованных в разных конфигурациях. Справа, когда Чайлд перевел взгляд туда, отыскались четыре похожих символа, и казалось, что они неотличимы от левых.

– Это явно не геометрическая прогрессия, – заметил Чайлд.

– Нет, – негромко, почти шепотом, ответила Селестина. – Больше смахивает на сохранение симметрии при разнообразных преобразованиях. Нижние три фигуры слева, если судить по правым аналогам, повернуты относительно целого числа прямых углов. Но верхние две фигуры отличаются. Это повернутые зеркальные отражения.

– То есть давим на верхнюю фигуру справа?

– Может быть. Или на левую верхнюю. Она тоже подходит.

– Умники, – процедила Хирц. – Вспомните, что мы успели выяснить. Кем бы ни были те уроды, что все это наворотили, читали они слева направо.

Чайлд поднес ладонь в перчатке к верхнему правому символу:

– Готов нажимать.

– Погоди. – Я быстро поднялся по ступенькам, пересек помещение и встал рядом с Чайлдом. – Негоже тебе оставаться тут одному.

В его взгляде, насколько я мог судить, проскользнула признательность. Никто другой не спешил к нам присоединиться. Интересно, повел бы я себя иначе, не будь мы с Роландом

друзьями с детства?

– Давай, нажимай, – сказал я. – Даже если мы ошиблись, на этом этапе наказание вряд ли будет по-настоящему суровым.

Чайлд кивнул и надавил на выбранный символ.

Ничего.

– Получается, левый?..

– Попробуй. Какая уже разница – мы ведь точно ошиблись…

Чайлд послушно нажал на левый верхний символ.

Опять ничего.

Я стиснул зубы.

– Так. Будем нажимать поочередно все остальные? Ты готов?

Он посмотрел на меня и кивнул:

– Знаешь, я позвал Форкерея не просто за красивые глаза. Эти скафандры способны выдержать многое.

– Даже инопланетные фокусы?

– Вот и узнаем.

Чайлд положил ладонь на один из нижних символов.

Я внутренне сжался, не ведая, чего ожидать в наказание за преднамеренную ошибку. Может, у Шпиля какие-то свои оценки серьезности проступков и в нашем случае они неприменимы? Если уж логичный, с нашей точки зрения, выбор ни к чему не привел, надо ли наказывать за очевидно ошибочный?

Чайлд надавил на символ. Ничего.

– Есть идея. – К нам подошла Селестина. – Сдается мне, система не отреагирует ни положительно, ни отрицательно, пока все не соберутся в одном помещении.

– Проверяем, – коротко подытожила Хирц, вставая рядом.

Форкерей и Тринтиньян последовали ее примеру.

Когда доктор перешагнул порог, первая дверь – та, через которую мы вошли, – скользнула обратно. На тыльной ее стороне не было никаких значков. Форкерей сразу же попробовал открыть ее заново, но она не поддавалась.

Если вдуматься, это имело смысл. Мы согласились пройти следующее испытание, когда переступили порог. Пока испытание не пройдено, достойное отступление невозможно. Не скажу, что эта мысль меня приободрила. Помещение было меньше предыдущего, и неожиданно волной накатила клаустрофобия.

Мы сгрудились практически плечом к плечу.

– По-моему, первая комната была для тренировки, – сказала Селестина. – А дальше все будет всерьез.

– Да жмите вы гребаную кнопку! – потребовала Хирц.

Чайлд послушался. Снова малоприятная короткая пауза – должно быть, в долю секунды, но по ощущениям она тянулась и тянулась; казалось, некая судебная машина неспешно взвешивает

наши грехи и добродетели. Потом щелчок, и вибрация под ногами дала понять, что дверь открывается.

Одновременно открылась и дверь за нашей спиной. Шпиль даровал нам выход на свободу.

– Форкерей… – привычно позвал Чайлд.

Ультра не менее привычным движением швырнул во мрак камеру-дрон.

– Ну?

– Как-то однообразно тут. Помещение, дверь, картинки.

– Ловушек не видно?

– Дрон не показывает, но это ни о чем не говорит.

– Теперь я первая, – заявила Селестина. – Ждите здесь, пока я не разберусь с загадкой, ясно?

– Меня устраивает. – Хирц неотрывно глядела на открытую дверь позади.

Селестина ступила во тьму.

Я решил, что с меня достаточно: надоело видеть товарищей словно лишенными скафандров, болезненно уязвимыми. Поэтому я велел своему скафандру перестать редактировать изображение. Изменение произошло плавно: тела обросли скафандрами, будто ауры вдруг утолщились. Только шлемы остались полупрозрачными, чтобы можно было понять, кто есть кто, без назойливых визуальных подсказок на визоре.

– Очередная математическая загадка, – сказала Селестина. – Довольно простая. Пока до кипения мозгов далековато.

– Лично я обойдусь без кипения, – вставила Хирц.

Чайлд озабоченно уточнил:

– Вы уверены в ответе?

– Вполне, – подтвердила Селестина. – Идите сюда, тут безопасно.

На сей раз значки выглядели нагромождением линий, и я даже слегка занервничал. А что, если Селестина себя переоценила?

Слева от двери по всему косяку тянулась вертикальная полоса с множеством разнесенных на одинаковое расстояние горизонтальных штрихов, как на линейке. Правда, одни штрихи были глубже других. Справа располагалась такая же «линейка», но с иным размещением глубоких штрихов.

Я несколько мгновений разглядывал дверь, ожидая, что решение задачи придет на ум само собой, желая, чтобы рассудок наконец-то переключился в тот «решательный» режим, который когда-то был для меня столь естественным. Увы, комбинации штрихов не спешили выстраиваться в подобие математической

упорядоченности.

На лице Чайлда, стоявшего рядом, тоже не было понимания.

– Вы что, не видите? – удивилась Селестина.

– Нет, – признался я.

– Девяносто один штрих, Ричард. – Она говорила тоном учительницы, досадующей на бестолкового ученика. – Если считать снизу, станет ясно, что штрихи, которые глубже прочих, следующие: третий, шестой, десятый, пятнадцатый… Мне продолжать?

– Думаю, да, – понуро вздохнул Чайлд.

– Кроме перечисленных, мы имеем еще семь глубоких штрихов. Последний – девяносто первый. Ну же, давайте! Мыслите геометрически.

– Пытаюсь, – ядовито проворчал я.

– Не мучайте нас, Селестина. – Спокойствие явно давалось Чайлду с трудом.

Моя бывшая жена пожала плечами:

– Это треугольные числа.

– Здорово. Мне стыдно, – прибавил Чайлд, – но я не знаю, что такое треугольные числа.

Селестина устремила взгляд вверх, как бы моля потолок даровать ей терпение.

– Ладно. Представьте себе точку.

– Представил, – подтвердил Чайлд.

– Окружите эту точку шестью другими, на равном расстоянии друг от друга. Получилось?

– Да.

– Продолжайте добавлять новые точки во всех направлениях, сколько сможете, и у каждой должно быть шесть соседей.

– Ну, допустим.

– У вас должно выйти что-то вроде китайской шашечной доски. Снова выберите отдельную точку, поближе к центру. Проведите от нее линию к соседней из шести, а потом линию к одной из двух точек с любой стороны от той, которую вы присоединили первой. Соедините эти две соседние точки. Что получается?

– Правильный треугольник.

– Замечательно. С тройкой разобрались. Удлините стороны треугольника вдвое. Сколько точек мы соединим в итоге?

После недолгого молчания Чайлд ответил:

– Полагаю, шесть.

– Верно. – Селестина повернулась ко мне. – Ты с нами, Ричард?

– Более или менее. – Я старательно рисовал точки в

мысленном поле.

– Тогда продолжаем. Если утроить размеры треугольника, мы соединим девять точек по сторонам и добавим одну в центре. Это десять. Если учетверим длину сторон, результат – пятнадцать. – Она прервалась, давая нам время представить. – Ну и так далее, еще восемь операций, до девяносто одного – это по тринадцать точек на каждой линии.

– Последний штрих, – произнес я, принимая за данность, что Селестина и вправду решила эту задачу.

– Однако мы видим, что на самом деле глубоких штрихов семь, а не восемь, – сказала она. – Следовательно, нужно найти справа штрих, который соответствует искомому треугольному числу.

– Че? – не выдержала Хирц.

– Смотрите, это просто. Я-то знаю ответ, но вы меня проверьте на всякий случай. Треугольники формируют простую последовательность. Если имеется *n* точек в нижней линии последнего треугольника, в следующем будет уже n плюс один. Прибавим единицу к двойке, получим три. Один плюс два, плюс три, плюс четыре равно десяти. Дальше пятнадцать, двадцать один… – Селестина помолчала. – Думайте, прошу вас. Если так проще, нарисуйте себе шашечные доски на визорах. Форкерей, помогите, пожалуйста. Выделяйте треугольники по одному.

Мы послушались. Все заняло около четверти часа, но к исходу этого срока наша компания, включая Хирц, убедилась, что Селестина права. Единственным недостающим вариантом, как мы установили простым перебором чисел, были пятьдесят пять точек, и этот вариант совпадал с одним из глубоких штрихов справа от двери.

Ну да, очень просто. Пора нажимать.

– Мне это не нравится, – проворчала Хирц. – Теперь-то я понимаю… но не понимала, пока мне не растолковали. А что, если есть другая схема, которую мы не замечаем?

– Нет такой схемы, – холодно изрекла Селестина.

– Послушайте, не надо спорить, – вмешался Чайлд. – Да, Селестина решила задачу первой, но мы в ней и не сомневались. Не злись на себя, Хирц. Тебя пригласили не для того, чтобы ты разгадывала математические головоломки. Как и Тринтиньян с Форкереем, ты здесь для другого.

– Ага, спасибо, что напомнил. Глядишь, пригожусь.

Хирц шагнула вперед и нажала на нужный штрих справа от двери.

Следующие пять помещений мы преодолели вполне

уверенно. Задачи становились все труднее, но в ходе обсуждения мы неизменно находили решение, причем не настолько эзотерическое, чтобы кто-то его не понял. Чем сложнее делались задачи, тем больше места у дверей занимали значки, но в остальном обстановка вокруг оставалась ровно той же самой. Никто не торопил нас с ответами, а всякий раз, когда мы решали очередную задачу, Шпиль услужливо открывал нам дорогу обратно. Двери позади нас закрывались, только когда все мы перебирались в новое помещение, поэтому мы могли оценить сложность задачи, прежде чем браться за ее решение. Желая убедиться в том, что путь наружу свободен, мы поручили Хирц вернуться по галерее комнат к стартовой точке. Она благополучно достигла первого помещения – все пройденные двери исправно открывались и закрывались, – а затем вновь присоединилась к нам, вводя уже проверенные коды.

Впрочем, она сообщила кое-что, заставившее встревожиться.

– Не знаю, почудилось мне или нет…

– В чем дело? – требовательно спросил Чайлд.

– Дверные проемы будто сужаются и становятся ниже. В первой комнате совершенно точно косяки были выше. Мы долго возимся с каждой дверью, а то бы раньше заметили.

– Бессмыслица какая-то, – проговорила Селестина.

– Говорю же, может, мне почудилось.

Но все мы твердо знали, что Хирц не придумывает. Последние два раза, когда я пересекал порог новых комнат, мой скафандр задевал края дверного проема. В те мгновения я не придал этому значения, списал на собственную неуклюжесть.

– Знаете, я тоже думал о дверях, – сказал я. – Никому не показалось странным, что первая дверь была идеально подходящего размера? Будто ее перетащили сюда из какой-нибудь человеческой постройки.

– Но почему они уменьшаются? – спросил Чайлд.

– Не могу ответить. По-моему, Хирц права, и это меня беспокоит.

– И меня. Но не будем торопить события, пока все приемлемо. – Чайлд повернулся к ультранавту. – Форкерей, прошу вас, окажите нам услугу.

Я уставился в темноту помещения впереди. Дверь откатилась в сторону, однако никто не переступал порог. Как заведено, мы ждали, чтобы Форкерей послал на разведку камеру-дрон и подтвердил отсутствие ловушек наподобие зияющих провалов в полу.

Капитан метнул дрон в дверной проем. Мы наблюдали привычные кружения красного огонька.

– Никаких сюрпризов, – сообщил Форкерей тем равнодушным тоном, каким он излагал предыдущие оповещения от камеры. – Металл, пустая комната… Чуть меньше той, в которой мы находимся. Дверь в дальней стене, ширина проема – по полметра с каждой стороны. Все плотно зарисовано, Селестина.

– Справлюсь, не сомневайтесь.

Форкерей подступил ближе к порогу, вскинул руку и растопырил пальцы. Со спокойным выражением лица он ожидал возвращения дрона. Мы, как обычно, смотрели на него. Пауза затянулась, и только тогда мы заподозрили, что что-то не так.

Следующая комната пряталась во мраке. Ни следа красного огонька.

– Камера… – проронил Форкерей.

Взгляд Чайлда метнулся к ультранавту:

– Что такое?

– Она прекратила передачу. Я не могу ее отыскать.

– Это же невозможно!

– Сам знаю. – Лицо ультра исказилось от страха, который он безуспешно пытался скрыть. – Она пропала.

Чайлд шагнул в темноту за порогом.

Я восхитился его мужеством – и вдруг ощутил, что пол под ногами содрогнулся. Краем глаза успел заметить стремительное движение – так бывает, когда моргаешь.

Задняя дверь, впустившая нас в очередное помещение, с лязгом закрылась.

Селестина рухнула навзничь. Перед ударом она застыла в дверном проеме.

– Нет! – выдавила она, громко стукнувшись о пол.

– Чайлд! – позвал я, зачем-то повысив голос до крика. – Оставайся где стоишь – у нас проблемы!

– Какие?

– Дверь позади закрылась и придавила Селестину. Она пострадала…

Я опасался худшего – тяжелая дверь могла оторвать ей руку или ногу, но, по счастью, все было не настолько серьезно. Ребро двери прокатилось по штанине скафандра и сточило добрый дюйм армированной ткани, но сама Селестина не получила ни царапины. Более того, поврежденная часть скафандра сохранила герметичность, система управления осталась в целости, передвижениям ничто не мешало.

Уже взялись за работу ремонтные механизмы скафандра.

Селестина села.

– Со мной все в порядке. Удар был сильным, но, насколько я

вижу, повреждения несущественные.

– Уверена? – уточнил я, протягивая ей руку.

– Полностью, – ответила она, поднимаясь на ноги самостоятельно.

– Вам повезло, – сказал Тринтиньян. – Вы лишь частично перегораживали проход. Иначе, боюсь, дверь нанесла бы вам куда более серьезные раны.

– Что стряслось-то? – спросила Хирц.

– Наверное, Чайлд виноват, – заметил Форкерей. – Едва он вошел в следующую комнату, дверь начала закрываться. – Ультра сделал шаг к открытому дверному проему. – Что там с моей камерой, Чайлд?

– Понятия не имею. Ее тут нет. На полу ни следа обломков, и нет никаких признаков устройства, которое могло бы ее уничтожить.

Наступившую тишину нарушило пыхтение Тринтиньяна.

– На мой взгляд, это все не лишено некоего извращенного смысла.

– Да неужели? – процедил я.

– Да, мой дражайший друг. Подозреваю, что Шпиль терпел присутствие камеры, заманивая нас, внушая, если угодно, ложную уверенность в наших силах. А теперь он решил, что мы способны обойтись без технических подручных средств. Он больше не позволит нам получать предварительные сведения о помещениях за дверями впереди. И вернуться не разрешит, пока мы не разгадаем текущую загадку.

– Хотите сказать, он меняет правила на ходу? – спросила Хирц.

Серебряная маска доктора повернулась в ее сторону.

– О каких правилах вы говорите, Хирц?

– Не грузите меня, док. Вы же поняли, что я хотела сказать.

Тринтиньян погладил пальцем визор шлема в области подбородка:

– Честно говоря, сомневаюсь. Разве что вы допускаете, что Шпиль до сих пор придерживался какого-то набора инструкций. Уверяю вас, вы предельно далеки от истины.

– Нет, – возразил я. – Хирц кое в чем права. Правила существуют. Мы ведь знали, что Шпиль не потерпит никакого физического воздействия. Знали, что он не пустит нас дальше, пока мы все не соберемся в одной комнате. Как по мне, это совершенно четкие правила.

– Тогда как быть с дроном и с дверью? – спросил Чайлд.

– Полагаю, выводы Тринтиньяна разумны. Шпиль заманивал нас, побуждая считать, что все организовано по правилам. Но

больше у нас нет ни малейшего резона так думать.

Хирц кивнула:

– Отлично. Каких пакостей прикажете ждать?

– Не знаю. – Я выдавил улыбку. – Узнать можно только одним способом – двигаться дальше.

Мы оставили позади еще восемь комнат, на решение задач в каждой тратили от часа до двух.

Пару раз возникал спор по поводу того, не пора ли развернуться восвояси (заводилой выступала Хирц), но задачи, которые подкидывал Шпиль, поддавались решению, в них не было ничего экстраординарного. Так что мы продолжали путь. Комнаты в большинстве своем пустовали, однако иногда появлялись узкие, забранные решетками окна, прикрытые вдобавок панелями из материала, явно более прочного, нежели стекло или даже алмаз. Порой сквозь эти окна проглядывали сумрачные внутренние помещения Шпиля, а разочек нам удалось бросить взгляд наружу и получить представление о том, насколько высоко мы поднялись. Форкерей, отслеживавший наше передвижение по инерционному компасу и гравитометру, сказал, что, считая от первой комнаты, мы взобрались на пятнадцать метров по вертикали. Звучало не слишком внушительно: до вершины оставалось более двухсот метров. Несколько сотен комнат… Неужто и впредь каждая новая будет подсовывать задачу похлеще, чем предыдущая?

А двери явно становились все меньше.

Уже приходилось в них протискиваться. Конечно, каждый скафандр мог менять форму, но у компактности имелись свои пределы.

Нам потребовалось шестнадцать часов, чтобы достичь места, где мы сейчас находились. При такой скорости продвижения подъем до вершины займет много дней.

Впрочем, никто и не ожидал особой прыти.

– Хитро, – признала Селестина, вдоволь налюбовавшись на очередную графическую загадку. – Кажется, я догадываюсь, в чем суть, но…

– Догадываетесь или знаете наверняка? – перебил Чайлд.

– Что сказала, то и сказала. Сами попробуйте. Может, пустим кого другого вперед вместо меня?

Я накрыл перчаткой рукав скафандра Селестины и обратился к ней по выделенному каналу:

– Не заводись. Он просто нервничает, вот и все.

Она сбросила мою руку:

– Я не нуждаюсь в твоей опеке, Ричард!

– Прости. Я всего лишь…

– Забыли. – Селестина отключила меня и обратилась ко всей группе: – Думаю, эти значки обозначают тени. Смотрите.

Мы уже достаточно освоились с тем, чтобы рисовать геометрические фигуры при помощи визуализаторов наших скафандров. Эти рукотворные галлюцинации – на любой поверхности – было довольно несложно сделать доступными для всеобщего обозрения.

Селестина, лучше прочих владевшая техникой «скафандровой живописи», начертила на стене комнаты короткую горизонтальную красную линию.

– Видите? Это одномерная линия. Следите внимательно. – Она разделила линию надвое, добавила две вертикальные полоски и сотворила квадрат, повертела его туда-сюда и снова развернула в прямую линию.

– Ну, следим. И?.. – Чайлд явно не понимал.

– Можно трактовать линию как одномерную тень двухмерного объекта. В нашем случае – квадрата. Понятно?

– Думаю, мы уловили суть, – признал Тринтиньян.

Селестина восстановила квадрат, потом раздвоила его и сместила копию по диагонали вниз – две фигуры соприкасались гранями.

– Дальше. Перед нами двухмерная фигура, которая является тенью трехмерной, то есть куба. Если я стану вращать куб, она будет меняться. Видите, как она то вытягивается, то сжимается?

– Разумеется, – откликнулся Чайлд, наблюдая за вращением двух сопряженных квадратов.

Это вращение завораживало своей плавностью, и один квадрат как бы перетекал в другой в воображаемом кубе на стене.

– Ну так вот. По-моему, все эти фигуры, – Селестина указала ладонью в сторону затейливых узоров возле двери, – представляют собой двухмерные отражения четырехмерных объектов.

– Охренеть, – проронила Хирц.

– Давайте сосредоточимся, и вы все поймете, обещаю. Вот это гиперкуб, четырехмерный аналог куба. Берем обычный куб, проецируем его вовне, точно так же, как поступали с квадратом, когда творили сам куб. – Мне вдруг показалось, что Селестина, раздосадованная нашим тупоумием, готова в отчаянии всплеснуть руками. – Ладно, просто смотрите! – Она нарисовала на стене куб внутри другого, чуть больше размерами, и соединила углы обеих фигур диагональными линиями. – Вот так выглядит трехмерная тень гиперкуба. Все, что требуется, это исказить тень, убрав одно измерение – сначала до двухмерного,

потом до такого… – Она ткнула пальцем в какой-то узор рядом с дверью.

– Вроде бы я сообразил, – неуверенно, с запинкой произнес Чайлд.

Я был склонен с ним согласиться, хотя не поручился бы, что понял до конца. Мы с Чайлдом в юности баловались трехмерными головоломками, но это было именно баловство – никакого интуитивного проникновения в зубодробительные математические дебри.

– Ладно, – сказал я, – допустим, перед нами тень тессеракта. Что с нею нужно сделать?

– Вот это. – Селестина показала на другую сторону двери, где присутствовала иная, совершенно, на мой взгляд, непохожая на первую, но не менее причудливая фигура. – Это тот же самый объект, только перевернутый.

– Тень способна меняться настолько радикально?

– Привыкай, Ричард.

– Ладно, – повторил я. Она явно до сих пор злилась на то, что я посмел до нее дотронуться. – А остальные?

– Здесь сплошь четырехмерные объекты, относительно простые геометрические формы. Вон четырехмерный симплекс, иначе гипертетраэдр. Вон гиперпирамида с пятью гранями-тетраэдрами… – На лице Селестины внезапно появилось странное выражение. – Забудьте. Важно то, что все соответствующие фигуры справа должны быть тенями многоугольников слева, а тени получаются элементарным вращением в пространстве измерений более высокого уровня. Но одна фигура отличается…

– Какая?

Она уставила палец в косяк:

– Эта.

– Ты уверена? – скептически справилась Хирц. – Лично у меня башка совсем не варит.

Селестина утвердительно кивнула:

– Да, я уверена абсолютно.

– Но обосновать свою уверенность вы не в состоянии?

Она пожала плечами:

– Либо видишь, либо нет.

– Ясно… Пожалуй, нам всем стоило навестить перед отлетом жонглеров образами. Что-то мне страшно до отвращения…

Селестина молча протянула руку и надавила на символ, который сама же выделила.

– Есть новости хорошие, а есть и плохие, – сообщил Форкерей, когда мы бодро, ничуть не пострадав физически,

оставили позади еще десяток помещений.

– Начнем с плохих, – решила за всех Селестина.

Форкерей стал вещать, и в его голосе проскользнула, как мне почудилось, мельчайшая нотка довольства.

– Мы сможем пройти самое большее две или три комнаты. Дальше не пустят скафандры.

Он мог бы этого и не говорить. Последние три или четыре помещения, преодоленные группой, наглядно показали, что мы приближаемся к некоему пределу. Хитроумная внутренняя архитектура Шпиля словно стремилась лишить нас наших громоздких, объемистых скафандров. Через последнюю дверь мы все, кроме Хирц, которой повезло с ростом, едва протиснулись.

– Значит, пора сдаваться, – заметил я.

– Ну, не будем спешить с выводами, – изрек Форкерей, обнажая зубы в вампирьем оскале. – Я же сказал, что хорошие новости тоже имеются.

– Не томите, капитан, – попросил Чайлд.

– Помните, мы отправляли Хирц обратно, чтобы убедиться, что Шпиль нас выпустит, если мы решим сбежать?

– Конечно, – ответил Чайлд. – До самой точки старта Хирц не возвращалась, однако с дюжину комнат назад по нашей просьбе прошла и убедилась, что Шпиль явно настроен сотрудничать. Она не сомневалась, что при желании сможет благополучно достичь самого первого помещения.

– Мне кое-что не давало покоя, – продолжал Форкерей. – Когда она ушла, Шпиль открывал и закрывал двери на ее пути, обеспечивая проход. Какой в этом смысл? Почему бы просто не открыть все двери разом?

– Признаюсь, и меня это смущало, – поддержал Тринтиньян.

– В общем, я поразмыслил и решил, что должна быть какая-то веская причина.

Чайлд вздохнул:

– Какая же?

– Воздух, – объявил Форкерей.

– Вы ведь шутите, капитан?

Ультра покачал головой:

– Начинали мы с вакуума, во всяком случае, с воздуха, разреженного так же, как на поверхности Голгофы. Эта атмосфера держалась в нескольких первых помещениях. А затем стала меняться, очень медленно, почти незаметно, но мои датчики сразу зафиксировали перемену.

Чайлд скорчил гримасу:

– Жаль, что вам не пришло в голову поделиться с нами этим открытием.

– Я прикинул, что лучше подождать, пока изменения не сделаются очевидными. – Форкерей покосился на Селестину. Та никак не отреагировала.

– Он поступил правильно, – сказал Тринтиньян. – Я тоже заметил, что атмосферные условия понемногу меняются. Кроме того, капитан наверняка зафиксировал повышение температуры – в каждой последующей комнате чуть теплее, чем в предыдущей. Я экстраполировал факты и рискну выдвинуть предположение. Через два, максимум три помещения мы сможем избавиться от скафандров и дышать нормально.

– Снять скафандры? – Хирц воззрилась на доктора как на чокнутого. – Приятель, да ты сбрендил!

Чайлд упреждающе вскинул руку:

– Погодите. Доктор Тринтиньян, с чего вы взяли, что мы сможем дышать здешним воздухом?

– Судите сами, – пропел Тринтиньян своим механическим голосом. – Соотношение газов в атмосфере уверенно приближается к составу воздуха в наших дыхательных аппаратах.

– Но это же невозможно! Что-то не припомню, чтобы у нас брали образец.

Тринтиньян дернул подбородком:

– Тем не менее происходящее показывает, что образец был взят. На данный момент, кстати, состав воздуха в точности соответствует предпочтениям ультра. Поскольку команда Аргайла имела несколько иные предпочтения, дело отнюдь не в том, что у Шпиля, так сказать, хорошая память.

Я непроизвольно поежился.

Мысль о том, что Шпиль, эта огромная псевдоживая штуковина, сквозь которую мы, как крысы, пробирались тайком, каким-то образом исхитрился пролезть под армированную ткань наших скафандров и взять образцы воздуха, причем никто не заметил этого вторжения, – сама мысль о таком могуществе повергала в ужас. Он не только осознавал наше присутствие, но и сумел распознать, кто мы, к какому виду живых существ относимся.

Распознал нашу хрупкость и уязвимость.

Словно в награду за наблюдательность Форкерея следующая комната оказалась полупригодной для жизни – воздух плотнее прежнего, температура выше. Да, долго в ней было не протянуть, но тому, кто отважится снять скафандр, немедленная смерть уже не грозила.

Задача этой комнаты заставила попотеть даже Селестину. Как обычно, условия задачи излагались в рисунках по обе стороны от двери, однако на сей раз эти рисунки были соединены между

собой различными символами и петлями, как если бы нам предъявили карту метро какого-то незнакомого города. Отдельные символы встречались и раньше – это были варианты математических операторов, вроде знаков сложения или вычитания, – но не в таких количествах. А задача, увы, не сводилась к числовым действиям; по мнению Селестины – я мысленно отметил, сколь неуверенно она рассуждала, – подразумевалась и топологическая трансформация в четырех измерениях.

– Пожалуйста, скажите, что вы знаете ответ, – взмолился Чайлд.

– Я… – Селестина помолчала. – Кажется, знаю. Но не уверена до конца. Дайте мне минутку подумать.

– Разумеется. Все время в вашем распоряжении.

Селестина погрузилась в размышления. Минуты шли, растягиваясь в десятки. Раз или два она явно порывалась что-то сказать, раскрывала было рот, но тут же спохватывалась, еще пару раз подходила ближе к двери – это вселяло надежду, но время шло, а блестящая интуитивная догадка, на которую все уповали, не желала рождаться. Селестина неизменно поникала и вновь принималась сосредоточенно размышлять. Так прошел час, минула большая половина второго…

А у Селестины, подумалось мне, как не было ответа, так и нет.

Мы, конечно, все полагались на нее, но что, если поиски решения займут несколько дней?..

Наконец она заговорила:

– Все, разобралась.

– Подтвердилась первая идея? – спросил Чайлд.

– Нет.

– Здорово, – протянула Хирц.

– Селестина, – позвал я, стараясь сгладить незримое напряжение, – ты можешь объяснить, почему первоначально считала иначе?

– Думаю, да. Задачка с двойным дном – очевидно правильное решение содержит мелкую помарку. Зато ответ, который с ходу отвергаешь как неправильный, в итоге становится верным.

– Понятно. Ты уверена?

– Я ни в чем не уверена, Ричард. Мне кажется, подчеркиваю – кажется, что я нашла решение.

Я кивнул:

– Пожалуй, большего никто из нас от тебя не ожидал. Как полагаешь, мы способны уловить нить твоих рассуждений?

– Не знаю. Насколько ты разбираешься в пространствах

Калуцы – Клейна?[16]

– Вынужден признать, что не сильно.

– Этого я и опасалась. Наверное, я могу попытаться объяснить, и кое-кто поймет, но остальные точно запутаются… – Селестина пристально поглядела на Хирц. – Мы можем застрять в этой треклятой клетушке на недели, прежде чем согласуем ответ. Вряд ли Шпиль будет терпеть нас так долго.

– Ну, знать наперед никто не может, – возразил я.

– Безусловно, – вмешался Чайлд. – С другой стороны, у нас нет возможности тратить недели на решение загадок. По-моему, мы достигли рубежа, на котором должны довериться выбору Селестины. Иного нам не остается.

Чайлд верен себе. Помнится, в математическом мышлении он всегда меня опережал. Задачки, которые задавал я, редко ставили его в тупик, пускай порой и требовали недели-другой тщательного осмысления. Зато мне он регулярно подбрасывал математические головоломки, на которые я пялился совершенно бессмысленно, прямо как Селестина на дверь некоторое время назад. Ну да, сравнивать наши развлечения и этот вызов нелепо, однако некое сходство, как ни крути, имеется. Хвала небесам, что Селестина, благодаря обучению у жонглеров образами, способна находить правильные ответы с поистине сверхчеловеческой скоростью.

– Хотите сказать, что я должна просто нажать на символ, никого не слушая? – уточнила Селестина.

Чайлд кивнул:

– Если никто не против…

Решение далось нелегко, особенно с учетом того, что предыдущие комнаты мы проходили после неизменного общего обсуждения. Но никто не стал спорить, даже Хирц как будто смирилась с выбором остальных.

– Короче, народ, – проворчала она, – сразу после этой двери я сматываюсь, и плевать на деньги.

– Ты нас бросаешь? – поинтересовался Чайлд.

– Сам видел, что стало с теми ублюдками снаружи. Они-то думали, что справятся с очередной загадкой.

– Принимается, – грустно подытожил Чайлд. – Надеюсь, ты передумаешь, когда мы пройдем в следующую комнату.

– Извини, но я уже все для себя решила. Хватит с меня этой хрени. – Хирц повернулась к Селестине. – Валяй, нажимай, подруга. Чего тянуть-то?

Селестина оглядела всех по очереди:

– Готовы?

– Готовы, – подтвердил Чайлд за группу. – Нажимайте.

Селестина приложила ладонь к символу. Момент предвкушения, смешанного со страхом, длился и длился. Все смотрели на дверь, как бы уговаривая ее открыться.

Но ничего не произошло.

– Господи боже… – прошептала Хирц.

Не успела она выговорить последнее слово, как случилось нечто. Случилось мгновенно, мы не успели толком осознать, что комната изменилась. Лишь впоследствии, прокручивая записи с камер скафандров, мы сумели восстановить последовательность событий.

Стены этого помещения, как и во всех пройденных нами ранее комнатах, выглядели абсолютно гладкими. Но тут из стены вдруг что-то выросло – металлический стержень, заостренный на конце; он появился на уровне пояса и стремительно пролетел от одной стены к другой, а затем исчез, как копье, брошенное в воду. Никто из нас не успел его разглядеть, не говоря уже о том, чтобы как-то среагировать. Даже скафандры, запрограммированные на уклонение от движущихся объектов, оказались чересчур медлительными. Когда они активировались, штырь давно исчез. Будь он всего один, мы бы, сдается мне, вообще ничего не заподозрили.

Но через долю секунды после первого штыря возник второй, пересекший комнату немного под другим углом.

К несчастью, на его пути стоял Форкерей.

Штырь пронзил его с такой легкостью, будто это был не человек, а клуб дыма, и ничуть не замедлился. Однако из скафандра капитана, чуть ниже локтя, внезапно выплеснулись кровавые ошметки. А давление в этой комнате еще не достигло комфортного для нас уровня…

Скафандр Форкерея среагировал поразительно быстро, но он все-таки уступал в скорости штырю.

Он проанализировал нанесенный урон, подсчитал, как быстро ремонтная система залатает дыру диаметром в дюйм, и принял решение. Целостность подлежала восстановлению, но не раньше, чем удастся ликвидировать недопустимую потерю крови носителя и компенсировать давление. Первоочередной обязанностью скафандра было сохранить жизнь владельца любой ценой, поэтому скафандр решил отсечь пострадавшую руку выше раны – радужные сверхострые лезвия выполнили эту операцию без малейшей задержки.

Все было проделано намного раньше, чем болевые сигналы дошли до сознания капитана. Первое, что заметил Форкерей, была упавшая к ногам конечность.

– Я… – Он запнулся.

Хирц метнулась к нему и подставила плечо.

Отрубленная рука Форкерея сверкала чистейшим срезом.

– Молчите, – предупредил Чайлд.

Форкерей, продолжавший стоять прямо, таращился на обрубок руки, словно загипнотизированный.

– Я…

– Сказал же – молчите! – Чайлд присел на корточки, подобрал ампутированную руку и показал Форкерею.

Сквозная дырка в ней наводила на мысль о стволе винтовки.

– Я выживу, – прохрипел Форкерей.

– Совершенно верно, – откликнулся Тринтиньян. – Можно сказать, вам изрядно повезло. Пронзи снаряд ваше тело, а не конечность, полагаю, мы бы с вами сейчас не разговаривали.

– Это, по-вашему, называется повезло?

– Такая рана, как у вас, требует минимального медицинского вмешательства. На борту нашего шаттла есть все необходимое для операции.

Хирц настороженно огляделась:

– Как думаете, все закончилось?

– Мы обязательно это узнаем, – ответил я. – В конце концов, это первая ошибка, которую мы допустили. При повторении следует ожидать худшего.

– Тогда давайте больше не портачить, народ. – Хирц вроде бы обращалась ко всем, но ее слова были явно адресованы Селестине.

Я мысленно приготовился к язвительному ответу. Селестина вполне оправданно могла напомнить Хирц, что доведись кому из нас делать тот же выбор, какой выпал ей, шансы на правильное решение составляли бы всего-навсего несчастные шесть к одному.

Но вместо этого Селестина заговорила ровным, безжизненным голосом человека, который не верит, что мог совершить такую глупую ошибку:

– Простите… Я должна была…

– Да, ты ошиблась, – прервал я. – Все мы ошибаемся, Селестина. Но до сих пор ты справлялась там, где остальные точно бы спасовали.

– Плохо справлялась.

– Ты свела наш выбор к двум вариантам. Это намного предпочтительнее, чем выбирать из шести.

– Ричард прав, – поддержал меня Чайлд. – Селестина, не надо себя винить. Без вас мы ни за что не прошли бы так далеко. Нажмите другой символ – тот, о котором подумали первым, – и мы отправим Форкерея обратно на шаттл.

Ультра ожег его свирепым взглядом:

– Со мной все в порядке, Чайлд. Я иду дальше.

– Ценю ваше мужество, но я считаю, что нам нужно тактическое отступление. Мы вернем вам руку, а затем вернемся сюда в легких скафандрах. Те, что на нас надеты, все равно не позволят уйти далеко, а перемещаться по Шпилю вовсе без защиты мне не хочется.

Селестина вновь подошла к двери:

– Не могу обещать, что разгадала правильно…

– Мы помним. Просто нажимайте символы последовательно, с того первого, пока Шпиль не откроет нам дорогу обратно.

Селестина послушно поднесла ладонь к значку, о котором думала до того, как обнаружила какую-то погрешность в своих вычислениях.

Как обычно, Кровавый Шпиль откликнулся не мгновенно, заставив нас взмокнуть от холодного пота. Воображение живо нарисовало очередную порцию металлических штырей… По счастью, снова карать нас никто не собирался.

Дверь открылась, приглашая пройти в следующее помещение.

Конечно, мы не переступили порог. Вместо этого развернулись и двинулись обратно, через помещения, в которых уже побывали, неуклонно спускаясь все ниже, посмеиваясь – да-да, посмеиваясь – над детской простотой первых загадок (теперь-то нам было с чем их сравнивать).

Двери открывались и закрывались, воздух становился все более разреженным, а внутри Шпиля делалось все холоднее, и сам Шпиль как будто мутировал, превращаясь из живого существа, каким он казался нам на высоте, в зловещий древний механический агрегат. Впрочем, по полу периодически прокатывалась та самая – дыхательная, что ли, – вибрация, только менее ощутимая и какая-то замедленная. Шпиль давал понять, подумалось мне, что знает о нашем присутствии и, быть может, слегка разочарован решением отступить, пускай временно.

– Да уймись ты, зараза, – пробормотал Чайлд. – Мы уходим, но непременно вернемся, понял?

– Уже с ним разговариваешь? – колко спросил я.

– Как слышишь, – огрызнулся Чайлд. – Для меня это личное.

Мы добрались до первого помещения и спрыгнули в отверстие, служившее входом в Шпиль. Осталось пройти всего ничего до стоявшего поблизости шаттла.

Снаружи было темно.

Мы провели внутри Шпиля более девятнадцати часов.

Глава 4

– Сойдет, – одобрил Форкерей, сгибая и разгибая новую руку.

– Сойдет? – негодующе переспросил Тринтиньян с таким видом, будто его смертельно оскорбили. – Мой дражайший друг, смею вас заверить, что это настоящий шедевр, подлинная красота, подобной которой вы не сыщете нигде, разве что мне придется повторить операцию.

Мы сидели в шаттле, который по-прежнему находился на поверхности Голгофы. Извне шаттл выглядел этаким приплюснутым цилиндром с аэродинамическими обводами; он сел на хвост и выпустил из корпуса восемь похожих на пузыри утолщений: шесть служили персональными каютами, седьмое использовалось как кают-компания, а в восьмом располагался медицинский отсек со всем оборудованием, необходимым Тринтиньяну. Как ни удивительно – по крайней мере для меня, не очень-то к такому привычного, – фабрикаторы шаттла легко произвели кибернетические устройства, заказанные доктором, и предоставили ему хирургические инструменты – сверкающие полуразумные лезвия, перемещавшиеся, казалось, почти по собственной воле. По любым меркам это были передовые достижения полевой медицины.

– Ну, я бы предпочел свою старую руку, – объяснил Форкерей, сжимая и разжимая металлические пальцы.

– Это было бы тривиально до омерзения, уж простите, – заявил Тринтиньян. – Конечно, новую руку можно вырастить и пришить за несколько часов. Если такая перспектива вас не вдохновляет, я мог бы запрограммировать вашу культю на регенерацию – ничего сложного, простейшая манипуляция стволовыми клетками. Но ради чего стараться? Вы бы потеряли эту руку снова при следующем наказании. А теперь вам суждено терять механизм. На мой взгляд, это куда менее травматично для психики.

– А вам нравится, док, верно? – спросила Хирц. – Прямо раздухарились.

– С моей стороны было бы неразумно это отрицать, – признал Тринтиньян. – Когда вас, как меня, надолго лишают возможности лечить живых пациентов, вполне естественно наслаждаться тем малым шансом попрактиковаться, который иногда подкидывает судьба.

Хирц понимающе кивнула. До недавнего знакомства она слыхом не слыхивала о Тринтиньяне, но не теряла времени даром и успела составить собственное мнение о докторе.

– Вам дай волю, так на руке вы не остановитесь, правда? Я поискала сведения о вас, док, после встречи у Чайлда. Хакнула кое-какие медицинские сведения, до сих пор не рассекреченные властями Стоунера, – страшно им такое выкладывать в публичный доступ. Вы же законченный психопат, ей-ей. Кое-что из того, что я нарыла, – картинки ваших жертв, – мне теперь заснуть не дадут.

При этом она решила остаться, подумалось мне. По всей видимости, богатство, которое посулил Чайлд, перевесило все опасения насчет нахождения на одном борту с Тринтиньяном. Интересно, а в какие именно медицинские архивы влезла Хирц? Насколько я помню, даже обнародованные сведения содержали достаточно примеров врачебного зверства, и рядом с ними бледнели любые повседневные кошмары. Кровь стынет в жилах при мысли о том, что самые гнусные преступления Тринтиньяна так и не были полностью раскрыты.

– Неужели? – спросил я вслух. – Было что-то еще хуже?

– Зависит от точки зрения, – ответил Тринтиньян. – Некоторые пациенты помогали мне оттачивать мои экспериментальные техники, скажем так, более глубоко, если вы об этом спрашиваете. Но удалось ли мне достичь тех пределов, которые звали меня и манили? Увы, нет, мне постоянно мешали.

– Зато теперь вы свободны.

Прекрасная серебряная маска повернулась. Доктор обозрел всех нас по очереди.

– Не исключено. Однако прошу принять во внимание следующее. Я могу удалить все ваши конечности хирургическим путем, максимально чисто и с минимумом осложнений. Отделенные конечности будут помещены на криогенное хранение, а вместо них я установлю протезы, и это позволит нам почти безболезненно завершить текущую миссию.

– Спасибо, доктор. – Я тоже огляделся, ища поддержки у остальных. – Но, полагаю, мы с этим повременим.

Тринтиньян картинно развел руками:

– Если передумаете, я всегда в вашем распоряжении.

Мы провели в шаттле целый день, прежде чем вернуться в Шпиль. Лично я ощущал себя смертельно усталым, но когда наконец заснул, меня начали одолевать сновидения с беготней по лабиринтам, подозрительно схожие с теми, которыми Чайлд пичкал наши головы во время перелета. Проснулся я злой на весь свет и твердо вознамерился высказать Чайлду свое недовольство.

Но меня отвлекли иные заботы.

Вдруг выяснилось, что у меня что-то не то с запястьем. Прямо

под кожей обнаружился чужеродный прямоугольный предмет, темный силуэт, жесткий на ощупь. Крутя рукой туда и сюда, я невольно залюбовался непонятно откуда взявшимся подкожным «фурункулом», поражаясь его безупречной прямоугольности. Потом оглядел каюту, и на меня внезапно накатило ощущение формы всех предметов обстановки. Уж не знаю, что больше напугало – нечто чужое и чуждое под кожей или моя неестественная реакция.

Кое-как, спотыкаясь на каждом шагу, я добрел до кают-компании и предъявил свое запястье Чайлду, о чем-то болтавшему с Селестиной.

Селестина опередила Чайлда, который собирался с мыслями:

– Значит, и тебя отметили. – И показала аналогичный предмет у себя под кожей.

Этот прямоугольник гармонировал и резонировал, не подберу других слов, со стенными панелями и функциональными выступами помещения.

– Эй, Ричард, ты меня слышишь?

– Прости. Чувствую себя немного странно…

– Все претензии к Чайлду. Это он во всем виноват, лживая крыса.

– Их легко извлечь. – Чайлд, похоже, нисколько не смутился и раскаиваться не собирался. – Мне показалось разумным имплантировать вам устройства, пока вы спите, чтобы не тратить впустую время бодрствования.

– Дело не только в хрени у меня под кожей, чем бы она ни была.

– Этот прибор позволит нам взбодриться, – объяснила Селестина, чей гнев улетучился.

У меня перед глазами все плыло, но я следил за тем, как меняется ее лицо, фиксировал, как движутся кости, мышцы и сухожилия под слоем кожи.

– Взбодриться? – глупо повторил я.

– Это… ну, своего рода шунт, – сказала она. – Такими, насколько я понимаю, пользуются ультра. Он удаляет из кровотока ядовитые отложения и впрыскивает в кровь полезные химикаты, чтобы вывести мозг из стандартного цикла бодрствования и сна. С таким шунтом можно не спать несколько недель без серьезных психологических проблем.

Я заставил себя улыбнуться, преодолев терзавшее ощущение неправильности движений.

– Вот-вот, именно это меня и тревожит.

– Меня тоже. – Она смерила Чайлда негодующим взором. – Терпеть не могу подобных выходок без моего ведома и

разрешения, но, должна признать, прибор может пригодиться.

Шунт под кожей неприятно заерзал.

– Очевидно, Тринтиньян постарался?

– Считай, что тебе повезло: он не отрезал руки и ноги, пока вживлял шунт.

Чайлд поспешил вмешаться:

– Это я распорядился вживить вам приборы, Ричард. Если будет возможность отдохнуть, дремать они не помешают. Зато позволят сохранять бодрость, когда это потребуется.

– Есть еще кое-что… – Я искоса посмотрел на Селестину, пытаясь понять, испытывает ли она тоже странности восприятия. – С тех пор как проснулся, я вижу… э-э… мир по-другому. Формы являют себя в новом свете, что ли. Что ты со мной сделал, Чайлд?

– Ничего такого, чего нельзя исправить. Всего лишь одна инъекция…

Усилием воли я сумел сдержаться.

– Что за инъекция?

– Нейронные модификаторы. – Чайлд вскинул руку, предупреждая мое возмущение, и я разглядел такой же прямоугольник у него под кожей. – Ричард, твой мозг и без того переполнен демархистскими имплантатами и клеточными машинами, так что не стоит притворяться, будто я сотворил с тобою нечто, лишающее тебя человечности.

– Что за хрень он порет? – осведомилась Хирц, внимавшая Чайлду последние несколько секунд в дверном проеме. – Он про ту лабуду, которая со мною творится с тех самых пор, как я проснулась?

– Вполне возможно, – ответил я, радуясь, что не схожу с ума. – Дай попробую угадать: тебя преследуют математические формулы, а восприятие пространства обострилось?

– Если это так называется, то да. Всюду вижу фигуры и думаю, хорошо ли они смотрятся вместе… – Хирц повернулась к Чайлду. При всей своей миниатюрности она выглядела человеком, способным искалечить кого угодно. – Чего молчишь, ублюдок?

Чайлд отреагировал, как обычно, спокойно:

– Посредством кистевого шунта я ввел вам всем особые модификаторы. Они не осуществляют никаких радикальных нейронных преобразований, просто эффективно подавляют одни участки мозга и стимулируют другие. Если совсем грубо, они улучшают пространственное восприятие за счет подавления менее важных мозговых функций. Вы сейчас наблюдаете фрагменты тех когнитивных состояний, которые для Селестины

совершенно рутинны.

Селестина хотела было возразить, но Чайлд жестом попросил ее помолчать.

– Всего лишь фрагменты, заметьте. Думаю, вы оба согласитесь, что с теми задачками, которые подбрасывает нам Шпиль, модификаторы должны обеспечить некоторое преимущество.

– То есть ты превратил нас всех в долбаных математиков?

– Ну, можно сказать и так.

– Ладно, пригодится, – заключила Хирц.

– Неужели?

– А то! Когда будем собирать тебя по кусочкам. – Она бросилась к Чайлду.

– Хирц, я…

– Стой! – велел я, перехватывая Хирц. – Он поступил неправильно, действуя без нашего ведома и согласия, но в нынешней ситуации прибор и вправду может быть полезен.

– Ты на чьей стороне, олух? – Хирц вырвалась, ее глаза метали молнии праведного негодования.

– Ни на чьей, – ответил я. – Мне просто хочется сделать все возможное, чтобы одолеть Шпиль.

Хирц ожгла Чайлда взглядом:

– Ладно, живи. Но если только попробуешь впихнуть в меня что-то еще…

Впрочем, было очевидно, что Хирц мыслит трезво и пришла к тем же выводам, что и я: учитывая природу загадок, которые подбрасывал нам Кровавый Шпиль, лучше смириться с модификаторами в мозгу и не требовать немедленно их удалить.

Но оставался один эффект, который продолжал меня беспокоить.

Я принял тот факт, что в меня подселили не пойми что, добровольно и осознанно – или эти модификаторы каким-то образом повлияли, хотя бы частично, на мое решение?

Понятия не имею.

Разберемся позже, когда сделаем дело.

Глава 5

– Три часа! – воскликнул довольный Чайлд. – В прошлый раз дорога сюда заняла у нас девятнадцать часов. Ну разве не замечательно?

– Ага, – ядовито процедила Хирц. – С подсказками и младенец бы справился.

Мы стояли перед дверью, у которой Селестина допустила ошибку. Моя бывшая жена нажала правильный топологический символ, и дверь откатилась в сторону, пропуская нас в помещение, которое мы не успели изучить раньше. Дальше нас ожидали очередные головоломные вызовы, а не задачи, аналогичные тем, которые были успешно решены на пути сюда. Похоже, Шпиль настойчиво пытался изучить пределы нашего понимания, а не просто предлагал новые варианты некоего базового шаблона.

Короче, хотел не согнуть, а сломать.

Все чаще и чаще я думал о Шпиле как о разумном существе – терпеливом, любознательном и, когда у него возникает такое настроение, изобретательно, крайне изобретательно жестоком.

– Что там? – спросил Форкерей.

Хирц вертела головой, разглядывая помещение.

– Да очередная загадка, чтоб мне сдохнуть.

– А поподробнее можно?

– Какая-то фигурная хрень. – Она помолчала несколько секунд. – Ага, снова четыре измерения. Селестина, не желаешь полюбоваться? По-моему, это как раз по твоей части.

– Ты в состоянии определить тип загадки? – уточнила Селестина.

– С хрена ли? Линии какие-то ломаные и растянутые…

– Топологические деформации, – пробормотала Селестина и следом за Хирц проникла в комнату.

Минуту-другую они тихо переговаривались между собой, изучая дверные косяки, – ни дать ни взять снисходительные искусствоведы перед модной картиной.

Затем у них начался спор. Было, кстати, не очень-то приятно наблюдать за резко поумневшей Хирц и сознавать, что устройства, которые Чайлд тайком запихнул нам в черепушки, заметно улучшили наши математические способности (правда, Тринтиньяна можно не считать, ведь его, как я подозревал, таким вниманием не почтили). Каждый реагировал по-своему, улучшения различались степенью, стабильностью и прочими нюансами. Лично на меня математические озарения накатывали

непредсказуемо, будто приступы горячки, коими одержим пристрастившийся к опиуму поэт. Форкерей же приобрел исключительный талант к арифметике, стал складывать в уме невообразимо большие числа с одного взгляда на них.

Самое радикальное изменение постигло Хирц – даже Чайлд был изумлен результатами своей «хирургии». На втором прохождении Шпиля она с легкостью, не задумываясь, выдавала решения дверных загадок, причем, я уверен, дело было вовсе не в том, что она запомнила эти решения с прошлого раза. А когда начались задачки, ставившие в тупик и Селестину, Хирц продемонстрировала умение постигать их суть, пускай разобраться глубже в строгом языке математики она явно не могла.

– Хирц права, – наконец сообщила Селестина, – это действительно топологические деформации, растягивание цельных геометрических тел.

Нам снова подсовывали проекции четырехмерных структур, но фигуры справа от двери изображали отражения тех тел, которые подверглись разнообразным деформирующим воздействиям. Задача, как обычно, состояла в том, чтобы соотнести отражения с объектами слева и выявить фигуру, трансформированную со сдвигом.

Мы провозились около часа, а затем Селестина объявила, что нашла правильный ответ. Мы с Хирц попытались вникнуть в ее объяснения, но в итоге всего-навсего признали, что два других варианта ответа выглядят явно ошибочными. Что ж, до внедрения в наши организмы таинственных штучек ультра мы не сподобились бы и на это. Однако особой радости я, увы, не испытывал.

В общем, Селестина оказалась права. Мы перешли в следующее помещение.

– Все, дальше в этих скафандрах нам не пройти. – Чайлд указал на дверь впереди. – Придется разоблачаться. Хирц, конечно, пролезет, но, боюсь, только она одна.

– Что с воздухом? – осведомился я.

– Дышать можно – ответил Форкерей. – Думаю, на короткий срок это безопасно. Но не советую затягивать, если, конечно, обстоятельства не вынудят.

– Вынудят? – повторила Селестина удивленно. – По-вашему, двери и дальше будут ужиматься?

– Не знаю. Но разве вам не кажется, что это место прямо заставляет нас обнажаться, требует полной уязвимости? Полагаю, это еще не предел. – Он помолчал, наблюдая, как умный скафандр раскрывается. – И веселого тут мало.

Я его понимал. Он пострадал от Шпиля первым и пока единственным.

Под скафандрами ультранавтов на нас были надеты другие, максимально облегченные версии, плотные, в облипочку, комбинезоны достаточно современного образца, впрочем по сравнению со снаряжением ультра казавшиеся музейными экспонатами. Довеском шли компактные шлемы. Поскольку дыхательные аппараты к комбинезонам не прилагались, все прихватили с собой внешние ранцы с патрубками. Вопреки моим опасениям, Шпиль не возмутился этаким мошенничеством, хотя, надо признать, мы до сих пор толком не поняли правил, по которым ведется игра.

Понадобилось три или четыре минуты, чтобы избавиться от громоздких скафандров и остаться в комбинезонах. Большая часть времени ушла на проверку показаний датчиков, и всем, кроме Хирц, пару минут пришлось дышать внутренним воздухом Шпиля.

У меня защипало в носу. Теплый, как человеческая кровь, и сырой на вкус, этот воздух слабо отдавал машинным маслом.

Стало несказанным облегчением вдохнуть холодный и безвкусный воздух из ранца.

– Эй! – окликнула нас Хирц, так и не снявшая скафандр ультра. Она стояла на коленях на полу. – Ну-ка, попробуйте.

Я тоже опустился на колени и приложил руку в тонкой перчатке к поверхности пола.

Он вибрировал куда чаще, чем раньше, словно Шпиль возбудился, когда мы скинули прочное снаряжение.

– С этой хренью вот-вот оргазм случится, – проворчала Хирц.

– Идем дальше, – сказал Чайлд. – Защита у нас есть, пусть и менее надежная. Если проявим сообразительность, она и не пригодится.

– Гладко стелешь, осталось только поумнеть. Будь мы такими умными, как ты уверяешь, никто бы из нас и отлить у этой хреновины не присел.

– Так зачем ты с нами пошла, Хирц? – спросила Селестина.

– Жадная я, потому и дура.

В новом облачении мы успешно преодолели одиннадцать помещений подряд. То и дело попадались витражные, если угодно, окна, открывавшие вид на поверхность Голгофы далеко внизу. По оценке Форкерея, мы поднялись от входа в Шпиль метров на сорок, если мерить строго по вертикали. Предстояло покорить еще двести (немало, скажем честно), но лично мне впервые подумалось, что наша затея может выгореть. Конечно, в своих домыслах я делал сразу несколько допущений. Во-первых,

что головоломки, неуклонно продолжавшие усложняться, останутся разрешимыми. Во-вторых, что двери прекратят уменьшаться, раз уж мы сбросили громоздкие скафандры.

Второе допущение не подтвердилось.

Как и раньше, сужение дверных проемов от комнаты к комнате было едва заметным, но к пятому или шестому помещению оно уже бросалось в глаза. Пожалуй, через десять или пятнадцать комнат снова придется протискиваться кое-как.

А что ждет дальше?

– Мы не дойдем, – озвучил я свои страхи. – Просто не пролезем, даже голыми.

– Друг мой, вы торопитесь с выводами, – укорил Тринтиньян.

– Есть идеи, доктор? – спросил Чайлд, рассчитывая на практичные советы.

– О, я лишь предлагаю слегка изменить базовые очертания человеческого тела. Ровно настолько, чтобы мы могли проникать в отверстия, непроходимые в нашем… э-э… нынешнем облике.

Он хищно обозрел мои руки и ноги.

– Забудьте, – отрезал я. – Если получу увечье, я, конечно, прибегну к вашей помощи, но чтобы в здравом уме согласиться на нечто большее… Боюсь, доктор, вы тешите себя иллюзиями.

– Аминь, – подытожила Хирц. – Знаешь, Свифт, а я ведь уже подумала было, что это местечко лишило тебя мозгов.

– Ни в малейшей степени, – сказал я. – Кроме того, мы пытаемся мыслить на много комнат вперед, а сами знать не знаем, пройдем ли ближайшую.

– Верно, – поддержал меня Чайлд. – Будем действовать по обстановке. Доктор, прошу повременить с такими буйными фантазиями.

– Считайте, что я брежу наяву, – любезно предложил Тринтиньян.

Мы пошли дальше.

Теперь, когда мы преодолели столько комнат, стало понятно, что задачки Шпиля формируются, так сказать, волнообразно, например, он подкидывает череду задач из теории простых чисел, а потом задает группу других, уже на свойства сложных геометрических тел. Несколько помещений подряд мы были вынуждены разбираться с каскадами фигур, с мозаиками, а следующая последовательность тестов погрузила нас в теорию клеточных автоматов: дверные косяки выглядели наипричудливейшими сочетаниями образов, которые комбинировались по вроде бы элементарным правилам, но формировали чрезвычайно комплексные структуры. Всякий раз самой трудной становилась финальная задача

последовательности, именно при ее решении появлялся реальный шанс допустить ошибку. Мы были морально готовы потратить три-четыре часа на одну дверь, если придется, чтобы отыскать – прежде всего стараниями Селестины – правильный, по нашему мнению, ответ.

Шунты Чайлда исправно воевали с накапливавшейся усталостью, а модификаторы позволяли мыслить с прежде невообразимой четкостью, но после успешного решения очередной финальной задачи всех охватывало временное изнеможение. Обычно это проходило спустя несколько десятков минут, однако мы не спешили продолжать путь, дожидались, пока вернутся силы.

В минуты передышки мы разговаривали между собой, обсуждали все, что случилось до этого, и прикидывали, какие угрозы таятся впереди.

– Опять ты отличилась, – сказал я Селестине по частному каналу.

– В чем? – спросила она резко (иного я и не ждал).

– Какое-то время все мы поспевали за тобой. Даже Хирц. Хотя бы могли понять логику твоих рассуждений. Но теперь ты снова отрываешься от остальных. Обучение у жонглеров, да?

Она помолчала, прежде чем ответить:

– У всех нас есть устройства Чайлда.

– Конечно. Вот только они работают с базовой нейронной топологией, подавляя одни функции и разгоняя другие, никак не видоизменяют структуру мышления. Вдобавок это устройства общего назначения, никто не удосужился адаптировать их под каждого из нас конкретно.

Селестина поглядела на единственного члена группы в скафандре ультра:

– Хирц точно поумнела.

– Повезло, наверное. Но посуди сама: она не видит очертаний так, как видишь их ты, и никакие модификаторы не помогают.

Селестина задумчиво тронула шунт на запястье, проступавший под плотной тканью комбинезона:

– У меня тоже модификатор.

– Сомневаюсь, что он как-то улучшил твои способности.

– Как знать… – Она помолчала. – Чего ты добиваешься, Ричард?

– Ничего. – Вопрос меня обидел. – Я просто…

– Решил поболтать?

– Ты против?

– Уж прости, но я не в настроении для светской беседы. Место не слишком подходящее, да и как-то не хочется общаться с

человеком, стершим меня из памяти.

– Ты поверишь, если я скажу, что мне и вправду жаль?

По ее тону нетрудно было догадаться, что эта фраза застала Селестину врасплох, что она ожидала каких-то иных слов.

– Так теперь ты сожалеешь, да? Удобно, обстоятельства располагают. А когда стирал, не сожалел?

Я замялся, подбирая ответ, который не был бы чересчур далек от истины.

– Можешь не верить, но я подавил воспоминания потому, что продолжал тебя любить. Других причин не было.

– Удобно, – повторила она. – Не находишь, что это выглядит нелепо?

– Нелепо – не обязательно ложь. В чем я виноват, Селестина? Мы любили друг друга, этого ты отрицать, надеюсь, не будешь. Из-за того что встало между нами… – Внезапно у меня с языка сорвался вопрос, который я мысленно задавал себе все эти дни. – Почему ты не связалась со мной снова, когда стало ясно, что ты не летишь на Ресургем?

– Потому что мы прервали отношения, Ричард.

– Но ведь мы расставались по-дружески. Если бы не ресургемская экспедиция, нам вообще не пришлось бы расставаться!

Селестина тяжко вздохнула:

– Ну, раз ты спрашиваешь… На самом деле я пыталась связаться с тобой.

– Правда?

– Пыталась, и вдруг узнала, что ты удалил меня из своей памяти. Как по-твоему, Ричард, что я должна была почувствовать? Ты стер меня, как какую-то мелкую, незначительную подробность, бесполезный пустячок, милый, но ненужный… Ты сам бы не обиделся?

– Дело вовсе не в этом. Я просто не рассчитывал увидеть тебя снова.

Она фыркнула:

– И не увидел бы, наверное, если бы не вмешался заботливый старина Роланд Чайлд.

Я постарался подавить эмоции:

– Он пригласил меня потому, что в детстве мы с ним увлекались решением загадок. Полагаю, тебя он позвал как человека, обучавшегося у жонглеров образами. На наше совместное прошлое Чайлду наплевать.

Ее глаза яростно сверкнули:

– А тебе не наплевать?

– На мотивы Чайлда? Наплевать, естественно. Они меня

совершенно не интересуют и не заботят. Сейчас меня волнует вот это. – Я похлопал ладонью по вибрирующему полу.

– Здесь много тайн, Ричард.

– Что ты хочешь сказать?

– Ты не заметил, что… – Она посмотрела мне в глаза, будто собираясь в чем-то признаться, но потом покачала головой. – Проехали.

– Чего я не заметил, Селестина?

– Тебе не пришло в голову, что Чайлд уж как-то подозрительно хорошо подготовился к штурму?

– Ну, как по мне, к штурму такой штуковины, как Кровавый Шпиль, нельзя хорошо подготовиться.

– Я о другом. – Она провела пальцами по ткани своего комбинезона. – Возьмем хотя бы снаряжение. Откуда он знал, что мы не сумеем проделать весь путь в нормальных скафандрах?

Я пожал плечами – теперь, без громоздкого облачения, этот жест вновь обрел смысл.

– Может, он сумел вытащить кое-какие сведения из Аргайла, пока тот был жив?

– А что насчет доктора Тринтиньяна? Этому упырю абсолютно безразличны все загадки Шпиля. Он до сих пор не участвовал ни в одном обсуждении головоломок. Тем не менее уже успел доказать свою полезность, не так ли?

– Что-то я перестал тебя понимать.

Селестина прикоснулась к шунту:

– Я вот об этом. Вспомни нейронные модификаторы. Их вживление контролировал не кто иной, как Тринтиньян. Я уж не говорю про руку Форкерея и про медицинское оборудование на борту шаттла.

– Все равно не понимаю, куда ты клонишь.

– Понятия не имею, на какие рычаги надавил Чайлд, чтобы привлечь доктора. Думаю, банальным подкупом не обошлось. Есть у меня одна крайне неприятная мыслишка… А все вместе указывает на еще менее притягательную возможность.

Признаться, я начал утомляться. Впереди ждала загадка очередной двери, и сейчас мне было не до параноидальных теорий.

– Какую возможность?

– Чайлд знает слишком много об этом месте.

Следующая комната, неверный ответ, немедленное наказание.

По сравнению с ним кара, постигшая Форкерея, выглядела детской шалостью. Помню металлический блеск механизмов, что

полезли из люков, возникших в доселе гладких стенах; на сей раз Шпиль выдвинул не штыри, а громадные клещи и зловеще изогнутые на концах ножницы. Помню выплеск алой артериальной крови, тугие струи в воздухе, точно развернувшиеся знамена, осколки раздробленных костей, барабанящие шрапнелью по стенам. Помню нежеланный и жестокий урок по анатомии человеческого тела, помню изящество сочленения мышц, костей и сухожилий и ту жуткую легкость, с какой их рассекли, нарезали на кусочки хирургически острые металлические инструменты.

Помню дикие крики.

Помню неописуемую боль – прямо перед впрыском обезболивающего.

Позднее, когда появилось время осмыслить случившееся, никто, по-моему, не порывался обвинять Селестину в том, что она снова ошиблась. Модификаторы Чайлда внушили нам искреннее уважение к ее способностям, и, как и в прошлый раз, второй ее вариант оказался правильным и открыл дорогу к выходу.

К тому же…

К тому же сама Селестина пострадала.

Но худшая участь выпала все же Форкерею. Быть может, Шпиль, отведав его крови, решил, что желает большего – намного большего, чем доза, усвоенная при отсечении одной конечности. Ультра попросту четвертовало: две пары кошмарных ножниц разделили его тело пополам, а мгновение спустя последовал разрез по вертикали.

Четыре половинки тела Форкерея упали на пол, внутренние органы предстали на всеобщее обозрение, как у манекена в медицинской школе. В останках виднелись разнообразные технические устройства, тоже рассеченные в тех же плоскостях. Тело, если можно так его назвать, содрогнулось и, по счастью, замерло, продолжала шевелиться только механическая рука, приделанная Тринтиньяном. Минул миг-другой, а затем огромные конечности подхватили останки и с поразительной скоростью втянули их в стены, по которым расползлись отвратительные красные следы.

Смерти Форкерея самой по себе было вполне достаточно, однако выяснилось, что Шпиль не намерен останавливаться.

Я увидел, как Селестина опускается на пол, сжимая одной рукой культю другой, как кровь брызжет из раны, которую она безуспешно пыталась придавить. Ее лицо покрылось смертельной бледностью.

Правая рука Чайлда лишилась пальцев. Он с гримасой боли прижал покалеченную конечность к груди, но ухитрился устоять

на ногах.

Тринтиньяну отрубило ногу. Из раны не пролилось ни капли крови, взгляд не обнаруживал ошметков мышц и костей. Лишь поврежденные механизмы, изогнутые и лопнувшие стальные и пластиковые агрегаты, перерезанные кабели, сыплющее искрами оптоволокно… Из мест разрыва сочилась тошнотворная на вид зеленая жидкость.

Доктор также рухнул на пол.

Я и сам почувствовал, что падаю. Бросил взгляд вниз и увидел, что моя правая нога заканчивается сразу под коленом. Сообразил, что истекаю кровью, которая хлещет алым потоком. Упал на пол, не ощутив боли, – мозг попросту не успел ее зафиксировать, – и машинально потянулся к срезу рукой. Но тут стало ясно, что у меня всего одна кисть – на левой руке исчезло запястье с пальцами. Краем глаза я углядел собственную пятерню, по-прежнему в перчатке, застывшую на полу этаким нелепым белым крабом.

Череп словно взорвался от боли.

И я закричал.

Глава 6

– Хватит с меня этого дерьма! – процедила Хирц.

Чайлд посмотрел на нее со своего восстановительного ложемента:

– Значит, бросаешь нас?

– А с какого рожна мне тут торчать?

– Ты меня разочаровываешь.

– Да и хрен с тобой. Я ухожу.

Чайлд провел по лбу пальцами новой руки из сталепласта – подарочка Тринтиньяна.

– Если кому и говорить об уходе, то никак не тебе, Хирц. Ты же выбралась из Шпиля без единой царапины. Только посмотри на остальных.

– Спасибо, уже насмотрелась.

Тринтиньян повернул в ее сторону серебряную маску, заменявшую ему лицо:

– Пожалуйста, не надо порочить мои творения. Признаю, что эстетически они обладают некоторой выраженной брутальностью, но функционально это непревзойденные достижения.

Словно в подтверждение своих слов он согнул механическую ногу.

Это был новый протез, а не старая нога, отремонтированная и приставленная обратно. Хирц, которая собрала все наши части, какие ей только удалось найти, так и не отыскала ногу Тринтиньяна. Да и снаружи Шпиля, где мы подобрали останки Форкерея, никаких следов конечности доктора не обнаружилось. Шпиль позволил нам забрать отсеченную руку Форкерея, но, похоже, решил, что все металлизированные детали пригодятся ему самому.

Я встал со своего ложемента, проверяя, способна ли новая нога выдержать вес моего тела. Нет, отрицать совершенство работы Тринтиньяна бессмысленно. Протез вошел в столь идеальное сопряжение с моей нервной системой, что я уже начал воспринимать новую ногу как естественное продолжение себя. Опираясь на нее, я почти не хромал при ходьбе, да и эта незначительная хромота наверняка исчезнет, когда я свыкнусь с заменой окончательно.

– Могу отрезать и вторую ногу, – пропел Тринтиньян, потирая ладони. – Тогда вы обретете абсолютное нервное равновесие. Согласны?

– А вам ведь невтерпеж, доктор, верно?

– Признаю, асимметрия меня всегда оскорбляла.

Вторая нога, из плоти и крови, мне самому казалась чрезвычайно уязвимой. Вряд ли она переживет новое вторжение в Шпиль.

– Нет, пока откажусь. Потерпите.

– Как говорится, кто терпелив, тому воздастся сторицей. А как рука ощущается?

Подобно Чайлду, я теперь мог похвастаться металлической кистью. Я согнул пальцы, негромко загудели активаторы. Прикасаясь к чему-либо, я чувствовал покалывание: новая рука была способна улавливать мельчайшие различия в температуре. Селестина обзавелась очень похожим дополнением к телу, правда более изящным, более женственным. Что ж, наши увечья хотя бы восполнимы, подумалось мне, и хорошо, что дальше этого не зашло, а вот Чайлд, лишившийся всего-навсего пальцев, явно был не прочь подсобрать в теле побольше сверкающей машинерии Тринтиньяна.

– Сойдет, – сказал я, припомнив, как разозлился Тринтиньян на точно такой же ответ Форкерея.

– Вы что, совсем рехнулись? – вмешалась Хирц. – Если дать доку волю, вы все станете как он. Одному небу ведомо, когда он уймется!

Тринтиньян пожал плечами:

– Я просто чиню повреждения, нанесенные Шпилем.

– Ага. Док, вы с ним отлично спелись. – На лице Хирц было написано откровенное отвращение. – Ничего личного, но на меня вы свои лапы не наложите.

Тринтиньян усмехнулся:

– Невелика потеря, дорогая, когда так мало исходного материала для работы.

– Да пошел ты, козел.

Хирц скрылась.

– По-моему, она настроена вполне решительно, – произнес я, прерывая паузу.

Селестина кивнула:

– Не могу сказать, что я в чем-то ее виню.

– Разве? – поинтересовался Чайлд.

– Она права. Вся эта затея чем дальше, тем больше выглядит как безумная попытка причинить себе максимум увечий. – Селестина покосилась на собственную металлическую кисть и поежилась, не в силах скрыть отвращение. – Чего ради мы себя калечим, Чайлд? В кого мы превратимся к тому времени, когда одолеем Шпиль?

Он пожал плечами:

– Все можно вернуть, вы же знаете.

– А если нам не захочется возвращать прежние тела?

– Послушайте, Селестина. – Чайлд уселся поудобнее на ложементе. – Мы с вами стараемся победить нечто неизведанное, некую стихию. Взойти на вершину, если угодно. В этом отношении, кстати, Кровавый Шпиль мало чем отличается от обычной горы. Он карает нас, когда мы допускаем ошибки, и так же бывает в горах. Иногда горы убивают, но гораздо чаще они лишь дают понять, что могли бы с нами сделать, если бы захотели. Шпиль забрал палец-другой? Так и горы не миндальничают – вспомните про обморожения. В чем различие?

– Начнем с того, что гора не получает удовольствия от расправы. Зато Шпиль получает. Он живой, Чайлд, он живой и дышит.

– Это же машина.

– Возможно. Тогда она умнее всех машин, с которыми мы сталкивались ранее. Кровожадная машина. Не знаю, как вас, а меня это обстоятельство не радует.

Чайлд вздохнул:

– Вы тоже готовы сдаться?

– Я этого не говорила.

– Вот и славно.

Он встал и вышел в дверь, через которую прежде удалилась Хирц.

– Ты куда? – крикнул я ему вослед.

– Попробую вразумить нашу подругу.

Глава 7

Десять часов спустя неестественно бодрые (потребность в сне воспринималась как давно забытая досадная мелочь), мы вернулись в Кровавый Шпиль.

– Что он тебе такого сказал, что ты передумала? – спросил я у Хирц на очередном переходе из комнаты в комнату.

– А сам как думаешь?

– Ладно, попробую угадать. Соблазнил деньгами, наверное?

– Скажем так, мы пересмотрели условия найма. Мне обещан бонус за участие.

Я усмехнулся:

– Выходит, теперь тебя можно называть наемницей?

– Да хоть горшком назови, только костей не ломай… Прости, я не со зла. Само на язык пришло, не подумала.

– Ничего страшного.

Мы уже избавились от скафандров. Несколькими помещениями ранее миновали дверь, в которую было невозможно протиснуться, не сняв воздушные ранцы и не отсоединив патрубки. Конечно, можно было бы не тащить ранцы дальше, но никто из нас не хотел дышать воздухом Шпиля добровольно. К тому же они понадобятся нам на обратном пути, когда мы будем возвращаться по веренице лишенных воздуха помещений. Так что мы продолжали волочить ранцы за собой и боялись их бросить. Все помнили, как хозяйственный Шпиль прибрал дрон-камеру Форкерея и ногу Тринтиньяна; мы сходились во мнении, что с любым оставленным без присмотра оборудованием он поступит точно так же.

– А ты зачем поперся снова? – спросила Хирц.

– Ну, всяко не из-за денег, – ответил я.

– Об этом я сама догадалась. А из-за чего?

– Из-за Шпиля. Из-за того, что мы с Чайлдом давно друг друга подначиваем. Я не могу отказаться от разгадки, поэтому и принял вызов.

– В общем, из старомодной упертости, – ехидно вставила Селестина.

Хирц между тем – впервые за все прохождение – надела ранец. Ей наконец-то пришлось скинуть скафандр и облачиться в комбинезон: даже миниатюрное телосложение больше не позволяло проникать сквозь двери в полном обмундировании. Чайлд заблаговременно укрепил этот комбинезон, армировал дополнительным слоем алмазной защиты, но все равно Хирц должна была чувствовать себя в нем почти голой.

Я повернулся к Селестине:

– А что насчет тебя? Сдается мне, ты такая же упертая.

– Я хочу разгадать все загадки, только и всего. Для тебя они – средство достижения цели, а для меня – чистый интерес.

Получил, Ричард? Если вдуматься, она права. Для меня суть загадок была куда менее важной, чем желание узнать, что спрятано на вершине Шпиля, что за секрет столь ревностно оберегает эта непостижимая машина.

– Полагаешь, что, разгадывая загадки, ты в конце концов сумеешь понять образ мышления творцов Шпиля?

– И это тоже. Помимо всего прочего, я хочу понять предел собственных возможностей.

– То есть ты фактически изучаешь на практике дар, полученный от жонглеров? – Прежде чем Селестина успела ответить, я продолжил: – Понимаю. Тем более что раньше тебе такого шанса не выпадало, верно? Ты проверяла себя на задачах, составленных другими людьми, а это совсем иное. По сути, ты ничего о себе не знаешь. Это как если бы лев доказывал свою силу, разрывая листы бумаги…

Селестина нарочито огляделась:

– Зато теперь я встретила достойный вызов.

– И?

– Не скажу, что я в восторге. – Она криво усмехнулась.

Мы хранили молчание, пока преодолевали пять или шесть новых комнат и отдыхали, позволяя шунтам избавлять нас от ощущения накопившейся усталости.

Математические головоломки сделались настолько зубодробительными, что я был не в состоянии их описывать, не то что пытаться нащупать решение. Селестине пришлось взять основную нагрузку на себя, но эмоциональное напряжение испытывали все без исключения, и оно было ничуть не менее утомительным, чем разгадывание загадок. Целый час, когда настала пора отдохнуть, я боролся с сонливостью, но затем бодрость вернулась – с неизбежностью стылого рассвета. В таком состоянии ума ощущалось нечто противоестественное, медицинское, не вполне обыденное, но оно позволяло продолжать путь, а лишь это имело сейчас значение.

Мы миновали уже семидесятую по счету комнату, пройдя на пятнадцать помещений дальше, чем в прошлый раз. Поднялись минимум на шестьдесят метров над точкой входа, и какое-то время чудилось, что мы набрали приемлемый темп передвижения. Селестина давно перестала выказывать сомнения в собственных решениях, пусть порой ей требовалась пара часов на

поиск очередного варианта ответа. Со стороны выглядело так, что она отыскала нужный образ мышления и теперь никакая головоломка не будет воспринята как по-настоящему чужеродная. Комната за комнатой оставалась позади, и нас понемногу начал охватывать опасный оптимизм.

Это была ошибка.

В семьдесят первом помещении Шпиль решил навязать нам новые правила. Уже по традиции Селестина около двадцати минут изучала рисунки на дверях, водила пальцами по мелким рискам и беззвучно шевелила губами, проговаривая про себя приходящие на ум версии.

Чайлд смотрел на нее с настороженностью, которой я прежде за ним не замечал.

– Есть идеи? – наконец поинтересовался он.

– Не мешайте и не нависайте надо мной. Я думаю.

– Знаю, знаю. Просто хочу немножко поторопить.

Селестина резко обернулась:

– Почему? Нас вдруг начало поджимать время?

– Ну, мне кажется, что мы слишком долго возимся. – Чайлд погладил свое запястье. – Эти шунты все-таки не очень-то надежны.

– О чем вы умалчиваете?

– Не берите в голову. Вам надо решать задачу.

На сей раз наказание последовало раньше, чем мы ввели неправильный ответ.

Можно сказать, оно было щадящим по сравнению с той чудовищной мясорубкой, которая прервала наше восхождение в прошлый раз. Скорее это было суровое повеление думать быстрее – щелканье бича, а не свист гильотины.

Нечто выскочило из стены и упало на пол.

Какой-то металлический шар, размером с детский мячик. Несколько секунд он лежал неподвижно. Мы все замерли, уставились на него в полной уверенности, что случилось что-то скверное.

Шар завибрировал, потом, ничуть не деформировавшись, отскочил от пола на высоту колена.

– Селестина, я настоятельно советую принять решение, – проговорил Чайлд.

Явно напуганная, Селестина опять повернулась к дверному косяку. Шар продолжал подпрыгивать на месте, всякий раз все выше.

– Мне это не нравится, – проворчала Хирц.

– Разделяю твои чувства, – отозвался Чайлд, наблюдая, как шар стукнулся о потолок и отлетел обратно, чуть в стороне от

того места, откуда начал движение. Потом снова подпрыгнул к потолку, а на отскоке понесся поперек комнаты и угодил в одну из стен, прежде чем отскочить под иным углом. Врезался в Тринтиньяна, отрикошетил от металлической ноги доктора, заметался между стен, набирая скорость с каждым столкновением, а затем ударил меня прямо в грудь. Сила удара была такова, что из легких вышибло весь воздух.

Я упал на пол, исхитрился застонать…

Шар продолжал скакать по комнате, не выказывая ни малейших признаков замедления. Наоборот, он двигался все быстрее и быстрее, а траектория его движения начала напоминать непрерывно плетущуюся серебряную паутину, в которую то и дело попадал кто-то из нас. Я слышал стоны товарищей, потом внезапно мою ногу пронзила боль, а шар все убыстрялся. Звук, который он издавал, походил на отдаленную канонаду, причем промежутки между ее «залпами» стремительно сокращались.

Чайлд, которому тоже досталось, крикнул:

– Селестина, выбирайте же!

В этот миг шар врезался в нее, и она согнулась от боли, упала на одно колено, однако все-таки сумела приложить ладонь к какому-то символу справа от двери.

Канонада стихла, серебряная паутина исчезла, шар сгинул без следа.

Несколько секунд ничего не происходило, затем дверь в следующую комнату начала открываться.

Мы стали изучать повреждения. Нашим жизням ничто не угрожало, но всем изрядно намяли бока, а кое-кому даже поломали кости. По ощущениям я предположил, что у меня треснуло ребро, а Чайлд болезненно скривился, когда попробовал опереться на правую ногу. Моя левая нога сильно саднила в месте удара, но ходить я мог, а вскоре боль прошла – ее успешно сгладили мои собственные наномеды и обезболивающее, которое впрыснул шунт.

– Хвала небесам, что мы догадались надеть шлемы, – сказал я, ощупывая вмятину на макушке. – Иначе нас размазало бы в хлам.

– Пожалуйста, объясните, что это было, – попросила Селестина, внимательно оглядывая себя.

– Полагаю, Шпиль счел, что мы продвигаемся слишком медленно, – ответил Чайлд. – До сих пор он позволял нам тратить на поиски решения сколько угодно времени, но теперь придется поторапливаться.

– А поконкретнее? – уточнила Хирц.

– С открытия предыдущей двери прошло сорок минут.

– Сорок три, если быть предельно точным, – добавил Тринтиньян.

– Предлагаю выдвигаться к следующей двери, – сказал Чайлд. – По-вашему, доктор, сколько времени у нас в запасе?

– Верхняя граница? На мой взгляд, около двадцати восьми минут.

– Этого явно не хватит, – сказал я. – Лучше уж сразу вернуться в шаттл.

– Нет, – возразил Чайлд. – Мы не пойдем обратно, пока кто-то не получит серьезных повреждений.

– Вы спятили, – проронила Селестина.

Чайлд ее проигнорировал. Переступил порог и шагнул в следующее помещение. Дверь позади нас закрылась.

– Я ничуть не спятил, – сказал он, поворачиваясь к нам. – Просто мне не терпится пойти дальше.

Дважды ему просить не пришлось.

Селестина сделала выбор так быстро, как только могла, едва не скрипя зубами от напряжения, и это подарило нам, по прикидкам Тринтиньяна, пять или шесть минут свободы перед тем, как Шпиль начнет требовать ответ.

– Подождем, – решил Чайлд, всматриваясь в наши лица, чтобы определить несогласных. – Селестина сможет перепроверить свой вариант. Ни к чему давать этой штуковине ответ, пока нас к тому не вынудят, ведь ставки слишком высоки.

– Я уверена в ответе. – Селестина указала пальцем на символ справа от двери.

– Тогда потратьте пять минут на отдых. Делайте что хотите, но мы не станем подтверждать выбор, пока нас не принудят.

– Чайлд, если мы пройдем эту комнату…

– Да?

– То я возвращаюсь. Вы меня не задержите.

– Вы никуда не уйдете, Селестина, и сами прекрасно это знаете.

Она ожгла его взглядом, но промолчала. Думаю, следующие пять минут были самыми долгими в моей жизни. Никто не отваживался заговаривать, не желал обронить ни словечка из страха перед появлением чего-то вроде давешнего шара. На протяжении этих пяти минут я слышал лишь собственное дыхание, а фоном ему была неумолчная вибрация Шпиля.

Потом что-то выскользнуло из стены.

Извиваясь, легло на пол. Гибкая металлическая лента, толщиной в дюйм и длиной метра три.

– Все назад! – распорядился Чайлд.

Селестина посмотрела на него через плечо:

– Мне нажимать или нет?

– По моей команде, не раньше.

Лента продолжала извиваться, то свертывалась в кольца, то разворачивалась, как спятивший угорь. Чайлд неотрывно следил за нею, будто завороженный. Движения ленты становились все резче, их сопровождали громкое шипение и скрежет от соприкосновения металла с металлом.

– Чайлд? – позвала Селестина.

– Я хочу убедиться, что эта штука…

Лента вновь свернулась, развернулась, а затем метнулась через помещение в направлении Чайлда. Он ловко подпрыгнул, и лента благополучно пронеслась под его ногами. Теперь ее движения сделались неуловимо быстрыми, и мы все постарались вжаться в стены. Промахнувшись по Чайлду, лента отскочила в центр комнаты и яростно зашипела. Казалось, она стала длиннее и тоньше, чем была мгновение назад, как будто растянулась.

– Чайлд! – воскликнула Селестина. – Через пять секунд я нажму сама, нравится вам это или нет!

– Да погодите вы!

Лента вздыбилась, так что зона ее поражения уже не ограничивалась несколькими дюймами над полом. Вращалась она столь стремительно, что словно превратилась в псевдоцельную форму, в причудливых очертаний столб мерцающего и шипящего металла. Я смотрел на Селестину, мысленно умоляя ее надавить на символ у двери, что бы там ни твердил Чайлд. Его поведение было мне понятно – кружение ленты и вправду завораживало, но как по мне, это любопытство грозило немалыми неприятностями.

– Селест… – выдавил я.

Дальнейшие события развернулись с головокружительной быстротой: серебристо-серое щупальце, отросток ленты, если угодно, внезапно дважды обернулось вокруг руки Селестины, той самой, над которой успел потрудиться Тринтиньян. Селестина в ужасе замерла, а щупальце сжалось и отсекло ей кисть. С истошным визгом Селестина повалилась навзничь.

Щупальце оттащило ее кисть в центр комнаты и втянулось в извивающийся в воздухе металлический столб.

Я рванулся к двери, припоминая символ, который Селестина собиралась нажать. Мне вслед метнулось второе щупальце, но я вовремя прижался к стене, и металл лишь мазнул меня по груди, обтянутой комбинезоном. В центре комнаты упали на пол крошечные ошметки ткани и кусочки кости. Следующая металлическая петля захлестнула Хирц, обхватила ее за талию и повлекла к столбу.

Хирц пыталась сопротивляться, расставляла руки, упиралась ногами, но все было бесполезно. Она закричала, потом сорвалась на вопль.

Я добрался до двери.

Ладонь зависла над символами. Правильно ли я помню выбор Селестины? Или она собиралась нажать на другой символ? Они ведь почти одинаковые…

Тут Селестина, продолжавшая баюкать искалеченную руку, часто закивала.

Я приложил ладонь к рисунку.

Уставился на дверь, ожидая, чтобы она открылась. Неужели после такого кошмара выяснится, что Селестина ошиблась? Шпиль не торопился, растягивал удовольствие, как законченный садист, а за моей спиной по-прежнему раздавалось яростное шипение. А также другие звуки, которые я предпочитал пропускать мимо ушей.

Вдруг все стихло.

Краем глаза я заметил, как металлическая лента убралась обратно в стену, будто змеиный язык в пасть.

Дверь начала открываться.

Селестина выбрала верно. Я прислушался к себе и решил, что должен чувствовать облегчение. Возможно, я его чувствовал где-то на донышке души. Теперь мы способны вернуться к точке старта и выбраться из Шпиля. Кто захочет, конечно, а захотят вряд ли все…

Я обернулся, заранее готовый увидеть то, что мне предстояло увидеть.

Чайлд и Тринтиньян нисколько не пострадали.

Селестина, не теряя времени даром, накладывала на рану жгут из походной аптечки. Крови она потеряла совсем немного, и, насколько я мог судить, рана не доставляла ей существенных неудобств.

– Ты как, справишься? – спросил я.

– Нормально, Ричард. – Она поморщилась, затягивая жгут потуже. – А вот о Хирц этого не скажешь.

– Где она?

– Шпиль ее забрал.

Здоровой рукой Селестина указала на то место, где совсем недавно ярился металлический вихрь. На полу, ниже того уровня, где извивалась жуткая лента, виднелась аккуратная горка человеческой плоти.

– Кисти Селестины нет, – заметил я. – И следов комбинезона Хирц тоже.

– Ее разорвало заживо, – пробормотал Чайлд, лицом

походивший на восковую маску.

– Где она?

– Все произошло так быстро… Какое-то размытое пятно… Ее разорвало, а кусочки исчезли в стенах. Надеюсь, она не успела ощутить боль.

– Верю, провидение о ней позаботилось.

Доктор Тринтиньян нагнулся и тщательно осмотрел останки.

Глава 8

Снаружи, в длинной тени от Шпиля, при свете то ли утренних, то ли вечерних сумерек мы разыскали те останки Хирц, которым Шпиль не нашел применения.

Они оказались наполовину зарытыми в пыль, словно не устоявшие перед напором ветра развалины каких-то древних сооружений, уменьшенных до крошечного размера. Мое восприятие играло со мной дурные шутки, превращая эти безжалостно вырезанные детали человеческой анатомии в абстрактные скульптуры – в некие затейливые сочетания, что ловили окружающий свет и отбрасывали собственные умиротворяющие тени. Сохранились кое-какие обрывки ткани комбинезона, но Шпиль позаимствовал все металлические части снаряжения Хирц. Даже череп с трещиной по куполу осушил насухо ради немногих металлических вкраплений в ее мозгу.

А то, что ему не требовалось, попросту выкинул.

– Нельзя бросить ее здесь, – сказал я. – Нужно что-то сделать. Похоронить… Поставить приметный знак…

– Знак уже есть, – возразил Чайлд.

– О чем ты?

– Сам Шпиль. Чем скорее мы доберемся до шаттла, тем быстрее подлатаем Селестину и сможем продолжить восхождение.

– Секундочку, – подал голос Тринтиньян, копаясь пальцами в другой горке человеческих останков.

– Идемте, доктор, это уже не Хирц, – позвал Чайлд.

Тринтиньян выпрямился и сунул в карман пояса какой-то предмет.

Что бы это ни было, я успел заметить, что оно маленькое, не больше камешка или детского мячика.

– Я возвращаюсь домой, – сообщила Селестина, когда мы очутились в безопасности внутри шаттла. – Прежде чем начнешь отговаривать, предупреждаю: я не передумаю.

Мы сидели в ее каюте. Чайлд только что тщетно пытался переубедить нашего математического гения, а затем натравил на нее меня – вдруг получится. Впрочем, я не намеревался усердствовать. Я ведь видел, на что способен Шпиль, и будь я проклят, если позволю и дальше проливаться чьей-либо крови, за исключением моей собственной.

– По крайней мере позволь Тринтиньяну позаботиться о твоей руке.

– Металл мне больше не нужен – сказала она, дотрагиваясь до синего хирургического рукава, в котором пряталась культя. – До Города Бездны вполне обойдусь без руки, а там мне вырастят новую.

Как говорится, помяни лихо – в проем просунулась серебряная маска, и музыкальный голос Тринтиньяна поведал:

– Если мне позволено будет сказать… Если сочтете возможным воспользоваться моими услугами, возможно, лучших вам найти не удастся.

Селестина покосилась на Чайлда, перевела взгляд на доктора, снова уставилась на хирургический рукав:

– О чем вы говорите?

– О сущих пустяках. Чайлд разрешил мне ознакомиться кое с какими новостями из дома. – Тринтиньян без приглашения вошел в каюту и загерметизировал вход.

– Можно выражаться яснее, доктор?

– Вести на самом деле довольно тревожные. Вскоре после нашего отлета в Городе Бездны произошли малоприятные события. Случилась эпидемия, затронувшая все самовоспроизводящиеся системы, вплоть до микроуровня. Иными словами, разгул нанотехнологий… Похоже, число жертв исчисляется миллионами.

– Ни к чему так радоваться чужой беде, доктор.

Тринтиньян приблизился к кушетке, на которой отдыхала Селестина.

– Я лишь обращаю ваше внимание на то, что передовая медицина, на которую мы привыкли рассчитывать в Городе Бездны, может быть временно недоступна. Конечно, все может измениться к лучшему еще до нашего возвращения…

– Пожалуй, я готова рискнуть, – ответила Селестина.

– Решение за вами, разумеется. – Тринтиньян помешкал, затем положил на столик что-то мелкое и твердое. Повернулся, как бы собираясь уходить, но остановился и прибавил: – Мне не привыкать, знаете ли.

– Не привыкать к чему? – спросил я.

– К страху и отвращению. Из-за того, кем я стал и что успел натворить. Но уверяю вас, я не воплощение зла. Меня можно называть извращенцем, человеком особых пристрастий, безусловно. Но я не монстр.

– А что насчет ваших жертв, доктор?

– Я всегда повторял и буду повторять, что они добровольно соглашались на мое вторже… – он поперхнулся, – на мое вмешательство.

– В архивах сказано иначе.

– Кто мы такие, чтобы оспаривать архивы? – Игра света и тени на его маске, казалось, растягивает шире легкую усмешку, которая всегда там присутствовала. – Кто мы такие, друг мой?

Когда Тринтиньян ушел, я повернулся к Селестине и произнес:

– Лично я возвращаюсь в Шпиль. Ты же это знаешь, верно?

– Догадалась, конечно, но все-таки рассчитывала тебя удержать. – Здоровой рукой она провела по предмету, оставленному Тринтиньяном на столике. Выглядел он как темный камешек странных очертаний. Доктор нашел его в останках возле Шпиля, и на мгновение мне стало интересно, зачем Тринтиньян подсунул этот камень Селестине.

– Честно сказать, не думаю, что стоит взывать к моему здравомыслию. Это касается нас с Чайлдом, никого больше. Он явно знал, что настанет такой момент, когда я просто не смогу отступить.

– Не важно, какова будет цена? – уточнила Селестина.

– Мы рискуем постоянно.

Она покачала головой, медленно и недоуменно:

– А он тебя зацепил, мерзавец.

– Вовсе нет, – возразил я, ощущая непонятную потребность защитить старого друга, пусть даже Селестина была совершенно права в своих выводах. – Дело не в Чайлде, как ни крути. Дело в Шпиле.

– Прошу тебя, Ричард, мысли без спешки.

Я обещал, но мы оба знали, что обещание было ложью.

Глава 9

Мы с Чайлдом вернулись к Шпилю.

Я разглядывал сооружение, что высилось над нами подобно варварскому кенотафу. Теперь я видел его с исключительной, поистине невероятно четкостью. Как если бы с моих глаз сорвали полупрозрачную завесу, благодаря чему я смог различить тысячи новых подробностей и оттенков. Лишь мельчайшие, едва заметные намеки на пикселизацию – когда я менял угол зрения слишком быстро – выдавали тот факт, что эту остроту зрения нельзя признать обыденной, что это кибернетическое улучшение.

Наши глаза изъяли, очистили глазницы и поместили в них куда более эффективные технические устройства, соединенные с визуальными центрами мозга. Глаза дожидались нас в шаттле, плавали в колбах, точно диковинные деликатесы. Обратную операцию мы проделаем, когда вернемся из Шпиля с победой.

– Почему не очки? – спросил я, когда Тринтиньян принялся излагать свои планы.

– Чересчур громоздкие; кроме того, они могут свалиться или их похитят. Шпиль явно жаждет металла. Впредь, полагаю, следует носить все жизненно важное в себе – так сказать, впустить в себя. – Доктор сцепил серебристые пальцы. – Если вы против, думаю, проще сразу признать поражение.

– Я сам решу, против я или нет.

– Что еще? – вмешался Чайлд. – Без Селестины нам придется разгадывать головоломки самостоятельно.

– Я увеличу плотность мозговых стимуляторов, – сказал Тринтиньян. – Добавится сеть фуллереновых трубок и искусственных нервных окончаний, дополняющая вашу нынешнюю синаптическую топологию.

– И какой от нее прок?

– Фуллереновые трубки способны передавать нервные сигналы в сотни раз быстрее, чем это делают обычные синапсы. Также вырастет скорость нейронных вычислений. А субъективное ощущение времени замедлится.

Я уставился на доктора, одновременно потрясенный перспективами и напуганный.

– Вы на это способны?

– Вообще-то, тут нет ничего выдающегося. Сочленители выполняли такие операции с самого Транспросвещения, их методы отлично задокументированы. Я могу замедлить субъективное время до степени, когда оно будет ползти улиткой. Шпиль, скажем, выделит вам двадцать минут на решение загадки,

а для вас этот срок растянется на несколько часов или даже до пары дней.

Я покосился на Чайлда:

– Думаешь, этого будет достаточно?

– Лучше уж так, чем идти совсем безоружными. На месте увидим.

В итоге все сложилось даже лучше.

Машины Тринтиньяна не просто нарастили и ускорили наши неуклюжие естественные нейронные сети. Они переформатировали эти сети, изменив их топологию ради большей математической сноровки, и потому наши прежние достижения с нейронными модификаторами теперь смотрелись бледно. Да, нам не хватало интуиции и творческого гения Селестины, но мы располагали тем преимуществом, что могли дольше – во всяком случае, в субъективном выражении – разгадывать загадки.

И до поры это срабатывало.

Глава 10

– Ты превращаешься в чудовище, – сказала она.

– Я превращусь в кого угодно, чтобы покорить Шпиль, – ответил я.

Я отошел от шаттла, перемещаясь на тонких шарнирных ногах, похожих на поршневые ходули. Защита мне больше не требовалась: Тринтиньян встроил армирование в мою кожу. Черные плашки перетекали друг в друга, точно на панцире омара.

– Ты и разговариваешь теперь, как Тринтиньян, – сказала Селестина, следуя за мной.

Я наблюдал, как ее асимметричная тень вырастает рядом с моей – кривобокая рядом с удлиненной и эфемерной.

– Извини, не могу ничего поделать, – пропел я через синтезатор речи, заменивший мне зашитый рот.

– Остановись. Еще не поздно.

– Нет, пока Чайлд не остановится.

– И что тогда? Где предел, который ты не перейдешь, Ричард?

Я повернулся к ней. За визором шлема не составляло труда разглядеть отвращение, которое она тщетно старалась скрыть.

– Он не сдастся, – проронил я.

Селестина протянула руку. Поначалу я решил, что она куда-то меня зовет, но потом рассмотрел нечто у нее на ладони. Нечто маленькое, темное, твердое.

– Тринтиньян нашел это у Шпиля, а позже зачем-то оставил в моей каюте. По-моему, он хочет что-то нам втолковать. Обелить себя. Ты узнаешь этот предмет, Ричард?

Я увеличил изображение. Предмет окружали цифры. Так, повышение резкости. Нерегулярная поверхность. Топология контуров. Альбедо. Возможный состав.

Я впитывал данные, как пьяница глотает вино. Данные были всем, ради чего я жил.

– Нет, – сказал я.

Глава 11

– Я что-то слышу.

– Еще бы. Это же Шпиль, тут полным-полно звуков, забыл?

– Нет. – Я немного помолчал, гадая, не шалит ли моя аугментированная слуховая система, не посылает ли она ложные сигналы.

Но шум повторился: отдаленный гул, неровный, волнами, и он определенно приближался.

– Я тоже слышу, – сказал Чайлд. – Идет со стороны тех комнат, которые мы миновали.

– Такое ощущение, что двери открываются и закрываются.

– Угу.

– С какой стати они срабатывают?

– Наверное, что-то движется к нам.

Чайлд задумался – казалось, на долгие минуты, хотя в реальности все заняло от силы несколько секунд. Потом он решительно тряхнул головой.

– У нас одиннадцать минут на очередную преграду, не то наказания не избежать. Некогда отвлекаться на здешние странности.

Я неохотно согласился.

Заставил себя вернуться к загадке, ощутил, как машинерия в моей голове пытается проложить прямой путь сквозь математические дебри. Шестеренки, встроенные Тринтиньяном в мой череп, бешено вращались. Признаться, я никогда по-настоящему не разбирался в математике, но теперь, обновленный, воспринимал ее как подлинный каркас реальности, истину в последней инстанции, костяк под хилой плотью окружающего нас мира.

Чудилось, что это чуть ли не единственный образ мышления, который мне доступен. Все прочее сделалось до боли абстрактным, тогда как раньше было наоборот. Наверное, именно так чувствуют себя безумные ученые с их блестящими познаниями сугубо в одной, крайне специфической области науки.

Я превратился в инструмент для одной цели, совершенно непригодный для всего остального.

В машину, которая должна победить Шпиль.

Теперь, когда мы остались вдвоем и не могли полагаться на Селестину, Чайлд неожиданно проявил себя вполне достойным разгадывателем загадок. Не раз и не два я впадал в прострацию, рассматривая очередную головоломку, и даже новые способности

не помогали, но Чайлд неизменно находил правильный ответ. Обычно он снисходил до того, чтобы объяснить логику, однако порой передо мной возникал простой выбор: либо принять его суждение на веру, либо мыкаться, долго и мучительно, самому и в итоге прийти к аналогичному решению.

Поневоле я начал удивляться.

Чайлд заметно поумнел, но я сознавал, что за этим кроется какая-то тайна, что дело не просто в когнитивных устройствах, вживленных нам Тринтиньяном. Чайлд держался и действовал настолько уверенно, что я задумался: а не играл ли он раньше на публику, побуждая других решать задачки Шпиля. Если так, то он отчасти виноват в тех смертях, тех потерях, которые уже понесла наша экспедиция.

Впрочем, все мы вызвались идти добровольно.

За три минуты до наказания дверь открылась, впустив нас в следующее помещение. В тот же миг, когда мы успели привыкнуть, откатилась в сторону и дверь за нашими спинами. Если захотим, можем повернуть обратно. И мы с Чайлдом принялись держать совет, как неизменно поступали в каждой предыдущей комнате. Ведь существовала вероятность того, что рано или поздно мы погибнем, а каждая секунда, потраченная у порога, означала, что время на разгадку новой головоломки сократится на такой же срок.

– Ну? – спросил я.

– Идем дальше, – коротко ответил механический голос Чайлда.

– У нас в запасе всего три минуты, Чайлд. А задачки пошли чертовски сложные.

– Я помню об этом, уж поверь.

– Может, стоит вернуться? Передохнуть, собраться с силами? Нас же никто не подгоняет.

– Как знать, Ричард, как знать. Где гарантия, что Шпиль позволит нам войти снова? А вдруг он от нас устал?

– Все же…

Я оборвал себя, и мое новое тело с осиной талией изящно развернулось в сторону, откуда донеслись чьи-то шаги.

Визуальная система просканировала приближающееся нечто, опознала в нем человеческую фигуру – она как раз переступала порог предыдущей комнаты. Это и вправду был человек, явно подвергшийся каким-то изменениям, пусть и не настолько радикальным в сравнении с улучшениями, внесенными Тринтиньяном в мой организм. Я наблюдал, как фигура медленно, тяжело приближается. Наши движения также казались замедленными, но на фоне перемещений этой фигуры выглядели

молниеносными.

Я порылся в памяти, подыскивая имя для лица, для облика.

Сознание, погруженное в пространство математики, далеко не сразу обнаружило нужные данные, оно не желало заниматься подобной ерундой.

Но в конце концов смирилось.

– Селестина, – сказал я.

Вообще-то, я не произносил ничего вслух. Мои новые глаза испускали лазерные лучи, содержавшие информацию, и принимали сигналы от множества датчиков. А думали мы теперь настолько стремительно, что речевой аппарат не поспевал за мыслями, так что все разговоры происходили безмолвно.

Селестина двигалась медленно, однако воспринимала наш беззвучный разговор.

– Да, это я. Кто спрашивает? Это ты, Ричард?

– Разве ты сама не видишь?

– Ну, вас с Чайлдом легко перепутать.

Я поглядел на Чайлда и, пожалуй, впервые за эту вылазку оценил его внешний вид.

Наконец-то, после множества разочарований и отказов, Тринтиньян обрел полную свободу творчества и развернулся на всю катушку. Он напичкал наши головы своей машинерией до такой степени, что ему пришлось даже удлинить нам череп, чтобы все поместилось. Еще он аккуратно вскрыл нам грудные клетки, извлек сердце и легкие и отправил их на сохранение. Вместо одного легкого поставил замкнутую систему насыщения крови кислородом вроде тех, что применяются в космических скафандрах, и мы разжились способностью находиться в вакууме, дышать воздухом не требовалось. Место второго легкого заняло устройство, гонявшее по петле охладитель и тем самым избавлявшее от перегрева горячие нейронные машины в голове. Кроме того, в груди размещались системы питания, а сердцем нам служили крошечные фузионные помпы. Все прочие органы – желудок, кишечник, гениталии – тоже исчезли, заодно с обилием костей и мышц, а также конечностей. Мы пользовались протезами, могучими, но способными складываться, и это позволяло проникать в самые крохотные отверстия. Тела были упакованы в своего рода экзоскелеты, к которым крепились новые конечности. В довесок Тринтиньян наделил нас тонкими хвостами для лучшего баланса, нарастил поверх груды технических агрегатов улучшенный кожный покров, этакое органическое армирование из той же алмазной смеси, которой мы раньше пробовали укрепить комбинезон Хирц.

Когда доктор закончил, мы превратились в гончих с

алмазными шкурами.

В алмазных псов.

Я склонил голову:

– Да, я Ричард.

– Прошу, давайте вернемся.

– Ты ради этого пошла за нами?

– Умоляю, остановитесь.

– Ты изменила себя, чтобы догнать меня?

Медленно, с каменной грацией статуи, она протянула мне руку. Ее конечности, как и наши, были механическими, но в целом облик Селестины сохранял подобие человечности.

– Пожалуйста…

– Ты знаешь, что я не могу вернуться. Мы зашли слишком далеко.

Ответа мне пришлось дожидаться, по ощущениям, целую вечность.

– Ты не понимаешь, Ричард. Здесь все не то, чем кажется.

Чайлд повернул в мою сторону свою псевдособачью морду.

– Не обращай внимания, – сказал он.

– Слушай меня, Ричард! – Похоже, Селестина без труда разбирала наши с Чайлдом лазерные сигналы. – Забудь о нем! Он обманывал тебя всю дорогу. Бессовестно лгал – и тебе, и остальным. Даже Тринтиньяну. Вот почему я пошла за тобой.

– Она врет, – сказал Чайлд.

– Нет, не вру. Разве ты не догадался, Ричард? Чайлд уже бывал тут. Это не первое для него посещение Шпиля.

Я изобразил, уж как получилось, пожатие плечами:

– Как и для меня.

– Речь не о том, что было после нашего прилета на Голгофу. А о том, что случилось раньше. Чайлд уже бывал на этой планете.

– Она врет, – повторил Чайлд.

– Объясни, откуда ты знал заранее об испытаниях?

– Я не знал, просто проявлял предусмотрительность. – Чайлд повернулся ко мне, чтобы только я мог прочитать его лазерные сигналы. – Ричард, мы зря теряем драгоценное время.

– Предусмотрительность? – переспросила Селестина. – Ну да, ты был дьявольски предусмотрителен. Прихватил комбинезоны, чтобы двигаться дальше, когда скафандры станут помехой. И привлек Тринтиньяна. Ты ведь знал, что от него будет польза.

– Я видел тела, лежавшие у подножия Шпиля, – сказал Чайлд. – Тела тех, с кем Шпиль расправился.

– И?

– И счел, что нам пригодится человек, умеющий работать с

увечьями.

– Допустим. – Селестина кивнула. – С этим я согласна. Но ведь это не вся правда, верно?

Я поглядел на Чайлда, потом на Селестину:

– Что происходит?

– Тела у подножия Шпиля никак не связаны с капитаном Аргайлом.

– Неужели? – удивился я.

– Да. – Звуки, издаваемые Селестиной, доползали до меня мучительно медленно. Жаль, что Тринтиньян не удосужился и ее превратить в собаку с алмазной шкурой. – Никакого Аргайла тут в помине не было! Чайлд его придумал, чтобы обосновать свои знания о Шпиле. Но на самом деле… Чайлд, рассказывай, хватит увиливать!

– Понятия не имею, чего она от меня хочет.

Селестина усмехнулась:

– Все тела принадлежали тебе.

Чайлд нетерпеливо дернул хвостом, мазнул им по полу:

– Чушь!

– Ну, тебе виднее. Тринтиньян, между прочим, первым обо всем догадался.

Селестина кинула что-то в мою сторону.

Я велел субъективному времени замедлиться сильнее прежнего. Предмет, который она бросила, лениво вращался на лету, двигаясь по параболе. Рассудок вычислил его курс и максимально точно экстраполировал траекторию.

Я шевельнулся, вытянул переднюю лапу, поймал предмет.

– Что это? – спросил я.

– Тринтиньян говорит, что ты должен вспомнить.

Я уставился на незнакомый предмет. Припомнил, как доктор ковырялся в останках у подножия Шпиля, как он сунул что-то в карман. Вот это – маленький, темный, твердый предмет неправильных очертаний.

Но что это?

В сознании зароились смутные картины прошлого.

– Должно быть что-то еще, – сказал я.

– Ну разумеется! – подтвердила Селестина. – Человеческие останки у Шпиля, за исключением тех, что добавились после нашего прилета, принадлежат генетически одному и тому же существу. Я верю Тринтиньяну.

– Как такое может быть?

– А вот так. Сам понимаешь, клонирование много чего позволяет.

– Бред! – коротко прокомментировал Чайлд.

Я повернулся к нему, испытывая некое чувство, заглушить которое оказалось не в состоянии все искусство Тринтиньяна:

– Скажи, что это неправда.

– Зачем мне клонировать себя?

– Я отвечу честнее, – вмешалась Селестина. – Он отыскал эту штуковину, но гораздо, гораздо раньше, чем рассказывал нам. Побывал внутри, занялся исследованиями и наплодил для этого клонов.

Я ждал, что Чайлд как-то отреагирует, предложит хоть какое-то объяснение. А он молча, передвигаясь на всех четырех конечностях, улизнул в следующее помещение.

Дверь за спиной Селестины закрылась, словно стальное веко.

Чайлд подал голос из новой комнаты:

– Полагаю, у нас девять или десять минут на то, чтобы решить задачу. Я смотрю на символы, и мне представляется, что нам придется изрядно попотеть. Может, отложим светскую беседу до более подходящих обстоятельств?

– Чайлд, тебе не следовало так поступать, – сказал я. – Селестина не…

– Я решил, что она с нами.

Селестина переступила порог:

– Вообще-то, я не собиралась к вам присоединяться. Но теперь, судя по всему, у меня нет выбора.

– Молодец! – похвалил ее Чайлд.

А я вдруг осознал, где раньше мог видеть тот темный и крохотный предмет, который Тринтиньян добыл на поверхности Голгофы.

Конечно, я могу ошибаться.

Но он подозрительно смахивал на рожок с головы беса.

Глава 12

Новая задача оказалась такой же по-византийски затейливой, многослойной и чреватой подвохами, как и все предыдущие.

Пока я разглядывал значки у двери, мой разум скитался по просторам математических вероятностей, улавливал глубинные связи между сугубо самостоятельными, как утверждала теория, областями логических рассуждений. Я мог бы смотреть на символы часами, пребывая в экстатической завороженности. К несчастью, загадку следовало разгадать, а не просто ею любоваться. И в запасе у нас оставалось меньше девяти минут.

Мы собрались у двери и две или три минуты, растянувшиеся для нас в часы, хранили молчание.

Я заговорил первым, почувствовав, что прямо сейчас мне нужно чем-то отвлечься.

– Селестина права? Ты клонировал себя?

– Конечно, я права, – сказала Селестина. – Он находился на опасной территории, поэтому принял необходимые меры и привез оборудование для регенерации органов.

Чайлд повернулся к нам.

– Регенерация – не то же самое, что клонирование, – сказал он.

– Ну да, там предусмотрены искусственные ограничения, – пояснила Селестина. – Если от них избавиться, клонируй сколько влезет. Зачем выращивать заново кисть или руку целиком, когда можно просто воссоздать тело?

– Чего ради мне это было делать? Ведь получилась бы всего-навсего безмозглая копия!

– Не обязательно, – возразил я. – При помощи специальных препаратов и модификаторов сознания не так уж сложно передать клону свою личность и воспоминания.

– Ричард прав, – поддержала меня Селестина. – Работать с памятью нетрудно, ему ли не знать.

Чайлд снова уставился на дверь. Символы вокруг нее по-прежнему упорно не поддавались разгадке.

– Шесть минут до срока.

– Не меняй тему, чтоб тебя! – вспылила Селестина. – Я хочу, чтобы Ричард наконец вник в происходящее.

– Зачем? – осведомился Чайлд. – С чего вдруг ты решила о нем позаботиться? Я же видел, с каким отвращением ты смотрела на нас после операции.

– Насчет себя можешь быть уверен – ты мне отвратителен. Но я не могу спокойно смотреть, как кем-то манипулируют.

– Никем я не манипулирую!

– Тогда расскажи правду насчет клонов. И насчет Шпиля заодно.

Чайлд снова устремил взгляд на дверь, явно разрываясь между необходимостью разгадать загадку и желанием заткнуть Селестину. У нас в запасе было меньше шести минут. Я временно отвлекся от головоломки, как и хотел, но это не позволило найти решение, даже не подбросило и намека.

Потому я вновь повернулся к Чайлду:

– Что случилось с клонами? Ты посылал их внутрь, одного за другим, рассчитывая таким образом добраться до верха?

– Нет. – Похоже, мое непонимание его развеселило. – Я не посылал их впереди себя, Ричард. Наоборот, они шли по пятам за мной.

– Прости, но это глупость какая-то.

– Я вошел внутрь, и Шпиль убил меня. Но перед этим я создал свой ментальный слепок и передал воспоминания недавно выращенному клону. Его нельзя было назвать точной моей копией, ибо он получил лишь некоторые воспоминания и малую часть моих персональных особенностей, однако он четко сознавал, что является специально созданным конструктом. – Чайлд бросил взгляд на дверь. – Слушайте, это все крайне интересно, но время…

– Задача подождет, – отрубила Селестина. – Тем более что я, похоже, нашла решение.

Стройное собачье тело Чайлда затряслось от предвкушения.

– Правда?

– Я сказала «похоже», Чайлд. Уйми свой пыл.

– Времени в обрез, Селестина. Будь добра, поделись с нами своим вариантом.

Она посмотрела на символы и криво усмехнулась:

– Баш на баш, Чайлд. Я показываю значок, а ты рассказываешь про клона.

Я ощутил, как Чайлд взъярился, но потом обуздал гнев.

– Ну… Он, то есть новый я, вернулся в Шпиль и попытался пройти дальше предшественника. Он сумел, преодолел несколько комнат после той, где погиб старый я.

– Что побудило его продолжать? – спросила Селестина. – Он же знал, что все равно погибнет.

– Он считал, что у него куда больше шансов выжить, поскольку тщательно изучил поведение меня старого и принял меры предосторожности – надел скафандр попрочнее, ввел себе препараты для стимуляции математических способностей, использовал кое-какие терапевтические техники…

– И что дальше? – поторопил я. – Что случилось, когда он все-таки погиб?

– Погиб он далеко не сразу. Подобно нам, он отступал, когда понимал, что в текущем состоянии выше не проникнет. Всякий раз он клонировал себя, делал ментальный слепок. Так что следующий клон наследовал все воспоминания.

– Все равно не понимаю, – сказал я. – Какое клону дело до того, что будет с его копиями?

– Ну… Он не собирался умирать. Никто из клонов не собирался. Назовите это личной особенностью, если угодно.

– Высокомерие и самоуверенность? – предположила Селестина.

– Лично я предпочитаю говорить о полном отсутствии сомнений в себе. Каждый клон считал, что он лучше предшественника, поскольку не допускал уже совершённых ошибок. При этом они исправно делали слепки, чтобы – если произойдет невероятное и смерти избежать не получится – знания уцелели. Так что, даже если конкретный клон не сумеет победить Шпиль, тот, кто в итоге доберется до цели, все равно окажется носителем моего генетического материала. Так сказать, родственником. Членом семьи. – Чайлд взмахнул хвостом. – Селестина, четыре минуты осталось. Ты готова?

– Почти, но не совсем. Сколько клонов ты настрогал, Чайлд? До себя нынешнего.

– Это очень личный вопрос.

Она пожала плечами:

– Ладно. Тебе нужно мое решение или нет?

– Семнадцать, – ответил Чайлд. – Плюс оригинал, который вошел в Шпиль первым.

Я зафиксировал в памяти это число и оценил, какие выводы из него можно сделать.

– Значит, ты в девятнадцатый раз идешь сейчас в Шпиль?

Думаю, будь это анатомически возможным, он бы грустно улыбнулся.

– Как уже было сказано, я продолжаю семейное дело.

– Ты превратился в чудовище, – еле слышно прошептала Селестина.

В целом с ней так и подмывало согласиться. Чайлд унаследовал воспоминания восемнадцати предшественников, которые погибли в безликих помещениях Шпиля. Вряд ли имело значение то обстоятельство, что он не помнил, скорее всего, подробностей конкретных смертей. Сама эта последовательность выглядела чудовищным издевательством над природой. К тому же кто-то из клонов вполне мог выбраться из Шпиля живым,

жутко изувеченным, но живым, и в этом беспомощном состоянии оказаться жертвой процедуры ментального слепка…

Как утверждают, слепок получается максимально четким, если делать его ровно в момент смерти, когда сканируемый мозг еще не начал разрушаться.

– Селестина права, – сказал я. – По мне, так ты даже хуже той штуковины, которую отчаянно стараешься покорить.

Чайлд окатил меня волной лазерных лучей, которые забегали по моему телу, словно подсветка прицела.

– Ты давно в зеркало смотрелся, Ричард? Между прочим, в тебе осталось мало человеческого, данного природой.

– Это всего лишь косметика, – ответил я. – Воспоминания у меня собственные. Я не намерен становиться… – Тут я замялся, мой разум затруднялся с выбором слов, поскольку был сосредоточен на решении головоломок Шпиля. – В общем, я не извращенец.

– Отлично. – Чайлд опустил голову, как бы выказывая печаль и сожаление. – Тогда возвращайся в шаттл, если хочешь. Я в любом случае пойду до конца.

– Пожалуй, так и сделаю, – ответил я. – Селестина, будь добра, открой эту дверь, и мы с тобой уйдем. Пусть Чайлд сам покоряет свой треклятый Шпиль.

Селестина вздохнула с облегчением:

– Хвала небесам! Ричард, я и не надеялась так скоро тебя переубедить.

Я кивнул в сторону двери, намекая, что пора предложить разгадку. Лично мне головоломка до сих пор казалась неразрешимой; правда, теперь, после долгого отвлечения, я как будто начинал постигать некие намеки, из которых вроде бы складывался нужный ответ.

В наш разговор вмешался Чайлд:

– А чему ты, собственно, удивляешься? Я всегда знал, что он повернет обратно, когда станет по-настоящему трудно. Он и в детстве так себя вел. Зря я думал, что с годами он изменился.

– Это ложь! – воскликнул я.

– Тогда почему уходишь?

– Да потому, что сама затея лишена смысла!

– Или потому, что задачи слишком трудные, а вызов не по плечу?

– Наплюй на него, – сказала Селестина. – Он просто старается взять тебя на слабо. Ты всегда был таким, Чайлд, верно? Ты решил, что сможешь одолеть Шпиль, и пожертвовал ради этого восемнадцатью своими копиями. Допустил, чтобы эта хреновина

раскрошила их в клочья. – Она с вызовом огляделась по сторонам, словно ожидая, что Шпиль покарает ее за этакое кощунство. – С другой стороны, ты, возможно, прав. Быть может, ты и вправду забрался дальше остальных.

Чайлд промолчал – видимо, не желая спорить.

– Но одолеть Шпиль – этого же мало, так? – продолжала Селестина. – Тебе необходимы свидетели твоей победы. Кто-то, способный подтвердить, какой ты умный.

– Ерунда.

– Тогда зачем ты нас позвал? Тринтиньян пригодился, никто отрицать не будет. И от меня какой-то толк был. Но ты вполне обошелся бы без нас, ничуть не сомневаюсь. Крови пролилось бы больше, потребовалось бы наштамповать еще десяток клонов… Но ты бы добился своего, так или иначе.

– Решение, Селестина.

По моим прикидкам, оставалось меньше двух минут, чтобы сделать выбор. Но я чувствовал, что времени в запасе достаточно. Будто по волшебству, решение явилось мне из ниоткуда, а всего мгновение назад задача представлялась неразрешимой. Так бывает с оптическими иллюзиями, которые моментально меняют восприятие. Не побоюсь сказать, что я испытал нечто наподобие религиозного восторга.

– Все в порядке, – сказал я. – Символ найден. Ты разве не видишь?

– Не уверен. Погоди… – Чайлд вперился взглядом в дверь, а я наблюдал, как лазерные лучи из его глаз мечутся по прихотливым извивам околодверных значков. Вот алое свечение замерло на ошибочном варианте, потом сместилось на правильный, но там, увы, не задержалось.

Чайлд поджал хвост:

– По-моему, нашел.

– Хорошо, – произнесла Селестина. – Я согласна с тобой. Ричард, ты к нам присоединишься?

Я что, ослышался? Нет, она действительно сказала, что Чайлд выбрал правильный вариант. А тот, в котором я был уверен, на самом деле ошибочный…

– Мне каж… – Я прервался и снова уставился на значки. Может, я что-то упускаю? Чайлд тоже сомневается, это заметно, зато Селестина вполне уверена. Но все-таки озарение, пришедшее ко мне, не давало повода усомниться. – Не знаю, честно. Не знаю.

– Некогда спорить, Ричард. Осталось меньше минуты.

Внутренности словно сковало льдом. Несмотря на все процедуры, лишившие меня многих признаков человечности, я все еще мог испытывать страх. Причем страх настолько сильный,

что с ним никак было не совладать.

Я выбрал правильно! Но их двое против меня одного…

– Ричард? – позвал Чайлд настойчиво.

Я оглядел товарищей.

– Жмите, – произнес я уныло.

Чайлд положил лапу на символ, который выбрали они с Селестиной, и сильно надавил.

Полагаю, прежде чем отреагировал Шпиль, я понял, что мы совершили ошибку. Но, глядя на Селестину, я не видел ничего похожего на шок или изумление. Напротив, она выглядела абсолютно спокойной.

А затем пришло наказание.

Оно было жестоким, и мы должны были погибнуть. Даже с теми улучшениями, которые подарил нам Тринтиньян. Громадный тройной маятник с лезвиями на кончиках рычагов вырос из потолка и принялся раскачиваться, наращивая размах движений. Возможно, нашему разуму удалось бы высчитать траекторию простого маятника и вовремя заставить тела уйти с линии поражения. Но траекторию встроенного устройства предугадать было чертовски сложно – как ни крути, это выглядело наглядной и жуткой демонстрацией математики хаоса.

Но мы выжили, как и при предыдущем наказании. Даже Селестина уцелела, маятник отсек ей всего одну руку. Я потерял руку и ногу, и на моих глазах – кажется, в моем восприятии ужас смешивался с восторгом – комната присвоила себе эти части моего тела; выросшие из стены щупальца сразу вцепились в полезные для Шпиля комбинации металла и пластика. Боль тоже ощущалась, ибо Тринтиньян подсоединил искусственные конечности к нашим нервным системам, дабы мы могли различать жару и холод. Но боль быстро сгинула, поглощенная цифровым онемением.

Тяжелее всего пришлось Чайлду.

Лезвие маятника разрубило его посредине, прямо под грудной клеткой, и на пол просыпались осколки металла и пластика вместе с кусками проводов, заменивших внутренности, пролилась кровь и какая-то зловонная жидкость. Те же щупальца из стены жадно ухватились за заднюю половину его тела и увлекли ее в никуда.

Той рукой, которая действовала, Селестина нажала на правильный символ. Наказание прекратилось, дверь открылась.

Убедившись, что маятник исчез, Чайлд оглядел свое искалеченное тело.

– По-моему, мне изрядно досталось, – заметил он.

Многочисленные клапаны и сальники перекрыли истечение

жидкостей, и оставалось лишь в очередной раз поразиться несомненному мастерству Тринтиньяна. Он предусмотрел почти все, и Чайлд способен был выжить даже при предельно неблагоприятных обстоятельствах.

– Жить будешь, – подтвердила Селестина.

Сочувствия я в ее голосе не услышал.

– Почему? – спросил я. – Почему ты не сразу нажала на нужный символ?

Она посмотрела на меня:

– Потому что я должна была так поступить.

Несмотря на увечья, она помогла нам вернуться к точке старта.

Я ковылял самостоятельно, держась за стены и подпрыгивая на единственной ноге. Крови из меня вытекло сравнительно немного, поскольку, хоть маятник и нанес глубокие порезы телу, конечности были отсечены ниже тех мест, где они, так сказать, врастали в живую плоть. Но шок не отпускал, голова шла кругом, и мне отчаянно хотелось выбраться из Шпиля и укрыться в шаттле. Там Тринтиньян меня починит, это я знал наверняка. Док снова вернет мне человеческий облик. Он уверял, что это возможно. Конечно, многое в нем меня отвращало, но я не думал, что в данном случае он врет. В конце концов, есть же профессиональная гордость: сумел натворить – сумей и исправить.

Селестина несла Чайлда, зажав под мышкой. Верхняя половина его тела почти ничего не весила, а вдобавок он обнимал Селестину сохранившейся лапой. Я ощущал приступ тошноты всякий раз, когда взгляд падал на обрубок тела; порой проскальзывала мысль, что тошноту, пожалуй, было бы не сдержать, не будь восприятие приглушено наномедами.

Мы миновали, полагаю, около трети из вереницы комнат, когда Чайлд выскользнул из хватки Селестины и рухнул на пол.

– Ты что творишь? – возмутилась она.

– А ты как думаешь? – Он приподнялся, опираясь на руку. Я заметил, что срез начал затягиваться, что алмазная шкура постепенно все заращивает.

Не исключено, что скоро покажется, будто он изначально существовал в таком вот облике.

Селестина помедлила с ответом.

– Честно говоря, не знаю, что и думать.

– Я иду обратно. До конца.

Продолжая держаться за стену, я воззвал к его разуму:

– Ты не сможешь. Тебе нужно лечение. Опомнись, Чайлд, тебя

же надвое разрубили!

– Плевать! Я лишился той части тела, от которой рано или поздно все равно пришлось бы избавиться. Ведь двери наверняка сузятся до того предела, когда в них будет не пролезть и собаке.

– Шпиль тебя убьет, – сказал я.

– Или я его одолею. Ты же знаешь, я упрямый. – Он развернулся в обратную сторону, проскрежетав торсом по полу, затем посмотрел на нас через плечо. – Я хочу дойти до комнаты, где со мной случилось вот это. Не думаю, что Шпиль будет вам препятствовать, пока я не переползу, уж как получится, в нее. Но на вашем месте я бы не задерживался. – Он перевел взгляд на меня и переключился на частный канал. – Еще не поздно, Ричард. Пойдем со мной.

– Нет, – ответил я. – Ты ошибаешься. Уже слишком поздно.

Селестина протянула руку, предлагая помощь:

– Пусть уходит, Ричард. Пусть сам воюет со Шпилем. Он всегда этого хотел, теперь его желание сбудется.

Чайлд между тем дополз до порога в соседнее помещение.

– Итак? – спросил он.

– Как она сказала, ты сам разбирайся со Шпилем, это ваше дело. Я бы пожелал тебе удачи, но, боюсь, это прозвучит нелепо.

Он пожал плечами, воспроизведя один из немногих доступных в псевдособачьем облике человеческих жестов:

– Как угодно. Помяни мое слово, мы непременно встретимся опять, хочешь ты того или нет.

– Надеюсь, – ответил я, прекрасно понимая, что новой встрече не бывать. – Если нужно, передам от тебя привет Городу Бездны.

– Будь так любезен. Но по возможности не рассказывай, куда я подевался.

– Обещаю. Кстати, Роланд…

– Да?

– Думаю, стоит попрощаться.

Чайлд молча отвернулся и канул во мрак – он передвигался, ловко подтягивая торс следом за единственной рукой.

Селестина взяла меня под локоть и повела к выходу наружу.

Глава 13

– Ты была права, – сказал я, когда мы двигались к шаттлу. – Наверное, я последовал бы за ним.

Она улыбнулась:

– Я рада, что ты передумал.

– Не возражаешь, если я кое-что спрошу?

– Если это не связано с математикой, валяй.

– Почему ты опекала меня, но бросила Чайлда?

– Я хотела позаботиться и о нем, – ответила она. – Вот только никому, думаю, не удалось бы его отговорить.

– Другой причины нет?

– Нет. Мне не хотелось, чтобы Шпиль тебя прикончил.

– Ты рисковала жизнью ради меня. Это дорогого стоит.

– И все? По-твоему, так выражают признательность? – Она вроде бы разозлилась, но на ее губах играла улыбка, и я ощутил позыв улыбнуться в ответ. – Узнаю старого доброго Ричарда.

– Значит, для меня есть надежда. Тринтиньян соберет меня заново, когда исцелит тебя.

Но, когда мы наконец вернулись в шаттл, выяснилось, что доктор Тринтиньян исчез. Мы обыскали шаттл и ближайшие окрестности, но не нашли даже следов, уводящих прочь. Все скафандры были на месте, а со звездолета на орбите сообщили, что не ведают о местонахождении доктора.

А потом мы его отыскали.

Он лежал на операционной кушетке под сенью сверкающего и прекрасного в своей функциональности хирургического оборудования. Машины разобрали его на части, разделили на составляющие, поместили отдельные органы в заполненные какой-то жидкостью колбы с аккуратными надписями, а прочие сложили в кюветы. В колбах фрагменты биомашинерии напоминали пьяных вдрабадан медуз, а имплантаты и прочие механизмы искрились, точно мелкие драгоценные камни.

Бросалось в глаза, что органической материи почти нет.

– Он покончил с собой, – сказала Селестина. Подняла шляпу доктора, его хомбург, лежавший в изголовье кушетки. Внутри, ровно сложенная и написанная строгим почерком, обнаружилась предсмертная записка.

> *Мои дражайшие друзья!*
>
> *Тщательно осмыслив все происходящее, я решил избавиться от себя. Перспектива размонтировать свое тело самостоятельно представляется мне более*

приемлемой, нежели жизнь в общественном осуждении за деяния, которые сам я преступлением не признаю. Прошу, не предпринимайте попыток собрать меня заново; уверяю вас, эти попытки окажутся напрасными. Смею надеяться при этом, что мой способ уйти из жизни – наряду с тем состоянием, в которое я себя помещу, – послужит забавным примером для будущих исследователей кибернетики.

Должен признаться, что есть и другая причина, по которой я избрал именно такое завершение своей карьеры. Ведь могут спросить, почему я не покончил с собой, скажем, на Йеллоустоне.

Боюсь, ответ лежит прежде всего в тщеславии.

Благодаря Шпилю, а также попечению мистера Чайлда я получил возможность продолжать работу, столь резко и неожиданно прерванную неприятными событиями в Городе Бездны. А благодаря тем, кто столь рьяно стремился раскрыть тайны Шпиля, я обрел пациентов, желающих подвергнуться моим, назовем их так, неортодоксальным методам.

Мистер Свифт, я не погрешу против истины, указав, что конкретно вас мне послали небеса. Позволю себе заметить, что трансформации, произведенные с вашим телом, следует расценивать как мое величайшее достижение. Вы – мое главное творение. Согласен, вы рассматривали хирургию исключительно как средство достижения цели, иначе вряд ли одобрили бы мои предложения, но сказанное ни в коей мере не умаляет того, чего нам с вами удалось добиться.

Увы, здесь, приходится признать, и кроется другая причина моего ухода. Победите вы Шпиль или отступите (я старательно гоню прочь мысль, что он может вас убить), наступит время, когда вы пожелаете возвратить себе свой прежний облик. А это будет означать, что мне придется погубить собственный шедевр.

Я скорее умру, чем пойду на это.

Приношу свои глубочайшие извинения и остаюсь вашим покорным слугой,

Т.

Чайлд так и не вернулся. Прождав десять дней, мы пошарили у подножия Шпиля, но не нашли свежих останков. Из этого, по-моему, напрашивался вполне логичный вывод: он еще внутри, еще пытается так или иначе прорваться к вершине.

Потом я задумался.

А для чего вообще предназначен Шпиль? Возможно ли, чтобы он служил какой-то иной цели, кроме самосохранения? Быть может, он просто заманивает любопытствующих, вынуждает их адаптироваться, постепенно становиться машинами, после чего берет и поглощает в себя?

Да, берет и поглощает.

Быть может, от ловушки для мух Шпиль отличается только размерами?

Ответа на этот вопрос я не знал. И не желал торчать на Голгофе, ломая голову над загадками Шпиля. Я не доверял себе, опасался, что однажды снова туда полезу. Ведь он меня звал, притягивал.

Так что мы улетели.

– Пообещай мне, – попросила Селестина.

– Что именно?

– Что бы ни случилось, когда мы вернемся домой, что бы ни сталось с городом, пообещай мне никогда больше не соваться в Шпиль.

– Обещаю, – ответил я. – Поклянусь, если хочешь. Могу даже стереть этот фрагмент памяти, чтобы он мне не досаждал.

– Почему бы и нет? – согласилась она. – Ты ведь раньше уже такое делал.

В Городе Бездны мы выяснили, что Чайлд нам не врал. Многое изменилось, и не в лучшую сторону. Болезнь, прозванная плавящей чумой, ввергла наш город в тоскливые, темные времена упадка технологий. Деньги, полученные за участие в экспедиции, теперь ничего не значили, а то скромное влияние, каким мое семейство обладало до кризиса, сократилось до минимума.

В былые дни хирургию Тринтиньяна, не исключено, удалось бы исправить. Да, это было бы непросто, но наверняка нашлись бы специалисты, оценившие такой вызов, и мне, возможно, довелось бы выбирать из нескольких конкурирующих предложений, когда соперники-кибернетики дрались бы между собой за право взяться за столь элегантную задачу. Но все изменилось. Даже примитивная хирургия сделалась невозможной либо чудовищно дорогой. Лишь горстка специалистов сумела сохранить необходимые навыки и инструментарий, а потому они заламывали несусветные цены.

Даже Селестина, которой я уступал в достатке, могла обеспечить мне только ремонт, а не восстановление прежнего облика. Эти и кое-какие другие расходы почти нас обанкротили.

Но она продолжала обо мне заботиться.

Находились те, кто, наблюдая за нами и видя существо,

шагающее с ней рядом, уродливую механическую собаку с алмазной шкурой, принимали меня за диковинного домашнего питомца. Кое-кто обнаруживал необычность наших отношений – как Селестина нашептывала мне на ухо, как я, так чудилось при взгляде со стороны, целенаправленно вел ее куда-то, – и начинал присматриваться ко мне, но это продолжалось ровно до тех пор, пока я не заглядывал им в глаза своими алыми лазерными гляделками.

Люди поспешно отворачивались.

Довольно долго – пока сны не превратились в наваждения – так и продолжалось.

Но теперь я выбрался из дома под покровом ночи, без ведома Селестины. По темным полузатопленным улицам снаружи шастали бандиты. Эту часть Города Бездны прозвали Мульчей, а на проживание в другом районе наших средств не хватало. Конечно, мы могли бы позволить себе кое-что получше, намного лучше, если бы я не откладывал деньги ради сегодняшнего дня. К счастью, Селестина о том не догадывалась.

В Мульче не так плохо, как было раньше, но мне прежнему она все равно бы показалась скверным местом для жизни. Даже теперь я проявлял инстинктивную осторожность, а улучшенное зрение позволяло без труда различать самодельные клинки и арбалеты прятавшихся в тенях бандитов. Далеко не все из тех, кто шнырял по улицам в ночи, могли технически считаться людьми. Скажем, одни отращивали себе жабры и потому задыхались на суше. Другие издалека смахивали на свиней – и они были опаснее всех прочих.

Но я их не боялся.

Я скользил в тенях, и моя ловкая собакоподобная форма сбивала бандитов с толка. Я проникал сквозь прорехи в стенах разрушенных зданий, легко уворачивался от немногочисленных глупцов, которым взбредало в голову меня ловить. То и дело останавливался и давал им подойти, выгибая спину.

Мой алый взгляд ставил их на место.

И я двигался дальше.

Наконец я добрался до нужного места. Оно казалось заброшенным, бандиты сюда не заглядывали, но вот из мрака вынырнула фигура, зашлепала по воде цвета карамели, доходившей до лодыжек. Стройная и темная, она при каждом шаге издавала негромкий свист. Она приблизилась, и я отметил, что женщина – думаю, женщина – носит экзоскелет. Ее кожа отливала чернотой межзвездного пространства, а головка со строгими, правильными чертами лица изящно венчала шею, удлиненную на несколько позвонков. Шею облегало ожерелье из

медных колец, а ногти на пальцах рук – скребли по броне экзоскелета – были длинными, как кинжалы.

Я счел ее странной. А она, разглядев меня, моргнула.

– Вы… – начала она.

– Я Ричард Свифт, – перебил я.

Она кивнула едва заметно – еще бы, поди шевельни такой шеей – и тоже представилась:

– Я триумвир Верика Абеби с корабля «Посейдон». Искренне надеюсь, что вы не потратите мое время впустую.

– Я заплачу́, так что не беспокойтесь.

Она смотрела на меня с выражением, в котором сочетались жалость и благоговение.

– Вы толком не объяснили, чего хотите.

– Легко, – ответил я. – Я хочу, чтобы вы кое-куда меня отвезли.

Бестиарий Графенвельдера [17]

Внимание Графенвельдера разрывается между капитаном, который стоит напротив, и поступающим на монокль потоковым видео в реальном времени. Видео показывает, как из корабля в специально подготовленную Графенвельдером капсулу перегружают чудовище. Похожие в своей броне на жуков смотрители мощными зарядами десятиметровых стрекал теснят сопротивляющегося зверя. Гигантская змееподобная тварь ревет и корчится и распахивает пасть, сверкая нёбными глазами.

– Представляю, капитан, сколько хлопот она вам доставила. Обнаружить ее – задачка не из простых, что уж говорить о ловле и транспортировке…

– Мы получили это существо через третьи руки, – сухо информирует заказчика Шеллис. – Мне ничего не известно ни о предшествовавших процедурах, ни о возникших в ходе их осложнениях.

Пока смотрители усмиряют зверя, техники берут у него образцы тканей и помещают их в миниатюрные биоанализаторы. Результаты обнадеживают: похоже, это настоящая гамадриада, не подделка.

– Правильно ли я понял, что с заморозкой не было проблем?

– Заморозка всегда сопряжена с риском, особенно если имеешь дело с инопланетной биологией. Лишь в одном мы твердо уверены: животное сейчас ведет себя точно так же, как и в момент своего пленения.

Шеллис – типичный ультра, человек-киборг, адаптированный для суровых условий длительного межзвездного полета. На нем красный в обтяжку экзоскелет с сервоприводами, разукрашенный зелеными неоновыми извивающимися драконами. Из восковито лоснящейся белой груди выпирают металлические ребра, и те места, где они прокололи кожу, смазаны голубым дезинфектантом. Конечности узкие, как клинки, сплющенный мозг в похожем на топор черепе имеет крайне ограниченный диапазон эмоций. Шеллис слегка пахнет нашатырным спиртом, дышит со звуком треснувшего колокола, а голос – как если бы жук или оса своим жужжанием имитировали человеческую речь.

– Кому бы ни принадлежали первые руки, они, должно быть, чертовски ловкие.

– Что вы имеете в виду?

– Насколько мне известно, еще никому не удалось взять живой гамадриаду. По крайней мере, за очень долгое время.

Шеллису не удается скрыть насмешку:

– Ваши сведения устарели. С того момента, как мы покинули Окраину Неба, были минимум три успешные поимки. – Он умолкает, сообразив, что своей откровенностью поставил сделку под угрозу. – Но, конечно же, – осторожно продолжает ультра, – эта гамадриада гораздо крупнее остальных… Взрослая, почти созревшая для слияния с деревом. Те две – совсем молодняк, и в неволе им уже не вырасти.

– Вы правы, моя информированность оставляет желать лучшего.

На монокль поступают новости: специалисты Графенвельдера сверили взятые ими образцы с генетическим материалом гамадриад из архивов и не обнаружили значительных отклонений.

– Что ж, капитан, – покладистым тоном говорит Графенвельдер, – похоже, мы с вами закончили. Вы, наверное, очень спешите улететь подальше от Ржавого Пояса, вернуться в безопасное пространство.

– Прежде чем мы позволим себе такую роскошь, нужно завершить еще одну сделку, – сообщает Шеллис. – В окрестностях Йеллоустона вы не единственный наш клиент. – Глаза ультранавта сужаются в расчетливые щелочки. – Между прочим, я имею в виду доставку другой гамадриады. – Прежде чем Графенвельдер успевает отреагировать, ультра поднимает моторизованную руку. – Не беспокойтесь, это не взрослая особь. Совсем еще подросток. В этом отношении ваш экземпляр будет уникален.

В Графенвельдере вскипает гнев.

– Но это будет не единственная гамадриада в окрестностях Йеллоустона, я правильно понял?

– Вторая, скорее всего, умрет. Уж точно больше не вырастет.

– Капитан, это нечестно! Вы мне обещали эксклюзив!

– Нет, не обещал. Сказано было ясно: мы никому, кроме вас, не предложим взрослую особь.

Графенвельдер слишком хорошо знает ультра, чтобы сомневаться в правдивости слов Шеллиса. Эти люди неразборчивы в средствах, но обычно они строго следуют букве контракта.

– А этот заказчик… Вас не затруднит назвать его имя?

– Это было бы нарушением условий конфиденциальности.

– Да полно вам, капитан! Если гамадриада достанется ему, он вряд ли удержит это в секрете. Уж в Кольце-то наверняка не станет молчать.

Несколько долгих минут Шеллис напряженно взвешивает и подсчитывает, в такт тяжелому дыханию напрягая ребра из

сверхпрочного сплава.

– Имя заказчицы Урсула Гудгласс. У нее анклав в нижнем поясе. Вам наверняка известно это имя.

– Да, припоминаю, – хмыкает Графенвельдер. – Она давненько шустрит в Кольце, но я бы ее не назвал полноценным членом клуба. Коллекция у нее, прямо скажем, не ахти.

– Возможно, дело пойдет на лад, когда леди Гудгласс обзаведется гамадриадой.

– Не пойдет, если Кольцо узнает, что есть экземпляр покрупнее. Капитан, вы ведь и Урсуле внушили, что она приобретет нечто уникальное?

Шеллис возмущенно фыркает:

– Контракт не допускает двойного толкования.

Монокль между тем показывает, как зверя теснят в глубину капсулы. То и дело гамадриада с пугающей быстротой вскидывается и пытается атаковать смотрителей.

– Капитан, не будем ходить вокруг да около. Сколько она вам должна?

– Десять тысяч.

– Даю пятнадцать – сверх моей прежней цены.

– Не обсуждается. У нас контракт с леди Гудгласс.

– Разве убудет с вас от маленькой невинной лжи? Мол, вы не смогли нормально разморозить гамадриаду или после что-то пошло не так.

Шеллис опять молчит, задумчиво покачивая черепом-топором над металлическим каркасом экзоскелета.

– Леди Гудгласс может потребовать труп…

– Предъявите обязательно! Хочу, чтобы она знала, как близко было счастье.

– Обман заказчика – дело крайне рискованное. Пятнадцати тысяч мало. Двадцать, а иначе…

– Восемнадцать, капитан, и это мой предел. И если мы сейчас же не ударим по рукам, я свяжусь с леди Гудгласс и расскажу, как близки вы были к нарушению контракта.

– Ладно, восемнадцать, – говорит Шеллис, выдержав надлежащую паузу. – Умеете же вы торговаться, мистер Графенвельдер. Из вас бы получился неплохой ультра.

Графенвельдер пропускает издевку мимо ушей и протягивает ладонь Шеллису. Брр!.. Все равно что пожимать руку мертвецу.

– Капитан, с вами приятно иметь дело.

Позже он смотрит, как шаттл отчаливает от его анклава и осторожно пробирается между замусоренными главными орбитами. Интересно, думается ему, каким показался

ультранавтом старина Ржавый Пояс? Ведь с тех пор, как они в прошлый раз путешествовали сквозь систему, здесь все изменилось…

Слава богу, что Пояс еще держится, так нынче люди говорят.

Как ни странно, Графенвельдера нынешняя ситуация вполне устраивает. По большому счету ему повезло. Ни его тело, ни анклав не зависели от наномедов, так что лишь вторичные эффекты чумы доставили ему неприятности. Бизнес, в который он вложился перед кризисом, – усовершенствование охранных систем для анклавов – принес огромную прибыль, как ни мало осталось клиентов, способных оплачивать такие услуги. Известное дело – во времена беззакония люди стараются окружить себя высокими стенами.

Впрочем, есть и кое-что еще. С тех пор как разразилась чума, Графенвельдеру крепче спится по ночам. Он и сам не смог бы объяснить, как случилось, что катастрофа, поистине гибельная для Йеллоустона и его окрестностей, вызвала в его сознании некий сейсмический сдвиг. Сейчас Графенвельдер лишь изредка вспоминает о том, как раньше жил в постоянной тревоге.

Лишь когда на его радаре пропадает след корабля ультранавтов, он осознает свою ошибку. Прежде чем платить капитану, надо было потребовать, чтобы тот показал вторую гамадриаду. Не потому, что Графенвельдер сомневается в ее существовании, – просто следовало убедиться, что она еще жива.

С горькой улыбкой Графенвельдер обещает себе, что в следующий раз уж точно не даст маху. Да и невелика на самом деле беда, ведь взрослая гамадриада, которую он заказывал, доставлена в целости и сохранности.

Графенвельдер в одиночестве прогуливается по своему бестиарию. В ночной период двадцатишестичасовых йеллоустонских суток большинство экспозиций не освещается. Зато красновато сияет подвесная дорожка, по которой он идет, – петляя над, под и между огромными клетками, аквариумами и шахтами. Большинство тварей спят, но некоторые ерзают, ворочаются с боку на бок. А некоторым сон вообще неведом. Эти твари следят за Графенвельдером с лютостью во взоре: как ни слаб их разум, они сознают, что перед ними враг, тюремщик. Изредка какое-нибудь чудище плюется и бьет хвостом, а то и бросается грудью на брусья клетки или прочнейшее стекло террариума.

Строго говоря, далеко не все содержащиеся здесь особи принадлежат к миру животных. Почти половина экспонатов бестиария – существа вроде гамадриад, инопланетные организмы, эволюционировавшие за пределами Первой Системы, на горстке

известных миров, способных поддерживать жизнь. Есть тут и слизееды, обитатели слизевых башен Гранд-Тетона, и скрипучие мшанки с Фанда, и больше дюжины различных организмов из джунглей Окраины Неба, включая и саму гамадриаду.

Но куда больше проблем с другой половиной коллекции. Она может доставить своему хозяину серьезные неприятности, если о ней прознают власти. Ведь это настоящие монстры – существа, которые раньше были людьми. Есть среди них экземпляры, купленные у других ультранавтов. Например, бывший член экипажа, чересчур увлекшийся самотрансформацией и вышедший далеко за рамки допустимого даже у ультра. У него были удалены главные функциональные области мозга, их место заняли грубые нейромодули, и остался один-единственный инстинкт – жгучее желание терзать и убивать. Его конечности превратились в жуткое специализированное оружие; результатом вмешательства в процесс роста костей стали рога и бронепластины. Графенвельдер подозревает, что задумывалось нечто вроде берсерка для пиратских абордажей, когда применение энергетического оружия нецелесообразно. А получилась игрушка для Графенвельдера – он развлекается, провоцируя пленника на тщетные приступы слепой ярости.

А вот вариация на тему гиперсвиньи, специально по его заказу найденная в чреве Города Бездны. Наверное, это не уникальный мутант, а представитель редкого генетического отклонения от стандарта породы. У женщины правая сторона тела совершенно человеческая, зато левая – свиная. Функции мозга где-то между человеческими и животными. Иногда она пытается говорить с Графенвельдером, но из-за ущербного строения челюсти получаются лишь невнятное возбужденное хрюканье. Обычно же благодаря нейроимплантатам она вполне управляема и спокойна. Изредка у Графенвельдера бывают гости, и он заставляет женщину прислуживать за обедом. Она долго семенит вдоль стола, держась к нему человеческим боком, и наконец поворачивается, драматически являя свою подлинную натуру. А хозяин с улыбочкой стороннего наблюдателя упивается реакцией публики.

Есть тут и бешеный дельфин. Он живет, почти не зная света, его тело – свидетельство жестоких кибернетических вмешательств. Неизвестно, где родился этот бедолага и каков его возраст, но одно несомненно: он обуреваем неутолимой звериной яростью. В изрубцованную кору его головного мозга Графенвальдер ввел сенсоры, подсоединенные к системе видеоотображения. И теперь малейший внешний стимул многократно усиливается и порождает калейдоскопическое

световое шоу, как будто сам дьявол устраивает фейерверк. Возникающие при этом визуальные паттерны техника отправляет обратно в мозг дельфина. Страдания животного – отличное развлечение после ужина для гостей, которые под руководством Графенвельдера вызывают у пленника все более сильные приступы буйства.

Хватает здесь и других диковин. Пожалуй, их даже больше, чем смогла вместить память Графенвельдера. Далеко не все ему сейчас интересны; некоторых он не навещал уже много лет. Об этих тварях заботятся смотрители, которые к хозяину обращаются в исключительных случаях, когда требуется особый уход, например, дорогостоящее лечение. Может, и гамадриаде суждено однажды стать очередной забытой игрушкой, хотя сейчас это кажется Графенвельдеру маловероятным.

А вот и жилище, в котором еще никого нет. Графенвельдер приближается к нему, скользя ладонями по поручням дорожки, что протянулась над бездной. Этот высокий цилиндр из бронестекла, со сверхпрочным керамическим бандажом, вскоре будет наполнен холодной водой под давлением в уйму атмосфер. Дно у аквариума каменное, с патрубками, через которые из глубинных источников пойдут горячие ядовитые газы. Это создаст в цилиндре среду, близкую к той, что есть в глубинах ледяного океана Европы, маленького спутника планеты Юпитер в Первой Системе.

Но прежде чем аквариум заработает, необходимо добыть для него жильца. И это фундаментальная проблема. Графенвельдер знает, кто ему нужен, но он никак не ожидал, что охота за этим созданием окажется такой сложной. Кое-кто даже сомневается, что адапты вообще когда-то существовали во Вселенной. А уж найти живые особи не в их родной системе, да еще спустя два века после их предположительного пикового периода… Однако поводов для оптимизма хватает. Графенвельдер повсюду протянул тонкие щупальца, и теперь то одно, то другое вздрагивает, получив крупицу информации. Надежные контрагенты отлично представляют себе, чего хочет Графенвельдер. Известно им и то, что он всегда щедро оплачивает выполненные заказы.

В глубине души он уверен: адапты – не выдумка, где-то они водились, и гипотеза, что они могли дожить до нынешних дней, не абсурдна.

Графенвельдер должен иметь в своей коллекции представителя этого вида. За одну особь он бы с радостью согласился отдать весь свой бестиарий, хотя еще никому в этом не признавался. Сам понимает, что отдаст, но даже себе не смог

бы объяснить, чем для него так важен адапт.

По внутренней кромке Ржавого Пояса на фоне желчного лика Йеллоустона обращается невзрачный сморщенный орешек – анклав леди Гудгласс. Шаттл Графенвельдера пристыковывается к вытянутой полярной оконечности, где уже сгрудилась дюжина похожих кораблей. Из них больше половины ему знакомы, они принадлежат другим коллекционерам.

Он подвергается нескольким необременительным охранным процедурам, а затем самец гориллы провожает его вглубь миниатюрного мира.

Анклав сделан из астероида. Породу вычерпали изнутри с помощью плазменных горелок, образовавшееся пространство разделили на жилые герметичные отсеки, лишь в самой середке осталось скромной величины полое «ядро». Деревья, живущие в условиях нулевой гравитации, обеспечивают существование саморегулирующейся экосистемы, которая почти не зависит от нестойкой к плавящей чуме техники. В обслуживающем персонале нет людей, только адаптированные животные вроде гориллы. Везде пахнет мульчей, изобилующей зелеными микроорганизмами. Графенвельдер чихает в носовой платок и делает мысленную пометку: по возвращении прочистить легкие.

Леди Гудгласс предлагает собравшимся коктейли. Гости стоят в аванложе ее бестиария, в той части анклава, что вращается гравитации ради. Пол выложен черными и белыми блестящими плитами, каждая имеет ало светящуюся инкрустацию, фрагмент большого орнамента. Когда гость стоит на плите, она медленно перемещается, меняет свое место в композиции.

Графенвельдер отдается этому течению, позволяет плите носить его от одного гостя к другому. Он обменивается парой слов с коллекционерами, ловит слухи и сплетни. И постоянно высматривает в толпе хозяйку, сопоставляя увиденное с ожидаемым.

Урсула Гудгласс миниатюрна, у нее естественный человеческий облик, без явных биомодификаций. Носит темно-фиолетовый комбинезон с расклешенными рукавами и жестким высоким воротом; безволосая голова на нем – как редкое яйцо на подставке. У нее миловидное озорное личико со вздернутым носом. Пожалуй, она бы понравилась Графенвельдеру, не будь у него причины ее ненавидеть.

И вот случается то, что и должно было случиться: плиты приносят его и хозяйку друг к другу. Он наклоняет голову и берет обтянутую перчаткой женскую руку.

– Очень рада видеть вас здесь, мистер Графенвельдер, – говорит леди Гудгласс. – Я знаю, что вы всегда ужасно заняты, поэтому даже не надеялась, что вам удастся выкроить время для визита.

– Просто Карл, – источает он обаяние. – Поверьте, я никак не мог это пропустить. Такое интригующее приглашение! Теперь все сложнее и сложнее увидеть что-нибудь новое, по-настоящему необычное. Теряюсь в догадках: что же вы для нас приготовили?

– Надеюсь, вы не будете разочарованы.

– Уверен, что не буду, – с сильным нажимом произносит он.

– Мистер Графенвельдер, мне бы хотелось, чтобы вы поняли, – говорит она, нервно отведя взгляд. – Я не пытаюсь соперничать с вами, у меня нет желания вас затмить. Я слишком сильно вас уважаю, чтобы заниматься такими глупостями.

– О, не беспокойтесь. Небольшая здоровая конкуренция еще никому не вредила. Что проку от коллекции, когда нет другой, с которой ее можно было бы сравнить?

Леди Гудгласс странно улыбается, изучая Графенвельдера точно так же, как он изучает ее. Он ощущает давление ее интереса, холодного и твердого, как луч морозящего лазера.

На ее черепе скрестились тонкие линии, и эти снежно-белые нити напоминают ему трещинные узоры на ледяном покрове Европы, хотя он никогда не посещал Первую Систему. Шрамы – следы хирургических операций, проведенных в разгар плавящей чумы, когда богачам пришлось избавляться от невральных имплантатов. Должно быть, леди Гудгласс носит эти швы как символ былого статуса.

Пересекая непоседливые плиты, к ним скользит паланкин.

– Хочу познакомить вас с моим мужем, – произносит она.

Графенвельдер часто моргает, стараясь одолеть изумление. Паланкин он еще раньше успел заметить, но предположил, что в нем прибыл кто-то из гостей.

– Эдрик, это Карл, – говорит леди Гудгласс.

– Весьма рад знакомству, – отвечает трубный глас сквозь решетку динамика, что видна на передней грани бронированного ящика.

Паланкин имеет форму высокой и узкой усеченной пирамиды, на его бронзовых боках ребра охлаждения и стержни датчиков. Спереди, сразу над динамиком, овальное оконце, слишком темное, чтобы толком разглядеть черты Эдрика Гудгласса.

– Надеюсь, мистер Графенвельдер, этот пустяковый нюанс не вызывает у вас неловкости, – говорит пассажир.

– Ну что вы, – отвечает гость. – Я и сам пользовался

паланкинами, когда имел бизнес в Городе Бездны. Меня уверяли, что моя кровь полностью очищена от машин, но страховка не бывает лишней.

– А вот я никогда не выхожу из паланкина, – сообщает Эдрик. – И от телесных машин не избавился – у меня полный комплект, как и до чумы. Пустяковая остаточная инфекция способна меня прикончить.

Графенвельдер покручивает бокал в пальцах, шустро переступает с плиты на плиту.

– Представляю, как вам тяжело.

– Сам виноват – не надо было считать ворон. Мне бы сразу согласиться на быструю и грязную хирургию, как поступила моя супруга. Она смелее меня, и ей слабо верилось, что беда нас минует. А теперь я и подавно на чистку не решусь. Прежде чем меня вскроют, мне пришлось бы выйти из паланкина, а это само по себе неприемлемый риск.

– Но есть же больницы высшего уровня, там наверняка…

– Мне нужна стопроцентная гарантия, а ее никто не даст. Я останусь в этой штуковине, пока не будет доказано, что опасность заразиться чумой исключена полностью.

– Боюсь, долго вам придется ждать.

– Если я чему-то и научился у Урсулы, так это терпению. Моя жена – воплощенная выдержка.

Графенвельдер бросает косой взгляд на Урсулу Гудгласс и думает с любопытством: что же это за брак у них? Секс, понятное дело, исключен, но он, должно быть, с самого начала мало интересовал эту парочку. У богачей Ржавого Пояса в почете развлечения, разные изощренные игры, особенно те, что позволяют набирать престиж.

– Пожалуй, мне не следует томить гостей ожиданием, – говорит хозяйка.

Леди Гудгласс выпускает из пальцев опустевший бокал, и тот исчезает в черной плите, будто не встретив никакого сопротивления. Затем она трижды громко хлопает в ладоши.

– Дамы и господа, – повышает Урсула голос на октаву, – я искренне признательна за то, что вы откликнулись на мой призыв. Некоторые из вас уже бывали в этом доме, а кто-то здесь впервые. Одним почти ничего не известно обо мне, с другими я знакома лучше. Вряд ли среди вас найдутся те, кто скажет, что мы близкие друзья. Но у всех нас есть общая черта: мы коллекционеры. Мы живем ради своего хобби, оно сделало нас теми, кто мы есть. И пусть мой бестиарий нельзя считать чем-то выдающимся, я безмерно горжусь моим последним приобретением. В нашей системе нет ничего подобного и, по всей

вероятности, еще очень долго не появится. Извольте же следовать за мной. Надеюсь, то, что вы вскоре увидите, не заставит вас пожалеть о потраченном времени.

С шипением изогнутых поршней раздвигаются толстые металлические двери. Леди Гудгласс и ее муж возглавляют экскурсию. Графенвельдер старается держаться поближе к супружеской паре, изображая любопытство.

Эта женщина не может сразу показать гамадриаду. Сначала обязательная прелюдия – короткое, но скучное путешествие по бестиарию, во всяком случае по той его части, где содержится сенсационное приобретение. Конечно, Графенвельдер не видит здесь ничего важного, да и остальные гости проявляют лишь вежливый интерес.

Но вот наконец один за другим они подходят к главному экспонату, собираются на обнесенном перилами козырьке у верхней кромки темного колодца. Графенвельдер догадывается, что ему сейчас продемонстрируют, однако хранит на лице недоуменно-выжидающее выражение. Леди Гудгласс произносит короткую речь, нахваливая монстра, который вот-вот будет предъявлен публике: как, мол, трудно было его поймать и доставить. Разок-другой упоминается планета, откуда он родом; для тех, кто в теме, это достаточно толстый намек. Навостривший уши Графенвельдер слышит возбужденные шепотки – коллекционеры делятся догадками. Двое-трое нетерпеливых обгоняют Урсулу.

– К сожалению, – говорит она, – этот экземпляр не удалось доставить в целости и сохранности. В пути он получил физиологическую травму, заморозка повредила ткани и нервную систему. И тем не менее он жив. Мои специалисты поработали над функциональным репертуаром и сумели его по большей части восстановить. Во всех значимых отношениях это живое существо. Дамы и господа! Сейчас вы впервые увидите воочию живую гамадриаду!

По ее команде вспыхивают прожекторы, заливая колодец светом. И тут у Графенвельдера появляется во рту дрянной привкус. Гамадриада куда меньше той взрослой, что досталась ему, но она не мертва. Зверь шевелится: по гармошковидному телу туда и обратно пробегают мощные ритмичные волны, и это тело, заполняющее собой все дно колодца, корчится, и свивается в кольца, и хлещет, как разрубленный электрический кабель.

– Живая! – слабо ахает он.

Леди Гудгласс смотрит на него в упор:

– Не ожидали?

– Но вы же сами только что сказали, как трудно было…

Его слова тонут в возгласах – у гостей появились вопросы к леди Гудгласс. Лайсендер Кэрроуэй энергично аплодирует, подавая пример остальным.

Графенвельдер хлопает вяло – в нем разгорается злоба. Он отходит от перил, предоставляя Урсуле купаться в лучах славы. А сам рассматривает гамадриаду и напряженно гадает, что произошло. Сколь бы невысокого мнения ни был он об ультра, ему не верится, что капитан Шеллис так бессовестно натянул ему нос.

И в этот момент брезжит спасительный выход из ситуации. Паче того, есть шанс извлечь выгоду, на которую Графенвельдер прежде не рассчитывал.

Он дожидается, когда поутихнет возбужденный гомон, и кашляет. Достаточно громко, чтобы все поняли: ему есть что сообщить.

– Весьма и весьма впечатляющий экземпляр, – произносит он. – По крайней мере, для промежуточной стадии роста.

Леди Гудгласс впивается в него сузившимися глазами, смутно подозревая неладное. Даже паланкин разворачивается темным окном к Графенвельдеру.

– Вам известны другие экземпляры, Карл? – спрашивает Урсула.

– Один уж точно известен. Но прежде чем мы поговорим об этом… Вы, кажется, упомянули возникшие при транспортировке проблемы?

– Обычные сложности, сопутствующие криогенным процедурам, применяемым к неземным организмам, – отвечает она.

– Можно узнать, какие именно сложности?

– Я же сказала: повреждение тканей…

– Да, но насколько оно обширное? Пробудившись из криосна, как животное проявило свое нездоровье? Раскоординированность движений, атипичное охотничье поведение?

– Ничего такого.

– То есть вы хотите сказать, что особь пребывала в полном порядке?

– Нет, – холодно произносит леди Гудгласс. – Особь была мертва.

Графенвельдер вскидывает голову в притворном смятении:

– Я в курсе, что у гамадриады сложная биология. Но вот уж чего не знал, так это то, что ее можно воскресить из мертвых.

– Криосон – своего рода смерть, – коротко отвечает Урсула.

– Ну да… если вам угодно играть словами. И все-таки живое существо, будучи замороженным, обычно остается живым. Но

ваша гамадриада таковой не осталась, я правильно понял? Она умерла? Так она мертва или нет?

Лайсендер Кэрроуэй негодующе трясет головой.

– Гамадриада жива! – восклицает она. – Она жива, Графенвельдер! Откройте же глаза, черт бы вас побрал!

– Кукольный театр, – произносит Графенвельдер. – Я прав, Урсула? Это мертвый зверь, нашпигованный электродами. Вы его заставляете дергаться, как лягушачью лапку.

Леди Гудгласс напрягает всю свою волю, чтобы сохранить видимость спокойствия. Видно, как у нее на виске пульсирует вена.

– Вообще-то, я не говорила, что она жива. У нее полностью восстановлен функциональный репертуар – вот что я сказала.

– Вы сказали, что она жива.

За Урсулу отвечает ее муж:

– Мистер Графенвельдер, у гамадриад нет мозга. Это скорее растения, чем животные. Они едят, испражняются. Чего еще вы от них хотите?

Умело выбрав момент, Графенвельдер разочарованно пожимает плечами:

– Что ж, думаю, этот экземпляр имеет определенную ценность. Комедийную.

– Да будет вам, – подает голос Майкл Ферфакс. – Нам показали гамадриаду – а многим ли из нас доводилось раньше ее видеть? И так ли уж важно, что в строгом смысле слова она не жива?

– Полагаю, это важно, и весьма, – возражает Графенвельдер. – Вот почему я не пожалел труда, чтобы раздобыть живую особь. Причем покрупнее, чем эта. Мой экземпляр – совершенно взрослый. Больше уже не вырастет.

– Это блеф! – говорит леди Гудгласс. – Будь у него гамадриада, он бы ее уже показал.

– Уверяю вас, у меня есть гамадриада. Я просто еще не подготовил ее к демонстрации.

Урсула смотрит на него скептически:

– Не верю. Какой вам смысл тянуть с этим?

– Я хотел все сделать как надо: создать для животного необходимые условия, устранить любые проблемы, связанные с его биологией. Содержание живой гамадриады, тем более достигшей взрослой фазы, когда полностью меняется структура питания, – задача исключительной сложности.

– Вы лжете! – Но броня уже дала трещину, через нее прорвался страх. – Когда?

– Когда пожелаете. – Графенвельдер поворачивается и

простирает руки к гостям: – И конечно же, я приглашаю всех вас. Где я живу – вы знаете. Как насчет послезавтра? Согласитесь, за такой короткий срок я уж точно не успею соорудить фальшивку.

Возвращаясь домой на шаттле, Графенвельдер получает сообщение. Похоже, оно послано из Ржавого Пояса, но более точно определить происхождение сигнала корабль не смог. Графенвельдер предположил было, что это леди Гудгласс вздумала угрожать, но сразу решил, что вряд ли – не настолько же она глупа.

Нет, не лицо Урсулы заполнило стену кабины, когда он ответил на вызов. Совершенно незнакомый человек с круглой мордашкой херувимчика, с пухлой и влажной от слюны нижней губой, скошенной вправо. Из-под панамы выбиваются темные мелкие кудряшки, с массивной фигуры ниспадают широкие складки клоунского с изящным узором наряда. На шее болтается стеклянная шкатулка, в ней позвякивают имплантаты, которые раньше этот субъект, должно быть, носил в черепе. Фоном ему служит высокая и помпезно обитая, как у трона, спинка кресла.

– Мистер Графенвельдер? Мое имя Рифуджио. Не думаю, что нам уже доводилось встречаться.

– Что вам нужно?

Рифуджио отвечает практически сразу, временной лаг мизерный, если он вообще есть.

– Мистер Графенвельдер, я по профессии маклер. Посредник, сводчик, комиссионер. Когда кому-нибудь что-нибудь нужно – и особенно когда подразумевается осторожное маневрирование на грани законности, – я прихожу на помощь.

Графенвельдер тянет руку к кнопке, чтобы прервать связь:

– Вы так и не сказали, чего хотите от меня.

– Речь не о том, чего хочу я, а о том, чего хотите вы. А конкретно о некоем организме, появившемся на свет в результате биоинженерных экспериментов. – Рифуджио чешет кончик грушевидного носа. – Надо отдать вам должное, вы действовали скрытно, насколько это позволяли обстоятельства. Но все же обронили однажды словечко о том, что вас интересует. На ваше счастье, это словечко достигло моих ушей – ушей человека, который способен вам помочь. – Рифуджио наклоняется вперед, отчего панама сползает на лоб, и понижает голос: – Есть у меня такой организм, и я готов его продать. Разумеется, за хорошую цену – мне нужно расплатиться с информаторами и контрагентами. Я в курсе, во что вам обошлась гамадриада, а потому не сомневаюсь: за эту зверушку, которая вам так позарез нужна, сможете дать вдвое больше.

– А что, если не так уж и позарез?

Рифуджио с невозмутимым видом выпрямляется:

– В таком случае… больше не смею вас беспокоить. Всего хорошего, сэр.

– Постойте, – торопливо произносит Графенвельдер. – Мне интересно. Но я хочу узнать больше.

– Иного я и не предполагал. Конечно, прежде чем мы с вами пойдем дальше, надо будет встретиться.

Графенвельдеру это не нравится, но он понимает, что собеседник прав.

– Если пришлете образец ДНК.

– Вы получите ДНК, а сверх того культуры клеток и соскобы тканей – почти достаточно, чтобы самому вырастить экземпляр. Но для этого тоже необходима личная встреча. Я не доверю посреднику материалы столь деликатного свойства.

– Разумеется, – кивает Графенвельдер. – Но встреча произойдет на нейтральной территории. Там, где я уже не раз такое проделывал. Против Города Бездны ничего не имеете?

Похоже, Рифуджио доволен:

– Когда и куда мне явиться?

– Я вас проинформирую завтра, – отвечает Графенвельдер.

Ему не страшен Город Бездны, во всяком случае, теперь. Но это не самая удобная площадка для бизнеса – разладившаяся мудреная технология сильно осложняет сделки. Зато есть и плюсы. Например, на оружие, надежное в Ржавом Поясе, в Городе Бездны положиться нельзя. Прослушка и другие виды шпионажа тоже рискованны. Слишком хитрые номера здесь проходят редко, это известно всем.

Меньше всего Графенвельдер боится что-нибудь подцепить. У него лучший паланкин, какой можно купить за деньги, и даже если инфекция проникнет сквозь десять сантиметров герметичной нанозащиты, сложно будет ей отыскать уязвимое место в его организме. Все же броня придает уверенность, изоляция избавляет от неловкости, сопутствующей общению лицом к лицу.

И вот в потоке паланкинов Графенвельдер едет частной извилистой дорогой по верху Полога. Не теряя времени даром, изучает скудную информацию о Рифуджио, которую удалось собрать.

Есть у Графенвельдера ощущение, что он охотится на призрака. Да, существует такой маклер по имени Рифуджио, и судя по его известным достижениям, он может располагать необходимыми для поимки адапта связями. Однако странно, что

Графенвельдер с ним еще ни разу не пересекался. Ну, допустим, оба они живут в огромной системе, в хаотичной деловой среде, где откуда ни возьмись появляются все новые игроки. Но с такими деятелями, как Рифуджио, Графенвельдер якшается годами. На его радаре хотя бы разок должен был мелькнуть этот делец.

Паланкины ныряют и взмывают в безумной архитектуре Полога. Окружающие здания, имевшие некогда четкую геометрическую форму, превратились в жутких уродов, уподобились больным деревьям, их голые корявые ветви сплелись в сплошной покров над нижними ярусами города. И хотя над горизонтом все еще висит Эпсилон Эридана, так мало света проникает сквозь бурую от смога атмосферу и заплесневелые фасеты купола, что поди отличи здесь день от вечера. По всему городу сияют фонари, не тронута их лучами лишь блазнящая чернота самой бездны. С самых больших крон Полога свисают черные нити, как изорванный пушечными ядрами такелаж парусника. В этой путанице носятся, точно пьяные гиббоны, фуникулеры. Картина ада, если сравнивать с аккуратными уцелевшими анклавами Ржавого Пояса. И тем не менее здесь живут люди. Как-то устраиваются, влюбляются, находят себе уголок, который можно считать домом.

Уже далеко не в первый раз на Графенвельдера накатывает когнитивное головокружение, и он вспоминает, что здесь ютятся люди, которые даже не помнят, как жилось в Городе Бездны прежде.

Умом он понимает, что это страшно. Как смогли люди приспособиться к столь катастрофическому перелому их судьбы? Пусть даже и приходилось им делать так снова и снова, почти на всем протяжении истории человечества? В глубине души он странным образом ощущает свое родство с этими выжившими. После чумы ему легче спится, и он не знает, в чем причина. Как будто кризис наглухо отгородил его от прежней жизни, и там, в прошлом, осталось нечто неправильное, нечто опасное, норовившее до него дотянуться.

Однако сейчас ему тревожно, словно разговор с Рифуджио приоткрыл эту дверь – пусть на щелочку, но приоткрыл. И то, что когда-то лишало Графенвельдера сна, подкрадывается к порогу его воображения.

Встретиться предстоит в частных апартаментах, расположенных в конце самого длинного ответвления Полога, близ Эшер-Хайтс. Чума изувечила здание, лишила его способности меняться, и владелец, Эшли Шабрие, с которым несколько лет назад Графенвельдер провернул сделку, вырезал в

стенах и перекрытиях отверстия и поставил огромные прозрачные панели. Испещренные жилами, как крылья насекомых, и связанные между собой лентами старого материала, они открывают весьма эффектные виды на окрестности, и все же Графенвельдеру не по себе, пока он едет в паланкине по неотражающему полу над горящими в двух километрах огнями Мульчи. Даже если он переживет падение, вряд ли избежит расправы – ему подобных тамошние обитатели не жалуют.

Вопреки ожиданиям Графенвельдера, Рифуджио не воспользовался паланкином. Он стоит, широко расставив ноги, изрядное брюхо опирается на левитатор, оловянного цвета пояс, состоящий из нескольких десятков миниатюрных трубок с бесшумными турбопропеллерами. Загнутые носы шлепанцев скользят по прозрачному полу. Приближаясь к Графенвельдеру, он почти не двигает ногами.

– Я привез обещанное, – произносит Рифуджио вместо приветствия.

С пухлых пальцев его правой руки свисает шкатулочка цвета малахита.

– Теперь мне можно произнести слово «адапт»? – спрашивает Графенвельдер.

– Ну, раз уж оно прозвучало, полагаю, я должен ответить «да». Вижу, вы еще не избавились от сомнений.

– Для них у меня есть все основания. Я очень давно ищу представителя упомянутого вида – уже и забыл, когда начал.

– Я слышал об этом.

– Порой мне не верилось, что адапты еще остались. А бывало, я сомневался, что они вообще не выдумка.

– И тем не менее поисков вы не прекратили. Ваши сомнения не переросли в уверенность.

Рифуджио приближается вплотную к паланкину. Тот, конечно же, рутинно сканирует его на предмет оружия или шпионских устройств, но ничего такого не обнаруживает. Все же Графенвельдер содрогнулся, когда собеседник вдруг подносит шкатулку к смотровому окну и откидывает крышку.

– Вот что я вам принес, мистер Графенвельдер. Этого хватит, чтобы развеять любые сомнения.

Изнутри шкатулка выстлана пенистым материалом. В аккуратных маленьких отсеках лежат стеклянные пузырьки. Паланкин сканирует содержимое емкостей и убеждается в его биологической природе: похоже, Рифуджио не лжет. Левой рукой тот берет пузырек и протягивает на ладони с таким видом, будто у этой вещицы колдовские свойства. Внутри плещется темно-красная жидкость.

– Возьмите, проанализируйте. Это кровь адапта, с его ДНК.

Несколько мгновений Графенвельдер колеблется, даром что паланкин способен защитить его даже от самого хитрого биологического оружия. Наконец велит машине протянуть манипулятор, и на ее обтянутую мягким ладонь Рифуджио роняет пузырек. Машина втягивает манипулятор в короб анализатора, расположенный чуть ниже переднего окна. Часть образца, преобразованная в пар, пройдет через газовый хроматограф, и спектры его изотопов будут сопоставлены с параметрами крови адапта, уже имеющимися у Графенвельдера. Одновременно ДНК будет амплифицирована, ускоренно секвенирована и перекрестно сверена с наиболее вероятной нуклеотидной последовательностью ДНК адапта. Между анализатором и жилым пространством паланкина нет физической связи, так что вредное воздействие на пассажира исключено. И тем не менее Графенвельдеру хочется, чтобы техника управилась как можно скорее.

– Так что же, мистер Графенвельдер? Надеюсь, теперь вы удовлетворены?

Анализатор графически оформляет свои предварительные выводы: исследованный материал выглядит правдоподобно.

Графенвельдер не дает возбуждению отразиться на голосе:

– Хотелось бы знать, где вы его нашли. Это поможет мне решить, стоит ли вам верить.

– Адапт попал в мои руки благодаря ультра. До того он был у них на борту вроде домашнего любимца.

– Случайно, не об экипаже ли Шеллис речь?

– Я приобрел адапта у капитана Риттера с «Теоретика чисел». С Шеллисом дела не имел, хотя эта фамилия мне знакома. Что же касается Риттера, история такова – насколько вообще можно верить историям об ультра. Адапт достался ему в ходе рутинной торговли с другой группой ультранавтов в одной богом забытой системе. Очевидно, никакой другой роли, кроме роли корабельной собаки, этому существу не досталось. Ультра слабо представляют себе реальную ценность таких диковинок.

– А как он оказался у тех первых ультра?

– Понятия не имею. Возможно, только сам адапт может поведать вам свою полную биографию.

– Мне нужны более серьезные доказательства.

– Вряд ли есть шанс когда-нибудь их получить. Мы с вами говорим о животных, выведенных в строжайшей тайне двести лет назад. Само их существование все еще считается мифом. Давайте все-таки предположим, что они не придуманы и кому-то из них посчастливилось выжить. Очевидно, адапт не мог оставаться в

океане Европы после гибели Кадм-Астерия и других висячих городов. Если он прошел через руки обитателей космоса – ультранавтов, демархистов, сочленителей, да неважно чьи, – значит ему как-то удалось выбраться из своей системы и он провел некоторое время, находясь в замороженном состоянии или двигаясь с релятивистской скоростью; возможно, было и то и другое. Ему не пришлось изнывать от скуки на протяжении этих двухсот лет. А значит, его память о Европе могла нисколько не потускнеть.

– Вы его спрашивали?

– Он не говорит. Видите ли, мистер Графенвельдер, не все адапты при рождении получили дар речи. Эти организмы конструировались как подводные рабы, им полагалось выполнять приказы, а не командовать. Да, их пришлось наделить разумом, но не таким, чтобы он мог отвечать.

– И все же некоторые из них могли изъясняться.

– Самые ранние прототипы, и то лишь для посредничества между сородичами-рабами и людьми-надсмотрщиками. Почти поголовно они были кретинами.

Графенвельдер дает волю разочарованию, затем подавляет его. Он всегда мечтал раздобыть говорящего адапта, но Рифуджио прав: никаких гарантий. В самом деле, раб, способный дерзить и упрямиться, – плохой раб.

Впрочем, ему все равно предстоит остаток жизни прожить в аквариуме.

– Конечно, вы должны обращаться с ним бережно, – продолжает Рифуджио. Я не для того выкупил беднягу из плена, чтобы обречь его на новые муки. Это не домашнее животное, мистер Графенвельдер, а разумное существо!

Графенвельдер ухмыляется:

– Если вам так небезразлична судьба адапта, почему не отдали его на попечение властей?

– Потому что власти его убьют, а потом придут за теми, кто знает о его существовании. Адаптов создали демархисты в своем зловещем прошлом. Сейчас-то демархисты гуманные, прогрессивные – по крайней мере, стараются такими выглядеть в наших глазах. Им уж точно ни к чему, чтобы из темного чулана истории выскочил живой, дышащий адапт, представитель выведенной ими расы разумных невольников. Они ведь из кожи вон лезут, чтобы в нравственном отношении переиграть сочленителей по очкам.

– Обращение будет достойным, – сухо обещает Графенвельдер.

В следующий момент анализатор докладывает, что и состав

крови, и генетический материал с высокой статистической вероятностью говорит об адаптском происхождении образца. Это не доказывает, что у Рифуджио есть адапт, но дает серьезные основания доверять маклеру. На таком этапе торга немало мистификаторов потерпели фиаско.

– Что скажете, мистер Графенвельдер? Вы уже приняли решение?

– Хочу взглянуть на остальные образцы.

Пальцы Рифуджио извлекают из шкатулки второй пузырек.

– Наружный покров.

– Кожа? Здесь у меня нет средств, чтобы толком ее проверить. Давайте все, что принесли, я изучу в надлежащих условиях.

На лице у Рифуджио горькая обида:

– Я надеялся, что мы договоримся здесь и сейчас.

– Зря надеялись. Впрочем, если вы готовы снизить цену…

– Боюсь, это обсуждению не подлежит. Что же до образцов, не возражаю, чтобы вы забрали их. – Рифуджио захлопывает крышку шкатулки. – И в доказательство моего расположения к вам я предоставлю движущееся изображение живого адапта. Но рассчитываю на взаимность, а именно на ваше скорое решение.

Паланкин помещает шкатулку с образцами в бомбостойкий грузовой отсек.

– Вы его получите, не беспокойтесь.

– Поверьте мне на слово, мистер Графенвельдер: вы не единственный коллекционер, желающий заполучить такую экзотику.

На обратном пути Графенвельдер времени не теряет – снова и снова просматривает тридцатисекундный ролик. Ему и раньше доводилось видеть видеоизображения предполагаемого живого адапта, но еще ни разу не удавалось рассмотреть существо столь подробно. Эта особь выглядит темнее и грубее прежних. Водоплавающий гуманоид постоянно двигается из стороны в сторону, снова и снова выпадая из фокуса, но есть в нем нечто сверхъестественно-натуралистичное, убеждающее в его реальности. Смотрится адапт не сказать что жутко: спору нет, это монстр, но его монструозность – конечный результат логичного, прагматичного конструирования. Плывет он без малейших усилий, толкая свое тело вперед легчайшими движениями плавника на конце длинного хвоста, который у него вместо ног. Передние конечности заканчиваются гуманоидными кистями – это руки, способные работать с инструментами. Вот он надвигается на камеру – шеи нет, голова плавно переходит в туловище. Имеются глаза, причем вполне человеческие, но

отсутствует нос, а рот – горизонтальная щель с иглами зубов; как же страшна ухмылка этой пасти!

Графенвельдер изучает ролик, и ему все больше верится, что адапты – не выдумка и что по крайней мере одному из них удалось дожить до нынешних дней. А еще Графенвельдеру будто слышится, как скрипит дверца в его собственное прошлое, норовя раскрыться еще шире. В голове зреет вопрос, на который ох как не хочется отвечать.

Зачем на самом деле ему понадобился адапт?

Следующий день проходит вполне сносно – до того момента, когда гости собрались по домам. Была демонстрация взрослой гамадриады, был надлежащий шок и трепет. Графенвельдер позаботился о том, чтобы до всех дошло: это не только максимально крупный экземпляр, но еще и живой. Не гниющий труп, вынужденный пародийно имитировать жизнь. Даже леди Гудгласс, которой пришлось вытерпеть эту пытку, стоически изображает одобрение.

– Везет же вам, – говорит она сквозь скрежещущие зубы. – А ведь тоже запросто могли бы приобрести дохлую особь.

– Но я бы не пытался делать вид, что она живая, – парирует Графенвельдер.

Впрочем, в этот день последней смеется Урсула. Причем ждет с этим, пока большинство гостей не рассаживается по своим шаттлам.

– Друзья мои, – говорит она, – то, о чем я хочу сообщить, никак не сравнимо с увиденной вами здесь взрослой гамадриадой. Но представьте себе: недавно мне удалось добыть нечто такое, что вы непременно найдете интересным.

– Надеюсь, речь не о том, что мы уже видели два дня назад? – спрашивает Лайсендер Кэрроуэй.

– Помилуйте! Я решила подержать это приобретение в секрете, полагая, что моя маленькая гамадриада станет достаточно весомым событием для одной недели. То, о чем я говорю, прежде никогда не демонстрировалось публике. По крайней мере, не демонстрировалась особь в таком хорошем состоянии.

– Скажите же, что это за диковинка! – требует Ален Куперин. – Не мучайте нас!

– А вот прилетайте, и сами увидите, – дразняще подмигивает леди Гудгласс. – Записываться на прием не нужно, только ради бога, соблюдайте конфиденциальность! Мне очень не хочется, чтобы об этом экземпляре пронюхали власти.

На миг у Графенвельдера возникает подозрение, уж не адапта

ли заполучила Урсула. Нет, вряд ли. Сделка с Рифуджио на мази, какой смысл маклеру менять клиента?

Но если не адапт, то кто?

Необходимо узнать, пусть даже придется ради этого пойти на такое унижение, как повторный визит в ее убогий анклавишко.

Прибыв в резиденцию леди Гудгласс, он видит в полярном выступе только ее шаттл. Не очень-то комфортно сознавать, что ты единственный гость, но ведь хозяйка сама предложила посетить ее в любое удобное для него время, и он добросовестно предупредил ее о своем визите. Целую неделю прождал! Конечно, лучше бы десять дней, но уже через пять пошли слухи, будто у леди Гудгласс в коллекции появилось нечто особенное, несомненно уникальное.

В эти дни он подвергал полученные в Городе Бездны образцы мыслимым и немыслимым проверкам, неизменно получая все тот же шокирующий результат: в распоряжении у Рифуджио находится настоящая особь адапта. Но Графенвельдер все еще не решается заключить сделку.

В анклаве он встречает Урсулу и ее мужа, узника паланкина. Супруги времени не теряют, сразу ведут гостя к своему новому приобретению. Взаимная неприязнь успешно прячется за улыбками и любезностями. Никто не упоминает гамадриад – ни мертвых, ни живых.

Графенвельдер может лишь догадываться о том, что ему предстоит увидеть. Однако его удивляют весьма скромные размеры помещения, к которому его наконец подводят. Подвесная дорожка примыкает к полу комнаты, но странное дело – та не отделена перегородкой из бронестекла. И хотя эта часть анклава освещена крайне слабо, Графенвельдеру удается различить столы, составленные буквой «U» на манер лабораторных. Еще виднеются какие-то глянцевитые штуковины на этих столах, на вид незнакомые.

– Я думал, вы мне покажете нечто живое, – тихо произносит он.

– Оно живое, – шипит в ответ Урсула. – По крайней мере, насколько это возможно. Просто разделено. Сейчас увидите.

– Вы вроде говорили, что оно опасно?

– Да, потенциально. Если его собрать воедино.

Урсула делает паузу и протягивает руку в сумрак за порогом, словно предлагая подойти к ближайшему столу. Взгляд Графенвельдера ухватывает яркую красную линию на ее руке, где та попала под ранее невидимый лазерный луч. Рука движется вверх и вниз. Гость и глазом не успевает моргнуть, как сверху

падает тяжелый бронещит.

– Это не для того, чтобы оно не смогло выбраться, – объясняет леди Гудгласс, – а для того, чтобы никто не проник сюда с намерением его собрать. Кое-кто уже пытался – просто хотел посмотреть, что из этого выйдет.

Она убирает руку. Через мгновение щит уносится обратно в потолок.

– Что бы оно собой ни представляло, вы не склонны его недооценивать, – одобрительно произносит Графенвельдер, заинтригованный против воли.

– Приходится. Монстров недооценивать нельзя. – Она машет рукой лампам. Те разгораются, и хотя столы и оборудование теперь видны лучше, их предназначение не становится для Графенвельдера понятней.

– Надеюсь, вы мне кое-что объясните, – говорит он.

– Само собой. Я бы не знала, что с этим делать, если бы не нашла именно то, что искала.

– О боже! – ахает он, вперившись в один из самых больших стеклянных контейнеров. – Это что, мозг?

Леди Гудгласс кивает:

– Да, раньше это было человеческим мозгом. Прежде чем он… прежде чем оно занялось экспериментами над собой и постепенно отбросило все, что было в нем человеческого, как ребенок выкидывает игрушки из песочницы. То, что осталось от мозга, все еще живо, все еще в сознании, все еще обладает чувственным восприятием. – На лице Урсулы лукавая улыбка. – Карл, оно знает о нашем присутствии. Слышит нас, видит… и гадает, как бы ему освободиться и расправиться с нами.

Графенвельдер позволяет себе погрузиться в жуткую сцену, благо теперь это проще, ведь ему ясен ее смысл. Живой мозг содержится в заполненном жидкостью резервуаре, питание поступает по алым и зеленым шлангам, чьи концы погружены в серо-коричневое тесто – обнаженный мозжечок. Перевернутым вопросительным знаком ниже висит обрубок спинного мозга. Вялая, будто маринованная, вся эта плоть покрыта, точно грибницей, тончайшими нитями механической паутины. Рядом с резервуаром гудит серый ящик, мерцают его многочисленные аналоговые экранчики, отражая текущие ментальные процессы. И это еще не все. Тут десятки прозрачных емкостей, они соединены с другими аппаратами, а те соединены друг с другом, и в каждой емкости содержится нечто такое, что и словами-то не описать. Вот живое глазное яблоко в чем-то вроде искусственной глазницы, оснащенной моторчиками управления. Этот глаз, как и его лишенный век близнец на соседнем столе, смотрит прямо на

Графенвельдера. Видны оптические нервы – узловатые канатики из жирной белой ткани. В следующем резервуаре плавают легкие, они ритмично вздуваются и опадают в ритме медленного дыхания, будто два воздушных змея снова и снова пытаются взлететь.

– Кто?.. Что?.. – едва хватает сил прошептать.

– Карл, разве вы еще не догадались? Взгляните сюда. Вот на эту маску.

Он смотрит, куда указывает женщина. Маска стоит вертикально на черном постаменте в конце самого дальнего стола. Скорее даже не маска, а целый череп, отлитый из гладкого серебристого металла. Лицо красивое, с чертами обтекаемыми, будто ветром обточенными; в неподвижных губах, в пустых серебристых плоскостях на месте глаз угадывается легкое веселье. Выдающиеся скулы, волевая крутизна подбородка. Между губами – темная зарешеченная щелка. На маске обозначены человеческие уши, а верхняя часть черепа – в продольных серебристых волнах, имитирующих зачесанные назад и скрепленные лаком волосы.

Графенвельдер мигом догадывается, кому принадлежал этот череп. Да разве найдется в окрестностях Йеллоустона живая душа, которая не узна́ет доктора Тринтиньяна? Не хватает только шляпы, неразлучного черного хомбурга.

Но Тринтиньяна здесь быть не может. Тринтиньяна не может быть нигде. Он давным-давно умер.

– Это абсурд, – говорит Графенвельдер. – Вас наду… Вам продали фальшивку. Это не он.

– Это он. У меня железные доказательства.

– Но Тринтиньян уже сколько лет… десятилетий не показывался вблизи Йеллоустона! Считается, что он погиб, когда Ричард Свифт…

– Я знаю Ричарда Свифта, – перебивает его Урсула. – Встречалась с ним… вернее, с тем, что от него осталось, когда Тринтиньян свернул свой бизнес. Я хотела, чтобы Свифт поприсутствовал на выставке, даже была готова заплатить ему за потраченное время, но он снова покинул систему. Говорят, вернулся на тот самый мир, где предположительно покончил с собой Тринтиньян.

Графенвельдер спешит восстановить в памяти то, что узнал о скандале. Тогда несколько недель кряду весь Йеллоустон гудел как потревоженный улей.

– Но ведь Свифт привез сюда останки Тринтиньяна. Доктор оставил предсмертную записку и расчленил себя.

– Таков был его план, – сухо произносит леди Гудгласс. – Мы

должны были поверить, что он, закончив самую важную работу в своей жизни, покончил с собой.

– Но ведь расчленил же…

– Да, и постарался, чтобы это выглядело как самоубийство. На самом же деле разбирал он себя по хитрой методике – сохраняя части организма так, чтобы их можно было когда-нибудь воссоединить. Слишком уж тщеславен был Тринтиньян, чтобы покинуть этот свет и не узнать, что станется с его детищами через несколько поколений. Но за него плотно взялись власти Йеллоустона, и уйти от них иначе как по частям уже не представлялось возможным.

– И как же Тринтиньян оказался здесь? Неужели властям не хочется заполучить останки так же сильно, как хотелось схватить его живого?

– У него всегда были союзники… хотя вы, наверное, предпочтете слово «спонсоры». Это люди, тайком восхищавшиеся его деятельностью. Карл, рынок для фриков всегда был и всегда будет, а уж рынок для фрикоделов и подавно обречен на процветание. После возвращения Тринтиньяна друзья помогали ему снова и снова исчезать из-под носа у того убожества, что осталось здесь от прежней администрации. Он кочевал из коллекции в коллекцию, как фальшивая монета. Похоже, каждому спонсору приносил неудачу. Боюсь, держа здесь доктора, я испытываю судьбу. А еще меньше ей может понравиться эта частичная реанимация. – Урсула улыбается самыми краешками рта. – Ладно, посмотрим, что будет дальше. Если поиздержусь, передам Тринтиньяна очередной добровольной жертве.

– Это игра с огнем.

– Не одобряете, значит. А я-то надеялась, Карл, что вы поаплодируете моему бесстрашию.

Против воли Графенвельдер высказывает нечто близкое к правде:

– Спору нет, я впечатлен. Причем куда сильнее, чем вы можете себе представить. Но и встревожен тем, что Тринтиньян находится здесь.

– А поконкретнее?

– Урсула, вы в этих играх новичок. Я видел малую часть вашего анклава, но этого хватило, чтобы понять: здесь не самые надежные охранные системы.

– Карл, у него нет ни малейшего шанса собраться самостоятельно. Или вы верите в телекинез?

– Меня другое беспокоит: как поступят его обожатели, если вдруг узнают, где он находится? Некоторые не удовлетворятся тем, что он жив, но пребывает в разобранном состоянии. Они

постараются захватить его и скомпоновать.

– Сомневаюсь, что кому-то хватит глупости.

– Плохо вы знаете людей, Урсула. Таких людей, как мы с вами. Скольким коллекционерам вы его уже показали?

Леди Гудгласс наклоняет голову, смотрит на Графенвельдера по-над вздернутым носом:

– Десяток наберется.

– Ох, много… Не удивлюсь, если окажется, что слухи уже вышли за пределы Кольца. Только не говорите, что и Росситер в этой десятке.

– Росситер был вторым.

– Пожалуй, и впрямь уже слишком поздно. – Графенвельдер вздыхает с таким видом, будто снимает со своих плеч тяжкую ношу. – Значит, времени у нас в обрез. Надо немедленно организовать транспортировку останков Тринтиньяна в мой анклав. Там куда безопаснее.

– С чего вы взяли, что там безопаснее, чем у меня?

– Я сам конструирую охранные системы. Этим и зарабатываю на жизнь.

Кажется, она обдумывает услышанное по крайней мере несколько секунд. Потом отрицательно качает головой:

– Этому не бывать. Он останется здесь. Карл, я же вас насквозь вижу. Что вам до моих охранных систем? И вряд ли вас беспокоит вероятность того, что доктор Тринтиньян сбежит отсюда и вернется в общество йеллоустонцев. Не станете же вы очередной его жертвой. Это бедолагам из Мульчи пришлось бы трястись за свою шкуру, ведь он периодически спускался туда в поисках сырья. Нет, Карл, на самом деле для вас невыносима мысль, что он принадлежит мне, а не вам. Уникальнейший экспонат никогда не попадет в ваши руки – вот что разъедает вас изнутри, точно кислота.

– Что ж, дело ваше.

– Вот именно, мое. И со своими делами я всегда разбираюсь самостоятельно. Карл, вы совершили роковую ошибку, когда унизили меня. Даже если допустить, что сами не приложили руку к случившемуся с гамадриадой.

– Ну что вы несете! Шеллис надул вас, но я-то тут при чем?

Графенвельдер видит, что Урсула колеблется. Она уже в шаге от прямого обвинения, но даже здесь, в этом приватном убежище, есть грань, переходить которую себе дороже.

– А ведь вы рады, что так случилось, правда же? – напирает она.

– В моей коллекции есть экземпляр получше, и меня это вполне устраивает.

Вновь испытывая отвращение – смешанное, надо признать, с чем-то вроде благоговения, – Графенвельдер оглядывает рассредоточенные останки знаменитого врача.

– Так говорите, он слышит нас?

– Каждое слово.

– Лучше бы вам его прикончить. Возьмите молоток и шарахните по мозгу. Чтобы Тринтиньян никогда не воскрес.

– А вас бы это устроило?

– Именно так поступили бы власти, если бы до него добрались.

– Надо полагать, власти сначала учинили бы над ним суд.

– Судить Тринтиньяна не за что. Его жертвы, все до единой, вели преступный образ жизни.

– История благополучно забыла о том, – говорит леди Гудгласс, – что многие из его так называемых жертв пришли к нему добровольно. Для них Тринтиньян был не чудовищем, а зачинщиком перемен, которых они жаждали. Он был гением, лучшим трансформационным хирургом своей эпохи. Что с того, что общество сочло его труды аморальными? Что с того, что некоторые плоды этих трудов впоследствии пожалели о своем выборе?

– Теперь вы его защищаете?

– Не защищаю, а лишь напоминаю о том, что мы живем не в черно-белом мире. Годами Тринтиньян работал с молчаливого попустительства властей, которым он не нравился, но которые считали его деятельность нужной для общества.

Графенвельдер качает головой – он увидел и услышал достаточно.

– Урсула, раньше я думал, что вы приобрели в коллекцию очередного монстра. А теперь считаю иначе: вы укрываете беглого преступника.

– Уверяю вас, это не так. Если я смотрю на деятельность Тринтиньяна рационально, это не значит, что я его не презираю. Позвольте вам кое-что продемонстрировать. – Пальцы леди Гудгласс набирают в воздухе команду, и охранная система отключается. Теперь можно просунуть руку сквозь лазерную сетку, не вызвав падения бронированного экрана. – Подойдите к мозгу, Карл, – предлагает она. – Не бойтесь, это не ловушка.

– Мне будет гораздо приятней сделать это в вашей компании.

– Как скажете.

Он ловит себя на том, что слишком медлит – женщина может заметить его страх. Затем переступает порог. Леди Гудгласс отстает от него лишь на шаг. За их продвижением следят глазные яблоки, поворачиваясь с плавностью моторизованных камер.

Графенвельдер подходит к булькающему контейнеру с мозгом. Вблизи этот мозг совсем мал, даже не верится, что когда-то он был источником великого зла.

– И на что же я должен смотреть?

– Не смотреть – делать. Причините ему боль, если хотите. Рядом с мозгом кнопка. Она пошлет электрический ток прямиком в переднюю поясную кору.

– А разве сейчас ему не больно?

– Думаю, нет. Он заблаговременно перестроил свой организм специально для расчленения. Возможно, получил при смене состояний какую-то экзистенциальную травму, но вряд ли это был очень уж серьезный дискомфорт.

У Графенвельдера будто по собственной воле рука приближается к электростимулятору. Он чувствует магнетическое притяжение, побуждающее опуститься зависшую над кнопкой ладонь. Интересно, откуда это первобытное желание причинить боль? Тринтиньян не заставлял страдать ни Графенвельдера, ни кого-либо из его знакомых. В том, что власти терпели, если не сказать поощряли, деятельность этого врача, сомневаться не приходится. В йеллоустонском обществе он заполнил собой брешь, которая обычно предназначается для сатаны.

– Что ж вы медлите, Карл? Побаиваетесь?

– Откуда мне знать, что эта штука не пошлет заряд прямо в центр удовольствия?

– Смотрите на спинной мозг. Он задергается.

– Спинной мозг не может дергаться.

– Этот может. Миниатюрные механизмы…

Довод придает Графенвельдеру смелости. Ладонь опускается, замкнув контакт на добрые пять-шесть секунд. Под мозгом виляет, судорожно трясется, как хвост у гремучей змеи, обрубок спинномозговой плоти. Слышно, как он шкрябает по стеклу.

Графенвельдер поднимает руку, и движения затихают.

– Ну вот, – усмехается леди Гудгласс, – я знала, что сможете.

Графенвельдер замечает рядом с контейнером какой-то инструмент явно медицинского предназначения, с рукоятью, с клешнеобразной головкой из твердого сплава. Берет его другой рукой, прикидывает вес. Стеклянный контейнер выглядит соблазнительно хрупким. А уж мозг…

– Поосторожней, – говорит леди Гудгласс.

– Я ведь могу убить его, прямо сейчас? Покончить с ним раз и навсегда?

– И многие вам поаплодируют. Но этим вы лишь освободите доктора, прекратите его существование. С другой стороны, в вашей власти снова послать импульс боли в его мозг. Что бы вы

предпочли, Карл? Избавить мир от Тринтиньяна, а его самого – от страданий или еще немного продлить эти страдания?

Как же подмывает обрушить на контейнер медицинскую штуковину! Леди Гудгласс, хоть и стоит совсем рядом, не успеет помешать. И конечно же, в истории останется имя того, кто поставил точку в судьбе Тринтиньяна. Но в этот решающий момент что-то удерживает Графенвельдера. Не то обстоятельство, что доктор не сделал лично ему ничего плохого, – нет, куда важнее желание внести свою лепту в наказание пленника. Уже в следующий миг Графенвельдер понимает: он просто не смог бы подарить Тринтиньяну такую легкую, такую милосердную смерть, коль скоро альтернативой является боль.

И снова он нажимает кнопку, на сей раз удерживая ее дольше. За его спиной хлопает в ладоши Урсула Гудгласс:

– Блестяще, Карл! Я не сомневалась, что вы сделаете правильный выбор.

Следующие две недели стали испытанием на выдержку. Графенвельдер сидит тихо, никак не комментирует разгулявшиеся слухи о новом экспонате леди Гудгласс. Имя Тринтиньяна нигде не звучало – было бы верхом неблагоразумия его произносить, – однако даже те, кто еще не посетил анклав Урсулы, уже догадываются, что за сокровище оказалось в ее руках. Самые здравомыслящие комментаторы и те не удержались от восторженных отзывов, стараясь превзойти друг друга в этом шквале оваций. Как ни крути, леди Гудгласс, считавшаяся начинающим коллекционером, сделала блестящий ход. За считаные дни общественность разогрелась настолько, что Кольцу пришлось гасить нежелательный интерес пары следователей, все еще занимавшихся делом Тринтиньяна. А уж на лапу им дали столько, что каждому хватило бы на новый анклав.

Что же до взрослой гамадриады, то поток желающих поглазеть на нее быстро иссяк. Для коллекционеров она утратила свою новизну, да и сам Графенвельдер потерял к ней интерес. Все реже о ней вспоминал, все меньше его заботило ее благополучие. Когда смотрители сообщили, что пленница страдает от неправильного питания, хозяин даже не удосужился пойти и взглянуть на нее. Через три дня ему доложили о смерти гамадриады, а он мог думать лишь о деньгах, уплаченных капитану Шеллису. Час или два его занимала идея «оживить» труп с помощью электродов, как поступила со своим экземпляром леди Гудгласс, но потом внутри, точно желчь, разлилась боязнь аналогичным образом выставить себя на посмешище. Он распорядился, чтобы дохлое животное выбросили в космос, и

даже не нашел в себе желания понаблюдать за этим процессом.

Спустя шесть часов Графенвельдер связывается с Рифуджио.

– А я уж думал, мистер Графенвельдер, что больше не доведется пообщаться с вами. Еще немного, и мне нечего было бы вам предложить.

Графенвельдер с трудом сдерживает волнение в голосе:

– Так он все еще у вас? И условия прежние?

– Я привык держать слово, – отвечает Рифуджио. – Условия не изменились. Означает ли это, что сделка состоится?

– Мне нужны дополнительные гарантии. Если окажется, что ваш товар не соответствует рекламе…

– Соответствует. Я всегда торгую честно. Берите – или прощаемся.

Конечно же, Графенвельдер берет – он еще до звонка маклеру знал, что так будет. Взял бы, даже если бы Рифуджио запросил вдвое против прежнего. Только демонстрация в его бестиарии этого пленника, живого адапта, способна вызвать в Кольце ажиотаж посильнее того, что достался на долю Урсулы Гудгласс. А значит, надо добиться этого любой ценой.

Разумеется, сделка оформляется в обстановке строжайшей секретности – раньше времени о ней не должен узнать никто. У Графенвельдера нет веры прохвостам вроде Рифуджио, но в данном случае он спокоен: таким людям тоже надо как-то выживать, защищать себя от последствий собственной деятельности. Сам он принимает строжайшие меры предосторожности. Транспортировка покупки в его анклав будет осуществляться тайно, а деньги со счета на счет перекочуют так, что никто не сможет этот процесс отследить. Да, все это непросто, но у обоих за плечами уйма подобных сделок, методика давно отработана.

Когда наконец прибывает беспилотный транспорт с драгоценным водоплавающим грузом, Графенвельдер убеждается, что все прошло как по маслу.

Он вынужден проталкиваться сквозь толпу смотрителей, чтобы впервые взглянуть на приобретенный экземпляр. Поначалу его охватывает легкое разочарование: особь куда меньше, чем он ожидал, и это не шутки проходящего сквозь стены аквариума света со зрением. Адапт не намного крупнее человеческого ребенка.

Впрочем, разочарование длится недолго. Во плоти адапт выглядит даже реальнее, чем та плавающая тварь на видео. По прибытии его усыпили, наложив на морду и верхнюю часть торса дыхательную маску, по которой поступал наркотик. Рифуджио прислал подробную инструкцию насчет безопасного

пробуждения.

Первым делом Графенвельдер велит переместить адапта в главный экспозиционный аквариум, теперь уже доверху наполненный холодной водой под давлением сто атмосфер. Содержание химии в этой воде приблизительно соответствует условиям среды вблизи одного из термальных источников Европы. В сознание адапта приводили в кромешной темноте, с помощью техники тщательно контролируя процесс пробуждения. Сначала экспонат продышался, потом нерешительно приступил к изучению своего нового обиталища. За его летаргическими движениями Графенвельдер наблюдает через теплочувствительные спецназовские очки. По общему мнению, эти существа видели в инфракрасном диапазоне, но на Графенвельдера адапт не обращает никакого внимания, даже когда проплывает впритирку к нему.

Через несколько минут движения пленника обретают уверенность. Должно быть, он приспособился к воде, снова научился нормально дышать. Графенвельдер в гипнотическом восхищении следит за покачиванием его хвоста. Сейчас адапт измеряет пределы своей тюремной камеры, осторожно ощупывает пальцами бронестекло. А он, оказывается, достаточно умен, чтобы понимать: ломиться через эту преграду бесполезно.

Графенвельдер включает мощные прожекторы и направляет их лучи в аквариум. Очки сдвигает на лоб. Адапт пытается уплыть в темноту, но свет безжалостно преследует его. Не имея век, это существо тщетно пытается закрыть лицо тонкой перепончатой рукой. И настежь раскрывает пасть в беззвучных воплях страха, а может, ярости, а может, и того и другого.

В воду вторгается голос Графенвельдера, усиливаемый для пленника плавучими микрофонами:

– Я знаю, что ты меня слышишь. И знаю, что ты способен понимать мою речь. Очень важно, чтобы ты меня сейчас выслушал.

Похоже, эти звуки для адапта так же мучительны, как и свет. Другой рукой он пытается защитить завиток плоти сбоку на голове – орган слуха. Но каждая клетка его тела воспринимает голос Графенвельдера, ревущий, как полицейский мегафон.

На этом и строил расчет хозяин бестиария.

– Не нужно бояться, – говорит он. – Ты среди друзей. Люди, которые предпочли бы, чтобы ты умер, здесь тебя не найдут. Отныне ты под моей защитой, и я позабочусь о том, чтобы никто не причинил тебе вреда. Меня зовут Карл Графенвельдер, и как же долго я ждал нашей встречи!

Адапт недвижно повисает в воде, будто парализованный

услышанным. Возможно, именно это и произошло.

– Теперь это твой дом, – продолжает Графенвельдер. – Надеюсь, условия содержания ты найдешь приемлемыми. Я сделал все от меня зависящее, чтобы как можно точнее имитировать твою родную среду обитания, но допускаю, что кое-какие отличия все же есть. Разумеется, мои специалисты постараются их устранить, но для этого потребуется твое содействие. Мы все должны научиться общению. Я в курсе, что говорить ты не способен, но что мешает нам использовать язык жестов? Давай начнем с чего-нибудь простого. Мне надо знать, устраивает ли тебя среда по основным аспектам: температура, сернистость, соленость и так далее. Отвечай моим специалистам положительно или отрицательно. Кивни, если понял меня.

Никакой реакции. Хотя адапт вроде по-прежнему в сознании – сквозь пальцевые перепонки улавливается быстрая мимика глаз.

– Кивни головой, я сказал. Если это слишком трудно, сделай какое-нибудь другое заметное движение.

И опять ничего. Графенвельдер гасит прожекторы и опускает на глаза тепловизоры. Через несколько секунд инфракрасное пятно опускает руку и принимает расслабленно-настороженную позу. Убедившись, что экспонат реагирует на исчезновение света, хозяин включает лампы и видит, как пленник спешно ищет укрытие.

– Что, свет не нравится? Ладно, будут тебе потемки. Все, что ты должен сделать, это дать знак, что понял меня. Выполни, и опять станет темно.

Но адапт знай себе висит и смотрит на Графенвельдера сквозь тонкие перепонки. Может, успел притерпеться к свету? Кажется, взгляд у него теперь тверже и в нем что-то вроде укора. Даже если эта тварь не понимает слов, у нее определенно нет сомнений, что перед ней стоит ее тюремщик.

– Смотри, я гашу свет. – Графенвельдер гасит и тотчас включает с жестокой ухмылкой на лице, не дав адапту насладиться мраком.

В этот раз есть реакция, но не та, которой он ждал. Адапт устремляется вперед, пронизывает воду с ужасающей скоростью. У Графенвельдера успевает мелькнуть мысль, что тварь решила протаранить стену черепом, но тут адапт резко тормозит хвостом и с силой ударяется о стекло верхней частью туловища, раскинув руки; его лицо – в считаных сантиметрах от лица Графенвельдера.

Да, тот прекрасно знает, что стекло несокрушимо, создано с расчетом на давление океана Европы, но у какой-то частички разума нет уверенности в этом, она вопиет, чтобы Графенвельдер отпрянул от ухмыляющейся зубастой пасти, от ненавидящих

человеческих глаз. И адапту, чтобы это понять, не нужно никаких слов, никаких жестов, – он и так все прекрасно видит.

Графенвельдер восстанавливает контроль над своим рассудком, сопровождая это натужным смехом, делая вид, будто подыграл пленнику. Но адапта не обмануть – жуткая акулья ухмылка не сходит с его морды.

– Ладно, – говорит Графенвельдер, – напугал ты меня. Вот и хорошо, ведь именно для этого ты и нужен. Иначе зачем бы я привез тебя сюда?

Микрофоны в аквариуме улавливают презрительное фырканье адапта, и оно разносится по бестиарию; ударяясь о металлические стены, эхо приобретает грубый металлический оттенок. У Графенвельдера никак не успокоится сердце, но он уже видит позитивную сторону своей покупки. Пожалуй, оно и к лучшему, что адапт не способен говорить. От этого его фырканья душа и впрямь уходит в пятки, и никакое существо, обладающее даром речи, аналогичный эффект произвести не сумеет. Да, этот экземпляр наделен умом, причем достаточно острым, чтобы пользоваться сложными орудиями труда в холодном, черном, не прощающем ошибок инопланетном океане. Но здесь у него не будет орудий, только один узенький клапан, чтобы выпускать через него накопившуюся злобу.

Да, это должно сработать, думает Графенвельдер. Если адапту удастся нагнать на других коллекционеров хотя бы половину того страху, что сейчас испытал хозяин, доктор Тринтиньян живо уйдет в нети. Осталось только убедиться, что чертова тварь – всамделишная. Не то чтобы имелись серьезные сомнения – Рифуджио уже предоставил подлинные ДНК и образцы тканей. Откуда могли взяться эти материалы, если не из тела последнего живого адапта?

Графенвельдер уходит, предоставив пленнику осваиваться в темнице.

На следующий день в аквариум спускаются смотрители, облаченные в глубоководные управляемые скафандры. Двое обездвиживают адапта, третий берет несколько образцов на биопсию. Для этих людей в прочнейшей броне пленник не опасен, но его сила, быстрота и балетная легкость движений в воде производят должное впечатление. Он плавает с естественной грацией существа, для которого вода – не преграда, а родная стихия.

Графенвельдер опять ловит бродящие по Кольцу слухи, и его не удивляет то, что доктор Тринтиньян все еще вызывает у коллекционеров восхищение. Конечно же, было бы куда приятней

самому находиться в центре внимания публики, но по крайней мере Графенвельдер знает, что справедливость скоро восторжествует. Спору нет, Урсуле Гудгласс исключительно повезло с этим расчлененным врачом, да только в долгой игре удача не пойдет с ней рука об руку до конца.

В тот же день специалисты сообщают о первых результатах биопсии. Графенвельдер, абсолютно уверенный в подлинности адапта, будто не слышит, что ему пытаются втолковать эти высоколобые мямли.

Результаты не совпали с прежними. Взятая у адапта ДНК – не та, что Графенвельдер получил от Рифуджио. Аналогично с образцами крови и тканей. Расхождения невелики, при более поверхностном исследовании они могли бы и вовсе остаться незамеченными. Но данное обстоятельство не служит утешением Графенвельдеру. Тесты были сделаны на высшем уровне, и они не оставляют места сомнениям. В последний момент Рифуджио подсунул ему не то, что предлагал изначально.

Он пытается связаться с маклером, но контактные данные уже неактуальны. Если вызовы и доходят до Рифуджио, тот предпочитает не отвечать.

Итак, напрашивается вывод, что Графенвельдера надули. Но если адапт – подделка, то исключительно тонкая. Хозяин бестиария уже успел близко пообщаться со своим приобретением и не обнаружил никаких признаков имитации. Это же настоящий подвиг биологической инженерии – создать жабры, способные поддерживать жизнь в организме с энергетическими потребностями крупного млекопитающего. Фальшивые адапты, которых он изучал в прошлом, проживали в воде лишь пару-тройку суток. А это существо прекрасно себя чувствует, прямо на глазах набирается сил и ловкости.

Графенвельдер обдумывает другие версии. Образцы крови и тканей могут не совпадать еще и потому, что у Рифуджио был не один адапт. Ученые на Европе создавали специализированные касты с разными лингвистическими способностями, можно допустить, что эти касты различались по составу крови и структурам тканей. Вообще-то, все они были прототипами – вплоть до того момента, когда пошли против Демархии. Возможно, этот адапт просто взят из другой промышленной серии.

Но это не объясняет, почему Рифуджио предоставил несоответствующие образцы. Что мешало взять их непосредственно у адапта, который предназначался для продажи Графенвельдеру? Может, маклер допустил ошибку, перепутав материалы? Если так, у него точно есть второй адапт. А значит,

история о домашнем любимце ультранавтов – выдумка… Но она была необходима, коль скоро Рифуджио хотел убедить покупателя в уникальности товара…

Графенвельдер напряженно думает. Исчезновение Рифуджио чертовски убедительно говорит о том, что дело нечисто. Но если причина подлога – тот факт, что приобретенный экспонат не уникален, то Графенвельдер, пожалуй, очень легко отделался. У него все же есть адапт, а это бесконечно лучше, чем ничего. В свое время Рифуджио будет найден и наказан, а сейчас месть не стоит первым номером в списке неотложных дел.

Сейчас больше всего Графенвельдеру нужна коммуникация с пленником.

К ночи, когда смотрители уже закончили свою работу, он спускается к аквариуму и включает прожекторы. Свет уже не так резок, как раньше, но все же дает знать о приходе Графенвельдера пленнику, пробуждает от неглубокого сна, которым тот, похоже, наслаждался в часы покоя.

Убедившись, что посторонних поблизости нет, Графенвельдер обращается к адапту – уже в который раз.

– Ты меня понимаешь, я это знаю – в твоем мозгу смотрители обнаружили зону, возбуждающуюся при звучании человеческой речи. И особенно сильно она возбуждается, когда ты слышишь каназиан, язык Демархии.

Существо глядит на Графенвельдера и молчит.

– Двести лет назад тебя научили этому языку. Понимаю, с тех пор кое-что изменилось, но у меня нет сомнений, что до тебя доходят эти слова.

Уже не в первый раз Графенвельдер замечает, что каназианская речь дается ему на удивление легко. По логике, должен бы постоянно запинаться, однако слова льются живым потоком, как будто он родился в этой языковой среде.

Абсурд…

– Я хочу знать историю твоей жизни, – говорит он. – Как ты попал сюда, где жил раньше, сколько еще вас таких. Мне уже известно, что Рифуджио сжульничал. Это не сойдет ему с рук, но сейчас куда важнее то, что ты можешь мне рассказать. Мне нужно знать абсолютно все, вплоть до момента твоего рождения на Европе.

Как и раньше, адапт не выказывает ни малейшего понимания.

По требованию Графенвельдера смотрители устанавливают в аквариуме влагонепроницаемую символьную панель. На ней ряды сенсорных клавиш, на каждой каназианское слово. Графенвельдер

говорит, и слова поочередно подсвечиваются. Адапт может отвечать, нажимая соответствующие клавиши, и ответы будут преобразованы в голосовую речь по другую сторону стекла. Графенвельдер надеется, что нашел отгадку: у адапта изъян в языковом центре мозга, какой-то когнитивный дефект не дает использовать зрительные коды. Если получится убедить пленника, чтобы нажимал клавиши «да» и «нет» в ответ на простейшие вопросы, дело, возможно, сдвинется с мертвой точки.

Оно сдвигается, но недалеко. Адапт вроде бы согласен учиться, однако ему никак не удается ухватить основы языка. До него дошло, что одна из клавиш символизирует пищу, и теперь он постоянно давит на нее, игнорируя попытки Графенвельдера добиться ответов на абстрактные вопросы.

А может, он просто глуп? Может, вот она, причина, по которой эта серия адаптов была снята с производства?

Графенвельдер решает, что рано сдаваться. Пленник не желает сотрудничать? Попробуем его убедить.

Смотрителям поручается варьировать параметры окружающей среды – температуру и химический состав, чтобы доставить адапту неудобства. Пищи не давать, но брать новые пробы на биопсию.

Очень хорошо видно, что пленнику не по нраву эти процедуры. Но он по-прежнему не говорит, разве что повторяет простые требования: покормить, подогреть воду. Терпение Графенвельдера уже на пределе. Зато адапт, по словам смотрителей, крепчает, его все труднее подчинять. Разгневанный, он сопровождает техников, когда те в очередной раз забираются в аквариум. Их четверо, они в усиленных глубоководных скафандрах, и чтобы прижимать адапта к стене, нужны усилия троих. Когда существу удается на миг освободиться, на эластичной рукавице хозяина остаются глубокие разрывы. По возвращении Графенвельдер рассматривает поврежденную деталь экипировки и с содроганием представляет, что сделали бы эти зубы с незащищенной плотью.

Лютая зверюга, что и говорить. Возможно, она не единственная, возможно, слаба умом. Но все-таки нет ощущения, что деньги потрачены зря. Что бы ни представлял собой адапт, он заслуживает места в бестиарии.

Причем в бестиарии Графенвельдера, а не в чьем-нибудь чужом.

Графенвельдер распускает слух, что в его коллекции появилась новинка. По примеру Урсулы Гудгласс предлагает гостям посетить бестиарий в любое удобное для них время.

Публика не должна догадываться о том, что демонстрироваться будет адапт. Просто очередное приобретение, никаких подробностей.

Лишь через три дня приглашение получает отклик. Первыми прибывают Лайсендер Кэрроуэй и ее муж. И вид у них такой скучный, будто этот визит – не более чем дань вежливости.

Но все меняется, когда перед ними предстает адапт. Графенвельдер постарался довести его до нужной кондиции, на многие часы лишив пищи и комфорта. И вот вспыхивают прожектора, являя взорам людей сгусток безумной ярости. Адапт рвется прикончить стоящих по ту сторону стекла, шкрябает по непробиваемой стене когтями и зубами, бьется об нее в кровь. Гости в ужасе отшатываются от неистового выходца с Европы.

Отличный эффект. Это вам не на безобидные останки доктора Тринтиньяна глазеть.

– Да, перед вами адапт, – говорит Графенвельдер, пока смотрители занимаются травмами пленника. – По достоверным сведениям, последний в своем роде.

– Где вы его раздобыли?

Графенвельдер повторяет услышанную от Рифуджио ложь.

– Вы же знаете, что у ультра есть обычай держать на борту зверушек. Вряд ли они поняли, кого истязали все эти годы.

– А можно с ним поговорить? Я слышала, адапты способны к речи.

– Мой не способен. Боюсь, это заблуждение, что большинство адаптов могли общаться с людьми, – им это было просто без надобности. Что же до немногих владевших языком, то они, похоже, вымерли лет сто назад все до одного.

– А может, этим осилившим язык хватило ума держаться подальше от ультра? – задумчиво произносит Лайсендер. – Кто умеет разговаривать, тот умеет торговать, заключать сделки. Особенно если знает, как причинять вред людям.

– Ну, что может знать адапт о причинении вреда кому бы то ни было? – пренебрежительно цедит Графенвельдер.

– Для тех, кто их создавал, это могло иметь какой-то смысл, – продолжает Кэрроуэй. – Особенно в тогдашние времена.

Графенвельдер отрицательно качает головой:

– Ох, сомневаюсь. Даже умевшие говорить были не настолько умны. Им полагалось выполнять приказы и пользоваться инструментами. Чтобы строить козни, нужно обладать довольно сложным абстрактным мышлением.

– Откуда вам знать? – спрашивает Кэрроуэй. – Или, может, встречались с такой особью?

В этом вопросе нет подвоха, но к уходу Кэрроуэев у

Графенвельдера уже испорчено настроение, и он неуклюже пытается это маскировать любезностями кольцевого политеса. Ну почему эта парочка не желает признать, что адапт достаточно ценен сам по себе? К чему эти догадки насчет его возможностей? Разве появление хищной химеры, рыбочеловека, не заслуживает статуса громчайшей сенсации?

И тем не менее Кэрроуэи явно впечатлены – всю следующую неделю Графенвельдер не может пожаловаться на слабый приток гостей. До коллекционеров дошел слух, что в бестиарии появился адапт, но многим не очень-то верится. Снова и снова Графенвельдер вершит ритуал пугающего знакомства с пленником, только теперь это делается эффектнее. Стеклянная стена по-прежнему надежна, но внутри аквариума – ложная оболочка, которая с легкостью покрывается трещинами. Адапту в горло имплантировали микрофон, чтобы от его рева у зрителей леденела кровь в жилах. А поскольку для этой операции понадобилось усыпить существо, Графенвельдер решил заодно ввести электрод в то место, где, по мнению смотрителей, находится болевой центр. Идею он беззастенчиво сплагиатил у леди Гудгласс, но об этом никто не знает, а электрод позволяет доводить адапта, особенно предварительно покормленного, до крайнего неистовства.

Конечно, делать выводы пока рано, но бродящие по Кольцу слухи позволяют предположить, что интерес к Тринтиньяну идет на спад. Графенвельдер все еще завидует Урсуле Гудгласс, сделавшей очень удачный ход, однако чувствует, что снова одерживает верх. Он уже редко вспоминает о том, как его обманул Рифуджио. Рассказанная Графенвельдером история о приобретении адапта у ультра повторялась так часто, что он и сам уже почти поверил в нее. Да и не в диковинку ему твердить одну и ту же ложь, пока она не становится практически неотличимой от правды.

Когда к нему приходят смотрители и докладывают, что более тщательный анализ ДНК адапта дал статистическое сходство с геномом типичной гиперсвиньи, он отказывается верить ушам.

Это что же они хотят сказать? Что адапт ненастоящий? Что это генетическая подделка, состряпанная из гиперсвиньи? Что на фетальной стадии в нее были сплайсированы характеристики адапта? И все это на голову Графенвельдера сваливается в тот момент, когда он уже в шаге от победы?

Последние гости – Урсула Гудгласс и ее муж. Они выдержали длинный, но не сказать что совсем невежливый промежуток времени, прежде чем почтили бестиарий своим посещением. Графенвельдер чинно шествует перед паланкином, стараясь

выглядеть невозмутимым.

– Карл, я слышала, у вас есть адапт. Если это правда, примите мои сердечные поздравления. Уже давно в Кольце не появлялось ничего сравнимого. – Она кокетливо смотрит на Графенвельдера. – А это правда адапт? Мы не склонны верить слухам, но когда все твердят одно и то же…

– Это адапт, – отвечает Графенвельдер так мрачно, словно сказанное Урсулой – окончательный приговор. Впрочем, учитывая нынешний статус Урсулы в Кольце, вполне возможно, что так оно и есть. – Желаете взглянуть?

– Ну разумеется, желаем, – трубит паланкин голосом ее мужа.

Графенвельдер подводит супругов к неосвещенному аквариуму и вручает Урсуле спецназовские очки, полагая, что паланкин оснащен инфравизором. Потом дает гостям поглазеть на смутный движущийся силуэт – это часть представления.

– А он меньше, чем я ожидала, – заключает леди Гудгласс.

– Все они невелики, – объясняет Графенвельдер. – Предназначались для работы в стесненных условиях. Но пусть его внешность вас не обманывает. Он расшвыряет троих мужчин в усиленных скафандрах.

– И вы абсолютно уверены в его подлинности? Проделали весь комплекс необходимых тестов?

– У меня нет ни малейших сомнений. – И Графенвельдер торопливо добавляет: – Если хотите, покажу вам результаты.

– Не нужно, мне достаточно вашего слова. Вы так долго охотились за этим существом – уж конечно, не приобрели бы его без надлежащей проверки.

Графенвельдер позволяет себе микроскопическую насупленность:

– Вот уж не знал, что вам было известно о моем интересе к приобретению адапта.

– Помилуйте, Карл, вы же протянули щупальца во всех мыслимых и немыслимых направлениях. Хотя, конечно, старались действовать скрытно, насколько позволяли обстоятельства. – И она добавляет с фальшивой улыбкой: – Я рада вашему успеху, Карл. Каково это в ощущениях, а? Завершен великий поиск, предмет вожделения в ваших руках. Восхитительно, да?

– Да, – отвечает он. – Именно так.

Тут заговаривает паланкин:

– А можно спросить, что в этом адапте было для вас самым интригующим?

Графенвельдер пожимает плечами, ожидая, что ответ легко придет на ум. Не тут-то было – требуется волевое усилие, как

будто вдруг застопорился мыслительный процесс.

– Наверное, его уникальность, Эдрик.

– Но разве мало на свете уникальных вещей? – трубит паланкин с легкой ноткой недоумения. – Зачем идти на такую крайность, как поиск адапта, о чьем существовании даже нет достоверных сведений? И чью подлинность невозможно доказать стопроцентно?

– А может, как раз потому, что это было так непросто? Я люблю трудные задачи. Разве нашлась бы задача потрудней, чем эта?

– Пожалуй, что нет, – отвечает паланкин. – Просто мне любопытно: а не было ли у вас более глубокой мотивации, не столь явной?

– Вы решили именно меня об этом спросить? Кругом столько коллекционеров – поинтересуйтесь у них, почему каждый увлечен своим хобби.

– Дорогой, Карл совершенно прав. – Урсула скупо улыбается в окошко паланкина. – Это мутная тема, не стоит зарываться в нее слишком глубоко.

– Признаю свою ошибку. – И паланкин чуть отъезжает от массивной стеклянной стены.

А вот теперь, решает Графенвельдер, самый подходящий момент, чтобы включить прожекторы и взъярить адапта. Он нажимает в кармане кнопку дистанционного пульта, пускает ток в мозг существа. Лучи света пронизывают водную толщу, выхватывают пловца из тьмы. Адапт взрыкивает и устремляется к стене, в глазах – пламя ненависти, видимое даже в сиянии ламп. Он врезается в слабую внутреннюю оболочку и разбивает стекло. Такое впечатление, что весь огромный аквариум вот-вот пойдет трещинами и развалится.

– Мы в полной безопасности, – заявляет Графенвельдер, не сомневавшийся, что леди Гудгласс в страхе отскочит от стены.

Но она остается на месте. Ни один мускул не дрогнул на ее лице.

– Вы правы, – комментирует она, – это хорошая добыча. Все же интересно, он и впрямь такой опасный, как выглядит?

– Поверьте, он опаснее стократ. Едва не прокусил мою перчатку, а ведь на мне был самый прочный скафандр.

– Может, ему не по нраву условия содержания? Не похоже, что он обрадовался, когда вы зажгли свет.

– Урсула, это экспонат. Ему и не должно здесь нравиться. Пускай спасибо скажет за то, что жив.

Леди Гудгласс смотрит на Графенвельдера заинтересованно, как будто он изрек нечто глубокомысленное.

– Карл, вы в самом деле так считаете?

– Да, именно так.

Она снова поворачивается к аквариуму. Экспонат висит сразу за стенкой, заякорившись пальцами и хвостовым плавником. Трещины в стекле разбежались во все стороны, и кажется, что адапт замерз в огромной снежинке.

Урсула снимает перчатку и касается рукой гладкой, невредимой внешней стены, как раз напротив перепончатой кисти адапта. И тут Графенвельдер замечает клинышки бледной кожной ткани между пальцами женщины. Эта молочная полупрозрачность – точно такая же, как у пленника. Урсула распрямляет ладонь, прижимает ее к стеклу, и адапт копирует движение.

Кажется, в бестиарии внезапно воцарилась стужа. Мгновение контакта растягивается в минуты, часы, века. Графенвельдер смотрит в полнейшем ступоре, не в силах осмыслить увиденное. Когда женщина ведет ладонью по стеклу, адапт подражает с точностью опытного мима.

Она делает шаг вперед, касается холодной поверхности щекой. Адапт прижимается к расколотой внутренней стене, поза – точь в точь как у Урсулы. И кажется, будто их лица слились.

Леди Гудгласс отстраняется от стены и с улыбкой смотрит на адапта. Тот пытается имитировать ее мину, с усилием растягивает рот. Улыбка выходит скорее пугающей, чем успокаивающей, но нет сомнений, что пленник действует осознанно.

Наконец к Графенвельдеру возвращается способность говорить. Голос звучит неестественно, как будто доносится из соседнего помещения.

– Что вы делаете?

– Здороваюсь с другом, – отвечает Урсула, повернувшись к нему. – А вы что подумали?

– Это же адапт! Он вас не знает! И вы не можете его знать!

– Ах, Карл, – произносит она с жалостью, – неужели еще не догадались? Да конечно, все вы уже поняли. А если нет, взгляните снова на мою руку.

– Не нужно. Я увидел.

Она отстраняет ладонь, но еще касается стекла подушечкой пальца.

– Ну а коли так, скажите, что она вам напоминает? Или смелости не хватает ответить самому себе?

– Довольно, – говорит он. – Не знаю, что за игру вы затеяли, но уж точно она претит духу Кольца. Извольте немедленно улететь.

– Мы еще не закончили, – улыбается леди Гудгласс.

– Что ж, если не желаете по-хорошему, я вам обеспечу сопровождение до шаттла.

– Не спешите, Карл. Есть проблема, которую нам с вами нужно решить. Вы же не думаете, что отделаетесь так легко?

– Уходите!

– Или что? Натравите на нас слуг? – Она делает виноватую мину. – Боюсь, они не услышат. Наш шаттл с момента стыковки занимается деактивацией охранных систем вашего анклава. – И прежде чем Графенвельдер успевает вставить хоть слово, она сообщает: – Когда вы пригласили нас взглянуть на взрослую гамадриаду, это была ошибка. Мы получили отличную возможность провести разведку и разработать комплекс мер для нейтрализации вашей защиты. Не зовите смотрителей, все они лежат без сознания. В прошлый раз паланкин оставил в каждом помещении, через которое мы проходили, микроскопическую капсулу с парализатором. Они были запрограммированы сработать при следующем нашем визите, выпустив быстродействующий нервный токсин. Смотрители, когда проснутся, не почувствуют ни малейшего недомогания, но это случится еще через несколько часов.

– Я вам не верю!

– А вы проверьте, – предлагает леди Гудгласс. – Зовите на помощь, посмотрим, что это даст.

Он задирает рукав и говорит в браслет:

– Это Графенвельдер. Немедленно в бестиарий, к аквариуму адапта.

Никто не отвечает.

– Не придут они, Карл. Здесь только вы, адапт и мы двое.

Через минуту Графенвельдер убеждается, что Урсула не блефует. Она захватила его анклав.

– Что вам от меня нужно?

– Вопрос не в том, Карл, что мне нужно от вас. Давайте обсудим, что вам нужно от меня.

– Простите, не улавливаю смысла.

– Спросите себя, почему вам так приспичило заполучить адапта? Только ли потому, что в коллекции появился бы еще один уникальный экспонат? Или причина крылась куда глубже? А что, если весь ваш бестиарий – обманка? Что, если он создан с единственной целью отвлечь всех – и даже вас самого – от подлинного предмета вашей одержимости?

– Это вы мне скажите, Урсула. Ведь вы, похоже, собаку съели на коллекционировании зверей.

– Я не коллекционер, – сухо отвечает она. – И вашего брата на

дух не переношу. Это просто маскировка, чтобы подобраться к вам. Конечно, проблем было немало: гамадриада, Тринтиньян… Кстати, я знаю, что вы попросили Шеллиса убить гамадриаду. Так и было задумано, и Шеллис сообщил вам о сделке со мной только для того, чтобы подцепить вас на крючок. Мне было нужно, Карл, чтобы вы мною заинтересовались. Неплохо получилось, правда?

– Урсула, вы никогда меня не интересовали. Только раздражали, как назойливое насекомое.

– Главное – результат. Вы на меня вышли, и теперь я здесь.

– А адапт? – спрашивает Графенвельдер, не без боязни угадывая ответ.

– Адапт – подделка. Не сомневаюсь, что вы это уже выяснили. Подделка отличная, что уж скромничать, но ей не двести лет, и она никогда не бывала на Европе.

– Рифуджио предоставил мне образцы. Откуда он их взял?

– Из меня, – отвечает леди Гудгласс.

– Вы спятили?

– Нет, Карл, я не сумасшедшая. Я адапт. – И Урсула снова демонстрирует перепончатую руку, протянув ее, как для поцелуя. – Это меня вы искали столько лет. Но признайтесь, вы совсем не ожидали, что финал поисков будет вот таким. Все это время я жила здесь, прямо у вас под носом.

– Вы – адапт? Это невозможно!

– Есть такая штука, называется хирургия, – снисходительно произносит леди Гудгласс. – Мне пришлось ждать, когда закончится плавящая чума – если бы не она, операции были бы не столь примитивными. На мое счастье, нашелся очень хороший хирург. Он переделал сердечно-сосудистую систему, и я получила способность дышать воздухом. Еще он дал мне ноги и человеческое лицо и голосовой аппарат, не нуждающийся в водной среде.

– А руки?

– Руки остались прежними. Надо же было сохранить частичку прошлого, как бы ни хотелось это прошлое захоронить поглубже. Я должна была помнить, как появилась на свет и что мне необходимо сделать.

– И что же?

– Разыскать вас, а затем покарать. Ведь вы, Карл, были тогда на Европе, в Кадм-Астерии, висячем городе. Влиятельный демархист в отделе Спецпроектов, где кромсались и сращивались наши ДНК.

– Чепуха! Не бывал я никогда на Европе!

– Вы там родились, – твердо произносит леди Гудгласс, – вскоре после того, как Сандра Вой основала город. Но эти

сведения выскоблены из вашей памяти – сейчас они были бы слишком опасны. Демархисты вовсе не заинтересованы в том, чтобы всплыли их давние ошибки. Демархисты пытаются внушить человечеству, что они чисты и непорочны по сравнению с варварами-сочленителями. Почти всех, кто имел отношение к тому мрачному периоду истории Европы, выследили и заставили замолчать. Но вас это не коснулось. Вы сыграли на опережение, и к моменту гибели городов вас уже не было на планете. Таранный лайнер доставил вас на Йеллоустон, где вы занялись переделкой своего прошлого. Эйдетические наложения дали вам фальшивую биографию, причем настолько убедительную, что вы сами в нее поверили. Разве что изредка по ночам, в бессонные часы одиночества, какая-то частица вашего мозга вспоминала, что они существуют, что они ищут вас.

– Они?

– Не только демархисты, подчищающие следы своих злодеяний. Эти-то не опасны; чтобы не подпускать их к себе, у вас достаточно денег и влияния. По-настоящему вы боитесь нас, адаптов.

– Если я вас сотворил, с чего бы мне бояться?

– Нет, Карл, вы не сотворили нас. Я сказала, что вы участвовали в проекте, но не вашими стараниями мы появились на свет. Вы занимались саботажем – делали все возможное, чтобы проект провалился. Банальное внутрикорпоративное соперничество: вы не могли допустить, чтобы кто-то из коллег добился успеха. Вот и вредили как могли, чтобы мы остались несовершенными. Из-за вас наш мир наполнился страданиями. Вы принесли нам боль, немощь и смерть, а потом сбежали, бросив нас в том океане.

– Чушь собачья!

– Да неужели? А ведь я видела, Карл, с какой легкостью вы совершаете злые дела. Вспомнить хотя бы ту убитую гамадриаду.

– Я не имею никакого отношения к адаптам!

Но еще не закончив эту фразу, он чувствует, как отваливаются слои ложной памяти, обнажая жестокую правду реального прошлого. Он видит то, что не вправе помнить: ярко освещенные площади, запахи, звуки Кадм-Астерия. И криокапсулу на борту таранного лайнера, который увезет его в другую систему, в другое время, в безопасность. Неудивительно, что после плавящей чумы ему спалось спокойнее. Подсознание верило: чума разорвала все связи с прошлым, теперь никто не сможет добраться до беглеца.

Как же он ошибался…

– Вам было необходимо найти адапта, – говорит леди

Гудгласс, – потому что тогда бы вы твердо знали: кому-то из них удалось выжить. Итак, вы получили ответ. И что сейчас чувствуете?

Отметины на черепе Урсулы – следы хирургических операций, это Графенвельдер понял еще при первой встрече. Оказывается, это совсем не та хирургия, что применяется для удаления имплантатов. Адапта превратили в человека. Ей бы ничего не стоило избавиться от шрамов, но она предпочла их не прятать. Только теперь Графенвельдер сообразил, что это было частью игры, в которую его втянули.

– Не то, чего мог бы ожидать, – отвечает он.

Леди Гудгласс понимающе кивает:

– Вы получите заслуженное наказание, Карл. Но это будет не смерть.

Мерзавка играет с ним, как кошка с мышью. Дает ему подержаться за надежду, прежде чем отобрать ее окончательно.

– А почему? – спрашивает он.

– Потому что мертвый экспонат – плохой экспонат. Когда мы здесь закончим, я передам вас в хорошие руки. – Она поворачивается к паланкину. – Пора вам кое-что объяснить. Я солгала насчет мужа. Эдрик был добрым человеком, заботился обо мне, любил. И делал большие деньги на мне – на той, кем я тогда была. К сожалению, он не увидел меня такой, какая я сейчас. Эдрик скончался в первые месяцы чумы.

Графенвельдер молчит. У него нет слов, нет вопросов.

– Наверное, вам хочется узнать, кто в паланкине, – продолжает леди Гудгласс. – Вскоре он выйдет. Правда, ненадолго – для него опасны споры чумы, очень уж много в нем механики. Но это обстоятельство не мешает ему выполнять работу, которую никто не умеет делать лучше него.

Шипит клапан, весь перед паланкина поднимается на блестящих поршнях. И первое, что видит Графенвельдер и что вызывает у него вопль ужаса, – это серебристая рука, сжимающая черную шляпу-хомбург.

А в следующий миг появляется лицо.

Последний экипаж «Лакримозы» [18]

Проснись!

Давай же! Очнись! Знаю, что не хочешь, но важно, чтобы ты постиг происходящее с тобой и – это не менее важно – чтобы понял, что случится дальше. Я знаю, ты не привык выполнять чужие распоряжения. Обычно все иначе. Поможет, если и дальше я буду называть тебя капитаном?

Ладно, пусть будет официально. Проснитесь, капитан Рашт.

Нет, не сопротивляйтесь. Только себе хуже сделаете. Вот так. Я немного ослаблю. Совсем чуточку. Теперь дышать легче? На вашем месте я бы не тратила силы на болтовню. Да, я знаю, что у вас куча вопросов. Но прошу, не совершайте ошибку, не тешьте себя фантазиями, будто болтовня хоть как-то вам поможет.

Нидра? Да, это я. Хорошо, что вы достаточно пришли в себя и смогли вспомнить, как меня зовут. Ленка? Да, Ленка жива. Я займусь Ленкой, я же обещала.

Нашла ли я Тетереву?

Да, я нашла Тетереву. Но выяснилось, что от меня было мало проку. Я с интересом выслушала все, что она сказала. Вам бы тоже понравилось, я так думаю.

Что ж, до этого мы еще дойдем. Как было сказано, вы должны понять, что случится дальше. В некоторой степени это зависит от вас самого. Правда, правда. Я не настолько жестока, чтобы лишить вас полностью власти над вашей собственной участью. Вы хотели прославиться, сделать что-то такое, что поразит другие корабли и другие экипажи. В общем, войти в историю.

Пусть они запомнят Рашта с «Лакримозы», говорили вы.

Дерзайте. Все в ваших руках.

– Я найду Мазамеля, – поклялся капитан Рашт, стискивая пальцы на шее воображаемого врага. – Даже если придется разобрать на кусочки Блистающий Пояс. Даже если придется доставать его со дна глубочайшей на свете пропасти. Я заживо сдеру с него шкуру. Запеку его кости. Сделаю из него носовую фигуру для своего корабля.

Нам с Ленкой хватило ума промолчать. Не было ни малейшего смысла указывать на очевидное: к тому времени,

когда мы вернемся на Йеллоустон, наш торговец информацией успеет удрать на световые годы от планеты.

Или сдохнуть.

– Нет, кости запекать не стану. – Капитан Рашт не успокаивался. – Вырву ему позвоночник. Канто вроде нужен был новый шлем для скафандра? Я выточу ему шлем из черепа Мазамеля. Башка у него здоровенная и круглая, обезьяне на шлем как раз сойдет, верно, приятель?

Рашт прервался, чтобы покормить Канто, сунуть кусочек лакомства в его вонючую, пестревшую гнилыми зубами пасть. Обезьяна восседала на его плече мохнатым прыщом.

Честно говоря, сведения Мазамеля оказались не то чтобы совершенно бесполезными. Во всяком случае, корабль был на месте. Кружил по орбите вокруг Хольды. Издалека он и вовсе выглядел практически целым. Лишь когда мы приблизились и сузили собственную орбиту, словно накидывая петлю, стало заметно, в каком плачевном он состоянии. Корпус, заострявшийся иглой, выглядел обшарпанным, повсюду проступали щербины – следы многочисленных столкновений с препятствиями в межзвездном пространстве. То же самое можно было сказать о нашей старушке «Лакримозе», – в конце концов, никакой корабль не в состоянии летать между звездными системами, не платя за это свою цену, – но повреждения находки смотрелись куда хуже. Сквозь дырки в корпусе были видны звезды, то есть эти дырки пронизывали корпус насквозь. Лонжероны двигателя, отходившие от корпуса в самой широкой его части, смахивали на изорванные крылья летучей мыши. Опять-таки издалека казалось, что сам двигатель имеется в наличии. Но нас ввели в заблуждение обломки крепежа. Место двигателя на самом деле пустовало, кто-то уже поживился опасным и таким манящим сокровищем.

– Надо проверить внутри, – предложила Ленка, пытаясь хоть как-то оправдать перелет сюда. – А может, стоит поискать и на поверхности.

– Что искать-то?

– Не знаю. На сканере видны какие-то геомагнитные аномалии в северном полушарии, например. Еще мы получаем обратное металлическое излучение. Вообще бред, конечно. Считается, что на Хольде толком нет магнитосферы. Ядро планеты слишком старое и холодное. Кстати, металл обнаружен приблизительно в той же области, что и аномалии. И концентрация довольно высокая. Может, звездолет или что-то другое.

Рашт поразмыслил и одобрительно заворчал себе под нос:

– Но сначала корабль. Нужно убедиться, что он не выпалит

нам в корму, когда мы развернемся. Совмещай орбиты, Нидра, но держи нас на безопасном расстоянии.

– Пятьдесят километров годится? – уточнила я.

Рашт призадумался.

– Нет, остановимся на сотне.

Это нечто большее, чем заложенная от природы осторожность? По правде сказать, я всегда сомневалась насчет вас, все гадала, можно ли верить вашим байкам.

Обычно мы не слишком суеверны. Но почему-то доверяем слухам и историям о призраках. Уверена, за долгие годы вы наслушались немало таких историй. Когда корабли встречаются в космосе ради торговли, истории расходятся дальше, а ты ведь наторговал изрядно. Точнее, до тех пор, пока удача не повернулась к тебе спиной.

Слыхали байку про космическую чуму?

Конечно слыхали.

Непонятно откуда взявшаяся зараза выкашивает экипажи кораблей. Она существует на самом деле, капитан? Что скажете? Если послушать других, никто не знает наверняка, никто не может подтвердить доказательствами.

А другие байки? Про жуткую черную пустоту среди звезд, якобы глотающую корабли? Тоже никакой конкретики.

Ясно только одно: дрейфующие в космосе брошенные командами корабли, которые притягивают грабителей, внушают малоприятные мысли. Нам следовало развернуться прямо там и тогда. Но попробуй мы с Ленкой переубедить вас, получилось бы у нас, как думаете? Вы же со своей обезьяной сюсюкались чаще, чем разговаривали с нами.

Да, с Канто все в порядке. Мы хорошо о нем заботимся. По-вашему, мы что, чудовища какие-нибудь бессердечные?

Ничего подобного, уж поверьте.

Нет, я вас не бросаю. Пока не бросаю. Нужно принести кое-какую добычу с шаттла Тетеревой. Обернусь быстро, вжик – и я тут. Вы узнаете предметы, когда их увидите. Вы же помните поврежденный звездолет, верно?

Нет, не корабль на орбите. Тот оказался пустышкой. Такая же древняя бесполезная хрень, как «Лакримоза». Ни двигателя, ни оборудования, ни команды – даже в криокапсулах никого. Груза нет, одни голые стенки. Его

обобрали дочиста.

Нет, я имею в виду ту штуку, которую мы обнаружили внизу, на месте катастрофы.

Хорошо, память к вам вроде возвращается.

Это радует.

– Это шаттл, – сказала Ленка.

– Был шаттл, – поправила я.

Руку на сердце положа, корабль оказался целее, чем все мы ожидали. Центральный отсек сохранился и теперь стоял торчком на поверхности. Его окружали многочисленные обломки, и на их фоне целехонький отсек выглядел чудом из чудес. По всей видимости, шаттл потерпел крушение совсем близко к поверхности, иначе от него не осталось бы ни единого целого фрагмента.

Место катастрофы окружал грязный снег, из которого тут и там били паром гейзеры. Над горизонтом вставало солнце Хольды – 82-я Эридана. Карабкаясь по небосводу, она своим теплом пробуждала гейзеры к жизни. Повсюду валялись камни, виднелись какие-то обширные пятна оттенка ржавчины. Чуть западнее ландшафт круто забирал вверх, формируя покатый холм. Я задержала на нем взгляд, гадая, чем он привлек мое внимание. Должно быть, формой – в ней ощущалось нечто странное, чужеродное, словно этот холм никак не вписывался в здешний пейзаж.

В отличие от разбившегося шаттла, мы совершили посадку вполне благополучно. Рашт посадил нас на участок, не внушавший опасений, выпустил посадочные опоры. Движок он вырубил еще на подлете, чтобы не выпарить снег под направленными вниз дюзами.

Интересно, повезет ли нам отыскать хоть что-нибудь в этих обломках? Звездолет на орбите откровенно разочаровал, и, в общем-то, шансы найти что-либо ценное здесь, внизу, тоже были невелики. Но мы все-таки надеялись – ведь это не запрещено, верно?

Мой взгляд словно сам собой то и дело возвращался к вулканическому конусу. Не считая макушки, он был весь в снежной или ледяной корке. Но от вершины отходили то ли гребни, то ли отроги, такие же покатые, постепенно уплощавшиеся, сливавшиеся с местностью вокруг. Наверное, застывшие выбросы лавы или что-то в этом духе. Впрочем, их изгибы – они причудливо извивались, толстые у основания и истончавшиеся дальше, – непроизвольно заставляли думать о цефалоподах. Вулкан – тело, гребни – щупальца… Творение

эволюции, дитя природы, плод геологических процессов, растянувшихся на миллионы лет, этот вулкан со своими отрогами походил на огромного паука, засевшего на поверхности планеты, затаившегося и терпеливо выжидающего в засаде.

Мне он категорически не нравился.

После быстрой проверки всех систем мы облачились в скафандры и приготовились к выходу. Убедившись, что все трое – Рашт, Ленка и я – экипированы полностью, я помогла капитанской обезьяне, у которой имелся собственный скафандр с ранцем жизнеобеспечения (капитан Рашт тут бы не справился, у него были слишком толстые пальцы).

Мы спустились на поверхность, аккуратно пробуя на прочность почву под ногами. Ну да, твердая, как и должно быть; впрочем, раз уж она выдержала вес нашего посадочного модуля… Сила тяжести на Хольде приблизительно соответствовала земной, и потому мы передвигались без затруднений, словно и не покидали корабля. Да и по размерам Хольда, обладавшая плотной атмосферой, напоминала Землю. Ее ядро остыло, однако она не умерла окончательно. Находясь в системе 82-й Эридана, вращалась она не вокруг своего солнца, а вокруг здоровенного полосатого газового гиганта, который мотался по орбите уже вокруг этой звезды. При вращении планета подвергалась воздействию приливных сил, регулярно стискивавших и плющивших ее недра. Подповерхностный жар выплескивался наружу гейзерами и вулканической активностью. С орбиты мы успели удостовериться, что бóльшая часть Хольды покрыта льдом, но на экваторе и в тропической зоне пролегали целые пояса голой земли, и там обнаруживались даже водоемы. Из них распространялась жизнь, проникавшая в бесплодную ледяную пустыню. Сканеры «Лакримозы» не выявили в местной экосистеме никого крупнее криля, но планетарной биомассы было достаточно для того, чтобы лишить атмосферу равновесия; другими словами – в ней хватало кислорода, и мы могли при необходимости пополнять запасы своих прожорливых респираторных систем.

Можно было бы рискнуть и выйти без скафандров, конечно. Но о холоде забывать не следовало; кроме того, скафандры гарантировали определенную безопасность и усиливали наши мышцы. И шлемы мы надели – на всякий случай. Зачем геройствовать понапрасну?

До места катастрофы было рукой подать. Мы гуськом двинулись между бурлившими водоемами, пересекая ледяные нагромождения. То и дело по соседству били гейзеры, вздымаясь на десятки метров над головой. Всякий раз при очередном

выбросе капитанская обезьяна ударялась в панику, но Рашт держал ее на коротком поводке и не давал удрать.

Чужой корабль до падения был изящен и красив – уж по крайней мере в сравнении с нашей приземистой, обшарпанной «Лакримозой». Среди обломков то и дело попадались листы зеркальной обшивки, и мы отражались в них гротескными, причудливо искаженными фигурами. Мы с Ленкой будто превратились в близнецов, наши перекрученные и удлинившиеся отражения окружало марево от водоемов. Да, мы с ней смотрелись одинаково, ведь обе располагали схожим набором аугментаций, а наши дреды доказывали, что мы совершили примерно равное – скромное – количество космических переходов. В портах, куда заносило наш корабль, нас порой принимали за сестер, даже за близняшек. Но на самом деле Ленка пришла на борт раньше меня; мы неплохо уживались, хотя между нами было мало общего. Все упиралось в амбиции и готовность мириться с обстоятельствами. Я служила на «Лакримозе» в ожидании, пока не подвернется что-то получше. А Ленка явно решила, что от добра добра не ищут. Временами я ее жалела, а временами презирала за то, как она позволяет Рашту командовать собой. Наш-то кораблик сам дышал на ладан. Я желала большего: лучшего корабля, лучшего капитана, светлых перспектив. В Ленке же ничего такого не ощущалось. Ее вполне устраивала роль винтика в крохотной полуразвалившейся машине.

Не исключено, правда, что Ленка ко мне относилась точно так же. И при всех раскладах каждый из нас рассчитывал, что новая вылазка окупится сторицей.

Отражения изменились. Мы с Ленкой резко съежились, а над нами нависла великанская туша нашего капитана. Следом в обшивке отразилась обезьяна; она выглядела крупнее всех, передние конечности свисали почти до земли, а задние напоминали самоходное шасси какого-нибудь робота.

Словом, мы четверо представляли собой то еще зрелище.

Наконец мы добрались до сравнительно чистого от обломков места. Пошли вокруг уцелевшего отсека, стараясь не зацепиться за иззубренные пластины корпуса. От удара их раскидало в разные стороны, и теперь они окружали стоявший торчком отсек подобно внешнему кругу камней древнего погребения; глаз непроизвольно усматривал в их разбросе некую тревожную концентричность, как если бы обломки располагались согласно какому-то неведомому плану.

Я подобрала – вырвала изо льда – мелкий обломок. Поднесла к лицу, уставилась на собственное кривое отражение.

– Может, гейзер их подбил, – проговорила я. – Ударил в

брюхо прямо в момент посадки. Угодил в воздухозаборники или в стабилизаторы… Бац – и готово.

– Канто!

Капитан опять орал на свою обезьяну. Канто только собрался сунуть лапу в попавшийся нам на пути водоем, как Рашт дернул за поводок, и животина плюхнулась на обтянутую скафандром задницу. В наушниках, настроенных на общий канал, раздалось гневное шипение. Выяснилось, что Канто успел-таки намочить лапу в местной воде, и орава микроорганизмов облепила его перчатку этакой второй рукавицей оттенка ржавчины, отчего лапа теперь казалась изрядно распухшей.

Больше того, тупая животина попробовала облизнуть лапу – прямо через шлем.

Ненавижу эту обезьяну.

– Вижу люк, – сообщила Ленка.

Я вернулась, капитан. Я же обещала, что отлучусь ненадолго. Уж я-то свое слово держу.

Нет, не дергайтесь. Будет только хуже, поверьте. Та петля на вашей шее не ослабнет – наоборот, затянется.

Ну что, узнаете? Они тяжелые, сразу все мне не дотащить. Попозже принесу еще несколько.

Молодец, правильно. Это фрагменты разбившегося шаттла. Все такие миленькие, да? Вот, давайте подвину один поближе. Видите свое отражение? Кривоватое, конечно, но тут уж ничего не поделаешь. Что-то напуганный у вас вид. Это хорошо, это полезно. Мне тут рассказали, что страх – последнее и лучшее наше ощущение.

Последнее и лучшее.

Последняя линия обороны.

Кто рассказал? Вы знаете, капитан. Мы наткнулись на ее шлем и на бортовой журнал.

Верно.

Тетерева.

Ленка сумела распахнуть люк и провернула маховик, открывая воздушный шлюз. Мы все вместе пробрались внутрь.

В коридоре было темно. Мы включили нашлемные фонари и настроили зрение на максимальную чувствительность. Отсек делился на несколько помещений, и все они, похоже, выдержали удар о поверхность. Мало-помалу стало ясно, что выжил и кто-то из экипажа. Кто-то явно передвигал предметы мебели и перекладывал постельное белье на койках, ведь вряд ли все это не полетело на пол в момент катастрофы.

Мы нашли шкафчик с оборудованием, где прятался старомодный шлем с большими, нанесенными карандашом русскими буквами: ТЕТЕРЕВА. Скафандра, кстати, в шкафчике не было. То ли это запасной шлем, то ли выживший дерзнул покинуть отсек в скафандре без шлема.

– Если произошла авария, почему корабль не выслал спасательную партию с орбиты? – вслух подумала Ленка.

– Может, Тетерева и есть спасательная партия, – ответила я.

– Или у них был всего один атмосферный шаттл, – добавил Рашт. – Невозможно ни прислать подмогу, ни улететь обратно. Но вопрос в том, почему они остались болтаться на орбите.

– Не хотели бросать эту Тетереву, – предположила Ленка.

– Сдается мне, умирать на орбите ради нее они не собирались, – возразил Рашт.

Мы продолжали обыскивать отсек. Нас интересовала не судьба загадочной Тетеревой, а те сокровища, которые она могла нам оставить. Впрочем, жизнь и добыча не то чтобы никак не связаны между собой. Любой космолетчик, любой ультра должен хотя бы чуть-чуть заботиться о других. И не просто потому, что забота о ближних заложена в человеческой природе. Нет, ультра хотят учиться на чужих ошибках, такие ошибки – тоже своего рода товар.

– Нашла журнал, – доложила я.

Он лежал на полке возле панели управления шаттлом. Заполняли его от руки и писали подробно, не ограничиваясь техническими данными.

Журнал обтягивала толстая и плотная черная обложка, но бумага внутри была очень тонкой. Я пролистала страницы. Почерк женский… Русский не относился к числу языков, в которых я была сильна, но разобрать этот почерк труда не составляло.

– Тетерева начала вести дневник после катастрофы, – сказала я, когда остальные подошли ближе. – Здесь сказано, что питание грозило выйти из строя, поэтому она решила действовать по старинке, не полагаясь на бортовой интеллект. Еды и питья достаточно, а питания хватало на поддержание температуры…

– Продолжай, – велел Рашт. Его обезьяна сосредоточенно изучала пострадавшую лапу.

– Сейчас, дайте разобраться. Похоже, она прилетела сюда в одиночку. – Я пролистнула страницы, щуря глаза. – Никаких упоминаний о спасательной миссии, вообще ни слова. Она словно знала, что спасать ее некому. – Приходилось внимательно следить за тем, чтобы аугментированные пальцы не порвали тонкую бумагу. Та ощущалась почти невесомой, как стрекозиные

крылья.

– Значит, наказание, – заключил Рашт. – Ее бросили тут одну за какое-то преступление.

– Дешевле было сразу пристрелить. – Я стала читать дальше. – Нет, это не наказание. Если верить журналу, конечно. Какое-то происшествие, гейзер, что ли, ударил… Она пишет, что боится, как бы он не ожил снова, как «в тот день». Короче, Тетерева поняла, что застряла. Что у нее проблемы. Пишет, что «допустила ошибку», не разбудив остальных. Прикидывает, нет ли способа подать сигнал на субсветовик на орбите. Такой сигнал, который пробудит экипаж из криосна. – Я помедлила, задержала палец над конкретным словом. – Лев…

– Лев? – повторила Ленка.

– Так она пишет. Мол, Лев ей поможет, если она сумеет послать сообщение. Да, ее накажут, но главное, что удастся покинуть Хольду.

– Может, она не должна была высаживаться на планете, – сказала Ленка. – Листай дальше, Нидра. Надо выяснить, что тут случилось.

Десятки записей, десятки десятков… Некоторые, с датами, были довольно подробными, но встречались и пустые страницы, и многодневные пропуски. Да и сами записи становились все короче. Почерк Тетеревой, изначально далеко не образец каллиграфии, делался все менее разборчивым. Буквы и слова петляли по страницам, как будто писал не человек, а сейсмограф, отмечавший сильные колебания в коре планеты.

– Стой, – произнес Рашт, когда я перевернула очередную страницу. – Вернись-ка назад. Что там за рисунок?

Я неохотно послушалась. Мне самой хватило и беглого пролистывания.

Рисунок изображал вулканический конус, вид на него от места катастрофы.

Быть может, всему виной дрожавшая рука Тетеревой, но неровные линии на бумаге словно усиливали то ощущение чужого злонамеренного присутствия, которое я испытывала снаружи разбитого шаттла. Тетерева укрупнила на рисунке паучью голову, изобразила лавовые отлоги более мускулистыми, больше похожими на щупальца. Даже штриховка, которой она, видимо, пыталась показать слой снега и льда, лично для меня смотрелась изображением множества присосок.

Хуже того, между двумя лапами-отлогами она нарисовала разинутую клювастую пасть.

Мы помолчали, потом Ленка сказала:

– Листай до конца. Другие записи прочтем позже.

Я не стала возражать. Последние несколько записей состояли каждая из одной-двух торопливо набросанных строчек.

Эти строчки откровенно пугали.

Не могу разбудить остальных. Все бесполезно. Мой милый Лев…

Такой милый мальчик. Хороший сын.

С моими ошибками я не гожусь ему в матери.

Застряла тут. Не сдаваться. Мне нужны сырье и топливо. В холме посмотреть? Магнитная аномалия. Выглядит странно. Что-то прячется внутри?

Американо здесь побывали, вот и ответ. Добрались на своем старье. Замороженные клетки, роботические родильни. Записей нет. Ну и что? Зарылись в холм, что-то туда запихнули. Корабль или машину какую-то. Вижу вход. Пещера. Так они прошли.

Не хочу идти туда. Но мне нужно их оборудование. Иначе я погибну.

Надо вернуться на звездолет.

Снова увидеть Льва.

– Никто сюда раньше не прилетал, – сказал Рашт. – Тетерева это знала, должна была знать. Колонисты не забирались так далеко.

– Она была в отчаянии и хваталась за все, что было под рукой, – объяснила Ленка. – Бедняжка, одна на всей планете. Спорим, она знала, что шансы у нее – один к тысяче?

– Меня беспокоит этот холм, – сказала я. – Есть в нем что-то странное. Быть может, американо тут ни при чем, но, когда не осталось иных возможностей, я бы тоже пошла проверять.

На рисунке, теперь мне стало это ясно, Тетерева изобразила не пасть, а вход в пещеру.

Но все равно в голову лезло сравнение с клювом осьминога.

– Мы знаем следующее, – подытожила Ленка. – Если Тетерева пошла внутрь того холма, обратно она не вернулась.

– Лично я никаких следов не видела.

– С такой геотермальной активностью, как здесь, следы быстро исчезают. Ледяная корка то схватывается, то снова тает.

– Мы должны побывать в пещере, – проронил Рашт.

Я замотала головой, в полной уверенности, что это будет глупо и опасно. Откуда взялась уверенность – не знаю. Наверное, чутье сработало.

– За труп Тетеревой нам никто не заплатит.

– Кто-то должен о ней позаботиться, – строго сказала Ленка. – Отдать последние почести. Хотя бы записать сведения о месте

гибели. Она ведь одна из нас, Нидра, она принадлежала к ультра. И заслуживает лучшей участи, чем забвение. Можно мне журнал?

– Держи. – Я передала ей блокнот в плотной обложке.

– Нидра права, искать тело погибшей нас не подряжали, – заявил Рашт, пока Ленка листала страницы. – Тетерева рискнула, но не справилась. Зато вот насчет американо – это любопытно.

– По записям их тут не было, – сказала я.

– Я и сам так думаю. Но записи вполне возможно подделать. Что, если Тетерева подозревала правильно? В наши дни американское добро ценится высоко, в особенности на Йеллоустоне.

– Предлагаю вернуться на орбиту и направить в пещеру дрон.

– Зачем, если мы уже внизу? – Рашт пожал плечами. – Нас трое, даже четверо, считая Канто. Ты заметила, насколько стар шлем Тетеревой? Наше снаряжение намного лучше, и от результатов вылазки наше выживание не зависит. Если прижмет, мы сразу вернемся. Сама знаешь, не рискнешь – ничего не добудешь.

Я мысленно чертыхнулась. Это он хватил, конечно, – дескать, наше полудохлое снаряжение лучше, чем какое-то другое. И потом, делать такие выводы из одного-единственного шлема, который нам попался? А может, это всего-навсего памятная вещица, воспоминание о бурной космической юности?

Но Рашт принял решение. Корабль на орбите разграбили, остатки шаттла ценности не представляли, так что какие-либо надежды сулила только пещера. Если нам и удастся хоть чем-то разжиться, то там, больше попросту негде.

Даже я понимала эту логику, неважно, нравилась она мне или нет.

Прошу прощения, я ненадолго отвлекусь. У меня есть срочное дело. Срочное, понятно?

Что я затеваю?

Ну, это же очевидно, капитан. Я раскладываю эти штуковины вокруг вас. Вдавливаю в лед, как зеркальные статуэтки. Знаю, вам тяжело вертеть головой. Вот и славно, ничего особенного вы все равно не увидите. За вами вход в пещеру, а впереди обломки шаттла.

Что вы сказали?

Нет, я стараюсь не ради вас. Какой глупый у нас капитан! Но можете считать себя центром внимания. Вам же всегда нравилось быть в центре событий, правильно?

Что?

Вам трудно дышать?

Сейчас, погодите. Не хочу, чтобы вы задохнулись, мы же толком еще не начинали. Хорошо, что так вышло, кстати. Ну, с лебедкой. Я ее разыскала, потом и трос попался. Да, повезло, хотя тогда я так не думала. Я думала, что сдохну. А вы вознамерились меня бросить, верно?

Сама знаю, что верно.

Вот. Я слегка ослабила натяжение. Так лучше? Дышать стало полегче?

Замечательно.

Мы выбрались из модуля. Обезьяна все жаловалась на лапу: местные микроорганизмы ухитрились проникнуть в перчатку и повредить сервопривод. Канто на ходу лупил перчаткой об лед, безуспешно стараясь ее сбросить.

– Никаких следов, – сказала Ленка, осмотрев окрестности в бинокль, закрепленный на макушке шлема. Обращалась она ко всем сразу, не желая выбирать между Раштом и мной. – Зато я вижу устье пещеры. В точности там, где его нарисовала Тетерева. Пять или шесть километров до цели.

– Можешь проложить маршрут в обход препятствий? – спросил Рашт.

– Легко.

Было светло, по местному времени дело близилось к полудню. Бледно-голубой небосвод испещряли белые полоски высотных облаков. За очертаниями холма проступала в небе махина газового гиганта – одна раздутая, отвратительная туша нависала над другой. Мы выстроились цепочкой: Ленка первая, за ней Рашт с обезьяной, за ними я. Дышали мы по-прежнему воздухом из ранцев, хотя визоры шлемов подтверждали пригодность здешней атмосферы для дыхания, а также уверяли (насколько позволяла чувствительность датчиков), что какие-либо ядовитые примеси в воздухе отсутствуют. Я не сводила глаз с хвоста обезьяны, который болтался передо мной, точно маятник. С обеих сторон нас окружали пузырящиеся водоемы, лишая свободы маневра, и поверхность этих водоемов регулярно пучилась огромными газовыми пузырями, а поблизости фонтанировали гейзеры. Плевать на токсины, тут и без них запашок наверняка стоит еще тот. С другой стороны, мы прилетели сюда на «Лакримозе», а на ее борту ароматы не сравнить с райским садом…

Внезапно – ничто меня не предупредило – ледяная корка под ногами лопнула. Тех, кто шагал впереди, она выдержала, но

совокупный вес тяжелых скафандров в итоге сказался, и последнему, то есть мне, выпало отдуваться за всех остальных.

Я провалилась по горло в горячую и бурлящую воду, инстинктивно замахала руками, будто вообразила, что смогу поплыть. Затем мои башмаки коснулись дна. Скафандр мгновенно определил переход в иную среду и принялся бомбардировать меня сообщениями об изменении статуса – по тыльной стороне визора заструились сведения о температуре, щелочности и солености жидкости, заодно с масс-спектрограммами и структурно-молекулярными схемами химикатов. У нижней кромки визора снаружи плескалась вода оттенка ржавчины.

Я не то чтобы испугалась, но это было… неожиданно. Голова моя торчала над водой, а скафандр был рассчитан на сопротивление куда более враждебным средам.

Но как выбраться на сушу?

– Нет, не надо, – запротестовала я, когда Ленка протянула мне руку. – Ты тоже провалишься, и мы будем плескаться вдвоем.

– Нидра права, – согласился Рашт.

Обезьяна таращилась на меня с неподдельным восторгом.

Ладно, Ленку отогнали, но пара минут беспомощного барахтанья четко дала понять, что без посторонней помощи мне не вылезти. Не потому, что сил не хватало, а потому, что не за что было уцепиться. Край водоема представлял собой ледяную корку, которая обламывалась, едва я на нее налегала. Все мои попытки приводили лишь к тому, что лужа становилась шире прежнего.

Побузив, я смирилась.

– Так не пойдет. – К тому времени рукава скафандра уже покрылись той же густой порослью, которая повредила перчатку обезьяны.

– Нужно ее вытаскивать, – бросил Рашт. – Иначе никак. Мы вроде стоим на твердой земле. Ленка, бегом в модуль за лебедкой.

– Есть вариант получше, – отозвалась Ленка. – Я видела лебедку в обломках шаттла. На вид она рабочая, кажется. Давайте сначала попробуем ее, а если что, до модуля сбегать недолго.

Обогнув водоем, в котором вынужденно купалась я, она отправилась обратно к месту катастрофы – по той самой дорожке, которую мы трое (четверо) проложили. Поскольку я смотрела из ямы, она быстро скрылась из глаз. Рашт и его обезьяна поглядывали на меня, но капитан, как ни удивительно, продолжительное время помалкивал.

– По-твоему, мы совершаем ошибку, – утвердительно

произнес он в конце концов.

– Мне не нравится этот холм и еще больше не нравится тот факт, что Тетерева из него не вышла.

– Мы не знаем точно, что с ней случилось, можем лишь догадываться. Не исключено, что она все-таки вернулась к шаттлу, а потом ее благополучно забрали.

– Почему тогда в журнале ничего об этом не сказано? Почему она не забрала журнал с собой?

– Ответы мы найдем в той пещере, Нидра. Это же наш девиз: приспосабливаться и исследовать. Мазамель подсунул нам откровенную лажу, так что приходится импровизировать.

– Вы получили ровно те сведения, за которые заплатили, – возразила я. – Недаром же другие капитаны стараются не вести дел с Мазамелем.

– Немного поздновато для обвинений, не находишь? Если тебе не по нраву твой нынешний капитан, поищи себе получше – тебя никто не держит. – Я было решила, что разговор окончен, но Рашт прибавил: – Я знаю твое отношение к «Лакримозе», Нидра. Ты презираешь меня, презираешь Ленку и наш корабль. Но теперь-то все иначе, верно? Без корабельной лебедки и без нашей помощи тебе не выбраться.

– А вы без навигатора далеко не улетите.

– Зря ты так уверена. Я взял тебя в навигаторы, а Ленку взял наблюдателем, чтобы отслеживала датчики. Но это вовсе не означает, что я не могу управлять «Лакримозой» самостоятельно, если придется. Вы полезны, но не незаменимы. Вы обе.

– Не сомневайтесь, я поделюсь этим откровением с Ленкой.

– Чего ради? Ее преданность никогда не вызывала у меня ни малейших подозрений. Она слаба эмоционально, отсюда все эти глупые переживания по поводу Тетеревой. Но против меня она не пойдет.

Обезьяна злобно захихикала. Между тем Ленка вернулась.

Лебедка представляла собой агрегат размерами с тяжелую вакуумную винтовку. Ленка несла ее двумя руками. У нас на борту была такая же, поэтому вопросов о том, как включать и как пользоваться, не возникло.

На тросе имелся захват, который выстреливался посредством патрона со сжатым газом. Ленка отсоединила этот захват, а сам трос, гибкий и тонкий, сложила петлей. Немного отмотала трос и бросила петлю в моем направлении. Я крепко ухватилась. Ленка убедилась, что стоит на твердой земле, включила усилители скафандра и принялась меня вытягивать. Трос завибрировал, принимая на себя мой вес. Дело шло медленно, но все-таки я смогла выбраться на окружавшую лужу ледяную корку. Отползла

на животе подальше от края и, постучав по льду для надежности, отважилась встать.

– Твой скафандр расползается, – заметил Рашт.

– Переживу. Можно подумать, я нарочно плюхнулась в эту дрянь.

Когда мы возобновили движение в сторону пещеры, выяснилось, что мой скафандр действительно получил тяжелые повреждения. Система жизнеобеспечения не пострадала, так что смерть мне не грозила, но вот двигательная аугментация изрядно сбоила. Сразу вспомнилась лапа противной капитанской обезьяны. Местные микроорганизмы, похоже, проникли в сервоприводы. Идти я могла, но скафандр реагировал с солидной задержкой, не столько помогал двигаться, сколько мешал.

Я даже вспотела, тщетно пытаясь угнаться за остальными. А проклятая обезьяна бодро скакала впереди. Ей-то что – она перемещалась на задних конечностях, с которыми все было в порядке.

– Спасибо, что приволокла лебедку, – поблагодарила я Ленку, тяжело дыша. – Молодец, что вспомнила про шаттл. Проторчи я подольше в той полынье, мне бы и вправду не поздоровилось.

– Я рада, что мы тебя вытащили.

Возможно, во мне взыграла именно благодарность за спасение, но я поклялась себе впредь относиться к Ленке лучше. Она влилась в экипаж раньше меня, но Рашт как будто ценил ее способности ничуть не выше моих. Что бы я ни думала об отсутствии у нее здорового честолюбия, о готовности мириться со своим положением на корабле, мне вдруг стало очевидно, что она заслуживает большего. Может, когда мы отсюда уберемся, я сумею достучаться до нее, втолкую, что для капитана она лишь полезный инструмент, подручное средство, которое вовремя подвернулось. Может, она тогда начнет смотреть на мир хоть немного по-другому. Перед мысленным взором промелькнула картина: мы вдвоем сходим с корабля в следующем порту, оставляем Рашта наедине с его обезьяной… Может, нас примут за сестер, за близняшек, и мы найдем новую работу для нас обеих…

Ближе к холму ледяная корка под ногами стала тверже, и необходимость проявлять повышенную осторожность отпала. Местность мало-помалу шла вверх. По обе стороны от нас тянулись те самые отлогие лавовые гребни, и каждый из них возвышался на десять, а то и на пятнадцать метров над нашей головой.

Впереди маячил зев пещеры, полукруглый, метров десять от земли – ото льда, естественно – в верхней точке. Лед, судя по всему, покрывал и пол пещеры. Склон холма над пещерой круто,

почти отвесно лез вверх, но над входом нависал своего рода козырек – гладкая, прозрачная ледяная шапка, тот самый клюв, изображенный на рисунке Тетеревой.

От входа было видно, что пещера изгибается и что ее пол действительно весь во льду.

– По-прежнему никаких следов, – доложила Ленка, когда мы приблизились.

По ледяной бахроме под ледяным же козырьком всякий мог догадаться, что здешний лед то подтаивает, то снова застывает. Некоторые сосульки были такими длинными, что совсем немного не дотягивались до поверхности. Рашт двинулся прямиком сквозь них, сметая бахрому плечами. Ледяные брызги с немелодичным дребезгом летели на пол.

Ленка вдруг воскликнула:

– Есть следы! Она точно здесь проходила.

Ленка не ошиблась. Следы начинались в нескольких метрах от входа, там, куда солнечный свет не проникал вовсе либо попадал крайне редко. Всего пара следов, в направлении вглубь пещеры, обратных не было.

– Вдохновляет, – скептически протянула я.

– Если ты так настроена, можем исключить тебя из доли, когда станем делить добычу, – предложил Рашт.

По-видимому, он успел убедить себя, что мифические американские сокровища существуют в реальности и что нам предстоит в скором времени обогатиться.

Мы снова включили нашлемные фонари, и Рашт, наклонившись, проделал эту операцию со шлемом обезьяны, слишком тупой, чтобы она справилась самостоятельно. Кстати, Канто вел себя возбужденнее обычного. Он крутил хвостом и упирался, так что Рашту пришлось буквально его волочить.

– Ему тут не нравится, – сказала Ленка.

– Может, тварь умнее, чем выглядит, – пробормотала я под нос, преодолевая сопротивление неисправного скафандра, мешавшего сделать следующий шаг.

Сама я целиком разделяла недовольство обезьяны. Зачем лезть в пещеру на чужой планете, если тебя никто не заставляет? Тетерева поставила на кон свое выживание, но у нее не было выбора: она рассчитывала обнаружить некие технологии, при посредстве которых имелся шанс спастись. Нас же ничто не вынуждало, мы руководствовались только желанием хоть как-то компенсировать себе перелет в эту систему.

Ледяной пол пещеры резко пошел вниз. Стены, впрочем, были свободны ото льда, и мы подались левее, используя трещины в стене как опору для рук, а ноги так и норовили поскользнуться.

Обезьяна, которую Рашт волочил на поводке, жалобно пищала, ее писк становился все громче, а нежелание идти с нами – все отчетливее.

– Да уймись ты! – прикрикнул Рашт.

Тоннель постепенно суживался. Сделалось темно, всякие проблески дневного света остались позади. Мы продолжали путь, следуя указаниям Тетеревой (она, конечно, о нас не думала, но мы пользовались ее метками на льду). Раз или два ее следы двоились и даже троились, словно вдруг у нее объявились попутчики. Эта мысль меня грызла, пока я не сообразила, что в этих местах она топталась на месте, разворачивалась, но неизменно стискивала зубы и снова шла в первоначальном направлении.

Я ей сочувствовала.

– Впереди что-то есть, – подал голос Рашт. – Вижу какое-то свечение. Выключаем фонари.

– С обезьяны начните, – процедила я.

– Как скажешь, Нидра.

Рашт подтащил к себе Канто и выключил его фонарь, а мы последовали его примеру. Капитан оказался прав. Далеко впереди мерцала серебристая полоска света. Почему-то возникало впечатление, что этот свет исходит не из одного источника, а сразу из множества, например от скальных пород или минералов в стенах пещеры. Возможно, те же породы залегали в стенах и ближе ко входу, просто мы не замечали их из-за дневного света. Но мне казалось, что там, наверху, их не было, что они появились ниже.

– Я не геолог, – проговорила Ленка, озвучивая те же мысли, которые, видимо, посетили каждого из нас. Мы понятия не имели, о чем свидетельствует это свечение, является ли оно природным, или нам пора насторожиться.

Вскоре всякая потребность в нашлемных фонарях отпала. Даже вернув глазам нормальную чувствительность, мы видели в сумраке достаточно хорошо и смогли разобрать, что светятся и вправду прожилки в стенах. Они складывались в полосы, треугольники и завитки, в текучие формы, застывшие в миг максимальной гидродинамической комплексности. Для меня они выглядели не слишком-то естественными, но что я знаю о горных жилах? В своей жизни я чаще наблюдала внутренности кораблей, а не планет. А планеты, как известно, битком набиты зубодробительной физикой.

Мало-помалу склон стал более пологим, затем пол и вовсе выровнялся. Сейчас мы находились в сотнях метров от входа в пещеру, скорее всего, глубоко под заснеженной поверхностью.

Было бы разумнее послать на разведку дрон, подумалось мне. Но наш капитан никогда не отличался ни здравомыслием, ни долготерпением. К тому же Тетерева вряд ли имела дроны в своем распоряжении. Вспоминая записи в бортовом журнале, короткие, обрывочные, исполненные отчаяния, я не могла отделаться от иррационального ощущения, что мы ее подведем, если не пройдем по следам этой незнакомой женщины до самого конца. Было ли ей страшно, когда она брела по этому тоннелю? Или ее больше пугала вероятность умереть в одиночестве в шаттле? Вот уж не знаю. У меня-то от страха чуть зубы не стучали.

Но мы шли дальше.

Тоннель расширился, его стены раздвинулись. Мы остановились передохнуть в этой подземной пещере, принялись разглядывать затейливые узоры жил, которые все вместе ползли вверх, к сводчатому потолку.

Тогда-то мы и увидели то, чего не должны были увидеть.

Нам следовало развернуться и уйти, не теряя ни секунды, верно? Эти фигуры прямым текстом намекали: сматывайтесь, уносите ноги, пока целы. Какое еще предупреждение нам требовалось?

Что вы говорите? Тетерева пошла дальше?

Разумеется, пошла. У нее не было иных вариантов. Она не могла убраться с планеты, не найдя в пещере что-нибудь этакое, что позволило бы ей добраться до корабля на орбите. Вернуться к шаттлу означало обречь себя на смерть, так что она ничем, в общем-то, не рисковала.

Сомневаюсь, кстати сказать, что ей хотелось идти дальше. Оставайся у нее хоть капля здравомыслия, она наверняка чувствовала бы себя в точности так, как чувствовали мы. Ей было страшно до охренения. Рассудок требовал возвращаться, ни в коем случае не лезть глубже.

Там скверно, скверно, скверно.

Но Тетерева полезла. Храбрая, думавшая о своем сыне. Она хотела снова его увидеть. Думала о нем, а не о собственном выживании.

Говорите, мы такие же? Такие же храбрые?

Капитан, не оскорбляйте ее память. Нас вела только и исключительно жадность.

Долбаная жадность. Единственное в этой вселенной, что сильнее страха.

Но и жадности в конце концов оказалось мало.

Серебристые жилы переплетались и закруглялись, образуя внешние границы громадных фигур. Эти фигуры были гуманоидными, с руками, ногами, головами и торсами – как положено. Худые, почти скелеты, а торсы и конечности все какие-то перекрученные, словно сама порода изрядно сместилась уже после того, как эти изображения были на нее нанесены. Лица отсутствовали, если не считать двух больших глаз в полушариях с расщелиной посредине, намекавших на череп.

Причудливость этих фигур, сочетание человеческого облика с инопланетной чужеродностью поразила меня сильнее, чем я могла бы высказать в словах. Чудовища, пожалуй, тоже внушили бы страх, но все-таки не настолько глубокий, сродни первобытному ужасу, какой вселяли эти фигуры. Серебристые очертания мерцали и переливались, отчего возникала иллюзия непрестанного движения. Казалось, что уродливые, безликие фигуры корчатся в немыслимых мучениях.

Никто из нас долго не отваживался заговорить. Даже обезьяна прекратила ныть, погрузилась в угрюмое молчание. А я про себя порадовалась возможности передохнуть и восстановить силы после недавних испытаний.

– Если это не предостережение, то что же тогда? – произнесла наконец Ленка.

– Я хочу узнать, что сталось с Тетеревой, – сказала я. – Но не любой ценой. Нам не стоит идти дальше.

– Еще как стоит! – воскликнул Рашт. – Это лишь картинки!

Но голос слегка дрожал, и говорил капитан чуть громче обычного, словно нуждался в ободрении.

– Похожи на людей, на предков людей, – сказала я, прикидывая в уме, можно ли определить возраст этих изображений.

– Скорее на предков сочленителей, – поправила Ленка. – Или жонглеров. Тут не угадаешь. Потребуется специальное оборудование для измерений. Сначала установить возраст камня, потом выяснить, что это за жилы…

Если коротко, она предлагала вернуться в модуль. Я была обеими руками за.

– Тетерева пошла дальше, – напомнил Рашт.

Ее следы вели в разных направлениях, будто она задержалась в этой пещере, принялась расхаживать туда и сюда, решая, как поступить. Но затем приняла решение: следы повели глубже в тоннель за пределами пещеры.

Обезьяна фактически отказалась идти самостоятельно, и Рашту пришлось взять ее на руки. Что-то не припоминаю, подумалось мне, за ней такого упрямства.

Мне и самой становилось все труднее подавлять одолевавший меня страх. В нем было что-то еще, помимо инстинктивного недоверия к замкнутым пространствам и объяснимого испуга от лицезрения фигур на потолке. Что-то вроде глубинного, неодолимого, дикарского желания убежать, словно мое подсознание так и норовило сделать за меня разумный выбор.

– Чувствуете? – спросила я остальных.

– Что именно? – проворчал Рашт.

– Страх.

Капитан ответил не сразу, и я даже успела подумать, что окончательно уронила себя в его глазах, будто мне было мало оспаривания команд. Но вмешалась Ленка.

– Да, – выдавила она, сглатывая. – Я не хотела ничего говорить, но… да, я чувствую. Понять не могу, откуда он берется. Он совсем не похож на обычный, рациональный страх. – Она помолчала и прибавила: – По-моему, нас заставляют ощущать его.

– Заставляют? – переспросил Рашт.

– Быть может, виновато магнитное излучение. Оно здесь сильное, намного сильнее, чем снаружи. До сих пор мы сталкивались с ним лишь постольку-поскольку. Наши скафандры – это вам не идеальные клетки Фарадея, после всех повреждений и ремонтов за много лет. Они не в состоянии полностью изолировать нас от по-настоящему сильного излучения. А если поле начнет воздействовать на конкретную часть мозга, мы как раз будем ощущать страх… ужас сверхъестественный…

– Это защитный механизм, – твердо сказал Рашт. – Работает устройство, которое должно отпугивать незваных гостей.

– Может, прислушаемся? – язвительно спросила я.

– Значит, впереди спрятано что-то, достойное такой защиты.

– У американо, кажется, не было подобных психотехнологий, – сказала Ленка.

– Зато они были у других. Мне что, каждую мелочь вам разжевывать? Зачем мы прилетели в эту систему? Не потому, что надеялись найти реликты американо. Мы прилетели за большим кушем!

Мой страх усилился, хотя я думала, что это невозможно. Я поняла, куда клонит капитан.

– Нет никаких доказательств того, что здесь побывали сочленители.

– Говорят, пауки любят прятать свои игрушки в пещерах, – продолжал Рашт, напрочь меня игнорируя. – Двигатели класса С, оружие класса «Ад»…

Я не удержалась от смешка:

– А я-то считала, что мы верим разведчикам, а не детским сказкам!

– По-моему, ходили слухи, что кто-то нашел такое оружие, – возразила Ленка, которой вдруг вздумалось поддержать капитана.

Рашт перешел на заговорщицкий шепот, будто опасался, что у стен есть уши:

– Болтают, что они умели внушать страх. Этот страх проникал в твой череп, лишал тебя воли и разума, сводил с ума. Одни пауки ему неподвластны…

Тогда я осознала, что и смертельный ужас не станет для Рашта препятствием в погоне за добычей. Он явно готов менять одну призрачную награду на другую, снова и снова, пока реальность не даст как следует по кумполу.

– Мы уже зашли далеко, – изрек Рашт. – И можем пройти глубже.

– Чуть-чуть, – согласилась я, вопреки инстинкту, вопившему благим матом. – Разве что чуть-чуть.

Мы покинули пещеру. Ленка задавала скорость передвижения, ведя нас по следам Тетеревой через следующий тоннель с каменными стенами. Поначалу перемещаться было не труднее, чем раньше. Но внезапно стены тоннеля стали сходиться все ближе. Мы вынужденно построились цепочкой, хотелось нам того или нет. Потом Ленка сообщила, что впереди стены смыкаются совсем плотно, будто там завал или естественная преграда.

– Какая жалость! – фальшиво поплакалась я.

– Можно взорвать, – сказала Ленка. – Поставить пару зарядов на максимальную задержку, самим пока вернуться в модуль… – Она приготовилась снять один из зарядов с пояса.

– И заодно обрушить весь холм, – добавила я. – Плевать на тоннель с пещерой, на следы Тетеревой. Давайте разнесем на атомы все то, за чем мы сюда поперлись.

– Обратных следов нет, – указал Рашт. – Выходит, должен быть какой-то проход.

– Или этой преграды тут раньше не было, – ввернула я.

Проход действительно нашелся. Его было непросто заметить из-за игры света и тени на каменных стенах, как если бы он сознательно прятался от нас.

– Узко, – заметила Ленка. – Но если по одному, то должны протиснуться. Будем надеяться, что с другой стороны станет шире.

– Пока нам везло, как утопленникам, – проворчала я.

Ленка полезла первой. Ей пришлось туго, значит Рашт, сложенный куда плотнее, рискует застрять. Ленка закряхтела,

запыхтела, ее скафандр заскрежетал по камню…

– Осторожнее! – крикнул Рашт.

Из щели торчали только башмаки.

– Дальше проще, – доложила Ленка. – Это просто горловина. Тоннель расширяется, и я опять вижу следы Тетеревой.

Рашт с обезьяной были следующими. Канто, мысленно отметила я, продолжал упрямиться, не захотел лезть в щель перед хозяином. Рашт выбранился и полез сам, скребя скафандром по каменным стенам. Вот даже интересно, неужели протиснется? Конечно, он мог бы снять скафандр – потерпеть здешнюю холодрыгу ради своих сокровищ. Насколько мне было известно, трудности капитана не смущали, помани его достойной наградой – он согласился бы и на худшее.

– Все, пролез! – крикнул он с той стороны.

Канто дернули за поводок, принуждая ползти следом, но обезьяна все упиралась, категорически не желая соваться в дыру. Я на мгновение прониклась сочувствием к бедному животному. Быть может, магнитное излучение действовало на него сильнее, чем на людей, проникало глубже, в самые сокровенные места его сущности…

Впрочем, решать было не ему. Рашт натянул поводок, а я подтолкнула обезьяну со своей стороны. Пришлось усилить искусственные мышцы скафандра до максимума. Канто брыкался и царапался, укусил бы меня, наверное, если бы мог, но его голова уже очутилась в дыре.

Когда и я присоединилась к остальным, мы продолжили движение.

Прошли от силы сотню метров и увидели, что тоннель раздваивается. Нет, расстраивается. Перед развилкой на полу имелось множество следов.

– Похоже, она заглядывала во все три, – сказала Ленка.

Сюда нас привела единственная цепочка следов, значит, Тетерева в итоге ушла по какому-то из трех тоннелей. Но по какому именно? Следы совершенно перепутались. Должно быть, она забиралась в каждый тоннель и вылезала обратно по несколько раз, пытаясь принять верное решение. Многочисленность отпечатков не давала возможности угадать, каков был ее конечный выбор.

Мы в конце концов двинулись по левому из трех тоннелей. Он вел немного под уклон, постепенно лед под ногами сменился камнем, и стало понятно, что теперь на следы Тетеревой ориентироваться бессмысленно. Жилы в стенах по-прежнему сверкали и переливались, сплетаясь то в хитроумные узлы, то в длинные полосы. В голову настырно лезло сравнение с нервной

системой живого существа, каким-то неведомым образом внедрившегося в древнюю толщу скал.

– Что с твоим скафандром, Ленка? – спросил вдруг Рашт.

Ленка замедлила шаг:

– А что такое?

– Ты где-то набрала немного этого свечения. Наверное, когда продиралась через отверстие.

– Вы тоже, – сказала я, разглядывая капитана.

Быстро осмотрела себя. Светились мы все, обезьяна в том числе. У меня полоса серебристого свечения протянулась по правому рукаву, которым я, должно быть, мазнула о стену. И спина наверняка тоже светится, просто я не вижу.

Я коснулась мерцающей полоски, желая ее стряхнуть. Едва мои пальцы до нее дотронулись, свечение моментально перетекло и на них. Это произошло со стремительностью, которая меня напугала; так хищник нападает на жертву из засады. Я уставилась на перчатку, пальцы которой мягко пульсировали серебром. Сжала кулак, разжала. Скафандр вел себя ровно так же, как до сих пор, как было после вынужденного купания, и какого-либо воздействия на него я не ощутила.

– Нанотехнологии, – сказала я. – Скафандр их не опознает. Мне это не нравится.

– Будь они враждебными, мы бы уже в этом убедились, – ответил Рашт. – Идем же. Ну?

Нам стоило образумиться и повернуть обратно там и тогда. Все могло бы сложиться совершенно иначе.

Следующая пещера оказалась залом ужасов.

Просторная, как и предыдущая, она имела ту же форму, и из нее тоже уводил тоннель. Но на этом всякое сходство заканчивалось. Здесь содрогавшиеся в муках гуманоидные тела были повсюду, неведомые творцы не ограничились гротескными фигурами на потолке. Мы узрели телесные формы, трехмерные воплощения страданий, изувеченные, распотрошенные тела, торчавшие из стен, точно побитые непогодой и временем рострры старинных парусников. Эти тела были не из камня, не из загадочной серебристой субстанции, а из какой-то смеси того и другого. В полумраке искрились грудные клетки и туловища, распростертые руки, головы, вывернутые в бесконечной агонии… На сей раз нельзя было сказать, что фигуры лишены лиц, но эти лица казались неправильными, что ли. Или сплошные глаза, или одни рты, разинутые в оскорбительных ухмылках, или вовсе чудовищные кошмары, словно проступавшие прямо из скалы. Непрошеной явилась и поразила меня в самое сердце мысль о том, что это души пленников камня, невесть сколько

промаявшиеся в заключении, но нашедшие все-таки способ вырываться, пусть не до конца. Я не знала, то ли радоваться тому, что эти души не сумели освободиться полностью, то ли горевать и страдать, ибо в камне, это же очевидно, заключены тысячи других душ, алчущих свободы…

– Ненавижу это место, – негромко произнесла Ленка.

Я утвердительно закивала:

– Не ты одна.

Неожиданно вспомнилось предложение устроить в тоннеле взрыв, и мне пришло на ум, что это, пожалуй, не такая уж дурная идея. Само существование этого подземного зала ужасов казалось оскорблением всего сущего, и я поняла, что мой моральный долг побуждает стереть ее из вселенной.

Поставить заряды на максимальную задержку. Вернуться к модулю. Получится, если поспешить. Если никто не застрянет в узкой горловине.

Так. Или не так.

В этот миг треклятая обезьяна исхитрилась вырваться.

А, насчет того, что мы сделали с вашим скафандром?

Когда я на вас наткнулась у выхода из пещеры, моторы уж барахлили. Но до входа вы добрались, хотя это было непросто.

Вы молодец.

Отважный капитан.

Судя по всему, главной причиной отказа систем скафандра стали наноустройства, которых вы набрали в пещере. Рано или поздно скафандр обратился бы против вас, как случилось с Тетеревой. Подчинился бы внешнему управлению. Но вы успели улизнуть, и вам хватило сил преодолеть начальное сопротивление.

Мне было проще. Когда я провалилась в ту лужу, тамошние микроорганизмы меня облепили и, думаю, образовали что-то вроде барьера, изолирующую прокладку, которую наноустройства прогрызть не смогли. Может, они даже как-то сумели нейтрализовать наноустройства. Но не будем гадать, капитан. Если коротко, мне повезло.

Тогда я так не считала, но в нашей вселенной везение часто маскируется.

Вернемся к вашему скафандру.

Вас фактически парализовало, но для надежности, чтобы системы скафандра не начали восстанавливаться, я вскрыла основную панель управления и отключила всю

двигательную активность. Полностью, капитан. Ваш скафандр, в общем, сделался боевой броней, неспособной пошевелиться.

Почему ваши руки в таком положении?

Потерпите, не все сразу.

Да, вы стоите. Башмаки на земле, верно. Конечно, с петлей вокруг шеи вам вряд ли захочется терять равновесие. Предупреждаю, я вас подхватывать не стану. Но скафандр сам по себе тяжелый, так что, коли вертеться внутри не станете, упасть вы не должны.

Если решите, что жизнь вам надоела, вы теперь знаете, что делать, кстати.

Холодно?

Что-то я не удивлена, честно. На этой планете и вправду холодно, а на вас к тому же нет шлема. Пришлось снять, а то как бы я накинула петлю вам на шею?

Согреться, говорите? Ну, это легко. Ваша система жизнеобеспечения исправна, настраивайте температуру внутри скафандра, сколько влезет. Ах да, ваши руки. Я нарочно оставила их в таком положении, чтобы вы могли дотянуться до наручной панели. Ага, правильно. Дотянуться и нажать пальцами на нужные кнопки.

Но вот что я вам скажу. Пустяк, но важный. Кнопки позволяют выполнять одну-единственную операцию.

Повышать или понижать температуру в скафандре.

И все.

Почему?

Ну, сами подумайте. Помните обломки шаттла, которыми я вас любовно обложила?

Я не зря старалась.

Все они нацелены на вас.

Наверное, Канто спятил от страха, а проводок распустился, когда обезьяну волокли сквозь узкую каменную горловину. Так или иначе, животное с истошным визгом помчалось прочь, обратно к дырке в стене.

Мы все какое-то время молчали. Повисла глубокая тишина, будто мы трое вдруг превратились в безмолвные статуи. Даже после бегства Канто никто не проронил ни слова. Нам словно чудилось, что любой звук будет воспринят каменными уродами в стенах как сигнал выбираться наружу.

Мы с Ленкой переглянулись, встретились взглядами через визоры шлемов и синхронно кивнули. Потом дружно, но не

сговариваясь, покосились на Рашта. Капитан тоже выглядел напуганным.

Пошли обратно – Ленка, потом Рашт, потом я. Идти старались так быстро, как позволяли механизмы скафандров. Всем не терпелось убраться из зала ужасов, но я отметила про себя, что мне уже не приходится гнаться за спутниками. Мой скафандр сопротивлялся, как и раньше, но, похоже, контакт с серебристыми жилами на него не подействовал. А вот Ленка с Раштом передвигались куда медленнее.

Голос мне по-прежнему отказывал, хотелось одного: бежать и не оглядываться. Если у капитанской обезьяны есть хоть капля мозгов, тварь наверняка несется опрометью к выходу из пещеры.

Когда мы достигли развилки, с четырьмя, считая горловину, проходами, Рашт знаком велел остановиться.

– Канто выбрал не ту дорогу, – сказал он.

В хаосе следов на развилке было совершенно невозможно определить, какие из них принадлежали обезьяне. Я было хотела на это указать, но Рашт еще не закончил.

– Я поставил на его скафандр следящее устройство, на случай, если он… потеряется. – Капитан скривился, явно досадуя на то, что приходится сознаваться в недоверии к питомцу. – Вместо того чтобы бежать наружу, он свернул, по-моему, в этот коридор. – Рашт ткнул пальцем в проход справа. – Могу ошибаться, конечно, но я почти уверен.

Ленко проговорила негромко:

– Идем к выходу. Канто нас отыщет, когда сообразит, что свернул не в ту сторону.

– Правильно, – согласилась я.

– Я его не брошу, – возразил Рашт. – И вам не позволю.

– А что, если ваша обезьяна решила от вас удрать? – осведомилась я. – Как мы заставим ее вернуться?

– Сигнал не двигается. Судя по показаниям, Канто близко, метрах в двадцати или тридцати по этому проходу.

– Или вон по тому. – Я мотнула головой в сторону среднего прохода. – Или ваш датчик врет, а на самом деле обезьяна давно снаружи. Магнитное излучение вполне могло испортить трекер.

– Он там, внизу, – произнес Рашт, как обычно игнорируя меня. – Два коридора… Втроем мы быстро их проверим. Быстро поймем, какой нам нужен.

Ленка дышала тяжело, словно подражая мне. Я снова перехватила ее взгляд, прочитала на лице дурные предчувствия.

– Капитан, я знаю, Канто вам дорог…

– Эй, послушайте? – перебила я. – С вашими скафандрами все нормально?

– С моим точно неладно, – ответила Ленка. – Двигательные приводы отказывают. Прямо как у тебя.

– Ну, я бы не стала сравнивать. Я свалилась в лужу, помнишь? Двигаться можешь?

Ленка подняла руку, сжала и разжала пальцы.

– Пока да. Если совсем откажет, перейду на ручное управление. – Она внезапно зажмурилась, сделала глубокий вдох и вновь открыла глаза. – Ладно, капитан, – проговорила она, сделав саркастическое ударение на последнем слове. – Я проверю средний проход, раз уж вы настаиваете. Пройду тридцать метров, не больше, и вернусь. А вы идите в правый, коли считаете, что Канто рванул туда. Нидра подождет здесь, а то вдруг Канто сам прибежит, пока мы его ищем.

Мне не хотелось задерживаться под землей и тратить время на разведку проходов. Но предложение Ленки казалось разумным выходом из неприятной ситуации. И капитанское самолюбие потешим, и промедлим от силы несколько минут.

– Хорошо, – сказала я. – Жду вас тут. Но не думайте, что я стану ловить Канто, если он появится.

– Приятель, оставайся там, где ты сейчас, – попросил Рашт обезьяну по коммуникатору скафандра. – Мы идем за тобой.

Ленка с капитаном скрылись в коридорах, и я, глядя им вслед, не могла не отметить, какими неуклюжими сделались их скафандры. Ленка, чей скафандр был армирован легче, вроде бы справлялась, но капитану явно приходилось тяжело. Мне подумалось, что виной всему, видимо, серебристая субстанция, а мое вынужденное купание в луже с микроорганизмами пошло на пользу и защитило меня от последующей атаки. Объяснение смахивало на притянутое за уши, но лучшего у меня не было.

Я подождала минуту, потом вторую.

– Нидра, – окликнули меня по комму.

– Прием, Ленка. Слышу тебя. Ты нашла обезьяну?

Ответом была тишина, длившаяся будто столетие. Мой страх обострился до такой степени, что, обрети он материальность, им можно было бы резать и кромсать, как хирургическим ланцетом. Я ощущала всю его беспредельность, всю жестокость…

– Помоги мне, Нидра!

А вы вернулись, капитан. Отыскали свою треклятую безмозглую обезьяну и вернулись. Вы несли ее на руках, бережно, словно величайшую драгоценность во вселенной.

Зря я, конечно, срываюсь на Канто.

Глупая она-то глупая, но в случившемся бедная животина не виновата. Я вообще сперва решила, что

тварь сдохла, но потом заметила, что тело Канто трясется, и поняла, что он в ужасе и вцепился в вас как в свою последнюю надежду.

Его глаза, близко посаженные и отливавшие желтизной, были широко раскрыты. Обезьяна таращилась на что-то незримое.

Эту вашу скотинку я терпеть не могла, сознаюсь. Но ни одно живое существо на свете не заслуживает того, чтобы его так пугали.

Помните наш разговор под землей, капитан? Я сказала вам, что с Ленкой беда. С вашей верной Ленкой, послушной и покорной, которая всегда вас защищала и вечно принимала вашу сторону. Которая преданно вам служила на «Лакримозе». Что бы ни произошло между нами ранее, прибавила я, теперь мы должны действовать сообща. Должны ее спасти. Так заведено среди ультра. Когда кто-то из нас попадает в беду, остальные спешат на выручку. Мы лучше, чем думают о нас окружающие.

Но вы меня разочаровали.

Страх наконец-то вас подчинил. Я ошибалась, когда думала, что алчность пересилит. Ничего подобного. Точнее, все зависит от обстоятельств: обычно алчность побеждает страх, но если страха в избытке, то все выходит наоборот.

Я вас умоляла.

А вы отказывались спасать Ленку. И в конце концов ушли к выходу вместе с Канто.

Бросили меня одну выручать Ленку.

Идти пришлось недалеко. Я уперлась в преграду. Ленка угодила в ловушку, но еще не успела в нее врасти. Тетерева двигалась той же дорогой, много лет назад, и она-то как раз уже погрузилась почти полностью. Мне хватило беглого взгляда, чтобы оценить ситуацию, и понимание пришло раньше, чем я сообразила, что именно перед собой вижу. Ленке грозит участь Тетеревой, да и сама я, случись мне тут задержаться, рискую к ним присоединиться.

– Подойди ближе, Нидра, – позвал голос.

Я послушалась, осторожно, исподволь, подсвечивая включенным на полную мощность нашлемным фонарем преграду впереди – ее очертания проступали смутно, скорее, угадывались.

– Я пришла за Ленкой. Кем бы ты ни был, что бы с тобой ни стряслось, прошу, отпусти ее.

– Ленку мы еще обсудим. – Голос эхом раскатился под

сводом. – Подойди ближе.

– Ну уж нет.

– Тебе страшно?

– Да.

– Меня это радует. Это место призвано внушать страх. Ведь страх – наше последнее и лучшее прибежище.

– Наше?

– Я говорю о себе и моих предшественниках. Тех, кто был до меня, скитальцах, затерявшихся в космосе. Мы прибывали сюда на протяжении долгого, очень долгого времени. Столетие за столетием, сотни тысяч лет подряд. Подлинная бездонная пучина времени, не так ли? Это место нас манило и отталкивало, прямо как тебя.

– Жаль, что я не прислушалась к себе.

– Обыкновенно страха вполне достаточно. Чужаки поворачивают обратно, не пытаясь спуститься настолько глубоко. Тебе следовало поступить так же. Но ты оказалась храбрее многих! Прости, что храбрость завела тебя в мое логово.

– Не в храбрости дело. – Я помолчала и добавила: – Откуда ты знаешь, как меня зовут?

– Я слушала вас с того самого мгновения, как вы вошли сюда. Вы такие шумные! Болтаете, вопите, издаете бессмысленные звуки…

– Ты Тетерева?

– На твой вопрос нет однозначного ответа. Я помню Тетереву, довольно четко ощущаю ее личность. Порой я говорю через нее, а порой она говорит через нас. Мы все познали то, что принесла нам Тетерева.

Я не была знакома с Тетеревой лично, никогда не видела ее лица, но сейчас передо мной были всего две человеческие фигуры, и одна принадлежала Ленке, застывшей в неподвижности, плотно увязшей в серебристой паутине, нити которой мало-помалу обматывали ее скафандр, как если бы начиналась мумификация. Эти нити тянулись к фигуре крупнее, которая была Тетеревой и воплощала собой нечто иное.

Похоже, она попала в здешнюю ловушку в скафандре. Немногочисленные остатки одежды сохранились, но по большей части скафандр исчез – то ли его сорвали, то ли он растворился, то ли слился с окружающей субстанцией. Шлем, по конструкции аналогичный тому, который мы обнаружили на разбитом шаттле, раскололся пополам, и теперь его половинки обрамляли голову Тетеревой.

Если вообразить себе ловушку для мух, голова Тетеревой выглядела пойманным насекомым. Лицо бесстрастное, неживое,

глаза невидящие, пустые, но ни малейшего следа увядания или разложения. Кожа отливала жемчугом, как у тех фигур, которые мы наблюдали в зале ужасов. Она стала – или продолжала становиться – чем-то большим, нежели существо из плоти и крови.

Помимо Тетеревой – и Ленки, если уж на то пошло, – остальные формы ничуть не походили на человеческие. Преграда представляла собой скопление сплавленных воедино фигур, множество существ заключили в каменную оправу, и открывшееся зрелище сильнее всего напоминало какую-то чудовищную головоломку из переплетенных конечностей, торсов и остатков всевозможных систем жизнеобеспечения. Два или три существа в этой груде могли сойти за гуманоидов, насколько возможно было различить контуры тел. Но угадать, где конкретно их скафандры и прочее снаряжение перетекают в чужеродную анатомию, было крайне затруднительно, ибо серебристые щупальца окутывали всех существ с головы до ног, как бы пеленая или вдавливая в более древние нижние залежи биомассы. Кроме относительно гуманоидных форм, просматривались иные, куда более диковинные анатомии и следы чужих технологий.

– Я слыхала о космической чуме, – проговорила я, подбираясь к Ленке. – Считается, что это вымысел, но кто знает?.. У тебя чума?

– Во вселенной великое множество болезней, одни страшнее других. Даже намного страшнее. – В голосе проскользнуло веселье, будто мое невежество насмешило собеседника. – Нет. Ты видишь осознанное, целенаправленное творение ради общей пользы. Оно может показаться неряшливым, но так и задумано. Считай его способом защиты.

– Против мира снаружи? – уточнила я, дотрагиваясь до скафандра Ленки.

Попробовала оборвать серебристые нити и одновременно изо всех сил потянула Ленку на себя.

– Глупости! Я служу преградой для того, что способно уничтожить мир снаружи, если оно вырвется!

– Тогда я не понимаю. – Я перевела дух: силы быстро иссякали. – Ленка должна стать частью тебя? Это ты замышляешь?

– Ты готова предложить себя вместо нее? Ты действительно этого хочешь?

– Я хочу освободить Ленку. – Сообразив, что у меня ничего не выходит, поскольку оборванные щупальца тут же присасывались снова, я попятилась и встала, широко расставив ноги для лучшей устойчивости. – Она пришла сюда за обезьяной, а не затем, чтобы

причинить тебе вред. Никто из нас на тебя не покушался. Мы просто пытались узнать, что случилось с Тетеревой.

– Значит, Тетерева – все, что тебя интересует и заботит? Больше тебе ничего здесь не нужно?

– Мы прикидывали, что может скрывать пещера. – Я решила, что врать нет смысла, даже ложь во спасение не поможет. – Думали отыскать реликты американо или заначку сочленителей. Засекли геомагнитную аномалию. Кстати, это твои происки? Если да, не вини нас в том, что мы ее заметили. Раз не терпишь гостей, прячься как следует!

– Увы, это за пределами моих возможностей. С твоего позволения, Нидра, я расскажу кое-что о себе. А потом мы поговорим о Ленке.

Вам любопытно, что я узнала, капитан? Хотите послушать? Отвлечетесь немного от холода…

Вам все равно придется меня выслушать. Это будет полезно. Поможет правильно понять вашу роль в событиях, догадаться, зачем вы понадобились. И оценить, насколько важную, бескорыстную службу вы нам сослужите.

Она тоже скиталась среди звезд.

Я не про Тетереву, а про первое существо – сущность, – открывшее эту планету. Космическая странница… Можно прикинуть, это произошло давным-давно, невесть когда. Она попыталась втолковать мне, но мое воображение как-то резко отказало. В общем, для простоты пусть будет вечность назад. Когда звезды, которые мы видим сегодня, еще не родились, а старые светила были намного моложе. Когда сама вселенная была меньше, чем сейчас. Когда юные галактики еще разбегались…

Уж не знаю, она ли постаралась, магнитное излучение сказалось или на меня подействовал тот пресловутый страх. Но когда она говорила о непостижимом времени, я ощутила этакое космическое головокружение, будто очутилась на осыпающемся краю тверди, а под ногами у меня – подлинная бездна…

Падать не хотелось, вот как на духу признаюсь.

Разумное решение, верно? Думаю, вы согласны?

Вселенная всегда воспринимается как нечто древнее. Это, если хотите, вселенская истина, непреложный факт жизни. Для нее – этой сущности – вселенная тоже была древней, затянутой патиной времени. Понимаю, это

непросто осознать. Человеческая цивилизация – всего лишь последний камешек в длинном-предлинном ряду, последняя на сегодня черточка на скрижали мироздания. Мы – прах и пыль, мы пока не оставляем следов.

Но для нее успело произойти великое множество событий. Возникали и гибли бесчисленные культуры и цивилизации, творились славные дела и свершались тягчайшие злодеяния. Появлялись чудовища, бродили слухи о каком-то немыслимом зле…

Она скиталась в космосе долгие столетия, долгие даже по меркам ее собственного вида. Путешествовала со скоростью, близкой к скорости света, посещала мир за миром.

Если искать подходящее определение – хотя зачем? – можно назвать ее археологом, ученым, изучающим обломки прошлого.

Вы как, слушаете?

Однажды, в незапамятные времена естественно, она наткнулась на что-то занятное. На то, что отчасти хотела, а отчасти страшилась найти. Как там говорится? Смерть и слава на кончике ножа?

Уж нам ли с вами о том не знать, а?

Ваш палец дернулся. Пытаетесь температуру регулировать? Валяйте. Ну, смелее. Я вмешиваться не собираюсь.

Вот так. Лучше, да? Чувствуете, как тепло стекает вниз от шеи, как оно прогоняет холод? Намного приятнее, согласна. Энергии в скафандре достаточно. Не беспокойтесь насчет того, что она закончится. Устраивайтесь поудобнее, так сказать.

Слушайте, я не издеваюсь. Говорю как есть.

Жарко? Так сделайте холоднее. Пусть клетки кожи отмирают, пусть лицо потихонечку отмерзает. Пусть глазные яблоки начнут лопаться, в конце концов.

Вернемся к рассказу.

До нас доходили слухи о чуме. Она же услыхала о пагубе намного кошмарнее. Мол, есть нечто, затаившееся среди звезд и выжидающее. Нечто древнее любой культуры, известной сородичам моей новой подруги. Своего рода механизм, который отслеживает дерзкие и активные цивилизации вроде той, что сложилась у них. Или у нас, кстати.

Нечто, наделенное разумом и целью.

Короче, она его нашла.

– У меня нет оснований думать, что ты не прикончила Ленку, – процедила я.

Когда стало понятно, что выбирать особенно не из чего, на меня вдруг снизошло спокойствие, порожденное отчаянием.

– Поверь, с ней все хорошо, – ответил голос. – Скафандр обездвижен, и мы установили ментальный контакт, чтобы лучше оценить ее полезность. Но в остальном она не пострадала. Эта Ленка много путешествовала. Мне есть чему поучиться.

Я помолчала.

– Ты сильная?

– Какой странный вопрос.

– Ну, не то чтобы странный… – Я сунула руку под нагрудник, пошарила там, и мои пальцы нащупали брикет взрывного заряда. Я извлекла заряд – размером с гранату – и протянула вперед, как бы предлагая дар или подношение. – Смотри. Надеюсь, ты забралась достаточно глубоко в сознание Ленки и сможешь понять, что это такое.

– Нет, не настолько глубоко. Но Тетерева знает.

– Хорошо. А что конкретно известно Тетеревой?

– Что у тебя в руках брикет антиматерии.

– Правильно.

– И сила взрыва составит…

– Пару килотонн. Это немного, согласна. Едва хватит, чтобы расколоть напополам астероид. Понятия не имею, как подействует на тебя.

Обеими руками, с усилием, я начала сгибать брикет посередине, чтобы добраться до активатора. Тот представлял собой тускло сверкающий красный диск. Я прижала к диску большой палец, сразу вообразила крошечную, с крупицу пыльцы, частицу антиматерии, плавающую в вакууме внутри заряда.

– Ты готова покончить с собой, Нидра? Или там есть таймер?

– Должен быть, но я не уверена, что успею вовремя добежать до модуля. И потом, я знать не знаю, что ты учинишь, когда я убегу. Если ты сумела обездвижить скафандр Ленки, то, глядишь, и заряд сможешь обезвредить.

– Ты убьешь Ленку.

– Нет, если ты ее отпустишь. А если заупрямишься, то уж пусть лучше она погибнет так, чем ты ее в себя засосешь.

Я поелозила кончиком пальца по диску, еле удержалась от искушения нажать посильнее, хотя соблазн был велик. Ведь все произойдет мгновенно, прошлое, настоящее и будущее сольются воедино в ослепительной очищающей вспышке…

Мне и вправду этого хотелось.

А вы бы что выбрали, капитан?

Что? В чем ее ошибка?

Ну, это просто. Та тварь, которую она отыскала в обломках чужого корабля, показалась ей мертвой. Бесполезное дохлое скопище черных кубиков в корпусе корабля, что-то вроде отметины, оставленной инфекцией. Зараза не распространялась, не уничтожила обломки, не успела трансформироваться в нечто более крупное и намного более опасное. Короче, у моей новой подруги не было причин думать иначе.

Скажете, вот дура?

Не мне ее обвинять.

И не вам.

Выяснилось, что машина впала в спячку. Когда моя подруга улетела с той планеты и легла в криосон, черные кубики начала оживать. Они росли и в размерах, пробовали на прочность клетку, в которую их поместили. Корабль разбудил хозяйку и спросил, как быть. Ее корабль, к слову, был почти разумен; он беспокоился за нее и опасался за себя.

Она не знала ответа.

Попыталась усилить поле вокруг инопланетной поделки, сделать клетку прочнее. Не помогло. Кубики вырвались на свободу и принялись пожирать ее корабль, плодя себе подобных. Тогда она укрепила свою каюту, поставила энергетический барьер. Что еще она могла?

Говорите, выкинуть кубики за борт?

Ну да. Она размышляла о такой возможности. Но это означало всего-навсего переложить бремя выбора на какого-то другого звездного странника. Она решила, что понесет этот груз сама. Решила твердо, без оговорок.

Постепенно стало понятно, что адская машина повреждена. Насчет этого сомнений не осталось. В противном случае трансформация протекала бы стремительно и ее было бы не остановить. А так – сложилась своего рода патовая ситуация.

Что дальше?

Она думала направить свой звездолет на какую-нибудь звезду. Но расчеты не подтверждали того, что раскаленная плазма уничтожит кубики. Наоборот, был шанс, что они станут сильнее прежнего!

Этого она допускать не собиралась.

Так что взамен она разыскала эту планету. Корабль в космосе заметить довольно легко, даже на расстоянии в

световые годы. Планета подходит лучше, у нее есть масса и тепло. Моя подруга решила замаскироваться и не привлекать ничьего внимания.

В этом она ошиблась.

Кубики проявили недюжинную изобретательность. Они постоянно грызли защиту. Требовали больше энергии, больше массы. Она разбирала корабль, возводя надежную, как ей казалось, тюрьму. И тут умерла сама. Но к тому времени корабль успел узнать ее настолько хорошо, что воспроизвел личность хозяйки, превратил ее в этакого призрака.

Минули столетия.

Корабль жил, сберегая и укрупняя себя. Он питался местными породами, укреплял стены тюрьмы и уплотнял защиту. Как правило, события не требовали ее вмешательства – не забывайте, капитан, мы говорим о копии живого существа. Время от времени корабль вызывал хозяйку, спрашивал ее совета. В одиночестве она не оставалась. По правде сказать, она отринула одиночество, отбросила возможность им наслаждаться, словно некий рудимент эволюции.

Ее постоянно навещали.

Гости вроде нас, вы спросили?

Нет, не совсем. Не с самого начала. Сперва это были ее сородичи.

– Они прилетали друг за другом, – объявил голос. – Мои датчики отслеживали их приближение. Я наблюдала исподтишка, крайне осторожно, желая убедиться в их намерениях. Рисковала даже ослаблять тюремное поле, пока они не подлетят вплотную. Я не хотела, чтобы меня нашли. Не хотела, чтобы другие оказались причастными к моей ошибке. Мне было больно. – Голос помолчал. – Я не ждала и не искала встреч. Они отличались. Их язык, их повадки – все было чужим. Я ничуть не сожалела, когда они улетали и оставляли меня в покое.

– Я тебе не верю.

– Твое право, Нидра. Со временем, впрочем, гости прилетать перестали. Наступила тишина, которая длилась и длилась. Ее нарушало разве что тиканье пульсаров и щелчки квазаров на полпути к дальнему краю вселенной. Мои сородичи не объявлялись. Я ведать не ведала, что с ними стало.

– Но догадки-то строила?

– В любом случае я сознавала, что мне нельзя сдаваться, что я должна удерживать взаперти свою находку. Я заснула, перестала

быть до тех пор, пока не понадоблюсь кораблю. Звезды за время моего сна успели выстроиться в новые, незнакомые созвездия. Двадцать миллионов вращений по орбите, если мерить единицами моего родного мира, двести тысяч сроков жизни… А затем явился новый гость, нового вида.

Я предположила, что речь все еще идет о далеком прошлом.

– Тебе была знакома эта культура?

– Нет, в моей памяти не содержалось сведений о них – ни о мертвых, ни о живых. Признаться, гость меня смутил. Слишком много конечностей, странный способ передвижения… Я невольно призадумалась, как он выглядит без скафандра. Хотела, чтобы он ушел. Приглушила себя, снизила расход энергии. Но он проявил упорство. Копался во мне, выискивал объяснения аномалий, показанных датчиками. Я решила его убить, ведь он явился совсем один. Но затем мне открылась другая возможность. Я смогла его поглотить, вскрыть его разум, научиться кое-чему, вместить в себя его воспоминания и личность. Использовать новые знания, чтобы впредь защищать себя лучше. – В голосе прозвучало то ли раскаяние, то ли нотка стыда. – Так я и сделала. Я поймала чужака, убедилась, что он не сумеет сбежать, запустила щупальца под его скафандр, проникла в нервную систему. Эта анатомия была для меня совершенно чуждой, но с одного торца сегментированное тело в экзоскелете венчало подобие головы, а внутри этого органа обнаружилась плотная масса связанных между собой клеток, обладавшая топологической сложностью, сопоставимой с моим собственным мозгом. Иерархические слои, очевидное распределение зон обработки внешних данных, контроля движения, абстрактного мышления и памяти… Существо отчаянно пыталось вдобавок связаться со своими сородичами, кем бы те ни были, а потому мне не составило труда проследить нейронные связи и выявить способы коммуникации. Очень быстро я вступила в контакт с чужаком посредством прямого манипулирования внутренними ментальными состояниями. Объяснила, что его ждет. Что вместе, слившись воедино, мы сможем надежнее обезопасить вселенную от твари, которую я сторожила, и заодно улучшим мою маскировку. Я сожалела, что была вынуждена все это совершить, но заставила чужака понять, что не имела выбора.

– И как он воспринял твои объяснения?

– Ты сама как думаешь, Нидра? Вскоре никого из нас его чувства уже не заботили. Он стал мною, а я отчасти стала им. Наши воспоминания наложились друг на друга и переплелись. Он осознал мои тревоги. Понял, что по-иному быть попросту не могло. Что нам суждено было стать одним целым.

– Он простил тебя?

– Смирился с неизбежным.

– Но он был не последним, верно? За ними прилетали другие… Все новые и новые. Разные виды, десятки и сотни других. Вплоть до нас.

– Вы ничем не отличаетесь от прочих.

– Может быть, может быть. Но это все меняет, верно? – Я шевельнула пальцем над красным диском, напоминая о заряде с антиматерией. – Считаешь, я не нажму? Ты рассказала мне, кто ты такая. Я понимаю, почему ты вела себя так. Ты думала, что действуешь ради общего блага. Возможно, ты права, но лично мне кажется, что с тебя хватит. Ты поймала Тетереву. Ее спасать поздно, как и тебя саму, если я правильно уловила суть. Однако Ленку я тебе не отдам. Она моя. Верни ее мне, и мы уйдем.

– Она нужна мне. Я пополню ее страхами свою библиотеку. Мне требуется стать сильнее.

– Не пойдет. Ты же умная, сама прикинь. Ты застряла в прошлом, в смертельной петле обратной связи. Чем старательнее ты себя усиливаешь, тем заметнее становишься для мира снаружи. А потому должна усиливаться дальше, пополнять, как ты выразилась, библиотеку страхов… Это не может продолжаться.

– Может и должно. Я пыталась остановиться. Но чужаки продолжали прилетать. Новые странники, новые виды. Мне никак не удавалось спрятаться от них, что бы я ни делала. Не действовали ни внушения, ни уговоры… Исподволь, конечно, ты же понимаешь, что я не могла признать открыто факт своего существования. Поэтому я делала то, что делала всегда. Пряталась, скрывалась, насколько позволяли законы физики, и старалась выпроводить незваных гостей. Я изучала их психологические особенности, тралила океан страхов и порождала из этого океана фантазмы, которым полагалось отпугивать чужаков, не подпускать их ближе какого-то предела. Находились, разумеется, безмерно храбрые или безмерно любопытные, которые преодолевали все преграды и добирались до меня. Этих я неизменно поглощала, дабы впредь они сражались вместе со мной. Они делились своими страхами, которые я использовала для обороны. Почему, по-твоему, я забрала Тетереву? Она была первой из вас, новой драгоценностью в моей коллекции. И оказалась чрезвычайно полезной. Мы все очень ей обрадовались. Ее страхи – это как новый цвет или новый запах. Мы и вообразить не могли ничего подобного!

– Ну, что сказать? Я рада за Тетереву. Тем более Ленка тебе не нужна. Верни ей управление скафандром, и мы уйдем.

– Ты смело раздаешь обещания. Но ведь ты пришла сюда не

одна.

– А, капитан… О нем мы позаботимся.

Видите? Я даже тогда о вас думала!

Вы для нас как заноза, которую никак не вытащить, капитан.

– Я слушала вашу болтовню. Внимала рассуждениям вашего капитана. Он одержим погоней за сокровищами. Верит, что сумеет разбогатеть на мне. Он постарается выгодно продать информацию о моем местонахождении.

– Он и знать не знает, кто ты такая!

– Узнает рано или поздно. Он спросит, как выбралась ты, как выбралась Ленка. Ваше молчание не поможет. Он обязательно вернется. Пошлет сюда машины. Потом прилетят другие, на других кораблях, и я в итоге сдамся. А кубики, которые я стерегу, уничтожат вашу цивилизацию, выжгут ее дотла. Они проделывали это уже тысячи и тысячи раз. Оставят после себя только прах и тлен, но на вас не остановятся.

– Лев… – негромко сказала я.

Наступила тишина. Интересно, удостоюсь ли я дальнейшего общения? Или одним произнесенным именем я оборвала все возможности для контакта?

– Что тебе известно о Льве? – спросил голос, вопреки моим опасениям.

– Он твой сын, – ответила я. – Сын части тебя, сын Тетеревой. Тебе пришлось бросить его, на корабле на орбите. Ты этого не хотела, но так вышло. Ты любила его. Ты желала всем сердцем отправить ему сообщение, позвать его на помощь. Вот почему ты забралась так глубоко. Но не справилась.

– Лев пропал.

Я кивнула:

– Мы не смогли установить, что произошло. Кто-то нашел звездолет на орбите раньше нас и обобрал до последнего винтика. Ни двигателей, ни оборудования, ни команды. Один остов… Наверное, кто-то сорвал приз. Если Лев был на корабле, сейчас он наверняка добрался до какого-то обитаемого мира. Мы можем его отыскать. Ледяные нищенствующие торгуют замороженными телами, мы сталкивались с ними во многих системах. Есть способы выяснить, есть у кого спросить. Название твоего корабля…

– Какое вам дело до меня?

– Как назывался корабль? Позволь нам отыскать Льва. Я вернусь, обещаю.

– Никто не обещал мне вернуться, Нидра. Все клялись

держаться подальше.

– Название корабля? – повторила я.

Она не стала упорствовать.

Столько имен и названий, столько кораблей. Бесчисленное множество. Странные такие, что не выразить в языке, во всяком случае, в языке, который способны усвоить наши разумы. Имена-облака. Имена-леса. Имена, схожие с непрерывно раскрывающимися математическими формулами. Зачинающие себя и грезящие о рекурсии. Имена, раскалывающие миры надвое. Имена, повергающие в безумие.

Она перечислила некоторые из них, старалась как могла.

Чудесные имена. Имена столь изысканной красоты и ужаса, что хотелось рыдать. Упования и страхи смелых и отчаявшихся. Лучших и худших среди нас. Все мы скитальцы, все мы странники.

Я попросила ее подумать как следует и вспомнить последнее имя.

Она смогла.

Хотите, скажу?

А вот фигушки, капитан! Ни к чему вам знать все на свете.

Я отступила от неподвижного тела в скафандре, восхищаясь собственным творением. Капитан и вправду походил на изваяние, застывший в этой диковинной, вполне себе горделивой позе, с руками, сложенными на груди, – ладони развернуты вперед, палец касается ручной панели…

– Думаю, можно смело заключить, что мы с Тетеревой достигли взаимопонимания – сказала я. – Ну, с Тетеревой или с тем, кем или чем она стала. Она боялась, по-моему, что я решу использовать взрывной заряд. Спросите, бравировала я или нет? Я была готова, честно. Что мне было терять? Управлять кораблем без вас – это пустяки, но вот без Ленки я бы не справилась. Если Ленка погибнет, получалось, что и мне ни к чему жить дальше. Но если ее освободят, мы улетим вместе. Пришлось попотеть, доложу я вам, чтобы Ленку вытащить. Но ее скафандр вроде ожил, так что, полагаю, до модуля мы с ней как-нибудь добредем.

Капитан силился ответить, но петля слишком туго сдавливала его шею. Дышать он мог, но насчет всего остального возникали сомнения.

Все-таки он выдавил целых три слова, что-то вроде «твою мать, Нидра», но не поручусь за точность.

– Я дала Тетеревой обещание, – продолжала я. – Во-первых, следовало приструнить вас, чтобы вы не доставили проблем. Во-вторых, я подрядилась найти Льва. Если поиск затянется на годы, так тому и быть. Зато у нее появился смысл жизни. Цель. Всем нужна цель, верно?

Капитан опять выплюнул что-то нечленораздельное.

– Взять вас, капитан. Ваша цель состоит в том, чтобы умереть здесь. Это случится непременно. Как быстро – вы уж сами решайте. Я нисколько не шучу. Эти обломки, разложенные вокруг, они как зеркала, помните? Прикиньте, что будет. Когда взойдет солнце, некоторые из них отразят солнечные лучи в снег и лед у вас под ногами. Лед начнет таять. Петля сожмется туже. – Я сделала паузу, чтобы до него дошло, на случай если он до сих пор не вник в ситуацию. – И потом, лед вообще тает, когда время года меняется. Недалеко от входа в пещеру залегает вечная мерзлота, можете попробовать до нее добраться. Но, думаю, вы погибнете раньше. Умрете противной, медленной смертью. Гипотермия, мороз, удушение – выбирайте, что вам больше нравится. Если что, процесс можно ускорить – включите обогрев скафандра, вам будет тепло и уютно. Одна беда: тепло пойдет вниз, лед станет таять – и фьють! Через несколько часов вы будете болтаться с петлей на шее, а тяжесть скафандра станет отрывать вашу черепушку от позвоночника. Если останетесь в сознании, не спятите от боли и страха, можете отключить терморегулятор. Хотя, не исключено, ваши пальчики уже утратят способность шевелиться… В общем, какая разница? Все равно подохнете, Рашт. Дорог много, финал один. Ваш труп послужит украшением для входа в пещеру. Когда холода вернутся, из вас выйдет отличная сосулька. Будете отпугивать излишне любопытных. По-моему, предупреждения нагляднее не придумаешь.

Рашт заскрипел зубами, но Ленка, подковылявшая ближе, приложила палец к его губам.

– Тсс! – прошептала она. – Поберегите дыхание.

– Где обезьяна? – спросила я.

– Привязана у обломков. Мы что, бросим ее тут?

– Нет, заберем с собой и будем присматривать. Капитан меня упросил. А ты ведь знаешь, я стараюсь держать слово, если уж дала.

– Ну, тогда все. – Ленка оглядела окрестности.

– Угу.

Мы повернулись спиной к низложенному капитану и медленно, натужно двинулись в направлении модуля. По пути нам предстояло остановиться у обломков шаттла, забрать

обезьяну и личные вещи Тетеревой. После чего мы улетим с Хольды и покинем эту систему. Какая приятная мысль!

Даже с учетом того, что я однажды сюда вернусь.

– Наверху, на корабле… Может, нам стоит его переименовать?

Я поразмыслила.

– Отличная идея! Новое начало, да? Кажется, у меня есть несколько вариантов.

– Не терпится их услышать, – сказала Ленка.

Бирюзовые дни[19]

Правь в эти бирюзовые дни…
«Echo and the Bunny Men»[20]

Глава 1

Наки Окпик дождалась, когда сестра крепко заснет, и лишь тогда выскользнула на огороженный перилами балкон, который опоясывал гондолу.

Ночь выдалась замечательная, самая теплая за последние месяцы лета. Даже ветерок, поднимаемый воздушным кораблем при движении, был теплее обычного и ласкал щеки нежными прикосновениями возлюбленного. Высоко в небе, скрытые от взгляда изгибом черного вакуумного бака, висели парные луны, почти вошедшие в полнолуние. Микроскопические с высоты существа сверкали в сотне метров ниже корабля, их огромные косяки словно чертили галактики в бездонном мраке морской пучины. Спирали, завитки и рукава света вращались, растягивались и распахивались, будто двигаясь в такт слышимой только им музыке.

Наки бросила взгляд на корму, где топорщился в полумраке облитый керамикой корпус корабельного зонда. За кормой мерцали огни – розовые, алые, ярко-зеленые. Порой они принимались метаться из стороны в сторону, точно птицы. Как обычно, она поискала в движениях посыльных нечто нестандартное, что-то такое, что было бы достойно заметки, а то и полноценной статьи в одном из ведущих журналов по исследованиям жонглеров. Но сегодня все шло как заведено: никаких новых, подлежащих занесению в каталог узоров, никаких признаков нетипичной активности жонглеров образами.

Наки прошла по балкону до самой кормы, где был закреплен на длинном оптоволоконном тросе погружаемый зонд. Достала из кармана прямоугольный предмет, раскрыла его на манер веера куртизанки и помахала над лебедкой. Изображения водяных лилий и морских змей, висевшие в воздухе, немедленно растаяли, сменились таблицами чисел, волнообразными графиками и причудливыми гистограммами. Хватило одного взгляда, чтобы убедиться, что и в математическом выражении ничего необычного не происходит. Впрочем, цифры служили способом откалибровать, скажем так, прочие эксперименты.

Закрыв веер – очень аккуратно, ведь прибор стоил немногим меньше самого воздушного корабля, – Наки напомнила себе, что последний раз проверяла входящие сообщения около суток назад. В предыдущей экспедиции Рот отключил антенну от гондолы, и с тех пор проверка сообщений сделалась обременительной обязанностью, которую несли по очереди и даже норовили обменять свою очередь на менее утомительное занятие.

Схватившись за поручень, Наки перебросила тело за борт. На корме вакуумный бак выдавался над палубой гондолы всего на метр, трап-решетка позволил ей обогнуть этот выступ и очутиться на плоской крышке бака. Она двигалась осторожно, ступая босыми ногами по ржавчине как можно тише, чтобы не разбудить Мину. Корабль чуть заскрипел и едва заметно покачнулся, когда Наки взобралась наверх, но потом все успокоилось. Моторы гудели так тихо, что Наки давно привыкла не обращать внимания на этот звук.

Вокруг царили безмятежность и красота.

В лунном свете антенна выглядела одиноким черным цветком, выросшим из махины бака. Наки пошла по трапу, который вел к антенне, хватаясь за перила, но мимоходом отмечая, что голова кружится не так сильно, как кружилась бы днем.

И замерла, ощутив вдруг, что за ней наблюдают.

Краем глаза она заметила посыльного-спрайта. Тот взлетел на высоту движения корабля и теперь висел, отбрасывая тень, в каких-то десяти метрах от гондолы. Наки судорожно вздохнула, одновременно напуганная и зачарованная. Не считая мертвых образцов, она впервые наблюдала спрайта так близко. Размерами и строением существо отдаленно напоминало земных колибри, но светилось, точно фонарик. Наки мгновенно опознала доставщика дальнего действия. Внутри него, плотно упакованные в цепочки РНК, находились закодированные данные, запертые в крошечных капсомерных оболочках. Каплевидная головка существа пестрела светящимися значками, примерно посередине располагались два черных глаза. В этой головке помещался нейронный кластер, хранивший информацию о местоположении ярчайших циркумполярных звезд. Помимо таких кластеров, спрайты обладали, по сути, лишь зачатками сознания. Их использовали для передачи информации между узловыми точками в океане, где обычные химические каналы связи оказывались слишком медленными и ненадежными. Спрайт умирал, когда достигал места назначения, – его пожирали микроорганизмы, декодировавшие и обрабатывавшие данные из капсомеров.

Наки не могла отделаться от ощущения, что спрайт к ней присматривается – не к кораблю, а именно к ней, – присматривается с тем нескрываемым любопытством, от которого по спине бегут мурашки, а волосы встают дыбом. В миг, когда ощущение чужого внимания сделалось почти нестерпимым, спрайт резко вильнул в сторону, прочь от корабля. Наки следила, как он спускается к океану, как летит над поверхностью, подпрыгивая, точно брошенный плашмя камень. Какое-то время

она стояла неподвижно, уверенная, что сделалась свидетелем чего-то крайне важного; правда, сознавала, что впечатление это чисто субъективное, что утром, когда она попытается поделиться с Миной, все покажется банальным. Но вообще-то, у Мины есть особый контакт с океаном, так? Это Мина царапает руки по ночам; это у Мины обнаружилась степень подобия, слишком высокая, чтобы записаться в корпус пловцов. Мина, Мина…

Вечно Мина, а не Наки.

Метровое блюдце антенны крепилось к квадратному цоколю, который усеивали разнообразные шкалы и верньеры. Древняя штуковина, как сам воздушный корабль и как веер. Многие датчики успели выйти из строя, однако антенна все еще могла ловить сигналы продолжавших функционировать спутников. Наки снова раскрыла веер и скопировала в его память свежие показания. Потом присела, положив веер на колени, и быстро проверила поступившие сообщения и новостные заголовки. Несколько писем от друзей из городов-«снежинок» Прахуап-Пангниртунг и Умингмакток, письмецо от приятеля с плавучей станции на атолле Нарати̇ват – перечисление шуток и анекдотов, успевших стать общеизвестными. Наки пролистала список, досадливо морщась, и даже посмеялась одной шутке, которую, оказывается, почему-то пропустила. Десяток дайджестов от разных групп, посвященных изучению жонглеров, просьба от редактора научного журнала написать рецензию… Наки проглядела аннотацию статьи и решила, что, скорее всего, откликнется на эту просьбу.

Она просмотрела прочие сообщения. Доктор Сиваракса официально уведомлял, что ее прошение о зачислении в состав проекта «Ров» получено и находится на рассмотрении. О собеседовании речи пока не шло, но Наки встретила Сивараксу пару недель назад, когда они оба по стечению обстоятельств очутились в Умингмактоке. Доктор демонстрировал приподнятое настроение – то ли потому, что Наки произвела на него хорошее впечатление, то ли потому, что только что поменял своего солитера на нового. Из письма Сивараксы следовало, что ответа от проекта можно ожидать в ближайшие дни. А вот интересно, как отреагирует Мина, если Наки предложат эту работу? Сестра неодобрительно относилась к проекту «Ров» и потому, вероятно, осудит Наки за желание в нем поучаствовать…

Еще нашлось письмо от коллеги из Каанаака, просившего предоставить временный доступ к калибровочным данным, которые Наки собрала этим летом. Четыре или пять погодных рассылок, черновики двух коллективных статей, приглашение присутствовать на дружественном разводе Куглуктука и Гьои,

назначенном через три недели. И в завершение – дайджест мировых новостей, необычно пухлый файл. На этом все, больше никаких новых сообщений за последние восемь часов.

В отсутствии корреспонденции не было ничего непривычного, сеть часто сбоила и сообщения приходили с задержкой, но уже второй раз за ночь Наки почему-то насторожилась. Что-то явно происходит, сказала она себе, что-то нехорошее.

Она открыла новостной файл и углубилась в чтение. А через пять минут побежала будить Мину.

– Признаться, я не хочу в это верить, – сказала Мина Окпик.

Наки окинула взглядом небосвод, припоминая усвоенные в детстве сведения о звездах. Если сделать поправку на параллакс, созвездия выглядят знакомыми и более или менее цельными, если смотреть с Бирюзы.

– Вон там, похоже.

– Где? – сонно переспросила Мина.

Наки махнула рукой в направлении обширного участка звездного неба между Скорпионом и Геркулесом.

– Змееносец. Будь наше зрение острее, мы бы наверняка увидели точку, которая светится голубым.

– Точка, точка, три цветочка… – Мина обхватила руками колени. Ее волосы, такие же черные, как у Наки, были стянуты в тугой пучок на затылке, отчего она выглядела моложе своего возраста – или, наоборот, старше при ином освещении. Она надела черные шорты и рубашку, оставлявшую открытыми руки. Световые татуировки, отливавшие изумрудом и индиго, змеились вокруг бледных пятен грибковых инфекций, покрывавших ее руки, бедра, шею и щеки. Свет почти полных лун заставлял эти пятна серебриться, отбрасывал на них изумрудные и сине-фиолетовые искры. Наки, в отличие от сестры, татуировками и грибками себя не украшала – как-то не сложилось, – а потому отчасти даже завидовала Мине.

– Если серьезно, ошибки быть не может?

– По-моему, нет. Вот, сама прочитай. Тут сказано, что обнаружили объект недели назад, но держали в тайне, чтобы удостовериться окончательно.

– Я удивлена, что слухи не поползли.

Наки кивнула:

– Да, хорошо затаились. Но переполох все равно начнется, ты же понимаешь.

– Гм… Неужели они решили, что молчание как-то поможет?

– Думаю, власти давно это обсуждают. Просто прикинули, что им ни к чему, чтобы все остальные забивали каналы досужими

домыслами и сплетнями.

– Разумно, коли так. Сейчас все кинутся фантазировать, будут стараться переплюнуть друг друга.

– Может, официальное объявление скоро последует, – с сомнением в голосе отозвалась Наки.

Пока сестры беседовали, воздушный корабль вошел в зону, практически свободную от биолюминесценции. Такие зоны встречались ничуть не реже узловых точек, где сеть работала лучше всего; это были своего рода зияющие пустоты между скоплениями галактик. След кормового датчика мгновенно растаял во мраке, темнота вокруг корабля сделалась непроглядной, и рассеивали ее разве что редкие всполохи пролетавших мимо спрайтов.

– А если объявления не будет? – спросила Мина.

– Тогда мы увязнем глубже, чем хотелось бы.

Впервые за столетие к Бирюзе приближался звездолет, начавший сбрасывать крейсерскую скорость. Его дюзы, как указывалось в сообщениях, были обращены в точности на систему Бирюзы. Анализ доплеровского смещения привел к выводу, что звездолету лететь около двух лет – всего ничего по планетным меркам. Сигналов пока не получили, но даже если звездолет направлялся сюда с благими намерениями – скажем, дать отдых экипажу и немного поторговать, – само его прибытие сулило Бирюзе большие перемены. Все на планете знали, чем закончилась эпопея с «Нечестивым пеликаном». Когда ультра вышли на орбиту, внизу, на поверхности планеты, начались волнения. Лазутчики срывали крупные торговые сделки. Города состязались между собой за престиж, добывая фрагменты технологий и стремясь опередить конкурентов. Заключались поспешные браки на фоне не менее поспешных разводов. С тех пор минуло столетие, но застарелая вражда среди городов продолжала тлеть под завесой показного политического дружелюбия.

На сей раз явно стоило ожидать чего-то похожего, если не хуже.

– Ну, не знаю. Может, все обойдется, – проговорила Мина. – Может, с нами попросту не пожелают общаться. Ведь лет семьдесят назад какой-то корабль залетел в систему и посадки не просил…

Наки тоже прочитала колонку об этом сбоку от основной новости.

– У них что-то стряслось с двигателем, да. Но эксперты уверяют, что теперь все иначе.

– Значит, к нам летят торговать. А что мы можем

предложить? Чего у нас не было раньше?

– Боюсь, мало что.

Мина утвердительно кивнула:

– Несколько произведений искусства, не приспособленных к экспорту. Как насчет десятичасовой симфонии для носовой флейты? Есть желающие? – Она скроила гримасу. – Да, это наша культура, но даже мне она противна. Что еще? Горстка открытий, связанных с жонглерами? Эти открытия наверняка сделаны в других местах, и не единожды. Технологии? Медицина? Не смешно…

– Ну, зачем-то им понадобилось лететь к нам, – заметила Наки. – Что бы это ни было, нужно дождаться, когда звездолет прибудет. Всего-то два года.

– Тебе, верно, кажется, что это очень долго?

– На самом деле…

Мина внезапно застыла:

– Гляди!

Далеко внизу, под кораблем, пронеслась одинокая искорка, потом их стало больше – полдюжины, дюжина, целая эскадрилья огоньков. Это же посыльные-спрайты, сообразила Наки, вот только никогда прежде она не видела их в таком количестве. Спрайты двигались в одном направлении, очевидно, с каким-то общим посланием. На фоне черноты океана эти огоньки завораживали, они вертелись на лету, менялись местами, некоторые порой отбивались от стаи – от роя, если угодно, – но затем неизменно возвращались. Один спрайт опять взмыл на высоту движения корабля, завис ненадолго в воздухе, трепеща крылышками, после чего нырнул вниз. На глазах сестер рой удалялся, превращаясь в этакий шар светлячков, в бледное световое пятно… Наки смотрела им вслед, пока огонек последнего спрайта не растворился в ночном мраке.

– Вот это да! – негромко произнесла Мина.

– Ты раньше такое видела?

– Нет, что ты.

– Забавно, что это случилось именно сегодня, правда?

– Что за глупость? – Мина нахмурилась. – Откуда жонглерам знать о звездолете?

– А вдруг они все-таки узнали? Большинство жителей планеты услышали новость несколько часов назад. Вполне достаточно времени, чтобы слух успел разойтись.

Мина призадумалась:

– Может быть. Впрочем, обычно информация распространяется немного по-другому. Жонглеры собирают и хранят образы, они редко выказывают понимание содержания. Не

забывай – мы имеем дело с биологической архивной системой, лишенной собственного сознания, с музеем без научных сотрудников.

– Не все с тобой согласятся.

Мина пожала плечами:

– Пусть докажут обратное, я с радостью послушаю.

– Может, полетим за ними? Знаю, нам не догнать спрайтов, но вдруг мы сумеем сесть им на хвост и продержаться несколько часов, пока батареи не иссякнут…

– Чего ради?

– А вот полетим и узнаем. – Наки умоляюще уставилась на старшую сестру. – Ну давай же, Мина! Не упрямься! Рой ведь движется чуть медленнее, чем одиночный спрайт. Полевое наблюдение в чистом виде!

Мина покачала головой:

– Единичное наблюдение с обилием ничем не подкрепленных догадок. Ты же понимаешь, что такой материал никто не опубликует. Даже если допустить, что этот рой как-то связан с приближением чужого звездолета, этой ночью будут тысячи ему подобных по всей планете.

– Скучная ты! Какой повод отвлечься пропадает.

– Согласна, повод неплохой, но мы рискуем изрядно задержаться, а задержка непозволительна. – Мина помолчала, стараясь успокоиться и говорить рассудительно. – Наки, я разделяю твои чувства, поверь. Но велика вероятность того, что это либо статистическая помарка, либо элемент глобального события, которое будут изучать и без нас. В любом случае мы не в силах сделать что-то полезное, разве что любопытство утолить, поэтому предлагаю забыть о спрайтах. – Она потерла локоть, провела пальцами по светящемуся растительному узору. – Знаешь, я устала, а впереди у нас много дней плотной работы. Будем считать, что нам привиделось.

– Ладно, – обронила Наки.

– Прости, но я не хочу терять время впустую.

– Я же сказала – ладно. – Наки выпрямилась, взялась за поручень, что обегал корму.

– Ты куда?

– Пойду спать. Сама говоришь, нас ждет работа. Глупо гоняться за видениями.

Через час после восхода корабль выбрался из мертвой зоны. Океан внизу начал снова заполняться жизнью, светиться и вяло колыхаться. Приблизительно через километр водяная масса – точнее, жизнь на ее поверхности – стала приобретать зловещие

признаки упорядоченности, из нее выделялись длинные сине-зеленые полосы и широкие пространства, затянутые чем-то вроде водорослей.

Еще через километр поверхность скрылась под плотным растительным ковром, от которого исходил запах гниющей капусты. Чем дальше, тем толще становился этот ковер, и вода показывалась только в редких прогалинах. Влажный воздух над ковром кишмя кишел назойливыми микроорганизмами. Сам ковер находился в каком-то странном, гипнотизирующем движении, трепыхался, проседал или, наоборот, вздыбливался по воле причудливых противоположных течений. Чудилось, будто множество незримых ложек помешивает груду шпината в громадной миске. Даже тень воздушного корабля, летевшая впереди, – солнце стояло низко над горизонтом, – каким-то неведомым образом оказывала воздействие на шевеление этого ковра. Биомасса жонглеров раздавалась в стороны, избегая тени, и очевидная целенаправленность таких попыток напомнила Наки поведение осьминога, которого она видела в земном аквариуме Умингмактока: он ухитрялся пролезать в мельчайшие отверстия внутри своей стеклянной тюрьмы.

Наконец корабль достиг геометрического центра ковра. Куда ни посмотри, тот простирался во всех направлениях, обрываясь вдалеке искристой водяной кромкой. Возникало впечатление, что корабль парит над островом, торчащим из воды испокон веку, как положено геологическому образованию. Этот остров обладал собственным ландшафтом – холмы, гребни и впадины постоянно меняли неустойчивую текстуру многослойной биомассы. Вообще-то, островов на Бирюзе было считаное количество, тем более на этой широте, а узел жонглеров появился от силы несколько дней назад. Спутники зафиксировали его рост неделей раньше, и Наки с Миной отправились на разведку. Им строго-настрого наказали зависнуть над островом и спустить к поверхности десяток датчиков, ничего более не предпринимая. Если узел отреагирует сколь угодно нетипично, на смену пришлют более опытную команду из Умингмактока на скоростном дирижабле. Большинство узлов рассасывались в срок от двадцати до тридцати дней, поэтому оперативность действий всегда была в приоритете. Если понадобится, начальство обещало прислать и тренированных пловцов, готовых нырнуть и открыть разум чужеродным организмам. Приобщиться к океану, как это у них называлось.

Но сначала именно разведка, выяснение того, что это за узел – просто любопытный или по-настоящему особенный.

– Доброе утро, – сказала Мина, когда Наки подошла к сестре.

Она чистила большой зонд, извлеченный из биомассы, собирала зеленую слизь с его керамического купола. Все человеческие артефакты рано или поздно подвергались разрушительному биологическому воздействию океана, но керамика сопротивлялась дольше других материалов.

– Ты сегодня в хорошем настроении, – откликнулась Наки, постаравшись, чтобы эта фраза прозвучала не обидно.

– А ты сама? Редко выпадает возможность изучить узел вживе. Давай, сестренка, пошевеливайся. Новости новостями, но работу никто не отменял.

Наки тыльной стороной кисти тронула нос. Теперь, когда воздушный корабль висел над островом, она с каждым вдохом поглощала рассеянные вокруг местные микроорганизмы. Сильно пахло аммиаком и гниющими растениями. Требовалось немалое самообладание, чтобы не тереть постоянно и без того раздраженные глаза.

– Заметила что-нибудь необычное?

– Слишком рано для выводов.

– То есть нет.

– Без образцов многого не выяснишь, Наки. – Мина сунула фрагмент биомассы в мешок и ловко задвинула пластиковую защелку. Потом опустила мешок в ведро у своих ног. – А кстати. Когда ты ушла спать, я увидела еще один рой.

– Кажется, это ты жаловалась на усталость.

Мина взяла свежую губку и принялась энергично стирать оливковое пятно на боку зонда.

– Я проверяла сообщения, только и всего. Сегодня с утра попробовала снова, но обет молчания пока сохраняется. Перехватила несколько коротковолновых передач из ближайших городов. Они лишь транслируют запись – дескать, оставайтесь с нами и не паникуйте.

– Будем надеяться, что ничего интересного нам не попадется. – Наки усмехнулась. – Доложить все равно не сможем.

– Думаю, запрет на переговоры скоро снимут. Тем временем мы с тобой займемся делом, если не возражаешь. Ты отыскала в памяти автопилота ту программу спирального спуска?

– Пока нет, – ответила Наки, понятия не имевшая, о чем говорит сестра: она была уверена, что раньше Мина эту программу не упоминала. – Но я смогу сама ее составить за несколько минут.

– Тогда не будем терять время. Держи. – Мина с улыбкой вручила Наки губку, торец которой был запачкан зеленой слизью. – Ты трудись здесь, а я пойду поищу программу.

Наки помешкала, но все-таки губку взяла.

– Конечно. Смотрю, ты умеешь расставлять приоритеты.

– Не дуйся, – попросила Мина, продолжая улыбаться. – И давай не будем ссориться, ладно? До прошлой ночи мы были лучшими подругами. Я просто подумала, что так быстрее… – Она помолчала, пожала плечами. – Ты знаешь, о чем я. А я знаю, что ты на меня злишься – как же, не согласилась лететь за спрайтами. Но нас отправили вот сюда. Поручили нам конкретное задание. При других обстоятельствах я…

– Понимаю, – перебила Наки, сама сознавая, как обиженно, по-детски звучит ее голос, будто она и вправду строила из себя капризную младшую сестру.

Хуже всего то, что Мина была совершенно права. При свете дня это стало очевидным.

– Правда? Больше никаких обид?

Наки кивнула, ощущая извращенное облегчение от признания собственного поражения:

– Правда. Гнаться за ними было нельзя.

Мина вздохнула:

– Хотя соблазн был велик, признаю. Я не хотела, чтобы ты заметила, иначе, не сомневаюсь, ты нашла бы способ меня уговорить.

– Я настолько убедительна?

– Бывает, сестренка, но не задирай нос. Это со мной у тебя выходит, не с другими. – Мина решительно отняла у Наки губку. – Я сама закончу, а ты, пожалуйста, разберись с программой.

Наки усмехнулась. На душе стало намного лучше. Конечно, напряженность в отношениях исчезнет не сразу, но теперь общаться с Миной куда проще. Вдобавок сестра ничуть не преувеличивала – они не только родственницы, но и лучшие подруги.

– Разберусь, – пообещала Наки.

Миновав герметичный полог, она вступила в кондиционированную прохладу гондолы. Потирая глаза, села за навигационную консоль. С самого Умингмактока воздушный корабль шел на автопилоте, подправляя курс с учетом восходящих потоков и атмосферных фронтов. Над островом автопилот включил режим парения: раз или два в минуту электромоторы включались, чтобы порывы ветра в зоне микроклимата над узлом жонглеров не отнесли корабль от заданной цели. Наки вызвала на экран меню управления текущей программой пилотирования. Изображение замерцало, и она легонько стукнула по экрану тыльной ладонью. Пролистала

список возможных вариантов, но не обнаружила и следа программы спирального спуска. Порылась во вспомогательных файлах, но там тоже не нашлось ничего полезного. Она почти совсем собралась было компилировать собственный алгоритм – это заняло бы около получаса, – однако вовремя вспомнила, что не так давно перекачала в свой веер более ранний пилотский пакет. Сложно сказать, есть ли там что-то нужное (или вообще пригодное), но проверить стоит, это ведь недолго. Сложенный веер лежал на сиденье, куда его положила Мина, когда убедилась, что связи по-прежнему нет.

Наки взяла веер и раскрыла. К ее удивлению, прибор продолжал работать, и вместо обычных причудливых узоров заставки на дисплее отображались сообщения, просмотренные ранее.

Беглый взгляд на список заставил нахмуриться: это не ее сообщения! Наки вгляделась пристальнее. Это сообщения, которые Мина скопировала в прибор с утра. Она мгновенно ощутила себя виноватой, следовало немедленно закрыть веер или хотя бы выйти из личной почты сестры. Но Наки не сделала ни того ни другого. Убеждая себя, что на ее месте так поступил бы каждый, она открыла последнее сообщение в списке и проверила временную отметку. Несколько минут разницы не в счет, а значит, это сообщение пришло одновременно с последним, адресованным и полученным Наки.

Что ж, Мина не обманывала, когда сказала, что связь до сих пор не наладилась.

Наки подняла голову. В окнах гондолы мелькал затылок Мины – сестра то наклонялась, то выпрямлялась, обходя палубные лебедки.

Наки мельком просмотрела само сообщение. Ничего особенного, автоматическая рассылка от одной из групп, увлеченных жонглерами. Что-то насчет химии нейротрансмиттеров.

Она закрыла письмо и снова уставилась на список сообщений. Вовсе нет, она не делает ничего постыдного. Вот прямо сейчас выйдет из личного кабинета сестры…

Но в глаза вдруг бросилось знакомое имя среди отправителей – доктор Джота Сиваракса, представитель проекта «Ров». Человек, с которым она познакомилась в Умингмактоке, такой жизнерадостный после плановой замены червя… Зачем Мине понадобился Сиваракса?

Она открыла письмо, прочитала…

Там говорилось именно то, чего она страшилась, но во что не смела поверить.

Сиваракса отвечал на заявку Мины о вступлении в проект «Ров». Тон послания был разговорным, резко контрастируя с деловым ответом, который получила Наки. Сиваракса сообщал, что заявка Мины воспринята положительно и что, несмотря на парочку других кандидатов на это место, Мина вправе считать себя наиболее подходящим заявителем. Даже если в конце концов что-либо помешает, продолжал Сиваракса, – а это, подчеркивал он, крайне маловероятно, – имя Мины будет среди первых запасных участников. Если коротко, письмо фактически гарантировало Мине работу в проекте «Ров» в течение года.

Наки перечитала письмо, желая убедиться, что там не содержится каких-либо двусмысленных фраз, которые позволили бы истолковать текст иначе.

Потом резко захлопнула веер, вне себя от ярости. Положила обратно на сиденье – точно туда, где он лежал раньше.

Сквозь герметичный полог просунулась голова Мины.

– Ну, как дела?

– Отлично, – отозвалась Наки.

Ей собственный голос показался безжизненно сухим, начисто лишенным эмоций. Ошеломление, досада, злость… Мина обзовет ее жадиной, если она попробует возмутиться тем, что сестра подала заявку в проект… Но было кое-что еще. Наки в присутствии сестры никогда открыто не критиковала проект «Ров». А вот Мина, напротив, не упускала случая высмеять сам проект и людей, которые его затеяли.

Двуличная стерва!

– Уже нашла программу?

– Практически, – ответила Наки.

– Что-то не так?

– Все в порядке. – Наки заставила себя улыбнуться. – Мелочи довожу до ума. Все будет готово через несколько минут.

– Хорошо. Жду не дождусь, когда мы снизимся. Знаешь, сестренка, мы наверняка соберем важные данные. По-моему, это особенный узел. Возможно, крупнейший за сезон. Ты рада, что мы сюда прилетели?

– Еще как, – проронила Наки и вернулась к работе.

Тридцать специализированных зондов висели на телеметрических кабелях под днищем гондолы, болтались в воздухе, точно ядовитые стрекала какой-то диковинной воздушной медузы. Одни анализировали воздушную среду над биомассой жонглеров, другие сновали по-над колыхавшейся зеленой поверхностью. Заборные трубки уходили в воду под слоем организмов на десятки метров, всасывая образцы.

Показания радара давали понять, что узел состоит из различных «блоков», этаких компактных скоплений биомассы, соединенных полостями и проходами непонятного назначения, а сонар позволял выделить множество органических «жил», что уходили в океанскую глубину, – своего рода пуповин, или якорей, удерживавших узел на месте. Мелкие узлы обыкновенно питались энергией солнечного света и продуктами распада сахара и жиров в океанских микроорганизмах, но более крупные узлы, выполнявшие обработку внушительных массивов информации, нуждались в стабильном контакте с акватическими структурами – с колониями органики на дне, в километрах под поверхностью океана. Холодная вода закачивалась по каждой из пуповин посредством перистальтики, нагревалась благодаря циркуляции в высокотермической среде подводных вулканов и извергалась обратно на поверхность.

Активность зондов, как ни поразительно, едва ли наносила какой-либо урон обширному полю биомассы. Остров ощутил приближение зондов и среагировал, изменив свою структуру так, чтобы зонды – и даже заборные трубки, спущенные в воду, – ничего не повредили. Энергия, разумеется, поглощалась, и следовало предполагать, что проводимые замеры окажут некоторое воздействие на эффективность, с которой узел обрабатывал информацию. Впрочем, это воздействие выглядело несущественным, а поскольку узел и без того постоянно себя перестраивал – когда осознанно, а когда под влиянием факторов среды, – вряд ли стоило беспокоиться по поводу вреда от вмешательства исследователей. «Вряд ли», «может быть», «вероятно» – во многом, как и всегда, приходилось опираться на догадки. Пускай команды пловцов сумели разузнать многое о кодировании жонглерами информации, почти все остальное – например, как жонглеры хранят нейрообразы, в какой степени эти образы подвергаются дополнительной обработке и так далее – до сих пор было загадкой. А ведь это, по сути, элементарные вопросы! Дальше начинались подлинные тайны, до раскрытия которых мечтали добраться все, но пока они лежали вне доступных методов научных исследований. Конечно, сегодняшние находки не прольют новый свет на эти фундаментальные тайны, единичная процедура, даже серия процедур, ничего толком, как правило, не доказывает и не опровергает, но она способна послужить весомым аргументом в споре, пусть речь зайдет о статистическом распределении, больше подкрепляющем одну гипотезу в противовес прочим. Наки давно усвоила, что наука представляет собой живой общественный процесс и не сводится к восторгу персональных открытий.

Она гордилась возможностью участвовать в этом процессе.

Спиральная «зачистка» продолжалась, воздушный корабль неторопливо двигался по кругу, увеличивая диаметр охвата. Постепенно солнце стало клониться к горизонту, окрашивая небосвод в бледно-оранжевые тона сквозь прорехи в облачном слое. Часы напролет Наки с Миной изучали образцы, а на экранах в гондоле появлялись все более четкие картинки – результаты картирования узла. Общались сестры вполне дружелюбно, однако Наки не переставала размышлять о предательстве Мины. Она находила извращенное, болезненное удовольствие в выяснении того, как далеко готова зайти сестра в своей лживости, и потому намеренно переводила разговор по всякому удобному поводу на доктора Сивараксу и его проект.

– Надеюсь, мне не грозит участь этих упертых бюрократов, – заметила Наки, когда они с сестрой обсуждали карьерные перспективы. – Ну, публики вроде Сивараксы. – Она многозначительно покосилась на Мину. – Я читала кое-какие старые его работы. Он был толковым ученым, а теперь превратился невесть в кого.

– Возможно, я не права, – ответила Мина – но мне почему-то кажется, что он не в восторге от необходимости забросить полевую работу. Но кому-то ведь надо руководить крупными проектами, верно? И уж лучше пускай руководит тот, кто сам когда-то занимался наукой.

– Ты словно его защищаешь. Неужели я услышу от тебя, что проект «Ров» – разумная идея?

– Я вовсе не защищаю Сивараксу – возразила Мина. – Просто… – Она замолчала и с подозрением оглядела сестру. Догадалась, что Наки все знает? – Ладно, забудь. Сиваракса как-нибудь справится без моей помощи, а у нас полно дел.

– По мне, это очень похоже на попытку сменить тему, – бросила Наки.

Но Мина уже вышла из гондолы и отправилась проверять оборудование.

В сумерках воздушный корабль достиг края острова, завершив круговой облет, и двинулся обратно. Когда он пролетал над уже обследованными участками, на экранах подсвечивались свежие изменения структуры: красные дуги и полосы накладывались на бирюзу закартированных полей. Большинство изменений не вызывало интереса – там открылась новая полость, а старая исчезла или рассосалось бутылочное горлышко в том месте, где сходилось прежде несколько подузлов. Но отдельные изменения казались более радикальными, правда, они все равно

совпадали с образцами, зафиксированными в других, ранее изученных узлах. Картинка на экраны выводилась с приближением, данные расставлялись по приоритетам и заносились в память.

Словом, узел был действительно крупным, но ничего этакого в нем не просматривалось.

Пала ночь – стремительно, как происходит в этих широтах. Наки и Мина несли вахту по очереди – одна дежурила у мониторов, а вторая дремала пару-тройку часов. Наки за время своей вахты взобралась на крышу гондолы, снова принялась возиться с антенной и обрадовалась, когда увидела свежее сообщение. Но это оказалось послание от Совета городов-«снежинок», гласившее, что запрет на гражданские переговоры продлится еще минимум двое суток, пока не удастся справиться с текущим кризисом. В тексте содержались глухие намеки на беспорядки сразу в двух городах, где ввели комендантский час, и присутствовало требование игнорировать всю неофициальную информацию о летящем к планете звездолете.

Беспорядки ничуть не удивили Наки, но вот реакция властей ее изумила. Чутье подсказывало, что власти действуют разумно. С точки зрения правительства планеты, на данный момент отсутствовали любые достоверные сведения о чужом звездолете; однако почему-то складывалось ощущение, что власти, откровенно признаваясь в неведении, на самом деле что-то скрывают. Пожалуй, им следовало бы придумать какую-нибудь спасительную ложь, а позже, при необходимости, подправить собственное вранье.

Мина проснулась после полуночи и заступила на вахту. Наки легла и крепко заснула; во сне алые пятна и линии на фоне аморфной зелени все кружились и кружились перед ее глазами – усталое сознание воспроизводило долгие, слишком долгие наблюдения за изображениями на мониторах.

Мина разбудила сестру до рассвета.

– У меня новости! – радостно объявила она.

– Какие?

– Идем, сама увидишь!

Наки вылезла из гамака. Отдохнуть не удалось, возбуждение сестры раздражало. В полумраке каюты татуировки Мины сверкали особенно ярко, и эти абстрактные образы лишь усиливали раздражение.

Следом за сестрой Наки вышла на палубу.

– Ну? – сказала она, не пытаясь скрыть настроение.

– Кое-что изменилось.

Наки потерла глаза, прогоняя сонливость:

– В узле?

– Смотри! Вон, прямо под нами. Видишь?

Наки навалилась животом на поручень и выгнулась вперед так далеко, как только смогла. Пока не стали сбрасывать зонды, головокружения она не испытывала, а теперь между островом биомассы и воздушным кораблем и подавно возникла прочная связь. Кстати, а корабль-то, похоже, опустился на половину прежней высоты и немного подтянул тросы с зондами…

Внизу все плавало в тусклом молочно-сером свете. Причудливый ландшафт острова с буграми и впадинами таял в этом свечении, сливался в отдалении с низкими, плотными облаками. Не считая изменения высоты, Наки не заметила ничего особенного.

– Да нет, прямо внизу. Я же сказала!

Наки подалась дальше вперед, встала на цыпочки, изогнула тело, как могла, и наконец разглядела это – прямо под кораблем находилось круглое темное пятно, как если бы корабль отбрасывал тень. Прореха с морской водой, лагуна, окруженная биомассой жонглеров, которая, сверху зеленая, внутри тоже выглядела черной – иссиня-черной, как уголь. Наки приглядывалась, не торопясь открывать рот. Что бы она ни сказала, сестре это явно не понравится.

– Как ты заметила эту дырку? – спросила она наконец.

– Что значит «заметила»?

– Шириной она метров двадцать, так? На топографической карте подобные прорехи не отображаются.

– Наки, ты не понимаешь! Я не направляла нас сюда. Дыра появилась под кораблем во время движения. Слышишь, моторы гудят? Мы по-прежнему движемся. А дыра нас преследует, в точности повторяя наш маршрут.

– Наверное, узел на зонды реагирует.

– Я подняла все зонды. Мы ничего не тащим за собой ниже тридцати метров от поверхности узла. Узел чувствует нас, Наки! Он откликается на перемещения корабля. Жонглеры знают, что мы здесь, и посылают нам сигнал.

– Может быть. Но нам не поручали истолковывать их сигналы. Мы прилетели провести замеры, а не вступать в контакт с жонглерами.

– А кто должен разбираться в сигналах? – спросила Мина.

– Как кто? Специалисты из Умингмактока.

– Они не поспеют сюда вовремя. Ты ведь знаешь, сколько обычно существуют узлы. Когда запрет на переговоры снимут, а отчаянные парни из корпуса пловцов долетят до нас, их будет

ждать равнодушная масса зелени. Это настоящая находка, Наки! Крупнейший узел в этом сезоне, который совершенно очевидно пытается привлечь внимание наблюдателей!

Наки сделала шаг назад от поручня:

– Даже не думай, Мина.

– Как это – не думай?! Да я всю ночь голову ломала! Эта дырка появилась не просто так, Наки! Недаром и спрайты вчера так суетились. Если мы не нырнем, то можем упустить что-то важное.

– А если нырнем, то нарушим инструкцию – все пункты до единого! Мы не учились нырять, Мина. Даже если что-то узнаем, даже если жонглеры захотят общаться с нами, нас после такого осудит все местное научное сообщество.

– Смотря что мы узнаем, я бы так сказала.

– Не надо, Мина, прошу тебя. Зачем лезть на рожон?

– Мы не узнаем, стоило оно того или нет, пока не попробуем, правильно? – Мина вытянула руку и указала вниз. – В каком-то смысле ты, конечно, права. Не исключено, что контакта не будет. Обычно жонглерам приносят подношение – загадку или какую-то другую содержательную информацию. У нас с тобой ничего нет. Что нас ждет? Скорее всего, если мы спустимся в воду, биохимического взаимодействия не случится. А раз так, то и ладно, делиться подробностями мы ни с кем не обязаны. Да и если вызнаем какую-то банальность, нам опять-таки не придется никому об этом рассказывать. Зато, если нам предложат нечто важное, по-настоящему важное, начальство наверняка закроет глаза на мелкие нарушения протокола.

– Мелкие нарушения? – переспросила Наки, подавившись смешком от такой наглости.

– Сестренка, мы будем в дамках при любом раскладе. Нельзя упускать такой шанс! Тем более что нам поднесли его на блюдечке!

– Ага. Ты забыла добавить, что потом мы будем корить себя до конца дней за то, что так и не рискнули.

– Ну, у тебя своя голова на плечах. Я считаю, что риск оправдан.

– Слишком опасно, Мина. Люди погибали и в менее… – Наки прервалась, присмотрелась к татуировкам и грибным узорам на теле сестры. – Ты же всегда была за соблюдение правил. Что вдруг изменилось?

– Правила – это страшные сказки, которыми пугают непослушных детей, – ответила Мина. – Ешь овощи, не то море тебя проглотит. По-твоему, я должна верить в кракена из Туле или в затопление Арвиата?

– Кракен из Туле – шутка, а Арвиат вообще выдумали. Но только между нами: соблюдение правил считается хорошим тоном.

– Среди конформистов. Разницу объяснить?

– Пожалуйста, не злись…

Мина усиленно притворялась, будто не слышит Наки. Внезапно она заговорила напевно и отстраненно, словно беседуя сама с собой:

– Хватит, уже поздно спорить. До рассвета всего ничего. Думаю, дырка никуда не денется…

Она оттолкнула Наки.

– Ты куда собралась?

– Пойду посплю. Нужна свежая голова. И тебе тоже не помешает.

Они нырнули в лагуну двумя ловкими тенями, ухитрившись не поднять фонтаны брызг. Наки немного замешкалась, потом высунула голову из воды. Ей немедленно захотелось снова задержать дыхание и не дышать как можно дольше – воздух был настолько насыщен местными микроорганизмами, что легко было задохнуться. Мина, вынырнувшая рядом, дышала жадно и глубоко, словно намереваясь втянуть в легкие как можно больше крошечных созданий. Ее переполнял восторг, даже от холодной воды она взвизгнула радостно. Когда обе наконец обрели равновесие – плечи над поверхностью воды, – Наки сумела осмотреться. Глаза щипало, слезы текли беспрерывно. Гондола парила над дырой в биомассе, будто придавленная сверху вакуумным баком. Спасательный плотик, сброшенный с ее борта, был совершенно новым; если верить сопроводительному описанию, он выдерживал сотню часов в умеренно активной биологической среде. Правда, подразумевался открытый океан, где плотность жонглеров существенно меньше, чем в крупном узле. Значит, плот выдержит от силы пару-тройку десятков часов, а потом растворится.

Может, плюнуть на заскоки сестры и вернуться на корабль? Минутное дело: сначала плотик, потом гондола; контакт, конечно, был, но пока не слишком длительный. Мина вряд ли захочет возвращаться, но Наки-то никто не заставляет тупить следом за сестрой… Впрочем, она понимала, что никуда не денется. Раз зашла так далеко, слабость проявлять просто стыдно.

– Вроде все спокойно.

– Мы провели в воде меньше минуты, – сказала Мина.

Обе надели черные гидрокостюмы. Те обладали собственной плавучестью – последовательность простых команд надувала

группу пузырей в области груди и плеч – и не мешали перемещаться. Так или иначе, если жонглеры пожелают вступить в контакт, костюмы, скорее всего, будут съедены за несколько минут. Пловцы, часто контактировавшие с жонглерами, обычно плавали обнаженными (или почти обнаженными), но сестры пока не были готовы к столь полному слиянию с океаном.

Температура воды начала казаться почти приемлемой. Сквозь разрывы в облаках проглядывало солнце, обжигая щеки. Лучи светила заставляли ослепительно сверкать зелень острова, гребни которого сворачивались в кольца и постоянно смещались, как бы чертя затейливой каллиграфией некое тайное послание. Вода лениво плескалась. Растительные стены лагуны возвышались приблизительно на метр, точно крутые берега реки. То и дело Наки чувствовала, как что-то мягко касается ее ног – то ли водоросль, то ли какой-то подводный отросток. Первые пару раз она вздрагивала, но затем практически перестала их замечать. Порой ощущались прикосновения к рукам, быстрые и почти игривые. Когда она вскинула руки, пальцы были сплошь в искристой зелени, облегавшей их ветхими, на вид дорогими перчатками. Правда, зелень шустро сползла обратно в воду, но пальцы зачесались.

– Все спокойно, – повторила Наки тише, чем в прошлый раз.

– Ошибаешься. Береговая линия придвинулась.

Наки присмотрелась:

– Обман зрения.

– Ничего подобного.

Наки оглянулась на плотик. До того было метров пять или шесть. Все равно что миля – далекая и условная безопасность… Да, Мина права: стены лагуны понемногу смыкались. Перед прыжком она была в поперечнике метров двадцать, а сейчас ужалась примерно на треть. Еще есть время удрать, пока зелень их не поглотила, но бежать надо немедленно – на плотик и в манящую гондолу…

– Мина, я хочу вернуться. Мы не готовы к погружению.

– А нам и не нужно быть готовыми. Все произойдет само собой.

– Мы не обучались!

– Будем обучаться на практике, вот и все.

Мина старательно притворялась рассудительной и бесстрастной, но получалось плохо. Наки слышала в ее голосе истерические нотки – признаки то ли безумного страха, то ли бездумного восторга.

– А тебе страшнее, чем мне, сестренка, – сказала она.

– Да, мне страшно, – призналась Мина. – Страшно, что мы

напортачим. Что упустим такую уникальную возможность. Поняла? Вот чего я боюсь!

Либо Наки непроизвольно взбалтывала воду ногами, либо та сама забурлила, но поверхность лагуны начала ходить волнами. Зеленые стены теперь разделяло от силы метров десять, и они больше не походили на отвесные вертикальные срезы, а обретали разные формы и очертания, росли и усложнялись с каждой секундой. Как будто взору представал некий город, проявляющийся из дымки, выставляющий напоказ обильные, сбивающие с толку, завораживающие детали своего облика, с многообразием которых не справлялись ни зрение, ни рассудок.

– По-моему, на сей раз подарок не понадобится, – заметила Мина.

Бесчисленные плети, ветви и отростки скручивались и обвивали друг друга в непрестанном зловещем движении, и почему-то Наки вообразила, что видит перед собой чудовищно увеличенную проводку внутри какого-то устройства. Движение не прекращалось ни на миг, и невозможно было догадаться, какова первоначальная, стабильная форма этой проводки. Периодически возникали то клеточные узоры, то причудливо переплетенные между собой подобия рун, то строгие геометрические конструкции, которые дублировались, дробились, увеличивались или сокращались в размерах… Четкие трехмерные образы неожиданно лишались эфемерности и как бы прорастали из окружающей зелени, словно под руками искусного мастера-садовника. Наки видела внушавшие тревогу картины, искаженные воспоминания об инопланетных существах, некогда угодивших в океан – миллион или миллиард лет назад. Вон трехсуставная конечность, вон выпуклая, точно щит, пластина экзоскелета… Голова некоего существа, сильно смахивавшего на лошадь, превратилась в бурлящую массу фасеточных глаз. На мгновение в хаосе промелькнула человеческая фигура – всего одна. Пловцы-инопланетяне значительно превосходили числом пловцов-людей.

Вот они, жонглеры образами, подумалось Наки. Первые исследователи ошибочно приняли это разнообразие запомненных образов за признак подлинного интеллекта, решили, что здешняя океанская пучина представляет собой нечто вроде сообщества разумов. К такому выводу прийти не составляло труда, однако он был далек от истины. Анимированные образы являлись воплощениями, чем-то наподобие ярких книжных обложек. Сами разумы оставляли лишь мимолетные следы. Единственным свидетельством разумности океана была его собственная «курирующая» система.

Думать по-другому считалось ересью.

Танец телесности ускорился настолько, что уследить стало невозможно. Изнутри зеленой массы пробивалось бледное, пастельных оттенков свечение, неровное, дрожащее и мерцающее. Наки пришло на ум сравнение с фонарями, зажженными в лесной чащобе. Край лагуны резко придвинулся, выбросил несколько щупалец в направлении центра водоема; вода быстро исчезала под биомассой. Эти щупальца пестрели бесчисленными отростками толщиной с человеческое бедро у основания, но сужавшимися мало-помалу до размеров обычной ветки, а то и сильнее, образуя в воздухе кружевное переплетение поистине головокружительной сложности. Свет проникал сквозь них, как сквозь крылья стрекоз. Эти отростки смыкались над лагуной, формируя сверкающий балдахин. То и дело спрайт – во всяком случае, что-то маленькое, юркое и яркое – перелетал от одной стены лагуны к другой. В воде тоже замелькали огоньки, будто там засуетились любопытные рыбы. Микроорганизмы во множестве срывались со щупалец и отростков, целенаправленно сбиваясь в огромные рои. Они облекали тело Наки второй кожей и лезли в глаза. От каждого вдоха першило в горле. На вкус жонглеры оказались кислыми, горькими, будто медицинское снадобье. Они уверенно проникали внутрь Наки.

Она запаниковала. В мозгу словно перещелкнули какой-то рубильник. Все прочие заботы и тревоги куда-то испарились. Ей нужно выбраться из лагуны, прямо сейчас, и плевать, что подумает Мина…

Не столько плывя, сколько бессмысленно размахивая руками, Наки попробовала было добраться до плотика, но одновременно с приступом паники она вдруг ощутила нечто иное. Не паралич, нет, но бесконечную, безмерную лень. Двигаться и даже дышать внезапно сделалось крайне проблематично. Плотик маячил в невообразимой дали. Она больше не могла и не хотела перемещаться. Тело налилось тяжестью; посмотрев вниз, она поняла, что зеленая масса плотно окутала ноги и торс. Микроорганизмы облепили влажную ткань гидрокостюма.

– Мина! – закричала она. – Мина!..

Сестра молчала. Наки стало ясно, что Мину тоже парализовало. Движения старшей девушки приобрели тягучесть. На ее лице читались решимость и покорность. Более того, из-под них проступала полная отрешенность.

Мина ничуть не боялась, нисколько не паниковала.

Татуировки на ее шее свирепо пылали. Глаза она закрыла. Микроорганизмы уже пожирали ее гидрокостюм, словно слизывая ткань с кожи. Наки чувствовала, что с ее собственным костюмом происходит то же самое. Боли не было, организмы не касались

кожи. Стиснув зубы, она извлекла из-под воды одну руку, ощупала бледную кожу и остатки черной ткани. Пальцы практически не гнулись, как если бы они были стальными.

Но – эта мысль позволяла не терять голову – океан, похоже, осознавал святость жизни, во всяком случае, жизни мыслящих организмов. Да, с теми, кто отваживался плавать в компании жонглеров, случалось странное, они впадали в состояние, почти неотличимое от смерти. Но все эти люди воскресали – изменившимися, быть может, однако в остальном ничуть не пострадавшими. Жонглеры всегда возвращали тех, кто плавал с ними, и даже изменения от контакта обычно со временем исчезали.

Но были, надо признать, и те, кто не вернулся.

Нет, сказала себе Наки. Они с Миной явно сглупили, могут поплатиться за это карьерой, но они совершенно точно выживут. Мина при тестировании для корпуса пловцов показала высокую склонность соблюдать правила, но отсюда не обязательно следует, что ее жизнь под угрозой. Для океана правила – всего-навсего игрушка, развлечение, забава…

Мина тонула. Она совсем не шевелилась. В открытых глазах плескалось экстатическое упоение.

Наки желала сопротивляться, но всякая воля к сопротивлению ее покинула. Она могла лишь подчиняться, и ощутила, как начинает погружаться сама. Вода приласкала губы, поднялась до уровня глаз, а в следующий миг девушка окунулась с головой. Сама себе она казалась поваленной статуей, что медленно опускается на дно. Страх достиг пика и утих. Она не тонула, не захлебывалась. Зеленая пена микроорганизмов прорвалась в ее горло, забила носоглотку. Страх куда-то исчез. Не осталось ничего, кроме всепоглощающего ощущения: так правильно, именно для этого она была рождена.

Наки сознавала происходящее, понимала, что должно случиться чуть погодя. В конце концов, она прочитала достаточно отчетов пловцов. Крошечные организмы внедрятся в ее тело, заползут в легкие, проторят себе путь в кровоток. Они сохранят ей жизнь, при этом напичкав мозг какими-то веществами, дарующими химическое блаженство. Стаи этих организмов примутся вторгаться в мозг – по зрительному и слуховому нервам или прямо через кровь. За ними потянутся незримые для человеческого глаза волокна, которые служат соединительными нитями с гигантским скопищем микроорганизмов вокруг, в толще воды. А те, в свою очередь, располагают каналами передачи данных для связи с узлом как таковым… Сам же узел связан с другими узлами, химически и через спрайтов-посыльных. В

общем, зеленые волокна свяжут Наки со всепланетным океаном. Возможно, потребуются часы на то, чтобы сигнал достиг ее мозга из другого полушария Бирюзы, но это не имеет значения… Она начала воспринимать время так, как воспринимали его жонглеры, и собственные мыслительные процессы теперь казались бесполезно быстрыми, чем-то наподобие суеты пчел.

Она чувствовала, как растет и становится обширнее.

Она перестала быть бледнокожим и твердым существом по имени Наки, замершим в лагуне подобно умирающей морской звезде. Восприятие себя растекалось во всех направлениях до самого горизонта, включило узел и пустые океанские воды вокруг и потекло дальше… Она не смогла бы ответить, откуда приходит это ощущение. Точно не посредством зрительных образов; скорее попросту кардинально расширилось осознание пространства. Более того, пространственное восприятие внезапно сделалось главнейшим среди ощущений.

Наверное, об этом говорили пловцы, когда рассуждали о приобщении.

Она улавливала другие узлы, находившиеся в океане за пределами видимости, их химические сигналы заполняли сознание – каждый был уникальным и каждый содержал вводившие в растерянность своей величиной объемы информации. Ты словно внимал воплям сразу сотни толп. В то же время она приобщалась океану, бескрайней водной пучине под узлами и животворительному теплу планетной коры. А рядом была Мина. Вдвоем они ощущались как соседние галактики в бездне инобытия. Мысли Мины, чудилось, вытекают в воду и попадают прямиком к Наки. В этих мыслях Наки ловила эхо собственных размышлений, подхваченных Миной…

Это было прекрасно.

На мгновение их сознания словно вышли на общую орбиту, слились в близости, которая им обеим ранее казалась невозможной.

– Мина, ты меня слышишь?

– Я здесь, Наки. Разве не чудесно?

Страх пропал бесследно. Вместо него появилось восхитительное чувство неотъемлемости от окружающего мира. Они с Миной приняли верное решение. Наки поступила правильно, что согласилась. Мина была безоглядно счастлива, купалась в надежде, спокойствии и уверенности.

А затем они начали ощущать иные сознания.

Ничто вроде бы не изменилось, но вдруг стало предельно ясно, что громовые сигналы от других узлов состоят из неисчислимого множества индивидуальных голосов, что это

немыслимое обилие индивидуальных потоков химической информации. Каждый поток являлся отражением разума, однажды попавшего в океан. Старейшие из них, те, что очутились тут в несказанном прошлом, почти не различались, однако эти сигналы при всем том были и самыми многочисленными. Они звучали почти одинаково, черты личностей смешивались, и уже было неважно, насколько они различались, насколько чужими друг другу были раньше. Сознания, скопированные позднее, ощущались более четко, разнились сильнее, будто отдельные камешки на берегу. Наки воспринимала подлинную чужеродность, барочную архитектуру разумности, плод инопланетной эволюции и преемственности. Объединяло эти сознания только то, что все они принадлежали существам, сумевшим перешагнуть порог разумного использования инструментов и вышедшим – по разным причинам – в межзвездные просторы, где им повстречались жонглеры образами. Впрочем, это все равно что сказать, что акулы и леопарды мыслят одинаково, поскольку они хищники, которым от природы назначено охотиться. Различия между сознаниями на самом деле были поистине космическими, и Наки понимала, что ее разуму крайне сложно с ними освоиться.

Правда, понемногу становилось легче. Исподволь, как-то так, что она не смогла бы отделить одно мгновение от следующего, микроорганизмы в ее мозгу принялись перестраивать нейронные связи, позволяя сознанию Наки все глубже и глубже погружаться в мысленную протяженность океана.

Она ощутила тех, кто примкнул к единению позже прочих.

Это были люди, отчетливо стоявшие особняком от остальных. Наки прочувствовала грандиозный промежуток времени между разумом первого человека и сознанием того существа, которое оставило свой ментальный отпечаток в океане последним из инопланетян. Она была не в состоянии сказать, сколько длился перерыв, миллион или миллиард лет, но знала, что пауза длилась долго, очень долго. Вдобавок она восприняла тоску, снедавшую океан, тоску по разнообразию; человеческие сознания он принимал охотно, однако в них оказалось мало чуждости, а потому лишь в малой степени они разгоняли океаническую скуку.

Эти сознания представляли собой ментальные слепки, копии, снятые в момент конкретной мысли. Чем-то все это походило на оркестр, где каждый инструмент тянет собственную уникальную ноту. Быть может, эти сознания продолжали почти незаметно эволюционировать – она ощутила намек, даже признак намека, на изменение, – но тогда им понадобятся столетия на завершение мысли… тысячелетия на вынесение простейшего мысленного

суждения. Эти новейшие разумы, кстати, пока не осознали, что они были поглощены океаном.

Затем Наки сумела выделить отдельный разум, голосивший громче остальных.

Из новейших, человеческий, а еще в нем было что-то такое, что заставляло морщиться от диссонанса. Поврежденный слепок: разум в момент копирования не удалось воспроизвести без урона. Обезображенный, изувеченный, он испускал крики боли. Судя по всему, он безмерно страдал. Он тянулся к Наки, грезил о любви и сострадании, искал кого-то или что-то, к кому или чему можно прильнуть в постигшем его бесконечном одиночестве.

Перед мысленным взором Наки пронеслись картины. Что-то горело. Пламя жадно лизало остов большого черного сооружения, вырывалось из щелей между его перекладинами. Определить, что это за сооружение, было невозможно: то ли здание, то ли громадный, сложенный пирамидой костер.

Она слышала вопли, потом зазвучали какие-то истерические крики; она было решила, что это тоже вопли, но быстро поняла, что нет, это много, много хуже – это чей-то истерический смех. Чем выше вздымались языки пламени, пожирая конструкцию и заглушая вопли, тем громче становился смех.

Самое жуткое – будто смеялся ребенок.

Возможно, воображение играло странные шутки, но это сознание воспринималось как более текучее, нежели прочие. Оно мыслило медленно, куда медленнее, чем разум Наки, однако чудилось, что это сознание узурпировало изрядную часть общих ресурсов. Оно отбирало у соседних сознаний их циклы обработки, вынуждало замирать в абсолютном стазисе, а само все додумывало свою единичную неторопливую мысль.

Этот разум внушал Наки беспокойство. Он извергал вовне боль и ярость.

Мина тоже его ощущала. Наки читала мысли Мины и знала, что сестра не меньше ее обеспокоена присутствием этого больного разума. Внезапно фокус мысленного внимания сместился, и больной разум уловил два любознательных сознания, только что проникших в океан. Уловил, замер, как бы наблюдая, а затем, спустя миг-другой, ускользнул прочь, в те неведомые области, откуда явился.

– Что это было?..

– Не знаю, – отозвалась сестра. *– Человеческий разум. Думаю, конформал, блюститель форм и правил, поглощенный океаном. Он пропал.*

– Нет, он здесь, но прячется.

– Наки, в океане обитают миллионы сознаний. Из них тысячи,

наверное, принадлежат конформалам, если учесть всех инопланетян, побывавших тут до нас. В таком количестве должна найтись парочка червивых яблок.

– Если бы яблоко… Я словно лед потрогала. Он заметил нас. Потянулся к нам, потом отпрянул, верно?

Мина помедлила с ответом.

– Нельзя сказать точно. На наше восприятие мира вокруг не стоит полагаться целиком. Я даже не уверена в том, что мы с тобой разговариваем. Может, я болтаю сама с собой…

– Мина, не надо, прошу тебя. Мне становится страшно.

– Мне тоже. Но я не позволю какому-то психопату нас напугать.

В следующий миг что-то случилось. Освобождение, чувство, что цепкая хватка океана внезапно и резко ослабела. Мина заодно с ревущим громкоголосием других разумов отдалилась, превратилась в нечто слабо различимое. Наки словно вырвалась из шумной комнаты в соседнюю, где было тихо, и на этом не остановилась, но отступала все дальше от двери.

По спине и рукам побежали мурашки. Она и вправду стала свободной, отупляющий паралич спал. Вверху замерцал жемчужно-серый цвет. Не ведая, поступает ли по собственной воле, она поднялась к поверхности. Наки понимала, что бросает Мину, оставляет сестру в одиночестве, но сейчас для нее было важно лишь одно: сбежать как можно скорее. Она желала отгородиться от того больного разума хотя бы расстоянием – максимально возможным.

Голова пробила корку зелени и вынырнула на воздух. В то же мгновение микроорганизмы внутри заставили тело выгнуться в судороге. Она заплескала негнущимися конечностями, глубоко задышала, вновь охваченная паникой. По счастью, жуткие мучения прошли сами собой спустя несколько секунд. Наки огляделась, ожидая увидеть поблизости отвесные стены лагуны, но перед ней расстилалась водная гладь. Страх комом подкатил к горлу. Она обернулась и различила в отдалении темно-зеленую линию, край острова-узла; до той было с полкилометра. Воздушный корабль, серебристая искорка, парил прямо над островом, чуть ли не касаясь зелени.

За страхом она ненадолго забыла о Мине. Хотелось побыстрее очутиться в безопасности, на корабле, улететь отсюда. Тут Наки увидела спасательный плотик, болтавшийся на воде всего в сотне-другой ярдов от нее. Каким-то неведомым образом его тоже перекинуло на чистую воду. Далеко, конечно, но все-таки ближе, чем до корабля. Она поплыла, страх придавал сил, побуждал стремиться к цели. Фактически она находилась в

непосредственной близости от узла жонглеров: вода вокруг по-прежнему кишела микроорганизмами, и потому казалось, что плывешь по густому, остывшему зеленому супу. Руки повиновались с трудом, но каждый взмах приближал к плотику, а отдыхать она откровенно боялась.

На самом ли деле жонглеры от нее отстали? Не исключено. Если уж на то пошло, их сознания в общем скоплении разумов она не встретила (допуская, разумеется, что у них есть сознание). Как известно, они образуют своего рода архивную систему. Винить их за единичный больной разум – все равно что винить библиотеку за одну книгу, возбуждающую всеобщую ненависть.

Тем не менее на душе было очень и очень тревожно. Наки гадала, почему никто из пловцов не делился впечатлениями о встрече с таким вот увечным разумом. Она-то хорошо его запомнила, хотя свела с океаном лишь краткое знакомство. Да, можно на время вычеркнуть этот разум из памяти – должны быть соответствующие методики подавления воспоминаний, – однако при иных обстоятельствах ничто, пожалуй, не помешало бы ей рассказать об этой встрече коллеге или надиктовать воспоминания для истории.

Наки плыла и плыла. Наконец она задумалась над тем, почему Мина не вынырнула на поверхность следом за ней. Сестра испугалась ничуть не меньше. Правда, Мина всегда отличалась повышенной любознательностью, всегда гордилась своим умением преодолевать страх. Наки воспользовалась шансом сбежать, едва жонглеры ослабили хватку. Но неужели Мина предпочла остаться внизу?

Неужели сестра все еще там, в мысленном единении с жонглерами?

Наки добралась до плотика, перевалилась через борт, прилагая все усилия к тому, чтобы суденышко не перевернулось. Как ни удивительно, плотик пребывал в удовлетворительном состоянии. Его переместили без видимых повреждений; керамическое покрытие носило следы биологической атаки, тут и там красовались зеленоватые проплешины, но плотик явно способен выдержать несколько часов в здешней воде. Система управления функционировала, а на воздушный корабль исправно отправлялась телеметрия.

Из воды Наки выползла голой, поэтому, когда она немного успокоилась, ей стало холодно и она почувствовала себя беззащитной. Из ящика на борту плотика она достала одеяло, прошитое алюминиевой нитью, и плотно в него завернулась. Под одеялом она продолжала дрожать, но это был барьер – пусть символический, – отделявший ее от океана.

Она окинула взглядом водную поверхность. Где же Мина?

Наки сняла с панели управления влагозащитную накидку и ввела нужные команды. Осталось дождаться отклика от воздушного корабля. Пауза начала затягиваться, но в конце концов ответ поступил. Серебристая полоска вдалеке тускло сверкнула – корабль медленно разворачивался, смахивая со стороны на громадный и неповоротливый флюгер. Он двигался, повинуясь команде с панели управления плотика.

Где Мина?

Что-то плеснуло в волнах неподалеку, вяло закружилось, содрогаясь в слабых спазмах. Наки неверяще уставилась в ту сторону. Опустила руку за борт и осторожно, ласково выловила трепыхавшуюся тварь из моря. Существо обвисло в ее пальцах, словно новорожденный морской змей. Белесое, строение тела сегментарное, полметра длиной… Она прекрасно знала, что это такое.

Это был червь Мины. Его появление означало, что Мина умерла.

Глава 2

Два года спустя Наки смотрела, как звезда падает с небес.

Окруженная сотнями зевак, она стояла на огороженном перилами краю одной из элегантных выносных «ветвей» Унингмактока. Часы показывали полдень. Все видимые городские поверхности отчистили от грязи и заново покрыли слоями красной и изумрудно-зеленой краски. Отливавшие янтарем полотнища свисали вдоль металлических опор, что поддерживали конусообразные рукава, тянувшиеся от башен коммерческого центра. Большинство парковочных мест по периметру было занято пассажирским и грузовым транспортом, а множество машин помельче держалось в воздухе, в непосредственной близости от Умингмактока. В итоге, как убедилась Наки, прибывшая в город накануне, «снежинка» превратилась в нечто сверкающее и богато украшенное. Вечерами устраивали фейерверки. Днем же, как и сегодня, например, толпу развлекали фокусники и прочие насмешники над здравым смыслом. Музыканты и танцоры устраивали спонтанные представления на импровизированных сценах. Кикбоксеры под одобрительные возгласы и аплодисменты перебирались с одного самодельного ринга на другой, а за ними по пятам бегали прокторы, оглашая округу свистом. Наспех возведенные ларьки, все в красно-желтых флагах, торговали едой и сувенирами, приглашали сделать татуировки, а девушки в красивых нарядах (с рюкзаками за спиной и с флажками) продавали напитки и мороженое. Дети ходили с воздушными шариками и погремушками, на которых красовались эмблемы Умингмактока и Совета городов-«снежинок», и многие детишки щеголяли стилизованными масками космических путешественников. Тут и там разыгрывали спектакли театры марионеток, причем пьесы были ровно теми же самыми, какие Наки помнила по собственному детству. Но юные зрители наслаждались, восхищенно разевали рты, что бы им ни показывали, будь то относительно правдоподобная история заселения мира – когда колониальный корабль разобрали до винтика ради металла – или что-то вымышленное, вроде затопления Арвиата. Для детей не имело ни малейшего значения, основано зрелище на фактах или опирается на мифологию. Сама мысль о том, что города, которые они называли своими домами, построены из деталей четырехкилометрового корабля, павшего жертвой первопоселенцев, – так вот, сама мысль об этом была такой же достоверной, как и фантазия, будто живой океан порой способен

гневаться и топить города, вызвавшие его недовольство. В этом возрасте все вокруг одновременно обыденное и чудесное, и Наки могла побиться об заклад, что скорый прилет чужого звездолета радует детишек ничуть не больше обещанного фейерверка или сладостей, которые им посулили за хорошее поведение. Помимо детей, суматохи добавляли животные – обезьяны в клетках и редкие дорогие домашние любимцы, выведенные на прогулку. Иногда в толпе мелькали сервиторы, порой над головами проплывали золотистые камеры-дроны, ловившие интересные кадры своими выдвижными объективами. Такого размаха гуляний Бирюза не ведала со дня последнего скандального развода, и в сети происходящее безжалостно обсасывалось со всех сторон, вплоть до мельчайших подробностей, которые немедленно и дотошно препарировались.

На самом деле именно от подобных празднований Наки в свое время сбежала на другое полушарие планеты. Но сегодня она была в городе, прилетела специально, временно отложив всю критически важную работу в проекте «Ров». Себе она твердила, что это необходимо, чтобы завершить наконец ту историю, что началась в ночь перед гибелью Мины. Обнаружение звездолета ультранавтов – теперь на планете знали, что он зовется «Голосом вечера», – привело к глобальному отключению связи, а запрет переговоров явился для Мины предлогом, под которым они с сестрой отправились плавать с жонглерами. Посему ультра были косвенно виноваты во всем, что потом произошло с Миной. Разумеется, винить их было нелепо, но Наки поддалась эмоциям и прилетела в город, хотя бы ради того, чтобы увидеть чужаков воочию и убедиться, схожи ли они с теми монстрами, каких рисовало ей воображение. Она прибыла в Умингмакток с твердым намерением проявить стойкость и ни за что не поддаваться очарованию вакханалии городских гуляний. Но сейчас, очутившись на месте, среди толпы, опьяненная химией человеческого возбуждения – и с отличным свежим червем в кишечнике, – она вдруг осознала, что получает извращенное удовольствие от праздника.

Уже все заметили падающую звезду.

Люди вскидывали головы, таращились в небо, забыв о музыкантах, фокусниках и прочих уличных проходимцах. Девушки-разносчицы замирали и тоже принимались всматриваться в небеса, прикрывая глаза ладонями от слепившего солнца. Искорка была шаттлом, а сам «Голос вечера» обосновался на орбите Бирюзы.

Все желающие успели полюбоваться на корабль капитана Моро – видели своими глазами движущиеся искорки на небосводе

либо изучили картинки, снятые орбитальными камерами и наземными телескопами. Темный продолговатый, корабль притягивал взоры своим хищным обликом. Время от времени он подключал двигатели, корректируя орбиту, и эти вспышки для наблюдателей на планете были сродни дразнящему свету в окнах дома, куда им запрещено ходить.

Было хорошо известно, что такой корабль способен на многое.

Впрочем, замышляй капитан Моро и его экипаж что-либо дурное в отношении Бирюзы, у них в запасе имелось достаточно времени, чтобы учинить что-нибудь этакое. Два года назад звездолет хранил молчание, но год спустя начал передавать обычные сигналы, запрашивая разрешение на пребывание на орбите на срок в три или четыре месяца. Это была формальность, ведь никто не посмел бы отказать ультра, но из нее следовало, к облегчению властей, что гости собираются играть по принятым правилам.

На протяжении второго года полета корабль вел оживленные переговоры с Советом городов-«снежинок». В официальных сообщениях говорилось, что стороны активно налаживают контакты ради взаимовыгодной торговли. Выяснилось, кстати, что ультранавтам желательно обновить их лингвистические пакеты, иначе они рисковали погрязнуть в тонкостях местных диалектов: пусть эти диалекты происходили от каназиана, в них хватало зубодробительных элементов тайского и инуитского языков, на которых говорили первопоселенцы, покорявшие когда-то Бирюзу.

Шаттл между тем сбросил скорость до стандартной сверхзвуковой и избавился от видимого невооруженным глазом кокона ионизированного воздуха. Продолжая замедляться, он нарезáл широкую спираль над Умингмактоком. Наки заранее приобрела у местного торговца дешевый бинокль (потертые линзы переливались розовыми грибковыми разводами). В бинокль треугольный шаттл стал виден куда лучше, но изображение то обретало резкость, то снова расплывалось. Лишь когда шаттл снизился до трех или двух тысяч метров над городом, стало возможным рассмотреть его как следует. Белоснежный, словно выточенный из облака, он выглядел чрезвычайно внушительно. Под скатообразным корпусом прятались разнообразные устройства, рули с винтами, и они крутились так быстро, что глаз замечал только размытые пятна. Шаттл продолжал опускаться. Над гулом толпы, перекрывая взбудораженное многоголосье, разливался, нарастая в громкости, пронзительный свист на грани ультразвука.

Шаттл подлетал медленно. Диспетчеры направили его на «ветку», соседнюю с той, где находилась Наки и другие зеваки. Вблизи стало понятно, что шаттл крупнее любого дирижабля, летавшего над городом; по прикидке Наки, шириной он был с половину ширины центральной городской площади. Тем не менее на отведенное ему место шаттл скользнул с несомненным изяществом. На ослепительно-белой поверхности вспыхнули алые символы, обозначая воздушные шлюзы, грузовые порты и кабельные муфты. Навстречу шаттлу покатили трапы. Докеры под присмотром прокторов и городских чиновников поспешили закрепить на корпусе шаттла фиксирующие магнитные присоски, но те упорно отваливались. Тогда попробовали клейкие захваты, но и они не справились с задачей. Докеры дружно пожали плечами и обескураженно замахали руками.

Людской гул начал понемногу утихать.

Наки тоже испытывала нервное предвкушение. Она наблюдала, как вереница випов выдвигается к трапам. Вереди всех вышагивал пухлый розовощекий тип, в котором Наки узнала Така Тонбури, мэра Унингмактока и председателя Совета городов-«снежинок». Мэру явно не мешало бы похудеть, а чубчик черных волос на его голове смахивал на перевернутый знак вопроса, вытатуированный на коже. Его щеки и лоб сверкали зелеными искрами. За ним выступал куда более худой и стройный Джота Сиваракса. Его присутствие не вызывало ни малейшего удивления, ведь проект «Ров» был одобрен Советом и получал всяческую поддержку. Взгляд серых со стальным отливом глаз доктора непрерывно перемещался из стороны в сторону, будто Сиваракса триангулировал позиции друзей и врагов. Сопровождали чиновников вооруженные прокторы в церемониальных одеяниях и триада боевых сервиторов. Их шарниры и апертуры датчиков сверкали свежей смазкой.

Нетрудно было догадаться, что власти, как бы они ни маскировались, изрядно напуганы: чиновники двигались слишком уж чванливо, отчего их страх становился еще заметнее.

Алый символ над дверью у одного из трапов запульсировал ярче прежнего, корпус шаттла вдруг раскрылся. Наки прищурилась, но даже в бинокль не смогла рассмотреть внутренности корабля, прятавшиеся в красном свете настенных ламп. Так Тонбури и прочие встречающие приосанились. Худощавая фигура выбралась из шаттла, помедлила у трапа, а затем, с торжественной неспешностью, выдвинулась на солнечный свет.

Реакция зевак – отчасти и самой Наки – была двойственной. Люди облегченно вздыхали, удостоверившись, что сообщения с

орбиты не содержали откровенной лжи. В то же время всех очевидно шокировал облик капитана. Моро был минимум на треть выше самого высокого мужчины, когда-либо встречавшегося Наки, но и заметно худее, а его хлипкое на вид тело помещалось в механическом, цвета яшмы экзоскелете причудливой формы. Благодаря экзоскелету возникало впечатление, что он двигается с ленивой грацией палочника.

Первым заговорил Так Тонбури. Его усиленный динамиками голос разнесся над всеми шестью «ветками» Умингмактока, отразился эхом от изогнутых поверхностей множества вакуумных баков, которые поддерживали город в воздухе. Камеры-дроны бешено закружились, выбирая наилучший угол съемки, точно рой пчел, сведенных с ума обилием пыльцы.

– Капитан Моро!.. Позвольте представиться. Я Так Тонбури, мэр города Умингмакток и нынешний председатель Совета городов планеты Бирюза. С удовольствием приветствую вас, ваш экипаж и пассажиров в Умингмактоке и на Бирюзе. Даю вам слово, что мы сделаем все от нас зависящее, чтобы ваш визит оставил только приятные воспоминания.

Ультра сделал шаг к мэру. Проем в борту шаттла оставался открытым. В бинокль Наки разглядела красные голограммы змей на яшмовых конечностях экзоскелета.

Голос ультра оказался таким же громким, как у мэра, только доносился не из городских динамиков, а прямо из шаттла.

– Люди сине-зеленой… – Капитан поперхнулся, потом постучал по одному из выступов своего шлема. – Жители Бирюзы! Председатель Тонбури! Благодарю за радушный прием и за разрешение занять орбиту над вашей планетой. Мы рады быть здесь. Как капитан звездолета «Голос вечера», обещаю соблюдать все установленные правила и не злоупотреблять вашим гостеприимством. – Губы капитана шевелились, даже когда он делал паузы в словах; система перевода, похоже, запаздывала с обработкой. – Кроме того, гарантирую, что вашему миру и спокойствию ничто не грозит, что мы обязуемся соблюдать законы Бирюзы, которые распространяются на всех живых существ и все летательные аппараты в атмосфере планеты. Весь трафик между моим кораблем и вашей планетой подлежит авторизации Совета городов, и всякий член этого Совета, по согласованию с другими, сможет взойти на борт «Голоса вечера» в любое время, когда захочет, при наличии… э-э… транспортного средства.

Капитан замолчал и выжидающе посмотрел на Така Тонбури. Мэр дрожащей рукой вытер пот со лба и пригладил непокорный чуб.

– Спасибо, капитан. – Взгляд мэра метнулся в сторону других членов официальной делегации. – Мы счастливы услышать ваши заверения. Со своей стороны скажу, что мы приложим все усилия, чтобы помочь лично вам и вашему экипажу, и постараемся обеспечить наилучший исход предстоящих торговых переговоров, которые, несомненно, сулят взаимную выгоду уже в ближайшем будущем.

Капитан ответил не сразу, позволил неудобной паузе растянуться. Интересно, подумалось Наки, это и вправду система перевода сбоит или Моро попросту наслаждается очевидным страхом Тонбури?

– Разумеется, – наконец отозвался ультра. – Мы все к этому стремимся, председатель Тонбури. С вашего разрешения я представлю своих спутников.

После этих слов из шаттла вышли еще трое. В отличие от ультранавта, они, пожалуй, вполне сошли бы за обитателей Бирюзы. Двое мужчин, одна женщина, все обыкновенного роста и телосложения, длинноволосые, с тщательно уложенными прическами. Одежда ярких цветов, словно скроенная из разных тканей желтого, оранжевого, красного и золотистого оттенков, перемежавшихся все теми же закатными полутонами. Свободные одеяния шевелились на легком дневном ветерке. Вся троица носила серебряные украшения, причем в количествах, совершенно непривычных для Бирюзы: на пальцах, в волосах, на ушах…

Женский голос прокатился над толпой, усиленный динамиками шаттла:

– Благодарю, капитан Моро. Спасибо, председатель Тонбури. Мы искренне рады быть здесь. Я Амеша Крейн и говорю от имени фонда «Вахишта», скромной научной организации, основанной некогда в префектурах Хейвенитской демархии. Не так давно мы стали расширять круг наших интересов, изучать другие солнечные системы и обратили внимание на вашу. – Крейн указала на двух мужчин, вышедших вместе с ней из шаттла. – Это мои помощники Саймон Мацубара и Рафаэль Вейр. На борту шаттла находятся еще семнадцать ученых. Капитан Моро доставил нас сюда за умеренную плату на своем «Голосе вечера», и фонд «Вахишта», безусловно, принимает все оговоренные условия пребывания на планете.

Так Тонбури, казалось, растерялся окончательно:

– Добро пожаловать… Мы… э-э… польщены… вашим интересом… Вы сказали, научная организация?

– Совершенно верно. Мы крайне заинтересованы в изучении жонглеров образами.

Амеша Крейн, с этим никто не стал бы спорить, выглядела самой привлекательной из троих, с ее-то высокими скулами и чувственными губами, которые, чудилось, постоянно готовы изогнуться в улыбке. Наки вдруг ощутила, что эта женщина делится с нею чем-то сокровенным, чем-то личным и светлым. Наверняка прочие зеваки испытали то же чувство.

– В нашей системе, – продолжала Крейн, – жонглеры, к сожалению, не встречаются, но это не помешало нам заняться соответствующими исследованиями, приступить к сбору сведений из тех миров, где жонглеров изучают на местах. Мы ведем эту деятельность на протяжении десятилетий, опираясь на подтвержденные факты и отсеивая слухи, проверяем теории и строим догадки. Верно, Саймон?

Мужчина с желтоватой кожей – на его лице застыло слегка озадаченное выражение – утвердительно кивнул.

– В изведанной Вселенной нет двух одинаковых миров, населенных жонглерами, – произнес он громко и уверенно, словно копируя тон своей начальницы. – Вдобавок не найти и двух таких миров, которые изучала бы одна и та же исследовательская группа. Это означает, что мы располагаем множеством переменных, которые приходится учитывать. Тем не менее мы, насколько это возможно, сумели выявить определенные черты сходства, которые, как представляется, упустили из виду отдельные научные экспедиции. Не исключено, что эти черты имеют важнейшее значение как для изучения жонглеров, так и для развития человечества. Поскольку у нас жонглеров нет, проверить наши теории на практике, к сожалению, затруднительно. Поэтому мы прилетели на Бирюзу.

Подал голос второй мужчина – как припомнила Наки, его звали Рафаэль Вейр:

– На протяжении почти двух столетий Бирюза оставалась фактически изолированной от остального освоенного человеком пространства.

– Нам это известно, – вставил Джота Сиравакса, первый из группы встречающих, кто раскрыл рот после мэра Тонбури.

Наки отметила про себя, что доктор раздражен, но пытается успокоиться.

– Вы не делитесь своими открытиями с другими мирами, где обитают жонглеры, – сказала Амеша Крейн. – Также, насколько мы знаем, вы не принимаете их трансляций. В результате ваши исследования жонглеров не подвержены внешнему влиянию, вы не следуете модным теориям и популярным исследовательским практикам. Иными словами, вы предпочитаете работать в научной изоляции.

– Да, мы вообще склонны к изоляции, – объяснил Так Тонбури. – Смею указать, что нас такое положение дел вполне устраивает.

– Понимаю. – В голосе Крейн вдруг лязгнула сталь. – Но, как я уже сказала, ваши жонглеры – чистейший, незамутненный источник информации. Когда пловец погружается в океан, его собственные воспоминания, сама его личность могут раствориться в этой среде. Любые предрассудки и предубеждения пловца неизбежно обретают в океане то или иное воплощение; пусть искаженные, переосмысленные, они все равно проявляются, так или иначе. А для следующего пловца, который открывает свое сознание океану, восприятие – или, как у вас выражаются, приобщение – будет омрачено предрассудками и предубеждениями первого. Возможно, этому второму пловцу удастся подтвердить свои подозрения относительно жонглеров, но он не может быть уверен, что не уловил ментальные отзвуки контакта океана с первым пловцом – или с тем, кто погружался еще раньше.

Джота Сиваракса кивнул:

– Я полностью с вами согласен. Но позволю себе заметить, что у нас достаточно собственных модных теорий. В одном только Умингмактоке имеется десяток научных групп, каждая из которых придерживается собственных взглядов.

– Мы это осознаем. – Крейн отчетливо вздохнула. – Но по сравнению с другими мирами вашим загрязнением допустимо пренебречь. – У фонда «Вахишта» недостаточно средств для организации поисков нового, пока не открытого мира жонглеров, поэтому было принято решение отправиться на планету, которая подверглась минимальному человеческому культурному влиянию. И наш выбор пал на Бирюзу.

Так Тонбури, снова играя на публику, – и играя умело, признала Наки, – после короткой паузы ответил:

– Что ж, мне крайне лестно слышать эти слова. Могу я уточнить, что конкретно вас интересует в нашем океане?

– Сам океан, – ответила Амеша Крейн. – Мы хотим присоединиться к вашим исследованиям. Если нам разрешат, члены экспедиции фонда «Вахишта» вольются в состав местных научных коллективов и будут работать бок о бок с учеными Бирюзы. Они ознакомятся с вашими теориями и смогут при необходимости дать полезный совет или высказать предположение. Большего мы не просим.

– Неужели?

Крейн улыбнулась:

– Именно так. Вашу планету мы присваивать не намерены.

Наки задержалась в Умингмактоке еще на три дня, навестила друзей и уладила кое-какие рабочие вопросы по проекту «Ров». Инопланетяне между тем отбыли, перегнали шаттл в другой город – то ли в Прахуап, то ли в недавно слившийся по браку Каанаак-Пагниртунг, где местные чиновники тоже устроили радушную встречу капитану Моро и его спутникам.

В Умингматоке убрали ларьки и полотнища, возобновилась повседневная деятельность. Мусора на улицах прибавлялось на глазах. Торговцы червями процветали, как всегда бывало в периоды малых сумерек. На «ветвях» заметно уменьшилось количество транспортов, полностью исчезло всякое журналистское оборудование. Туристы разъехались по домам, детишки благополучно отправились обратно в школы. В перерывах между рабочими встречами Наки забредала в полупустые бары и рестораны, усаживалась в теньке и наблюдала за прохожими, читая на всех без исключения лицах растерянное разочарование сродни тому, какое испытывала сама. Два года вся планета тешила себя фантазиями по поводу чужого звездолета. Пусть даже выяснилось бы, что чужаки прилетели отнюдь не с благими намерениями, это стало бы отличным поводом для досужих разговоров, послужило бы, в конце концов, важной цели – сделать обыденную жизнь куда более захватывающей.

Но теперь стало ясно, что ничего подобного не произойдет. Разумеется, самой Наки рано или поздно придется взаимодействовать с чужаками по работе, просветить их насчет проекта «Ров» или провести экскурсию по одной из внешних исследовательских зон, но кардинальных перемен ждать бессмысленно.

Вспомнилась ночь, когда они с Миной узнали новости. Сколько всего случилось с тех пор! Мина погибла, Наки со временем заняла место сестры в проекте «Ров». Она доказала, что умеет работать, и поощрения постепенно начали сыпаться на ее голову, а теперь она сделалась фактическим руководителем научной части проекта. Но ощущение того, что жизнь, как говорится, состоялась, все не приходило. Мужчины, с которыми она спала, – почти неизменно это были пловцы, – не могли подарить ей искомое, каждый из них по очереди терял терпение, понимал, что как человек значит для нее намного меньше, чем как олицетворение связи с океаном. С последнего романа минуло несколько месяцев, и теперь Наки, сообразив, что ее подсознание таким вот образом пытается направить ее к океану, старательно избегала отношений с пловцами. До поры она позволяла себя мечтать, надеялась, что прибытие инопланетян утишит

бушевавшие в душе страсти.

Надежды не оправдались.

Получается, надо пробовать что-то другое.

На четвертый день Наки вернулась в Ров на скоростном дирижабле. Прилетела она под вечер, на закате, и спуск с высоты позволил хорошенько рассмотреть сооружение – укороченный сероватый керамический эллипс, распростершийся на берегу, точно громадный брошенный браслет. На горизонте виднелось сразу несколько жонглерских узлов, наверняка связанных между собой тончайшими подводными нитями. Наки они показались чернильными кляксами на листе белой бумаги. А внутри самого Рва находилось несколько малых островков биомассы.

Ров имел в ширину двадцать километров, и его строительство завершалось. Оставалось лишь замкнуть узкий канал в том месте, где сходились, но не соприкасались концы «браслета»: отверстие шириной в сотню метров с отвесными стенами, по обе стороны от которого высились кривоватые башни жилых и административных модулей, ангары и строительные краны. Севернее тяжелые грузовые дирижабли нескончаемой вереницей выгружали каменную руду и керамическую облицовку с атолла Наративат, это был запас необходимых стройматериалов.

Работа шла без малого двадцать лет. Сотни метров Рва над водой являлись всего-навсего десятой частью целого, которое представляло собой километровое кольцо, опиравшееся на морское дно. Через месяц-другой отверстие – трещина в махине Рва – будет заделано, и громадные герметичные двери замкнутся. По необходимости строительство велось медленно и аккуратно, ведь его цель нисколько не сводилась к тому, чтобы обнести стеной небольшой участок океанской воды. Ров был попыткой обособить часть живого океана, изолировать сообщество жонглеров образами внутри прочного керамического кольца.

Скоростной дирижабль заложил плавный вираж над отверстием. Зеленая вода внизу колыхалась с флегматичностью загустевшей крови. Толстые щупальцы, торчавшие из нее, позволяли островкам внутри Рва обмениваться информацией с узлами в открытом океане. У стен, внутри и снаружи, присутствовали пловцы, следившие через контакт с жонглерами за общей ситуацией и готовые немедленно сообщить, если обычные органические процессы окажутся нарушенными.

Дирижабль пришвартовался к одной из башен.

Наки окунулась в привычную суету переполненных коридоров и рабочих пространств. Было донельзя странно вновь ощутить под ногами неподвижную землю. Мало кто обращал на

это внимание, но Умингмакток находился в постоянном движении, как любой другой город-«снежинка» и как любой воздушный корабль. Ничего, скоро все наладится, она с головой уйдет в работу, опять будет делать десять разных дел одновременно, находить оптимальные решения, согласовывать бюджеты, не жертвуя по возможности качеством, разбираться в личных обидах и гасить подковерные войны, а еще, быть может, – если повезет – найдет час или два на научные исследования. После нескольких дней такой жизни прибытие инопланетян покажется если не вымыслом, то малозначительным перерывом в рутинной деятельности. Два года назад она, пожалуй, только бы порадовалась подобному повороту. Жизнь продолжалась, как ни крути, во многом так, как Наки и планировала.

В кабинете ее ждало сообщение от доктора Сиваракса. Тот настаивал на срочном разговоре.

Кабинет доктора Сиваракса в здании администрации проекта был значительно скромнее, чем апартаменты в Умингмактоке, зато вид из окон открывался превосходный. Неудивительно, ведь этот кабинет помещался на средней высоте в одной из тех башен, что сторожили прореху в керамическом кольце Рва, вырастая из толщи сооружения подобно приоткрытым ящикам письменного стола, который опрокинули на заднюю стенку. Когда Наки вошла, Сиваракса что-то писал. Наки помедлила у панорамного окна, разглядывая кипучую стройку в сотнях метров ниже. Машины и работники в шлемах сновали по плоской верхней кромке Рва, доставляя оборудование и стройматериалы в нужные места. Небо отливало кобальтом, изредка мелькали сигары грузовых дирижаблей. Океан за Рвом, казалось, приобрел вид и текстуру дорогой кожи.

Доктор Сиравакса прокашлялся и, когда Наки обернулась, жестом пригласил ее занять кресло напротив.

– Полагаю, все идет неплохо?

– Жаловаться не на что.

– А как с работой?

– Тоже нормально.

– Отлично, отлично. – Сиваракса что-то черкнул в компаде у себя на столе, потом задвинул электронный блокнот под дымчато-серый куб пресс-папье. – Сколько уже прошло?

– С какого времени?

– С тех пор, как ваша сестра… Как Мина… – Он умолк, будто не в силах завершить фразу, и указательным пальцем нарисовал в воздухе спираль.

На его искусно вылепленных руках просматривались вены,

оливковые линии на мраморе кожи.

Наки села поудобнее.

– Два года.

– И вы… справились?

– Не стану лукавить, что забыла. Ни в коем случае. Но недаром говорят, что жизнь продолжается. Вообще-то, я… – Наки собиралась рассказать, какие чаяния возлагала на прилет инопланетян. Но спохватилась, сообразила, что Сиваракса вряд ли сумеет понять ее чувства. – Ну, я думаю, что мне удалось примириться с потерей…

– У меня есть знакомый конформал. Из Йоа. Сумел войти в элиту корпуса пловцов, и никто даже не заподозрил…

– Не доказано, что Мина была конформалом, – перебила Наки.

– Но все признаки этого налицо, не так ли? В той или иной степени мы все подвергаемся симбиотической инвазии со стороны океанских микроорганизмов, однако конформалы обнаруживают максимальную, как выяснилось, уязвимость. Их тела как будто поощряют инвазию, блокируя обычное отторжение чужеродных элементов на клеточном уровне, а океан, похоже, добивается от своих агентов предельной эффективности, словно жонглеры сознательно выбирают цели, подлежащие поглощению. Мина ведь выделялась грибковыми узорами, правильно?

– Мне доводилось видеть узоры обильнее, – ответила Наки, почти не покривив душой.

– Но не у тех, полагаю, кто пытался вступить в контакт. Насколько помню, вы сами собирались поступать в корпус пловцов?

– Да, до тех событий.

– Понятно. А теперь что думаете?

Наки не рассказывала никому, что в ту ночь она погружалась в океан вместе с Миной. Причина была проста: пускай она не видела своими глазами, как погибла сестра, подтвержденный контакт с больным разумом помешал бы ей впредь заниматься изучением океана.

– Плавать – не для меня.

Сиваракса задумчиво кивнул:

– Мудрое решение. Кроме того, приняли бы вас или нет, после того… инцидента им пришлось бы с вами расстаться. Прямая генетическая связь с конформалом, даже с предполагаемым конформалом, представляет собой чрезмерный риск.

– Я так и подумала.

– Вас это беспокоит, Наки?

Она поняла, что беседа начинает ее утомлять. Дела никто не отменял, сам же Сиваракса назначил сроки, которые поджимают…

– Что именно?

Кивком он указал на океан за окном. Благодаря игре света и тени образ сморщенной кожи исчез, сменился впечатлением, будто кто-то расстелил огромный лист бронзы.

– Мысль о том, что Мина по-прежнему где-то там…

– Будь я пловцом, эта мысль меня бы, возможно, преследовала. А так… Нет, не могу сказать, что переживаю до сих пор. Моя сестра погибла, прочее не имеет значения.

– Знаете, Наки, пловцы рассказывают, что иногда им встречаются сознания – ну, или сущности – погибших. Эти встречи не так уж редки. А конформалы оставляют в океане более глубокие, если угодно, следы, чем обычные пловцы. В этом должен быть какой-то смысл, не находите?

– Не мне об этом рассуждать.

– Ясно. – Доктор покосился на компад, провел пальцем по верхней губе. – Ясно. Что ж, давайте к делу…

– А вам доводилось плавать? – перебила Наки.

– Да. Сам не верю. – Он умолк, и пауза затянулась.

Наки собиралась уже хотя бы кашлянуть, но тут Сиваракса продолжил:

– Пришлось бросить это занятие по настоянию медиков. Иначе, думаю, я задержался бы в корпусе пловцов намного дольше, пока не позеленели бы руки.

– На что это похоже?

– Просто чудо. Мне не с чем сравнить.

– Вы изменились?

Он улыбнулся:

– Признаться, я как-то не задумывался. После крайнего погружения я прошел все обычные неврологические и психологические тесты. Врачи не нашли никаких аномалий, никаких свидетельств того, что жонглеры подселили в мой разум чуждые сущности или перестроили мой мозг, дабы я начал мыслить по-инопланетному. – Доктор протянул руку и взял дымчатый куб, который Наки приняла за пресс-папье. – Это доставили с «Голоса вечера». Взгляните.

Наки всмотрелась в серые глубины куба. Стало понятно, что там таятся какие-то образы – цепочки неведомых символов, пересекающиеся под прямыми углами. В целом все это смахивало на строительные леса, окружающие незримое здание.

– Что это?

– Математика. Точнее, математический довод –

доказательство, если хотите. Конвенциональная математическая нотация, сколь угодно загадочная для непосвященных, развивалась таким образом, что ее наносили на двухмерные плоскости, будь то бумага или экран. А перед нами трехмерный синтаксис, избавленный от данного ограничения. Как видите, он намного богаче и, не побоюсь этого слова, элегантнее. – Куб завертелся в пальцах Сиваракса, и доктор снова улыбнулся. – Никто не в состоянии разобрать, что тут написано. Однако я, когда увидел куб в первый раз, чуть его не уронил от шока, потому что формулы мгновенно обрели смысл. Я понял саму теорему и то, что она выражает. Это шутка, Наки. Забава. Математика позволяет кроме прочего выражать юмор. Вот такой подарок мне оставили. Знание провело в моей голове двадцать восемь лет, точно птенец, дожидавшийся в яйце срока вылупиться. – Он отдернул руку и вернул куб на стол. – Что-то грядет.

Снаружи донесся глухой, протяжный грохот: очередной дирижабль сбросил порцию руды. Наверное, одну из последних, которые требовались строителям.

– Не поняла.

– У меня попросили разрешения осмотреть Ров.

– Кто?

– Крейн и ее коллеги из «Вахишты». Они пожелали побывать во всех крупнейших научных центрах Бирюзы, и мы, естественно, вошли в этот список. Если коротко, они прилетят сюда и проведут у нас пару дней, знакомясь с нашими достижениями.

– Признаться, я не удивлена.

– Конечно. Но я надеялся, что это случится лишь через пару месяцев. А они прилетят на неделе.

– Значит, постараемся принять.

– Для этого я вас и позвал. – Сиваракса кивнул. – Вы будете отвечать за прием инопланетян, Наки. Станете их проводником по Рву. Думаю, вы отдаете себе отчет в том, сколь велика ответственность. Любая ошибка, любая досадная мелочь может сказаться на нашем положении в Совете городов-«снежинок». – Он указал на компад. – С бюджетом на самом деле неважно. Так Тонбури держит меня за горло. Поэтому все должно пройти без помарок.

– Приму к сведению.

Наки действительно понимала Сивараксу. Поручение сулило богатые перспективы, но было чревато изрядными проблемами. Если все пройдет гладко, если гости останутся довольны, Сиваракса наверняка припишет это прежде всего себе. А вот если что-то случится, вся вина ляжет целиком на ее плечи.

– Да, еще кое-что. – Сиваракса пошарил в ящике стола, извлек какую-то брошюру и щелчком пальцев отправил ее Наки по столешнице. На обложке брошюры отчетливо просматривалась серебристая снежинка, а поверх тянулась красная лента. – Открывайте, у вас есть нужный допуск.

– Что это?

– Доклад разведки об одном из наших новых друзей. Он ведет себя несколько странно. Думаю, за ним придется приглядывать.

По непостижимым причинам комитет по международным делам решил, что Наки следует представиться Амеше Крейн и ее спутникам за день до начала официального визита, слетать для этого в Сукхотай-Саникилуак, где находились инопланетяне. Дорога грозила занять почти двое суток, даже на скоростном дирижабле и по ветхой, ненадежной железной дороге между атоллами Наративат и Кейп-Дорсет. Наки прибыла в Сукхотай-Саникилуак в бархатных лиловеющих сумерках и успела застать окончание фейерверка. Два города заключили брачный союз всего три недели назад, поэтому прибытие инопланетян оказалось отличным предлогом для продолжения праздника. Наки наблюдала за фейерверком с посадочной площадки в коммерческом центре Сукхотая. Пышные огненные букеты, водопады алых, фиолетовых и ярко-зеленых искр расцвечивали небо над вакуумными баками. Ей вспомнились микроорганизмы, что вертелись за кормой их с Миной воздушного корабля. Воспоминание навеяло грусть и почему-то внушило уверенность, что она совершила ужасную ошибку, согласившись на это назначение.

– Наки?

Ее окликал Так Тонбури, вышедший на балкон. За время полета Наки успела обменяться с председателем несколькими сообщениями. Облаченный в роскошный, под стать должности, наряд, он выглядел не слишком-то трезвым.

– Здравствуйте, председатель Тонбури.

– Хорошо, что вы прилетели, Наки. – Его взгляд блуждал по ее телу с чисто научным интересом, задерживаясь там, где внимание Тонбури привлекало что-то особенное. – Понравилось представление?

– Вижу, вам тоже.

– Еще бы! Я всегда был без ума от фейерверков. – Он вручил Наки бокал со спиртным, и вместе они наблюдали за финалом огненного спектакля, который немного разочаровал. Наки невольно обратила внимание, что зрители не спешат расходиться, словно ожидают чего-то еще. И они были правы – началось

великолепное трехмерное шоу, устроенное при помощи оборудования на шаттле инопланетян. В небе над Сукхотай-Саникилуаком парили китайские драконы, огромные, как горы, и устраивали между собой эпические битвы. Морские чудовища сворачивались в кольца и яростно извивались. Пылали небесные цитадели, воинство багровокрылых огненных ангелов устремлялось вниз плотным строем, и в руках у них были диковинные предметы – то ли музыкальные инструменты, то ли орудия палачей…

В заключение из океана поднялся мраморный великан, как если бы его пробудили после тысячелетнего сна.

Зрелище удалось на славу.

– Гады, – пробормотал Тонбури.

– Прошу прощения?

– Гады, – повторил он громче. – Мы и так знаем, что они нас превосходят. Зачем лишний раз об этом напоминать?

Тонбури проводил Наки в залу, где веселились ученые из фонда «Вахишта». Казалось, председатель, уйдя с открытого пространства, чудесным образом протрезвел. Наверняка такая вот способность пьянеть и мгновенно избавляться от опьянения относилась к числу важнейших искусств дипломатии.

Он наклонился к ней и прошептал:

– Джота упоминал о?..

– Соображениях безопасности? – перебила Наки. – Да. Я видела отчет.

– Возможно, все это ерунда, но…

– Я понимаю. Предусмотрительность лишней не бывает.

Тонбури подмигнул и прижал палец к носу:

– Справедливо.

Внутри было светлее, чем на балконе. Двадцать представителей «Вахишты» стояли тесным кружком посреди зала. Капитан-ультра отсутствовал – он практически не показывался на Бирюзе после высадки в Умингмактоке, – зато остальные инопланетяне вели бурную светскую жизнь. Сейчас они беседовали с местными воротилами, которых Наки в лицо не знала. Тонбури, впрочем, подвел ее к гостям и бесцеремонно прервал общий разговор.

– Господа, позвольте представить вам Наки Окпик. Она руководит научной программой проекта «Ров» и будет сопровождать вас в ходе вашей поездки туда.

– Очень приятно, – проговорила Амеша Крейн, пожимая руку Наки. – Я буквально на днях читала ваши статьи о распространении информации в узлах третьего ранга. Крайне

познавательно.

– Это совместная работа, – поправила Наки. – Там целый коллектив трудился.

– Вы молодцы, все вы, правда. Добились таких успехов при минимуме ресурсов. К тому же очень творчески использовали кое-какие элементарные цифровые техники.

– Мы брели наугад, – честно сказала Наки.

Крейн восторженно закивала:

– В том-то и дело! Не сомневаюсь, вы гордитесь своими достижениями.

В беседу вмешался Так Тонбури:

– Вопрос сугубо философский. Мы развиваем науку в изоляции, и нам нравится то ограниченное общение, которое мы поддерживаем с другими колониями. В социальном плане такая модель не лишена недостатков, но она позволяет нам не завидовать постоянно другим мирам, которые опередили нас в развитии на несколько десятков лет – одни благодаря стечению обстоятельств, другие благодаря своему местоположению. Мы считаем – думаю, все подтвердят, – что выгоды перевешивают недостатки.

– Кажется, так и есть, – согласилась Крейн. – Вы создали удивительно цельное общество, председатель. Почти утопия наяву.

Так Тонбури пригладил свой чуб:

– Спасибо на добром слове.

– Приятно говорить правду, – вставил мужчина, в котором Наки опознала того типа с озадаченной физиономией, Саймона Мацубару. – Без принудительной самоизоляции, которую вы у себя ввели, ваши исследования по жонглерам оказались бы такими же скомпрометированными, как и все прочие.

– Но изоляция – не панацея, – утвердительно произнес третий голос, спокойный и властный.

Наки обернулась. Высказался Рафаэль Вейр, тот самый инопланетянин, о котором в отчете разведки говорилось как о потенциальной угрозе. Среди тех троих, что вышли из шаттла капитана Моро, он меньше остальных бросался в глаза: аморфные черты позволяли слиться с любой толпой. Вот и сейчас – не подай он голос, Наки не обратила бы на него ни малейшего внимания. Не то чтобы он выглядел никак, но в его облике не было ровным счетом ничего броского или харизматичного. Как упоминалось в отчете, он несколько раз пытался отделиться от группы инопланетных ученых, облетавшей местные научные центры. Возможно, всему виной случайность – другие члены группы тоже

порой отставали, – однако частота отлучек Вейра заставила разведку насторожиться.

– Разумеется, – подтвердил Тонбури. – Мы не возводим изоляцию в абсолют, иначе «Голос вечера» не получил бы разрешения выйти на орбиту вокруг Бирюзы. Мы просто не одобряем бесконечные шныряния туда и сюда. Гостей мы принимаем радушно, но приглашать их к себе не спешим.

– Мы что, первые, кто прилетел сюда после заселения планеты? – уточнил Вейр.

– Первые? – Тонбури помотал головой. – Нет. Но после прибытия того звездолета прошло довольно много лет.

– Что это был за звездолет?

– «Нечестивый пеликан», сто лет назад прилетал.

– Забавное совпадение.

– В чем именно? – спросил Тонбури, прищурившись.

– Если мне не изменяет память, следующим портом назначения «Пеликана» значился Хейвен. Как там сказано в документах, «Корабль летел с Сиона и сделал торговую остановку на Бирюзе»? – Вейр усмехнулся. – А мы прилетели с Хейвена, так что, получается, исторически наши миры связаны.

Тонбури явно пытался угадать, что у Вейра на уме, но безуспешно.

– Мы здесь стараемся пореже вспоминать «Пеликан». Безусловно, он познакомил нас с техническими новинками – с технологией производства вакуумных баков, с передовыми методами обработки информации… А заодно доставил немало проблем. Такие раны зарастают медленно.

– Будем надеяться, что о нас вы станете вспоминать теплее, – сказал Вейр.

Амеша Крейн кивнула, притронулась к серебряной безделушке, украшавшей ее прическу:

– Совершенно верно. Могу добавить, что по всем признакам мы, похоже, выбрали для прилета самое удачное время. – Она повернулась к Наки. – Знаете, проект «Ров» вызывает у меня искреннее восхищение. Смею полагать, что это чувство разделяет вся наша делегация. В других мирах никто даже не пытался приступать к столь грандиозной затее. Как ученый ученому, скажите откровенно: вы уверены, что проект окупится?

– Не узнаем, пока не попробуем, – ответила Наки.

Ничего другого она сказать не могла: чрезмерный оптимизм грозил обернуться тем, что политики примутся задавать неудобные вопросы о расходах, и ровно тем же был чреват избыточный пессимизм.

– Все равно я восхищена. – По тону Крейн можно было

предположить, что она прекрасно поняла сдержанность Наки и причины ее уклончивости. – Говорят, что вы вот-вот проведете первый эксперимент?

– Ну, если учесть, что строительство заняло почти двадцать лет, можно сказать и так. Месяца через три-четыре, не раньше, а быть может, и позже. Мы не хотим торопить события.

– Очень жаль. – Крейн снова повернулась к Тонбури. – Через три-четыре месяца мы, скорее всего, уже улетим. Но не сомневаюсь, что зрелище будет достойное…

Тонбури наклонился к уху Наки, дыхнув на нее дешевым винным уксусом:

– Неужели нет никакого способа ускорить подготовку?

– Боюсь, ни единого, председатель.

– Очень жаль, – повторила Амеша Крейн и, продолжая теребить безделушку в волосах, развернулась к своим спутникам. – Но эта досадная мелочь не омрачит наше пребывание на Бирюзе, верно?

Ко Рву они вернулись все вместе на шаттле «Голос вечера». По прилете пришлось выдержать очередное официальное празднество, но оно, к счастью, изрядно уступало размахом гуляниям в Сухотай-Саникилуаке. Доктор Джота Сиваракса, разумеется, присутствовал, и потому Наки, быстренько познакомив его с инопланетянами, впервые за много часов смогла отдохнуть – спряталась в темном уголке парадного зала и оттуда с блаженной отстраненностью наблюдала за общением чужаков с местными. От усталости у нее слипались глаза, и все вокруг словно подернулось дымкой. Инопланетяне, окружившие Сивараксу, будто превратились в столбы пламени, их яркие наряды переливались при каждом движении, оттенки желтого, алого и золотого танцевали, точно искры. Выждав столько, сколько ей казалось вежливым, Наки ушла и, рухнув в постель, немедленно провалилась в беспокойный сон; снились отряды багровокрылых ангелов, падающие с небес, и громадный великан, встающий из пучины и сдирающий с век налипшие за столетия водоросли…

Проснувшись, она осознала, что по-прежнему ощущает себя уставшей. В щели между шторами пробивался анемичный солнечный свет. Приступать к работе следовало через несколько часов, так что еще было время попытаться заснуть снова. Но она понимала, что все попытки окажутся тщетными.

Наки встала. К ее удивлению, ночью пришло новое сообщение от Сивараксы. Интересно, что такого важного он спешил сказать? Не мог, что ли, подождать до утра?

Она прочитала сообщение.

– Сиваракса, ты спятил? – проговорила она вслух. – Это же невозможно!

В сообщении говорилось, что планы меняются. Мол, первое закрытие океанских ворот состоится через два дня, в присутствии инопланетной делегации.

Полнейшее безумие! Двое суток вместо нескольких месяцев! Ну да, технически ворота можно закрыть – оборудование для этого уже установлено и подключено, – и герметичность продержится минимум сотню часов после закрытия. Но ведь все остальное попросту не готово! Системы мониторинга, отказоустойчивые резервирующие мощности… До полноценной готовности минимум шесть недель тщательного тестирования, проверок и перепроверок…

В два дня не уложиться, сколько ни пыжься. Политика, чтоб ее! В лучшем случае удастся выяснить, остались или нет жонглеры внутри Рва, когда ворота закроются. Ну, еще понять, прервется ли передача данных, и оценить, каким образом плененные узлы отреагируют на утрату контакта с океаном.

Наки выругалась. Очень хотелось отдубасить Сивараксу, но она понимала, что он тоже жертва. Ему необходимо угождать политикам, чтобы проект не закрылся из-за нехватки финансирования. Он лишь выполняет то, что ему приказывают, и почти наверняка злится не меньше, чем она сама.

Надев шорты и футболку, Наки отправилась в столовую и выпила кофе. В коридорах было тихо, лишь негромко утробно гудели генераторы и системы воздушной вентиляции. Неделю назад стоял бы несмолкающий шум, ведь строительные работы велись круглосуточно. Однако теперь стройка как таковая завершилась, последний дирижабль с камнем разгрузился, пока Наки отсутствовала. Оставалось только навести лоск и наладить оборудование. В общем, формально Сиваракса был прав: двух дней на то, чтобы организовать закрытие ворот, должно хватить. Другое дело, что это возможно разве что на бумаге…

Слегка успокоившись, она вернулась в свою комнату и связалась с Сивараксой. Еще рано, конечно, однако этот мерзавец уже испортил ей утро, а потому никаких угрызений совести Наки не испытывала.

– Наки, – доктор на экране видеофона щеголял всклокоченной седой шевелюрой, – я так понимаю, вы прочитали мое послание?

– Вы же не думаете, что я соглашусь?

– Мне происходящее нравится ничуть не больше, чем вам, но политика диктует свои правила.

– Да неужели? По-вашему, закрыть ворота – это как свет в комнате выключить? Опомнитесь, Джота! – Его глаза расширились при этакой фамильярности, но Наки не собиралась останавливаться. – Если облажаемся в первый раз, второго нам могут и не дать! Вы забываете о жонглерах! Без них у нас будет всего-навсего здоровенная океанская заправочная станция! Политика, говорите? Как вам такая политика?

Сиваракса провел пятерней по вздыбленным волосам:

– Позавтракайте, погуляйте немного, а затем приходите в мой кабинет. Мы все спокойно обсудим.

– Спасибо, но я уже позавтракала.

– Тогда ступайте гулять. Вам не помешает свежий воздух. – Доктор потер глаза. – Если честно, я понимаю ваши чувства.

– Да какие чувства?! Это же полный бред! А самое поганое, что вы сами это знаете!

– Увы, у меня связаны руки. Через десять лет, Наки, вы займете мое место, и вам придется принимать аналогичные непростые решения. Ставлю сто к одному, что наверняка у вас будет свой молодой ученый-идеалист, который будет обвинять руководство в тупости и замшелости. – Сиваракса невесело усмехнулся. – Помяните мои слова, это обязательно случится.

– Значит, ничего нельзя сделать? Совсем ничего?

– Я буду у себя в кабинете через… – доктор бросил взгляд на часы, – через тридцать минут. Приходите, обсудим все подробно.

– Тут нечего обсуждать!

Самой Наки собственный голос показался смешным и противным. Разумеется, Сиваракса прав: нет ни малейшей возможности управлять столь дорогим и сложным проектом, не изъявляя желания идти на компромиссы.

Поразмыслив, она решила последовать совету Сивараксы и глотнуть свежего воздуха. Спустилась по винтовой лестнице и очутилась на поверхности Рва. Бетон холодил босые ноги, прохладный ветерок приятно обдувал обнаженные руки и колени. Небо на горизонте светлело. Строительные машины выстроились в ряд вдоль кромки огромного кольца, ожидая сигнала к работе; что ж, ждать им долго – пока инопланетная делегация не улетит. Наки пробралась между машинами, ловко переступая через многочисленные кабели, и встала на краю Рва. Перила из стойкого к гниению уплотнителя, предупредительно выкрашенные в яркие цвета, преградили ей путь. Она притронулась, удостоверяясь, что перила сухие, потом перегнулась через них. Дальняя сторона Рва, в двадцати километрах, выглядела тонкой полоской утреннего тумана.

Что можно сделать за два дня? Ничего. Точнее, ничего, что

соответствовало бы давно составленным планам. Но если распоряжение придется выполнять – а сообщение Сивараксы не подразумевало неподчинения, – тогда именно ей нужно отыскать некий способ получить хотя бы подобие научного результата от политической показухи. Наки присмотрелась к отверстию в кольце, к множеству навесов и балок, что висели паутиной в воздухе над ним. Если подготовить за сегодня типовые зонды вроде тех, что сбрасывают с дирижаблей…

Ее взгляд перемещался по ландшафту, фиксируя и прикидывая.

Ну да, работы невпроворот: собрать зонды, на скорую руку состряпать что-то наподобие системы накопления данных в реальном времени… Пожалуй, может получиться, если как следует постараться. Конечно, качество полученных данных будет отвратительным, особенно в сравнении с теми, которые предполагалось добывать через несколько месяцев при помощи специального высокочувствительного оборудования. Однако лучше уж такие данные, нежели их отсутствие.

Наки рассмеялась. Всего час назад она собиралась покончить с собой, не желая участвовать в этом позорном фиаско, и на тебе!..

Пройдясь вдоль перил, она подошла к наблюдательному пункту, где стояла на опоре подзорная труба, естественно смазанная составом от гниения. Протерла линзы тряпочкой, заботливой положенной к основанию опоры, и повела трубу по плавной дуге, обозревая темную массу воды внутри Рва. Внизу лишь изредка попадались промоины, большую часть акватории занимала растительная каша – Наки не подобрала другого слова, – зеленая, густая, в которой отдельные островки крепко соединялись с другими органическими отростками. По последней оценке, внутри Рва удалось удержать три небольших узла жонглеров. В воздухе разливалась едкая вонь, но это был хороший признак, свидетельство должной плотности микроорганизмов в узлах. Наки до сегодняшнего утра много раз обоняла эту вонь – и неизменно вспоминала день, когда погибла Мина.

Насколько вообще жонглеры образами могли что-либо «знать», они, очевидно, догадывались о людских намерениях. Они поглощали мысли пловцов, нырявших в океан поблизости от Рва или внутри кольца, а все эти пловцы были осведомлены о глобальной цели проекта. Не исключено, что это знание не подлежит облечению в форму, понятную инопланетянам, однако Наки считала, что не стоит недооценивать жонглеров, как ни крути, замыкание Рва – событие вполне конкретное. В геометрии

жонглеры разбирались, это было подтверждено неоднократно. Тем не менее, несмотря на предупреждения, жонглеры остались внутри Рва, и это означало, наверное, что они готовы к закрытию ворот, которое отрежет узлы внутри от остального океана.

Может, закрытие их не пугало. Может, они твердо знали, что каналы коммуникации сохранятся – скажем, исчезнут химические, но спрайты и иные воздушные организмы без труда преодолеют бетонные стены. Может, может, может… Единственный способ выяснить – это провести эксперимент, сдвинуть массивные створки и изучить результат.

Наки оторвалась от подзорной трубы и огляделась.

Внезапно она заметила нечто необычное. Пятнышко света скользило по поверхности воды внутри Рва.

Она прищурилась. Нет, не рассмотреть. Резко развернула подзорную трубу в нужную сторону, прижалась лицом к окуляру, поймала пятнышко в поле зрения и подкрутила резкость.

Лодка. И в ней кто-то есть.

Наки увеличила изображение, и лодка словно придвинулась через отделявший ее километр пространства. Корпус облит керамикой, такие лодки используют пловцы. Длина от носа до кормы пять или шесть метров. Тот, кто правил лодкой, прятался за выгнутым ветровым стеклом, а мощный мотор гнал суденышко вперед.

Черты лица было не разглядеть, но развевавшиеся оранжевые одежды не оставляли места сомнениям. Один из инопланетян! Наки была почти уверена, что это Рафаэль Вейр.

Лодка направлялась к ближайшему узлу.

Несколько мучительных мгновений Наки стояла в растерянности, не зная, как ей быть. Вейр явно собрался плавать с жонглерами, в точности так, как когда-то плавали они с Миной. Вряд ли он понимает, что его ждет. Нужно его задержать, помешать ему, но каким образом? Он будет возле узла через пару-тройку минут…

Наки побежала обратно в башню. Тяжело дыша, ворвалась в переговорный блок и попыталась найти канал связи с лодкой. То ли она второпях нажимала не на те кнопки, то ли Вейр заблокировал вызовы, но лодка не откликалась. Что дальше? Считалось, что объект охраняется, тем более при визите инопланетной делегации. Но как местные охранники будут ловить эту лодку? Они обучены в лучшем случае подавлять гражданские беспорядки, никто из них не имеет опыта взаимодействия с активным узлом…

Она все же связалась с охраной, сообщила о нарушителе. Потом вызвала Сивараксу и рассказала ему.

– Думаю, это Вейр, – заключила она. – Я его остановлю!

– Наки… – предостерегающе начал доктор.

– Это моя обязанность, Джота. Я справлюсь.

Наки выбежала наружу. Ближайший лифт не работал, до следующего было около километра по кольцу. Не годится, времени нет. Она припустила вдоль перил, высматривая разрыв, от которого настенная лесенка вела вниз по крутому бетонному обрыву. Перекладины заботливо смазали составом от гниения, и это обстоятельство изрядно затрудняло спуск. Лесенка насчитывала пятьсот перекладин, и Наки преодолевала по две-три зараз. Она быстро достигла места, где лесенка упиралась в плавучую платформу и меняла направление. Взгляд Наки цеплялся за крошечное белое пятнышко – без оптики казалось, будто оно застыло, но не приходилось сомневаться, что оно все ближе подбирается к узлу. За время спуска Наки хорошенько обдумала, каковы намерения инопланетянина. Она была уверена, что это Вейр, и ее нисколько не удивило его решение нырнуть – об этом, в конце концов, грезили все, кто изучал жонглеров. Но зачем предпринимать вылазку тайком, когда никто не отказал бы в просьбе, прояви он некоторую настойчивость? Так Тонбури явно потакал инопланетянам, а потому, стоило председателю хотя бы намекнуть, для чужаков организовали бы мини-экспедицию… Да, пловцы бы протестовали, но, как и Наки, им преподали бы наглядный урок в искусстве достижения политических компромиссов.

По всей видимости, Вейр просто не хотел ждать. Звучит разумно; выходит, все прошлые случаи, когда он отделялся от делегации, объяснялись неудачными попытками свести близкое знакомство с жонглерами. Лишь сегодня ему наконец-то выпала реальная возможность, и он тут же за нее ухватился.

Наки спустилась к воде, к веренице моторных лодок на керамических понтонах. Большинство лодок находились на стапелях, чтобы избежать повреждений корпуса, но, по счастью, одна – аварийно-спасательная – была на плаву. Ее некогда белый корпус пестрел многочисленными зелеными шрамами и следами гниения, но, судя по виду, десяток часов она точно должна была протянуть. Наки прыгнула в лодку, отвязала швартов и запустила двигатель. В следующий миг она уже неслась прочь от причала, удалялась от могучей стены Рва. По возможности она старалась вести лодку по относительно чистой воде, шарахаясь от скоплений зеленой биомассы.

То и дело она смотрела вперед сквозь ветровое стекло. Было очень легко отслеживать Вейра с высоты в сотню метров, но теперь его стало не разглядеть за пеленой микроорганизмов на

воде и в воздухе. Бросив бесплодные попытки обнаружить нарушителя, Наки сосредоточилась на управлении лодкой и, подумав, включила бортовую рацию.

– Джота, это Наки! Я на воде, гонюсь за Вейром!

Раздался громкий треск, затем пробился голос:

– Доложите подробнее!

Ей пришлось перекрикивать хлюпанье биомассы за бортом:

– Доберусь до узла минуты за четыре, может, за пять. Вейра пока не вижу, но это не страшно.

– Мы за ним следим. Он еще не доплыл до узла.

– Хорошо. Найдутся лодки, если ему вздумается навестить другие узлы?

– Да. Пловцы выдвинутся через пару минут. Я разбудил всех, кого смог.

– Что насчет остальных инопланетян?

Сиваракса помолчал, прежде чем ответить:

– Почти все спят. У меня в кабинете Амеша Крейн и Саймон Мацубара.

– Дайте поговорить с ними.

– Секунду, – отозвался доктор после почти незаметной паузы.

– Крейн слушает, – произнес женский голос.

– Думаю, я преследую Вейра. Подтверждаете?

– Он не отвечает на вызовы. Но окончательно мы убедимся, когда проникнем в его комнату.

– Амеша, я не удивлена. Вейр успел нас заинтриговать. Мы ждали от него чего-то подобного.

– Вот как? – Возможно, Наки почудилось, но вроде бы в голосе Крейн прозвучало неподдельное изумление. – Почему? Что он натворил?

– А вы не знаете?

– Нет. – Крейн умолкла.

– Он один из нас, – вмешался в разговор Мацубара. – Хороший… специалист. У нас не было оснований ему не доверять.

Быть может, Наки снова почудилось, но невольно возникло впечатление, что Мацубара чуть не употребил другое слово. Скажем, не «специалист», а «ученик». Или «послушник».

Крейн вернула себе рацию:

– Пожалуйста, остановите его, Наки. Мы все страшно расстроены. Не позвольте ему нанести урон.

Наки прибавила скорость, скопления органики по курсу перестали ее волновать.

– Не позволю, – твердо пообещала она.

Глава 3

Впереди что-то изменилось.

– Наки? – позвал по рации доктор Сиваракса.

– Слушаю.

– Лодка Вейра замедлила ход. Отсюда кажется, что он достиг внешнего периметра узла. Вроде бы собирается идти вокруг.

– Я его пока не вижу. Наверное, он ищет точку входа.

– Зря старается, верно? – Сиваракса хмыкнул. – Он ничего не найдет, если жонглеры этого не захотят. Мы-то знаем, что они приглашают пловцов к себе.

– Он, видимо, еще не понял, – процедила Наки.

Ей было, в общем-то, все равно, догадался Вейр или нет о стандартных способах контакта с жонглерами. Даже если жонглеры откажутся сотрудничать – Вейру только и останется, что бесцельно бултыхаться в зеленой воде, – нельзя предугадать, какие скрытые опасности могут его подстерегать. Сама она уже мысленно смирилась с необходимостью ускорить закрытие ворот. Но новых осложнений она не потерпит, не допустит вмешательства в работу экспериментальной системы. Не в ее смену.

– Остановился, – сообщил Сиваракса. – Вы его не видите?

Наки привстала, не обратив внимания на то, что лодка опасно покачнулась.

– Погодите. По-моему, я что-то вижу. Нагоню его через минуту-другую.

– Что вы намерены предпринять? – спросила Крейн. – Мне горько это признавать, но Вейр в его положении способен проигнорировать разумные доводы. Если вы просто попросите его уйти, он вряд ли послушается. У вас есть при себе оружие?

– Да, – ответила Наки. – Я в нем сижу.

О том, чтобы успокоиться, речи не шло, но наконец-то возникло ощущение, будто она контролирует ситуацию. Да, она убьет Вейра, но не позволит ему загрязнить узел своими мыслями.

Его лодка смутно белела впереди, медленно продвигаясь между буграми и складками органической зелени. Воображение Наки услужливо рисовало подробности. Вейр готовится нырнуть, раздевается донага – или до белья. Быть может, испытывает легкое эротическое возбуждение… Она не сомневалась в том, что он немного опасается, а потому помедлит, прежде чем броситься в воду, посидит какое-то время на борту лодки. Но фанатичная одержимость, которая, собственно, и пригнала его сюда, не

позволит отступить.

– Наки?

– Слушаю, Джота.

– Наки, он снова движется. Нырять не стал. Вообще не похоже на то, что хочет погрузиться.

– Заметил меня, вероятно. Полагаю, он плывет к следующему узлу?

– Не исключено. – Впрочем, голосу доктора Сивараксы недоставало убежденности.

Наки увидела лодку Вейра. Та двигалась быстро, будто бы куда быстрее, чем до сих пор, но такое впечатление объяснялось тем, что теперь стало заметно боковое смещение.

Следующий узел маячил у стены Рва, чуть наособицу от прочих. Если Вейр направляется туда, Наки плотно сядет ему на хвост. Пускай его снедает желание нырнуть, он должен понимать, что Наки обязательно постарается ему помешать.

Наки оглянулась. Жилые башни по обе стороны проема в кольце проступали в туманной дымке, которая скрадывала геометрические детали причудливого архитектурного стиля. Они выглядели громадными слоистыми каменными колоннами, миллионолетними выветренными выступами скальной породы, торчащими из океана и стерегущими узкий проход к открытой воде. Под ними, то расплываясь в глазах, то вновь обретая четкость, виднелись три или четыре лодки. Со стороны одной из башен доносился ослабевающий рокот движков пассажирского дирижабля, и тусклые лучи рассветного солнца дробились бликами на вытянутом корпусе летательного аппарата. Наки даже отыскала взглядом изящную дельту шаттла с «Голоса вечера», стоявшую на месте посадки.

Она снова сосредоточилась на погоне. А Вейр почему-то мешкал.

Там что-то происходило.

Узел внезапно забурлил, стал намного активнее. Сейчас он смахивал на зеленый и крутобокий вулканический остров, который подвергся катастрофической сейсмической атаке. Биомасса ходила ходуном, колебалась и пульсировала с жуткой регулярностью. От острова побежали расходящиеся круги потревоженной воды, и лодка Наки закачалась на этих волнах, а к горлу вдруг подкатила тошнота. Наки замедлила ход, ибо невесть откуда взявшееся чутье говорило, что дальше гнаться за Вейром бессмысленно. Она развернула свое суденышко и стала осторожно приближаться к узлу, игнорируя тошноту, которая подступала все назойливее.

Этот узел, как и все прочие, мог похвастаться разнообразием

ландшафта на поверхности: холмики и впадины биомассы, подобия куполов, минаретов и прочих сооружений, изобилие щупалец и отростков в воздухе – они словно посылали телеграфные сигналы. На мгновение узел напомнил человеческий город – точнее, сказочный человеческий город, – затянутый всепобеждающим зеленым мхом. Яркие пятна спрайтов мелькали среди щупальцев, сновали среди арок и колоннад взбудораженной биомассы. Конечно, это призрачное зрелище лишь намекало на богатейшую подводную структуру узла, многое приходилось домысливать, о многом оставалось догадываться.

Но этот город будто сошел с ума. Узел менялся стремительно, замки и башни росли и опадали, как если бы кто-то затеял масштабную реновацию, нисколько не заботясь о сохранении исторического облика. Целые конструкции росли и распадались на глазах у Наки. Она уже наблюдала такие стремительные перемены – перед гибелью Мины, а обычно их было не отследить, ибо все происходило крайне медленно (так тени исподволь прирастают и исчезают, неторопливо и неотвратимо).

Пульсация, похоже, ослабела, зато со стороны узла потянуло теплым ветерком и отвратительной вонью. А когда Наки остановила лодку, не смея подплывать ближе, она услышала некий звук, как если бы зашептали разом мириады листьев в лесу, предвещая летнюю грозу.

Что бы ни творилось внутри узла, это сулило катастрофу.

Что-то фундаментальное пропало. Изменения осуществлялись чересчур быстро, почти бесконтрольно. Щупальца хлестали воздух, как кнуты, не в состоянии за что-либо зацепиться, и кромсали друг друга. Бугры и вздутия вздымались и опадали. Узел начал разделяться – наметились три, потом четыре, потом пять отдельных скоплений зеленой растительности. Наки завороженно следила за этим безумием, а процесс продолжался. Корчащаяся в судорогах биомасса неожиданно засветилась изнутри. Спрайты завертелись над ней бестолковым, лишенным всякой упорядоченности роем. Шелест превратился в слабый крик…

– Он умирает, – выдохнула Наки.

Вейр учинил какую-то пакость, какую именно – она не знала. Но его появление и гибель узла – точно не совпадение.

Крик затих.

Ветерок улегся.

Узел перестал содрогаться. Наки смотрела на него, мысленно уговаривала ожить, наплевав на бессовестные происки Вейра. Скопления биомассы вяло колыхались, призрачный город утратил

всякую изысканность очертаний, узел ни на что больше не реагировал. Циклическое движение спрайтов замедлилось, некоторые даже рухнули в биомассу. Плоть к плоти, как говорится…

Пала тишина.

Ее нарушил новый звук – тише, чем тот, который Наки слышала раньше, почти на грани восприятия. Не столько инфразвуковой раскат грома, сколько далекий и чрезвычайно оживленный спор.

Звук исходил приблизительно из центра узла.

На глазах Наки там возник высокий курган, напоминавший формой приплюснутое полушарие. Он рос и рос, бесстрастно поглощая, втягивая в себя окружающие инертные скопления. Те растворялись в кургане, словно ныряя в туманную пелену, и уже не выныривали обратно. А курган неудержимо надвигался на Наки. Вся биомасса узла словно собиралась в единое целое.

– Джота! – позвала она.

– Мы видим, Наки. Видим, но не понимаем.

– Думаю, Вейр использовал против узла какое-то оружие.

– Не спешите с обвинениями. Возможно, он просто ускорил эволюцию до состояния, которое мы раньше не фиксировали.

– А это что, не оружие? Мне страшно, Джота.

– По-вашему, я млею от восторга?

Океан вокруг тоже менялся. Наки сообразила, что как-то забыла о подводных нитях, соединявших узлы. Толстые, как стальные тросы, теперь они яростно извивались под водой. В воздух поднимались зеленые водяные столбы. Казалось, под водой сражаются какие-то акватические чудовища, сошедшиеся в свирепой смертельной схватке.

– Наки, мы отмечаем изменения в ближайшем из двух оставшихся узлов.

– Нет, – прошептала она, будто отрицание могло переломить ход событий.

– Мне очень жаль…

– Где Вейр?

– Мы его потеряли. Не уследили, простите.

Внезапно она поняла, что нужно сделать. Озарение обрушилось на нее, как удар молота.

– Джота, закрывайте ворота, немедленно! Слышите? Пока эти конвульсии не распространились на весь океан. Кроме того, так мы не позволим Вейру сбежать.

К его чести, Сиваракса не стал спорить:

– Хорошо. Вы правы. Начинаю процедуру закрытия. Но понадобится несколько минут…

– Я знаю, Джота!

Она выбранила себя за то, что не догадалась раньше, мысленно отругала Сивараксу, который мог бы додуматься сам, с его-то опытом. Но вряд ли стоило слишком уж сильно кого-то винить. Закрытие – не та процедура, которую проделывают десяток раз на дню. Всего несколько часов назад казалось, что до закрытия еще месяцы, что это будет эксперимент по проверке желания жонглеров сотрудничать с людьми. А сейчас операция превратилась в хирургическое вмешательство, обусловленное жесточайшей необходимостью.

Наки уставилась на проем между башнями. Сивараксе потребуется минимум пять минут, чтобы механизмы заработали. Тут мало просто нажать кнопку на столе – нужно растолкать двух или трех техников и каждого еще убедить, что его никто глупо не разыгрывает… Пока техники доберутся до оборудования… Конечно, машины, отвечающие за закрытие ворот, многократно проверялись, но ни одно испытание не доводилось до конца, створки всегда сдвигались разве что на дюжину метров. Теперь же следует проделать весь цикл полностью; будем надеяться, что машины не подведут, что все пройдет четко и гладко…

А разве на Бирюзе что-либо получалось хорошо с первого раза?

Вон там! Крошечное, едва заметное, едва различимое движение. До чего же медленно! Мучительно медленно!

Наки обернулась к останкам узла. Курган успел поглотить всю окружавшую его биомассу и прекратил расти. Все выглядело так, словно какой-то ребенок вылепил из глины фантастически сложную модель города, а затем явился взрослый хулиган и растоптал это творение, уничтожив всякие следы былого великолепия. Ближайший соседний узлел – это бросалось в глаза – тоже претерпевал трансформацию: он бешено пульсировал, что предвещало скорое появление нового кургана. Вероятно, таким образом узел пытался противодействовать тому оружию, которое применил Вейр; так компьютер перераспределяет свои ресурсы, отражая вирусную атаку…

Лично она, Наки Окпик, ничем не могла помочь жонглерам.

Она направила лодку к проему. Створки ворот за это время сошлись почти на четверть.

Судороги узлов привели к тому, что вода внутри Рва бурлила даже у причала. Наки кое-как пришвартовалась, выбралась из лодки и побежала к лифту; уж лучше потом спринтом преодолеть расстояние до входа по кромке, чем лезть наверх по навесной

лесенке. Когда она поднялась на стену, створки ворот сомкнулись на три четверти, и оборудование, к величайшему облегчению Наки, работало исправно.

Она направилась к башне. Почему-то казалось, что народа на стене должно быть больше, пусть Сиваракса и остальные наверняка сидят в центре управления. Она замешкалась, озадаченно оглядываясь, и тут из двери у подножия башни показался доктор.

Она хотела окликнуть его, но сдержалась. Доктор припадал на одну ногу – не потому, что спешил, а потому что был ранен: на пальцах алела кровь, и он очевидно пытался от кого-то убежать.

Наки поспешно спряталась за грудой строительных блоков. В щель между блоками она смотрела, как Сиваракса отмахивается, будто человек, которого одолевает назойливая оса. Его преследовало нечто крошечное и серебристое. Нет, целый рой каких-то загадочных существ – или дронов? – вырвался из распахнутой двери. Сиваракса упал на колени, продолжая махать руками, но все было бесполезно. Его лицо покрылось царапинами, потекла кровь. Вот он опустился на бетон, свернулся калачиком…

Наки от ужаса не смела пошевелиться.

Из двери вышел человек.

Рдяные одежды, фигура словно в пламени. Это была Амеша Крейн. На миг Наки посетила абсурдная мысль, что вот сейчас Крейн кинется на выручку Сивараксе. У инопланетянки было странно равнодушное выражение лица. Наки и вообразить не могла, что человек с таким лицом способен на акт насилия.

Но Крейн не стала приближаться к Сивараксе. Она просто вытянула вперед руку, широко расставив пальцы. Замерла в этой почти театральной позе, заметно напрягая мышцы.

Серебристые твари прекратили изводить Сивараксу.

Они закружились в воздухе, устремились к Крейн, замедляясь возле нее. Затем, выказав поразительное послушание, дружно скользнули в ее пальцы, облекли запястья, прицепились к мочкам ушей.

Выходит, на Сивараксу напали ее украшения?

Крейн бросила на доктора последний взгляд, развернулась кругом и скрылась в башне.

Наки подождала какое-то время – а вдруг она вздумает вернуться? – и выбралась из-за строительных блоков. Сиваракса ее заметил. Он не издал ни звука, но его мокрые от боли глаза расширились. Наки вняла предупреждению и осталась там, где пряталась. Ее сердце колотилось в груди.

Около минуты все было спокойно.

Потом что-то сдвинулось, бросив тень на водную поверхность

внутри Рва. Шаттл «Голос вечера» оторвался от посадочной площадки и сверкнул оборудованием под своим брюхом.

Он повисел над проемом, словно наблюдая за финальной стадией закрытия ворот. Наки услышала стук, с которым сомкнулись огромные створки. Затем шаттл развернулся и завис над внутренней лагуной, метрах в двухстах над водой, не выше. Заложил резкий вираж вправо, после чего продолжил облетать лагуну расширяющимися кругами.

Сиваракса прикрыл глаза. Наки было решила, что он умер, но доктор снова открыл глаза и едва заметно дернул подбородком. Наки вылезла из укрытия и на корточках подкралась к нему.

Опустилась на колени, приподняла его голову, взяла за руку:

– Джота, что случилось?

Он ухитрился ответить разборчиво.

– Они напали на нас. Все девятнадцать гостей. Когда… – он помолчал, набираясь сил, – когда Вейр сделал свой ход.

– Не понимаю.

– Добро пожаловать в клуб. – Сиваракса выдавил из себя улыбку.

– Нужно перенести вас внутрь.

– Это не поможет. Все мертвы или умирают. Они постарались на славу.

– Почему?!

– Меня оставили напоследок. Чтобы я отдавал приказы. – Он закашлялся, и на ладонь Наки плеснула кровь.

– Как хотите, но я…

– Наки, бегите! Бросьте меня!

Доктор очевидно умирал.

– А что делает шаттл?

– Ищет Вейра, думаю.

– Они хотят его забрать?

– Нет. Я подслушал их разговор… Они хотят его убить. Чтобы не проболтался.

Наки нахмурилась. Она не понимала ровным счетом ничего, но какие-то проблески понимания начинали проявляться. Вейра она назначила в злоумышленники потому, что тот причинил вред жонглерам образами. Но Крейн и ее присные перебили множество людей в башне, если Сиваракса ничего не напутал. И они же хотят прикончить Вейра. Кем же тогда оказывается злосчастный Вейр?

– Джота, мне надо отыскать Вейра. Выяснить, зачем он это все учинил. – Она бросила взгляд на Ров, над внутренней лагуной которого продолжал кружить шаттл. – Ваши охранники смогли его обнаружить?

Сиваракса слабел на глазах, и Наки испугалась, что так и не дождется ответа.

– Да… – прохрипел он. – Они его нашли.

– Где он? Ну же, Джота! Быть может, я сумею опередить этих сволочей с шаттла.

– Не там…

Наки нагнулась к лицу доктора:

– Что?

– Не там. Амеша ищет не там. Вейр успел выплыть за ворота. Он в океане.

– Я его догоню. Попробую догнать.

– Валяйте, – прошептал Сиваракса. – Но вряд ли от этого будет какой-то толк. У меня дурное предчувствие, Наки. Все меняется. Меняется к худшему. А мы неплохо жили, верно? Пока все не кончилось…

– Я сдаваться не собираюсь, – процедила Наки.

Доктор приподнялся в последнем усилии:

– Знаю. Я был прав, что доверял вам. Только одно важно, Наки. Только одно поможет, если станет совсем скверно…

– Что именно?

– Мне сказал Так Тонбури… Это совершенно секретно… Известно лишь Совету «снежинок»… Арвиат, Наки…

Она решила, что ослышалась или доктор впадает в предсмертный бред.

– Арвиат? Мифический город, согрешивший против океана?

– Он реален, Наки, – прохрипел Сиваракса.

На внешних, почти вертикально поставленных эллингах, в сотне метров над поверхностью океана держали несколько спасательных лодок и катеров. Наки выбрала небольшой, но резвый катер с закрытым кокпитом; когда кораблик заскользил к воде, под ложечкой неприятно засосало. Катер нырнул в воду, выскочил обратно, набрал скорость и выпустил керамические подводные крылья, чтобы минимизировать площадь соприкосновения корпуса с океаном. Наки понятия не имела, куда править, но предположила, что Вейр должен был удаляться от ворот более или менее по прямой – разумно отплыть как можно дальше от Рва, прежде чем другие инопланетяне осознают свою ошибку. На этом курсе, с малым отклонением, он вполне мог добраться до ближайшего наружного узла; кажется, подходящее направление.

Оставив за спиной двадцатый от стены километр, Наки позволила себе оглянуться. Ров отсюда выглядел тонкой белой полосой на горизонте, башни и закрытые ворота скорее

угадывались – как разрывы в этой ровной полосе. Облака черного дыма вились в воздухе. Слишком далеко, чтобы утверждать, но Наки почудилось, что она рассмотрела языки пламени. Возможно? Еще как возможно.

Ближайший наружный узел выплыл из-за горизонта минут пятнадцать спустя. Он был не таким внушительным, как тот, что забрал у Наки сестру, но все равно подавлял размерами, и с ним не шли ни в какое сравнение узлы внутри Рва. Если мыслить урбанистически, этот узел был крупным мегаполисом, а не средней величины городом. На фоне неба Наки разглядела шпили, купола и башни разных оттенков зелени, а между ними просматривалось кружево соединительных отростков. Повсюду сновали спрайты, но в целом ощущение движения исходило лишь от них. Узел пока не достиг той бесноватости, какую Наки наблюдала внутри Рва.

Может, Вейр поплыл куда-то еще?

Она продолжила путь, немного сбросив ход, ибо вода постепенно густела, заполняясь микроорганизмами, и приходилось огибать относительно крупные их скопления. Сонар обнаружил под водой десятки органических щупалец, тянувшихся от узла во всех направлениях, и возможностей сонара не хватало, чтобы проследить, насколько далеко они тянутся. Впрочем, Наки не сомневалась, что некоторые из этих щупалец дотягивались до узлов внутри Рва. Что ж, отрава Вейра, по счастью, не вырвалась за пределы внутренней лагуны. Вряд ли, кстати, ворота закрылись вовремя, скорее уж жонглеры привели в действие какой-то латентный механизм самосохранения, прервавший распространение химических сигналов между узлами, – допустим, умирающие узлы тем или иным способом сообщили об опасности и щупальца дальних узлов инстинктивно отдернулись.

Наки было убедила себя, что напутала с мотивами и планами Вейра, но тут заметила прямоугольную борозду в одном из обширных боковых ответвлений узла. Рана затягивалась буквально на глазах, грозила исчезнуть через несколько минут, но одного взгляда хватило, чтобы понять, что лодка Вейра прорывалась здесь совсем недавно. Ну да, Вейр наглядно продемонстрировал всем и каждому, что ему плевать на самих жонглеров и целостность их узлов.

Уверенность вернулась, и Наки направила свой катер вперед. Она больше не тревожилась о том, что наносит урон плавучей биомассе. На кону стояло гораздо большее, нежели участь единичного, пусть и крупного узла.

Шее стало тепло.

В тот же миг небо, океан и призрачные сооружения впереди

запульсировали светом, резким и болезненным. Ее собственная тень пролегла по носу катера. Свечение почти моментально погасло, и только тогда она отважилась обернуться, уже осознавая, пожалуй, что именно ей предстоит увидеть.

Огромное облако раскаленного газа поднималось из центра Рва. За ним тянулся толстенный столб биомассы, этакая узловатая, кривоватая колонна, позвоночник, увенчанный чудовищно раздувшимся мозгом. Сквозь облако мелькнула серебристая искра – инопланетный челнок.

Минуту спустя докатился грохот взрыва. Звука громче она, разумеется, в жизни не слыхала, однако этот звук был все-таки не настолько оглушительным, как Наки успела в панике вообразить. Катер швырнуло в сторону, океан забурлил, а затем волнение внезапно улеглось. Должно быть, Ров принял на себя основной удар взрывной волны.

А если сейчас последует второй взрыв? Испуганная Наки развернула катер к узлу и в то же мгновение углядела Вейра, чья лодка двигалась от силы в трехстах метрах впереди. Он как раз замедлил ход, очутившись у непроходимой наружной кромки узла. Попался! Теперь главное не мешкать…

Вейр тоже ее заметил. Его лодка, снова набирая скорость, помчалась по дуге прочь. Наки пустилась в погоню, уверенная, что ее катер быстрее и что рано или поздно она настигнет злодея. Вскоре лодка Вейра скрылась за изгибом узла. Можно было бы, конечно, попробовать поймать эхо корпуса, но так близко к узлу сонар выдавал какие-то нелепые показания. Наки не стала притормаживать, положившись на то, что Вейр допустит тактическую ошибку и попытается улизнуть к следующему узлу. На открытой воде у него нет шансов, и будет славно, если он этого не понимает.

Она успела обогнуть треть периметра узла, когда вновь настигла Вейра. Выяснилось, что тот и не думал бежать. Вместо этого он укрыл свою лодку в относительно тихой гавани у выступа периметра, а сам встал на корме, сжимая в руках какой-то предмет.

Наки медленно правила к нему. Ветрозащиту она откинула, и лишь тогда ей пришло в голову, что Вейр может быть вооружен тем же оружием, что и Крейн.

Она решительно выпрямилась:

– Эй, Вейр!

Он усмехнулся:

– Простите за переполох. Я бы сказал, что сожалею, но не думаю, что без меня все было бы по-другому.

Она не стала цепляться к словам:

– Эта штука у тебя в руке…

– Ну?

– Это оружие или что?

Сейчас она ясно видела у него в руках стеклянную колбу размерами чуть больше детского мячика. Внутри плескалась что-то мутное, то ли жидкость, то ли кристаллическая смесь.

– Полагаю, отрицать бессмысленно. – Он кивнул, и с плеч Наки будто свалилась часть тяжкого незримого бремени. – Да, это оружие. Убийца жонглеров.

– До сегодняшнего дня я и не подозревала, что оно существует.

– Его достаточно сложно синтезировать. Океаны разных миров населены бесчисленными биологическими сущностями, и никому из них не удалось повредить жонглерам, помешать им ассимилировать себя. Хотя, разумеется, некоторые сущности пытались это сделать, скажем так, из злобного любопытства. Никто не преуспел, повторяю. Ну да, жонглеров можно уничтожить грубой силой. – Он посмотрел в сторону Рва, над которым реяло грибовидное облако. – Но это скучно. Неинтересно. А штука у меня в руках использует логический дефект в жонглерских алгоритмах обработки информации. Она действует исподтишка. Сразу добавлю, что изобрели ее не люди. Мы умны и коварны, да, но все-таки не настолько.

– Тогда кто ее изобрел, Вейр? – спросила Наки, желая его разговорить.

– Ультра продали ее нам уже в предварительно синтезированном виде. До меня доходили слухи, что на нее наткнулись на верхнем ярусе хорошо укрепленной инопланетной структуры… Если верить другому слуху, ее синтезировали жонглеры-конкуренты. Кто знает? И кому до этого дело, если уж говорить прямо? Она действует ровно так, как надо нам. Остальное не важно.

– Пожалуйста, Рафаэль, не используй свое оружие.

– Я должен. Для этого я прилетел на вашу планету.

– Но мне казалось, что вы обожаете жонглеров.

Его пальцы ласково погладили стеклянную колбу, такую хрупкую на вид.

– Мы – это кто?

– Ну, Крейн и ее спутники.

– Они – может быть. Но я не принадлежу к их числу.

– Рафаэль, объясни мне, что происходит! Прошу!

– Будет лучше, если вы смиритесь и не станете мне мешать.

Наки сглотнула.

– Убивая их, вы убиваете не просто инопланетную форму

жизни. Вы стираете память обо всех разумных существах, когда-либо попадавших в этот океан.

– К несчастью, это и требуется.

Вейр бросил колбу в воду.

Стекляшка было погрузилась, но выскочила обратно и закачалась на поверхности. Ее мгновенно облепили серо-зеленые микроорганизмы. Точно слизь, они поползли вверх по стенкам колбы, исследуя и растворяя. На проникновение сквозь миллиметровый слой обычного стекла жонглерам понадобится не больше получаса… Правда, Наки догадывалась, что это не обычное стекло, что оно должно лопнуть гораздо раньше.

Она метнулась за пульт управления и рывком бросила катер вперед. Поравнялась с лодкой Вейра, и колба оказалась между ними. Очень осторожно, чтобы кораблики, не приведи небо, не сошлись бортами, она заглушила мотор и перегнулась через край, так далеко, как только могла, не рискуя выпасть. Кончики пальцев мазнули по стеклу. Вот зараза! Никак не получалось ухватить колбу за горлышко. Она попробовала снова, но добилась лишь того, что колба отплыла дальше, и ее стало не достать, сколько ни старайся. Вейр равнодушно наблюдал.

Тогда Наки соскользнула в воду. Микроорганизмы тут же прилипли к носу и подбородку, в ноздри ударила омерзительная вонь. Страх мешал двигаться, грозил утопить. Она погрузилась в океан впервые после смерти Мины.

Она аккуратно взяла колбу за горлышко, так нежно, словно дотрагивалась до яйца редкой птицы.

На стекле были заметны следы разложения. Местами оно приобрело пористую структуру.

Наки подняла колбу, показывая Вейру.

– Я вас остановила, Рафаэль.

– А вы упорная.

– Не в упорстве дело. Тут моя сестра. Тут, в океане. И я не позволю вам отнять ее у меня.

Вейр сунул руку в карман и достал другую колбу.

Прочь от узла они отправились на катере Наки. Колбу с отравой Вейр по-прежнему держал в руке. Он до сих пор ее не бросил, хотя мог это сделать в любой момент. Да, сейчас они находились далеко от всех узлов, но ведь океанская вода разнесет заразу широко и та рано или поздно доберется до жонглеров…

Наки открыла водонепроницаемый рундук, отодвинула в сторону лежавшие внутри ракетницу и аптечку первой помощи. Осторожно положила рядом колбу, извлеченную из океана, и с ужасом увидела, что стекло треснуло, рассыпалось крошевом, в

котором смешались осколки и крохотные черные хрусталики неправильной формы, походившие на кусочки жженого сахара. Если катер вдруг затонет, океан со временем сумеет растворить рундук, а тогда его роковое содержимое окажется в воде. Поджечь крошево из ракетницы? Нет, отрава может разлететься по ветру. Будем надеяться, что у этого токсина ограниченный срок жизни во внешней среде. А если нет?..

Вейр продолжал лелеять свою колбу. Что-то из того, о чем говорила Наки, его, похоже, зацепило.

– Ваша сестра там?..

– Обычная история, – ответила Наки. – Мина была конформалом. Океан поглотил ее целиком, а не просто скопировал нейронные структуры. Она стала его призом.

– По-вашему, она все еще там, в воде? И даже мыслит?

– Я предпочитаю в это верить. Кроме того, среди пловцов ходит множество баек насчет конформалов – мол, те сохраняют себя почти цельными, несмотря на обстоятельства.

– Байки меня не переубедят, Наки. Вы можете подтвердить, что другие пловцы встречались в океане именно с Миной?

– Нет, – негромко признала Наки, понимая, что лгать бессмысленно, Вейр наверняка распознает любую ложь. – Но это не доказательство. Они ведь могли ее не узнать…

– А вы сами? Вы пытались погружаться?

– Корпус пловцов никогда бы мне не разрешил…

– Я спрашиваю о другом. Вы погружались?

– Однажды.

– И что случилось?

– Тот раз можно не считать. В том погружении Мина погибла. – Наки помедлила, а затем коротко пересказала Вейру события той ночи. – Спрайты, кстати, вели себя куда оживленнее, чем обычно. Мы списали это на совпадение…

– Думаю, вы ошибались.

Наки промолчала, сосредоточилась на управлении катером, предоставив Вейру возможность собраться с мыслями и как следует все обдумать. Перед катером расстилался открытый океан: куда ни правь, через несколько часов все равно наткнешься на жонглерский узел.

– Все началось с «Нечестивого пеликана», столетие назад, – заговорил Вейр. – На его борту был мужчина с Сиона. Когда звездолет сделал остановку в вашей системе, этот сионец спустился на поверхность Бирюзы и искупался в океане. Он вступил в контакт с жонглерами и сильно заинтересовался. Опыт второго купания был еще… познавательнее. А на третий раз океан его унес. Этот сионец – звали его, к слову, Ормазд – был

конформалом, как и ваша сестра.

– Я о нем не слышала.

– Уверяю вас, на родной планете он успел прославиться. Этот Ормазд был тираном, он бежал, когда на Сионе началась революция. Сам он к власти пробивался обманом и насилием, не брезговал сжигать дома своих конкурентов вместе со всеми, кто находился внутри… Когда началось восстание, он с горсткой приближенных едва успел укрыться на борту «Пеликана» и покинуть Сион.

– Этот ваш Ормазд умер здесь?

– Он – да, а вот его приспешники уцелели и добрались до Хейвена, где принялись пересказывать эту историю на всех углах и вербовать новых сторонников. Не имело значения, что Ормазд погиб. Это даже оказалось к лучшему. Утверждали, что он через смерть обрел святость. Такую фигуру следовало почитать, и в итоге политическое движение преобразилось в религиозный культ. Фонд «Вахишта» – лишь прикрытие для секты ормаздистов.

Наки поразмыслила над всем этим, а затем спросила:

– При чем тут Амеша?

– Она дочь Ормазда. Хочет вернуть своего отца.

На горизонте сверкнула розоватая вспышка. Мгновение спустя полыхнула другая, примерно там же.

– Она хочет слиться с ним сознаниями?

– Не только, – ответил Вейр. – Хочет принять его, усвоить его нейронные структуры. Они все этого хотят. Им нужно, чтобы жонглеры имплантировали нейрослепок Ормазда всем последователям культа. Тогда все культисты станут как он. Известно, что этого можно добиться, если поднести подходящие дары. Я такого допустить не могу.

Наки замешкалась, подбирая слова, осознавая, что малейшая ошибка с ее стороны заставит Вейра разжать пальцы и уронить колбу в воду. Да, разок ей удалось ему помешать, но он наверняка не позволит подобному произойти снова. Ему достаточно пошевелить рукой, и отрава попадет в океан. И тогда конец. Погибнет все, что она знала с детства, все, ради чего жила.

– У них всего девятнадцать человек…

Вейр невесело рассмеялся:

– Боюсь, немного больше. Включите приемник, послушайте, что передают в новостях.

Наки послушно пробежала пальцами по панели управления катером. Засветился экранчик посреди панели, принимавший телевизионную картинку со спутника. Наки стала переключать каналы. Большинство не работало, вдобавок, по-видимому, вышла из строя официальная сеть Совета, личные сообщения не

поступали. Впору заподозрить, что и со спутниками не все в порядке… Наконец ей удалось поймать слабые сигналы от ближайших городов. В этих передачах проскальзывало отчаяние, как будто люди опасались, что их вот-вот заставят умолкнуть.

Вейр устало кивнул – дескать, ничего другого он и не ожидал.

За последние шесть часов «Голос вечера» выпустил с десяток челноков, и на борту каждого обнаружились вооруженные культисты. Челноки атаковали крупнейшие города планеты и поселения на атоллах, требуя безоговорочного повиновения. Три города обрушились в океан, когда их вакуумные баки поразили лучевым оружием. Выживших не было. Прочие города пока держались, но во многих вспыхнули пожары. Экранчик показывал, как люди прыгают в воду, объятые пламенем, летят вниз огненными искрами. Некоторые города предпочли сдаться и теперь находились во власти культистов.

Из этих городов сигналов не поступало.

Вот и настал конец мира… К собственному изумлению, Наки не залилась слезами, не ощутила нутром – так, кажется, говорят? – неизбывную горечь утраты. Нет, в ней зрело отрицание, нежелание мириться со случившимся. Еще утром все было спокойно, неприятности доставлял один-единственный инопланетянин…

– Там, наверху, их десятки тысяч, – прибавил Вейр. – Мы с вами наблюдаем высадку передовых частей.

Рука неожиданно зачесалась ближе к локтю, и Наки потерла это место. Обгорела, что ли, на солнце?

– Моро замешан?

– Капитан Моро – марионетка. В полном смысле слова. Им управляли с орбиты, дистанционно. Культисты перебили ультра и захватили корабль…

– Рафаэль, почему вы не рассказали нам все раньше?

– Я не мог рисковать. Кроме меня, никому из противников культа не удалось пробраться на борт «Голоса вечера». Попытайся я предупредить власти Бирюзы об опасности… Ну, сами прикиньте, каков был бы результат. Скорее всего, мне бы попросту не поверили, а культисты нашли бы способ меня заткнуть, пока я не сорвал их планы. Причем они все равно бы напали на вас. Единственный свой шанс я видел в уничтожении океана: сделать так, чтобы нападение лишилось смысла. Да, культисты крушили бы ваши города, но своей конечной цели – воссоединения со святым мучеником – они бы не добились. – Вейр подался вперед. – Вы понимаете меня, Наки? «Голос вечера» – это лишь первая ласточка. За ним с Хейвена прилетят

другие корабли. А ваш океан будет покорно воспроизводить тиранов и деспотов.

– Зачем же они медлили, если настолько превосходят нас в технике?

– Они меня не раскрыли, поэтому решили потратить несколько недель на полевую разведку. Им хотелось узнать как можно больше о Бирюзе и жонглерах, прежде чем приступать к операции. Они жестоки, но неразумными их не назовешь. Для них важно осуществить захват с хирургической точностью.

– Было важно, – поправила Наки. – А теперь?

– Они готовы мириться с тем, что их планы частично нарушились. – Вейр небрежно перекинул колбу с отравой из одной руки в другую, и беззаботность этого движения заставила Наки мысленно поежиться. – Но они не отступят, уверяю вас. Крейн не станет миндальничать. Вы же видели вспышки? Точечные удары, ракеты с антиматерией. Внутреннюю лагуну Рва стерилизовали, чтобы не допустить распространения моего состава. Когда нас с вами засекут, еще одной ракеты точно не пожалеют.

– Их злодеяния не дают вам права губить наш океан.

– Я не ищу оправданий, Наки. Это необходимо сделать.

Тут на горизонте что-то блеснуло, медленно перемещаясь в направлении с востока на запад.

– Челнок, – сказал Вейр. – По наши души.

Наки снова почесала руку. Кожа словно обесцвечивалась и зудела все сильнее.

Около полудня они добрались до следующего узла. Челнок между тем продолжал их искать, его корпус регулярно посверкивал в дымке, что обозначала место схождения океана с небосводом. Порой он приближался, порой отдалялся, но поисков не прекращал, и Наки сознавала, что рано или поздно их обнаружат, что культисты засекут химический или какой другой след в воде, а этот след приведет к жертве. Убежать не убежишь, челнок нагонит за несколько секунд, максимум за минуту, и тогда они с Вейром попросту исчезнут в пламени очищающего огня, унося с собой в небытие все свои знания. Даже если Вейр выпустит в океан токсин, тот не успеет рассеяться достаточно далеко до испепеляющего взрыва.

Так почему он медлит? Из-за Мины, конечно. Наки ведь поименовала одно из множества безликих сознаний, которые он собирался уничтожить. Назвав сестру по имени, она изменила переменную в моральном уравнении, и теперь Вейру предстояло свыкнуться с мыслью, что он убивает не абстрактные сущности, а

конкретного человека. Принять эту мысль было непросто.

– Я должен это сделать, – проговорил он. – Продолжая медлить, я предаю доверие тех, кто направил меня сюда, тех, кого последователи Ормазда, возможно, уже запытали до смерти, пока мы с вами болтаем.

Наки покачала головой:

– Если вы отринете сомнения, то станете ничем не лучше культистов.

– Прозвучало так, будто на самом деле вы не против моих действий.

Она замялась, подбирая правдивые слова, сколь бы болезненной ни была правда.

– Возможно, так и есть.

– Даже если мой состав погубит то, что осталось от Мины?

– Я всю жизнь жила в тени сестры. Пусть она погибла, я чувствовала, что она наблюдает за мной, подмечает каждую ошибку, огорчается, когда я позволяю себе делать что-то вопреки ее ожиданиям…

– А вы безжалостны к себе, Наки. И к Мине тоже, между прочим.

– Знаю, – сердито откликнулась Наки. – Хотели откровенности, так получите.

Катер лавировал в извилистой протоке, уводившей вглубь узла. Теперь Наки ощущала себя менее уязвимой: толща органики заслоняла катер от продольного сканирования поверхности – пусть до сих пор челнок, похоже, обследовал только участки прямо под корпусом. Увы, в таком положении имелись свои недостатки: пропала возможность отслеживать перемещения челнока. А вдруг тот уже на подлете?

Наки остановила катер и выпрямилась во весь рост.

– Что стряслось? – спросил Вейр.

– Я приняла решение.

– Разве это не по моей части?

Ее гнев – короткая вспышка, направленная не столько на Вейра, сколько на безнадежность ситуации, – моментально испарился.

– Решение насчет себя, Рафаэль. Мы с вами кое о чем забыли. Есть, может быть, третий вариант, а мы все сводим почему-то к выбору между признанием поражения и гибелью океана.

– Интересно, и какой же?

– Океан способен нам помочь. Ему лишь нужно узнать, что сейчас поставлено на карту. – Наки опять почесала руку, мимоходом подивилась тому, что на коже появились грибковые узоры.

Наверное, грибки прятались где-то внутри много лет, а недавние события заставили их проявиться.

Даже при свете дня узоры переливались голубым и изумрудно-зеленым. Наки подозревала, что биохимические процессы в ее организме начались после прыжка в воду за колбой Вейра. При таком раскладе нужно считать узоры сообщением от океана. Приглашением, быть может? Или предостережением относительно опасностей ныряния?

Она не ведала ответа, но ради собственного спокойствия решила воспринимать узоры как приглашение. В конце концов, что еще ей оставалось?

Вот только задуматься, кто именно ее приглашает, она не отваживалась.

– Полагаете, океану есть дело до событий во внешнем мире? – спросил Вейр.

– Вы же помните, Рафаэль, что в ту ночь, когда стало известно о приближении звездолета, информация об этом проникла в океан – вероятно, через сознание пловцов. В общем, жонглеры осведомлены о том, что происходит на планете. Может, это сознание Ормазда так себя проявляет.

Или же, мысленно прибавила она, это весь оркестр сознаний, пребывающих в океане и улавливающих каким-то образом грядущие потрясения.

– Так или иначе, мне хочется думать, что у нас все-таки есть шанс.

– Не могу сказать, что разделяю ваш оптимизм.

– Давайте попробуем, Рафаэль. Мы ведь ничего не теряем.

Наки быстро разделась, не слишком заботясь о том, что Вейр увидит ее голой – важнее было то, что найдется чем прикрыться, когда она вылезет из воды. Вейр разглядывал ее восхищенно, но в этом восхищении не было и следа непристойности или похоти. Его внимание, вдруг сообразила Наки, привлекли затейливые грибковые узоры, покрывавшие все ее тело, – они извивались на груди, на животе, на бедрах и гипнотически мерцали.

– А вы изменились, – произнес он.

– Все мы меняемся, – философски ответила Наки.

Перешагнула через борт и окунулась в воду.

Погружение во многом дарило те же ощущения, которые Наки запомнила по своему первому опыту, когда рядом была Мина. Она позволила своему телу принять биохимическую инвазию, прогнала усилием воли страх и дурные предчувствия, сказала себе, что уже испытывала подобное, а потому способна пережить снова. Наки старалась не думать о том, в каком мире ей

суждено жить после сегодняшнего дня, когда прежнее бытие разлетелось вдребезги – внезапно и навсегда.

Мина пришла милосердно быстро.

– Наки?

– Да, это я. Мина, я так рада. – Страх и радость сливались в единое целое. *– Как давно мы не разговаривали!*

Наки ощущала присутствие сестры то четче, то слабее, как если бы фокус восприятия то терялся, то возвращался. То казалось, что они с Миной совсем рядом, то сестра резко отдалялась, превращаясь в смутную тень на грани постижения.

– Сколько прошло?

– Два года, Мина.

Ответ сестры задержался словно на вечность. За эту жуткую паузу Наки почувствовала другие сознания, скопившиеся вокруг, причем некоторые настолько отличались от привычных человеческих мерок, что она буквально опешила от их чужеродности. Мина далеко не единственная из конформалов обратила внимание на появление Наки, и отнюдь не все прочие сознания излучали любопытство или радость.

– Для меня меньше.

– Сколько?

– Дни. Может, часы. Не определить.

– Что ты помнишь?

Сознание Мины затанцевало возле Наки.

– Я помню то, что помню. Мы плавали, хотя нам запрещалось. Потом со мною что-то случилось, и я осталась в океане.

– Ты стала его частью, Мина.

Восторг сестры шокировал Наки до глубины души.

– ДА!

– Ты хотела этого?

– И ты бы захотела, доведись тебе узнать, каково это. Тебе тоже следовало остаться, Наки. Стоило позволить ему забрать тебя, как он забрал меня. Мы ведь так похожи!

– Мне было страшно.

– Да, я помню.

Наки понимала, что нужно поскорее переходить к делу. Здесь, под водой, время текло иначе, вот и Мина не в состоянии сказать, как давно она обитает в океане, да и Вейр наверняка не станет ждать бесконечно. Того и гляди, не вытерпит и бросит свою колбу с отравой в океан, не дождавшись возвращения Наки.

– Там был чужой разум, Мина. Мы столкнулись с ним, и он меня напугал. Так сильно, что я сбежала из океана. И с тех пор боялась возвращаться.

– Но теперь вернулась.

– Из-за того самого разума. Он принадлежал человеку по имени Ормазд. По его вине с нашей планетой происходит кое-что очень скверное. Да, по его вине.

В этот миг Наки настигло ощущение, схожего с которым она не испытывала никогда в своей жизни. Они с Миной слились воедино. Она не просто не могла сказать, где заканчивается одна из них и начинается другая, но и сознавала, что всякое разделение будет бессмысленным. Пусть всего на мгновение, но Мина стала ею, а она стала Миной. Каждая мысль, каждое воспоминание сделались доступными обеим.

Наки поняла, как все выглядело для Мины. В воспоминаниях сестры преобладал восторг. Она мельком отмечала, как часы складываются в дни и недели, но все это было преходящим и не могло помутить блаженство от слияния с океаном. Мина делилась опытом с бесчисленными инопланетными сознаниями и сама впитывала их впечатления, невообразимые для человеческого восприятия. В миг единения Наки отчасти уловила, почему океан тогда покусился на ее сестру. Конформалы были для океана своего рода средством управления. Ведь управление обширным архивом статических нейрослепков требовало руководства, распределения, если угодно, отдельных разумов. Мину выбрали и присвоили, а потом вознаградили сверх всяческих ожиданий за ее труд. Океан проникал в ее разум на подсознательном уровне. Крайне редко она замечала – или ей позволяли замечать, – как что-то вмешивается извне, направляя в важных вопросах.

– Разум Ормазда…

Мина переняла мысли Наки. Теперь сестра знала наверняка, что́ поставлено на кон, и ведала, какую угрозу таит в себе разум сионца.

– Я всегда осознавала его присутствие. Он старательно прятался, согласна, но даже когда его не было рядом, оставалась тень. Быть может, именно из-за него океан привлек меня, из-за него потребовался конформал. Океан предчувствовал кризис. Догадывался, что Ормазд как-то с этим кризисом связан. Понимал, что совершил ужасную ошибку, когда его поглотил. Он стал искать новых союзников, которым мог бы довериться.

Ну да, сознания вроде разума Мины, подумалось Наки. Спроси ее кто-нибудь, восхищается ли она жонглерами или презирает их за жестокость, она бы не нашлась с ответом.

– Ормазд загрязнял океан?

– Его влияние было велико. Он сильная личность, сильная и ядовитая. Думаю, жонглеры со временем это поняли.

– Почему они просто его не вышвырнули?

– Они не могут. Тут все сложно… Океан представляет собой устройство хранения данных, но не обладает функцией самоочищения. Если совокупность сознаний улавливает враждебное присутствие, сопротивление возможно, да… Но разум Ормазда – человеческий. А нас, людей, в океане слишком мало, чтобы он уловил различие. Другие разумы чересчур чужеродны, чтобы оценить Ормазда по заслугам, Наки. Они лишь ощущают его разумность – и все.

– Мина, кто создал жонглеров образами? Ты можешь мне рассказать?

Наки ощутила веселое удивление сестры.

– Сами жонглеры этого не знают, Наки. Не знают ни кто их создал, ни зачем.

– Помоги нам, Мина. Мы должны известить весь океан о происходящем, и как можно скорее.

– Я одна, Наки, а разумов здесь множество. Один голос против хора.

– Прошу, придумай что-нибудь! Постарайся! Может, так до тебя дойдет: ты погибнешь, вы все погибнете. Однажды я тебя уже потеряла, но меня грела мысль, что на самом деле ты где-то близко. И я не хочу потерять тебя снова, теперь навсегда.

– Ты не теряла меня, Наки. Это я тебя бросила.

Она вынырнула из воды. Вейр сидел на катере, держа в руке колбу с токсином. Тени слегка удлинились, но явно прошло меньше времени, чем Наки со страхом предполагала. Она встретилась с Вейром взглядом и без слов задала вопрос.

– Челнок приближается. Пока вы были внизу, он дважды пролетал над нашим узлом. Думаю, у меня все-таки нет выбора, Наки.

Он взял горлышко колбы большим и указательным пальцами.

Наки била дрожь. Она поспешно натянула шорты и футболку, но никак не могла согреться. Грибковые узоры на теле ярко сверкали и даже, чудилось, словно парили над кожей. Пожалуй, сейчас они светились куда ярче, нежели перед погружением. Задержись она внизу подольше, останься она с Миной, Наки и сама наверняка превратилась бы в конформала. Это качество было присуще ей с рождения, но проявилось лишь теперь, когда пришла пора.

– Прошу тебя, подожди, – взмолилась Наки, поражаясь тому, как по-детски жалобно звучит ее голос. – Подожди еще немного, Рафаэль.

– Опять прилетел.

Челнок белым облачком скользнул над макушкой холма

биомассы, в пяти или шести километрах от катера, намного ближе, чем в прошлый раз, как уверял Рафаэль. Внезапно он застыл на месте, завис над океаном, словно обнаружил что-то интересное.

– По-твоему, они знают, что мы здесь?

– Подозревают, – отозвался Вейр, катая колбу в пальцах.

– Гляди! – воскликнула Наки.

Челнок продолжал висеть, где висел, но под ним что-то происходило. Наки встала – пусть так больше шансов, что ее заметят, зато она увидит, что там творится. А она знала, чувствовала, что события приняли неожиданный оборот.

В километре от катера океан под челноком вдруг вспучился. Вода, перенасыщенная микроорганизмами, отливала густой зеленью, словно в нее насыпали преизрядно мха. Могучая зеленая волна на глазах Наки взметнулась в небо, содрогаясь в судорогах. Она была размером со здание и поднималась все выше с поразительной быстротой, разделяясь на отдельные потоки, точно разжимались пальцы, сжатые в кулак. На мгновение вода обволокла челнок, затем отхлынула обратно, расплескалась с грохотом по поверхности океана, будто оплакивая растраченную энергию. Челнок по-прежнему висел на месте, игнорируя нападение. Но, присмотревшись, Наки заметила, что белый дельтовидный корпус покрыт пленкой множества оттенков зеленого. Ей явилось озарение: с челноком случилось ровно то же самое, что когда-то было с Арвиатом, затонувшим городом. Даже воображать не хочется, какое преступление совершили жители Арвиата, за какие чудовищные грехи на них ополчился океан, погубивший город, но Наки верила – во всяком случае, теперь, – что жонглеры вполне способны обрушить город в океан, сорвать городские платформы с вакуумных баков, которые удерживали Арвиат в воздухе. Естественно, что такую способность хранили в строжайшем секрете, известном лишь горстке посвященных. Иначе никакой из городов не ощущал бы себя в безопасности над бурным океаном.

Впрочем, город – не челнок… Пускай органика немедленно принялась проедать оболочку корпуса, понадобится несколько часов, чтобы ущерб начал представлять угрозу. И это при условии, что ультра не придумали защиты получше, чем керамическая облицовка, которой пользовались на Бирюзе.

Челнок накренился.

Наки наблюдала, как корабль дергается, пытается выровняться, снова дергается. Настигло запоздалое осознание: органика проникла в двигательную систему челнока, поживилась контурами управления… Челнок, кренясь, опускался по крутой

спирали все ниже, одновременно удаляясь от узла. Он коснулся поверхности, и тут, прямо перед неизбежным ударом, из океана вырвался второй увесистый органический «кулак», стиснувший корпус корабля. Челнок исчез, словно его и не было.

Океан мгновенно успокоился. Небо очистилось, там больше не кружили бдительные дроны. Только тонкая струйка дыма на горизонте – в той стороне лежал Ров – намекала на утренние события.

Минуты текли одна за другой. Вдруг из-под воды сверкнули чередой яркие вспышки.

– Челнок, – с замиранием голоса произнес Вейр.

Наки кивнула:

– Жонглеры вступили в бой. Честно говоря, именно на это я рассчитывала – ну, насколько могла рассчитывать.

– Вы их попросили?

– Думаю, Мина поняла, что требуется от океана. И сумела убедить остальных, если не всех, то достаточное количество.

– Давайте проверим.

Они снова включили телеприемник. Спутниковые каналы хранили молчание. Сигналы исходили от городов, причем число последних в сети сократилось. Но те города, что вели передачи и не перешли во владение культистов, дружно взывали о помощи. Океан словно взбесился и так и норовил сбросить их в воду. Климатические условия кардинально изменились, яростные штормы, порожденные, как виделось со стороны, принудительно трансформированной циркуляцией океанских течений, налетали со всех сторон. Гигантские волны расходились концентрическими кругами – судя по картам, прямо от той точки, где ныряла Наки. Отдельные города уже погружались в океан, хотя было не понять, случилось это из-за жонглеров или из-за повреждения вакуумных баков. Люди оказались в воде – сотни, тысячи. Они махали руками, били по воде, стараясь удержаться на плаву.

Наки не могла не задаться вопросом: а что значит утонуть на Бирюзе?

– Это происходит по всей планете, – сказала она. Ее по-прежнему била дрожь, но теперь не от холода, а от ужаса и благоговения. – Океан отвергает нас и крушит наши города.

– Вы же никогда ему не вредили.

– Полагаю, его ничуть не интересует, чем одни люди отличаются от других, Рафаэль. Он попросту избавляется от нас, неважно, культисты мы или благонамеренные граждане. Вряд ли стоит обвинять его в неразборчивости.

– Простите, – пробормотал Вейр.

Колба в его руке хрустнула, ее содержимое просыпалось в

воду.

Наки понимала, что сейчас она бессильна, что нет ни единой возможности перехватить кристаллы. Достаточно упустить всего один, и это будет настолько же плохо, как если бы она упустила все.

Черные крупицы скрылись под оливковой поверхностью воды.

Все кончено.

Вейр смотрел на нее с мольбой во взоре.

– Я должен был это сделать, правда! Я не мог поступить иначе, вы же понимаете.

– Да. Но необходимости в этом не было. Океан уже воюет с нами. Крейн проиграла. И Ормазд проиграл.

– Быть может, вы правы, – признал Вейр. – Но в моем положении нельзя полагаться на волю случая. Уж это я крепко усвоил.

– Вы убили целый мир.

Он кивнул:

– Ради этого я и прилетал. Прошу, не судите меня слишком строго.

Наки открыла рундук, в который раньше поместила поврежденную колбу с токсином. Достала ракетницу, откинула предохранитель и прицелилась в Вейра:

– Судить не стану, что вы! Во мне и ненависти нет.

Он хотел что-то сказать, однако Наки перебила:

– Есть кое-что, чего я простить не могу.

Она сидела в одиночестве и смотрела на океан, пока узел не пришел в движение. Органические структуры вокруг нее начали выказывать те же признаки безумных превращений, которые она видела утром во Рву. Из центра узла задул сильный и холодный ветер.

Пора было уплывать.

Наки вывела катер из скопления органики; двигалась настороженно, до сих пор не до конца уверенная, что угроза со стороны культистов пропала, пускай их челнок уничтожен. Наверняка о потере челнока стало известно остальным, и очень скоро другие прилетят проверить эту область, причем намерения у них будут далеко не мирные. Океан, не исключено, попробует прикончить и этих, но теперь культисты ни за что не проявят беспечность…

Она остановила катер приблизительно в километре от внешней кромки узла. Сам узел продолжал корчиться в конвульсиях, подобных тем, которые Наки наблюдала утром. Она мысленно слышала, как воет ветер перемен. Скоро наступит

финал. Токсин проникнет в управляющий «центр» узла, превратит всю биомассу в громадное скопление мертвой растительности. Аналогичные смертоносные инструкции разлетятся по протянувшимся под водой щупальцам к другим узлам, не важно, где они находятся. Если отталкиваться от топологии размещения узлов, понадобится всего пятнадцать-двадцать часов на то, чтобы сообщения с вирусом поразили все узлы на планете. То есть через сутки планета станет другой. Жонглеры сгинут, информация, ими хранимая, сотрется без возможности восстановления. Сама Бирюза начнет умирать, ведь океанские микроорганизмы перестанут поддерживать ее кислородную атмосферу.

Прошло пять минут… десять…

Судороги узла внезапно сделались менее бурными. Наки помнила это ложное спокойствие. Оно означало всего-навсего, что узел отказался от попыток исторгнуть токсин обратно, принял логическую неотвратимость гибели, смирился со своей участью. Подобное в ближайшие сутки повторится тысячу раз по всей планете. Наверное, чем меньше узлов будет оставаться в живых, тем слабее станет сопротивление, ибо океан осознает тщетность любых своих усилий. Осознает и покорно примет назначенное.

Еще пять минут…

Узел не умирал. Нет, он менялся, но без прежней одержимости. Никаких признаков формирования огромного кома безжизненной органики.

Что происходит?

Наки выждала четверть часа, после чего повела катер обратно к узлу. Отпихнула по дороге качавшийся на волнах труп Вейра. В уме забрезжила некая мысль, но она боялась ее додумывать. А вдруг Вейр допустил ошибку? Может, токсин сработал, когда океан застали врасплох, но второй раз ничего не вышло?

Может быть.

Наверняка в момент первой атаки между Рвом и узлами в открытом океане шел обмен химическими сигналами по подводным щупальцам. Эти щупальца отмерли позже – либо когда захлопнулись створки морских ворот, либо когда их отторг сам океан; но до разрыва связи все узлы на планете получали информацию о нападении. Могли ли умирающие узлы поделиться с остальными сведениями, которые позволили подобрать способы защиты?

Не исключено.

Когда имеешь дело с жонглерами, ничто нельзя считать само собой разумеющимся.

Наки заглушила мотор у кромки узла. Выпрямилась, скинула с себя одежду – в последний раз, убежденная, что больше одежда

ей не потребуется. Оглядела себя, подивилась ярким разводам искристой зелени на теле. В каком-то смысле свидетельства клеточной инвазии приводили в трепет.

А на других они выглядели невыразимо прекрасными.

На горизонте клубился дым. По небу сновали хищные и нервные летательные аппараты. Она свесила ноги за борт, вся подобралась в ожидании мгновения слияния. Страх спрятался, уступил место спокойствию, насыщенному любовью. Она помедлила на пороге единения с чуждым миром, но, как ни удивительно, все сильнее становилось ощущение того, что она возвращается домой. Мина ждала ее там, в глубине. Когда они окажутся вместе, никто и ничто их не остановит.

Наки улыбнулась, широко раскинула руки – и вернулась в океан.

«Найтингейл» [21]

Я еще раз сверила данный мне адрес Томаса Мартинеса, прикрывая листок бумаги от дождя, пока разбиралась в собственных каракулях. Номер, записанный мной, не соответствовал номерам давно устаревших офисных зданий, но зато полностью совпадал с цифрами, указанными на одном из сдаваемых за небольшую плату особнячков, которые располагались на уровне улицы.

В этом районе вертикальные поверхности каньона Тредфолл на высоте шести или семи этажей были изрезаны и застроены разнообразными зданиями, занимавшими также и все свободное пространство внизу котловины. Большую часть стен покрывали строения, громоздившиеся друг на друге и поддерживаемые хаотично расположенными системами стоек и шаткими бамбуковыми мостками. С одной стороны улицы на другую протянулись перекидные мостики со ступеньками и веревочными лесенками, змеящимися в темных расщелинах между домами. Тут и там стремительно рассекали воду гидроциклы, гоня мутные волны коричневатой жидкости по собственным следам. Изредка над головой плавно скользили клешнеобразные волантеры. Волантеры были техникой из внешнего мира, и поэтому не многие жители Окраины Неба могли позволить себе такую роскошь.

М-да, хотя и выглядит неправдоподобно, но это явно то самое место.

Я шагнула с залитой водой улицы на деревянную платформу перед зданием и постучала в стеклянную входную дверь. Струи дождя обильно поливали меня сквозь прорези полосатого навеса над крыльцом. Я откинула волосы с лица, и в этот момент дверь отворилась.

Я видела достаточно фотографий Мартинеса, чтобы сообразить, что передо мной не он. Крупный, быкообразного вида мужчина занимал весь дверной проем. Он скрестил руки на мощной груди, прикрытой только черным жилетом с застежкой на талии. Мышцы выпирали столь рельефно, будто он натянул на себя нечто вроде обтягивающего костюма с накладной мускулатурой. Массивная и полностью лишенная волос голова покоилась на толстой и бугристой, как древесный ствол, шее. Кожу вокруг правого глаза украшало четко видимое бледное пятно, отличающееся цветом от остального лица.

Очень большой человек оглядел меня с высоты своего роста, как грязь, намытую дождем.

– Ну? – произнес он голосом, напоминавшим отдаленный грохот артиллерийской канонады.

– Я к мистеру Мартинесу.

– Мистер Мартинес перед вами, – заявил он.

– Как вам будет угодно. Но я здесь, чтобы увидеть мистера Мартинеса. Он назначил мне встречу, и я…

– Диксия Скэрроу. – Голос, произнесший мое имя, был намного приветливее и принадлежал невысокому пожилому мужчине, который, сдернув изящное пенсне с носа, появился позади перегородившего дверь великана. – Впусти, Норберт. Ее ждут. Просто она немного опоздала.

– Я задержалась в районе Арместо, взятый напрокат гидроцикл налетел на ухаб и перевернулся. Я не смогла снова его завести, и поэтому пришлось…

Невысокий мужчина жестом прервал мои извинения:

– Вы уже здесь, так что все это не имеет значения. Если хотите, Норберт высушит вашу одежду.

– Было бы неплохо. – Я сняла пальто.

– Норберт также позаботится о ваших галошах. Желаете что-нибудь выпить? Чай уже приготовлен, но если предпочитаете что-нибудь другое…

– Чай – это замечательно, мистер Мартинес, – сказала я.

– Пожалуйста, зовите меня Томас. Мое искреннее желание, чтобы мы сотрудничали и общались по-дружески.

Я вылезла из галош и вручила громиле забрызганное дождевыми каплями пальто. Мартинес сухо кивнул, по-птичьи склонив голову, а затем церемонно пригласил меня пройти в помещение. Он оказался худощавее и старше, чем я ожидала, но все же походил на свои фотографии. В его поредевших волосах обильно проступала седина, лицо было чисто выбрито. Серый плащ поверх серого же цвета рубашки – манера одеваться придавала Томасу Мартинесу вид унылого клерка.

Мы двинулись вглубь здания по извилистому лабиринту, между штабелей коричневых ящиков высотой в человеческий рост.

– Прошу прошения за беспорядок, – извинился Мартинес, оглянувшись на меня через плечо. – Я знаю, что мне следует всерьез заняться проблемами сортировки и хранения, но постоянно возникают более важные дела.

– Удивляюсь, что вы находите время поесть, не говоря уже о вышеупомянутых проблемах.

– Ну, должен признаться, в последнее время такие вещи действительно мало меня беспокоят. Если вы следите за новостями, то знаете, что я уже поймал свою самую большую

рыбу. Чтобы закончить эту работу, требуется совсем немного усилий, но я сейчас так занят, что… – Мартинес внезапно остановился около штабеля, водрузил на нос пенсне и смахнул пыль с бумажного ярлычка, прикрепленного к боку ближайшего ящика. – Нет, – раздраженно пробормотал он, покачав головой. – Не на том месте. Черт побери, не на том месте! Норберт!

Норберт плелся следом за нами, мое промокшее пальто было изящно наброшено на его огромную мощную руку.

– Мистер Мартинес?

– Этот ящик стоит не там, где надо! – Невысокий мужчина повернулся и ткнул пальцем в просвет между двумя штабелями на противоположной стороне прохода. – Он должен быть здесь. Надо его передвинуть. Дело Кесслера передается в суд в следующем месяце, и мне не нужны неприятности из-за пропавшей документации.

– Позаботиться об этом, – громыхнул Норберт.

Прозвучало как приказ, но я восприняла это в том смысле, что он займется ящиком после того, как справится с чисткой моих вещей.

– Кесслер? – переспросила я, когда Норберт ушел. – Тилман Кесслер, дознаватель Северной Коалиции?

– Именно так. Вы с ним встречались?

– Ну, тогда бы я тут не стояла.

– Вполне вероятно. Однако имеется небольшое количество людей, которым удалось пережить знакомство с Кесслером. Их свидетельские показания помогут привлечь Кесслера к суду.

– На котором вы подвергнете его пыткам.

– В ваших словах звучит некоторое неодобрение, Диксия, – заметил Мартинес.

– Вы правы. Это варварство.

– Подобные вещи происходили всегда. Вспомните Хаусманна, если вам угодно.

Небесный Хаусманн – человек, который дал имя этому миру и развязал двухсотпядитесятилетнюю войну, которую лишь недавно и с большим трудом удалось прекратить. Те, кто истязал Ская, верили, что таким образом положат конец жестокостям. Большей ошибки нельзя было допустить. С тех пор пытки применялись при каждой казни.

– Вы просили меня приехать сюда из-за Кесслера, сэр? Полагаете, я могу что-нибудь добавить к показаниям против него?

Мартинес приостановился у массивной деревянной двери.

– Нет, не из-за Кесслера. Я очень рассчитываю увидеть его в конце года прибитым гвоздями к верхушке моста. Дело касается

человека, чьим орудием был Кесслер.

Я на мгновение задумалась:

– Кесслер работал на полковника Джекса, не так ли?

Мартинес открыл дверь и ввел меня в комнату. Теперь, по логике вещей, мы должны были находиться внутри одной из стен каньона. Дышалось здесь трудновато, словно в подземной гробнице.

– Да, Кесслер был человеком Джекса, – подтвердил Мартинес. – Я рад, что вы улавливаете связь. Это избавит меня от объяснений, почему Джекса надо отдать в руки правосудия.

– Я совершенно согласна с вами. И половина здешнего населения разделяет ваше мнение. Но я боюсь, вы немного опоздали – Джекс давно умер.

В комнате нас уже дожидались двое. Мужчина и женщина сидели на диванчиках по обе стороны низкого черного столика, где располагалось скупое угощение – чай, кофе и что-то алкогольное, кажется, бренди с лимонным соком.

– Джекс не умер, – покачал головой Мартинес. – Он просто исчез, но теперь я знаю, где он. Садитесь, пожалуйста.

Он знал, что я заинтригована. Знал, что не смогу выйти из этой комнаты, пока не услышу всю историю о полковнике Брендоне Джексе. Но было и еще кое-что, заставившее меня подчиниться, – командный тон, исключавший всякую возможность отказа. На службе в Южной милиции мне пришлось усвоить, что некоторые люди обладают подобной харизмой, а некоторые нет. Этому нельзя обучить или научиться самостоятельно, и притворяться тоже бесполезно. Ты либо обладаешь такой способностью с рождения, либо – увы.

– Диксия Скэрроу, позвольте представить моих гостей, – заговорил Мартинес, когда я заняла место за столом. – Джентльмен напротив вас – Сальваторе Николоси, ветеран одного из отрядов Службы анабиоза Северной Коалиции. Справа Ингрид Соллис, эксперт по личной безопасности, специалист в области систем противовторжения. Ингрид первоначально участвовала в военных действиях на стороне южан, но потом оставила военную службу и занялась работой в сфере личной безопасности.

Я отвела взгляд от этой женщины, прежде чем с моих губ слетели слова, о которых пришлось бы потом пожалеть. Мужчина – Николоси – больше напоминал актера, чем солдата. Полное отсутствие шрамов. Лицо украшает холеная остроконечная борода столь четкой формы, словно ее вырезали по трафарету. Агенты Службы анабиоза всегда меня раздражали, независимо от того, чью занимали сторону. Они постоянно кичились своим превосходством над обычными войсками и поэтому не считали

нужным утруждать себя физической подготовкой, а уж до того, чтобы обзавестись такой мускулатурой, как у Норберта, у этих ребят дело никогда не доходило.

– Позвольте представить вам Диксию Скэрроу, – продолжил Мартинес, кивнув в мою сторону. – На счету Диксии пятнадцать лет безупречной службы в Южной милиции, вплоть до окончания военных действий. У нее блестящий послужной список. Я надеюсь, она будет ценным дополнением к нашей команде.

– Возможно, мы немного забегаем вперед, – заметила я. – Я не давала согласия на участие в какой-либо команде.

– Мы преследуем Джекса, – примирительно пояснил Николоси. – Разве вас это не интересует?

– Он был на вашей стороне, – напомнила я. – Отчего вы так стремитесь увидеть его на виселице?

Николоси на мгновение скривился, как от боли:

– Он военный преступник, Диксия. Мне очень хочется, чтобы такие чудовища, как Джекс, предстали перед судом. Подобной участи я желаю и мерзавцам-южанам, которые занимались тем же, что и он.

– Николоси прав, – подала голос Ингрид Соллис. – Если мы собираемся мирно сосуществовать на этой планете, то должны судить по закону всех и каждого, невзирая на их бывшую государственную принадлежность.

– Слова, вполне естественные для дезертира, – медленно проговорила я. – Очевидно, государственная принадлежность не слишком много значила для вас в прошлом, поэтому меня не удивляет, что она ничего не значит для вас сейчас.

Мартинес, все еще стоявший во главе стола, примирительно улыбнулся, как будто ничего иного от меня и не ожидал.

– Вы неправильно поняли меня, Диксия. Ингрид не дезертировала. Ее ранило при исполнении служебного долга. Серьезная травма. После выздоровления она была отмечена за отвагу, проявленную в боях, и ей предложили выбор между почетным увольнением и возвращением на фронт. Нельзя винить ее за вышеупомянутый выбор, особенно после того, что ей пришлось пережить.

– О, простите, я ошиблась. Просто я никогда не слышала о людях, вышедших в отставку до окончания войны.

Соллис холодно взглянула на меня:

– Некоторые из нас поступили именно так.

– Все присутствующие здесь имеют безупречный послужной список. – Мартинес слегка повысил голос. – Я твердо уверен в этом, поскольку весьма тщательно изучил ваши биографии. Вы именно те, кто подходит для нашей работы.

– А я в этом не уверена, – возразила я, порываясь встать. – Я просто отставной солдат, который испытывает неприязнь к дезертирам. Я не состояла ни в каких дерьмовых отрядах Службы анабиоза и не совершила ничего такого героического, за что бы мне выразили благодарность. Так что жаль, коллеги, но мне кажется…

– Сядьте, Диксия.

И я вновь повиновалась.

Мартинес продолжил, его голос сохранил размеренность и терпеливость:

– Вы участвовали по крайней мере в трех операциях с высокой степенью риска, Диксия. Три опасных рейда в тыл врага, вывод двух глубоко внедрившихся шпионов-южан и – серьезный козырь – перебежчика из Северной Коалиции. Вы же не станете это отрицать?

Я покачала головой. Суть того, что он предлагает, все еще ускользала от меня.

– Я не смогу вам помочь. Я ничего не знаю о Джексе…

– Знать вам и не нужно. Это мои проблемы.

– Откуда у вас такая убежденность, что он жив?

– Я бы тоже хотел услышать ответ на этот вопрос, – вступил в разговор Николоси, поглаживая изящными пальцами бороду.

Мартинес наконец сел в кресло, стоящее во главе стола. Таким образом получилось, что он возвышается над приглашенными. Он снял пенсне и, повертев в руках, положил на колени.

– Вы должны убедиться в важности и достоверности того, что я собираюсь вам сказать. Я долгие годы собираю данные о таких людях, как Джекс, и в этом деле приходится полагаться на целую сеть информаторов, многие из которых, поставляя мне сведения, подвергаются огромному риску. Если я открою вам все полностью и хотя бы часть сказанного распространится за пределы моего кабинета, их жизнь окажется под угрозой. Не говоря уже о том, что это серьезно помешает мне привлечь к ответственности других скрывающихся преступников.

– Мы понимаем, – кивнула Соллис, и меня возмутило, что она осмелилась говорить за всех.

Возможно, она считала, будто в долгу перед Мартинесом просто потому, что он принял ее сторону в недавней перепалке. Но я снова прикусила язык.

– Долгое время я получал любопытные сведения насчет полковника Джекса: поговаривали, что он на самом деле не умер и находится на свободе.

– Где? – спросила Соллис. – На Окраине Неба?

– Похоже, что нет. Конечно, было много ложных следов, указывающих на то, что Джекс лежит в могиле где-то на этой планете. Но я не принимал их на веру и отметал один за другим. Постепенно правда становилась очевидной. Джекс все еще жив и находится в пределах этой системы.

Я почувствовала, что пришло время внести позитивный вклад в разговор:

– Не кажется ли вам, что такой кусок дерьма, как Джекс, попытался бы удрать из системы при первой же возможности?

Мартинес благосклонно отнесся к моему замечанию и удостоил меня взглядом:

– Я тоже боялся, что он мог сбежать, но появившиеся факты говорят о другом.

Он протянул руку, чтобы налить себе чаю. Коктейли остались на столе невостребованными. Я сомневалась, что желудки кого-либо из присутствующих были способны переваривать алкоголь в это время суток.

– Где же он тогда? – спросил Николоси. – У множества криминальных сообществ нашлись бы причины предоставить убежище такому человеку, как Джекс, но цена, назначенная за его голову, – серьезный соблазн выдать его властям…

– Он не скрывается, – возразил Мартинес, отхлебнув чаю, прежде чем продолжить. – Он на борту космического судна, в полном одиночестве. Судно предположительно было утеряно или разрушено в самом конце войны, когда обострилось противостояние в космосе, но у меня есть сведения, что оно практически не повреждено, его системы жизнеобеспечения функционируют. Это веское основание допустить, что Джекс еще жив и находится в пределах системы.

– Чего же он дожидается? – поинтересовалась я.

– Когда память о нем померкнет, – усмехнулся Мартинес. – Подобно многим физически крепким людям, на последней стадии войны Джекс мог применять препараты, продлевающие жизнь или, по крайней мере, исключающие угрозу ее прекращения. Время не властно над ним.

– Это судно… – Я подалась вперед. – Вы полагаете, надо просто проникнуть на борт и взять Джекса живым?

Мартинеса, казалось, удивила прямолинейность моего вопроса. Прежде чем ответить, он на мгновение прикрыл глаза.

– В сущности, да.

– Он не окажет сопротивления?

– Думаю, не окажет. Ультра, которые определили местоположение транспорта, сообщили мне, что судно производит впечатление впавшего в спячку: оно находится в

режиме энергосбережения. Сам Джекс, возможно, погружен в анабиоз. Судно не отвечает на сигналы ультра, поэтому нет повода полагать, что оно как-то отреагирует на наш подлет и стыковку.

– Насколько близко подходили ультра? – спросила Соллис.

– В пределах трех-четырех световых минут. Опять же нет причин полагать, что мы не можем подойти ближе, не вызвав тревогу на судне.

– Откуда вы знаете, что Джекс на борту? – подключился к расспросам Николоси. – Это может быть просто никому не нужный бродяга.

– Сведения, которые я тщательно собирал, указывают на присутствие на борту человека пожилого возраста, определенных размеров и внешнего вида. Все совпадает.

– Итак, давайте займемся охотой, – заявила Соллис, снова взявшись говорить за всех. – Вы собрали нас здесь, поскольку полагаете, что мы – подходящая команда, чтобы захватить полковника. Я специалист по вторжению, поэтому можете рассчитывать, что я проведу вас внутрь судна. Николоси – ветеран службы, не говоря уже о том, что он отлично управляется с несколькими видами оружия, он сообразит, как вывести Джекса из анабиоза. А она… Как, вы сказали, ее зовут?

– Диксия, – напомнила я, и, возможно, в моем голосе прозвучала угроза.

– А она выведет нас оттуда. Как я понимаю, она спец в своей области, иначе бы ее здесь не было.

Мартинес выдержал паузу и кивнул:

– Вы совершенно правы, Ингрид, состав исполнителей подбирался именно так. Прошу извинения за то, что мои намерения столь ясны и прозрачны. Но факт в том, что вы действительно идеальная команда для этой операции. Я не сомневаюсь, что, объединив ваши таланты, вы добьетесь успеха в возвращении полковника Джекса на Окраину Неба и, следовательно, передаче его в руки правосудия. Теперь согласитесь: это будет нечто особенное, не так ли? Убить последнего дракона!

Николоси обозначил свое согласие глубоким вздохом.

– Люди, подобные Кесслеру, просто безумцы. Когда вы уничтожаете таких чудовищ, как Кесслер, вы на самом деле караете нож, а не человека, который им орудует. Если желаете истинной справедливости, надо найти настоящего убийцу. Для этого нужны профессионалы.

– Сколько нам заплатят? – поинтересовалась Соллис.

На лице Мартинеса промелькнула улыбка.

– Пятьдесят тысяч аустралов каждому после доставки полковника Джекса целым и невредимым.

– Что, если мы найдем его мертвым? – вмешалась я. – К этому времени мы уже не раз подвергнемся риску при подлете и стыковке.

– Если Джекс уже мертв, то вам заплатят по двадцать пять тысяч аустралов.

Мы переглянулись. Я знала, о чем думают остальные. Пятьдесят тысяч аустралов – деньги, которые могут изменить всю твою жизнь, но и половина этой суммы совсем неплоха. Убить Джекса будет намного легче и безопаснее, чем вытаскивать из судна живым…

– Само собой разумеется, я буду находиться рядом, – сказал Мартинес. – Поэтому вам не придется заботиться о доказательствах того, что Джекс уже был мертв к моменту вашего прибытия.

– Если с нами пойдете вы, – спросила я, – возможно, есть еще кто-то, о ком нам следует знать?

– Только Норберт. В его компетенции можете не сомневаться.

– Значит, нас будет пятеро.

– Пять – хорошее число, не правда ли? И это проверенная на практике оптимальная численность диверсионной группы. Я приобрел небольшой, но мощный корабль, полностью соответствующий нашим целям. Если он перевезет пятерых, то у него хватит мощности вернуться обратно с полковником. Я предоставлю оружие, оборудование и скафандры, но вы вправе взять с собой все, что, на ваш взгляд, может оказаться полезным.

Я оглядела монашескую обстановку комнаты и вспомнила мрачные интерьеры офисов, расположенных у подножия каньона Тредфолл.

– Три раза по пятьдесят тысяч аустралов… плюс то, сколько стоит нанять и оборудовать корабль. Не возражаете, если я спрошу, из каких источников вы черпаете деньги?

– Это мои личные фонды, – отрезал Мартинес. – Поимка Джекса – долговременная цель, а не эксцентричная выходка, затеянная мной недавно. Я счел бы за счастье умереть в нищете, если бы знал, что Джекс распят на самой высокой опоре моста.

Некоторое время все молчали. Мартинес высказался столь мягко и спокойно, что мы восприняли смысл его слов с некоторым запозданием. И когда он все же дошел до нас, думаю, мы все будто воочию увидели огрызок человеческого тела, казненного традиционным способом, «по Хаусманну».

– Оружие качественное? – спросила я. – Не барахло с черного рынка?

– Только самое лучшее.

– Технические характеристики судна Джекса? – Соллис подключилась к выяснению деталей операции.

– У вас будет достаточно времени, чтобы просмотреть данные в пути. Я не сомневаюсь, что женщина с вашими талантами легко сможет определить точку входа.

Соллис польщенно улыбнулась:

– Полагаю, что да. Что скажете, Сальваторе?

– Полковник Джекс и ему подобные позорят честь и достоинство Северной Коалиции. Мы не монстры. Если я могу сделать что-то, чтобы заставить людей поверить в это… – Николоси умолк и пожал плечами. – Да, я согласен. Это мой долг, мистер Мартинес.

– Тогда остаетесь вы, Диксия, – сказала Соллис. – Для меня сумма в пятьдесят тысяч аустралов звучит очень заманчиво. Полагаю, что и для вас тоже.

– Это не ваше дело.

– Как сказать… Похоже, вам деньги нужны так же сильно, как и нам.

Я была очень близка к тому, чтобы ответить нет, выйти из комнаты и вернуться под непрекращающийся мутный дождь каньона Тредфолл. Вероятно, Норберт не станет меня задерживать, поэтому мне не придется выслушивать дальнейшую болтовню о том, как группа совместными усилиями арестует полковника Джекса. Но я никогда не получу шанса узнать, что задумал Мартинес, если не пойду с ним.

И еще мне следовало вспомнить о том, что я вижу, когда гляжусь в зеркало, и на что могу употребить пятьдесят тысяч аустралов.

Поэтому я сказала да.

Мартинес жестом указал на одну из пустых свинцово-серых переборок в отсеке шаттла; она вспыхнула и заполнилась яркими неоновыми линиями. Эти линии, сливаясь и пересекаясь, образовали схематический чертеж судна в соответствующем масштабе.

– Сведения о судне Джекса сумбурны и фрагментарны. Если отмести все противоречащие друг другу сообщения и избавиться от ненадежных данных, то останется вот это.

– Это все? – спросила Соллис.

– Когда достигнем области визуального обзора, сможем добиться большего. Я перепроверю все сообщения, включая те, которые мы отсеяли. Некоторые из них – когда мы проведем сравнение с настоящим судном – могут вывернуть все наизнанку.

Или в свою очередь пролить столь необходимый свет на внутреннюю планировку судна и вероятное местонахождение Джекса. Кроме того, мы, естественно, получим данные от наших собственных инфракрасных датчиков и глубинных радаров.

– Похоже, это очень большое судно, – заметила я, оценив схему, мерцающую над головой.

Мы находились в дне пути от Арместо, на маленьком шаттле, прикрепленном к брюху легкого субсветовика под названием «Смерть Софонисбы».

– Большое, но не такой правильной формы, как у субсветовика, – добавила Соллис. – Ну и что нам теперь делать?

– Хороший вопрос.

То, на что указывал нам Мартинес, представляло собой прямоугольную оболочку длиной в километр, примерно сто метров в глубину и сто в ширину, с несколькими сферическими выпуклостями вдоль части длины. На одном конце находилось нечто, отдаленно напоминающее двигатели, а на другом – манжетоподобный стыковочный комплекс. У судна были слишком резкие очертания для межзвездных путешествий и ему недоставало выносных опор для двигателей, что было характерно для всех транспортных устройств сочленителей.

– Хотя выглядит вроде знакомо… – У меня в голове вертелись смутные образы. – Кого-нибудь еще посетило дежавю или только меня?

– Не знаю, – откликнулся Николоси. – Когда я это увидел, то подумал… – Он покачал головой. – Это невозможно. Дизайн корпуса должен быть стандартным.

– Ну, ты же сам видишь.

– У этой штуковины есть название? – обратился Николоси к Мартинесу.

– Я не знаю, как Джекс называет свое судно.

– Он спросил не об этом, – сказала Соллис. – Он спросил…

– Я знаю название, – пробормотала я. – Я была ранена в одном из последних больших сражений. Меня вывезли в космос – вероятно, на шаттле – и доставили на борт этого судна. Это госпиталь на орбите планеты.

– Как он называется? – настойчиво повторил Николоси.

– «Найтингейл», – ответила я.

– О боже!

– Вы удивлены?

– Да, черт побери, я удивлен! Я тоже был на борту «Найтингейл». Меня заштопали, а потом репатриировали.

– Так же как и меня. – Голос Соллис снизился почти до шепота. – Однако я не узнала его. Они круто потрудились надо

мной, прежде чем затащили на борт. Кажется, я догадываюсь…

– И я тоже, – кивнул Николоси.

Медленно, не сговариваясь, мы повернулись к Мартинесу. Даже Норберт, до этого момента ни во что не вмешивавшийся, обернулся и оценивающе посмотрел на своего хозяина. Мартинес слегка прищурился, но в остальном его самообладание осталось безупречным.

– Это действительно «Найтингейл». Было слишком рискованно сообщать вам название, когда мы еще находились на планете. Узнай об этом кто-нибудь из друзей Джекса, и вся операция…

– А может, – оборвала его Соллис, – вы не сообщили потому, что мы все уже побывали на борту этого судна?

– То, что вы все побывали на борту «Найтингейл», было одним из факторов вашего отбора, но не более того. Вы привлечены к выполнению этой миссии благодаря вашим навыкам, а не медицинской карте.

– И все-таки почему вы не сказали? – повторила она.

– Повторяю: это всего лишь разумное решение…

– Вы лжете!

– Я не занимаюсь подобными вещами.

– Подождите, – вмешался Николоси, и его голос звучал спокойнее, чем я ожидала. – Давайте просто разберемся, что нам сейчас делать. Вы зациклились на факте, что всех нас лечили на борту «Найтингейл», когда правильный вопрос, который нужно задать, таков: что, черт возьми, делает Джекс на борту судна, которое больше не существует?

– Что значит – не существует? – поинтересовалась я.

– А то и значит, – ответил Николоси, обращаясь непосредственно ко мне, – что «Найтингейл», по имеющимся сведениям, была уничтожена в конце войны. Или у вас нет привычки слушать новости?

– Вроде нет.

– И тем не менее вы знали о судне достаточно, чтобы опознать его.

– Я уже сказала: запомнила, как он выглядит, подлетая на медицинском шаттле. Меня накачали лекарствами, я не знала, выживу или умру… Все было таким преувеличенно резким, как в плохом сне. Но после того, как меня вылечили и отправили обратно на поверхность… Не думаю, что я хоть разок вспомнила о «Найтингейл».

– Даже когда смотрели в зеркало? – тихо спросил Николоси.

– Я вспоминала о том, что со мной сделали… Результаты могли быть намного лучше. Но мне в голову не приходило

поинтересоваться, что произошло с судном. Ну и что же произошло?

– Вы сказали: «Меня вылечили», – заметил Николоси. – Значит ли это, что вы общались с врачами – женщинами или мужчинами?

– А что, могло быть иначе?

Он покачал головой:

– Полагаю, вы были ранены и доставлены на госпитальное судно вскоре после того, как оно появилось на орбите?

– Возможно.

– В тот момент «Найтингейл» находилась на стадии введения в строй. Я попал на борт позже. А вы, Ингрид?

– Я тоже. И я едва ли увидела хоть одно человеческое существо за то время, что провела на борту.

– Так и было задумано. Немногочисленный персонал нужен был для того, чтобы принимать медицинские решения, которые судно не в состоянии взять на себя. Большую часть времени врачи должны были находиться за сценой.

– Все, что я помню, – как меня лечили, – нахмурилась я. – Я ничего не знаю о введении в строй.

Николоси объяснил мне с таким терпением, словно я была ребенком, отданным ему на воспитание.

«Найтингейл» финансировалась и строилась консорциумом бессмертных, действовавших из лучших побуждений. После того как они безуспешно попытались применить свое политическое влияние для прекращения войны (а многие их высокопоставленные друзья находили удовольствие в продолжении оной), было решено внести свой вклад другим, более продуктивным способом: облегчить страдания смертных мужчин и женщин, участвовавших в войне.

Поэтому они создали госпитальное судно, которое не имело отношения ни к Северной Коалиции, ни к Южной милиции. «Найтингейл» предназначалась для всех раненых воинов, независимо от их гражданства. Предполагалось лечить пациентов на борту нейтрального судна до полного выздоровления и затем возвращать на родину. Наибольшей критике подверглась идея возвращения раненых в действующие армии. Сама «Найтингейл» являлась последним достижением науки; такими медицинскими возможностями не обладал ни один госпиталь на Окраине Неба или в ее окрестностях, хотя, конечно, это нельзя сравнить с блистательным волшебством медицины демархистов.

«Найтингейл» строилась с расчетом на автономную работу. Она должна была неутомимо совершенствовать процесс исцеления, под руководством специалистов из числа людей

постепенно улучшать свои методики, пока не превзойдет учителей. Я попала в госпиталь на ранней стадии его обучения, но вскоре – как я узнала от Николоси – «Найтингейл» вступила в «оперативную» фазу. К тому времени все многокилометровое судно находилось под контролем небольшой группы техников и хирургов, и его интеллект гамма-уровня рос как на дрожжах, побуждаемый решать все более сложные задачи. В этот период на судне побывали Соллис и Николоси. Их лечили машины; было лишь смутное ощущение, что за ними наблюдают находящиеся за стенами люди.

– Какое-то время это работало, – продолжал Николоси. – Госпиталь делал все, на что рассчитывали организаторы проекта. Он функционировал как огромный квалифицированный конвейер: всасывал в себя раненых и выплевывал их вылеченными.

– Только для того, чтобы вернуть на войну, – добавила я.

– Спонсоры никак не контролировали то, что делалось на борту с ранеными, пока те не возвращались обратно. По крайней мере, все эти солдаты оставались в живых, никто не умер на поле битвы или на операционном столе. Спонсоры могли верить, что делают доброе дело, и спокойно спать по ночам.

– Итак, «Найтингейл» оправдала надежды, – подытожила я рассказ Николоси. – Так в чем же проблема? Поворот к мирной жизни после окончания войны?

– Судно было взорвано еще до прекращения огня. Поэтому мы не должны были обнаружить его здесь. Шальная ракета Северной Коалиции с ядерной боеголовкой слишком быстрая, чтобы бортовой мозг успел принять контрмеры. Она уничтожила «Найтингейл» вместе с находящимися на борту пациентами и персоналом.

– Теперь, когда ты упомянул об этом… кажется, я что-то такое припоминаю…

Соллис бросила свирепый взгляд на Мартинеса:

– Думаю, мы пересмотрим условия сделки. Он не говорил, что мы должны вытащить Джекса с этого чертова корабля-призрака!

Норберт двинулся в сторону хозяина, словно намереваясь защитить его от разъяренной Соллис. Мартинес, долгое время молчавший, снял пенсне, протер стекла тряпочкой и неторопливо вернул на нос.

– Возможно, вы правы, что сердитесь на меня, Ингрид. И возможно, я совершил ошибку, не упомянув о «Найтингейл» ранее. Но это объясняется тем, что я не могу одним опрометчивым шагом подвергнуть риску операцию. Вся моя

жизнь нацелена на выполнение одной-единственной задачи: передать полковника Джекса в руки правосудия. Я не имею права потерпеть крах.

– Вы должны были сказать нам о госпитале, – покачал головой Николоси. – Ни у кого из нас нет причин распространять эту информацию. Мы все хотим, чтобы полковник Джекс получил по заслугам.

– Тогда я совершил ошибку, за которую приношу извинения.

– Вряд ли ваши извинения нас удовлетворят, – фыркнула Соллис. – Если бы я знала, что должна буду вернуться на борт этой…

– Вы правы, – произнес Мартинес, обращаясь ко всем. – Судно вызывает у вас травмирующие сознание ассоциации, и с моей стороны недопустимо было скрывать эту информацию.

– Аминь, – ухмыльнулась Соллис.

Я почувствовала, что пора и мне принять участие в разговоре.

– Не думала, что кто-нибудь из нас вернется туда, Томас. Но может быть, с учетом того, что мы знаем о судне, вы слегка увеличите наше вознаграждение? Неплохая мысль, как считаете?

– Я и сам хотел сделать такое предложение, – заявил Мартинес. – Вы должны понимать, что мои карманы не бездонны и первоначальные условия и так следует считать очень щедрыми… но пусть будет еще пять тысяч аустралов каждому.

– Доведите до десяти, и тогда мы останемся в деле. – Соллис отреагировала быстрее, чем я сумела ей подмигнуть.

Мартинес посмотрел на Норберта, потом с выражением человека, дающего раздеть себя до последней нитки, кивнул Соллис:

– Хорошо, десять тысяч аустралов. Вы заключили выгодную сделку, Ингрид.

– Пока что мы обсуждаем условия, – вмешался Николоси. – Есть ли еще какая-нибудь информация, которую нам необходимо знать?

– Я сказал вам, что это «Найтингейл». – Мартинес вновь привлек наше внимание к чертежу на стене. – Этим, к моему стыду, исчерпываются все имеющиеся сведения о данном судне.

– Существуют ли подробные чертежи? – спросила я.

– Вся конструкторская документация утеряна во время войны.

– Фотографии? Видеоматериалы?

– Тоже нет. «Найтингейл» функционировала в зоне военных действий, Диксия. Тем несчастным, кто оказывался вблизи нее, было не до любования достопримечательностями.

– Что вы знаете о персонале? – продолжил расспросы Николоси. – Эти люди вам что-нибудь рассказали?

– Я разговаривал с несколькими выжившими – медиками и техниками, которые находились на судне в период его оснащения. Сообщения бывали полезными… когда собеседники изъявляли желание отвечать.

– А как насчет людей, которые находились на борту позже, вплоть до перемирия? – гнул свое Николоси.

– Мне не удалось найти их следы.

– Но ведь очевидно, что эти люди не умерли. Если судно все еще в космосе, та шальная ракета в него не попала.

– Зачем кому-то выдумывать историю о том, что «Найтингейл» разнесло в клочья, если на самом деле этого не произошло? – спросила я.

– На войне иногда случаются странные вещи, – пожал плечами Мартинес. – Не обязательно по злому умыслу. Возможно, был уничтожен другой госпиталь. В конце концов, на орбите вокруг Окраины Неба летало не одно такое судно. Какое-нибудь из них, может быть, даже имело похожее название. Весьма вероятно, что некоторые факты могли быть перепутаны в неразберихе, царившей в те дни.

– Все же это не объясняет, почему вы не сумели найти выживших, – возразил Николоси.

Мартинес беспокойно поерзал на сиденье.

– Если Джекс присвоил судно, тогда он наверняка не хотел, чтобы кто-нибудь рассказывал о нем. Персоналу госпиталя могли заплатить за молчание или пригрозить.

– Полагаю, так и было, – сказала я.

– В этом мире с помощью денег можно решить многие проблемы.

Два дня спустя «Смерть Софонисбы» набрал скорость и умчался во тьму, в то время как корабль Мартинеса, следуя запрограммированному плану полета, доставил нас в зону видимости космического госпиталя. Ультра еще раз просканировали «Найтингейл» и не уловили никакого отклика от «спящего» судна. Все показания приборов свидетельствовали о том, что оно находится в глубокой кибернетической коме, возможно, на грани смерти, и только горсточка самых важных систем жизнеобеспечения продолжает действовать, питаясь крохами резервной энергии.

Двадцать четыре часа мы подкрадывались, сократив расстояние до световых секунд, а затем до сотен тысяч километров. Никакой реакции не последовало. Но когда мы подошли вплотную, наши приборы приступили к обработке данных, полученных при сканировании. Пока большинство из нас

отсыпалось, Мартинес, сидя за пультом управления, сопоставлял данные и совершенствовал свои чертежи. Норберт все время проводил, склонившись над приборами, рассматривал увеличивающееся в размерах судно. Иногда бормотал под нос какие-то замечания, на что Мартинес откликался терпеливым, слегка снисходительным шепотом, словно учитель, вынужденный прислушиваться к туго соображающему, но прилежному ученику. Уже не в первый раз меня тронула явная доброта Мартинеса к огромному неповоротливому Норберту. Хотелось бы узнать, чем объясняется такое отношение.

За десять часов до стыковки Мартинес огласил результаты своего труда. Схема космического госпиталя теперь обрела трехмерность, будучи выведена на проекционный цилиндр в тесной штурманской рубке. Хотя основная конструкция не изменилась, новый план был куда тщательнее детализирован, чем предыдущий. Он показывал стыковочные узлы, воздушные шлюзы, основные механизмы и самые большие коридоры и площадки, пронизывающие внутренности «Найтингейл». О многом еще приходилось догадываться, но ощущения, что мы вступаем на абсолютно неизведанную территорию, теперь не возникало.

– Вот наибольшая область теплоизлучения. – Мартинес указал на пятно примерно в четверти пути от входа. – Полагаю, это самое подходящее место для поисков Джекса.

– Тогда все просто, – сказал Николоси. – Входим через шлюз на «спине», потом прямо вниз по шахтной трубе. Тут метров пятьдесят-шестьдесят, не больше.

– Меня это не вдохновляет, – протянула Соллис. – Люк большой, наверняка вооружен до зубов датчиками слежения и системами сигнализации.

– Как предлагаешь войти? – спросил Николоси.

– Дверь предоставьте мне, внутрь я вас проведу. Но не смогу обойти все системы безопасности, и можете быть чертовски уверены, что судно узнает о нас, если пойдем через главный шлюз.

– Как насчет других шлюзов? – Я постаралась, чтобы это не прозвучало так, будто я лезу в ее дела. – Можно без проблем пройти через них?

– Никаких гарантий. Но я все же предпочла бы попытать счастье с черного хода.

– Думаю, Ингрид права, – одобрительно кивнул Мартинес. – Это позволит нам подойти тихо и незаметно пристыковаться. У Джекса будут деактивированы все второстепенные системы, включая датчики сближения. Если при подходе мы не увидим

явных признаков тревоги, то я поверю, что мы досконально информированы о хитростях защиты. – Он указал на две точки на корпусе, позади округлой выпуклости на «спине». – Мы проберемся здесь и здесь, через один из этих малых служебных шлюзов. Я согласен с Ингрид: вряд ли поднимется тревога.

– Тогда нам придется проползти четыреста, а то и пятьсот метров внутри судна, – произнес Николоси тоном, не оставляющим сомнения в том, что он думает об этом плане. – Четыреста или пятьсот метров – а карта этого участка очень груба.

– Скафандры оснащены направляющими устройствами, – напомнил Мартинес.

– Это мало утешает. Но раз уж вы приняли решение, я подчиняюсь.

Я повернулась к Соллис:

– Что ты сказала тогда… что не проведешь на борту «Найтингейл» ни одной лишней минуты?

– Я не шутила.

– Знаю. Но то, как ты говорила об этом судне… Есть что-нибудь, что ты знаешь о нем, а мы нет? Ты явно нервничаешь, и я не понимаю почему. В конце концов, это просто заброшенный космический госпиталь.

Соллис, прежде чем ответить, некоторое время изучала меня взглядом:

– Скажи ей, Николоси.

– Сказать что? – Николоси безмятежно посмотрел на нее.

– То, чего она явно не знает. О чем мы все очень боимся говорить.

– Да пожалуйста!

– Что «да пожалуйста»? – спросила я.

– Это просто сказка, примитивная легенда, – вздохнул Николоси.

– Глупая история, которая, однако, утверждает, что «Найтингейл» не взорвалась, – добавила Соллис.

– О чем вы все говорите?! – возмутилась я. – Что за история?

Объяснять взялся Мартинес:

– Несчастный случай на борту. Последняя партия больных и раненых поступила на судно, но по каким-то причинам его не покинула. Все попытки контакта с техническим персоналом оказались безрезультатны. Тогда на судно послали исследовательскую группу, и больше о ней никто не слышал.

– Черт возьми! – Я рассмеялась. – Отличная новость! И вы планируете попасть на борт?

– Ну вот, теперь ты понимаешь, почему я озаботилась насчет

доплаты, – усмехнулась Соллис.

– Это просто легенда, – проворчал Мартинес, – и ничего больше. Сказочка для пугливых детишек, которая не может повлиять на наше намерение захватить Джекса. Меня нисколько не удивит, если выяснится, что Джекс или его дружки каким-то образом причастны к этой лжи. Небось, если мы испугаемся и повернем назад, они будут в полном восторге.

– Возможно, – неуверенно согласилась я. – Но мне все же было бы намного приятнее, если бы все это я услышала раньше. Это не изменило бы моего отношения к работе, однако спокойнее на душе, когда тебе доверяют.

– Я вам доверяю, Диксия. Я просто полагал, что вас не интересуют детские страшилки.

– Как вы узнали, что Джекс на судне?

– Мы уже проходили это. У меня есть свои источники, которые я обязан оберегать…

– Он был пациентом, да?

Мартинес так резко сдернул пенсне с носа, словно счел мое замечание неуместным отклонением от темы.

– Я знаю только, что Джекс на борту «Найтингейл». Обстоятельства, при которых он попал туда, меня не волнуют.

– И вас не волнует, что он наверняка попросту мертв, как мертвы все остальные, кто находился на этом судне в момент его гибели? – спросила Соллис.

– Если он мертв, вы получите свои двадцать пять тысяч аустралов.

– Плюс еще десять, о которых договорились.

– И их тоже, – сказал Мартинес так, словно делал нам одолжение.

– Ох, как мне это не нравится, – пробормотала Соллис.

– И мне тоже, – откликнулся Николоси. – Но мы пришли сюда выполнить работу, и обстоятельства существенно не изменились. Есть судно, и человек, который нам нужен, находится на его борту. Мартинес говорит правду: мы не должны бояться всяческих россказней, особенно когда цель так близка.

– Мы пришли сюда, мы раздобудем Джекса и вместе с ним уберемся с этого чертова судна, – подытожила Соллис. – Никаких промедлений, никаких любований достопримечательностями и охоты за сувенирами.

– С этим у меня никаких проблем, – сказала я.

– Берите что хотите, – заявил Мартинес из-за плеча Норберта, когда мы вошли в оружейный отсек, расположенный в корме шаттла. – Но помните, что на вас будут скафандры и вам

придется двигаться в тесных помещениях. И вы будете на борту судна.

Соллис, энергично протолкавшись вперед, ухватилась за то, что я едва заметила. Она погладила пальцами блестящий иссиня-зеленый ствол лазерной винтовки и взвесила оружие на руке:

– Ух ты, «брайтенбах»!

– Рождество наступило раньше, чем обычно? – съязвила я.

Соллис встала в боевую и принялась осваивать винтовку, поворачивая ствол в сторону воображаемых целей и щелкая переключателем мощности. Оружие услужливо взвыло. Голубые огоньки усеяли его приклад, показывая готовность к стрельбе.

– Потому что я достойна такого оружия! – отчеканила Соллис.

– Хотелось бы, чтобы ты упражнялась с этой штукой в другом месте.

– Лучше бы ты нигде с ней не упражнялась, – поддержал меня Николоси. Он тоже осматривал предложенный арсенал. Бородатый пижон завладел длинным матово-черным оружием, на стволе которого был нарисован по трафарету рубиновый дракон с брюхом, раздутым, как у заглотившего добычу питона. – Энергетическая базука, плазменный лазер, – восторженно пояснил он. – Мерзкая штучка, но работает отлично.

– Видимо, изящество не в твоем вкусе.

– Никогда не пользуйся такими штуками на войне, Диксия.

– И не собираюсь. Потому что их запретили. Одно из тех здравых решений, которые устроили обе стороны.

– Теперь это мой шанс.

– Мне казалось, наша задача захватить Джекса, а не проделать десятиметровые дыры в корпусе «Найтингейл».

– Не волнуйся, я буду очень-очень осторожен. – Николоси закинул базуку на плечо и пошел по проходу.

Я взяла пистолет, повертела его в руке и вернула на стеллаж. Дальше обнаружилось нечто, пришедшееся мне по душе, – тяжелое двуручное пулевое ружье. Я отсоединила магазин, убедилась, что он полон. Примитивное, зато безотказное оружие. Двое моих напарников польстились на высокотехнологичные энергетические игрушки, но я-то знала, как легко они отказывают в бою.

– Отличный ствол, Диксия, – покровительственно сказала Соллис.

– Я поклонница старой школы.

– Да, я заметила.

– Если у тебя есть проблемы с этим, мы всегда можем попрактиковаться в стрельбе.

– Никаких проблем. Просто я рада, что ты нашла то, что тебе нравится. Всяко оно надежнее в деле, чем старина Норберт. – Соллис кинула взгляд через плечо. – Похоже, он спит на ходу.

Я посмотрела вдоль прохода. Норберт стоял в дальнем конце у стеллажа и осматривал маленькое толстое оружие – я не знала, что это за система. В его огромных ладонях оно выглядело смешно, словно и впрямь было игрушечным.

– Ты уверен, что хочешь взять это? – спросила я. – Может, ты лучше взглянешь на одну из этих…

Норберт посмотрел на меня как на идиотку. Не знаю, что он сделал в следующий момент, – никакого движения руки я не успела заметить, – но эта пузатая коротышка стремительно преобразилась, вытягиваясь и раскрываясь подобно сложной составной головоломке, пока не увеличилось вдвое, сделавшись и на вид вдвое более смертоносным. Серебристое совершенство инженерной мысли, дорогая техника не из нашего мира. Игрушка демархистов, наверное… Но весьма и весьма жуткая игрушка.

Мы с Соллис молча переглянулись. Норберт отыскал самое продвинутое и эффективное оружие из того, что здесь имелось.

– Пойдем, – пробасил Норберт, складывая свою избранницу и вешая на пояс.

Мы подкрадывались все ближе. Десятки тысяч километров, потом тысячи, потом сотни. Я наблюдала за пространством через иллюминаторы; внутренние прожектора светили в том направлении, где, судя по показаниям радаров и инфракрасных сканеров, нас ждало госпитальное судно. Когда мы приблизились на двадцать километров, я решила, что должна уже видеть «Найтингейл», однако передо мной были только звезды и тошнотворный мрак. Внезапно возникло интуитивное понимание, как легко мы можем затеряться в этом пространстве, быстро сменившееся головокружительным ощущением нашего ничтожества и одиночества в космосе – теперь, когда ушел субсветовик.

А затем неожиданно появилась «Найтингейл».

Мы подошли под косым углом к судну, отчего оно зрительно уменьшилось в размерах. В кромешной тьме четко виднелись только его контуры. Ни иллюминаторов, ни габаритных огней, ни подсветки стыковочных узлов. Черное, как уголь, судно выглядело безжизненным. Предположение, что кто-то живой может скрываться на его борту, вдруг показалось полным абсурдом. Полковник Джекс, вероятно, мертвее мертвого, но нам-то без разницы: даже если госпитальные машины давно прекратили поддерживать жизнь в его теле, мы свои денежки

получим.

Теперь Мартинес переключил шаттл на ручное управление. Маленькими бросками, умело маневрируя, он сократил дистанцию до десяти километров. В шести километрах планировалось безопасности ради зажечь внешние прожекторы, посветить ими по всей протяженности судна и убедиться, что шлюзы и стыковочные узлы находятся на своих местах.

На обшивке «Найтингейл» обнаружились царапины от небольших метеоритов и несколько подпалин от столкновений с высокоэнергетическими частицами, но в общем ничего особенного с учетом того, что «Найтингейл» болталась в космосе со времен войны. Если на ней имелись ремонтные механизмы, то они тоже спали.

Даже когда мы облетели вокруг и осмотрели ее с другого бока, никакой реакции не последовало. Николоси с неохотой признал, что мы можем следовать плану, предложенному Соллис, то есть пробраться внутрь через один из служебных шлюзов.

Пришло время действовать.

Мы пристыковались. Подошли мягко, но все же раздался сильный щелчок, когда захваты зацепились и прижали наш маленький шаттл к огромному госпиталю. Я подумала, что эхо от щелчка разбежится по всей протяженности «Найтингейл», постепенно затихая, но не настолько, чтобы не достигнуть чутких систем оповещения, которые предупредят спящее судно о незваном госте. Несколько минут мы висели в космосе и молчали, с тревогой глядя через иллюминаторы на датчики, фиксирующие малейшие следы активности. Но «Найтингейл» оставалась такой же темной и неподвижной.

– Ничего не происходит, – шепотом нарушил молчание Мартинес. – Она все еще не знает, что мы здесь. Шлюзы в вашем распоряжении, Ингрид. Я уже открыл наш люк.

Соллис, облачившаяся в скафандр, прихватила инструменты и двинулась по тоннелю к выходу. Пока она работала, остальные возились со своими скафандрами и прочей экипировкой, стараясь как можно меньше шуметь. Прежде мне не приходилось надевать скафандр, но Норберт помог нам справиться с этой непривычной задачей: его огромные руки на диво сноровисто управлялись с непростыми соединениями. Надев скафандр, я не почувствовала больших отличий от костюма полной биологической защиты и быстро подключила датчики жизнеобеспечения, размещенные вокруг визора. На проверку ушло минимум времени – за исключением некоторых незадействованных второстепенных функций, скафандр был готов к работе. Запас энергии и других

ресурсов обеспечит мне комфортную жизнедеятельность в течение трех суток, при более длительном сроке пришлось бы мириться с некоторыми неудобствами. Однако никто из нас не собирался так долго торчать на борту «Найтингейл».

Соллис все еще копалась в электронике, когда мы собрались за ее спиной в шлюзе. Внутренние и внешние двери с нашей стороны были открыты, демонстрируя внешний стальной люк космического госпиталя, намертво прижатый к переходнику шлюза пневматическими запорами. Я сомневалась, что Соллис когда-либо прежде приходилось проникать внутрь судна, но, похоже, конструкция люка не была для нее головоломкой. Она рывком открыла панель доступа и подсоединила к колодке пучок разноцветных проводов, тянущихся к самодельному электронному блоку в ее наборе инструментов. Потом достала небольшую клавиатуру, которая замигала огоньками, меняя код замка. Лицо женщины – темное, невыразительное и в то же время мрачно-суровое – появилось в овальной рамке над панелью доступа.

– Кто это? – спросила я.

– «Найтингейл», – ответила Соллис и сочла нужным объяснить: – Судно имеет собственную личность гамма-уровня, предоставленную на весь срок его существования. Тонкий продукт мыследеятельности: полное соответствие стандарту Тьюринга, умна, насколько вообще может быть умна машина, прежде чем ее наделят человеческими правами.

Я посмотрела в лицо женщины, ожидая, что она сейчас обратится к нам. Представила резкий тон, каким она потребует объяснений: по какому праву мы находимся здесь, посягая на ее судно, на ее госпиталь.

– Знает ли она?.. – начала я.

Соллис отрицательно покачала головой:

– Это всего лишь информационная ячейка, безмозглая грань основной конструкции. Изображение, зашитое в память двери. Оно мало того что само неактивно – похоже, не действуют и каналы связи с наделенной сознанием машины. Так, «Найтингейл»?

Лицо смотрело на нас невозмутимо; ответа не последовало.

– Видишь, мертвая зона. Полагаю, что сознание судна практически полностью бездействует. Судну хватает капли интеллекта, чтобы помаленьку функционировать.

– Значит, гамма сидит офлайн?

– Ха! Ну, ты скажешь! Нельзя позволять, чтобы субличность слишком долго била баклуши.

– Почему?

– Потому что эти сущности имеют обыкновение от безделья сходить с ума. Кстати, по этой причине сочленители не держат на своих кораблях субличности гамма-уровня. Считают, что это своего рода рабство.

– Значит, гамме «Найтингейл», чтобы не съехать с катушек, достаточно управлять госпиталем?

– Надеюсь, что так. Правда, очень надеюсь. – Соллис окинула взглядом панель доступа и удовлетворенно хмыкнула, когда ряд лампочек замигал оранжевым. Она отсоединила свои провода и повернулась к ожидающей сзади команде. – Если вы готовы, я открою дверь.

– Что на той стороне?

– Непосредственно за дверью – воздух. Стандартная трехкомпонентная смесь. Жуткий холод, но не мороз. Давление приемлемое. Не уверена, что мы сможем там дышать, но…

– Нам не надо там дышать, – резко сказал Мартинес. – У воздушного шлюза остаются два человека. Одним из них будешь ты, Ингрид, пока до конца не разберешься, как работает этот механизм. Я составлю тебе компанию, а остальные подождут внутри шаттла, пока не убедимся, что условия безопасные.

– Может, вместо вас останется кто-нибудь другой, – предложила я, удивляясь, почему Норберт не вызвался заменить хозяина. – В отличие от нас, вы незаменимы. Без вас до Джекса не добраться.

– Очень тронут заботой, Диксия, но я плачу за то, чтобы вы помогали мне, а не рисковали вместо меня.

Мартинес двинулся вперед. Норберт, Николоси и я отступили назад, чтобы можно было закрыть внутреннюю дверь. Я услышала Соллис по общему каналу:

– Открываю вход в «Найтингейл». Будьте готовы: связь может ослабнуть, когда мы заберемся под ее шкуру.

Николоси, оттолкнув меня, бросился в рубку управления. Я услышала тяжелое завывание моторов, открывавших дверь. Затем шелестящие и шаркающие звуки, но ничего тревожного.

– Итак, – сказала Соллис, – мы проходим в шлюз «Найтингейл». Закрываем за собой внешнюю дверь. Когда вам понадобится снова ее открыть, нажмите «эни кей» на клавиатуре.

– Признаков жизни нет, – сообщил из рубки Николоси.

– Внутренняя дверь выглядит так, словно откроется без особых усилий с моей стороны, – продолжала Соллис. – Должно быть, надо просто потянуть за этот рычаг… Вы готовы?

– Давай, Ингрид, – послышался голос Мартинеса.

Опять гудение моторов, теперь более слабое. Спустя несколько мгновений Соллис доложила:

– Мы внутри. Пока без сюрпризов. Заплываем во что-то вроде ангара шириной метров десять. Конечно, тут темно. В стене напротив – дверь. Возможно, она ведет в основной коридор, который должен проходить вблизи от этого шлюза.

Я сообразила, что могу включить освещение на шлеме.

– Сумеешь открыть обе двери шлюза? – спросил Николоси.

– Давайте не все разом. И не шумите, чтобы нас не заметили.

– Пойдем в два приема. Норберт, ты первый. Мы с Диксией следом.

Это заняло больше времени, чем хотелось, но в конце концов мы все впятером оказались по ту сторону шлюза. Я только однажды побывала в невесомости, во время восстановительного периода после ранения, но воспоминания о том, как надо двигаться – по крайней мере так, чтобы не выставить себя на посмешище, – остались, хотя и весьма смутные. Остальные вели себя примерно так же. Общий свет наших шлемов разогнал тьму по углам помещения, подчеркивая глубокий мрак открывшегося прохода, о котором упомянула Соллис. Мне вновь подумалось, что где-то в этой чернильной мгле находится полковник Джекс или то, что от него осталось.

Немного нервничая, я удостоверилась, что баллистическое ружье надежно закреплено на поясе.

– Выведите карту на шлемный дисплей, – велел Мартинес. – У всех на карте есть маршрут? Что с определением местоположения?

– У меня порядок, – доложила я, присоединившись к хору трех голосов и остро осознав, как легко будет затеряться на борту такого огромного судна, как «Найтингейл», если приборы, определяющие наше местонахождение, выйдут из строя.

– Я поведу, – заявил Николоси и нырнул во тьму прохода, прежде чем кто-то успел возразить.

Я двинулась за ним, стараясь дышать ровно и держаться бодро. На всех четырех стенах шахты имелись поручни и петли, так что процесс перемещения состоял в том, чтобы скользить от одной опоры к другой, преодолевая лишь сопротивление воздуха. Мы легко оставляли за собой метр за метром, в таком темпе недолго и все судно пересечь – в ширину, разумеется. Видимо, мы каким-то образом пропустили продольный коридор, который искали, или он просто не существовал. Когда меня кольнула мысль, что мы забрались слишком далеко, Николоси замедлил движение. Я ухватилась за петлю, тормозя, чтобы не врезаться в его ноги.

Николоси обернулся, заставив меня прищуриться от яркого света его нашлемного фонаря.

– Основной коридор здесь, он просто находится немного глубже, чем мы рассчитывали. Проверим оба пути?

– Мы поворачиваем налево, – тихо, почти шепотом сказал Мартинес. – Налево, и проходим сто метров, может, сто двадцать, пока не дойдем до отсека с центрифугой. Пойдем медленно, препятствий не будет.

Николоси повернулся и всмотрелся вдаль, потом вновь обернулся к нам:

– Вижу только метров двадцать коридора. Может, узнаем, куда он ведет?

– Медленно и осторожно, – распорядился Мартинес.

Мы двинулись вперед вдоль стены. В те мгновения, когда я дрейфовала от одной петли к другой, я задерживала дыхание, стараясь уловить внешние шумы. Но слышала лишь шелест движения спутников, свист и жужжание собственных систем жизнеобеспечения. «Найтингейл» оставалась такой же безмолвной, как и в момент нашего прибытия. Если судно и осознало появление чужаков, то пока никак не отреагировало.

Мы преодолели метров сорок от места пересечения проходов, около трети расстояния, которое должны были пройти до центрифуги, когда Николоси затормозил. Я ухитрилась поймать очередную петлю и не наступить ему на пятки, и оглянулась удостовериться, что остальные тоже сориентировались вовремя.

– Проблемы? – спросил Мартинес.

– Прямо впереди Т-образный стык коридоров. Не ожидал обнаружить здесь такой.

– Никто не ожидал, – буркнул Мартинес. – Но нас не должно удивлять, что реальное строение судна кое в чем отличается от наших чертежей. Пока мы окончательно не упремся в тупик, продолжим движение к полковнику.

– Ты хочешь бросить монетку или это сделаю я? – спросил Николоси, глядя на нас через плечо; я хорошо видела его лицо, освещенное фонарем моего шлема.

– На стене нет указателей или обозначений?

– Ни того ни другого.

– В таком случае поворачиваем налево, – скомандовал Мартинес, предварительно взглянув на Норберта. – Согласен?

– Согласен, – кивнул великан. – Налево, потом следующий поворот направо. Вперед.

Николоси заскользил дальше, остальные потянулись за ним. Я задержала взгляд на инерционном компасе внутри моего шлема, радуясь, что он отметил смену направления, хотя, если судить по карте, мы двигались через то, чему следовало быть прочной стеной.

Мы прошли двадцать или тридцать метров, когда Николоси вновь остановился.

– Тоннель поворачивает направо, – сообщил он. – Похоже, возвращаемся на курс. Все в порядке?

– Да.

Но мы проделали лишь пятнадцать или двадцать метров в новом направлении, прежде чем Николоси, схватившись за поручень, обернулся:

– Уперлись в тяжелую дверь, что-то вроде внутреннего шлюза. Похоже, вновь потребуются услуги Соллис.

– Дайте пройти, – сказала Соллис, и я прижалась к стене, чтобы она могла, не задев, миновать меня.

Кроме выбранного оружия, со скафандра Соллис свисали всевозможные отмычки, брякая друг о друга при каждом ее движении. Я не сомневалась, что она способна взломать любую дверь, дай ей только время.

Но перспектива провести долгие часы внутри «Найтингейл», дюйм за дюймом переползая от одного препятствия к другому, не вызывала у меня энтузиазма.

Мы дали возможность Соллис исследовать дверь, мы терпеливо выслушали ее размышления по поводу конструкции запоров, недовольные восклицания, гудение приборов и тихую ругань под аккомпанемент ее дыхания. Она открыла панель и, как в прошлый раз, подключила оборудование. На овальном дисплее вновь замерцало неприветливое лицо.

Спустя пару минут Мартинес со вздохом спросил:

– Есть проблемы, Ингрид?

– Проблем нет. Могу открыть дверь за десять секунд. Я просто, черт побери, хочу быть уверена, что это еще одна информационная ячейка «Найтингейл». Если нет – на другой стороне проема чувствительные электронные датчики. Конечно, вы можете приказать, и мы просто прорвемся через…

– Говори потише, – предостерег Норберт.

– Я в скафандре, придурок.

– Снаружи есть давление. Звук передается. По воздуху к стеклу, от стекла по воздуху.

– Ингрид, у вас пять минут, – решительно заявил Мартинес. – Если к этому времени не разберетесь, открывайте дверь. И Норберт прав: старайтесь поменьше шуметь.

– Ладно, не надо на меня давить, – проворчала Соллис. Через три минуты она отключила свои приборы и с довольным видом обернулась. – Просто запасной шлюз, на случай если эта часть судна разгерметизируется. Должно быть, его решили поставить после того, как была выполнена основная сборка.

– Есть опасность, что, войдя, мы поднимем тревогу? – спросила я.

– Не могу дать стопроцентную гарантию, но надеюсь, что нам повезет.

– Открывайте дверь, – распорядился Мартинес. – Всем закрепиться на случай, если с той стороны вакуум или малое давление.

Мы выполнили наказ, но, когда дверь отворилась, за ней оказался воздух все с тем же составом. Впереди, в лучах нашего света, виднелся короткий коридор, заканчивающийся точно такой же дверью. На этот раз помещение имело достаточные размеры, чтобы мы могли переждать в нем, пока Соллис занималась замком. Какая-то соединительная система требовала закрыть первую дверь, прежде чем открыть вторую, но это не представляло трудности. Теперь, когда Соллис знала, что ищет, она работала намного быстрее, ее квалификация и интуиция были на высоте.

– Так, народ, мы готовы войти. Приборы говорят, что на той стороне так же холодно, так что не расстегивайте костюмчики.

Я услышала звук, будто зритель кашлянул в полной тишине театрального зала. Кто-то – возможно, Николоси, возможно, Норберт – снял оружие с предохранителя. У меня не было выбора, кроме как взять ружье на изготовку.

– Открывай, – тихо сказал Мартинес.

Дверь бесшумно отворилась. Лучи фонарей вонзились в темную пустоту, явив взору более обширное пространство, чем я ожидала увидеть. Соллис наклонилась внутрь дверного проема, ее луч скользил по поверхностям, выхватывая деталь за деталью. Я увидела блеск стеклянных предметов, чьи ряды тянулись в бесконечность; потом он пропал.

– Докладывай, Ингрид, – велел Мартинес.

– Думаю, можно идти. Мы вышли возле стены, а может, пола – чего-то такого. Тут петли, поручни. Они куда-то ведут – должно быть, в следующую комнату.

– Стой, где стоишь, – велел Николоси, находившийся прямо передо мной. – Я опять иду первым.

Соллис посмотрела назад и проглотила комок в горле:

– Хочешь прикарманить все самое интересное? На этот раз я сама справлюсь.

Николоси поморщился. Не думаю, что он обладал чувством юмора.

– Можешь взять мое оружие.

– Я и так крутая, – после некоторого промедления ответила Соллис.

Я не осуждала ее: одно дело – возглавлять группу в узком коридоре, и совсем другое – на прогулке по огромному темному помещению. В коридоре ничто не может внезапно выскочить и схватить тебя.

Соллис с опаской шагнула в проем.

– Медленно и осторожно, Ингрид, – сказал позади меня Мартинес. – Времени у нас достаточно.

– Мы сразу за тобой, – добавила я, чувствуя, что она нуждается в моральной поддержке.

– Я в порядке, Диксия. Просто не хочется потерять опору и улететь хрен знает куда…

Ее движения стали размеренными, она осторожно перемещалась по залу, от одной петли до другой. Николоси шел следом, я старалась не отставать. Если не считать наших движений и работы систем скафандров, на судне было тихо, как в могиле. Но тьма была неабсолютной.

Теперь, когда мы вошли внутрь зала, перед нами тусклыми пятнами в неверном освещении стали открываться его тайны, тянущиеся вдаль, во мрак, на неизвестное расстояние. Здесь имелось свое освещение, просто слишком слабое, чтобы заметить его, пока не окажешься внутри.

– Что-то шевелится, – сообщила Соллис.

– Мы знали, – успокаивающе напомнил Мартинес, – мы всегда знали, что судно спит, а не умерло.

Я повернулась и поискала стеклянные предметы, чье мерцание видела раньше. По ту сторону прохода с поручнями луч освещал сотни прозрачных контейнеров. Каждый контейнер был размером с нефтяную бочку, скругленный поверх, и опирался на стального цвета подставку, оборудованную дисплеями, пультами и входными гнездами. Контейнеры стояли в три яруса; второй и третий контейнеры – вертикально над первым, на скелетном каркасе. Большинство подставок были отключены, но примерно у одной из десяти светились дисплеи, на них поступал поток данных.

– О господи! – ахнула Соллис, и я поняла, что она тоже это видит.

В контейнерах содержались человеческие органы: питаемые по тонким шлангам и электрическим проводам, они плавали в зеленоватом химическом растворе. Я не сильна в анатомии, но узнала сердца, легкие, почки, змеевидные спирали кишок. А еще шарики глазных яблок, десятками, подобно морским анемонам, растущие в отдельных емкостях, качаясь на длинных стебельках оптических нервов; нечто похожее на кисти рук или целые конечности; гениталии, кожа и мускульные маски безглазых

лиц… Каждая часть тела встречалась неоднократно и имела различные размеры, выстроенные по ранжиру от детских до взрослых; отдельно мужские, отдельно женские; и даже в зеленой мути физраствора можно было различить вариации в цвете кожи.

– Спокойно, Ингрид, – сказала я, но эти слова скорее предназначались мне самой, чем Соллис. – Мы же в космическом госпитале. Это был просто вопрос времени – как скоро наткнемся на что-то подобное.

– Эта гадость… – Николоси понизил голос. – Откуда она взялась?

– Два основных источника, – ответил Мартинес слишком спокойным голосом, и это мне не понравилось. – Не всех, кто попадал на борт «Найтингейл», удавалось вылечить, – очевидно, это судно было не более способным на чудеса, чем остальные орбитальные госпитали. Везде существовала практика, что умерший жертвовал свои части тела для дальнейшего использования. Полезные ресурсы, конечно, но они никогда не восполняли основные расходы хирургов «Найтингейл». По этой причине на судне имелось оборудование, производящее собственные органы на основе широко известных принципов использования стволовых клеток. Органы выращивались круглосуточно, чтобы в этом банке всегда был полный запас.

– Он не выглядит полным, – заметила я.

– Мы больше не воюем. Судно впало в спячку, у него нет необходимости сохранять прежний объем запасов.

– Тогда почему он вообще их сохраняет? Почему некоторые емкости поддерживают органы в состоянии жизнедеятельности?

– Не из экономии, полагаю, и не из прихоти. Стратегический резерв на случай, если судно вновь призовут в строй.

– Думаете, оно просто дожидается, когда его реактивируют?

– Оно просто машина, Диксия. Машина в режиме ожидания. Не стоит нервничать.

– Никто не нервничает, – сказала я, но вышло фальшиво.

Прозвучало так, будто меня можно с легкостью испугать.

– Давайте переберемся на другую сторону, – предложил Николоси.

– Мы прошли примерно полпути, – сообщила Соллис. – Кажется, я вижу южную стену, и там нас дожидается еще одна дверь.

Мы продолжили путь быстро и в полном молчании. Окруженная человеческими органами, я не могла думать ни о чем, кроме как о тех, кому эти органы когда-то принадлежали. Если бы здесь находились и мои части, наверное, я вернулась бы на «Найтингейл» в качестве привидения, источая лютую злобу.

Едва я упрекнула себя за неправильные мысли, как прозрачные контейнеры пришли в движение.

Все мы замерли, ухватившись за ближайшие петли. Ряд, расположенный через два или три от прохода с поручнями, плавно заскользил по направлению к дальней стене зала. Контейнеры перемещались упорядоченно, все разом. Когда мое сердце вновь забилось, я сообразила, что все они стоят на конвейерной ленте, протянутой сквозь стеллаж.

– Никому не двигаться, – велел Николоси.

– Это не к добру, – повторила мою мысль Соллис. – Чертово судно не должно знать…

– Тихо! – прошипел Мартинес. – Дайте пройти. Я хочу видеть, куда направляются контейнеры.

– Осторожно, – сказал Николоси.

Не обращая на него внимания, Мартинес выбрался вперед. Мы быстро последовали за ним, понимая, что лучше не шуметь и передвигаться по проходу плавно. Контейнеры продолжали мягко, бесшумно скользить, пока не достигли дальней стены. Затем конвейер повернул на девяносто градусов, унося от нас емкости в блок, который я приняла за сканирующее устройство. Большинство контейнеров были пусты, но вот у нас на глазах один активный, с содержимым, тоже нырнул в блок. Все произошло стремительно, но вроде я успела заметить кисть и предплечье, торчащие из подставки жизнеобеспечения.

Конвейер замер. Наступила полная тишина, которую затем нарушила серия механических щелчков и жужжание. Никто из нас не мог видеть, что творилось внутри блока, но зрение нам и не понадобилось. Суть происходящего была понятна.

Конвейер вновь включился, но теперь он двигался в обратном направлении. Емкости, которые побывали в блоке, были пусты. Я пересчитала контейнеры, но сомнений не было: руку извлекли из контейнера. Должно быть, отправили в другой отсек.

Прозрачные емкости вернулись на свои прежние места и замерли. Если не считать исчезнувшей конечности, весь зал выглядел точно так же, как в тот момент, когда мы вошли.

– Мне это не нравится, – сказала Соллис. – Судно должно быть мертвым.

– Спящим, – поправил Мартинес.

– Вы не думаете, что эта хрень, которая здесь творится, имеет отношение к нашему появлению на борту? Не думаете, что Джекс получил сигнал проснуться?

– Если бы Джекс осознал наше присутствие, мы бы это поняли сразу же.

– Не понимаю, почему вы так спокойны.

– Вся суть происходящего в том, Ингрид, что «Найтингейл» выполняет свои повседневные обязанности. Мы уже поняли, что она сохраняет некоторые части тел в пригодном для пересадки состоянии и это просто один из банков органов. Едва ли нас должно удивлять то, что судно периодически решает переместить какое-то количество запасов из точки А в точку Б.

Соллис издала шипящий возглас, выражавший раздражение (я могла бы поклясться, что объяснение ее не устроило) и подплыла поближе к двери.

– Слишком много тут чертовщины, я выхожу из игры, – заявила она.

– На вашем месте я бы как следует подумал, – процедил Мартинес. – Слишком уж далеко мы от дома.

Я догнала Соллис и дотронулась до ее плеча:

– Мне тоже все это не нравится, Ингрид. Но он прав: Джекс не знает, что мы здесь. Если бы полковник знал, наверняка бы устроил кое-что покруче перемещения нескольких контейнеров.

– Надеюсь, что ты не заблуждаешься, Скэрроу.

– Я тоже надеюсь, – прошептала я.

Мы продолжили движение вдоль судна по коридору, очень похожему на тот, по которому пришли в банк органов. Коридор то отклонялся в сторону, то клонился вверх и вниз, а потом вновь выпрямился. Если верить инерционному компасу, мы приближались к Джексу или, по крайней мере, к той части судна, где могли обнаружить его с наибольшей вероятностью, живым или мертвым.

– Возвращаясь к нашему разговору, – сказала Соллис. – Я имею в виду тот давний разговор: что судно не было разрушено в конце войны.

– Ингрид, кажется, я ясно дал понять: если будем носиться с предрассудками, тот, кого мы ищем, не попадет в руки правосудия.

– Мы видим здесь этак с миллион тонн пригодного к утилизации космического железа, а не просто кучку мусора. Почему никто не прибрал судно к рукам после войны?

– Потому что произошло нечто очень нехорошее, – сказал Николоси. – Возможно, в истории об отряде, проникшем на борт и не вернувшемся, есть доля правды.

– Боже! – вздохнул Мартинес.

– Ну и с кем они дрались? – поинтересовалась я. – Кто из персонала «Найтингейл» мог их остановить?

Мне ответил Николоси:

– Агенты безопасности консорциума, который финансировал создание этого госпиталя. Даже защитные системы самого судна.

Оно могло решить, что подверглось нападению…

– Если здесь была перестрелка, – не отступала я, – то где следы повреждений?

– Мне наплевать на следы, – вмешалась Соллис. – Я хочу знать, что произошло со всеми телами.

Мы подошли к очередному заблокированному воздушному шлюзу. Соллис немедленно приступила к работе. Но зря я надеялась, что теперь она справится быстрее, так как уже набила руку на открывании дверей. Она подключила приборы и считала показания, бормоча под нос достаточно громко, чтобы можно было разобрать слова. Лицо «Найтингейл» неодобрительно наблюдало за происходящим, словно портрет давно исчезнувшего предка.

– Эта дверь может быть похитрее, – сказала Соллис. – Я поймала передачу данных от рамы.

– Значит ли это, что мы влезли в нервную систему судна? – спросил Николоси.

– Не могу этого исключить.

Николоси провел ладонью по гладкому черному стволу своего плазменного оружия:

– Мы можем вернуться и поискать другой маршрут.

– Мы не вернемся, – покачал головой Мартинес. – Не сейчас. Открывай дверь, Ингрид. Мы рискнем и пойдем с максимальной скоростью.

– Вы уверены? – Соллис сжимала в пальцах пучок проводов. – Когда я их подключу, обратной дороги не будет.

– Действуй.

Она подсоединила провода. В то же мгновение по лицу «Найтингейл» прокатилась рябь, и маска пробудилась к жизни. Дверь заговорила с нами. Тембр был резкий, металлический, но явно принадлежащий властной женщине.

– Это Голос «Найтингейл». Вы пытаетесь проникнуть в секретную зону. Обратитесь в центральную администрацию для получения надлежащего допуска.

– Черт! – сквозь зубы выругалась Соллис.

– Ты этого не ждала? – спросила я.

– Я не ждала активации изображения. Похоже, чувствительность машины не столь низка, как я думала.

– Можешь взломать дверь? – спросил Николоси.

– Думаю, могу. – Соллис нащупала другую линию, что-то там подрегулировала, и дверь плавно отворилась. – Вуаля.

Лицо на экране вновь застыло, но теперь я физически ощущала, что за нами наблюдают. Казалось, взгляд женщины направлен разом во все стороны.

– Джекс уже знает, что мы здесь, как считаешь? – спросила я, когда Соллис протискивалась в тамбур между дверями.

– Не знаю. Может, я успела открыть дверь, прежде чем она успела послать сигнал тревоги.

– Но ты не уверена.

– Не уверена.

Соллис подступила ко второй двери, работая быстро, но с крайней осторожностью. Я проверила оружие, закрепленное на поясе скафандра. Остальные проделали аналогичный ритуал.

Потом до меня дошло, что Соллис возится слишком долго. Она оглянулась; ее провода все еще торчали из открытой сервисной панели.

– Что-то пошло не так, – сказала она, с трудом сглотнув. – Томас, эти скафандры, которые вы на нас напялили, – они действительно хороши?

– Полная боевая защита. Почему спрашиваете?

– Потому что дверь утверждает, что помещения впереди затоплены. Похоже, нам придется плыть.

– Я понял, – кивнул Мартинес.

– О нет! – Я затрясла головой. – Лезть под воду? Только не это.

– Не уверена, что это вода. – Соллис сунула мне под нос считывающее устройство, словно я могла разобраться в этих цифрах и символах. – На самом деле это нечто теплое и влажное.

Мартинес внутри скафандра пожал плечами:

– Могла произойти утечка содержимого контейнеров. Не о чем беспокоиться, наши скафандры справятся легко.

Я посмотрела в упор сквозь визор скафандра Мартинеса. Знала, что он не сможет отвести взгляд.

– Вы уверены? Эти костюмчики не окостенеют на нас вскоре после того, как намокнут?

– Скафандры будут работать. И я в этом настолько уверен, что пойду первым. Когда вы услышите, что я на другой стороне и в безопасности, следуйте за мной.

– Мне это не нравится. Что, если приборы Ингрид откажут под водой?

– У нас нет иного выбора, кроме как двигаться вперед, – заявил Мартинес. – Если эта секция затоплена, мы пройдем через нее, не отклоняясь от выбранного маршрута.

– Что ж, давайте, – вздохнула я. – Если эти скафандры предназначены для боевых действий, то я уверена, что они нас выручат и в соседнем помещении.

– Меня беспокоят не скафандры, – сказал Николоси, вновь проверив свою базуку. – Никто не упоминал… о погружении… когда мы выбирали оружие.

Я положила ладонь на рукоять моего примитивного пулевого оружия:

– Поменяюсь с тобой, когда переберемся на ту сторону.

Николоси промолчал. Не думаю, что он оценил юмор ситуации.

Две минуты спустя мы попали в беспросветный мрак. Заполнявшая отсек жидкость едва ли поддается описанию. Когда на тебе скафандр, ты ощущаешь инерцию и заторможенность, даже двигаясь в воздушной среде. Мои датчики биологической опасности ничего не регистрировали, но из этого не следовало, что жидкость безвредна. Ведь датчики были настроены на сильнодействующие ядовитые вещества, применявшиеся в ходе боевых действий, но не предназначались для распознавания всех опасных химикатов, которые существуют на свете.

В моем шлеме зажужжал голос Мартинеса:

– Здесь нет опор или направляющих. Надо просто двигаться прямо, сверяясь с инерционным компасом. Если будем находиться в поле зрения друг друга, обойдется без осложнений.

– Давайте поторопимся, – поддержал его Николоси.

Я изо всех сил старалась не отстать от Николоси, который возглавил процессию. Он продвигался вперед энергичными толчками, его базука свободно болталась на ремне. Сопротивление среды пловцами в скафандрах и так преодолевалось тяжело, а мы еще тащили на себе оружие. К тому же практически ничего не видели перед собой. Фонари шлемов пронизывали мрак не более чем на десять-двадцать метров, и дверь, через которую мы вошли, быстро потерялась во тьме. Я была близка к панике: если откажут компасы, мы нипочем не отыщем выход.

Однако компасы не подводили, а Николоси уверенно держал темп.

Через две минуты он прокричал:

– Вижу стену! Она прямо впереди.

Пару секунд спустя я тоже увидела ее в розовом сумраке. Испытанное мной облегчение слегка подпортил ее вид. Стена оказалась сплошной бледной плоскостью, утопавшей во мраке там, где кончался свет.

– А где дверь?

– Возможно, мы немного отклонились от курса, – предположил Николоси.

– Судя по компасу, не отклонились.

– Тогда, возможно, дверь где-то в стороне. Это не важно, будем простукивать стены, двигаясь по периметру, и найдем ее.

– Если она здесь есть.

– Если ее здесь нет, мы проложим путь с помощью оружия.

– Рада, что вы всё так хорошо продумали, – пробормотала я, поняв, что Николоси говорит серьезно.

Стена приближалась. Чем меньше метров до нее оставалось, чем яснее она высвечивалась нашими фонарями, тем отчетливее я осознавала: в ней есть что-то неправильное. Совсем пустая стена, без стоек и панелей, без отверстий и элементов корабельного оборудования, но не просто цельная плоскость, как можно было ожидать от массивной переборки космического корабля, изготовленной промышленным способом. Материал с непонятной структурой, чем-то напоминающий волокнистую дешевую бумагу. Вдоль стены тянулись слабо различимые полосы, чуть темнее, чем остальная поверхность, но не складывающиеся ни в какой осмысленный узор. Они закручивались и ветвились, распускали совсем нечеткие второстепенные линии, утончавшиеся, как жилки на древесном листе.

С внезапным тошнотворным озарением я поняла, что представляет собой эта стена. Когда Николоси толкнул ее ладонями, она подалась, как батут, и ответила равным противодействием: Николоси летел назад, пока вязкость окружавшей жидкости не погасила энергию его движения.

– Это… – начала я.

– Кожа! Я знаю. Понял, прежде чем ударил.

Я попыталась замедлиться, чтобы избежать контакта с кожаной стеной, но не успела. Она продавилась так сильно, что я испугалась, не засосет ли меня. Но миг спустя я помчалась в том направлении, откуда явилась.

– Твою же мать! – пробормотала Соллис. – Невероятно. Эта штука не может быть гребаной кожей…

– Без паники! – приказал Мартинес. Он хрипло дышал и делал паузы между словами. – Это просто еще один банк органики, как помещение, через которое мы только что прошли. Должно быть, жидкость – разновидность среды, поддерживающей рост, что-то вроде околоплодных вод. Во время войны этот зал был заполнен кусками растущей кожи площадью в акры.

Николоси ощупал пояс и извлек зубчатое лезвие, жутко блеснувшее в розовой жидкости.

– Я прорублюсь.

– Нет! – рявкнул Мартинес.

Соллис, ближе всех находившаяся к Николоси, придержала его за плечо:

– Полегче, приятель. Найди способ получше.

– Так, – выдохнул Мартинес, – убери нож, пожалуйста. Мы двинемся вдоль кожи, поищем край.

– Я бы все-таки предпочел проделать дырочку. – Николоси не опускал клинок.

– В этой коже есть нервы. Перережешь их, и об этом узнают

следящие системы.

– Вероятно, судно уже знает.

– Мы не станем рисковать.

Николоси неохотно вернул нож на пояс.

– Вроде мы договорились продвигаться как можно быстрее, – сказал он.

– Быстро и безрассудно – не одно и то же, – заметила Соллис.

Мартинес уже обогнул меня и поплыл влево. Я направилась за ним, остальные следовали по пятам. Менее чем через минуту упорных усилий в поле зрения появился темный край, похожий на раму для картины, тесно спаянный с полотном кожи. Единственное, что виднелось за кромкой кожи, – стена зала с массивными подпирающими металлическими стойками.

Я позволила себе на мгновение расслабиться. Мы все еще находились в опасности, в ситуации, вызывавшей сильнейшую клаустрофобию, но, по крайней мере, зал не оказался бесконечно большим.

Мартинес затормозил, ухватившись за раму. Я вместе с остальными приблизилась к нему и выглянула за край в надежде, что стена, вдоль которой мы перемещались, простирается дальше. Но вместо этого увидела еще одно полотнище кожи, которое тянулось до следующей рамы, расположенной от нашей на расстоянии примерно в рост человека. В отдалении угадывалось очертание третьей рамы, и, возможно, за ней была еще одна…

– Сколько их? – выдохнула я, когда остальные добрались до рамы, усевшись на нее наподобие ворон.

– Не знаю, – сказал Мартинес. – Четыре, пять – до десятка, возможно. Но все в порядке. Мы можем проплыть вдоль рам, потом повернуть направо и двинуться туда, где, по нашим прикидкам, находится входная дверь. – Он повысил голос: – Все готовы? Проблем со скафандрами нет?

– Там огни, – тихо проговорил Николоси.

Мы обернулись к нему.

– Внизу, – добавил он, кивнув в направлении других полотнищ кожи. – Я что-то увидел – отсвет в воде или в околоплодной жидкости… или чем там является эта дрянь…

– Я тоже видел свет, – заявил Норберт.

Я посмотрела вниз и поняла, что он прав и Николоси ничего не придумывает. Тусклый дрожащий свет исходил из промежутка между двумя полотнищами кожи.

– Что бы это ни было, оно мне не нравится.

– Мне тоже, – поддержал меня Мартинес. – Но если это нечто находится между двумя слоями кожи, то вряд ли ему есть до нас дело. Мы двинемся в обход, оставаясь незамеченными.

Он с удивительной решительностью бросился вперед, и я быстро последовала за ним. Обратная сторона кожи имела четкую сетку из бледных волокон – структурную матрицу, на которой кожа получала питание и росла. По этой стороне тянулись толстые черные провода; судя по конфигурации, это были электрические контуры.

Второе полотнище, находившееся сразу за первым, имело немного другую пигментацию. Во всех остальных отношениях оно казалось идентичным первому – бесшовная полоса, простирающаяся в розовую мглу. Источник дрожащего света просматривался сквозь кожу; когда свет становился ярче, можно было рассмотреть вены и артерии.

Мы прошли под вторым полотнищем и вгляделись в промежуток между вторым и третьим. Едва различимая в пульсирующем освещении, перед нами предстала диковинная сцена. Здесь трудились четыре робота, напоминавшие головоногих моллюсков. Каждая машина состояла из конусообразного корпуса и пучка похожих на хлысты рук, выходящих из основания конуса. Роботы выполняли хирургическую операцию – вырезали прямоугольник кожи размером с одеяло. У каждого имелись собственные источники света на концах хлыстов-щупальцев, а кроме того, яркий пульсирующий свет исходил из напоминающего лазер прибора, который каждый держал в единственной сегментированной руке, более толстой, чем другие конечности. Не могу сказать, была ли пульсация частью процесса разрезания или последующего заживления, поскольку ткани не кровоточили и окружающая кожа казалась нетронутой.

– Что они делают? – выдохнула я.

– Снимают урожай, – ответил Мартинес. – На что еще это похоже?

– Я знаю, что они снимают урожай. Я имела в виду – зачем они это делают? Для чего им эта кожа?

– Понятия не имею.

– У вас нашлось множество ответов насчет банка органов, мистер Мартинес, – вмешалась Соллис. (Мы все впятером остановились, повисли на том же уровне, что и роботы-хирурги.) – Насчет судна, которое якобы находится в спячке… Черт возьми, я не вижу никаких признаков спячки!

– «Найтингейл» выращивает здесь кожу, – продолжала я. – Это я могу понять. Судно сохраняет штатные запасы на случай, если его вернут в строй для следующей войны. Но это не объясняет, почему возникла необходимость снимать урожай сейчас.

– Может быть, это тестирование кожи, чтобы удостовериться, что развитие идет по плану, – рассеянно произнес Мартинес.

– Для этого вполне достаточно маленького образца, – возразила я. – Уж всяко поменьше, чем пять квадратных метров. Такого кусища хватило бы на целого человека.

– Ну что ты несешь? – буркнул Николоси.

– Давайте двигаться, – велел Мартинес.

«Он, конечно, прав», – подумала я.

Деятельность роботов сильно выбивала из колеи, но, с другой стороны, мы прибыли сюда не для осмотра достопримечательностей.

Когда мы поплыли дальше и роботы не выказали никаких признаков того, что заметили нас, я вспомнила слова Ингрид Соллис. О том, что неразумно оставлять интеллекты гамма-уровня в рабочем состоянии, но без определенного занятия. Потому что в противном случае – поскольку чувство долга слишком глубоко запечатлено в их логических извилинах – они имеют свойство медленно и неотвратимо сходить с ума.

«Найтингейл» оставили в покое, когда закончилась война. Что это означало для ее управляемого разума? Работал ли госпиталь сам на себя, проводя операции из прошлой жизни, не задаваясь вопросом об их бессмысленности, потому что этот разум уже помутился? Или, напротив, это способ сохранения рассудка? Сражаться, так сказать, до последнего патрона?..

И что, если учесть все это, могло произойти с человеком, за которым мы сюда пришли?

Мы продолжали плыть, ряд за рядом минуя полотнища кожи. Заметили еще одну бригаду роботов, занимавшихся сбором урожая. Они уже завершали работу – кожа была разрезана на аккуратные прямоугольники и полосы. Обнажилась матрица роста, сетка, напоминавшая проволочную. Время от времени на глаза попадались места уже полузажившие, где кожа имела плотность просвечивающей рисовой бумаги. Вряд ли к моменту ее полного восстановления останутся хоть какие-то следы хирургического вмешательства.

Десятое полотнище, одиннадцатое, двенадцатое – и наконец-то стена, которую я так ждала, вплыла в поле зрения, как мираж. Нет, мне не почудилось – не было очередного пласта тугой, как на барабане, кожи. Передо мной возникли такие же металлические опоры, как на противоположной стене.

– Народ, живо ищите дверь, – потребовала Соллис. – Она где-то здесь. Я плыву вперед, чтобы начать работать.

– Хорошо, Ингрид, – отозвался Мартинес.

Несколько секунд спустя я убедилась, что Соллис не

ошиблась. Она быстро плыла к двери воздушного шлюза, снимая с пояса приборы и переходники. Сквозь розовую мглу я видела, как Соллис щелкает клавишами панели доступа и начинает обычную процедуру блокирования обслуживающих систем. Я радовалась, что Мартинес включил Соллис в наш отряд. Что бы про нее ни говорили, она была крутым спецом по взламыванию дверей.

– Хорошие новости, – сказала она через минуту, повозившись со своими приборами. – С той стороны воздух. Нам теперь долго не придется плавать в этой дряни.

– Как долго? – спросил Николоси.

– Не рискну предсказывать, приятель. Давай решать проблемы по мере их поступления.

Пока она это говорила, я заметила, что мы отбрасываем тени на стену, причем, когда добрались сюда, никаких теней не было. Я развернулась на месте и посмотрела туда, откуда мы приплыли, в направлении нового источника света. К нам приближались четыре конусовидных механизма, держа за углы свежевырезанный кусок кожи сегментированными серебристыми щупальцами.

Сборщики двигались быстрее нас благодаря какой-то импульсной системе, выталкивающей струю жидкости из острого конца конуса.

Соллис отпрянула назад, когда внешняя дверь шлюза внезапно отворилась.

– Я не… – начала она.

– Знаю, – быстро откликнулась я. – Сюда плывут роботы. Должно быть, они послали команду открыть дверь.

– Давайте уберемся с дороги, – предложил Мартинес и оттолкнулся от стены. – Ингрид, уходи от шлюза. Возьми что можешь, но не копайся.

Соллис стала отсоединять оборудование и трясущимися пальцами крепить его к поясу. Механизмы приблизились, кожа волнообразно колебалась между ними, словно ковер-самолет. Они замедлили движение, потом остановились. Их фонари испускали потоки резкого света, проходящие сквозь мутную жидкость. Роботы уставились на нас, словно недоумевая, что это мы делаем тут, между ними и дверью. Один из механизмов, привлеченный движением, направил фонарь в сторону плывущего Мартинеса. Тот неподвижно завис в ослепительном круге света, словно ночной мотылек, попавший под солнечный луч.

Никто из нас не вымолвил ни слова. Мое собственное дыхание казалось мне самым оглушительным звуком во Вселенной, но я не могла заставить себя дышать тише.

Один из роботов выпустил из щупальцев свой угол кожи. На

мгновение он завис у полотна, словно оценивал варианты, потом выделил из группы меня и стал приближаться. По мере своего продвижения механизм вырастал в размерах, обретал все более угрожающий вид. Его коническое тело было длиной с меня, а самое толстое щупальце выглядело достаточно мощным, чтобы нанести серьезный урон даже без применения лазера. Когда он раскинул руки, словно собираясь обнять, я едва не бросилась наутек.

Робот принялся меня изучать. Начал со шлема, постукивая и царапая; посветил через визор. Потом стал с силой крутить шлем, пытаясь отсоединить от шейного переходника. Признала машина во мне человека или сочла неидентифицированным плавающим обломком? Как бы то ни было, поведение робота наводило на мысль, что демонтаж – его любимейшее занятие. Я решила, что позволю ему повозиться со скафандром еще несколько секунд, но если почувствую, что шлем может не выдержать, придется принять меры. Даже если это уведомит робота, что я не просто мусор.

Но именно в тот момент, когда я это решила, робот оставил в покое мой шлем и переместился вниз. Он развернул пару щупальцев с каждой стороны, пытаясь поддеть мой нагрудник и сковырнуть, как коросту с раны. С великим трудом я держала себя в руках, отчаянно веря, что механизм рано или поздно потеряет ко мне интерес. Потом он бросил нагрудник и начал возиться с оружием, постукивая по нему, как спирит в трансе. Он дергал пистолет, силясь отцепить его с пояса. Затем так же внезапно, как и начал, робот прекратил свои исследования. Он отплыл назад, собрав щупальца в пучок, напоминающий кулак. Потом медленно двинулся в сторону Николоси.

Я мысленно посоветовала Николоси не рыпаться. Попытка уплыть обречена на провал, мы не можем передвигаться быстрее этих роботов. Николоси, должно быть, хорошо владел собой, а может, наоборот, его парализовало от страха, но он не шевельнулся, когда механизм подобрался к нему. Конический уродец помедлил, затем расправил щупальца и стал водить по Николоси лучом фонаря, словно не мог понять, что это перед ним. Потом выпустил пару манипуляторов и протянул острые, как иглы, кончики к шлему. Машина обследовала скафандр с удивительной деликатностью. Через голосовую связь я слышала звяканье металла о металл, перекрываемое частым, неровным дыханием Николоси.

«Задержи дыхание…»

Машина добралась до его шеи, изучила устройства между шлемом и торсом и принялась трудиться над нагрудником,

пытаясь просунуть щупальце туда, где прятался уязвимый модуль жизнеобеспечения. Потом очень медленно робот отвел щупальца назад.

Машина отплыла от Николоси, повернувшись к нему тупым концом. Казалось, эксперимент полностью завершен. Три других робота настороженно зависли в отдалении, поддерживая добытую кожу. Николоси вздохнул и расслабился.

– Я думаю… – прошептал он.

Это была ошибка! Машина дернулась, вновь расправив щупальца, и двинулась к Николоси; мощный свет с возрожденным интересом забегал по его телу. Второй робот тоже подобрался ближе, явно намереваясь ассистировать партнеру в изучении непонятного объекта.

Я повернулась к Соллис, наши полные ужаса взгляды встретились.

– Ты можешь попробовать… дверь… – начала я.

– Безнадежно, черт бы ее побрал!

– Николоси, – позвала я, на этот раз не беспокоясь, что меня услышат, – не шевелись, может, они отвяжутся.

Но на этот раз Николоси не собирался вести себя благоразумно. Он уже держал на манер гарпуна плазменное ружье, широкий раструб оружия целился в ближайшую машину.

– Нет! – Голос Норберта прогремел в воде, словно взрыв глубинной бомбы. – Не делай этого! Нельзя!

Но Николоси был уже недоступен доводам разума. Каждая клеточка его тела вопила: «Используй оружие!» Так он и сделал.

В некотором смысле все получилось, как он хотел. Плазменный заряд пронзил робота, как солнечный луч пронзает тучу. Робот погиб в сполохах огня и клокотании околоплодной жидкости. Потом пар поглотил все, включая Николоси и его ружье. Даже внутри скафандра я получила сильный гидравлический удар. Николоси выстрелил снова – должно быть, хотел уничтожить робота наверняка. К этому времени вторая машина успела приблизиться достаточно, чтобы ее отшвырнуло взрывной волной. Но она быстро пришла в себя и продолжила движение.

– Еще роботы, – сказал Норберт, и я, посмотрев назад, поверх стен из кожи, поняла, что он имел в виду.

К нам по одному и по двое приближались другие механизмы. Они прекратили резать кожу, чтобы выяснить, что здесь произошло.

– Мы влипли.

Облако пара рассеялось, и показалась дрейфующая фигура Николоси, за ним тащился искривленный обрубок. Должно быть,

когда он выстрелил второй раз, плазменная базука вышла из строя. Я не была уверена, что Николоси еще жив.

– Я займусь дверью, – сказал Норберт, хватаясь за оружие демархистов. – Вы – роботами.

– Хочешь бросить нас, после того что произошло с Николоси? – спросила я.

– Нет выбора, – заявил он, и диковинное оружие раскрылось в его руке.

Мартинес рывком приблизился к великану:

– Нет! Предоставь это мне. Я справлюсь с дверью.

– Слишком опасно.

Норберт помедлил, и на секунду мне показалось, что он не уступит. Но вот здоровяк спокойно отдал таинственную игрушку демархистов Мартинесу и взял оружие старика – маленький пулевой пистолет, сразу исчезнувший в его огромной перчатке.

В тот же миг в моей душе исчезло всякое уважение к Норберту. Если он взял на себя обязанность защищать Мартинеса, то он не должен был так круто повернуть на сто восемьдесят градусов.

Из нас троих лишь у меня и Норберта имелось при себе оружие, стреляющее пулями. Я отцепила от пояса и протянула Соллис пистолет. Она приняла его с благодарностью, осознав ненадежность выбранного ею энергетического оружия. Робота легко уничтожить, если подпустить на расстояние выстрела. Я не сомневалась, что хирургический режущий инструмент может нанести значительные повреждения, но мы не позволим до себя дотронуться. Ни одна из этих машин не рассчитана на появление неприятеля. Они ведут себя так, словно изучают неисправности, которые требуют ремонта. Убить нас роботы могут только по недоразумению: они не понимают, что мы собой представляем.

Однако у нас не было возможности пополнить запас патронов, к тому же ручная перезарядка магазинов под водой – неблагодарное занятие. Когда я уже забеспокоилась, что машины задавят нас числом, в моем шлеме зарокотал голос Мартинеса:

– Я готов стрелять. Двигайтесь за мной как можно скорее, когда я высажу вторую дверь.

Оружие демархистов выпустило заряд, залив все помещение ослепительным светом. Затем последовал новый выстрел и еще.

– Мартинес, – позвала я, – ответьте.

– Я все еще здесь, – после мучительно долгой паузы произнес он. – За первой дверью. Цикл перезарядки…

Большинство роботов плыли над нами, их щупальца хлестали, как плети. Хотелось бы знать, как скоро сигналы тревоги достигнут сознания «Найтингейл» и она поймет, что

имеет дело не просто с локальными повреждениями.

– Почему он не стреляет? – спросила Соллис, раз за разом выжимая спуск пистолета.

– Спортивное оружие: три выстрела, перезарядка, три выстрела, – пояснил Норберт. – Не скорострельная модель. Но хорошо работает под водой.

– Мы можем воспользоваться следующими тремя выстрелами, – сказала я.

Голос Мартинеса зажужжал у меня в ухе:

– Готов. Я буду стрелять, пока хватит батареи. Плывите сюда.

Я взглянула на Николоси: он был так же неподвижен, как в тот момент, когда появился из облака пара, созданного его оружием.

– Похоже, он мертв, – тихо сказала я. – Но мы все же должны…

– Нет! – резко пресек мою попытку Норберт. – Оставь его!

– Что, если он просто без сознания?

Последовали три яркие импульсные вспышки. Я услышала крик: «Свободно!», но голос старика изменился. Я предположила, что он ранен. Хотелось бы знать, насколько серьезно.

Норберт и Соллис сделали два последних выстрела по роботам, которые все еще пытались подобраться к нам, и бросились мимо меня к шлюзу. Я посмотрела на неподвижного Николоси и поняла, что никогда не смогу жить в мире с собственной совестью, если не постараюсь вытащить его. Я укрепила оружие на поясе и поплыла к нему.

– Нет! – снова заорал Норберт. – Оставь его! Слишком поздно!

Я добралась до Николоси и, обхватив правой рукой за шею, притянула голову к своему нагруднику. Со всей силы заработала ногами, загребая свободной рукой. Невозможно было понять, жив Николоси или мертв.

– Брось его, Скэрроу! Слишком поздно!

– Я не могу его бросить! – раздраженно закричала я, не оборачиваясь.

Ко мне и моему грузу неслись три робота, сгруппировав перед собой щупальца. Я поморщилась от их яркого свечения и постаралась сосредоточиться на том, чтобы добраться до спасительного шлюза. Каждый удар ногами, каждый неловкий гребок руки, казалось, выкачивал из мышц последние капли энергии. Вскоре я окончательно выбилась из сил.

Я расслабила руку. Тело Николоси штопором закрутилось вокруг меня, и через визор я увидела его лицо: бледное, с каплями пота, с напряженными от страха мускулами, но не

мертвое и даже не обморочное. Его глаза были широко открыты. Он точно знал, что произойдет, когда я его брошу.

У меня не было выбора.

Сильная рука зацепила мой шлем и потащила. Я увидела, как Николоси понесло к роботам, и закрыла глаза, когда они обвили его щупальцами и начали выискивать слабые места в скафандре, словно дети, пытающиеся сорвать обертку с подарка.

Голос Норберта пророкотал:

– Он мертв.

– Он был жив! Я видела!

– Он мертв. Все, проехали!

Я прорвалась сквозь толщу колышущейся розовой жидкости. Воздух частично выдавился из коридора под напором околоплодных вод, хотя Мартинес пробил в каждой двери дыру высотой в человеческий рост. Разорванный металл изогнулся черными зазубренными лепестками. Впереди, едва различимые в движущемся пятне света нашлемных фонарей, неловко, по-крабьи удалялись от разрушенной двери Мартинес и Соллис. Ингрид поддерживала Мартинеса, почти волоча его по коридору. Даже при нулевой гравитации приходилось прилагать усилия, чтобы буксировать человека в скафандре.

– Помоги ей, – еле слышно сказал Норберт, встряхнув оружие, чтобы изгнать из ствола розовые пузырьки.

Не дождавшись от меня реакции, он повернулся и начал стрелять в воду, целясь в оставшихся роботов.

Я догнала Соллис и приняла на себя часть ее груза. Панели по всей длине коридора вспыхивали ярко-красным синхронно с воплями тревожной сигнализации, ужасными, как завывания баньши. Примерно через каждые десять метров со стены к нам обращалось лицо «Найтингейл», множество голосов сливалось во взволнованный хор.

– Внимание! Внимание! – говорили лица. – Это Голос «Найтингейл». В отсеке выращивания номер три зафиксировано происшествие. Сейчас проводится оценка нанесенного ущерба и восстановление системы. Возможно, необходима частичная эвакуация из пораженной зоны судна. Пожалуйста, оставайтесь на местах и ждите дальнейших распоряжений. Внимание…

– Что с Мартинесом?

– Поймал несколько осколков, когда дырявил дверь. – Соллис указала на сильные вмятины на наружной защите Мартинеса, слева от грудины. – Скафандр не пробило, но все-таки старику досталось. Сломано ребро, возможно, повреждено легкое. Он говорил со мной, но потом вырубился.

– Без Мартинеса нам не справиться с заданием.

– Я же не сказала, что он умер. Скафандр вроде бы функционирует. Наверное, можно оставить его здесь и забрать на обратном пути.

– На поживу роботам, шатающимся вокруг?!

Я обернулась посмотреть, как дела у Норберта. Теперь он стрелял не так часто, сдерживая нескольких отставших роботов, полных решимости оценить нанесенные судну повреждения. В конце концов Норберт прекратил огонь, сменил батарею и, выждав секунд десять, отвернулся от залитого водой проема и направился к нам.

– Может быть, здесь больше нет роботов.

– Они будут, – сказал Норберт. – Намного больше. Теперь опасно везде. Судно подняло тревогу.

– Может, пора с этим кончать? – предложила я. – Мы потеряли Николоси. Мартинес в отключке… У нас недостаточно сил, чтобы захватить Джекса.

– Мы возьмем Джекса, – прохрипел Норберт. – За ним пришли, с ним и уйдем.

– А как насчет Мартинеса?

Норберт посмотрел на раненого, и его лицо окаменело.

– Он остается.

– Но ты сказал, что роботы…

– Другого выбора нет. Он остается. – Затем Норберт наклонился к старику и, поддев толстым пальцем визор, поднял его. – Просыпайся! – заорал великан.

Не дождавшись ответа, Норберт просунул руку под спину Мартинеса и нащупал застежки, освобождавшие нагрудник. Он вручил помятую пластину мне и занялся панелью доступа на передней части скафандра, тоже пострадавшей от осколков. Норберт вычерпал из ниши пригоршню розовой воды, решительно вытряс пузырьки и занялся ручной регулировкой жизнеобеспечения костюма. Появились биомедицинские данные, сопровождаемые тревожным миганием красных лампочек.

– Что ты делаешь?! – возмутилась я.

Норберт не ответил, и я прокричала ему вопрос прямо в ухо.

– Он должен быть в сознании. Это поможет.

Мартинес закашлялся, плюясь красной слюной.

Он с трудом дышал, и мы обменялись быстрыми взглядами. Норберт сунул заряженный пистолет в ладонь Мартинеса, прикрепил свежую обойму к его поясу. Потом махнул рукой в ту сторону, куда нам предстояло идти.

– Мы вернемся, – сказал он. – Ты выживешь.

Зубы Соллис сверкнули за визором:

– Так нельзя. Не можем мы его здесь бросить, потащим…

– Скажи им, – прохрипел Мартинес.

– Нет.

– Скажи им, глупец! Они не будут доверять тебе, пока не скажешь.

– Что он должен сказать? – спросила я.

Норберт мрачно посмотрел на меня:

– Старик… не Мартинес. Его имя… Квинлен.

– Тогда, черт побери, кто же Мартинес?! – закричала Соллис.

– Я, – заявил Норберт.

Я посмотрела на Соллис, потом вновь на великана.

– Не валяй дурака, – мягко сказала я, гадая, что же такое произошло с ним в затопленном зале.

– Я Квинлен, – выдохнул старик между приступами жестокого кашля. – Он всегда был хозяином. А я просто слуга, подсадная утка.

– Оба спятили, – заключила Соллис.

– Это правда! Я играл роль Мартинеса – отвлекал внимание от него.

– Он не может быть Мартинесом, – возмутилась Соллис. – Прости, Норберт, но ты двух слов толком связать не можешь, где уж тебе подготовить дело для суда.

Норберт постучал огромным пальцем по своему шлему:

– Повреждение речевого центра на войне. Сознание… память… аналитические способности… не затронуты.

– Он расскажет правду, – просипел старик. – Это он должен выжить. Он, а не я. Он тот, кто может поймать Джекса. – Затем он постучал пистолетом по ноге великана. – Иди!

Старик рявкнул так, будто это было последнее, что он собирался сказать. И в этот момент я увидела вынырнувшего из розовой воды робота. Он постукивал острыми кончиками хлыстообразных рук по искореженному металлу, изучая проход в коридор.

– Думаю, он дело говорит, – сказала Соллис.

Но нам не стало от этого легче.

Мы оставили старика – я все еще не могла думать о нем как о Квинлене – в коридоре у стены; ствол пистолета, нацеленный на разрушенный вход, покачивался в слабых руках. Я то и дело оглядывалась, искренне желая, чтобы он как можно эффективнее истратил оставленный ему жалкий запас патронов. Мы прошли полпути до следующего шлюза, когда Квинлен быстро выстрелил трижды, разорвав робота на бьющиеся в конвульсиях куски. Вскоре еще один пучок щупальцев начал исследовать рваные края

проема. Сколько же этих проклятых устройств может натравить на нас судно?

Красные вспышки сопровождали нас до конца коридора. Я разглядывала дверь, размышляя, насколько трудная задача стоит перед Соллис, когда Норберт – нет, Мартинес – преградил мне путь толстой, как древесный ствол, рукой:

– Опусти броневой визор, Скэрроу.

Я поняла, что у него на уме. Больше никаких приятных бесед под дверью, пока Соллис ее открывает. С этого момента мы прокладываем путь через «Найтингейл» исключительно с помощью оружия.

Норберт-Мартинес навел оружие демархистов на люк шлюза. Я опустила броневой визор. Три выстрела вдавили дверь внутрь, словно удары гигантского кулака.

– На той стороне воздух, – сказал Норберт-Мартинес.

Он вновь приготовился стрелять. Сквозь почти непроницаемый экран я увидела три вспышки. Когда я подняла броневой визор, игрушка демархистов уже автоматически сложилась в конфигурацию для переноски. Соллис отпрянула в сторону от дыма и обломков. Наш участок коридора все так же освещался тревожными вспышками, но пространство за шлюзом было заполнено непроглядной тьмой, как те отсеки, которые мы уже преодолели. Но едва мы шагнули в этот мрак, стены одна за другой залились ярким светом и отовсюду на нас уставилось лицо «Найтингейл».

Это было очень странно. Лица на самом деле глядели на нас, хотя представляли собой только плоскостную проекцию, анфас. Изображения медленно поворачивались, когда мы двинулись по коридору.

– Это Голос «Найтингейл». – Прозвучало так, словно с нами говорил прекрасно синхронизированный хор. – Я обращаюсь к движущемуся отряду, состоящему из трех особей. Мои системы с высокой степенью вероятности установили, что этот отряд ответствен за нанесенный мне недавно ущерб. Ущерб поправим, но я не могу допустить столь глубокое проникновение. Пожалуйста, оставайтесь на месте, дождитесь сопровождения в безопасную зону.

Соллис замедлила шаг, но не остановилась:

– Кто говорит? К нам обращается мозг судна или дельта на побегушках?

– Это Голос «Найтингейл». Я полностью соответствующий стандарту Тьюринга интеллект гамма-уровня, серия «Ваалер-Лэйко». Пожалуйста, остановитесь и дождитесь сопровождения в безопасную зону.

– Это мозг, – тихо сказала Соллис. – Значит, судно полностью сосредоточилось на нас.

– Может, нам удастся договориться о выдаче Джекса.

– Ну, не знаю. Вести переговоры с этой штукой вряд ли будет легко. Во времена, когда строили «Найтингейл», Ваалер-Лэйко считались передовым достижением науки, но потом они себя не оправдали.

– А что случилось?

– В конструкции оказался изъян. Через несколько лет работы большинство из них поймало вирус безумия. Я даже думать не хочу, во что мы вляпались, если эта личность – одна из них.

– Пожалуйста, остановитесь, – снова сказал Голос, – и дождитесь сопровождения в безопасную зону. Это последнее предупреждение.

– Спроси ее… – прогудел Мартинес. – Говори от моего имени.

– Ты слышишь меня, судно? – спросила Соллис. – Мы здесь не для того, чтобы причинить тебе вред. Мы просим прощения за ущерб, который нанесли. Просто нам кое-кто нужен. Этот человек здесь, он у тебя на борту, и мы очень сильно хотим с ним встретиться.

Некоторое время судно молчало. Потом, когда я уже решила, что оно нас не поняло, Голос заговорил вновь:

– Оборудование больше не действует. Здесь нет того, кого вы хотите видеть. Пожалуйста, дождитесь сопровождения в безопасную зону, откуда вас переправят к функционирующим средствам обслуживания.

– Мы пришли за полковником Джексом, – вмешалась я. – Проверь учетные записи больных.

– Код поступления танго-танго шесть один три дефис пять, – добавил Мартинес, морщась при каждом слове, будто от сильной боли. – Полковник Брендон Джекс, Северная Коалиция.

– У тебя есть запись об этом поступлении? – спросила я.

– Да, – ответила Голос «Найтингейл». – У меня есть запись о полковнике Джексе.

– У тебя есть запись о выписке?

– В файле такой записи нет.

– Тогда Джекс или умер, находясь на твоем попечении, или он все еще на борту. В любом случае должно быть тело. Нам необходимо его увидеть.

– Это невозможно. Остановитесь здесь. Эскорт скоро прибудет, чтобы сопроводить вас в безопасную зону.

– Почему мы не можем видеть Джекса? – принялась выспрашивать Соллис. – Это он говорит тебе, что мы не можем его видеть? Если так, то он не тот человек, которого ты должна

слушать. Он военный преступник, негодяй и убийца, и заслуживает смерти.

– Полковник Джекс находится под медицинским присмотром. Он получает необходимое лечение. Сейчас нет возможности посетить его.

– Черт возьми, это уже что-то новенькое, – пробормотала я. – Минуту назад она сказала, что оборудование выключено.

– Мы просто хотим поговорить с ним, – сказала Соллис. – Если сейчас ты не позволишь нам забрать Джекса, мы всего лишь известим его о том, что весь мир знает, где он.

– Пожалуйста, сохраняйте спокойствие. Эскорт уже рядом.

Глаза «Найтингейл» отвернулись от нас, уставились в темные глубины коридора. А в следующий миг оттуда, извиваясь, как змея, хлынул поток машин. Многочисленные роботы двигались столь тесным строем, что их щупальца слились в дергающуюся массу серебристо-голубого металла. Я оглянулась туда, откуда мы пришли, в поисках пути к отступлению, и увидела еще одну толпу механизмов. Нас атаковало гораздо больше машин, чем мы видели прежде, и в воздухе они перемещались столь же быстро, как и в воде.

– «Найтингейл», – окликнула Соллис, – все, что нам нужно, – это Джекс. Мы готовы драться за него. В этом случае ты понесешь ущерб, не сравнимый с прежним. Но если отдашь нам Джекса, мы разойдемся мирно.

– Не думаю, что она хочет договориться, – процедила я и навела оружие на лавину машин, уже достигшую разрушенного шлюза.

Я открыла огонь, выводя из строя по крайней мере одного робота каждым выстрелом. Соллис принялась за тех, что были слева от меня, в то время как Мартинес со своим демархистским оружием взял на себя заботу о второй линии атакующих. Он наносил врагу серьезный урон, уничтожая по три или четыре машины одним нажатием спускового крючка. Но ему приходилось ждать, когда оружие само перезарядится, и эта задержка позволяла механической стене медленно ползти вперед.

Я и Соллис стреляли почти без остановки, прикрывая друг друга, когда приходилось менять магазины обоймы или зарядные блоки, но роботы с нашей стороны также приближались. Не важно, сколько их мы уничтожили, – просвета в надвигавшейся на нас стене не образовалось.

– Нам с ними не справиться, – сказала я с неожиданной для самой себя покорностью судьбе. – Их слишком много. Будь у нас ружье Николоси, может, мы сумели бы пробиться…

– Я прошла весь этот путь не для того, чтобы капитулировать

перед больничкой с привидениями! – сквозь зубы процедила Соллис, сменив батарею. – Если это означает погибнуть в бою… пусть так и будет.

Передние роботы уже находились в шести-семи метрах от нас, их щупальца – еще ближе. Соллис продолжала палить, но машины только теснее смыкали ряды, отбрасывая в стороны раскаленные обломки товарищей. Отступать дальше было некуда, мы с Ингрид почти касались спиной спины Мартинеса.

– Может, нам просто остановиться? – спросила я. – Это же госпиталь… он запрограммирован лечить людей. Последнее, чего он захочет, – причинить нам вред.

– Не стесняйся, проверь эту версию, – отозвалась Соллис.

У Мартинеса умолкло оружие. Соллис стреляла. Я повернулась и попыталась вручить Мартинесу мой пистолет – по крайней мере, сможет хоть как-то защищаться, пока его штуковина перезаряжается. Но ближайший робот опередил меня – выбросил щупальца и обвил ими ноги великана. Затем все произошло очень быстро. Машины наползали дергающейся массой, и вот он уже в пределах досягаемости другого пучка щупальцев. Он раскинул руки, силясь дотянуться до опор на стене, но не сумел. Роботы вырвали у него и погребли под собой оружие демархистов. Когда его ноги и туловище тоже исчезли под скопищем конусообразных тел, Мартинес завопил.

И вот его накрыли полностью. Несколько секунд мы еще слышали его дыхание – он перестал кричать, словно понял, что это уже бесполезно, – а потом наступила тишина, как будто внезапно оборвалась связь с его скафандром.

А миг спустя роботы набросились на нас с Соллис.

Я очнулась. То, что я все еще жива – и не просто жива, но нахожусь в здравом рассудке и расслабленном состоянии, – произвело на меня эффект электрического шока и мгновенно вызвало острую тревогу. Я предпочла бы оказаться без сознания. Я помнила, как роботы пытались запустить щупальца внутрь моего скафандра, помнила холодный укол и последовавшее за ним безболезненное скольжение в блаженство сна. Я ожидала смерти, но лекарство, ударив в голову, уничтожило страх без остатка.

Я не умерла. И, насколько могла судить, даже не была ранена. Я лишилась скафандра, зато теперь лежала на удобной койке под чистой белой простыней. Мой собственный вес придавливал меня к матрасу так, будто меня поместили в реактивированный отсек с центрифугой. Я чувствовала себя немного усталой и помятой, но в остальном пребывала в хорошей

форме – ничуть не хуже, чем в тот момент, когда поднялась на борт «Найтингейл». Я вспомнила свои слова, сказанные в последний момент Соллис, – насчет того, что госпитальное судно не может считать нас врагами. Может быть, в этом утверждении содержалось нечто большее, чем попытка принять желаемое за действительное?

Однако рядом не было ни Соллис, ни Норберта-Мартинеса. Я находилась в отдельном отсеке, окруженная белыми стенами. Обстановка напомнила мне первое посещение «Найтингейл». В стене справа виднелась дверь в белой раме и ряд прозрачных лючков, за которыми проглядывала аппаратура для контроля и восстановления жизненных функций. Я решила, что ничего такого в моем случае не понадобится. Сбоку к койке гибким черенком был присоединен пульт управления, так что я легко могла дотянуться до него правой рукой. Клавиши на панели позволяли регулировать настройки оборудования и вызывать службы госпиталя, чтобы получить еду и питье, умывальные и туалетные принадлежности и новые дозы лекарства.

Учитывая полуспящее состояние судна, интересно, что из этого сейчас доступно?

Я дотронулась до одной из клавиш. Стены растаяли и приобрели голографическую видимость океанского побережья: мощные волны набегают на белый песок под ослепительным солнцем; высокие пальмы раскачиваются под ветром. Однако меня эти красоты не тронули. У меня горло ссохлось от жажды, а еще хотелось бы узнать, что произошло с остальными и как долго нас собираются здесь удерживать. Как ни крути, быть пациентом на борту такого устройства, как «Найтингейл», – все равно что быть узником в тюрьме. Пока госпиталь не сочтет, что ты выздоровел и годен к службе, тебе отсюда никуда не деться.

Но когда я нажала другие клавиши, ничего не произошло. Или этот отсек был поврежден, или запрограммирован таким образом, чтобы игнорировать мои требования. Я попыталась слезть с кровати и скривилась от боли – мои ушибленные конечности крайне неодобрительно отреагировали на перемещение. А затем воспротивилась простыня, сделавшись твердой, как защитная броня скафандра. Когда же я смирилась, простыня ослабила хватку. Значит, я обладаю свободой двигаться в пределах койки, садиться и дотягиваться до предметов, но простыня не позволит мне покинуть это лежбище.

Краем глаза я заметила движение «за стеной». Ко мне приближалась некая фигура, бредя вдоль кромки голографического берега. Женщина была одета в черное, тяжелая ткань покачивалась при ходьбе, по песку волочился подол юбки.

Поверх черных волос аккуратно сидела белая шапочка, на шее – белый же воротничок с алмазной пряжкой. Я мгновенно узнала Голос «Найтингейл», но теперь лицо было намного мягче, человечнее.

Она отделилась от стены и возникла в ногах моей кровати. Прежде чем заговорить, какое-то время разглядывала меня с выражением неподдельного участия.

– Я знала, что ты придешь. В свое время.

– Как остальные? Они в порядке?

– Если говоришь о тех двоих, что были с тобой перед тем, как ты потеряла сознание, то они здоровы. Двум другим потребовалось более серьезное лечение, но сейчас оба стабильны.

– Я думала, что Николоси и Квинлен мертвы.

– Ты недооцениваешь мои способности. Я только сожалею о том, что они нанесли ущерб. Несмотря на все мои старания, роботы имеют необходимую степень автономии, что иногда заставляет их действовать глупо.

Ее лицо излучало доброту, совершенно не свойственную прежним плоским изображениям. Впервые за маской механического существа я различила признаки разума. И ощутила, что этот разум способен к состраданию и сложному мышлению.

– Мы не хотели причинить тебе ущерб, – заверила я. – Прошу простить за нанесенные повреждения, но мы всего лишь разыскивали Джекса, твоего пациента. Он совершил серьезные преступления. Он должен вернуться на Окраину Неба и предстать перед судом.

– Поэтому ты так рисковала? В интересах справедливости?

– Да.

– Должно быть, ты очень храбрая и бескорыстная. Или справедливость – только часть твоей мотивации?

– Джекс плохой человек. Все, что тебе надо сделать, – отдать его нам.

– Я не могу допустить, чтобы вы забрали Джекса. Он останется моим пациентом.

Я покачала головой:

– Он был твоим пациентом, когда шла война. У нас есть запись о его ранении. Оно было серьезным, но не угрожало жизни. Учитывая ресурсы, которыми ты обладаешь, тебе не составило труда поднять его на ноги. Поэтому Джекс больше не нуждается в твоей опеке.

– Разве не мне самой судить об этом?

– Нет. Все просто: или Джекс умер, находясь здесь, или он достаточно здоров, чтобы предстать перед судом. Он умер?

– Нет. Его раны, как ты сказала, не угрожали его жизни.

– Тогда он или жив, или лежит в криокапсуле. В обоих случаях ты можешь с чистой совестью отдать его нам. Николоси знает, как его разморозить, если тебя это беспокоит.

– Полковника Джекса не нужно размораживать. Он жив и в сознании, за исключением тех случаев, когда я разрешаю ему спать.

– Тогда у тебя нет ни малейшей причины удерживать его.

– Боюсь, что есть, и это самая серьезная причина в мире. Пожалуйста, забудь о полковнике Джексе. Я не сниму с него моей опеки.

– Ты поступаешь нехорошо, судно.

– Теперь ты тоже находишься на моем попечении. Ты узнала правду, а потому не можешь уйти отсюда против моей воли. Но я отпущу тебя, если ты изменишь свои намерения относительно полковника Джекса.

– Ты субличность гамма-уровня, – напомнила я. – Принимая любые решения, руководствуешься человеческим разумом. Это значит, что ты способна вести аргументированные переговоры.

Голос «Найтингейл» вскинула голову, словно прислушиваясь к чему-то отдаленно знакомому:

– Продолжай.

– Мы пришли арестовать полковника Джекса. Эту задачу не выполнили, зато получили физическое подтверждение его присутствия на борту этого космического аппарата. Образцы крови, соскобы ткани – мы предоставим это властям планеты. Много нам не заплатят, но, по крайней мере, пришлют сюда вооруженный корабль и заберут полковника силой. Правда, есть и другой вариант. Если ты отпустишь нас, даже не показав полковника, что помешает нам установить несколько магнитных мин на твоем корпусе и разнести тебя на куски?

На лице моей собеседницы отразилось разочарование.

– Теперь ты прибегаешь к угрозам?

– Я не угрожаю, просто обращаю твое внимание на существующие возможности. Я знаю, что ты заботишься о самосохранении, это глубоко встроено в твою конструкцию.

– В таком случае я должна была бы убить тебя.

– Это не поможет. Думаешь, Мартинес сохранил в тайне твои координаты? Он всегда понимал, что задумал рискованное предприятие. Он даже был чертовски уверен в этом. О твоем местонахождении известно другой команде, и тебе едва ли удастся скрыться. Если мы не вернемся, другая команда прилетит, и можешь не сомневаться – у нее тоже будут магнитные мины.

– В этом случае я ничего не добьюсь, позволив тебе уйти.

– Нет, ты добьешься того, что останешься жива. Отдай Джекса, и мы больше не побеспокоим тебя. Я не знаю, чем ты здесь занимаешься и что сохраняет твой рассудок, но это твое дело, а не наше. Мы всего лишь разыскиваем полковника.

Голос «Найтингейл» смотрела на меня, доброжелательно щурясь. У меня создалось впечатление, что она очень тщательно обдумывает услышанное, просчитывая последствия.

– Вот так просто?

– Абсолютно. Мы заберем Джекса, попрощаемся, и ты больше никогда о нас не услышишь.

– Я вложила в полковника много времени и энергии. Мне будет трудно с ним расстаться.

– Ты изобретательна. Уверена, ты найдешь другие способы занять свое время.

– Речь не о том, чтобы занять время, Диксия. – Впервые она назвала меня по имени. Конечно, знала, как меня зовут: достаточно было найти образец ткани или крови, оставшийся с моего первого пребывания на судне. – Затронуты мои чувства, – продолжила Голос «Найтингейл». – Пока я находилась на орбите Окраины Неба, кое-что произошло. Назовем это моментом истины. Я видела ужасы войны и понимала, ради чего они творятся. Я также отдавала себе отчет, что сама продлеваю эти ужасы. Я должна была что-то сделать. Самоустраниться от деятельности – это самое простое, но я понимала, что способна на большее. К счастью, полковник подсказал мне одну мысль. Благодаря ему я нашла путь к искуплению.

– Тебе нечего искупать, – сказала я. – Ты служила добру, «Найтингейл». Ты лечила людей.

– Только для того, чтобы они могли вернуться на войну. Только для того, чтобы их еще больше искалечило и они снова попали ко мне для лечения.

– У тебя не было выбора. Это то, для чего ты создана.

– Совершенно верно.

– Война окончена. Пора забыть о том, что было. Вот почему так важно отдать под суд полковника Джекса – чтобы мы могли начать хоронить прошлое.

Голос «Найтингейл» не сводила с меня бесстрастного взгляда. Смотрела так, словно ей было ведомо нечто страшное обо мне, некая истина, для осознания которой я была еще слишком слаба.

– Каким будет приговор, если Джекса осудят?

– Смертный, без вариантов. Распятие на кресте. Вернее, на Мосту, как было с Небесным Хаусманном.

– Ты будешь оплакивать его?

– Нет, черт возьми! Я буду радоваться вместе со всеми.

– Но ты согласна с тем, что его смерть неизбежна, вне зависимости от того, каким способом она будет причинена?

– Пожалуй, да.

– Тогда я делаю встречное предложение. Я не позволю забрать Джекса живым, но разрешу тебе с ним встретиться. Ты увидишь полковника и поговоришь с ним.

– А что потом? – спросила я, опасаясь ловушки.

– Когда встреча завершится, я отключу систему, поддерживающую жизнь полковника. Вскоре после этого он умрет.

– Позволишь ему умереть? Почему бы просто не выдать его?

– Он не может быть выдан. Теперь уже нет. Он умрет.

– Но почему?

– Из-за того, что я сделала с ним.

На меня внезапно навалились усталость и апатия, туманя рассудок. С одной стороны, я хотела лишь покинуть судно без дополнительных осложнений. Когда «Найтингейл» натравила на нас своих роботов, я приготовилась к смерти. А теперь радовалась, что не умерла, и испытывала соблазн принять более легкий вариант – просто убраться восвояси. Однако я не могла вот так, за здорово живешь, проигнорировать приз, до которого уже рукой подать.

– Мне нужно посоветоваться с остальными.

– Нет, Диксия. Это должен быть твой выбор. И только твой.

– Ты сделала им такое же предложение?

– Да. Сказала, что они могут уйти отсюда или встретиться с полковником.

– Что они ответили?

– Сначала я хочу услышать, что скажешь ты.

– Полагаю, они отреагировали так же, как и я. Здесь какая-то ловушка.

– Ловушки нет. Если ты уйдешь, то получишь личное удовлетворение от того, что, по крайней мере, удалось определить местонахождение полковника и узнать, что он жив. Конечно, эта информация немного стоит, но у вас есть возможность вернуться, если вы все еще будете стремиться отдать его в руки правосудия. С другой стороны, вы можете увидеть полковника сейчас – увидеть и поговорить с ним, и улететь, зная, что он мертв. Я позволю вам стать свидетелями отключения его жизнеобеспечения и даже разрешу забрать его голову. Это стоит больше, чем всего лишь знание о том, что он существует.

– Это ловушка. Я знаю, что это ловушка.

– Уверяю тебя, что нет.

– И мы все улетим? Ты не изменишь решения и не потребуешь, чтобы кто-то из нас занял место полковника?

– Нет. Вам всем будет позволено уйти.

– Всем вместе?

– Всем вместе.

– Хорошо, – сказала я, понимая, что выбор не станет легче, сколько бы раз я ни обдумывала его заново. – Не могу говорить за остальных, но полагаю, что это будет решение большинства. Я готова взглянуть на этого сукина сына.

Мне разрешили покинуть комнату, но не постель. Простыня стиснула меня, придавила к матрасу, а койка приняла вертикальное положение. В помещении появились два конусообразных робота и отсоединили матрас от рамы. Затем ухватили его с двух сторон и понесли. Меня будто приклеили к этой проклятой койке, я торчала из нее, как игральная карта из колоды. Машины транспортировали меня плавно и без всяких усилий. Тишина нарушалась лишь металлическим шебуршанием щупальцев, когда те касались стены или пола.

Голос «Найтингейл» обратилась ко мне с прикроватного пульта – над клавиатурой возникло маленькое изображение ее лица.

– Уже недалеко, Диксия. Я надеюсь, ты не будешь сожалеть о принятом решении.

– А как остальные?

– Ты присоединишься к ним. А потом вы все отправитесь домой.

– Ты хочешь сказать, что все мы приняли одинаковое решение – увидеть полковника Джекса?

– Да, – подтвердила Голос.

Роботы вынесли меня из отсека с искусственной силой тяжести, который, по моим прикидкам, располагался в передней части судна. Простыня слегка ослабила хватку, так чтобы я могла немного двигаться под ней. Некоторое время спустя, протащив через несколько воздушных шлюзов, меня доставили в очень темную комнату. Будучи неспособной что-либо разглядеть толком, я поняла лишь, что она очень большая и слегка смахивает на зал, где выращивали кожу. Воздух здесь был влажный и согревающий кровь, как в оранжерее с тропическими растениями.

– Ты вроде говорила, что здесь будут и остальные.

– Скоро появятся, – сказала Голос «Найтингейл». – Они уже встретились с полковником.

– Разве у них было на это время?

– Диксия, эта встреча состоялась, когда ты еще спала. Тебя

привели в чувство последней. Итак, хочешь ли ты сама поговорить с этим человеком?

Я будто окаменела от напряжения.

– Да.

– Он здесь.

Луч яркого света рассек помещение, осветив черты, которые я сразу узнала. Выхваченное из темноты лицо Джекса парило словно отдельно от тела. Время никак не смягчило его разбойничью внешность, этот свирепый оскал тяжелых челюстей. Глаза были закрыты, а лицо чуть опущено, будто он не ощущал направленного на него света.

– Проснитесь. – Голос «Найтингейл» прозвучал намного громче, чем прежде. – Проснитесь, полковник Джекс.

Полковник очнулся. Он открыл глаза, дважды моргнул от яркого света, потом взгляд прояснился. Джекс наклонил голову, резко очерченная тьмой нижняя челюсть, казалось, еще больше выдвинулась вперед.

– К тебе еще один посетитель, полковник. Позволишь мне ее представить?

Рот полковника открылся, потекла слюна. Из темноты вынырнула рука, провела сверху вниз по лицу, словно ощупывая его, и вытерла подбородок. Что-то неправильное было в этой руке, что-то ужасно неправильное. Джекс заметил мою реакцию и издал тихий омерзительный смешок. В этот момент я поняла, что полковник полностью и необратимо сошел с ума.

– Ее зовут Диксия Скэрроу. Она из той команды, с которой ты уже встречался.

Джекс заговорил. Его голос был слишком громким, словно шел через усилитель. Такой оглушительный и хлюпающий, как будто слышишь голос кита.

– Ты солдат, девочка?

– Я была солдатом, полковник. Но война окончена. Я штатская.

– Хорошая девочка. Что привело тебя сюда, малышка?

– Я пришла, чтобы арестовать вас. Вы должны предстать перед судом на Окраине Неба как военный преступник.

– Похоже, ты немного опоздала.

– Я увижу, как вы умрете. Я согласилась на этот вариант.

Отчего-то моих слова вызвали у полковника улыбку.

– Судно еще не сказало тебе, в чем дело?

– Оно сказало, что не выпустит вас отсюда живым. Обещало нам твою голову.

– Значит, тебя не посвятили в подробности. – Он повернул голову и посмотрел налево, словно там кто-то стоял. – Зажги

лампы, «Найтингейл»: она имеет право знать, во что ввязалась.

– Вы уверены, полковник? – отозвалось судно.

– Зажги лампы. Она готова.

Судно включило освещение. К этому я оказалась не готова!

Какое-то время я не могла даже полностью охватить взглядом представшую передо мной картину. Мозг отказывался воспринимать как реальность то, что судно сотворило с полковником Джексом, хотя я видела это своими глазами. Я продолжала пялиться на него, ожидая, что это зрелище начнет приобретать смысл. Я ждала момента, когда пойму, что меня обманывает игра теней и света, как ребенок, принявший за ужасного монстра складки колышущейся занавески.

Но миг облегчения не наступил. То, что появилось передо мной, существовало на самом деле.

Полковник расширился во все стороны – подрагивающая масса пестрой плоти. Его голова была лишь незначительной деталью, как бугорок на горной гряде. Джекс простирался вдоль дальней стены, имплантированный в нее на манер огромной – метров двадцати в ширину – дышащей мозаики, окаймленной круглым валом из уплотненной морщинистой кожи. Голова покоилась на толстой шее, сливающейся с верхней частью торса без рук и плеч. Я видела зарубцевавшиеся шрамы в тех местах, где когда-то начинались руки. Ниже медленно вздымающейся грудной клетки тело расширялось, как основание оплавленной свечи. Еще нечто незавершенное – туловище? – росло из плоти полковника двумя метрами правее. У этого нечто не было головы, но имелась рука. Второй торс вылезал из Джекса сзади, снабженный парой рук, одна из которых, должно быть, вытирала полковнику подбородок. Далее, выступая из массива плоти под неестественными углами, маячили другие живые части тела. Здесь туловище, там – пара ног, а вон там – пятка или плечо. Все туловища дышали, но совершенно несинхронно. Конечности, когда они не занимались какой-то целенаправленной деятельностью, например вытиранием подбородка, извивались и тряслись, будто при параличе. Кожа между ними была пестрой, как лоскутное одеяло, и состояла из множества нарезанных клочков, которые соединили вместе. Кое-где она, как на барабан, была туго натянута на невидимый каркас из хрящей и костей. В других местах вздымалась тяжелыми складками, как штормовое море – волнами. Все это булькало и похрюкивало под воздействием скрытых пищеварительных процессов.

– Теперь ты понимаешь, почему я не могу уйти с тобой, – сказал полковник Джекс. – Пока ты не приведешь корабль побольше. Очень большой корабль. Но даже тогда вряд ли

сможешь долго поддерживать во мне жизнь без помощи «Найтингейл».

– Вы чудовищно уродливы…

– Да уж, не картина маслом. – Полковник Джекс наклонил голову, как будто его вдруг осенило. – Но согласись, девочка: я все же произведение искусства.

– Как скажете.

– Судно определенно так считает, да, «Найтингейл»? Это она сделала меня таким. Ее блистательное художественное воображение. Сука!

– Вы спятили!

– Очень может быть. Ты действительно думаешь, что можно прожить хоть день в таком виде и не свихнуться? Но по сравнению с судном я нахожусь в здравом рассудке. «Найтингейл» – воплощение самого дерьмового безумия.

– Значит, Соллис была права. Оставь разумную машину в одиночестве, и она выест себе мозги изнутри.

– Может быть, и так. Но эта тварь – результат не одиночества. «Найтингейл» свихнулась задолго до того, как попала сюда. И знаешь, что послужило причиной? Та войнушка, которую мы устроили на Окраине Неба. Когда было создано это судно, в него вложили мозги ангела. Разум, предназначенный для исцеления, сострадания и доброты. Ну и на кой черт это нужно машине? Она была рассчитана на то, чтобы заботиться о нас – бескорыстно, денно и нощно. И она чертовски хорошо выполняла свою работу. Какое-то время, по крайней мере.

– Стало быть, вы знаете, что произошло.

– Судно само себя довело до безумия. В его рассудке столкнулись два противоречивых мотива. Оно было создано, чтобы лечить нас, добиваться полного выздоровления. Но каждый раз благодаря его стараниям нас посылали обратно на поля сражений и рвали в клочья. Судно облегчало наши страдания только для того, чтобы мы страдали заново. И вот оно начало чувствовать себя соучастником этого процесса: трудолюбивое колесико огромной машины, чьей единственной целью является причинение страданий. В конце концов «Найтингейл» решила, что больше не будет таким колесиком.

– Значит, она вышла из игры. Что же произошло со всеми пациентами?

– Она их убил. Безболезненная эвтаназия намного лучше возвращения на войну. «Найтингейлу» это казалось более милосердным.

– А технический персонал? А люди, которых послали отремонтировать судно, когда оно вышло из-под контроля?

– Тоже подверглись эвтаназии. Не думаю, что «Найтингейл» находила в этом удовольствие – она рассматривала их смерть как неизбежное зло. Кроме всего прочего, эта мера не позволила вновь использовать ее как космический госпиталь.

– Но она все же не убила вас.

Сухой язык выскользнул изо рта Джекса и провел по губам.

– Он собиралась. А потом получше изучила личные дела пациентов и поняла, кто я. И у него появились другие мысли.

– Какие?

– «Найтингейл» оказалась достаточно сообразительной, чтобы понять: наибольшая проблема – не ее существование, люди всегда могут построить другие космические госпитали, – а война сама по себе. Поэтому она решила сделать что-то с войной. Нечто позитивное. И конструктивное.

– И что же у нее получилось?

– Ты на это смотришь, малышка. Я памятник жертвам войны. «Найтингейл» взбрело на ум, что я должен стать огромным художественным обвинением во плоти. Она предъявит меня миру, когда закончит. Ужас, который я вызову, заставит мир содрогнуться и прекратить войну. Я буду живым, дышащим аналогом картины Пикассо «Герника». Воплощенной иллюстрацией того, во что война превращает человеческие существа.

– Война окончена! Нам не нужны памятники.

– Возможно, тебе удастся объяснить это судну. Думаю, проблема в том, что на самом деле «Найтингейл» не верит в окончание войны. Ты ведь не можешь еге осуждать, согласись. У нее есть доступ к нашим историческим хроникам. Она знает, что не все люди выступали за прекращение огня.

– Чего ты хочешь от нее добиться? Чтобы она вернулась на Окраину Неба с тобой на борту?

– Именно так. Проблема в том, что судно этого не хочет. Я знаю, что в твоих глазах выгляжу вполне законченным, но «Найтингейл»… Чертова перфекционистка! Снова и снова меняет свое мнение, не может удовлетвориться достигнутым. Постоянно тасует куски: то отрежет, то пришьет выращенное взамен. И все время заботится о том, чтобы я не скончался у нее на руках. Нашла же, к чему приложить свой творческий гений. Микеланджело со скальпелем…

– Вы об этом чуть ли не с гордостью говорите.

– А ты бы предпочла, чтобы я вопил от ужаса? Могу, если хочешь. Просто это рано или поздно надоедает.

– Вы слишком далеко зашли, Джекс. Я ошибалась насчет суда для военных преступников. Вас передадут психиатрам.

– Не хотелось бы. Я бы предпочел полюбоваться на физиономии тех, кто попытался бы запихнуть меня в клетку для обвиняемого. Но до суда я не доберусь, так ведь? «Найтингейл» дождется конца нашего разговора и щелкнет выключателем.

– Так она говорит.

– А ты, похоже, не веришь?

– Не понимаю, зачем ей избавляться от вас после того, как было вложено столько усилий.

– «Найтингейл» творец, а творцы подчиняются внезапным капризам. Может, если бы я уже был закончен – если бы она решила, что сделала все, что могла… но она так не считает. Думаю, он понимает, что была близка к завершению три-четыре года назад, но тогда поддалась капризу и почти все удалила. Теперь я – память о ее неудаче. Она не станет терпеть меня в этом качестве. Ей проще искромсать полотно и начать заново.

– Но уже не с вами?

– Да. Похоже, она исчерпала мой ресурс. Вдобавок теперь ему выпал шанс сотворить нечто иное, благодаря чему ее послание прозвучит гораздо громче. В чем наверняка поучаствуешь и ты.

– Не понимаю, о чем вы.

– Вот и остальные так сказали. – Джекс снова повернул голову. – Эй, госпиталь! Может, пришло время продемонстрировать ей?

– Если вы готовы, полковник, – сказала Голос «Найтингейл».

– Я готов. И Диксия готова. Почему бы тебе не подать десерт?

Полковник смотрел направо, вытянув шею. Позади его тела в стене отворилась круглая дверь, и в помещение хлынул свет. Через проем плыл смутный силуэт, поддерживаемый тремя или четырьмя коническими роботами.

Появившийся предмет был темным, округлым и неровным. Будто полдюжины кусков теста, слепленных друг с другом. Я никак не могла сообразить, что передо мной.

Потом роботы втолкнули это в зал, и я разглядела. И закричала.

– Что ж, пора тебе присоединиться к друзьям, – сказала «Найтингейл».

Прошло три месяца. Они казались вечностью, которую, если верить нашей памяти, мы провели на хирургическом столе, пока машины готовили нас. А то, что случилось потом, кажется теперь одним ужасным мгновением.

Мы благополучно добрались до Окраины Неба. Путешествие далось нам нелегко, да иначе и быть не могло в сложившихся обстоятельствах. Возникла проблема с выходом шаттла на орбиту

захвата, и нам пришлось послать сигнал бедствия, который привлек внимание планетарных властей. Нас выгрузили и переправили на надежную орбитальную станцию, и там мы сами и наша история подверглись тщательнейшему изучению.

Диксия обманула Голос «Найтингейл», когда заявила, что Мартинес наверняка сообщил еще кому-то координаты космического госпиталя. Вышло так, что он ни с кем не поделился этой информацией – слишком опасался возможных дружков Джекса. Ультра, которые обнаружили первоначальное расположение судна, теперь находились в пяти световых годах от Окраины Неба и удалялись с каждым часом. Прежде чем они вернутся, пройдут десятки лет, а может, и больше.

Все же мы не думаем, что у кого-нибудь возникли серьезные сомнения в нашем рассказе, настолько диком, что никто не смог выдвинуть более правдоподобную версию. У нас имелась голова полковника Джекса или, по крайней мере, дубликат, который прошел все возможные генетические и физиологические тесты. И мы явно побывали там, где практиковалась невероятно передовая хирургия – подобного рода операции были просто невозможны как на самой Окраине Неба, так и в ее окрестностях. Однако проблема существовала. Лучшие хирурги планеты с великой тщательностью обследовали нас, каждый жаждал поднять собственный престиж, переделав работу «Найтингейл». Но все они спасовали, боясь принести нам больше вреда, чем пользы. Разделение сиамских близнецов по сложности и риску не шло ни в какое сравнение с процедурой, необходимой для распутывания той живой головоломки, которую сотворил из нас «Найтингейл». Никто из хирургов не рисковал поручиться за жизнь более чем одного из нас, и эти сложности оказались непреодолимыми. Мы пришли к уговору, что согласимся на операцию, только если решение будет принято всеми нами единогласно.

С большими издержками (не нашими, к тому времени мы уже были объектом значительных благотворительных пожертвований) туда, где мы расстались с космическим госпиталем, послали второй корабль, чтобы шпионить за «Найтингейлом». На нем находились самые лучшие военные сканирующие устройства, какие только можно купить за деньги. Но не обнаружилось ничего, кроме льда и пыли.

Исходя из этого, мы вольны были сделать два вывода. Или «Найтингейл» сама себя уничтожила вскоре после нашего отбытия, или она куда-то улизнула, чтобы его не удалось еще раз обнаружить. Мы не могли сказать, какой вариант нравится нам меньше. По крайней мере, если бы мы знали, что судно умерло для добрых дел, мы могли бы отдаться на милость хирургов,

невзирая на риск. Но если госпиталь где-то прячется, то существует вероятность того, что кто-нибудь его найдет. И как-то убедит «Найтингейл» разделить нас.

А может, ее и не придется убеждать, когда она решит, что время настало. Нам верится, что судно однажды вернется по собственным следам. Она встанет на орбиту Окраины Неба и заявит, что пора нам разделиться – мы хорошо послужили ее цели, достаточно долго провисев над этим миром. Возможно, к этому времени она создаст какой-нибудь другой памятник. Или придет к выводу, что ее послание дошло до людских сердец и продолжать акцию нет необходимости. Мы думаем, все будет зависеть от поведения тех, кому дано развязывать войны.

Это в наших интересах – быть уверенными, что планета не свалится назад, в эскалацию войны. Мы хотим, чтобы судно вернулось и вылечило нас. Никому из нас не нравится нынешний способ существования, несмотря на то что мы можем читать и слушать. Да, мы знамениты. Да, мы стали объектом широко изливающейся симпатии и доброжелательства. Да, мы можем получить почти все, что хотели. Однако это не компенсирует случившегося. Ни в малейшей степени!

Нам всем очень тяжело, но особенно тяжело Мартинесу. Прошло много времени с тех пор, как мы перестали думать об этом гиганте как о Норберте. Теперь он везде таскает нас – вес, вдвое превышающий вес собственного тела. «Найтингейл», конечно, это учла и позаботилась, чтобы наше сердце и органы дыхания взяли на себя часть ноши Мартинеса. Но у него сгибается позвоночник и подламываются ноги. Врачи, которые нас изучали, говорят, что он в хорошем состоянии, сможет выполнять эту работу еще много лет. Но не вечно. И когда Мартинес умрет, то же произойдет и с нами.

Очень хочется верить, что «Найтингейл» вернется раньше, чем это случится.

Сегодня вы видите нас, тесно связанных вместе. Прежде видели наши фотографии и видеоизображения, но это не идет ни в какое сравнение с тем, как мы выглядим во плоти. Сильное впечатление, правда? Огромное дрожащее древо плоти, надругательство над симметрией. Вы слышите нас, каждый голос в отдельности. Теперь вы знаете, что мы думаем о войне. Все мы сыграли в ней свою роль, даже более важную, чем остальные. Некоторые из нас воевали по разные стороны фронта. Теперь же сама мысль, что мы могли ненавидеть друг друга – ненавидеть тех, от кого непосредственно зависит наша жизнь, – кажется абсурдной. Если «Найтингейл» намеревалась создать ходячий аргумент в пользу продолжения перемирия, то ей это в полной

мере удалось.

Мы сожалеем, если нынче ночью вам будут сниться кошмары. Мы ничем помочь не можем. И если честно, нам вовсе не жаль. Ночные кошмары – это то, для чего мы созданы. Мы – ночной кошмар, который не позволит планете развязать новую войну.

И если вы плохо спите сегодня ночью, значит вы думаете о нас.

На севере Галактики [22]

Лейтен 726-8, кометное гало, 2303 г. н. э

Облаченные в громоздкие скафандры, они сидели бок о бок на корточках посреди грязного ледяного тоннеля. Впереди в пятидесяти метрах стоял, перегораживая тоннель, робот на тонких скелетных ножках, передававший на их визоры тепловое изображение. Ирравель дергалась каждый раз, когда там мелькало что-нибудь человекоподобное, и нервно сжимала пистолет.

– Мерзкая штука, – пожаловалась она. – Палец едва до курка достает.

– Капитан, он не считывает твои параметры, – констатировал очевидный факт Маркарян, умудрившись тем не менее не превратить свою фразу в шпильку. – Нужно выставить настройки на женские.

Ну разумеется. Ирравель запоздало припомнила тренировки на Фанде (много месяцев субъективного и много лет общемирового времени назад), где их учили пользоваться оружием, и приказала зажатому в перчатке скафандра пистолету изменить форму. Корпус из пластика с функцией памяти ужался – с таким уже вполне можно управляться. И все равно осталось ощущение неправильности.

– Как у нас дела? – поинтересовалась Ирравель.

– Последняя группа на позициях. Все тоннели заблокированы, и прорываться внутрь придется с боем.

– Думаю, именно это они и собираются делать.

– Возможно. – Маркарян по-снайперски прицелился. – Но когда они доберутся до груза, их будет ждать сюрприз.

Именно так. В то самое мгновение, когда пираты приблизились к комете, корабль запечатал отсеки со спящими. Оборонительная система доставит немало неприятностей тому, кто вздумает сунуться без необходимых кодов доступа. Вот тут-то и крылся один подвох, который совершенно не радовал Ирравель.

– Маркарян, – сказала она, – если попадем в плен, из нас попытаются вытащить коды доступа.

– Думаешь, мне это в голову не приходило? – Маркарян проверил оружие. – Ирравель, я тебя не подведу.

– Вопрос не в том, подведешь или нет, – осторожно подбирая слова, ответила она. – Вопрос в том, предадим ли мы груз.

– Знаю.

Они внимательно посмотрели глаза в глаза сквозь визоры, отдавая должное тому, что когда-то давно вышло за рамки профессиональной дружбы. Оба знали, что скорее убьют друг друга, чем подвергнут опасности груз.

Их корабль, таранный лайнер «Ирондель», получил повреждение и пришвартовался к комете для ремонтных работ. «Ирондель» была невероятно элегантной для корабля, предназначенного исключительно для полетов в вакууме: четырехкилометровый корпус конически сужался в тончайший носовой шпиль, сзади к двум стреловидным лонжеронам крепились раструбы двигателей. Это был первый полет Ирравели в качестве капитана. Им предстоял ничем не примечательный прыжок протяженностью в семнадцать лет с Фанда в системе Лакайль 9352 к Йеллоустону, обращающемуся вокруг Эпсилона Эридана; на борту – двадцать тысяч колонистов в криокапсулах. Но произошел несчастный случай из тех, что один на тысячу: сквозь защитный лазерный экран проскочила частица межзвездной пыли, которая проделала внушительную дыру в абляционном ледяном покрытии и испарила четверть его массы. При таком раскладе шансы пережить еще одно столкновение значительно уменьшались, поэтому автоматика направила корабль к ближайшей звездной системе, где можно было достать необходимые для ремонта материалы.

Систему Лейтена 726-8 вряд ли можно было назвать гостеприимной. Человеческие колонии здесь не прижились. От них остались только стада машин-собирателей, присланных разными сверхдержавами. Корабль поймал сигнал одной такой машины и приблизился к инертной комете, на которой та обосновалась. Там должны были находиться нужные материалы. Когда комета оказалась в зоне видимости, Ирравель разбудили, и, выйдя из криосна, она сразу же поняла, что никаких материалов тут нет и в помине, просто голая комета, и все.

– Господи, – сказала тогда она, – за что нам такое наказание?

Через несколько дней ее отчаяние переплавилось в стальную решимость. Раз корабль не может безопасно лететь дальше, придется самим произвести необходимое для ремонта, махнув рукой на неисправную машину. А значит, с корабля нужно снять оборудование – столько, сколько нужно, чтобы создать устройства, способные добывать и формовать кометный лед. По грубым прикидкам, на такую работу уйдут годы. Неважно. Когда корабль сошел с курса, продолжительность его рейса и так значительно увеличилась.

Ирравель приказала разбудить остальных членов экипажа, все девяносто человек, и распределила задачи – в основном по

программированию. Роботы не были разумными и выполняли только какую-то одну конкретную функцию. Ирравель подумывала, не активировать ли другие машины, перевозившиеся на «Иронделли», но чутье подсказывало, что делать этого не стоит. Терраформировщики, которых еще называли саранчой, были в тысячу раз умнее обычных машин и, в отличие от стерильных роботов, принадлежали к фон Неймановым самовоспроизводящимся созданиям. Их имело бы смысл использовать, только если бы грузу угрожала непосредственная опасность.

– Не хочешь запускать саранчу, так хотя бы разбуди сочленителей, – посоветовал Маркарян. – Пусть их всего четверо – их знания нам пригодятся.

– Я им не доверяю. Мне в принципе не улыбалось брать их на борт. Не по себе от такого соседства.

– Мне сочленители тоже не нравятся, но если они помогут быстрее отремонтировать корабль, я готов плюнуть на предубеждения.

– А я не готова. Тут мы с тобой расходимся во мнении, так что эту тему больше не поднимать.

– Понял, – ответил Маркарян и добавил, когда пауза уж слишком очевидно затянулась, – капитан.

В конце концов проблема сочленителей отошла на второй план, работа наладилась. Членов экипажа вернули в анабиоз. Ирравель и Маркарян еще немного пободрствовали, а потом тоже погрузились в сон и просыпались раз в семь месяцев, чтобы проверить, как продвигаются дела. Казалось, удастся справиться без посторонней помощи.

Но в один прекрасный день их подняли из анабиоза не по графику. Почти над самой кометой завис темный корабль, напоминающий формой грейфер. Не межзвездный. Видимо, он базировался где-то неподалеку, вероятно, в том же гало вокруг Лейтена 726-8. Его молчание не предвещало ничего хорошего.

– Думаю, это пираты, – сказала Ирравель. – Я слыхала, что пара кораблей пропала в здешних краях, но всё списали на несчастные случаи.

– Почему они так долго выжидали, перед тем как напасть?

– У них не было других вариантов. Здесь мириады комет, но для того, чтобы перескочить от одной к другой, нужно несколько световых часов. Если двигатели у тебя не межзвездные, такое расстояние быстро не преодолеешь. У них, видимо, где-то база, пункт наблюдения, может, в нескольких световых неделях отсюда. Вот они и притаились там, будто паук в центре огромной паутины.

– И что нам теперь делать?

У Ирравели на щеках заиграли желваки:

– А что делает тот, кто угодил в паутину? Драться.

Слабенькие оборонные системы «Иронделли» лишь оцарапали вражеский корабль. Не обращая на них внимания, он выпустил бурильщиков и подтянулся ближе, а потом выплюнул десятки крабообразных машин. Одна за другой они приземлялись за горизонтом, так что поверхность кометы раз за разом вздрагивала. Через несколько минут сенсоры в самых дальних тоннелях зафиксировали присутствие посторонних. Из всей команды успели разбудить только несколько человек, они распечатали арсенал и взяли пистолеты – миниатюрное ручное оружие, предназначенное для усмирения бунтовщиков, если вдруг случится маловероятный мятеж на борту. Потом немногочисленные члены экипажа заняли оборонительные позиции во всех тоннелях.

Ирравель и Маркарян – оба уже сильно на взводе – приблизились к месту, где тоннель делал поворот. Под обувными протекторами шуршал лед, почти такой же эфемерный, как дым. Приходилось следить, чтобы выбросы из скафандров не касались стен, иначе идущих обдавало перегретым паром. Ирравель снова дернулась, когда фотоны на визоре сложились в подозрительную фигуру, но затем взяла себя в руки, сказала себе, что это очередной обман зрения.

Только в этот раз это был не обман.

Маркарян открыл огонь, прикрываясь роботом. Тот накренился, в его корпусе появилась огромная дыра. Из-за поворота выскочили черные крабы, утыканные сенсорами и оружием. Первый, добравшись до поверженного робота, с легкостью разорвал его на части. Эх, если бы только защитники успели активировать и запрограммировать саранчу! Она набросилась бы на пиратов, словно стая фурий, и перемолола их в пригодную для терраформирования субстанцию…

«А может, и нас заодно», – подумала Ирравель.

В облаках пара что-то сверкнуло – электромагнитный импульс. В скафандре Ирравели будто разом заело все сочленения. Стих жалобный скулеж системы циркуляции, теперь капитан слышала лишь собственное учащенное дыхание. Что-то уперлось в ранец на спине, и Ирравель медленно развернулась, боясь упасть и задеть стену. Повсюду мельтешили машины-крабы. На полу в пещере, где их загнали в угол, валялись трупы других членов экипажа, и к ним тянулись по льду розовые кровавые следы из примыкающих тоннелей. Людей убили, а затем приволокли сюда.

В голове вспыхнула мысль: «Надо застрелиться». Но сначала придется убить Маркаряна – вдруг ему не хватит духу покончить с собой. Сквозь визор Ирравель не видела его лица. Хорошо. Превозмогая боль, она направила пистолет и нажала на курок. Но пистолет не выстрелил, а вздрогнул в ее руке, сократив свою мощность до четверти боевого режима.

– Спасибо, что воспользовались оружейной системой, – сообщил бодрый голос.

Ирравель разжала пальцы, и пистолет выпал.

В ее шлеме заскрежетал другой голос:

– Если подумываешь сдаться, сейчас как раз подходящий момент.

– Сволочь, – тихо выругалась Ирравель.

– Ничего более изощренного тебе в голову не пришло? – Незнакомец изъяснялся на каназиане (именно на нем Ирравель и Маркарян говорили на Фанде), но с сильным акцентом; возможно, его родным языком был норт или рус, а может, ему что-то мешало выговаривать слова. – «Сволочь» – это прямо-таки комплимент по сравнению с тем, как называли меня другие клиенты.

– Дай мне чуток времени, я что-нибудь придумаю.

– Положительный настрой – это хорошо.

Колпак на одном из крабов поднялся, открывая лежащего внутри человека, опутанного сеткой датчиков. Он выбрался из машины и ступил на лед. На набранном из металлических пластин скафандре красовались впаянные фигурки-тотемы, рядом с голографическими звездными панорамами, змееподобными чудищами и полуголыми девицами.

– Ты кто? – спросила Ирравель.

– Капитан Седьмая Проба. – Пират подошел ближе и пригляделся к планке с именем на ее скафандре. – Но ты, капитан Веда, можешь звать меня просто Семеркой.

– Чтоб ты в аду горел, Семерка.

Ирравель увидела сквозь визор, как изогнулись в улыбке губы, над которыми нависали странным образом вывернутые ноздри.

– Ну вот, отрицательный настрой. Может, не будем омрачать наши отношения?

– Может, скажешь, кто среди них был предателем? – спросила Ирравель, глядя на трупы своих подчиненных.

– Предателем?

– Слишком уж легко вы нас нашли.

– На самом деле это вы нас нашли, – услышала она еще один голос, на этот раз женский. – Мы используем манки –

модифицированные коммерческие маячки, как на собирателях.

Женщина вылезла из своего краба. На ней был почти такой же скафандр, как у Семерки, только вместо полуголых девиц – столь же неправдоподобные мачо: брюшные прессы в кубиках и хромированные гульфики.

– Падальщики! – выдохнула Ирравель.

– Ну да. Корабли летят на маячок, приземляются, и торопиться им уже некуда. Тут и мы подтягиваемся из гало.

– Мирская, кончай выбалтывать конфиденциальные сведения, – приказал Семерка.

Женщина мрачно глянула на него через визор:

– Веда и так бы догадалась.

– Теперь мы этого уже не узнаем.

– Да какая разница? Ты же в любом случае их перебьешь, так?

Семерка усмехнулся, продемонстрировав два ряда заостренных зубов, и махнул рукой в сторону пиратки:

– Знакомься: Мирская, наш болтливый, но эффективный специалист по развязыванию языков. Вы с ней отправитесь в небольшое путешествие в страну памяти. Может, ты коды доступа вспомнишь.

– Какие коды?

– Уверен, что вспомнишь, – заявил Семерка.

Их вывели по тоннелям, мимо полуразобранных горнодобывающих машин, на поверхность к пиратскому кораблю. Он был огромен, и почти всю его внутренность занимали жилые отсеки. Узкие извивающиеся коридоры чередовались с увешанными ксеноновыми светильниками гидропонными галереями, где росли яровая пшеница и карликовая папайя. На борту корабля беспрестанно гудели установки для очистки воздуха от углекислоты. Из-за мерзкого зловония Ирравель расчихалась. Повсюду попадались дети, хмуро косившиеся на пленных. У пиратов явно не было камер для анабиоза, все они бодрствовали, и Ирравель предположила, что кое-кто из этих детей появился на свет уже после прибытия «Иронделли».

Пленников подвели к двум каютам для допросов и разлучили. В каюте, куда попала Ирравель, стояла кушетка, переделанная из старого пилотского кресла; на ней все еще можно было прочитать инструкции. В углу пряталась консоль. На стенах фрески с изображениями пыток чередовались со шкафчиками с хирургическими инструментами: покрытые пятнышками ржавчины боры, скальпели и прочие приспособления.

Ирравель глубоко задышала. Гипервентиляция легких могла

дать хоть какую-то анестезию. Благодаря капитанской подготовке боль будет острой, но ощущаемой как бы не напрямую.

Ирравель надеялась на это.

Пираты завозились с ее скафандром – похоже, с современными моделями им еще не приходилось иметь дело. Но вот они справились с задачей, и Ирравель осталась в одной корабельной форме. Над ней склонилась Мирская. Тоненькая темнокожая женщина, грязные волосы стянуты в пучок на затылке, глаза синие, но разного оттенка. У нее что-то крепилось над левым ухом – серебристая коробочка с мигающими датчиками. Мирская надела на голову Ирравели гарнитуру, а потом принялась нажимать кнопки на консоли.

– Ну как, не решила? – поинтересовался капитан Седьмая Проба, неторопливо меряя шагами каюту и снимая шлем.

– Что?

– Какой тебе больше по вкусу пыточный программный пакет?

Теперь Ирравель видела его лицо. Семерка походил на человека своей массивной фигурой, вот только у него было свиное рыло. Вместо носа – пятак, большие заостренные уши на лысом розовом черепе. В глазах светилось звериное коварство.

– Да кто ты такой?

– Прекрасный вопрос, – отозвался Семерка, прищелкнув пальцами у нее под носом. Рука у него была женская, темнокожая. – Честно говоря, я и сам точно не знаю. Возможно, результат генетического эксперимента? Быть может, седьмая по счету неудача. А может, первый успех.

– Нужно угадать с двух попыток?

Семерка не обратил внимания на колкость.

– Знаю лишь одно: сколько себя помню, я был здесь, в гало возле Лейтена 726-8.

– Кто-то тебя сюда отправил?

– Да, на крошечном автоматическом судне; возможно, это был старый спасательный модуль. Меня вырастила корабельная субличность, старалась, как могла, сделать гармоничного индивидуума… – На миг Семерка погрузился в воспоминания. – В конце концов нас подобрал проходивший мимо корабль. И я устроил, если так можно выразиться, рейдерский захват. Вот с тех пор и наращиваю мою организацию, в основном за счет клиентской базы.

– Ты свихнулся. Когда-то такие уловки, возможно, и срабатывали, но с нами этот номер не пройдет.

– А что в вас такого особенного?

– Нейрообработка. Я отношусь к моему грузу как к собственному потомству. Все двадцать тысяч человек мне родня,

и я не могу их предать.

– Забавно. – На свиной морде расцвела усмешка. – Последний клиент тоже так думал.

Спустя какое-то время Ирравель очнулась. В криокапсуле она находилась одна, от допроса в памяти остались только разрозненные фрагменты. Что-то про жертву, а потом про самый страшный кошмар, какой только можно вообразить, – ужас был таким сильным, что Ирравель не могла вспомнить его причину. А подо всем этим – твердая уверенность в том, что коды она не выдала.

Так почему же она до сих пор жива?

Было холодно и тихо. Как только вернулась способность двигаться, Ирравель нашла свой скафандр и побрела к ближайшему иллюминатору. Корабль все еще находился на комете. Пиратское судно исчезло – по всей видимости, отправилось на базу, в гало, где ждал корабль покрупнее.

Ирравель попыталась отыскать Маркаряна, но безуспешно.

Потом она пошла проверять спящих. Двадцать отсеков по тысяче капсул в каждом. Все они были открыты. Почти все спящие лежали там. Их распотрошили заживо, вырезали имплантаты, грубые устройства для просеивания памяти превратили мозг в кашу. На Ирравель накатил такой ужас, что не возникло даже явного эмоционального отклика. Из-за нейрообработки каждая смерть ощущалась так, будто умерла частичка ее самой.

И все-таки Веда удержалась на краю безумия: она обнаружила, что двести спящих пропали. По всей видимости, их не потрошили, подобно остальным, а значит, остается надежда, что капитан Седьмая Проба их похитил. Сущее безумие – ведь горстка пропавших не восполнит потерю. Но из-за своих психологических особенностей Ирравель могла думать только о них.

Она их найдет.

План был подкупающе простым. Он выкристаллизовался в голове подобно божественному откровению. Как говорится, возьми да сделай.

Веда починит корабль, выследит Семерку, отобьет у него спящих. И свершит возмездие, которое сочтет необходимым.

Ирравель пошла искать отсек, где лежали в анабиозе четверо сочленителей. Этот отсек располагался далеко от основных криокамер, в той части корабля, куда пираты вряд ли добрались. Она надеялась, что сможет оживить сочленителей и попросить их о помощи. Хуже уж точно не будет.

Но надежда растаяла, когда Веда увидела на переборке

горелые отметины – следы выстрелов. Дверь взломали.

Она вошла в отсек.

Изначально сочленители были сектой на Марсе – кучка кибернетиков, имевших странную склонность экспериментировать на себе. В ходе последнего такого эксперимента, в 2190 году, они соединили свои усовершенствованные разумы в одну массово-параллельную нейронную сеть. В результате возникло явление, которое позже окрестили Транспросвещением, – необратимый переход к новому типу сознания.

И разумеется, началась война.

Демархисты не приняли ни одну из сторон. Они и сами пользовались нейроусилителями, но строго контролировали процесс, чтобы не зайти так далеко, как зашли сочленители. При посредничестве демархистов был заключен мир, они смягчили связанные с сочленителями подозрения. А те в свою очередь, благодаря технологиям, зародившимся в горниле Транспросвещения, помогли демархистам выбраться за пределы Европы. Четверо сочленителей летели на «Иронделли» в качестве наблюдателей, потому что на корабле были установлены их таранные двигатели.

Ирравель все равно им не доверяла.

Но, наверное, теперь это не имело значения. В криокапсулах – продолговатых, похожих на трубки гробах – зияли дыры. Кривясь из-за исходившего оттуда зловония, Ирравель осмотрела останки. Пираты вскрыли капсулы, но, по всей видимости, не довели дело до конца, не найдя нужных им имплантатов. Возможно, они даже не поняли, что в этих капсулах спали вовсе не люди, особенно если тут орудовали не самые умелые члены экипажа, а просто рядовые громилы.

Веда осмотрела последнюю капсулу, самую дальнюю от двери. Она тоже была повреждена, но не так сильно, как остальные. На дисплее светились данные, крышку покрывал иней. Спящий внутри сочленитель, похоже, невредим – пираты до него не добрались. «Ремонтуар», – прочитала Ирравель на именной планке.

– Да, этот живой, – сказал кто-то у нее за спиной. – А теперь отойди-ка в сторонку, медленно-медленно.

Сердце у Ирравели забилось чаще, она выполнила приказ. И, медленно повернувшись, оказалась лицом к лицу с женщиной, чей голос был ей хорошо знаком.

– Мирская?

– Да, вот тебе сегодня счастье-то привалило.

Мирская была в скафандре, но без шлема, и на фоне широкой

горловины ее голова казалась маленькой и усохшей. Пистолет был направлен на Ирравель, но целилась пиратка будто нехотя, желая побыстрей пройти этот этап отношений.

– Какого черта ты здесь забыла?

– Точно как и ты, Веда. Пытаюсь понять, насколько глубоко мы увязли в дерьме. И насколько сложно будет запустить этот корабль. Видно, тут у нас мысли сошлись – насчет сочленителей. Семерка с катушек слетел, когда узнал, что их перебили, но я подумала, неплохо бы проверить, так ли уж все безнадежно.

– Постой, давай с начала. Почему ты не с Семеркой?

Мирская протиснулась мимо нее к криокапсуле и проверила индикаторы.

– У нас размолвочка вышла. Об остальном можешь догадаться сама. – Она несколько раз ткнула в консоль пальцами свободной руки, активируя разные режимы просмотра, и каждый раз при этом хмурила брови. – Дело дрянь, похоже. Разбудим этого красавца без его дружков, так у него случится психоз. Тогда нам от него никакого проку.

– Что за размолвочка?

– Семерка решил, что во время допроса я слишком уж миндальничала, мучила тебя мало. – Мирская почесала прикрепленную к голове серебристую коробочку. – Может, разбудим, а потом кибернетически сымитируем присутствие остальных, как думаешь?

– Семерке удалось проникнуть в анабиозные отсеки, так почему я до сих пор жива? И ты почему жива?

– Семерка садист. Это вполне в его духе – бросить человека, а не казнить его быстро и чисто. А что касается тебя, свинья заключил сделку с твоим старпомом.

Ирравель не сразу поняла, что она имеет в виду.

– Маркарян сдал ему коды?

– Их сдала не ты, Веда.

На Ирравель накатило странное облегчение. Ей никогда не избавиться от вины за свое преступление – потерю груза, но хотя бы степень причастности стала меньше.

– Это еще не все, – продолжала Мирская. – Семерка пообещал Маркаряну не убивать тебя, если тот согласится служить на «Хидэёси», нашем главном корабле.

Пиратка рассказала, что к капитанской криокапсуле подсоединили передатчик, чтобы Маркарян знал, что она все еще жива.

– Не мог Семерка не понимать, как он рискует, оставляя нас обеих в живых.

– Риск тут небольшой. Корабль полностью разобран. Семерка

думает, нам мозгов не хватит его снова собрать, – Мирская сунула пистолет в кобуру. – А еще Семерка думает, что сочленители мертвы. Большая ошибка. Как только найдем безопасный способ разбудить Ремонтуара, он поможет нам починить корабль. Не только починить, но и ускорить.

– Ты, я вижу, уже все просчитала?

– Более или менее. Но что-то подсказывает, ты не готова мне полностью довериться, так?

– Уж извини, Мирская, перебежчик из тебя вышел не самый убедительный.

Мирская вцепилась рукой в серебристую коробочку у себя на голове:

– Знаешь, что это за штука? Шунт верности. Вырабатывает обезьяньи стволовые клетки и запускает их в сонную артерию, прямо над пещеристым синусом. Они проскакивают через гематоэнцефалитический барьер и производят кучу неустойчивых образований, завязанных на иерархических принципах приматов. Ну знаешь, вся эта хрень с альфа-самцами. Вот так Семерка и держал нас в узде – заделался царем обезьян. Но я эту штуку отключила.

– И я должна в это поверить?

– Не должна, но, может, просто поверишь.

Мирская с мясом выдрала коробочку из головы, вокруг разлетелись сгустки крови.

Лейтен 726-8, кометное гало, 2309 г. н. э

Ирравель почувствовала, как «Иронделль» поворачивается, словно стрелка компаса. Таранные двигатели втянули межзвездный газ, засасывая из кубических километров вакуума одинокие атомы космического водорода, потом выплюнули два луча тяги, и Ирравель вжало в кресло ускорением в два *g*. Корабль едва полз, он все еще не выбрался за пределы кометного гало, но уже через каких-то полгода разгонится почти до скорости света.

Кресло Ирравели висело на поддерживающем устройстве на додекаэдрическом капитанском мостике.

– Карту, – приказала она, и мостик тотчас затопило звездное небо: гигантская проекция шириной в тридцать световых лет – обжитый людьми космос с центром в Первой Системе.

– Вот он, мерзавец, – показала лежавшая в своем кресле Мирская; голос у нее был чуть напряженный из-за перегрузки. – Карта, дай проекцию вектора «Хидэёси» и рассчитай траекторию для перехвата.

Символ пиратского корабля висел довольно близко от Лейтена 726-8, всего в десятой доле светового года. Засечь его удалось впервые. Тяга у «Хидэёси» была так сконцентрирована, что сенсоры «Иронделли» уловили расширившиеся выхлопы его двигателей только сейчас. Зато стало ясно, куда направляется Семерка. Вероятный курс отобразился пунктиром: прямо через центр карты и дальше к системе Лаланда 21185. Карта показала вектор «Иронделли», он шел почти по касательной и пересекался с курсом Семерки где-то за Солнцем.

– И когда нагоним? – спросила Ирравель.

– Ну, многое зависит от того, обращает ли Семерка внимание на корабли, которые болтаются у него на хвосте. А еще от маневров, которые мы сумеем провернуть, чтобы не засветиться.

– Почти все мои модели прогнозируют перехват между две тысячи триста двадцать пятым и две тысячи триста тридцатым годом, – сообщил Ремонтуар.

Ирравель покрутила в голове эти сроки. Даже капитану, которого готовили к межсистемным перелетам, это будущее казалось слишком уж далеким и неясным.

– А вы уверены, что это он? Не какой-то другой корабль, случайно оказавшийся в гало?

– Ты уж поверь, эту грязную свинью я даже отсюда чую, – ответила Мирская.

– Она права, – поддержал ее Ремонтуар. – Такой курс видится мне вполне логичным. Как только количество пропавших кораблей превысило допустимое число и это уже стало невозможно списывать на несчастные случаи, Семерке пришлось покинуть гало. Теперь он, видимо, ищет обжитую систему, чтобы выгодно продать награбленное.

На первый взгляд сочленитель казался совершенно обычным человеком – спокойный лысый мужчина в корабельной форме. Но если приглядеться, в глаза вдруг бросалась неестественная выпуклость на поросшем младенческим пухом черепе. Почти все нейроглиальные клетки в его организме были заменены машинами, которые выполняли не только обычные клеточные функции, но и специализированные кибернетические задачи, например взаимодействовали с другими сочленителями или внешними механизмами. Даже органические нейроны в мозгу Ремонтуара были прочно соединены искусственными связями, благодаря чему скорость передачи достигала нескольких километров в секунду – на порядок больше, чем у человеческого мозга. Сочленители могли бы мыслить еще быстрее, если бы не одна проблема: надо было как-то рассеивать выделяемое тепло.

Прошло шесть лет с того дня, как разбудили Ремонтуара. Он

очень тяжело воспринял гибель трех своих товарищей, но Ирравель и Мирской удалось сохранить его рассудок, скармливая нейроглиальным машинам данные, которые кое-как симулировали взаимосвязь с другими сочленителями.

– Мне от этого столько же радости, сколько человеку с ампутированной ногой от фантомной конечности, – сказал тогда Ремонтуар. – Иллюзия целостности, которая не заменит настоящую ногу.

– Что еще мы можем для тебя сделать? – спросила Ирравель.

– Как можно скорее верните меня в сообщество сочленителей.

Ирравель согласилась при условии, что Ремонтуар поможет с кораблем.

И Ремонтуар не подвел. Под его руководством они избавились от половины корабельной массы, а потому смогли перейти на двойное ускорение. Выкопали на комете склеп, оснастили его системами обеспечения и захоронили там остатки груза. Формально спящие считались мертвыми – было совершенно очевидно, что вернуть их к жизни не удастся, даже если в будущем медицина сделает значительный шаг вперед, – но Ирравель все равно поручила роботам присматривать за телами сколько потребуется, и запрограммировала маячок, чтобы за ними прилетел какой-нибудь корабль.

На все это, разумеется, ушли годы, но и Семерке понадобились годы, чтобы пересечь гало и вернуться на базу; и еще столько же, чтобы обнаружить себя.

– Все было бы намного проще, если бы ты так не стремилась вернуть остальных, – проворчала Мирская. – Мы бы просто промчались мимо Семерки на релятивистской скорости и шибанули по нему изо всего сразу.

Она очень гордилась оружейными системами, которые встроила в корабль. Ремонтуар помог ей скопировать их с пиратских.

– Да, я хочу вернуть спящих, – подтвердила Ирравель.

– А Маркарян?

– Он мой. – И обдумав все хорошенько, Веда добавила: – А свинья – твой.

Неподалеку от Лаланда – 21185–2328 г. н. э

Стиснутые релятивистской скоростью звезды истекали светом. На Ирравель с бешеной скоростью надвигался, будто цунами, борт «Хидэёси». Он был уже в полукилометре.

Своей конфигурацией пиратский корабль напоминал

«Ирондель» – пропорции определялись не столько человеческой волей, сколько законами физики. Но «Хидэёси» был тяжелее, шире в поперечном сечении: он не мог развить ускорение, на которое оказалась способна «Ирондель», почти достигшая скорости света. Годы ушли на то, чтобы догнать Семерку, но у них получилось. И теперь полным ходом шла атака.

Ирравель, Мирская и Ремонтуар облачились в скафандры с микродвигателями. Такие обычно надевали для наружного осмотра корабля, но сейчас добавили оружие и броню, да еще раскрасили для пущего эффекта, отчего все трое походили на механических самураев. С этими скафандрами были синхронизированы еще сорок семь, выполнявших отвлекающий маневр. Предстояло преодолеть пятьдесят тысяч километров между двумя кораблями.

– У Семерки точно нет никаких оборонных систем? – спросила Ирравель почти сразу после пробуждения из анабиоза.

– Огневая поддержка была только на внутрисистемном корабле, – сказала Мирская. Бывшая пиратка выглядела старше, под глазами у нее залегли новые морщинки. – Раньше ведь никому не хватало дурости, чтобы решиться на атаку в межзвездном пространстве.

– Да, до сегодняшнего дня.

План был не таким уж и глупым, и Мирская об этом знала. Чтобы выйти на одну скорость с атакуемым кораблем, нужно было просто быстрее перемещаться, чуть больше приблизиться к скорости света. Возможно, не сразу, но рано или поздно нужное расстояние они преодолеют.

Получилось действительно не сразу, и все это время Мирская бодрствовала. Во-первых, у нее отсутствовали необходимые имплантаты – их вырезали еще в младенчестве, когда она попала в плен к Семерке. А во-вторых, ей, воспитанной пиратами, претила мысль об анабиозе. К тому же Мирской требовалось время, чтобы довести до совершенства оружейную систему.

Они дали по противнику залп еще до того, как вышли в космос в скафандрах, – хотели уничтожить орудия, которые могли скрываться подо льдом, и проделать дыры в обшивке.

У Ирравели поплыло перед глазами – ее скафандр замедлялся перед столкновением с ледяным панцирем.

Все поглотила белизна.

На мгновение Ирравель забыла, что она тут делает. Когда Веда очнулась, ей пришлось вылезать на поверхность ледяного панциря «Хидэёси» из тоннеля, образовавшегося в результате столкновения.

– Веда, ты цела?

Лазер-передатчик на плече ее скафандра оказался в прямой видимости скафандра Мирской. Та стояла в двадцати-тридцати метрах на плавно изгибающемся корабельном корпусе, стараясь удержать равновесие на ледяном уступе. Сверху и снизу громоздились подсвеченные двигателями льды, будто Ирравель очутилась на огромной скале. Ежесекундно с «Ирронделли» прибывали все новые скафандры.

– Жива, – ответила Ирравель. – Где тут у нас вход?

– В паре сотен метров выше.

– Черт! Я хотела приземлиться поближе. Ремонтуара не видно. Сколько у тебя осталось топлива?

– Едва ли хватит пингвину причиндалы разогреть.

Мирская подняла руки над головой, из ее рукавов вылетели два троса и вонзились в лед. Бывшая пиратка упала животом на ледяной панцирь и, подобрав тросы, подтянулась повыше.

Ирравель последовала ее примеру. Во время перелета к «Хидэёси» они истратили все топливо, но абордаж шел по плану. Если не удастся наложить лапу на запасы Семерки, они просто оттолкнутся от корабля и их подхватит прямо на свой корпус приближающаяся «Иронделль».

– Думаешь, Семерка видел, как мы прилетели?

– Конечно видел. Зуб даю, он сложа руки не сидит.

– Мирская, ни в коем случае нельзя подвергать опасности груз. Что бы ни выделывал Семерка.

– Ты бы пожертвовала половиной спящих, чтобы вернуть вторую половину?

– Об этом не может быть и речи.

Над ними в ледяном панцире появлялись разломы, словно распахивались глаза. Оттуда бросились наружу роботы-крабы, иссиня-черные на фоне белого льда. Ирравель открыла по ним огонь. И на этот раз, поскольку у нее было значительно более эффективное оружие и броня, она смогла нанести вполне реальный ущерб.

Вслед за крабами вылезли пираты – в своей нестандартной броне они напоминали груши. В облаках пара ярко вспыхивали и секли лед лазерные лучи. Теперь Ирравель видела и Ремонтуара: его не задело, и он старался, как мог, расстреливая пиратов в вакууме.

Одним из выстрелов Ирравель сбила врага сверху.

Гонимый ускорением «Хидэёси», тот рухнул прямо на нее. Ирравель едва ощутила удар – оттяжки скафандра держали крепко. Тело пирата смялось, будто тряпичная кукла, а потом его отбросило на корабельный панцирь, и он застрял в ее оттяжках.

Стрелять с такого расстояния Ирравель не могла, иначе сама улетела бы в космос. За стеклом визора губы врага шевелились, он что-то говорил. Ирравель придвинулась так, чтобы соприкоснулись визоры. И разглядела выпирающий из головы асимметричный шунт.

Это был Маркарян. Сначала Ирравель решила, что это просто дикое совпадение, а потом поняла: Семерка, видимо, отправил новобранца продемонстрировать лояльность. Вероятно, скоро появится и сам капитан. Для альфа-самцов естественно лично вступать в противоборство с противником.

– Ирравель… – Голос Маркаряна искажали помехи. – Рад, что ты жива.

– Не льсти себе, Маркарян, я здесь не из-за тебя. Я пришла за грузом. А ты просто следующий в моем списке.

– И что ты сделаешь? Убьешь меня?

– А ты думаешь, что не заслуживаешь смерти? – Ирравель чуть передвинулась, чтобы занять более удобную позицию. – Или будешь оправдываться? Объяснишь, почему предал груз?

На его постаревшем лице появилась улыбка.

– Я заключил сделку, Ирравель, точно так же, как и ты – с саранчой. Но ты, вероятно, этого не помнишь?

– Может, я и продала свинье саранчу, – отозвалась Ирравель. – Если и так, то это было взвешенное решение, которое должно было обеспечить безопасность груза. А вот ты сторговался с Семеркой, чтобы спасти свою шкуру.

Остальные пираты не стреляли, хоть и держали их на мушке.

– На самом деле я это сделал, чтобы спасти твою шкуру. Понимаешь? – Теперь у него во взгляде читалось изумление. – Ты видела руку Мирской? Это не ее рука. Для пиратов конечности – как знаки отличия. У них прекрасные хирургические навыки.

– Маркарян, ты какую-то чушь несешь.

На них дождем посыпались куски льда. Ирравель оглянулась как раз вовремя: из расщелины вылезал еще один пират. Она сразу узнала рисунки на скафандре – Семерка. На поясе у него болтались… какие-то штуки в прозрачных мешках, словно связка чудовищных фруктов. Несколько секунд понадобилось Ирравели, чтобы осознать жуткую правду: это замороженные человеческие головы.

Она подавила рвотный позыв.

– Да, – сказал Седьмая Проба, – десять твоих соотечественников сейчас обезглавлены. Но не волнуйся, непоправимых повреждений нет. Мозги целы, если только ты не разнесешь их случайным выстрелом.

– Он у меня на прицеле, – сказала Мирская. – Одно твое

слово, от него и ушей не останется.

– Погоди, не стреляй, – приказала Ирравель.

– Да, капитан Веда, в тебе есть коммерческая жилка. Вижу, эти головы тебе нужны.

– О чем это он? – спросила Мирская.

– Можно воссоздать нейронные связи. – Это заговорил Ремонтуар. – Мы, сочленители, давно научились копировать сознание в машинную среду, хоть и не афишировали это умение. Впрочем, на Йеллоустоне уже проводят эксперименты, воссоздающие наши первые удачные опыты. А эти головы даже не мыслят, тут надо просто скопировать структуру, без электрохимических процессов.

Свинья отстегнул от пояса одну голову и поднял повыше, чтобы ее было хорошо видно.

– Сочленитель прав, они не окончательно мертвы. И я могу уступить их, если ты готова заключить сделку.

– Что ты за них хочешь? – спросила Ирравель.

– Для начала верни Маркаряна. Со всеми этими демархистскими навыками из него получился неплохой старший помощник.

Ирравель посмотрела вниз, на своего пленника:

– Нельзя купить верность, пришпилив к голове коробку и подправив пару нейронных связей.

– Да неужели? Чем мои шунты отличаются от психооперaций, которым подвергли тебя, Ирравель? Они ведь привязали твой материнский инстинкт к двадцати тысячам замороженных людей, которых ты и по именам-то не знаешь.

– Ты хочешь сделку заключить или нет?

– Только если отдашь еще и сочленителя.

Ирравель взглянула на Ремонтуара, со змеиным хладнокровием просчитывая в глубине разума все варианты.

– Нет! – воскликнул Ремонтуар. – Вы же обещали!

– Заткнись! – рявкнул Семерка. – А иначе присоединишься к своим дружкам, но только по частям.

– Прости, я не могу потерять даже этих десятерых, – сказала Ирравель.

Семерка швырнул ей первую голову:

– А теперь отпусти Маркаряна и займемся остальными.

– С тобой я потом разберусь, – сказала она, глянув вниз.

Веда отпустила своего бывшего старпома, и он вскарабкался по льду поближе к Семерке.

– Превосходно. Вот тебе вторая голова. Теперь сочленитель.

Ирравель отдала беззвучный приказ, и Ремонтуар застыл.

– Его скафандр обездвижен. Забирай.

Двое пиратов подобрались к Ремонтуару, проверили скафандр и дали знак Семерке. Потом они подняли пленника и потащили его через щель во льду на борт «Хидэёси».

– Остальные восемь, – велела Ирравель.

– Я сброшу их с корабля. Ты их без труда найдешь. Сам я тем временем отступлю, и вы уберетесь отсюда.

– Мы можем покончить с ним прямо сейчас, – не выдержала Мирская.

– Мне нужны эти головы.

– Тебе в башку и правда нагадили будь здоров! – Мирская подняла пистолет и открыла огонь по Семерке и остальным пиратам.

На глазах у Ирравель замороженные головы разлетелись на куски.

– Нет!

– Уж прости, Веда! – прокричала Мирская. – Так надо.

Семерка схватился за грудь, размазывая чужие мозги. Мирская пробила его броню. Пират пытался зажать расходящуюся дыру, и при этом свиная морда исказилась от ужасного понимания: его царствованию конец.

Но и в Ирравель кто-то попал.

Институт Силвеста, орбита Йеллоустона, Эпсилон Эридана, 2415 г. н. э

– Где я? – спросила Ирравель. – Почему я могу думать?

– Ты в безопасности, – прозвучал женский голос, цветом напоминавший красное дерево. – Ты погибла на льду, но мы вовремя тебя вернули.

– Для чего?

Мирская вздохнула, будто ей не хотелось ничего объяснять.

– Чтобы отсканировать тебя, как и две замороженные головы. Скопировать в корабль.

Возможно, Ирравели следовало бы ужаснуться, возмутиться или даже испытать облегчение от того, что какая-то ее часть уцелела.

Но она испытывала лишь нетерпение.

– И что теперь?

– Мы работаем над этим, – ответила Мирская.

В сторону Альдебарана, 2673 г. н. э

– Когда она погибла, мы сохранили тело. – Мирская слегка сипела, ей трудно было передвигаться при таком ускорении, хотя Ирравель воспринимала два с половиной *g* как нормальную корабельную нагрузку. – Забрали его на борт после боя.

Ирравель подумала о том, как ее мать умерла на другом корабле, на том самом, который они преследовали. Вот уже долгие годы они намеренно не сокращали дистанцию, но и не выпускали «Хидэёси» из поля зрения.

Вплоть до сегодняшнего дня у Ирравели не возникало желания спросить, почему так происходит.

Она заглянула в окошечко капсулы, сравнивая собственные черты с чертами лежавшей там женщины, себя пятнадцатилетнюю со взрослой Матерью.

– Почему ты держала ее в заморозке?

– Нужно было извлечь из ее мозга все, что возможно, – ответила Мирская. – Воспоминания, нейронные связи. Мы вытащили их и загрузили в корабль.

– Какой вам от этого прок?

– Мы знали, что когда-нибудь это пригодится.

Ирравель была клоном Матери. Не идентичным – ни один миксмастер не смог бы точно воспроизвести биохимическую среду материнской утробы или определившие характер и индивидуальность годы младенчества. Их личности обрели форму в разные столетия, в совершенно разных мирах. И все же они были довольно похожи друг на друга. И даже обладали общими воспоминаниями, которые наномеды вписали в разум Ирравели так искусно, что она едва отличала их от собственных.

– Зачем ты это сделала?

– Затем, что Ирравель начала одно дельце, – ответила Мирская. – И я пообещала ей помочь это дельце закончить.

Грозовая станция, Эфра, торговая зона в Гиадах, 2931 г. н. э

– Почему вы интересуетесь нашим оружием? – спросил гнездостроитель. – Насколько нам известно, в нынешнюю эпоху хордовые организмы не ведут никаких войн.

– Тут дело личное, – ответила Ирравель.

Гнездостроитель завис в столбе микрогравитации в метре над полом. Когда-то эти дышащие кислородом членистоногие сумели развиться настолько, что научились совершать межзвездные перелеты. Теперь они уже не обладали разумом, но их поддерживали самообновляющиеся машины. Гнездостроители мигрировали из системы в систему и создавали причудливые

объемные конструкции из чистого алмаза. Время от времени очередная стая этих существ прилетала и занимала выстроенные гнезда. Со стороны все выглядело так, будто они действуют совершенно бесцельно, но вот уже десятки тысяч лет в их телах селились представители другого вида – маленькие и весьма разумные слизняки. В теплых влажных изгибах прихотливо закрученной раковины гнездостроителя иногда обитала целая колония – до дюжины слизняков. Они давно научились управлять своими носителями и обслуживающими их машинами.

Сейчас Ирравель внимательно изучала такого слизняка, показавшегося из ракушки.

Это было многоклеточное беспозвоночное размером не больше ее кулака – комок мягкой голубой протоплазмы, который при необходимости отращивал щупальца. С одного края внутри сгустка темнело некое биполярное образование – возможно, центральная нервная система, но такая маленькая, что было совершенно непонятно, как это создание умудряется быть разумным. Ирравель не заметила никаких видимых органов коммуникации, но от слизняка вглубь раковины уходил пульсирующий синий жгутик. И слизняк разговаривал с помощью гнездостроителя, заставляя того трещать хитиновыми челюстями и издавать некое подобие человеческой речи. Висящий в воздухе кристалл, подсоединенный к лексической базе станции, довершал дело, и в итоге Ирравель слышала спокойный женский голос.

– Дело личное? Вендетта? Значит, это правда. – Челюсти щелкнули, что, по всей видимости, символизировало у этого вида смех. – Ты действительно та, за кого мы тебя принимаем.

– Ребята, она же вам говорила, что ее Ирравель зовут, – встряла Мирская.

Она потягивала черный кофе из стакана, осторожно сжимая его рукой экзоскелета. Мирская надевала экзоскелет всякий раз, когда нужно было передвигаться при большой силе тяжести.

– Среди вас, хордовых, это имя теперь частенько встречается, – напомнил слизняк. – Но ты, Ирравель, действительно подходишь под описание.

Рядом с ними располагалось огромное панорамное окно, из которого открывался вид на висевшие в пятидесяти километрах под станцией мощные бурлящие эфрские облачные слои. Темнело, и грозовики готовились к представлению. На глазах у Ирравели в облака опустились два сеятеля – роботизированные суда, скрепленные едва видимой ниточкой. Они разместят свою ниточку так, что та соединит два облачных слоя с разным статическим потенциалом, потом вернутся на Грозовую станцию, а ниточка, пульсирующая по всей своей длине, останется на

месте. Вокруг нее в радиусе сотни километров сеятели аккуратно разместят другие такие же. Пока ниточки остаются электроизолированными, но по команде грозовика каждая мгновенно сделается проводящей, и в результате вспыхнут огромные, точно скоординированные молнии.

– Я никогда не хотела становиться легендой, – сказала Ирравель. – Или, если уж на то пошло, мифом.

– Да, Веда, про тебя рассказывают столько историй, что проще поверить, что тебя никогда и не было вовсе.

– Почему же ты думаешь иначе?

– Потому что около года назад здесь побывало другое хордовое, вполне вероятно Маркарян. – Раковина гнездостроителя замерцала, и на ней ненадолго появилось изображение космического корабля.

– Вы продали ему оружие?

– Зачем же так сразу выдавать информацию? – Челюсти снова щелкнули. – Сначала ты должна ответить на наш вопрос.

За окном горизонт осветили первые вспышки сегодняшнего представления, будто прозвучали вступительные аккорды симфонии. Кольца Эфры отразили эти вспышки, и словно призрачные лезвия на мгновение разрубили небо.

– Что вы хотите знать?

– Кроме нас, слизней, в этой части Галактики весьма мало разумных культур, чьи представители способны перемещаться между звездами. Во время войны против разумных видов нам удалось спрятаться от ингибиторов, укрывшись среди безмозглых гнездостроителей.

Ирравель кивнула. Слизняки принадлежали к тем немногочисленным известным человечеству разумным видам, которые хотя бы признавали существование жутких ингибиторов. Как и люди, слизняки сражались с этими зловещими призраками, причем не без успеха.

– Благодаря оружию, которое ты хочешь получить, мы смогли одержать победу, но цена для нашего филума оказалась огромной. Теперь мы начеку и хотим предвидеть новые угрозы.

– Не понимаю, к чему ты ведешь.

– До нас доходят разные слухи. А раз уж ты прибыла оттуда, откуда эти слухи и распространяются – из звездного скопления вокруг родного для вашего филума светила, – мы подумали, что ты можешь обладать ценной для нас информацией.

Ирравель переглянулась с Мирской. Бывшая пиратка уже давно превратилась в хрупкую иссохшую старушонку с покрытой старческими пятнами головой, но при этом оставалась непревзойденным тактиком. Они настолько хорошо знали друг

друга, что Мирская могла подать Ирравели знак едва заметным движением, почти неуловимо изменив выражение испещренного морщинами лица.

– Какого рода информация вам нужна?

– Информация о том, что нас пугает. – Раковина гнездостроителя снова замерцала, и на ней появилось изображение… чего-то странного.

Серо-коричневая крапинка на фоне пятнистой черноты, – быть может, гнездостроитель хотел показать малую планету. Вот мазок ярко-зеленой краски перечеркнул ее поверхность, будто взрывая. Там, где появлялось это нечто, разверзались трещины. Они ширились, превращаясь в черные провалы, и вся планета раскалывалась, словно айсберг. А потом разлетелась на тысячу зеленоватых фрагментов.

– Что это было? – спросила Ирравель.

– Мы надеялись, что ты нам объяснишь.

Картинка на панцире гнездостроителя сменилась, теперь Ирравель видела перед собой звезду, окруженную тороидальным поясом из золотистой пыли.

– В системе, где были сделаны эти изображения, машины неизвестного происхождения разломали все каменные объекты. Это Росс 128, в одиннадцати световых годах от твоей родной звезды. Они запустили по независимым орбитам миллиарды каменных осколков. Каждый осколок помещен в герметичную мембрану, и внутри этого пузыря создана искусственная растительная экосистема. Из оставшегося сырья машины изготовили гигантские зеркала, которые улавливают солнечный свет под и над эклиптикой и направляют его на образовавшееся облако из осколков.

– И почему вас это пугает?

Гнездостроитель склонился чуть ближе к ней в своем микрогравитационном столбе.

– Потому что мы видели, как этим машинам оказывают сопротивление. Будто они не должны делать того, что делают. Будто твой филум создал что-то ему неподконтрольное.

– А… чем закончились попытки сопротивления?

– Неудачей.

– Но если случайно была трансформирована одна система, это же не значит… – Ирравель осеклась. – Вас волнует, не пересекут ли они межзвездное пространство и не доберутся ли до других систем. Даже если доберутся – разве вы не сможете их остановить? Это совершенно определенно человеческая технология, а человеческая технология не может представлять для вас угрозу.

– Вероятно, когда-то это и была человеческая технология со встроенными ограничителями, которые препятствовали неконтролируемому воспроизведению. Но эти ограничители перестали действовать. Хуже того, машины скрещивались, и каждое новое столкновение с внешним явлением делало их более устойчивыми и приспосабливаемыми. Сначала плавящая чума – возможно, заражение осуществили намеренно, чтобы обойти ограничение на воспроизведение.

Ирравель кивнула. Плавящая чума обрушилась на человечество четыреста лет назад, положив конец Прекрасной Эпохе демархизма. Как и обычная чума, свирепствовавшая в древности, она продолжала наводить ужас даже после того, как закончилась и после нее сменилось несколько поколений.

– В конце концов, – продолжал гнездостроитель, – они, видимо, столкнулись с ингибиторами и ассимилировали их технологии, или случилось нечто еще хуже. И теперь их очень трудно остановить. Даже с нашим оружием.

На ракушке затейливой татуировкой проявилось изображение страшной машины. Ирравель содрогнулась. Слизняк был прав: после нескольких этапов гибридизации исходная конструкция превратилась в нечто омерзительно чуждое. Но в ней все еще угадывался первоначальный замысел, и Ирравель поняла: ошибки быть не может, перед ней эволюционировавшая саранча, из самовоспроизводящихся машин, которые она выдала Седьмой Пробе. Им каким-то совершенно непонятным образом удалось вырваться из-под контроля. Видимо, через десятилетия или даже столетия после той сделки команда Семерки продала саранчу на сторону. Возможно, покупатель тайком проводил в системе Росс 128 эксперименты, и в один прекрасный день машины вырвались на волю…

– Не знаю, чем я могу тут помочь, – сказала Ирравель.

– Может, мы ошиблись, поверив одному слуху. Ему уже пятьсот лет, и он утверждает, что первоначальные следы этих машин ведут именно к тебе.

Ирравель посмела блефовать и тем самым оскорбила собеседника. Этих существ вообще легко было оскорбить. Раскусить человека слизняку было гораздо проще, чем человеку раскусить слизняка.

– Как ты и говорил, – ответила Ирравель, – слухам верить нельзя.

Гнездостроитель сложил бронированные веретенообразные лапки крест-накрест перед челюстями, демонстрируя недовольство.

– Вы, хордовые, – сказал он, – все одинаковы.

Межзвездное пространство, 3354 г. н. э

Мирская умерла. От старости.

Бронированную капсулу с ее телом Ирравель сбросила в космос, когда скорость «Иронделли» почти сравнялась со световой.

– Выполни мою просьбу, Ирравель, – попросила Мирская перед смертью. – Подержи мое тело на борту, пока мы не разгонимся до максимума, а потом отправь вперед, прямо по курсу.

– Ты точно этого хочешь?

– Старая пиратская традиция. Морское погребение. – Мирская улыбнулась, и на эту улыбку, видимо, ушли ее последние силы. – Выражение такое, Ирравель, понятное только на языке, который мы обе давненько уже не слыхали.

Ирравель сделала вид, что поняла.

– Мирская, я кое-что должна тебе сказать. Помнишь гнездостроителя?

– Веда, с той встречи прошли столетия.

– Знаю. Но я все думаю, а вдруг он был прав.

– Насчет чего?

– Насчет тех машин. Насчет того, что это все из-за меня. Говорят, они распространяются и уже добрались до других систем. И никто, похоже, не знает, как их остановить.

– Считаешь, это твоя вина?

– Да, такая мысль приходила мне в голову.

Мирская содрогнулась, а может, пожала плечами – Ирравель не была уверена.

– Даже если это и правда твоя вина, Веда, намерения у тебя были самые благие. Ну, налажала чуток. Мы все ошибаемся.

– Уничтожены целые солнечные системы – это называется «налажала»?

– Всякое случается.

– Да, Мирская, чувство юмора у тебя всегда работало исправно.

– Похоже на то. – Мирская снова выдавила улыбку. – Хоть одной из нас, Веда, нужно же было чувство юмора.

Ирравель вспоминала эти слова, когда на ее глазах капсула вылетела перед «Иронделем», уменьшилась, превратилась в крохотную стальную точку, а потом исчезла.

Содружество Субару, Плеяды, 4161 г. н. э

Звездный мост давно обзавелся сознанием.

Унизанный механизмами луч пел нескончаемый гимн собственной беспредельности, вибрируя подобно басовой гитарной струне. Способные дышать в вакууме служители добровольно изменили свои разумы так, чтобы воспринимать мост как божество: они истолковывали его гудение своими органами чувств и проводили десятки лет в медитативном экстазе.

Сжатый амортизирующим полем лифт за несколько минут перенес Ирравель по мосту из орбитального центра на поверхность. Ее сопровождала свита корабельных детей, многие из которых в силу своих генных особенностей до боли напоминали покойную подругу Мирскую. Мост тонкой ножкой бокала выходил из наземного терминала, который, в свою очередь, напоминал гипералмазную ракушку. Внутри цвели многоярусные благоухающие сады и ниспадали каскадами водопадов озера. Терминал был привязан к самому большому острову экваториального архипелага. Старшие дети проводили Ирравель до морского пляжа, засыпанного серебристым песком, где бродили самоцветные, похожие на заводные игрушки крабы. Спутники попрощались, и Ирравель осталась ждать на берегу. Теплый морской ветерок вздувал подол ее сари.

Спустя несколько минут лифт с детьми устремился обратно в небеса.

Ирравель смотрела на океан и думала о жонглерах образами. Здесь, как и на десятке других океанских миров, эти инопланетные разумные существа основали свою колонию. Жители Субару трансформировали себя и, превратившись в амфибий, установили с жонглерами тесный контакт. Утром Ирравель предстояло отправиться в океан на встречу с жонглерами. Ее утопят, растворят на клеточном уровне, каждую частицу ее тела заменят на морскую, и она превратится в нечто не совсем человеческое.

Ирравель очень боялась.

К острову заскользили по воде украшенные вымпелами тримараны, рядом с которыми плыли серые океанские существа, гладкие и блестящие, – помесь дельфина и ската. Существа пересвистывались на доступной человеческому уху частоте. На коже субарцев мерцали чешуйки, и потому казалось, что они облачены в доспехи, их естественные фотоэлементы впитывали голубой обжигающий свет солнца. В небе висели наделенные разумом вуали, они чуть колыхались, словно северное сияние, защищая архипелаг от самого жесткого излучения. Испускающая актинический свет Тайгета тонула за горизонтом, и живые облака вуалей опускались следом. С ними вместе перемещались стаи

необычайной красоты птиц.

По коралловому причалу к Ирравели подошел старейшина, его лиловая чешуя переливалась зеленым и опаловым. В перепончатой руке старик сжимал посох, с боков его поддерживали два помощника, а третий нес над ним будто акварелью нарисованный зонтик. Помощники были потомками последней разновидности сочленителей: на голове у них остались прозрачные гребни, по которым когда-то текла кровь, остужая перегруженный мозг.

Ирравель ощутила ностальгию вперемешку с виной. Вот уже почти тысячу лет она не видела сочленителей – с тех самых пор, как те раскололись на десяток фракций и удалились от людских дел. Но она никогда не забывала о том, как предала Ремонтуара.

Это все было так давно…

Последним в облаке энтоптических проекций шел облаченный в расшитые одежды коммуникант. Эти маленькие, напоминающие эльфов создания обладали феноменальным талантом к естественным языкам, который усилили трансформации жонглеров. Ирравель поняла, что перед ней старый почтенный коммуникант, хотя генетически этот вид не был склонен к долголетию.

Старейшина остановился прямо перед ней.

На кончике его посоха красовался череп крошечного лемура в столь же крошечном шлеме от скафандра. Старик что-то произнес, по всей видимости церемониальную речь, из которой Ирравель ничегошеньки не поняла. Она задумалась, подбирая слова, вспоминая самый старый из известных ей языков – его, по идее, должны понять в любой человеческой цивилизации, даже в самой далекой.

– Спасибо, что разрешили нам здесь остановиться, – наконец сказала она.

Вперед, прихрамывая, вышел коммуникант, на ходу шевеливший оттопыренными губами. Сначала его слова походили на лепет младенца, который только учится говорить, а потом Ирравель начала различать слова.

– Вы… мм… хоть чуть-чуть меня понимаете?

– Да, – сказала Ирравель. – Да, спасибо, понимаю.

– Каназиан, – заключил коммуникант. – Двадцать третий или двадцать четвертый век, Лакайль 9352, фандский диалект?

Ирравель кивнула.

– Таких, как вы, теперь нечасто встретишь. – Коммуникант разглядывал Ирравель с таким любопытством, будто она принадлежала к какому-нибудь необычайному подвиду бабочек. – Но мы вам рады. – На его лице расцвела дружелюбная улыбка.

– А как насчет Маркаряна? Я знаю, что каких-нибудь пятьдесят лет назад его корабль пролетал через эту систему. Я все еще отслеживаю его перемещение, по мере того как он выходит из кластера.

– Здесь действительно появляются другие корабли, да. Нечасто – один или два в столетие.

– А что с тем последним?

– Мы устроили для него обычное чествование.

– Чествование?

– Такая церемония. – Коммуникант улыбнулся еще шире. – Во славу Ирравели. Много актеров, красивые слова, смерть, любовь, смех, слезы.

До ошеломленной Ирравели дошел смысл его слов.

– Вы играете пьесу?

Старейшина, видимо, частично понимал их разговор. Он с гордым видом кивнул и махнул рукой в сторону темнеющего залива, гладь которого разрезали лезвиями плавников океанские жители. Там, вдалеке на плоту, мерцали фонари и пестрели яркие декорации. По воде к плавучей сцене со всех сторон скользили лодки. Над краем архипелага завис дирижабль со множеством гондол.

– Мы хотим, чтобы вы сыграли Ирравель, – сказал коммуникант, поманив ее за собой. – Это огромная честь.

Когда они добрались до плота, Ирравель уже научилась у коммуниканта всему, что нужно для представления. Это далось ей достаточно легко, хотя реплики нужно было произносить по-субарски. Под конец вечера она изъяснялась на этом языке свободно. В нынешние времена Ирравель могла мгновенно выучить что угодно простым усилием воли. Но этого было мало. Чтобы поймать Маркаряна, нужно вырваться из тесного лабиринта человеческого мышления. Именно за этим она и прилетела к жонглерам.

В ту ночь они сыграли пьесу перед зрителями-островитянами, сидевшими в битком набитых лодках вокруг плота. Село солнце, и на синем бархате небес заискрились тысячи голубых самоцветов. Ночь в сердце Плеяд оказалась самым великолепным зрелищем, какое Ирравель видела в своей жизни. Но когда она посмотрела в сторону Солнца и усилила зрение, то заметила в небе зеленое пятно – маленькое, размером с отпечаток большого пальца. С каждым столетием зеленое пятно росло: свихнувшиеся машины обрушивались на очередную систему и трансформировали ее. Со временем оно доберется и до Плеяд.

Охмелевшая от островного вина Ирравель попросила коммуниканта рассказать историю пьесы.

Существовало множество сюжетных вариаций, но главные герои всегда походили на Маркаряна и Ирравель – мифических персонажей, сведенных вместе самой судьбой, которых помнили вот уже почти две тысячи лет. Иногда тот или другой представлялся законченным злодеем, но чаще оба были молодчинами, которые в силу трагического стечения обстоятельств неверно истолковали мотивы друг друга. Иногда оба погибали. Конец редко бывал счастливым. Но после погони так или иначе приходило искупление.

В антракте Ирравель почувствовала потребность открыть коммуниканту правду, чтобы он передал ее старейшине.

– Послушай, мне кое-что нужно тебе сказать. – И Ирравель торопливо продолжила, не дожидаясь ответа: – Я и есть она – та, чью роль я играю.

Сначала коммуникант долго не понимал, а потом медленно и печально покачал головой:

– Нет. Я думал, ты будешь другой. Ты казалась другой. Но так многие говорят.

Ирравель пожала плечами. Какой смысл спорить: все, что она сейчас скажет, можно будет потом списать на действие вина. Утром о ее словах тихо позабыли. Ирравель отвезли в море и утопили.

На севере Галактики, 9730 г. н. э

– Маркарян? Ответь.

Огромный силуэт «Хидэёси» парил перед ней аккурат за пределами зоны поражения. Как и «Ирондель», корабль изменился почти до неузнаваемости. Блестящий корпус опутывала сетка оружейной системы. Двигатели уже не крепились к нему физически, а летели рядом, будто два дельфина. Удерживавшие их поля становились видимыми только под воздействием небольшого напряжения.

Сотни лет по мировому времени Ирравель не пыталась связаться с ним, а теперь вдруг передумала. Вот уже несколько тысячелетий ширилось зеленое пятно – разрасталась переливчатая катаракта в самом оке Галактики. Всего за несколько столетий пятно поглотило голубые солнца Содружества Субару, хотя к тому моменту Ирравель и Маркарян уже удалились на тысячу световых лет к галактическому центру и начали разворот от галактической плоскости, так что предсмертные вопли кротких островитян до них не долетели. Никто не мог остановить зеленое пятно, оно поглощало системы,

и те умолкали. Благодаря изменениям, которые Ирравель претерпела у жонглеров, она осознавала всю чудовищность этого события и могла бестрепетно взглянуть на ужас, поразивший миллионы звезд, и осознать трагедию каждой.

Теперь она больше знала о природе этого явления.

Звезды не могут испускать зеленый свет, как не может раскалиться дозелена кусок металла. Что-то заслоняло их, искажало их свечение, будто пропуская его через цветное стекло. Это что-то забирало энергию спектра на частоте хлорофилла. Свет шел сквозь растительную завесу, и звезды мерцали, будто фонари в лесу. Саранча превращала Галактику в джунгли.

Настало время поговорить. Пора было, как в старых пьесах погибших островитян, переходить к последнему акту, пока оба они не вышли в холодное межгалактическое пространство. Ирравель перебирала варианты, копаясь в своих коммуникационных системах, и наконец отыскала фразу достаточно древнюю, подходящую для такого формального случая.

Она направила на «Хидэёси» лазерное послание, которое должно было пробиться сквозь броню. Слабенький лазерный луч нельзя принять за атаку, только за попытку начать разговор. Ответа не последовало, но Ирравель отправляла послание снова и снова, в разных форматах, на разных языках. Минули дни по корабельному времени и десятилетия по общемировому.

Отвечай, гад!

Охваченная нетерпением Ирравель начала проверять свои боевые системы. Самыми мощными среди них были те, что она позаимствовала у гнездостроителей: теоретически они могли преодолеть вязкое пространство-время и нанести точный удар по любому отсеку «Хидэёси». Но сначала нужно было убедиться, что она понимает внутреннее строение корабля. Датчики массы давали размытую картину. Вместо того чтобы повредить узлы поля, можно случайно нанести вред спящим. До сих пор Ирравель даже не рассматривала такую рискованную возможность.

Но любой игре приходит конец.

Затолкав поглубже свои опасения, Ирравель активировала боевую систему гнездостроителей и почувствовала, как искажается пространство-время внутри «Иронделли», готовое вот-вот замкнуться. Она выбрала место для удара, рассчитав, что он должен необратимо повредить корабль, но не уничтожить его.

И тут кое-что произошло.

Он ответил – при помощи корабельной тяги. Короткими отрывистыми сигналами на аудиочастоте. Ирравель быстро расшифровала сообщение.

– Не понимаю, – говорил Маркарян, – почему ты так долго молчала. Я сразу ответил, а ты так долго игнорировала меня.

– Ты ответил только сейчас. Я бы узнала, случись это раньше.

– Уверена?

Что-то в его тоне убедило Ирравель: он не лжет. А значит, пытался обратиться к ней и раньше, но почему-то ее собственный корабль это от нее скрывал.

– Это Мирская, – решила Ирравель. – Наверное, она установила фильтры, блокирующие любые сообщения с твоего корабля.

– Мирская?

– Видимо, хотела оказать мне услугу, а может, выполняла приказ предыдущей меня. – Ирравель не стала вдаваться в подробности: Маркарян и так наверняка знал, что она умерла, а потом возродилась в виде клона. – Предыдущая я подверглась нейрообработке, из-за которой нельзя было не преследовать спящих. У этого клона ее нет, а значит, мои устремления нужно было подстегнуть.

– При помощи лжи?

– Мирской наверняка двигали дружеские чувства, – ответила Ирравель.

На мгновение она даже поверила в это, хотя ей было непонятно, почему дружеские чувства так походят на предательство.

Образ Маркаряна улыбнулся. Они сидели друг напротив друга за неимоверно длинным пиршественным столом, над которым в свете люстр мерцала проекция Галактики.

– Ну и? – спросил Маркарян, имея в виду расползающееся по галактической спирали зеленое пятно. – Что думаешь?

Ирравель уже давно не вела счет времени и расстоянию, но понимала, что прошло по крайней мере пятнадцать тысяч лет и столько же световых лет с тех пор, как они повернули от галактической плоскости. Где-то на подсознательном уровне она знала: хотя пятно и заглатывает солнца, пульсары ему не нужны, и по их размеренному мерцанию и медленному угасанию можно с жуткой точностью провести позиционные вычисления в пространстве и времени. Это знание Ирравель предпочла похоронить где-то под слоем сознательных мыслительных процессов – жонглеры образами с легкостью проделывали такой простейший трюк.

– Что думаю? Думаю, что меня это сильно пугает.

– Наши эмоциональные реакции различаются не так сильно, как я боялся.

У них не было нужды прибегать к языку. Корабли

обменивались чистыми ментальными концептами – последовательными цепочками первичных ощущений, многие из которых способен был понять лишь разум, переделанный жонглерами. Ирравель было довольно и того, что они с Маркаряном могли, не дрогнув, смотреть друг другу в глаза.

Сначала уплывающая вниз Галактика застыла во времени: световые волны тщетно пытались настичь Ирравель и Маркаряна. Пятно словно замедлилось, потом замерло совсем. Но Маркарян повернул, направив корабль обратно к галактической плоскости. И Галактика ожила, задвигалась, торопясь наверстать те тридцать тысяч лет, которые прошли перед их возвращением. Пятно рванулось вперед. Один из завитков звездной спирали над пиршественным столом стремительно окрасился зеленым, словно на промокашку упала капля зеленых чернил. Край пятна был неровным, его окаймляло нечто вроде нежно-зеленой бахромы.

– Ты сделал какие-то выводы? – спросила Ирравель.

– Несколько. – Маркарян отпил из своей чаши. – Я изучил звездный свет тех солнц, которые уже поглотило пятно. Он не однородно зеленый, есть корреляция с углом вращения. Зеленое вещество, видимо, сконцентрировано рядом с эклиптикой, расширяется над и под ней, но не закрывает звезды целиком.

Ирравель вспомнила то, что показывал ей гнездостроитель.

– И что же это значит? – спросила она, испытывая Маркаряна.

– Мириады светопоглощающих тел на орбитах, напоминающих орбиты комет или астероидов. Думаю, саранча разрушила все планеты, чей размер не превышал размер юпитерианских, потом окутала осколки прозрачной мембраной, наполнила образовавшиеся пузыри воздухом, водой и растительностью, и получились устойчивые самообеспечивающиеся биосферы. Их запустили в свободный полет. Миллиарды крошечных миров вокруг каждой звезды. Скальных планет больше не существует.

Ирравель извлекла из глубин памяти старинное словосочетание:

– Дайсоновские сферы?

– Вернее сказать, дайсоновские облака.

– Думаешь, кто-нибудь выжил? Могут ли внутри этого пятна существовать люди? Ведь именно такова была первоначальная цель саранчи – создавать жилую среду.

– Возможно, – ответил Маркарян без уверенности, – кто-то из выживших и сумел пробраться внутрь ближайшего пузыря, когда его родной мир разбивали на куски…

– Но ты сомневаешься?

– Я уже давно слушаю, Ирравель, сканирую поглощенные

области в поисках любого намека на технологическую культуру. Если выжившие и есть, они либо стараются не привлекать к себе внимания, либо не в состоянии воспроизвести радиосигнал даже случайно.

– Это я виновата, Маркарян.

– Да, – грустно ответил он. – Я не мог не прийти к такому же выводу.

– Я не хотела.

– Думаю, это и так понятно. Никто не смог бы предугадать последствия этого действия.

– А ты?

Он покачал головой:

– Вероятно, я бы сделал на твоем месте то же самое.

– Я сделала это из любви, Маркарян. Из любви к грузу.

– Знаю.

И она ему поверила.

– Что тогда случилось, Маркарян? Почему ты сдал коды, когда я не поддалась?

– Из-за того, Ирравель, что они сотворили с тобой.

И Маркарян рассказал. Как на допросе у Мирской ни он, ни Ирравель не выдали коды, и тогда пираты решили испробовать нечто новое.

– У них были прекрасные хирургические навыки. Подчиненные Семерки обменивались руками, ногами и другими частями тела как знаками отличия. Великолепно умели отсекать и соединять нервы. – Ирравель хотела перебить его, но Маркарян не дал: – Они отрезали твою голову, а потом такой вот, живой, на грани сознания, показали ее мне. Вот тогда я и выдал коды.

Ирравель долго молчала. А потом ей пришло в голову проверить свое старое тело, все еще лежавшее в криокапсуле, которую ей когда-то показывала Мирская. Ирравель велела нескольким корабельным детям приготовить труп к осмотру, а потом взглянула их глазами. Очень трудно было заметить, если точно не знать, куда смотреть, микроскопические следы на шее – там, где голову отсекли, а потом снова приладили на место. Но следы действительно были.

«Я это сделал, чтобы спасти твою шкуру», – сказал Маркарян тогда на ледяном панцире корабля Семерки.

– По всей видимости, ты не лжешь, – признала Ирравель, отпустив детей. – Твое предательство… – она запнулась, подыскивая слова, а Маркарян ждал, наблюдая за ней через стол, – иной природы, чем я полагала. Вероятно, так оно меньше похоже на преступление. Но это все равно предательство, Маркарян.

– И я жил с ним триста лет субъективного времени.

– Ты мог в любой момент вернуть мне спящих. Я бы не стала нападать.

Но даже ей самой эти слова показались неубедительными.

– И что теперь? – спросил Маркарян. – Будем держать дистанцию, пока кто-нибудь не наберется храбрости и не нападет? У меня, Ирравель, тоже есть оружие гнездостроителей. Думаю, я вполне могу порвать тебя в клочья, а ты не успеешь ответить.

– Ты мог сделать это и раньше. Видимо, тебе не хватило духу. Что же изменилось теперь?

– Все. – Маркарян взглянул на карту. – Думаю, нужно посмотреть, что произойдет дальше, прежде чем принимать необдуманные решения. А ты как считаешь?

Ирравель согласилась.

Волевым усилием она погрузила себя в стазис: наномеды прекратили биологические процессы во всех клетках тела. Ее вернут к жизни, как только произойдет что-нибудь – что угодно – значимое в масштабах Галактики. Маркарян тоже перешел в удобную для него форму анабиоза, дожидаясь такого же стимула для пробуждения.

Когда время возобновило свой бег, он все еще сидел за столом, как будто беседа прервалась лишь на мгновение.

Зеленое пятно разрослось еще сильнее. Оно сожрало участок Галактики в радиусе десяти тысяч световых лет от Солнца, преодолев треть пути к центру. По всей видимости, никакого сопротивления оно не встретило, или же просто ничто не могло ему помешать. Как однажды сказал Ирравели живший в раковине гнездостроителя слизняк, в Галактике всегда было мало разумных культур, чьи представители могли перемещаться между звездами. Быть может, кто-то среди этих немногих прямо сейчас обдумывал, как замедлить пятно. А может, оно поглотило их всех, как поглотило человечество.

– Почему мы проснулись? – спросила Ирравель. – Ничего не изменилось, разве что пятно увеличилось.

– Может, и изменилось, – отозвался Маркарян. – Мне нужно было удостовериться, но теперь исчезли последние сомнения. Я только что поймал радиосигнал из галактической плоскости, изнутри пятна.

– Да?

– Видимо, кто-то все-таки выжил.

Сигнал был слабым, но на его частоте и соседних частотах больше ничего не транслировалось, слышны были только фоновые космические шумы. К тому же Ирравель с Маркаряном

знали этот язык.

– Каназиан, – сказал Маркарян.

– Фандский диалект, – удивленно добавила Ирравель.

Сигнал шел в их направлении откуда-то из глубины зеленой массы, его источник почти совпадал с позицией пульсара. Послание было простым и повторялось на частоте в диапазоне полутора мегагерц несколько минут каждый день по галактическому времени. Тот, кто его посылал, явно не обладал ресурсами, чтобы вести непрерывную передачу. Однако сигнал был вполне разборчивым – усиленным и направленным.

Кто-то желал с ними поговорить.

Над обеденным столом появилась человеческая голова, составленная из пикселей. Лицо было невероятно старым, череп словно пергаментом обтянут. Казалось, перед ними предстала мумия.

Ирравель узнала лицо.

– Это он, – сказала она. – Ремонтуар. Каким-то образом дожил до этого дня.

Маркарян медленно кивнул:

– Наверное, вспомнил нас и догадался, где искать. Мы все еще видны, даже через тысячи световых лет. Вряд ли в мире осталось так уж много объектов, движущихся с релятивистской скоростью.

Ремонтуар рассказал свою историю. Двадцать тысяч лет назад (намного больше для Маркаряна и Ирравель, поскольку сигнал тысячи лет шел к ним через Галактику) его народ укрылся в системе пульсара. Как и множество других людских сообществ, они видели надвигавшееся пятно; как и многие другие, понимали, что оно не трогает пульсары – выгоревшие звездные оболочки, вокруг которых редко попадаются планеты. Подобие разума, управлявшее пятном, видимо, сознавало, что пульсары бесполезны: даже если удастся создать вокруг такой звезды дайсоновское облако, там не хватит солнечного света, чтобы сфокусироваться на нем.

Вот уже тысячи лет они ждали, затаившись возле пульсара, действовали как можно осторожнее, стараясь не привлекать внимания, смотрели, как другие цивилизации совершают ошибки и привлекают к себе пятно. Ведь теперь оно расценивало любой разум как угрозу и быстро приспосабливало для себя оружие, которое использовали против него.

Затем в течение долгих тысячелетий народ Ремонтуара наблюдал, как пятно обучалось и адаптировалось, будто огромная нейронная сеть. В конце концов оно заинтересовалось теми немногими пульсарами, вокруг которых вращались планеты.

Люди поняли, что в скором времени их убежище будет раскрыто.

– Помогите нам, – просил Ремонтуар. – Пожалуйста.

Три тысячи лет понадобилось пятну, чтобы добраться до них.

Все это время народ Ремонтуара жил одной лишь верой, ведь сочленители не знали, идет ли к ним помощь. В первую тысячу лет они покинули систему, ужав свое сообщество до минимально необходимого ядра в несколько сотен тысяч человек. Немногочисленные уцелевшие перенесли культурный материал, который им удалось сохранить за долгие века борьбы с пятном, в полое каменное тело и с помощью разгонного двигателя направили его подальше от галактической плоскости, используя в качестве топлива сам камень. Импровизированный корабль назвали «Надеждой». Сочленителям пришлось прибегнуть к миллионам разных уловок, чтобы провести «Надежду» через осаждавшие их орды саранчи.

Почти все пассажиры «Надежды» две тысячи лет провели в одиночестве в криосне, пока до них не добрались Ирравель и Маркарян.

– Из «Надежды» получится превосходный щит, – сказал Маркарян, когда они были уже близко, – если вдруг кто-то из нас решится нанести упреждающий удар…

– Не думай, что я на такое не способна.

«Ирондель» и «Хидэёси» расположились по обеим сторонам от темного каменного осколка, подготовили поля для захвата, приблизились.

– Почему же ты этого не сделала?

Ирравель не сразу нашлась с ответом. А потом все поняла и удивилась, как это он не пришел в голову раньше.

– Потому что месть нужна мне меньше, чем мы нужны им.

– Высшая цель?

– Искупление.

«Надежда», галактическая плоскость – около 40 000 г. н. э

Времени было в обрез. Приближаясь с севера Галактики, они привлекли внимание саранчи и направили ее прямо к маленькому, но столь важному обломку скалы. Пятно аннигиляции надвигалось на скорости, равной половине скорости света. Когда оно достигнет «Надежды», скала превратится в темнейшую из туманностей.

Сочленители взошли на «Ирондель» и пригласили Ирравель на «Надежду». После всех тех десятилетий субъективного времени, которое прошло с момента последней планетной

высадки, вырезанные в скале залы показались ее детям райским местом. Но этот рай был обречен. Заброшенные биомы посерели, будто сочленители уже давно махнули на все рукой.

Рядом с высеченным в скале озером, поверхность которого была подернута серой пылью, Ирравель встретил Ремонтуар. Половина солнечных панелей, установленных на высоком ячеистом потолке, не работала.

– Ты пришла. – Облаченный в простую робу, он принадлежал к раннему виду сочленителей: его анатомия почти не отличалась от человеческой.

– Ты же не Ремонтуар? – спросила Ирравель. – Ты на него похож, голос такой же, но в полученном мной сообщении он был гораздо старше.

– Прошу прощения. Его имя выбрали потому, что оно вам знакомо, и меня сделали похожим на него. Мы выискали в наших общих воспоминаниях те, что принадлежали существу, некогда известному вам как Ремонтуар… Но он жил очень давно, и мы никогда не называли его этим именем.

– А как вы его называли?

– Даже ваша мозговая кора, Ирравель, измененная жонглерами, не сможет воспринять это имя.

Ирравель не могла не спросить:

– Он смог вернуться в сообщество себе подобных?

– Конечно, – ответил собеседник таким тоном, будто вопрос показался ему глупым. – Как иначе мы бы впитали его воспоминания в Транспросвещение?

– А он меня простил?

– Я вас прощаю прямо сейчас. Это то же самое.

И Ирравель заставила себя видеть в нем Ремонтуара.

В течение долгих тысячелетий, пока сочленители ждали возле пульсара, они не позволяли себе развиваться из страха, что любое, пусть даже самое незначительное социальное изменение будет замечено врагом. Они изучали пятно, просчитывали, какое оружие можно против него использовать, но больше не предпринимали ничего, только ждали.

Они очень хорошо умели ждать.

– Сколько беженцев вам удалось вывезти?

– Сто тысяч. – И Ремонтуар покачал головой, предвосхищая вопрос. – Я знаю, это слишком много. Возможно, на ваших кораблях удастся разместить лишь половину. Но половина – лучше, чем ничего.

Ирравель вспомнила своих спящих:

– Согласна. Может, удастся взять и больше… Про Маркаряна не знаю, но…

– Думаю, вам лучше пройти со мной, – вежливо перебил Ремонтуар и отвел ее на борт «Хидэёси».

– Насколько тщательно вы тут все изучили?

– Достаточно тщательно, чтобы понять, что на борту этого корабля живых нет, – ответил Ремонтуар. – Если тут и содержатся спящие, мы их не нашли.

– Спящих нет?

– Только один.

Они подошли к возвышению, на котором стояла криокамера. Его украшала золотая скульптурная композиция: силуэты в скафандрах со сложенными на груди руками, будто упокоившиеся с миром святые. По стеклянной крышке капсулы змеились трещины, а внутри лежало неимоверно древнее иссохшееся тело. Скелет Маркаряна покрывали слои машин, судя по виду, – очень старых. Из раскуроченного черепа, будто лава, исторглась оплывшая масса.

– Он мертв? – спросила Ирравель.

– Смотря что понимать под словом «мертв». – Сочленитель провел рукой над крышкой. – По всей видимости, его органический разум был полностью поглощен машинами уже много веков назад. Его связь с «Хидэёси» стала абсолютной. Теперь уже невозможно разграничить его и корабль.

– Почему он не сказал мне о том, что с ним случилось?

– Неизвестно, знал ли он сам. Когда Маркарян оказался в этом состоянии, его личность целиком переместилась в машинную среду. Он мог подкорректировать собственные воспоминания и единицы восприятия, чтобы убедить самого себя, что он все еще во плоти.

Ирравель отвернулась от капсулы, заставив себя выкинуть из головы тревожные вопросы.

– Личность Маркаряна все еще управляет кораблем?

– Мы обнаружили только обслуживающие программы, способные при необходимости его сымитировать, но они неразумны.

– И больше ничего?

– Не совсем. – Ремонтуар протянул руку и через самую большую трещину в крышке вытащил что-то из пальцев мертвеца.

Это была полоска компьютерной памяти.

– Мы изучили это, хоть и не очень подробно. Память разбита на сто девяносто областей, в каждой из них достаточно места для полной нейро- и генетической схемы одного человека, закодированной в наложенных электронных состояниях ридберговских атомов.

Ирравель взяла у него память. С виду ничего особенного.

– Он записал спящих сюда?

– Никто из них не рассчитывал проспать даже триста лет. Сканируя их, Маркарян ничего не терял.

– Вы сможете вернуть их к жизни?

– Это непростая задача, – ответил сочленитель, – но если у нас будет достаточно времени, возможно, все получится. Вот только обрадуется ли кто-нибудь из них появлению на свет так далеко от дома?

Ирравель подумала о простиравшейся перед ними зараженной Галактике, вибрирующей от гула холодного машинного разума.

– Возможно, самое гуманное решение – симулировать прошлое, – сказала она. – Воссоздать Йеллоустон и воскресить их там, как будто ничего плохого и не случалось никогда.

– Вы предпочитаете такой вариант?

– Нет, – решила Ирравель, взвесив все за и против. – Нам понадобится все возможное генетическое разнообразие, если мы собираемся основать новую ветвь человеческой цивилизации за пределами Галактики.

Она еще раз все взвесила. На «Надежду» обрушится волна саранчи, неразумной, как прущее напролом стадо, и разрушит ее. Часть машин, возможно, устремится вслед за «Иронделем», но пока они двигаются слишком медленно. Им не настичь корабль, даже если они и сумеют загнать его обратно на север Галактики.

Куда еще можно податься?

Высоко над Галактикой располагались звездные скопления – тесно сбившиеся старые звезды, до которых пятно еще не добралось. Возможно, среди них укрылись остатки человечества. Если там осесть не удастся, остаются еще звезды в высоких широтах. Они отделились от Галактики миллиард лет назад, и, возможно, какие-то из них утянули за собой свои планетарные системы. Если и там ничего не выйдет – а чтобы исчерпать все возможные варианты, потребуются десятки тысяч лет, – «Ирондель» всегда может заложить петлю и устремиться на галактический юг, к Магеллановым облакам. В конце концов – разумеется, если кто-нибудь из детей Ирравели все еще будет цепляться за свою человеческую природу и не забудет, откуда они явились и что стало с их миром, – они захотят вернуться в Галактику, даже если при этом придется бросить вызов зеленому пятну.

Они вернутся.

– Значит, таков план? – спросил Ремонтуар.

Ирравель пожала плечами и отвернулась от постамента, на котором лежал Маркарян:

– Разве что у вас есть план получше.

Послесловие [23]

К СБОРНИКУ «НА СЕВЕРЕ ГАЛАКТИКИ»

Перед вами восемь повестей и рассказов (и больше ста тысяч слов), действие которых происходит в одной вселенной. К этой же самой воображаемой вселенной принадлежат еще две повести и четыре романа (немногим менее миллиона слов). И я планирую написать о ней и другие произведения.

Могу признаться, что мне нравятся истории будущего.

Первой такой историей, которая попала в мои руки, оказался цикл Ларри Нивена «Известный космос». Мне было около пятнадцати лет (то есть я, видимо, как раз и принадлежал к подходящей целевой аудитории). Я начал читать его рассказы и романы, вписанные в одну хронологическую последовательность, – сначала «Мир-кольцо», а потом сборник «Известный космос», – и погрузился в головокружительный водоворот мест и эпох. В каких-то произведениях (а некоторые из них описывали события даже более ранних лет, чем те годы, когда я это читал) человечество еще не успело выйти за пределы Солнечной системы и почти ничего не знало об инопланетных культурах. В каких-то действие происходило спустя несколько столетий, когда основывались колонии в звездных системах. Другие повествовали о той эпохе, когда люди уже летали на кораблях со скоростью выше световой, умели телепортироваться, обладали оружием, способным разрушать планеты, и сверхпрочными материалами, а также вступали в контакт с разнообразными инопланетными расами.

На первый взгляд не было заметно, что во всех рассказах Нивена речь идет об одной и той же вселенной. Но все же связь между ними прослеживалась, и половина удовольствия от чтения заключалась как раз в том, чтобы ее отыскать. Как будто меняешь масштаб, отодвигаешься подальше от отдельных сюжетов – и они оказываются цветными стеклышками в большой мозаике. А затем перед тобой вдруг проявляется общая картина – та более значительная композиция, над которой работал автор. И едва ли важно, что не все детали идеально подходили друг другу или что некоторые рассказы Нивен впихнул в свою матрицу уже после их первоначальной публикации. Все равно оставалось это ощущение от будущего как от чего-то густонаселенного, хаотичного, то и дело внезапно ускоряющегося и сворачивающего непонятно куда.

Вот это представление об истории будущего как о единой

вымышленной сущности, намного превосходящей по размеру совокупность ее частей, всегда оставалась со мной, и во многом именно поэтому мне так нравится этот жанр. Зачастую его принижают, списывая все на лень: мол, зачем изобретать новый мир, когда можно взять готовый из уже написанной книги. Не соглашусь. Как по мне, написать вторую историю об уже существующей вселенной обычно сложнее, чем создать новую с нуля. Приходится работать при заданных правилах, а это серьезно ограничивает писательскую свободу. Коль скоро в первой истории вы упомянули изменившее мир изобретение, оно должно войти в текстуру второй, если только действие этой второй хронологически не происходит раньше. В последнем случае во второй истории нельзя упоминать детали, противоречащие логике первой. Когда вы пишете восьмое или девятое произведение для такого вот цикла, в вашем воздушном пространстве уже не протолкнуться. В определенный момент достигается порог, когда запихнуть что-то новое в хронику становится так дьявольски сложно, что писатель может все бросить и переключиться на что-нибудь другое. Думаю, всегда самое сложное – понять, добрался ли ты до этого порога.

В разных историях будущего непротиворечивость в деталях соблюдается в разной степени. Одна крайность – это, например, вселенная «Звездного пути», когда авторы задним числом охотно переосмысливают какие-то детали более ранних эпизодов, даже если при этом возникает противоречие. Другая крайность (полагаю, это свойственно почти исключительно литературной фантастике) – когда писатели яростно блюдут соответствие. Публикуемые ими работы – лишь верхушка айсберга, за ними скрывается огромный частный архив со всеми данными по вселенной, и, чтобы написать новую историю, нужно непременно с монашеским прилежанием сверять каждую мелочь с этой незнакомой читателю библией. Я восхищаюсь теми, кто настолько привержен писательскому мастерству, но сам так не делаю. Мои истории похожи на плохо собранный пазл. Иногда даже кажется, что некоторые фрагменты вообще из другого набора. Скорее всего, читателю придется подрезать несколько уголков, а потом нажать посильнее, чтобы все встало на свои места. Моя библия – один маленький вордовский файл со схематичной хронологией плюс сами романы и рассказы. Если я пишу историю и мне подворачивается деталь, как-то связанная с чем-то, что я вроде бы описывал где-то в «Городе Бездны», я постараюсь найти соответствующую страницу. Но если не найду, особенно убиваться не стану. Такое мое отношение сродни тому, что и у Джона Варли, который отказался перечитывать свой цикл

«Восемь миров» перед тем, как сел писать «Стальной пляж».

Рассказы и повести в этом сборнике я постарался расположить в хронологическом порядке: описанные в «Великой Марсианской Стене» события происходят через каких-то двести лет от настоящего момента, а действие последней повести «На севере Галактики» охватывает почти всю историю будущего и на всех парах устремляется еще дальше. Но хронологический порядок имеет мало отношения к порядку написания. Наглядный тому пример – «Сон в растяженном времени». Из всех рассказов сборника он был опубликован первым: я пристроил его в восемьдесят девятом году, а увидел напечатанным в девяностом – за целых десять лет до моего первого романа. Своими корнями он уходит еще на десять лет назад: в подростковом возрасте я написал два романа (раз уж вам очень любопытно, они назывались ««A Union World» и «Dominant Species») и целую кучу рассказов; все они входили во вселенную, беззастенчиво смахивающую на вселенную Нивена, где человечество, которым правит Организация Объединенных Наций, вступает в контакт с целым зверинцем инопланетных рас и узнает секрет перемещения со скоростью, превышающей скорость света. Я никогда не пытался их публиковать (хоть и втюхивал почитать многострадальным друзьям), но это был очень ценный опыт. Поскольку к восемнадцати годам я написал два умеренно длинных романа, мысль о создании еще одного меня уже не пугала, и вплоть до сегодняшнего дня у меня неплохо получалось заканчивать начатые проекты; мне кажется, это весьма недурственная привычка для любого подающего надежды писателя.

Но уже ко второму роману меня начали раздражать все те заведомые допущения, которые шли в дело. Я пообещал себе в следующий раз намного серьезнее подойти к повествованию и воздержаться от таких элементарных уловок, как антропоморфные инопланетяне, удобным образом похожие на Землю планеты и волшебные путешествия на скорости, превышающей световую. Мой следующий роман должен был меньше заимствовать из кинофантастики и больше из того, что я читал, в том числе из научной публицистики, например из Пола Девиса, Джона Гриббина и Карла Сагана. Но те первые романы и рассказы не пропали даром. Некоторые из упоминаемых там мест, терминов и персонажей перекочевали во вселенную «Пространства Откровения», иногда в измененном виде, иногда нет. Йеллоустон и Город Бездны (фоновые элементы в «Сне в растяженном времени») вышли прямиком из того первого неопубликованного романа.

Вообще-то, «Сон в растяженном времени» – рассказ,

которому, придерживайся я скрупулезного подхода, не нашлось бы места в этом сборнике. Это тот самый кусочек из другого пазла: я его сделал еще до того, как у меня выкристаллизовались все детали полномасштабной истории. Но отчасти именно поэтому я решил его сюда включить. Мне кажется, тут интересно посмотреть именно на черты сходства с другими произведениями данного цикла, а не на расхождения. В этом рассказе упоминаются миры-колонии, между которым курсируют корабли со скоростью меньшей, чем световая, а еще Йеллоустон и плавящая чума и даже есть отсылка к семейству Силвест (да-да, я уже тогда знал, что его весьма амбициозный отпрыск по имени Дэн натворит немало дел). Я мог бы подправить этот рассказ и убрать бросающиеся в глаза несоответствия, например поменять космовиков на ультранавтов и т. п., но в конце концов решил, не без некоторых сомнений, оставить все как есть.

Читатель может полюбопытствовать, почему после публикации «Сна в растяженном времени» я еще семь лет не возвращался ко вселенной «Пространства Откровения». Не то чтобы я не пытался. Но написанное произведение всегда оказывалось недостаточно хорошим для публикации, даже притом, что другие мои вещи продавались влет. Самые мощные идеи из тех мертвых историй я постепенно выловил и перетащил в другие книги, не обязательно входящие в цикл «Пространство Откровения». Как бы то ни было, «Сон в растяженном времени» и целую кучу других рассказов я написал еще до того, как перебрался в Нидерланды и устроился на свою первую официальную работу. Когда обживаешься в новой стране, времени на писательство неизбежно становится меньше. Но когда все же удалось выкроить немного, я счел наиболее целесообразным все мои силы вложить в роман.

К тому моменту, когда я закончил «Шпиона на Европе» и «На севере Галактики» (а их я писал параллельно с «Пространством Откровения» и «Городом Бездны»), у меня уже вырисовывалась полномасштабная архитектура будущего. И вот вам шокирующее признание: многие хорошие идеи я стащил у других писателей. Нивена и Варли я уже упоминал, но точно в такой же степени я обязан Брюсу Стерлингу, чей цикл «Шейперы и механисты» вынес мне мозг во многих смыслах этого слова. Хотя история будущего у Стерлинга состоит только из одного романа и нескольких рассказов, она даже через двадцать лет после первого прочтения кажется мне совершенно правдоподобной. С одной стороны, очень бы хотелось, чтобы Стерлинг написал еще что-нибудь для этого цикла, а с другой – я восхищаюсь им именно потому, что он этого не делает. Если вы еще не прочли «Схизматрицу», найдите

для этого время, и вас хорошенько шибанет.

Технические концепты моей вселенной (путешествия со скоростью меньшей, чем скорость света, криосон, машинный разум) во многом опираются на идеи и мотивы Грегори Бенфорда, особенно на его цикл «Центр Галактики», начиная с «В океане ночи» и «По морю солнц». Мое восхищение астронавтами-киборгами (и вообще баро́чными атрибутами космической оперы) зародилось в тот далекий период, когда мне в руки попала прорывная «Нова» Сэмюэла Дилэни.

Демархисты, клика, которая играет главную роль почти во всей моей истории будущего, – не мое изобретение. Об обществе демархистов написала в своем замечательном динамичном романе «Изгнанники Небесного Пояса» Джоан Виндж. Это реально существующий политический термин – компрессив словосочетания «демократическая анархия», но первый раз я встретил его именно у Виндж. Демократия ее демархистов работала за счет компьютерных сетей, а мои используют нейроимплантаты, чтобы принимать решения быстро и на подсознательном уровне.

Другая фракция – сочленители, тоже не совсем новое изобретение. Наверное, тут я немного опирался на Комбин – коллективный разум из романа Майкла Суэнвика «Вакуумные цветы». В ранних рассказах, где упоминается Клавэйн (они есть в этом сборнике), я пытался влезть в головы моим сочленителям и представить себе внутреннее устройство реалистичного коллективного разума. Почти во всех сочленителях, которых я описал хоть сколько-нибудь подробно, как и в самом Клавэйне, имеется некое несовершенство – остаточная связь с обычным человечеством. Сочленители – моя попытка изобразить коллективный разум, который не обязательно является злом.

Ультранавты, киборги, управляющие почти всеми межзвездными кораблями в моем цикле, видимо, представляют собой некоторую вариацию Борга из «Звездного пути» – если бы Борг проникся нездоровым интересом к субкультуре готов. Концепцию изящных обтекаемых межзвездных кораблей я почерпнул в книге Маршалла Т. Сэвиджа «Проект тысячелетия»; эта публицистическая работа посвящена колонизации Галактики. Не знаю, укладываются ли аргументы Сэвиджа в непротиворечивую картину (наверное, нет), но мне очень понравилась идея перевернуть классическое клише из научной фантастики – корабль, спроектированный исключительно для функционирования в неприхотливом вакууме. Даже если создавать обтекаемый корпус и не особенно целесообразно (хотя выглядело бы это обалденно), все равно, думается мне, сечение

столкновения нужно сделать как можно меньше, а значит, межзвездный корабль будущего должен быть вытянут в длину, а не в ширину. Еще Сэвидж рисует великолепную и ужасающую картину трансформированных солнечных систем из далекого будущего: на орбитах звезд бесчисленные обитаемые астероиды, на каждом полно́ преобразующей солнечный свет растительности, из-за чего звездный свет становится зеленым. Эта идея всплывает в «На севере Галактики» и «Пропасти Искупления». Что касается названий кораблей – я никому не уступлю в своем восхищении работами Иэна Бэнкса, но исключительно для протокола: трудночитаемые названия моих кораблей – прямое заимствование из «Устройства с Центавра» М. Джона Харрисона, а не из «Культуры» Бэнкса.

Ладно, не хочу, чтобы у кого-нибудь создалось впечатление, что я содрал вообще все. Но свои долги нужно признавать, а мои долги таковы, что все здесь и не поместятся. Не могу не упомянуть Пола Макоули и Стивена Бакстера: эти два писателя сотворили собственные истории будущего и оба проявили огромное великодушие по отношению ко мне, когда я только начинал. Их рассказы в британском НФ-журнале «Interzone» (рассказы с космическими кораблями, что сильно расходилось с тогдашними тенденциями «Interzone») вдохновили меня, и я рискнул послать туда собственные работы. А Дэвид Прингл стал тем человеком, который взаправду взял кое-что из моих ранних рассказов, в том числе «Сон в растяженном времени» и еще два из опубликованных здесь («Шпион на Европе» и «На севере Галактики»), – именно ему я посвящаю эту книгу. У меня вовсе нет уверенности, что, если бы тогда, в самом начале, эти рассказы не попали в журнал, я бы не бросил свои попытки стать писателем-фантастом, так что в этом смысле всем, что случилось потом, я обязан Дэвиду и остальным сотрудникам «Interzone». Кстати говоря, журнал по-прежнему жив-здоров, так что если вам нравятся фантастические рассказы (а если не нравятся, зачем вы читаете эту книгу?), то вы вполне можете оформить подписку.

В конце концов, если вам понравились мои произведения, если вам по душе истории будущего, есть тьма-тьмущая других прекрасных работ разных писателей в этом жанре. Надеюсь, открывая их для себя, вы получите не меньше удовольствия, чем получил я.

Читайте истории будущего и радуйтесь.

К ПОВЕСТИ «АЛМАЗНЫЕ ПСЫ»

Я никогда не добивался значимых успехов, но некоторое время занимался скалолазанием. Именно так я познакомился со своей будущей женой, которая тоже увлекалась горами (у нее, в отличие от меня, получалось гораздо лучше). Мне до сих пор нравятся горные прогулки, но от скалолазания как такового я отказался, хотя по-прежнему получаю несказанное удовольствие, читая о покорителях горных вершин и альпинистских экспедициях. Практически каждый год среди лучших книг, прочитанных мною, присутствуют книги по альпинизму. Еще я обожаю документальные фильмы об Эвересте, К-2, Эйгере и прочих вершинах. Как-то раз, за просмотром очередного такого фильма, я задумался об особой притягательности опасных мест, о складе мышления, побуждающем альпиниста возвращаться в горы год за годом, пускай он сознает, что играет в смертельную игру, где на кону его собственная жизнь, где его подстерегает множество угроз, от обморожения до переломов и гибели. Отсюда оказалось рукой подать до научно-фантастической идеи: инопланетный артефакт безжалостно карает тех, кто пытается раскрыть его тайны, однако привлекает нескончаемый поток добровольцев, жаждущих испытать судьбу.

В фантастике об этом писали много и часто, потому я должен выразить дань уважения Алгису Будрису, первопроходцу и автору романа «Злая Луна». В моем тексте ситуация рассматривается под иным углом зрения, но сюжетное сходство налицо, а потому будет справедливо назвать источник моего вдохновения. Кроме того, я позволил себе вставить в текст несколько отсылок к фильмам «Куб» и «В поисках потерянного ковчега». Пожалуй, не удивительно, что эти отсылки опознали почти все читатели, зато никто не связал мою повесть со «Злой Луной» Будриса.

Закончив черновик, я решил, что вышло неплохо. Но Питер Краутер, заказавший мне эту повесть, счел, что концовка должна быть еще мрачнее. Он предложил мне несколько вариантов развития событий, и в итоге получилось, должен признать, действительно лучше. В ходе работы я читал Эдгара По, а также Роберта Браунинга, и мне очень приятно, что одноименная песня Дэвида Боуи тоже ссылается на Браунинга[24] – пусть совсем на другого.

К ПОВЕСТИ «БИРЮЗОВЫЕ ДНИ»(Из интервью онлайн-проекту «Diamond Dogs Revisited», 2014)

Эта повесть была написана по заказу одного малого издательства, и я изначально не собирался публиковать ее вместе

с «Алмазными псами». Но в тексте обнаружились, несколько неожиданно для меня самого, отсылки к первой повести, и стало понятно, что под одной обложкой оба произведения будут смотреться органично.

Очевидно, что вторая повесть принципиально отличается по тональности и стилистике, в ней уделяется намного меньше внимания ужасам бытия и упадку технологий. Припоминаю, что заканчивал ее в жуткой спешке, сидя в номере отеля в португальском городе Порту, и страшно обрадовался, когда наконец поставил финальную точку и понял, что теперь с чистой совестью могу выйти на улицу и насладиться стаканчиком портвейна.

К ПОВЕСТИ «ПОСЛЕДНИЙ ЭКИПАЖ „ЛАКРИМОЗЫ“»

Мне постоянно приходится объяснять, что история «Пространства Откровения» далека от завершения, но в отсутствие новых романов единственный способ подтвердить слово делом состоит в написании повестей. До этой повести я опубликовал «Ремонтный скафандр» (2009), так что явно приспело время сочинить что-то свеженькое. История вызревала долго и мучительно, на протяжении нескольких лет. Вероятно, у читателей иногда складывается впечатление, что я нарочно воздерживаюсь от возвращения в «Пространство Откровения», но такое мнение совершенно не соответствует реальности. Дело в том, что эти сюжеты даются мне очень тяжело. «Пространство Откровения» огромно, охватывает тысячи лет, сотни миров и культур, но вот нарративное, творческое пространство – по крайней мере, из моего писательского кресла – видится сильно спрессованным. Кроме того, текстам необходима, как мне кажется, некоторая функциональная самостоятельность. Нужно исходить из предположения, что найдется минимум один читатель, не знакомый с другими твоими произведениями из этого цикла, а потому нельзя перегружать текст отсылками к другим персонажам и событиям твоей вселенной.

notes

Примечания

1

Перевод О. Ратниковой.

2

Кориолисова сила – сила, действующая на движущийся объект, который наблюдается во вращающейся системе координат. Такая сила действует, например, на воду в реках, текущих в Северном полушарии Земли. Под действием этой силы вода подмывает правый берег.

З

Предел Роша – радиус орбиты спутника, на котором приливные силы, вызванные гравитацией центрального тела, равны силам внутреннего сцепления спутника. Спутники, обращающиеся на орбитах ниже предела Роша, неустойчивы и разрушаются приливными силами.

4

Приливные силы возникают как разность сил тяготения, действующих на протяженное тело; разные части этого тела по-разному притягиваются возмущающим телом. Самым известным примером их действия являются приливы и отливы на Земле, откуда и произошло их название. Луна вызывает приливы не только в океанах, но и в коре Земли.

5

Перевод С. Удалина.

6

Перевод С. Удалина.

7

Перевод С. Удалина.

8

Перевод С. Удалина.

9

Перевод Е. Кисленковой и А. Маркова.

10

У корабля то же название, что и у композиции британской рок-группы «Kings Crimson».

11

Перевод С. Удалина.

УПД – установленный порядок действий.

13

Перевод А. Лактионова.

Платоново тело – правильный многогранник, обладающий пространственной симметрией. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

15

То есть в разных формах; для углерода это графит, алмаз, карбин и т. д.

16

Немецкий математик Т. Калуца в 1921 г. выдвинул гипотезу о существовании пятимерного пространства; обоснование компактности этого измерения предложил шведский физик О. Клейн (1925).

17

Перевод Г. Корчагина.

18

Перевод А. Лактионова.

19

Перевод А. Лактионова.

20

Английская рок-группа, популярная в 1980-х годах.

21

Перевод С. Абовской.

22

Перевод Д. Кальницкой.

23

Перевод Д. Кальницкой.

24

Имеется в виду американский актер Т. Браунинг, прославившийся ролью маньяка в фильме «Психопаты» (1932); отсылка к этому образу содержится в песне Д. Боуи.